«Русскій Архивъ» годъ XXXI-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1893

1.

Стр.
5. Паисій Лигаридъ. Статья **Г. А. Воробьева.**

33. О древностяхъ Селенгинска и Посольскаго монастыря на Байкалѣ. **В. Птицына.**

35. Инструкція **Арсенія Маціевича** Өедору-конюху. Съ предисловіемъ **А. А. Титова.**

39. Какъ умиралъ графъ Ө. В. Растопчинъ (письмо **А. Я. Булгакова** къ графу М. С. Воронцову).

42. Письма **митрополита Филарета** къ С. Д. Нечаеву. 1832.

49. Изъ воспоминаній и замѣтокъ **Д. В. Ильинскаго.**

73. Императоръ Николай Павловичъ. Записка **графини А. Д. Блудовой** (1850).

97. В. Н. Каразинъ. Записка объ изданіи «Отечественнаго Архива». 1828 (письмо къ М. П. Погодину).

Въ приложеніи:

Замѣчанія о Бессарабіи, Ф. Ф. Вигеля и Записки его (часть седьмая I—III).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1893.

Въ Конторѣ **РУССКАГО АРХИВА**

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175) получать можно:

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО.

Написано Государынею Императрицею Екатериною Второю. Съ снимкомъ ея почерка. Предисловіе П. И. Бартенева Цѣна **50** копѣекъ.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1881, 1884, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 получаются, со всѣми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 4 р., съ пересылкою по 5 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

Книги изданныя Русскимъ Архивомъ:

КАПИЩЕ МОЕГО СЕРДЦА. Сочиненіе **князя И. М. Долгорукова.** Новое полное изданіе. М. 1890. 403 стр. Цѣна 2 рубля съ пересылкою.

ЗАПИСКИ СТЕПАНА ПЕТРОВИЧА ЖИХАРЕВА. Новое полное изданіе. М. 1891. Цѣна 2 рубля съ пересылкою.

ЗАПИСКИ ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА ВИГЕЛЯ. Первыя двѣ части въ одной книгѣ. Новое полное изданіе. М. 1892. Ц. 2 р. 50 к. съ пересылкою.

Полное собраніе сочиненій **А. С. Хомякова.** Четыре тома. Цѣна каждому тому **3** р. съ перес. **3** р. **30** к.

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго.** Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева.** Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Н. М. Языкова.** Цѣна 40 коп.

Стихотворенія **А. С. Хомякова.** Съ портретомъ. Цѣна 30 к.

За пересылку каждаго изъ этихъ сборниковъ—5 коп.

Выписывающіе всѣ четыре книжки стихотвореній получаютъ ихъ съ пересылкою за **1 руб. 60 коп.**

Французское полное изданіе **Mémoires de la comtesse Edling,** demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'Impératrice Ëlisabeth Alexéewna. Малая 8-ка, 284 стр., на веленевой бумагѣ. Цѣна 3 рубля или 6 франковъ съ пересылкою. Получать можно въ Москвѣ, въ конторѣ „Русскаго Архива" (Садовая, д. 175). Въ Парижѣ: rue Bonaparte, 28, у Леру (Ernest Leroux).

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ ПЕРВЫЙ.

1893.

1.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ, въ концѣ третьей книги—общій для всего годоваго изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Къ отшедшимъ дѣятелямъ Исторіи слѣдуетъ относиться съ тѣмъ же чувствомъ, какое испытываешь входя въ комнату гдѣ покойникъ.

Слова Грановскаго.

1893.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1893.

ПАИСІЙ ЛИГАРИДЪ

(1662—1666)

Личность митрополита Паисія, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ въ исторіи и потому издавна уже останавливала на себѣ вниманіе ученыхъ. Едва ли не первый заговорилъ о Лигаридѣ митрополитъ Евгеній въ своемъ „Словарѣ о писателяхъ духовнаго чина“. Въ 1849 г. академикъ А. А. Куникъ увѣдомлялъ П. М. Строева, что для біографіи Паисія имъ собраны разныя Русскія и иностранныя свѣдѣнія (но что съ ними сталось и гдѣ они, неизвѣстно). Строевъ же, по свидѣтельству Я. И. Бередникова, приведенному въ книгѣ Н. П. Барсукова „Жизнь и труды П. М. Строева“ (СПБ. 1878, стр. 463), въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Кунику, сообщилъ „любопытныя замѣчанія о продѣлкахъ Паисія Лигарида“; къ сожалѣнію почтенный біографъ Строева не имѣлъ въ рукахъ помянутаго письма, и оно до сихъ поръ остается необнародованнымъ. Позднѣе архіепископъ Филаретъ и С. М Соловьевъ посвятили Паисію нѣсколько страницъ. Возражая послѣднему, Н. И. Субботинъ («Дѣло патріарха Никона») также коснулся личности Лигарида. Не обошелъ молчаніемъ Паисія и авторъ обстоятельнаго «Историческаго изслѣдованія дѣла п. Никона». Н. А. Гюббенетъ (СПБ. 1882). Наконецъ, особенно потрудились для исторіи Паисія Лигарида митрополитъ Московскій Макарій въ изложеніи тяжбы п. Никона (Истор. Рус. Цер., т. XII) и г. В. Пальмеръ въ сочиненіи The Patriarch and the Tzar (Патріархъ и Царь) London 1873; III-й томъ этого сочиненія весь посвященъ П. Лигариду *).

---

*) Къ сожалѣнію, обширное сочиненіе дьякона Пальмера о Никонѣ доселѣ у насъ не переведено. П. Б.

Зимою 1662 года Русскіе люди съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за распрею возникшей между двумя «великими государями»—прирожденнымъ государемъ, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и святѣйшимъ патріархомъ Всероссійскимъ Никономъ. Видимо было, что «тишайшій» царь началъ тяготиться значеніемъ своего любимца-патріарха. Враги Никона ловко воспользовались обстоятельствами, и довольно было ничтожнаго случая (царскій окольничій побилъ патріаршаго дворянина), чтобы простое недовольство между «собинными друзьями» выросло въ открытую вражду.

Прошло уже болѣе четырехъ лѣтъ, какъ Никонъ оставилъ патріаршій престолъ и заключился въ своемъ Новомъ Іерусалимѣ. Но, отказываясь возвратиться на Московскую каѳедру, онъ въ тоже время утверждалъ, что отъ самаго патріаршества онъ не отказался и настаивалъ на своемъ правѣ избрать себѣ преемника. Такимъ образомъ возникалъ трудный вопросъ: въ какомъ же отношеніи былъ бы новый патріархъ къ старому? Ясно было, что Русской церкви грозитъ опасное двоевластіе. Хотя вопросъ этотъ въ сущности и былъ разрѣшенъ соборомъ 1660 года, постановившимъ лишить Никона его сана; но царь не рѣшался привести соборный приговоръ въ исполненіе.

Именно въ это время пріѣхалъ въ Москву Паисій, митрополитъ Газы Іерусалимской [2]), Паисій Лигаридъ, или Лихаридъ, былъ родомъ Грекъ съ острова Хіоса, въ мірѣ носилъ имя Пантелеймона; воспитаніе получилъ въ Римѣ, въ Іезуитской Коллегіи, основанной папою Григоріемъ XIII [3]) для Грековъ и, по показанію патріарха Никона, тамъ принялъ священный санъ [4]). По этой причинѣ Фабрицій помѣстилъ его въ спискѣ Грековъ латиномудрствовавшихъ. Есть также извѣстіе, что онъ былъ учителемъ въ Яссахъ, въ Молдавіи, и въ 1650 г. принималъ участіе въ извѣстномъ богословскомъ диспутѣ «о вѣрѣ» съ

---

[2]) Газа—городъ въ ю.-з. части Сиріи, неподалеку отъ Средиземнаго моря, съ 16.000 жит. (1883 г.).

[3]) *Allatii*—„De ecclesiae occident. et orient. perpetua consensione“. Col. 1648, 996, ср. письма Паисія къ кард. Барберини въ Моск. Архивѣ М. И. Д. и м. Евгенія «Словарь о писат. духовнаго чина», II, 147.

[4]) „Возраженіе Никона патріарха противъ вопросовъ боярина Симеона Стрѣшнева и на отвѣты Паисіевы“, по списку Воскресенск. Новоіерусалимскаго мон. XVII в. у Макарія «Ист. Р. Ц.»XII, 1883, 462, о прибытіи для допроса царскихъ посланцевъ: «да съ ними Газскій митрополитъ... нѣціи же о немъ повѣствуютъ... у папы былъ 30 лѣтъ діакономъ, и вельми насѣянъ Римскія ереси»... Никонъ могъ собрать о немъ свѣдѣнія отъ иностранцевъ, Грековъ, Нѣмцевъ и др. приходившихъ къ нему.

Греками старца Арсенія Суханова. Потомъ онъ удалился на Востокъ и, по собственному свидѣтельству, былъ въ Іерусалимѣ протопопомъ. Тамъ же, 16 Ноября 1651 г., въ храмѣ Воскресенія Христова, Іерусалимскій патріархъ Паисій постригъ Лигарида въ монашество, назвавъ «Паисіемъ» и поручилъ его попеченію того же Арсенія Суханова, находившагося въ то время въ Іерусалимѣ. Тотъ же патріархъ не замедлилъ посвятить своего соименника митрополитомъ сначала въ Солунь, и затѣмъ въ Газу Іерусалимскую [5]). Мы не знаемъ, за какіе проступки Паисій подвергся впослѣдствіи запрещенію патріарха и долго скитался по Греціи и Италіи [6]). Извѣстный справщикъ богослужебныхъ книгъ, землякъ Паисія, Арсеній-Грекъ, по его просьбѣ, писалъ о немъ патріарху Никону, какъ о человѣкѣ обширной учености; Константинопольскій патріархъ Парѳеній отзывался о немъ какъ о знатокѣ церковныхъ правилъ. И дѣйствительно, по отзыву С. М. Соловьева [7]) Паисій Лигаридъ былъ самый образованный, самый представительный изъ Греческихъ духовныхъ лицъ, являвшихся въ Москву. Патріархъ, нуждаясь въ образованныхъ людяхъ, былъ весьма радъ имѣть при себѣ Паисія.

И вотъ, 1 го Декабря 1656 г., Никонъ пишетъ Лигариду: «Слышахомъ .о любомудріи твоемъ отъ монаха Арсенія, и яко желаеши видѣти насъ, великаго государя. Тѣмъ и мы тебе, яко чадо наше по духу возлюбленное, съ любовію пріяти хощемъ; точію пріемъ сія наша письмена, къ царствующему граду Москвѣ путешествовати усердствуй». Тогда же были отправлены еще четыре письма къ свѣтскимъ и духовнымъ властямъ Молдавскимъ, чтобы они отпустили митрополита Паисія въ Москву съ любовію и снабдили всѣмъ потребнымъ въ дорогу [8]). Но неизвѣстно, по какой причинѣ не состоялся пріѣздъ къ намъ Паисія: онъ появился въ Россіи спустя болѣе пяти лѣтъ, когда Никонъ не былъ уже «великимъ государемъ».

---

[5]) М. Евгеній «Слово о пис. духов. чина», II, 145—146; А. В. Горскаго «Нѣсколько свѣд. о П. Лигаридѣ до прибытія его въ Россію» въ Прибав. къ Твор. Св. Отц. за 1862 г., XXI, 133.

[6]) Филаретъ Черниговскій «Ист. Р. Цер., »пер. 4-й, 1862, стр. 41.

[7]) «Ист. Россіи», XI, М. 1880, 268.

[8]) Письма Никона къ П. Лигариду и къ Молдавскимъ властямъ въ подлинномъ дѣлѣ о п. Никонѣ, свит. I, по списку Московск. Дух. Акад., 5—11; ср. Макарія «И. Р. Ц.» XII, 379.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ 1662 г. Путивльскіе воеводы доносили царю, что 12-го числа прибылъ въ Путивль изъ Іерусалима Газскаго Предтечева монастыря митрополитъ Паисій, а съ нимъ архимандритъ его Леонтій, Успенскій игуменъ Пахомій, архидіаконъ Неофитъ, Троицкаго монастыря келаря Арсенія [9]), что̀ живетъ на Москвѣ, племянникъ его Гречанинъ Юрья, да толмачъ Христофоръ, да митрополичьихъ спѣвакъ четыре человѣка [10]). Вновь прибывшій Греческій митрополитъ заявилъ, что идетъ бить челомъ о милостынѣ по царскому указу, и былъ пропущенъ со всею своею свитою въ Москву [11]).

Апрѣля 9-го Паисій представлялся государю, причемъ поднесъ ему модель гроба Господня, Іорданскую воду, Іерусалимскія свѣчи, а отъ царя получилъ кубокъ серебряный, 40 соболей, камку и 30 рублей деньгами. Когда же, по прошествіи нѣкотораго времени, Паисій подалъ челобитную, въ которой жаловался, что епархія его небольшая, постоянно терпитъ нужду и притѣсненія отъ Турокъ, такъ что онъ обязался уплачивать послѣднимъ ежегодно по 500 ефимковъ, лишь бы Турки его и его паству не трогали, царь велѣлъ отпустить Паисію еще 100 рублей деньгами, да на 50 рублей соболей изъ Сибирскаго Приказа.

Вѣсть о пріѣздѣ Паисія Лигарида дошла до Никона, который отправилъ къ нему Арсенія-Грека съ привѣтствіемъ. Пріѣзду митрополита Газскаго и брата своего по духу бывшій патріархъ Никонъ очень и очень радуется. Онъ уповаетъ, что «тобою все придетъ къ глубочайшему миру и рушится средостѣніе», возникшее между царемъ и патріархомъ [12]).

---

[9]) Суханова.

[10]) Кромѣ того, съ Паисіемъ пріѣхали четверо Русскихъ плѣнныхъ, изъ которыхъ двоихъ выкупилъ онъ самъ въ Яссахъ у Татаръ, заплативъ 1000 ефимковъ (ефимками, Jochimsthaler, у насъ назывались тогда безразлично Нѣмецкіе рейхсталеры, Голландскіе гульдены, Англійскіе шиллинги и пр.; цѣна ефимку около полтины; фунтъ ефимковъ стоилъ 7 рублей).

[11]) Въ опредѣленіи времени прибытія въ Русскіе предѣлы Паисія Лигарида у Соловьева встрѣчается неточность, на которую считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе. Онъ говоритъ („Ист. Рос." XI, 268), что Паисій пріѣхалъ *въ началѣ 1662 г.*, между тѣмъ изъ донесенія Путивльскихъ воеводъ мы знаемъ, что это было 12 Февраля; Февраль же мѣсяцъ, по лѣтосчисленію XVII в., когда годъ начинался съ Сентября, нельзя считать однимъ изъ начальныхъ мѣсяцевъ.

[12]) Греческія дѣла въ Моск. Глав. Арх. М. И. Д., связка 40, № 11; Паисій Лигаридъ „О соборѣ, бывш. въ Москвѣ на Никона", ч. 1, гл. XII; ср. Макарія „И. Р. Ц." XII, 379—380. Это соч. Паисія Лигарида извѣстно по Греческ. списку, переписанному въ Египтѣ въ первой четверти XVIII ст. и находящемуся нынѣ въ Московской Синодальной библіотекѣ, подъ № 469; оно составлено Паисіемъ въ Москвѣ и посвящено ц. Алексѣю Михайловичу, дѣлится на три

Увы, надеждамъ Никона не суждено было сбыться. Паисій, при всемъ его обширномъ умѣ, по замѣчанію историковъ, былъ самый истый Гречинъ, какой только пріѣзжалъ когда-либо въ Россію, хитрый, льстивый, пронырливый [13]), интриганъ, жертвовавшій для своихъ выгодъ и долгомъ и совѣстью [14]), въ самомъ прибытіи котораго въ Россію преосвящ. Филаретъ видитъ одно лишь несчастіе Церкви [15]). Видя, что дѣло патріарха Никона запутывалось все болѣе и болѣе, отношенія къ царю съ каждымъ дней становились все затруднительнѣе и непріятнѣе, Паисій сознавалъ свое неловкое положеніе между царемъ и патріархомъ, одинаково къ нему расположенными. «Не знаю, куда мнѣ обратиться! откровенно писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, потому что никто не можетъ работать двоимъ господамъ... Не благо многогосподствіе; одинъ господинъ да будетъ, одинъ царь (изъ Гомера) [16]); потому что и Богъ одинъ, какъ и солнце одно между планетами» [17]).

Вскорѣ, какъ и слѣдовало ожидать, Паисій перешелъ на сторону враговъ патріарха. Онъ началъ съ того, что, спустя немного времени по пріѣздѣ [18]), подалъ царю письмо, въ коемъ убѣждалъ его ревностнѣе заняться дѣломъ Никона для блага церкви и государства. «Дѣло неслыханное», писалъ Паисій, «чтобы патріаршая церковь столь долгое время пребывала въ затмѣніи, подобно лунѣ, и лишена была своего законнаго пастыря, какъ вдовица, не имѣющая мужа... Россія сдѣлалась позорищемъ для всего міра, и всѣ народы ожидаютъ видѣть развязку этой трагикомедіи... Сужденіямъ и клеветѣ иностранцевъ подвергаешься ты, Алексѣй, человѣкъ Божій, изъ-за одного Никона, осыпаннаго тво-

---

части, съ подраздѣленіемъ каждой на главы; двѣ первыя части переведены кѣмъ-то на Русскій языкъ. Списки перевода имѣются въ Главн. Арх. М. И. Д. въ Москвѣ и въ библіотекѣ Московск. Дух. Академіи.

[13]) Н. И. Субботинъ „Дѣло патр. Никона", М. 1862, 49. Греки издревле не пользовались у насъ хорошею славою; лѣтописецъ, говоря, напримѣръ, о епископѣ Черниговскомъ Антоніѣ (вторая полов. XII ст.) замѣчаетъ: „льсть тая въ себѣ, *бяше бо родомъ Гречинъ*" (*П. С. Р. Лѣтоп.* II, 92).

[14]) *П. В. Знаменскій* „Руков. къ рус. церк. ист." К. 1876, 238.

[15]) „Ист. Р. Цер.", пер. 4-й, 41.

[16]) „... οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη· εἷς κοίρανος ἔστω,
εἷς βασιλεύς..."
Homeri „Ilias", II, 204—205.

[17]) *Соловьевъ* „Ист. Рос.", XI, 268—269.

[18]) Что усматривается изъ содержанія ниже помѣщеннаго письма, а не въ 1663 г., какъ показано въ изданіи его въ Собр. гос. гр. и догов. (IV, № 28).

ими милостями и благодѣяніями. Но я вижу уже, что медъ превращенъ въ соль и прекрасное вино въ уксусъ безпримѣрною неблагодарностью. Остается какъ можно скорѣе снестись съ Цареградскимъ патріархомъ и подробно увѣдомить его, какъ вселенскаго, обо всемъ, чтобы онъ могъ произнести правильное сужденіе въ такомъ важномъ дѣлѣ»... «Донесеніе къ патріарху (наставляетъ далѣе Паисій) должно быть на Греческомъ языкѣ, чтобы удобнѣе могло быть понято безъ помощи переводчика и тайны вашего величества не разгласились между многими разномыслящими»...

Но Никонъ какъ-то узналъ объ этомъ письмѣ Паисія и по поводу его отправилъ къ нему пространную грамоту на Латинскомъ языкѣ. Въ ней, стараясь придать случившемуся благопріятный для себя смыслъ, патріархъ жаловался, что «царское величество, вопреки правилъ св. соборовъ и св. отцевъ, пріялъ себѣ власть судить.... весь чинъ церковный», указывалъ какъ на примѣръ, на себя самого, оправдывалъ свой отъѣздъ тѣмъ, что учиненъ-де онъ по Евангелію, гдѣ говорится, что самъ Христосъ отходилъ отъ ярости Жидовской и Павелъ изъ Дамаска и Петръ изъ темницы ушли; объяснялъ свое нерасположеніе къ Крутицкому владыкѣ Питириму (заступавшему его) и къ боярину Семену Лукьяновичу Стрѣшневу, выразившееся въ преданіи анаѳемѣ обоихъ,—тѣмъ, что первый, въ Недѣлю Ваій, незаконно ѣздилъ на осляти и «этимъ сѣдалище великаго архіерея всея Руси олюбодѣйствовалъ», становился при богослуженіи на патріаршее мѣсто и посвятилъ одного епископа, правитъ тремя епархіями вмѣстѣ, а въ своей (Крутицкой) со времени своего поставленія ни разу не былъ, подсылалъ злого человѣка, чтобы отравить его, патріарха; Стрѣшневъ же Семенъ «нѣкоего пса, себѣ подобнаго», назвавъ Никономъ, выучилъ подражать патріаршему благословенію [19]).

Паисій не оставилъ безъ отвѣта Никонова посланія и выступилъ съ открытымъ обличеніемъ «корня всѣхъ золъ—самолюбія», уговаривалъ патріарха «покаяться», «смириться, воздавъ кесарево кесаревы» [20]).

Не внялъ совѣтамъ Паисія Никонъ. Еще болѣе раздражился онъ,

---

[19]) По списку грам. въ рукоп. сборн. Воскресенс. Новоіерус. монаст. (№ 175), у Макарія „Ист. Р. Ц.“ XII, 383—385.

[20]) Посланіе П. Лигарида къ Никону въ соч. Лигарида „О соборѣ, бывш. въ М. на Никона“. ч. I, гл. XIII, ср. Соловьева „Ист. Рос.“ XI, 269.

грозилъ отдаться на судъ папы и прислалъ Паисію выписку о папскомъ судѣ [21]).

Угроза Никона произвела сильное впечатлѣніе въ Москвѣ. Паисія позвали въ патріаршую палату и поручили ему разобрать заявленіе Никона и выяснить: имѣетъ ли онъ право обращаться въ Римъ. Паисій, на основаніи Византійскихъ хроникъ, доказалъ, что Русь отъ начала причислялась къ Ѳракійскому діоцезу Византійскаго патріархата, а потому и Никонъ не имѣетъ никакихъ основаній обращаться къ папѣ.

Успѣшное исполненіе этого порученія возвысило Лигарида въ глазахъ враговъ патріарха; на него стали смотрѣть, какъ на ученаго мужа, дорогого человѣка въ столь тревожное время. Его каноническими познаніями задумалъ воспользоваться одинъ изъ злѣйшихъ враговъ патр. Никона, бояринъ Стрѣшневъ, дядя царя по матери, тотъ самый, котораго проклялъ Никонъ. Стрѣшневъ предложилъ Паисію письменно 30 вопросовъ, въ которыхъ излагалось поведеніе Никона и отношенія патріарха къ царю, съ требованіемъ письменнаго отвѣта на нихъ, для доклада самому великому государю.

Паисій со всею гибкостію ума отвѣчалъ на эти вопросы (15 Августа) полнымъ осужденіемъ всѣхъ дѣйствій Никона.

Такъ, *по первому вопросу* Стрѣшнева *и отвѣту Паисія* патр. Никонъ обвинялся въ томъ, что при поставленіи своемъ на патріаршество переосвятился, хиротонисался снова, а потому, на основаніи 68-го правила апостольскаго, признавался подлежащимъ изверженію. Никонъ впослѣдствіи, вполнѣ основательно, оправдался тѣмъ, что на патріаршій престолъ взошелъ онъ не самъ собою, а по избранію собора и царя, и не ему надлежало дѣлать тогда розысканіе: слѣдуетъ ли его вновь рукоположить, а рукополагавшимъ; кромѣ того онъ привелъ нѣсколько аналогичныхъ примѣровъ изъ исторіи Русской церкви (патр. Іовъ, Гермогенъ, Филаретъ), по всему вѣроятію, неизвѣстныхъ Газскому митрополиту, какъ иностранцу.

По *второму* вопросу обвиняли Никона въ томъ, что онъ не поз-

---

[21]) Никонъ опирался въ данномъ случаѣ на 3-е, 4-е и 5-е правила Сардикійскаго собора (347 г.), коими дозволялось обвиняемымъ епископамъ, если они были недовольны рѣшеніемъ мѣстнаго собора, обращаться съ апеляціею къ папѣ, однако упустивъ изъ виду, что правила эти касались только епископовъ Сардикійской области, какъ подчиненной папѣ.

волялъ исповѣдывать и пріобщать преступниковъ [22]). Обвиненіе вѣское, на которое Никонъ послѣ не могъ представить достаточныхъ оправданій.

По *третьему* вопросу Никону ставилась въ вину страсть къ богатымъ облаченіямъ во время священнослуженій, привычка чесаться и въ зеркало смотрѣться. Обвиненіе мелочное, на которое обвиняемый, впослѣдствіи, не нашелъ, конечно, удовлетворительнаго оправданія.

Болѣе основательно *четвертое* обвиненіе Стрѣшнева и Паисія, что Никонъ послѣ отреченія посвящаетъ священниковъ и діаконовъ. На это патріархъ далъ просто не относящійся къ дѣлу отвѣтъ.

По *пятому* вопросу Никонъ совершенно основательно признавался отрекшимся отъ патріаршества, ибо хотя не письменно, но всенародно, въ церкви, заявилъ объ оставленіи каѳедры и сложилъ съ себя святительскія ризы.

На *шестой* вопросъ: согрѣшили ли архіереи, что не возбранили Никону такого злаго дѣла? Паисій ловко отвѣчалъ: если ихъ спрашивали, и они не возбранили, то согрѣшили; а если не спрашивали, то не согрѣшили,—виновенъ одинъ Никонъ.

На *седьмой* вопросъ Стрѣшнева: не надо ли созвать соборъ по дѣлу патірарха? Паисій отвѣчалъ утвердительно, ссылкою на 37-е апостольское правило, обязывающее епископовъ собираться на соборъ дважды въ году. Здѣсь Паисій ограничился упоминаніемъ одного апостольскаго правила. Хотя есть немало и другихъ правилъ о созваніи соборовъ; но ни одно изъ нихъ не дозволяетъ епископамъ судить своего патріарха, кромѣ случаевъ, если онъ будетъ вводить что̀ либо новое, развращеніе церкви; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ даже митрополита своего не могутъ судить епископы, а можетъ судить его только патріархъ Цареградскій.

На *восьмой* вопросъ: можетъ ли царь созвать соборъ на Никона, или надобно повелѣніе патріаршее? Паисій (смотря на дѣло практически), отвѣчалъ: царь можетъ созвать соборъ по примѣру Римскихъ кесарей, на что̀ Никонъ, послѣ возражалъ, по точному смыслу правилъ церковныхъ: «собираются соборы, а не собираетъ ихъ царь;

---

[22]) Кромѣ отвѣта Стрѣшневу Паисій написалъ по тому же предмету особое сочиненіе (не дошедшее до насъ), которое и посвятилъ м. Крутицкому Павлу.

если древніе благочестивые цари собирали соборы, то только умоленіемъ, а не принужденіемъ».

Въ отвѣтъ на *девятый* вопросъ Паисій написалъ: такъ какъ Никонъ соборъ созванный царемъ почелъ за ничто и назвалъ сонмищемъ Жидовскимъ, то его надобно, какъ еретика, проклинать; ибо Григорій Двоесловъ почитаетъ 4 вселенскіе собора за Евангеліе. Рѣзкаго отзыва Никона о соборѣ 1660 г., конечно, оправдывать нельзя, хотя бы онъ и вытекалъ изъ того, что обиженный патріархъ не признавалъ за нимъ законности; но и приравнивать этотъ соборъ къ тѣмъ вселенскимъ, о которыхъ былъ столь высокаго мнѣнія Григорій Двоесловъ, безъ сомнѣнія, также не приходится.

Десятый вопросъ: «можно ли составамъ судить своего главу?» На это Паисій отвѣчалъ, что «можно, ибо епископы, какъ преемники апостоловъ, имѣютъ власть вязать и рѣшить». Этотъ вопросъ стоитъ въ связи съ седьмымъ, о которомъ мы сказали выше.

По *одиннадцатому* вопросу Никона обвиняли въ томъ, что онъ никогда не называлъ архіереевъ «братьями», но почиталъ ихъ гораздо ниже себя, потому что они имъ были посвящены. Обвиненіе, которому нѣтъ причинъ не вѣрить. Спутникъ Антіохійскаго патріарха Макарія въ Москву въ 1655—1656 гг., сынъ его, архидіаконъ Павелъ Алеппскій пишетъ: «Никонъ тотчасъ же послѣ своего восшествія на патріаршую каѳедру получилъ неограниченную власть; всѣ испугались его, и онъ до сего времени страшный тиранъ для архіереевъ, архимандритовъ и для всего священнаго чина, и даже для людей сильныхъ, состоящихъ на царской службѣ»... [23]).

На *двѣнадцатый* вопросъ: согрѣшилъ ли Никонъ, называя себя «великимъ государемъ», потому только, что такъ называлъ его царь, желая его паче обычая почтить? Паисій отвѣчалъ: истинно согрѣшилъ. Неизвѣстно, кто первый вздумалъ усвоять Никону титло «великаго государя», впервыя упореблeнное царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ по отношенію къ нему въ 1653 г. [24]), но только съ этого времени патріарха величаютъ «великимъ государемъ» и печатавшіяся съ

---

23) Опис. путеш. п. Макарія существ. въ Англійск. перев. подъ заглавіемъ: „The travels of Macarius, patriarch of Antioch, written by his attendant archediacon Paul of Aleppo, in arabic translated by I. C. Belfour", Lond. 1836. 2 vol., II, 248.

24) 1-е Пол. Соб. Зак. Росс. имп. I, № 93; Дворц. разр. III, 378; Соб. гос. гр. и догов. III, № 157.

его благословенія церковныя книги [25]), и епископы [26]), и свѣтскіе люди [27]), такъ, что названіе это съ теченіемъ времени въ титулѣ патріарха Никона сдѣлалось общепринятымъ, и его сталъ употреблять самъ Никонъ въ своихъ грамотахъ [28]).

По *тринадцатому* и *четырнадцатому* вопросамъ Никонъ порицался за то, что назвалъ свой Воскресенскій монастырь Новымъ Іерусалимомъ и черезъ то, будто бы, имя Св. Града опозорилъ, причемъ Паисій выражался, что Никонъ начинаетъ новое письмо (?), котораго ждутъ Евреи, что изъ Новаго Іерусалима произойдетъ антихристъ, что Іерусалимовъ только два земной и небесный, и непростительно выдумывать еще третій. Обвиненіе странное, на которое Никонъ не нашелъ, впослѣдствіи, лучшаго отвѣта, кромѣ ругательствъ по адресу Паисія.

Въ *пятнадцатомъ* вопросѣ п. Никонъ обвинялся въ разореніи Коломенской епархіи ради своего Воскресенскаго монастыря. Неизвѣстно, какія соображенія руководили Никономъ при закрытіи въ 1656 г. Коломенской епархіи, существовавшей болѣе трехъ столѣтій; можетъ быть, онъ хотѣлъ наказать тогдашняго Коломенскаго епископа Александра за нерасположеніе его къ исправленію церковно-богослужебныхъ книгъ, лишивъ его обезпеченной епископіи; можетъ быть, желалъ онъ дѣйствительно воспользоваться имуществомъ и вотчинами Коломенской епархіи. По крайней мѣрѣ, въ свое время подозрѣвали въ этомъ Никона.

Въ *шестнадцатомъ* вопросѣ говорилось, что архіереямъ неприлично строить города или обозы, а Никонъ полюбилъ жить на мѣстихъ пустыхъ и наполняетъ ихъ наемниками и боярскими подданными. Здѣсь, очевидно, намекалось на строеніе Новаго Іерусалима и увеличеніе недвижимости этого монастыря пріобрѣтеніемъ разными способами вотчинъ.

Въ *семнадцатомъ* вопросѣ было сказано: не вѣрно утверждаетъ Никонъ, что онъ не обрѣтается внѣ своего престола и епархіи, про-

---

[25]) Строевъ „Доп. къ опис. ст. печатн. кн.“, №№ 86., 88.

[26]) Акт. Иверск. монаст., издан. Археограф. комисс., № 20.

[27]) Соб. гос. гр. и дог. III, № 157; Соловьевъ Ист. Рос. X, 1877, 317.

[28]) Хотя въ нѣкоторыхъ грамотахъ онъ титулуетъ себя и „великимъ господиномъ“ (Акт. ист. IV, № 71; Доп. Акт. ист. III, № 110; Акт. Иверск. монаст. № 21).

живая въ Воскресенскомъ монастырѣ, только съѣхалъ по нѣкоторымъ причинамъ, которыя онъ объявитъ передъ престоломъ истиннаго Судьи Праведнаго. Настоящее обвиненіе Никона стоитъ въ связи съ тѣмъ, которое изложено въ отвѣтѣ Паисія на пятый вопросъ Стрѣшнева; только Лигаридъ, ставя его, упустилъ изъ виду, что и самъ онъ давно уже покинулъ свою митрополію, а между тѣмъ продолжалъ писаться «Газскимъ митрополитомъ». На это впослѣдствіи, указалъ ему Никонъ.

Отвѣтъ на *восемнадцатый* вопросъ также касался оставленія Никономъ патріаршей каѳедры: ему, какъ пастырю, которому ввѣрено множество душъ, надлежало, по минованіи опасности, возвратиться на каѳедру.

Въ отвѣтѣ на *девятнадцатый* вопросъ Паисій укорялъ Никона за то, что когда тотъ отходилъ, то долженъ былъ оставить вмѣсто себя, до своего возвращенія, намѣстника и приказать ему управлять церковью. На самомъ дѣлѣ такъ и было. Никонъ, отходя въ Воскресенскій монастырь, приказалъ на время митрополиту Крутицкому править церковными дѣлами.

На *двадцатый* вопросъ: согрѣшаетъ ли государь, что оставляетъ во вдовствѣ церковь Божію? Паисій отвѣчалъ: если онъ это дѣлаетъ для достойныхъ причинъ, не имѣетъ смертнаго грѣха, однако не свободенъ отъ меньшаго грѣха, потому что многіе соблазняются и думаютъ, что онъ это дѣлаетъ по нерадѣнію.

Въ отвѣтъ на слѣдующій (*двадцать первый*) вопросъ Паисій писалъ: архіереи и бояре, которые не бьютъ челомъ царю, чтобы далъ по этому дѣлу рѣшительный указъ, очень грѣшатъ, ибо не показываютъ ревности объ общемъ благѣ. Никонъ самъ отрекся отъ своей духовной жены, церкви, и чрезъ то умеръ для нея, и уже четыре года вовсе не печется о ней. Церковь въ правѣ избрать и имѣть у себя другаго мужа. На неудачное сравненіе церкви, оставленной Никономъ, съ женою, оставленною мужемъ, Никонъ, впослѣдствіи, отвѣчалъ Паисію обширнымъ разсужденіемъ о нерасторжимости брака, съ обильными выдержками изъ церковныхъ правилъ.

На *двадцать второй* вопросъ Стрѣшнева: важно ли проклятіе Никона? Лигаридъ отвѣчалъ: клятва подобна молніи, сожжетъ виновнаго; но если произнесена не по достоинству, то падетъ на того, кто произнесъ ее.

Въ отвѣтъ на *двадцать третій* вопросъ: прилично ли архіерею драться и въ ссылку ссылать, какъ то дѣлаетъ Никонъ? Паисій отвѣчалъ похвалою терпѣнію, какъ высшей добродѣтели и осужденіемъ гнѣва, какъ худшаго зла.

Въ *двадцать четвертомъ* вопросѣ сказано: царь поручилъ Никону надсматривать надъ судами церковными, даровалъ ему всѣ привилегіи, которыми Константинъ Великій почтилъ папу Римскаго Сильвестра. Паисій на это сдѣлалъ замѣчаніе: надобно принимать почести отъ царя осторожно; полезнѣе было бы Никону имѣть меньше привилегій, потому что иныя надмили его: смотрѣлся онъ въ нихъ, какъ въ зеркало и случилось съ нимъ тоже, что̀ пишутъ поэты о Нарциссѣ, который въ рѣчной водѣ смотрѣлъ на свое лице, хотѣлъ поцѣловать и утонулъ [29]).

На *двадцать пятый* вопросъ: «можно ли государю отобрать привилегіи?» Лигаридъ писалъ: можно, если тотъ, кому онѣ даны, окажется неблагодарнымъ.

Двадцать шестой вопросъ и отвѣтъ обвиняютъ Никона въ томъ, что онъ бранитъ Монастырскій Приказъ, гдѣ посадилъ царь судить мірскихъ людей, порицаетъ царя за то, что тотъ назначаетъ по монастырямъ архимандритовъ и игуменовъ, кого захочетъ. Пусть говорить Паисій, прежде не было Монастырскаго Приказа: дѣло въ томъ, что царь учредилъ его для лучшаго порядка и лучшаго суда. Устроилъ ли Никонъ лучшій судъ? Сидѣлъ ли когда нибудь на своемъ судейскомъ мѣстѣ? Никогда, но держалъ мірскихъ же людей, которые судили въ его приказахъ, челобитныя раздавалъ своимъ дворовымъ людямъ, и они прямое дѣлали кривымъ. Говоря такъ, Паисій очевидно имѣлъ въ виду патріаршихъ дьяковъ въ родѣ печальной памяти Кокошилова, у котораго взяточество было возведено въ систему [30]).

Въ *двадцать седьмомъ* вопросѣ Стрѣшневъ спрашивалъ: кто называетъ царя нашего мучителемъ, обидчикомъ, хищникомъ, что̀ тому подобаетъ по св. правиламъ? Паисій отвѣчалъ: если онъ духовнаго чина, да извержется, а если мірской человѣкъ, да будетъ проклятъ. 84-е апостольское правило, которое разумѣлъ въ данномъ случаѣ Паисій, буквально гласитъ слѣдующее: «если кто досадитъ царю или

---

[29]) Ovidii Methamorphoses, lib. III.

[30]) у Соловьева „Ист. Рос.“ XIII, 143.

князю не по правдѣ, да понесетъ наказаніе, и если то будетъ клирикъ, да извержется, а если мірянинъ, да отлучится».

Въ *двадцать восьмомъ* вопросѣ говорилось: Никонъ несправедливо жалуется на то, зачѣмъ его не пригласили на соборъ, гдѣ бы онъ объявилъ причины своего ухода. Къ этому П. Лигаридъ прибавилъ: Никонъ долженъ былъ самъ явиться на соборъ или прислать письмо.

На *двадцать девятый* вопросъ, что Никонъ винитъ архіереевъ своихъ въ нарушеніи присяги, данной предъ нимъ и въ томъ, что они вышли изъ послушанія къ нему, Паисій повторилъ обвиненіе патріарха въ самовольномъ оставленіи каѳедры: не они отверглись его, а онъ оставилъ ихъ, убѣжавъ куда захотѣлъ.

Въ отвѣтъ на послѣдній (*тридцатый*) вопросъ, касающійся снова проклятія Никономъ Стрѣшнева, Паисій написалъ: «Никонъ несправедливо предалъ проклятію Стрѣшнева за то, что тотъ, будто бы, пріучилъ свою собаку благословлять; ибо какъ если бы мышь взяла освященный хлѣбъ, нельзя сказать, что причастилась, такъ и благословеніе собаки не есть благословеніе; мутить святыми дѣлами не подобаетъ, но въ малыхъ дѣлахъ недостойно проклятія, потому что считаютъ его за ничто».

Замѣчательно, что для Никона ничего не значило изречь церковное проклятіе. У купца Щепоткина взялъ онъ 500 пудовъ мѣди, въ долгъ, на отливку колокола. Щепоткинъ, въ уплату этого долга, роздалъ товары, которые патріархъ поручилъ ему продать. Никонъ нашелъ счетъ Щепоткина неправильнымъ и, вмѣсто судебнаго иска, проклялъ его [31]).

Отвѣты эти Паисій представилъ Стрѣшневу при письмѣ, въ которомъ говорилъ, призывая Бога во свидѣтели, что «не хотѣлъ для осужденія завидныхъ людей того дѣла начинати, вѣдаючи, что явную недружбу и непріятство имѣть буду съ патріархомъ». Онъ выражалъ сожалѣніе, что не знаетъ Русскаго языка, а долженъ довольствоваться плохими переводчиками, которые, «чего не разумѣютъ, опускаютъ или толкуютъ противъ любви и воли своей, покрываючи свою глупость». Дѣйствительно «отвѣты» были переведены на Славянскій языкъ однимъ изъ царскихъ толмачей, плохо и темно [32]).

---

[31]) Костомаровъ „Рус. Ист. въ жизнеопис.“ II, 1881, 194.

[32]) Они носятъ заглавіе: «Отписка боярину Семену Лукьяновичу Стрѣшневу митрополита Газскаго Паисія на тридесять вопросовъ отвѣты новыхъ обычаевъ Никоновыхъ, бывшаго патріарха Московскаго во 171 (7171—1663) году»; въ оригиналѣ находятся въ государственномъ архивѣ въ С.-Петербургѣ; тамъ же и письмо Паисія къ Стрѣшневу.

Никону доставили и вопросы, и отвѣты. Онъ горячо принялся разбивать и тѣ, и другіе, и написалъ на нихъ цѣлую тетрадь, озаглавивъ ее: «Возраженіе или разореніе смиреннаго Никона, Божіею милостію, патріарха, противъ вопросовъ боярина Симеона Стрѣшнева, еже написа Газскому митрополиту Паисію Лигариду, и на отвѣты Паисіевы» [33]). Тутъ излилъ Никонъ все свое раздраженіе, которое теперь ни въ чемъ не имѣло исхода, кромѣ бумаги. Съ замѣчательною начитанностію, смѣло и рѣзко высказалъ онъ свои убѣжденія о власти патріарха и объ отношеніи Церкви къ государству. Вполнѣ основательныя замѣчанія у Никона идутъ рядомъ съ запальчивыми выходками противъ Монастырскаго Приказа, мірскаго суда надъ Церковью, Уложенія. Раздраженный патріархъ не щадитъ ни князя Одоевскаго [34]), ни Стрѣшнева, ни Паисія, ни самого царя, и доходитъ до замѣчательной близости къ идеямъ папства. Сказавъ, что патріархъ—образъ Христа, что судить его не можетъ никто, ни даже царь, ибо священство выше царства, Никонъ въ 24-мъ отвѣтѣ говоритъ о происхожденіи духовной и свѣтской власти. «Не отъ царей начало священство пріемлется, но отъ священства на царство помазуются». И, развивая свою мысль, онъ продолжаетъ: «Царство основано во гнѣвѣ Божіемъ (намёкъ на происхожденіе царской власти у Евреевъ—I Царст., VIII, 7—9), тогда какъ священство происходитъ непосредственно отъ Бога (Моисей, Іисусъ Христосъ, рукоположившій апостоловъ). Господь страшно наказываетъ тѣхъ царей, которые не подчиняются духовной власти. Богъ двумъ свѣтиламъ свѣтить повелѣлъ—солнцу и лунѣ и чрезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую: архіерейская власть сіяетъ днемъ, власть эта надъ душами, она дѣйствуетъ и на будущую жизнь, царская — въ вещахъ міра сего и сильна только здѣсь, на землѣ» [35]).

---

[33]) «Возраженія» Никона хранятся въ библіотекѣ Воскресенскаго монастыря (рукоп. № 110) и обнародованы въ свое время не были; извлеченіе изъ нихъ сдѣлано: *Бакмейстеромъ* «Beytrage z. Lebensgeschichte d. p. Nicons», Riga 1788, и митр. Макаріемъ „Ист. Р. Ц.“ XII, 390—430.

[34]) Князь Никита Ивановичъ, составитель Уложенія (1649 г.).

[35]) Вотъ, для сравненія, взгляды папы Григорія VII (1073—1085) на значеніе духовной и свѣтской властей. „Всякая власть въ мірѣ, не исключая и королевской, ниже папской власти и должна находиться въ подчиненіи у ней. Королевская власть относится къ папству, какъ луна къ солнцу, отъ коего она заимствуетъ свой свѣтъ и теплоту. Церковь, облекая свѣтскую власть своимъ значеніемъ, можетъ и снять его въ случаѣ злоупотребленія имъ“. Трудно сказать, зналъ ли Никонъ объ этихъ взглядахъ папы Григорія, или же борьба съ боярствомъ самостоятельно выработала ихъ. Впрочемъ, уже съ XV ст. подобныя мысли высказывались у насъ нѣкоторыми писателями (митрополиты Кипріанъ и Фотій, Максимъ-Грекъ, князь Андрей Курбскій).

Въ то время какъ Никонъ писалъ свои возраженія на вопросы Стрѣшнева и отвѣты Паисія, мысль, поданная послѣднимъ, съ полгода тому назадъ, о возможности избавиться отъ строптиваго патріарха, не была забыта въ придворныхъ кружкахъ. Паисій разсказываетъ, что въ одинъ изъ дней Филиппова поста онъ «приглашенъ былъ, частнымъ образомъ, думными боярами и спрошенъ: какимъ образомъ Церкви избавиться отъ такого продолжительнаго вдовства, ибо постыдно ей быть безъ пастыря?» На это онъ отвѣчалъ, что легко избавиться, если только правительство отъ души согласится исполнить его мысль. Отвѣтъ Паисія былъ переданъ царю, и въ частной бесѣдѣ съ Алексѣемъ Михайловичемъ Лигаридъ повторилъ свое мнѣніе: отправить грамоты къ четыремъ восточнымъ патріархамъ и объявить имъ все дѣло о Никонѣ.

Въ Декабрѣ того же (1662) года царь рѣшилъ воспользоваться совѣтомъ Паисія. Указомъ отъ 21 числа, было повелѣно: созвать въ Маѣ или Іюнѣ 1663 г. соборъ, пригласивъ на него вселенскихъ патріарховъ и всѣхъ Русскихъ архіереевъ, для чего послать имъ грамоты [36]). При этомъ Паисій составилъ для патріарховъ 25 подобныхъ же вопросовъ, на какіе отвѣчалъ самъ по дѣлу Никона. Имя Никона въ нихъ не упоминалось; представлены были на обсужденіе патріарховъ случаи, какіе происходили въ Россіи, но представлены такъ, какъ будто неизвѣстно когда и съ кѣмъ они происходили; казалось даже, что не происходили вовсе, а приводились только для того, чтобы знать, какъ слѣдуетъ поступить, если бы они произошли [37]). Съ этими вопросами и съ пригласительными грамотами къ патріархамъ былъ отправленъ іеродіаконъ Мелетій, соотечественникъ и другъ Лигарида [38]),

---

[36]) Оффиціальная записка, содержащая въ себѣ указъ ц. Алексѣя Мих. о созваніи собора, въ государств. арх. въ СПБ. въ дѣлѣ о Никонѣ, подъ № 74.

[37]) „Долженъ ли епископъ или патріархъ повиноваться царю во всѣхъ политическихъ дѣлахъ, чтобы быть одному правителю или нѣтъ? Можетъ ли епископъ или патріархъ отлучить к.-нибудь по собственному произволу и будутъ ли отлученные такимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ виновны предъ Богомъ, или тотъ кто отлучилъ безъ суда повиненъ правиламъ? Если кто скажетъ, что епархіи патріаршескія плѣнены бусурманами, потеряли прежнее достоинство, и какъ патріархамъ судить и распоряжаться церковными дѣлами? Если кто изъ архіереевъ по гордости, начнетъ писаться государемъ? Можетъ ли архіерей тратить доходы свои по произволу? Управлять мірскими дѣлами? Епископъ, нисшедшій въ число кающихся, можетъ ли вновь воспринять санъ архіерейскій? Если архіерей, отъ сана своего отрекшійся, будетъ призываемъ мѣстною властію, но, по гордости, пренебрежетъ этимъ зовомъ, то что̀ дѣлать? Если послѣ отреченія будетъ хиротонисать? Могутъ ли судить святителя епископы имъ поставленные? Если кто ударитъ раба архіереева, то обида эта относится ли къ господину?»

[38]) Мелетій былъ іеродіакономъ Цареградскаго п. Парѳенія, пріѣхалъ въ Россію въ 1655 г., проживая въ Москвѣ, занимался преподаваніемъ пѣнія. Когда прибылъ Паисій, Меле-

и на дорогу было ему выдано изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ 600 ефимковъ [39]).

Между тѣмъ началось Боборыкинское дѣло. Стольникъ Боборыкинъ захватилъ (въ 1661 г.) вотчину патріаршаго Воскресенскаго монастыря. Никонъ жаловался въ Монастырскій Приказъ, но удовлетворенія не получилъ; писалъ царю письмо, отвѣта не было. Тогда онъ проклялъ Боборыкина. Сей послѣдній донесъ, что патріархъ проклиналъ самого царя. Для разъясненія этого дѣла была отправлена въ Воскресенскій монастырь коммиссія съ Лигаридомъ во главѣ [40]). Впрочемъ, ни допросы Никона, ни розыски надъ его людьми не доказали взведеннаго на него обвиненія. Никонъ же, будучи озлобленъ противъ Паисія, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы, какъ говорится, сорвать гнѣвъ на своемъ врагѣ. Едва только увидѣлъ онъ Лигарида, какъ набросился на него съ ругательствами: «мужикъ», «самоставленникъ», «воръ», «нехристь», «собака». «Давно ли на тебѣ архіерейское платье?» «Есть ли у тебя отъ вселенскихъ патріарховъ ко мнѣ грамоты?» и «Не въ первый разъ тебѣ ѣздить по государствамъ, да мутить; здѣсь хочешь сдѣлать тоже!»—«Лучше бы мнѣ было не видѣть такого чудовища», говорилъ Паисій царю по возвращеніи изъ Воскресенскаго монастыря; «лучше бы я хотѣлъ быть слѣпымъ и глухимъ, чтобъ не слышать его Циклопскихъ криковъ и громкой болтовни!»

Приближался Май мѣсяцъ, время созванія собора; въ Москвѣ стали безпокоиться, не получая отъ Восточныхъ патріарховъ отвѣтовъ, и Паисій, уже 24 Апрѣля 1663 года, спрашивалъ государя: не слѣдуетъ ли повторить посланіе патріархамъ о дѣлѣ Никона. Наконецъ, отвѣты пришли (1664 г.). Всѣ они были противъ Никона; одинъ только Нектарій Іерусалимскій, хотя и подписался на общемъ свиткѣ, въ отдѣльной грамотѣ къ царю [41]) совѣтовалъ ему помириться съ Никономъ безъ суда. Отвѣтъ Нектарія былъ не совсѣмъ пріятенъ и для Паисія. Узнавъ, что Лигаридъ ищетъ титула экзарха патріаршескаго

тій близко сошелся съ нимъ, а потомъ даже переселился къ нему (Греческ. дѣла въ Моск. Гл. Арх. М. И. Д., связки: 34, № 9, 37-я № 2, 38-я № 3, 39-я, № 2, 42-я № 1).

[39]) Дѣло о Никонѣ въ государст. архивѣ въ СПБ. № 74.

[40]) Кромѣ Паисія въ составъ ея входили: Іосифъ, архіепископъ Астраханскій, Богоявленскій архим. Ѳеодосій, бояринъ кн. Никита Ив. Одоевскій, окольничій Родіонъ Стрѣшневъ, думной дьякъ Алмазъ Ивановъ, полковникъ Философовъ съ 50-ю стрѣльцами и еще нѣсколько человѣкъ чиновныхъ лицъ и дьяковъ боярскихъ.

[41]) Собр. гос. гр. и дог. IV, № 37.

и уже называется такъ въ Москвѣ, Нектарій объявлялъ черезъ своего посланнаго, что это самозванство, что никто не облеченъ званіемъ экзарха.

Тѣмъ временемъ возникло новое дѣло о побояхъ, нанесенныхъ, по повелѣнію Никона, крестьянамъ другаго сосѣда Воскресенскихъ вотчинъ—Сытина. При разбирательствѣ этого дѣла Никонъ рѣшительно высказалъ, что не признаѣтъ надъ собой суда Московскихъ соборовъ, а признаѣтъ одинъ только судъ Восточныхъ патріарховъ. Тогда снова были отправлены на Востокъ нарочные посланцы просить въ Россію патріарховъ. Услыхавъ эту важную для себя вѣсть о посольствѣ за патріархами, Никонъ сдѣлалъ отчаянную попытку примириться съ царемъ; но какъ человѣкъ, который никогда не поступался собственнымъ своимъ достоинствомъ, онъ не пошелъ къ этой цѣли прямымъ путемъ. Сначала онъ написалъ царю угрожающее письмо, что-де на соборѣ откроется много такого, что́ ему будетъ очень непріятно; когда это не подѣйствовало, онъ самъ явился въ Успенскій соборъ (въ ночь съ 17 на 18 Декабря 1665 г.), но и это было напрасно: на столько глубокая пропасть успѣла лечь между прежними пріятелями...

Видя, что примиреніе сдѣлалось невозможнымъ, Никонъ, въ видѣ предупрежденія, отправилъ отъ себя къ патріарху Константинопольскому Діонисію посланіе, въ которомъ откровенно разсказалъ обстоятельства своего удаленія съ каѳедры и размолвки съ царемъ. Досталось же въ этомъ посланіи м. Паисію! «Главный врагъ мой у царя—это Паисій Лигаридъ. Царь его слушаетъ и какъ пророка Божія почитаетъ... Говорятъ, что онъ отъ Рима и вѣруетъ по-римски, хиротонисанъ дьякономъ и пресвитеромъ отъ папы, и когда былъ въ Польшѣ у короля, то служилъ Латинскую обѣдню. Въ Москвѣ, живущіе у него, духовные Греческіе и Русскіе, разсказываютъ, что онъ ни въ чемъ не поступаетъ по достоинству святительскаго сана: мясо ѣстъ и пьетъ безчинно, ѣстъ и пьетъ, а потомъ служитъ, мужеложствуетъ» [42]).

Въ Москвѣ въ ту пору было немало Грековъ, не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій и готовыхъ служить «и нашимъ и вашимъ». Однимъ изъ такихъ былъ іеродіаконъ Агаѳангелъ. Паисій взялъ его къ себѣ въ качествѣ переводчика, а потомъ опредѣлилъ смотрителемъ своего дома, который царь построилъ для него [43]). Вышепомянутый Меле-

---

[42]) У Соловьева Ист. Рос. XI, 300—301. Посланіе это, какъ извѣстно, было перехвачено и послужило документомъ на судѣ противъ самого же Никона.

[43]) Изъ указа ц. Алексѣя Михайловича, отъ 30 Мая 1672 г. видно, что домъ этотъ находился въ Симоновомъ монастырѣ.

тій далъ ему двухъ служителей, тоже Грековъ, вывезенныхъ имъ изъ одного Восточнаго монастыря. Эти послѣдніе скоро обокрали Паисія, подѣлились краденымъ добромъ съ Агаѳангеломъ и бѣжали, но были схвачены тѣмъ же Агаѳангеломъ и скованные возвращены въ столицу. Здѣсь Агаѳангелъ отобралъ отъ нихъ похищенное, а ихъ самихъ отпустилъ. Затѣмъ онъ выпросился снова разыскивать бѣжавшихъ и, получивъ позволеніе, отъѣхалъ къ Никону, наговорилъ ему тысячу обвиненій на Паисія, расположилъ патріарха въ свою пользу, и Никонъ, снабдивъ его письмами и деньгами, послалъ въ Константинополь противодѣйствовать своимъ недругамъ съ Паисіемъ во главѣ. И эта попытка не удалась: Агаѳангела поймали и привезли въ Москву. Но свѣдѣніями о Паисіѣ, добытыми отъ Агаѳангела, Никонъ пользовался не разъ и послѣ, какъ только это представлялось ему нужнымъ, такъ что озадаченный Лигаридъ, особою челобитною на имя государя, ходатайствовалъ, чтобы взведенныя на него обвиненія были разсмотрѣны соборомъ. «Первый іерархъ мой (писалъ онъ) апостолъ Іаковъ сказалъ: *кто соблюдаетъ весь законъ и согрѣшитъ въ одномъ чемъ-нибудь, тотъ становится виновнымъ во всемъ* (Іак. II, 10). Хотя я подлежу суду Іерусалимскаго патріарха, но добровольно подчинюсь суду Русскихъ святителей»[44]). Царь уважилъ ходатайство Паисія, а чтобы поддержать его подарилъ ему къПасхѣ дорогую митру. Послѣ Ѳоминой недѣли (1665) созванъ былъ во дворцѣ соборъ. Многочисленные свидѣтели показали въ защиту Лигарида; одинъ лишь Агаѳангелъ упорно отстаивалъ свои свидѣтельства, данныя имъ патр. Никону относительно Паисія; да и тотъ, просидѣвъ въ монастырскомъ заточеніи нѣкоторое время, взялъ (если вѣрить Лигариду) свои обвиненія обратно» [45]).

Царскимъ посланцамъ на Востокъ удалось уговорить ѣхать въ Москву двоихъ патріарховъ, Макарія Антіохійскаго и Паисія Александрійскаго. Нектарій Іерусалимскій и Діонисій Константинопольскій отъ поѣздки отказались по смутному состоянію дѣлъ въ своихъ областяхъ. Въ бумагахъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ сохранилась грамота патріарха Діонисія къ царю, отъ 12 Ноября 1666 г., въ которой Цареградскій патріархъ рекомендуетъ въ качествѣ своего замѣстителя на соборѣ Паисія Лигарида, именуя его «святымъ и благоразумнымъ, разсуднымъ и свѣдущимъ» въ церковныхъ дѣлахъ [46]).

---

[44]) П. Лигарида о соборѣ на Никона, I, гл. XXVI и слѣд.

[45]) Тамъ же.

[46]) Грамота эта напечатана въ примѣч. 71-мъ XI-го т. Ист. Р. Соловьева.

Теперь Паисій торжествовалъ и спѣшилъ воспользоваться грамотою Діонисія для гласнаго самооправданія. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ онъ подалъ царю Алексѣю Михайловичу обширную докладную записку. Припомнивъ въ ней [47]) тѣ «великія и мерзкія хулы», какія «изрыгалъ» на него Никонъ, Паисій ссылается на патріаршее свидѣтельство, что онъ «архіерей, митрополитъ Газскій, мужъ, украшенный ученіемъ и премудростію», почему и поставленъ, «какъ судія именный и посолъ апостольскаго Константинопольскаго престола» и что такъ какъ теперь ничто уже не препятствуетъ къ очищенію его славы и къ опроверженію всѣхъ хуленій противника его Никона, то онъ Паисій проситъ объявить свидѣтельство его невиновности «всему синклиту». Далѣе пишетъ онъ противъ приглашенія на соборъ бывшихъ патріарха Константинопольскаго Парѳенія и митрополита Адріанопольскаго Неофита (они въ Бухарестѣ и къ нимъ были заготовлены уже Паисіемъ, по приказанію царя, пригласительныя грамоты), какъ лицъ, по его мнѣнію, безполезныхъ. Въ заключеніе Паисій проситъ царя отпустить его. «Отпусти меня, пока не съѣхался въ царствующій градъ Москву соборъ вселенскій... Если столько терплю еще до собора, то что̀ же буду терпѣть послѣ? Довольно уже, всемилостивѣйшій государь, довольно! Не могу болѣе служить твоей святой палатѣ... Какъ свободно и безъ зову пришелъ я сюда, также свободно да отойду въ свою митрополію радѣть о душѣ моей и о людяхъ, Богомъ мнѣ врученныхъ». Царь, разумѣется, не отпустилъ Паисія: онъ болѣе, чѣмъ когда-либо былъ нуженъ Алексѣю Михайловичу. И это было важно для хитраго Грека: всѣ видѣли, какъ цѣнитъ его царь и считаетъ его для себя необходимымъ.

Но подозрѣнія на счетъ Паисія Лигарида закрались уже въ душу государя. И вотъ онъ тайно посылаетъ къ патріарху Діонисію келаря Чудова монастыря Савву, подъ предлогомъ просить еще разъ патріарха пожаловать въ Москву, а на самомъ дѣлѣ узнать, поручалъ ли онъ митрополиту Газскому быть его представителемъ на соборѣ? Тутъ открылось, что Діонисій подобнаго порученія Паисію не давалъ и грамоты никакой не посылалъ. «Паисій Лигаридъ (говорилъ Діонисій) лоза не Константинопольскаго престола; я его православнымъ не называю, ибо слышу отъ многихъ, что онъ папежникъ, лукавый человѣкъ» [48]). Конечно, лукавый Паисій могъ и теперь извернуться

---

[47]) Греческія дѣла въ Глав. Арх. М. И. Д. въ Москвѣ, связка 45, № 2; ср. Макарія И. Р. Ц. XII, 519—522. Начало не сохранилось.

[48]) Объ этомъ обстоятельствѣ Паисій въ своемъ сочиненіи говоритъ очень глухо.

и увѣрить царя, что самъ былъ обманутъ тѣмъ лицомъ, которое доставило ему грамоту. Но какъ бы то ни было, съ тѣхъ поръ объ экзаршествѣ своемъ Паисій больше уже не заикался; и не только (какъ увидимъ) не предсѣдательствовалъ, вмѣсто Цареградскаго патріарха, на соборѣ, но даже участвовалъ не во всѣхъ засѣданіяхъ собора и подписывался ниже другихъ митрополитовъ Русскихъ и Греческихъ.

Въ ожиданіи прибытія восточныхъ патріарховъ съѣхались въ Москву Русскіе архіереи. Въ Февралѣ мѣсяцѣ (1666) открылся соборъ по дѣламъ раскола. Лигаридъ не участвовалъ на немъ; но ему, какъ человѣку ученѣйшему, царь и соборъ поручили составить опроверженіе на челобитную попа Никиты изъ Суздаля, заключавшую въ себѣ возраженія противъ новоисправленныхъ печатныхъ книгъ. А такъ какъ Паисій Русскаго языка не зналъ, то челобитную Никиты пришлось для него перевести. Вслѣдствіе этого обстоятельства Лигаридъ не имѣлъ возможности вникнуть какъ слѣдуетъ во всѣ подробности содержанія челобитной; отсюда и трудъ его оставляетъ желать многаго. Написанные Паисіемъ на Латинскомъ языкѣ, а потомъ переведенные на Русскій Симеономъ Полоцкимъ [49]) «Отвѣты обличительные на церковныхъ противниковъ», въ количествѣ 31-го, на такое же число возраженій Никиты, «ефемернаго теолога, даже концемъ перста не вкусившаго теологіи» [50]), отличаются общностію. Какъ иностранецъ, Паисій не старался углубляться во внутренній смыслъ Русской жизни и въ расколѣ видѣлъ одно лишь порожденіе невѣжества [51]), главнѣйшимъ средствомъ противъ котораго, какъ и слѣдовало ожидать, признавалъ просвѣщеніе. Подавая царю Алексѣю свое сочиненіе противъ раскола, Паисій писалъ: «Какъ нѣкогда прехрабрый воевода Алкивіадъ говорилъ Аѳинянамъ, что для успѣха въ войнѣ нужны три вещи: золото, золото и золото, такъ и я, будучи спрошенъ, гдѣ столпы и ограда сану церковному и гражданскому, скажу: для того нужны училища, училища и училища. Въ училищахъ письмена благочестія

---

[49]) Переводъ С. Полоцкаго сохраняется въ библ. Московск. Дух. Акад. (рукоп. № 68).

[50]) Въ соч. „о соборѣ на Никона“, I, гл. 31. Въ рукопис. замѣткахъ В. М. Ундольскаго (Моск. публ. муз., отд. рукоп., № 1411) о переводѣ Симеона Полоцкаго есть указаніе, что „Отвѣты обличительные“ направлены и противъ расколоучителя Романовскаго попа Лазаря.

[51]) Въ сочиненіи „О соборѣ на Никона“ (I, гл. 31) Паисій Лигаридъ даетъ такой отзывъ о раскольникахъ: „Въ Россійской церкви возникли новые раскольники—Аввакумъ, Лазарь, Епифаній, Никита, Никаноръ, Ѳирсъ, не воздержанный на слова какъ Ѳерситъ, Григорій, носящій и названіе Нерона; безчисленное множество лжи написали они, далеко превышающее зловонный навозъ Авгія“.

пишутся на гладкихъ скрижаляхъ естества человѣческаго; въ училищахъ—суть образотворцы искусные, кои написуютъ человѣка во образѣ Бога Треблажайшаго и Величайшаго; въ училищахъ исполинское укрощается дерзновеніе, Циклопская смягчается жестокость, и исправляется Эпикурское житіе. Ты убо, о пресвѣтлый царю, подражай Θеодосіямъ, Юстиніанамъ и созижди здѣсь училище остроумнымъ младенцамъ для изученія трехъ коренныхъ языковъ—Греческаго, Латинскаго и Славянскаго. Подъ твоею прекрѣпкою рукою, о благочестивѣйшій царю, столько богатыхъ митрополій, изобильныхъ архіепископій и монастырей великихъ; молю, да повелишь, чтобы каждый изъ этихъ начальниковъ, по мѣрѣ своихъ приходовъ, имѣлъ питомцевъ и воспитывалъ бы клириковъ для обученія симъ тремъ языкамъ» [52]).

Наконецъ, 2-го Ноября 1666 г. прибыли въ Москву патріархи Паисій и Макарій. Послѣ торжественной встрѣчи представлялись они царю (4-го Ноября), а на другой день принимали высшее духовенство; при этомъ Паисій привѣтствовалъ патріарховъ рѣчью, за которую они выразили ему признательность [53]).

По приказанію государя, Паисій былъ приставленъ къ патріархамъ для ознакомленія ихъ во всѣхъ подробностяхъ съ дѣломъ Никона. Можно себѣ представить, чего только не наговорилъ онъ на Никона! Сохранилась записка Паисія съ изложеніемъ винъ Московскаго патріарха, поданная Восточнымъ патріархамъ [54]). Въ ней, что̀ ни слово—то ложь. Никонъ оскорбилъ всѣхъ Восточныхъ патріарховъ: Александрійскаго тѣмъ, что присвоилъ себѣ имя «патріарха-папы»; Іерусалимскаго тѣмъ, что именовалъ себя «патріархомъ новаго Іерусалима»; Антіохійскаго тѣмъ, что старался усвоить своей патріархіи 3-е мѣсто; Константинопольскаго тѣмъ, что захватилъ себѣ изъ его области Кіевскую митрополію; да, кромѣ того, патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго не признаетъ законными патріархами, потому что они не живутъ въ Александріи и Антіохіи; перестала поминать въ церкви вселенскаго патріарха; перемѣнилъ обычай прежнихъ Московскихъ патріарховъ, вмѣсто синихъ скрижалей сталъ но-

---

[52]) „О духов. учил. въ Москвѣ въ 17 стол.“ въ Приб. Твор. св. отцовъ 1845 г., кн. II, 160—162.

[53]) П. Лигаридъ „о соборѣ на Никона“ I, гл. 34—35; II, гл. I—V.

[54]) Тамъ же II, гл. 12.

сить червленыя; многократно переодѣвался во время божественнаго тайнодѣйствія, въ алтарѣ чесался передъ зеркаломъ и обратилъ св. алтарь въ преторію, въ которой снималъ цѣпи съ закованныхъ имъ іеродіаконовъ; отмѣнилъ пѣсни троичныя, воскресныя, сложенныя патр. Митрофаномъ, и запретилъ совершать торжественное освященіе воды на самый праздникъ Крещенія Господня; приравнивалъ себя къ святымъ, нося на головѣ своей корону или діадему, въ которой обыкновенно изображаются они, какъ торжествующіе на небеси, чтобы казаться подобнымъ Вышнему; назвалъ отроковъ, прислуживавшихъ ему при богослуженіи, Херувимами и Серафимами; величалъ себя «великимъ государемъ», что̀ совсѣмъ неприлично духовному лицу; архіереевъ, имъ рукоположенныхъ, не называлъ братьями, ни съ кѣмъ изъ нихъ не совѣщался, соборъ архіерейскій именовалъ синагогою, уподоблялъ православныхъ святителей Аннѣ и Каіафѣ; былъ дважды рукоположенъ въ архіерейскій санъ; былъ крайне любостяжателенъ для себя и расточителенъ для патріаршей каѳедры; предоставилъ весь свой церковный судъ свѣтскимъ людямъ, боярамъ своимъ, обыкновенно торгующимъ правосудіемъ; словно самоубійца, самъ себя разоблачилъ во время своего отреченія отъ каѳедры.

7-го Ноября состоялось первое засѣданіе собора для суда надъ Никономъ. Паисій Лигаридъ на немъ не присутствовалъ. За то главнымъ дѣйствующимъ лицомъ выступилъ онъ на второмъ засѣданіи собора, 18 Ноября. Въ этотъ день соборъ обсуждалъ три вопроса: 1) Дозволительно ли собирать соборы по нуждамъ времени? 2) Имѣлъ ли право Алексѣй Михайловичъ созвать соборъ, на который пригласилъ и Восточныхъ патріарховъ. 3) Будетъ ли созванный теперь соборъ вселенскимъ или только помѣстнымъ? Разрѣшить эти вопросы ранѣе суда надъ Никономъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, признавалось необходимымъ. Извѣстно, какъ сильно возставалъ Московскій патріархъ противъ права царя созывать соборъ. Отвѣты на нихъ заблаговременно были приготовлены Лигаридомъ. Въ засѣданіи ихъ прочитали. По 1-му вопросу Паисій, ссылкою на соборы и правила апостольскія, на примѣры соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, доказалъ право созывать соборы, по мѣрѣ нужды; на 2-й вопросъ Лигаридъ также отвѣчалъ утвердительно примѣрами изъ Византійской исторіи; отвѣчая на 3-й вопросъ, Паисій не призналъ собора на Никона вселенскимъ, такъ какъ на немъ не предполагалось разсматривать или опредѣлять какой-либо догматъ вѣры; скорѣе онъ похожъ на соборъ, бывшій нѣкогда противъ Цареградскаго патріарха Фотія и называю-

щійся въ Восточной церкви только помѣстнымъ [55]). Паисій доказывалъ, что вселенскихъ соборовъ должно быть только семь, священное число, какъ семь дней творенія, семь трубъ, отъ звука которыхъ пали Іерихонскія стѣны, семь таинствъ и пр.

По окончаніи засѣданія, происходившаго въ патріаршей Крестовой палатѣ, въ келіяхъ патріарховъ предложены были еще два вопроса: на какомъ основаніи Александрійскій патріархъ именуется «судьею вселенной» и съ какого времени Антіохійскій патріархъ сталъ называться «пастыремъ пастырей» и «архіереемъ архіеревъ». Чѣмъ была вызвана постановка этихъ вопросовъ, неизвѣстно; вѣроятно нежеланіемъ того же Никона признать за патріархами помянутыя правà. Отвѣты, снабженные учеными ссылками, далъ Паисій Лигаридъ [56]). Затѣмъ мы видимъ Паисія на пятомъ соборномъ засѣданіи, въ государевой столовой избѣ, 1 Декабря, на которомъ впервыя присутствовалъ Никонъ. Говорили, главнымъ образомъ, царь и обвиняемый патріархъ. Хотя Никонъ не разъ произносилъ укоризны по адресу Газскаго митрополита, но Паисій на нихъ не отзывался и все время, пока длилось засѣданіе, молчалъ.

Изъ актовъ соборныхъ не видно, присутствовалъ ли Паисій Лигаридъ на шестомъ засѣданіи (въ столовой избѣ государя, 3 Декабря); но на этомъ засѣданіи онъ самъ былъ предметомъ разсужденія. Павелъ, митрополитъ Сарскій, поднесъ патріархамъ сыскное дѣло о Лигаридѣ, производившееся въ **1665** г., вслѣдствіе взведенныхъ на Паисія обвиненій и обнаружившее невинность его. «И патріархи то дѣло велѣли принять» [57]).

Въ седьмомъ засѣданіи (5 Декабря) былъ поставленъ надъ Никономъ приговоръ, осуждавшій его на лишеніе патріаршества и священства.

Въ восьмомъ и послѣднемъ засѣданіи (12 Декабря) приговоръ этотъ прочитали Никону въ Чудовомъ монастырѣ. Паисій Лигаридъ былъ при этомъ, какъ можно заключать изъ того, что имъ записаны въ сказаніи «о соборѣ на Никона» разныя мелочи, коими сопровож-

---

[55]) Въ 869 г. въ Константинополѣ; считается на Западѣ восьмымъ вселенскимъ.

[56]) П. Лигаридъ „О соб. на Никона" П, гл. VII—X; Макарія „И. Р. Ц." XII, 689—691.

[57]) Запись о судѣ надъ Никономъ въ госуд. арх. (№ 119 по описи Ламанскаго и Пекарскаго. У Макарія «И. Р. Ц.» XII, 727.

далось объявленіе приговора низложенному патріарху, въ родѣ того, что Никонъ, слушая послѣднее чтеніе, по временамъ ворчалъ и подсмѣивался.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Лигаридъ былъ доволенъ побѣдою надъ врагомъ. Вѣдь въ 8-мъ пунктѣ соборнаго приговора Никону ставилось въ вину, что онъ, «увлекаясь чувствомъ гордости», укорялъ Газскаго митрополита Паисія въ несправедливости [58]).

Объявленный Никону приговоръ не былъ подписанъ 12 Декабря; его скрѣпили своими подписями члены собора только 14 Января, въ особомъ собраніи. И тутъ дѣло не обошлось безъ Паисія. Крутицкій митрополитъ Павелъ, блюститель патріаршаго престола и Рязанскій митрополитъ Иларіонъ, во время суда болѣе всѣхъ возстававшіе на Никона, вдругъ отказались подписать приговоръ объ низложеніи его. Поводомъ къ этому недоразумѣнію, по словамъ Лигарида, послужили слѣдующія слова̀ въ докладѣ по дѣлу Никона, заимствованныя изъ свитка четырехъ патріарховъ, на основаніи котораго происходилъ судъ надъ Никономъ (изъ II-й главы свитка, по Славянскому переводу): «Отъ сихъ познавается, единаго царя *государя быти владычествующа вся вещи благоугодныя, патріарха же послушлива ему быти*, яко сущему въ вящшемъ достоинствѣ и мѣстнику Божію» Русскіе архіереи поняли, что здѣсь унижена патріаршая власть предъ царскою, что церковь совершенно порабощается государству. Они заявили, что не подпишутъ акта о низложеніи Никона до тѣхъ поръ, пока не будетъ исправлено въ патріаршемъ свиткѣ «неправильное ученіе» объ отношеніяхъ царской и патріаршей властей. Царь и присутствовавшіе были смущены и опечалены. Закрывая засѣданіе, Восточные патріархи предложили каждому изъ архіереевъ обсудить еще разъ II-ю главу патріаршаго свитка и черезъ два дня дать объ ней письменное заключеніе. Архіереи представили свои записки въ срокъ. Мнѣнія раздѣлились: одни писали о превосходствѣ царской власти, другіе трактовали о превосходствѣ власти святительской. Сперва подвергли обсужденію тѣ записки, въ которыхъ говорилось о преимуществѣ власти святительской. Стали читать «3-е слово» св. Іоанна Златоуста «о священствѣ» и отрывки изъ другихъ св. отцевъ церкви: Епифанія, Григорія Богослова. Русскіе архіереи указывали на тѣ мѣста́, въ кото-

---

[58]) Подлинный приговоръ надъ Никономъ, на Греческ. яз., хранится въ Моск. синод. библіот. (по каталогу 1823 г., подъ № 9), въ перев. на Слав. яз.—въ Древ. Рос. Вивліоѳ., ч. III, 401—407 и въ Собр. гос. гр. и дог., IV, № 53.

рыхъ говорилось о превосходствѣ епископскаго сана по отношенію къ свѣтской власти. Паисій Лигаридъ, отвѣчая архіереямъ, старался умалить значеніе указываемыхъ ими мѣстъ и т. п.; а послѣ объясненія одного мѣста изъ св. Епифанія сказалъ пространную и горячую рѣчь въ защиту царской власти. Говорилъ Паисій о высотѣ, широтѣ и неограниченности царской власти у всѣхъ народовъ, обращался къ исторіи Евреевъ, Египтянъ, Грековъ и Римлянъ, приводилъ доказательства изъ священныхъ и языческихъ писателей, восхвалялъ царя Алексѣя Михайловича за его заботы о церкви и приглашалъ всѣхъ молиться за него. Никто ему не возражалъ. Всѣ были довольны и, будто бы, даже аплодировали ему. А непокорные архіереи Павелъ и Иларіонъ были такъ смущены, что подали патріархамъ просьбу походатайствовать за нихъ предъ царемъ о прощеніи. Патріархи, какъ разсказываетъ самъ Паисій, тотчасъ же позвали его къ себѣ; не смотря на то, что была уже ночь, онъ прочиталъ имъ просьбу Павла и Иларіона и сказалъ новую рѣчь о царской власти. Съ наступленіемъ утра епископы снова собрались въ патріаршемъ дворцѣ. Прочитано было еще нѣсколько свидѣтельствъ о царской и патріаршей власти; Паисій снова говорилъ длинныя похвалы царю и такъ утомилъ своими разглагольствованіями присутствовавшихъ, что на вопросъ его: «не желаютъ ли выслушать еще другія свидѣтельства?» всѣ единогласно отвѣтили: «сказаннаго даже болѣе, чѣмъ достаточно». Споръ былъ разрѣшенъ такъ: царь имѣетъ преимущество въ политическихъ дѣлахъ, а патріархъ—въ церковныхъ, и упорствовавшіе архіереи подписали соборный актъ о низложеніи Никона [59]).

Итакъ, Никонъ былъ осужденъ и сосланъ въ Ѳерапонтовъ монастырь.

Но недолго торжествовалъ и Паисій. Въ 1668 году патріархъ Іерусалимскій Нектарій увѣдомлялъ царя Алексѣя Михайловича, что Паисій, за самовольную и продолжительную отлучку изъ своей епархіи и нѣкоторыя вины, давно уже проклятъ и лишенъ святительскаго сана [60]). Но царь, будучи признателенъ Паисію за участіе его въ дѣлѣ Никона, просилъ за него предъ патріархомъ Іерусалимскимъ, чтобы сняли съ него запрещеніе. И Нектарій, «ради прошенія и

[59]) П. Лигаридъ «о соборѣ на Никона.» III, гл. IX—XI; Макарій—«И. Р. Ц.» XII. 754—757.

[60]) М. Евгеній «Слов. о писат. дух. чина», II, 147.

любви самодержца Русскаго», освободилъ Паисія отъ отлученія и проклятія, хотя онъ имѣлъ «многія великія вины и согрѣшенія» [61]).

Въ концѣ весны 1672 года Паисій Лигаридъ собрался домой. Мая 30 «указалъ великій государь отпустить съ Москвы въ Палестину Газскаго митрополита Паисія, а на Симоновскомъ подворьѣ, гдѣ онъ митрополитъ жилъ, хоромы и садъ, и погребъ, и всякое строеніе, по его великаго государя, указу приказано беречь Посольскаго Приказу Греческаго языка переводчику Миколаю Спотаріусу [62]), и жить ему, Миколаю, на томъ подворьѣ въ его митрополичьихъ хоромахъ, и переводить Греческія и Латинскія книги, и писать Греческій, и Славянскій, и Латинскій лексиконъ [63]). Сверхъ того царь предписывалъ Кіевскому воеводѣ, кн. Григорію Аѳ. Козловскому съ товарищи, что когда Паисій будетъ въ Кіевѣ, то чтобы ему съ людьми давали «кормецъ по разсмотрѣнію» [64]). Вслѣдствіе сего мѣстныя власти оказывали Паисію полную предупредительность. Въ Кіевѣ Паисія вмѣстѣ «съ причетники и съ племянникомъ и съ служки», помѣстили въ Софійскомъ монастырѣ [65]).

Кіевъ Паисію понравился. Вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Палестину, онъ тамъ остался и началъ преподавать въ Академіи философію, но скоро заставили его молчать [66]). Въ 1673 г. Кіевскіе воеводы доносили царю, что Паисій «со слезами бьетъ челомъ, чтобы ему или позволили вернуться въ Москву, или бы прибавили поденнаго корму»; что хотя въ Москвѣ ему и дано 300 рублей, но онъ «тѣ деньги, дорогою ѣдучи и въ Кіевѣ живучи, испроѣлъ, а нынѣшнею дачею поденными кормовыми деньгами прокормитца нѣчимъ». Государь, снисходя на его просьбу, велѣлъ спросить у него: куда онъ хочетъ ѣхать— въ Москву или «за рубежъ»? Паисій отвѣчалъ, что «для своей болѣзни и за стужею къ Москвѣ ѣхать не сможетъ, а за рубежъ за

---

[61]) Н. И. Субботинъ „Дѣло п. Никона“, 176—177.

[62]) Это извѣстный позднѣе Николай Спафарій. П. Б.

[63]) Указъ царя Алексѣя Мих. отъ 30 Мая 1672 г. въ Доп. Акт. ист., VII, № 55.

[64]) Доп. Акт. ист. VII, № 55.

[65]) Симбирскій сборникъ, М. 1845, 47.

[66]) Существуетъ извѣстіе, что философскія лекціи Паисія сохранились въ бумагахъ Е. В. Барсова.—См. также Евгеній „Слов. о писат. дух. чин.“ II, 147—148).

воинскими людьми ѣхать нельзя», и просилъ позволенія остаться въ Кіевѣ [67]). Тѣмъ не менѣе въ Кіевѣ онъ оставался недолго. Онъ и оттуда сталъ дѣлать царю доносы на духовенство Кіевское [68]).

Въ 1676 году мы видимъ Паисія опять въ Москвѣ. Годъ и мѣсто его кончины неизвѣстны. По предположенію преосвященнаго Филарета Черниговскаго [69]), онъ умеръ въ Москвѣ, и въ такомъ случаѣ естественно допустить, что и погребенъ онъ тамъ же, въ Симоновомъ монастырѣ, на своемъ подворьѣ.

*

Подводя итоги дѣятельности Паисія Лигарида, нельзя не согласиться съ митрополитомъ Евгеніемъ, что онъ, «по великому своему участію въ дѣлѣ низложенія патріарха Никона, принадлежитъ къ исторіи нашей». Другое дѣло, на сколько было желательно участіе Паисія въ этомъ прискорбномъ дѣлѣ. Никонъ, положительно, палъ жертвой своего тяжелаго характера. Бояре жестоко отомстили ему, разссоривъ съ царемъ. Но отъ ссоры до низложенія съ патріаршаго престола и низверженія изъ архіерейскаго сана было еще далеко. Вспомнимъ, что̀ писалъ царь Алексѣй Михайловичъ тому же Никону о патріархѣ Іосифѣ: «прости, владыко святый, хотя бы и еретичества держался, *и тутъ мнѣ какъ одному отставить его безъ вашего собора* [70])?» Въ дѣлѣ самого Никона не встрѣтилось подобнаго затрудненія, и этимъ царь былъ обязанъ Паисію Лигариду. Явившись въ Россію въ самый разгаръ Никоновскаго дѣла, Паисій первый подалъ царю совѣтъ какъ можно скорѣе снестись по дѣлу Никона съ Восточными патріархами, созвать соборъ. Затѣмъ, безъ преувеличенія можно сказать, что вся послѣдующая дѣятельность Лигарида направлялась главнымъ образомъ противъ Никона. Искусно прикрываясь церковными канонами, Паисій не останавливался ни передъ какими средствами, чтобы погубить Никона и даже въ офиціальныхъ бумагахъ не стыдился взводить на него ложныя обвиненія.

---

[67]) Симбирскі сборникъ 47, 73.

[68]) М. Евгеній „Слов. о пис. дух. чин.“ II, 147. Кіевляне въ это время тревожились возможностью подчиниться и въ церковномъ управленіи Москвѣ, какъ это видно изъ недавно вышедшаго въ свѣтъ VI-го тома книги А. П. Барсукова: „Родъ Шереметевыхъ“. Вѣроятно, хитрому Греку захотѣлось опять половить рыбки въ мутной водѣ. П. Б.

[69]) „Обзоръ Рус. дух. литературы“, I Спб. 1860, I, 344.

[70]) Акт. Эксп. IV, 83.

Чѣмъ инымъ какъ не преслѣдованіемъ личныхъ мелкихъ выгодъ можно объяснить такую слѣпую ненависть Лигарида къ патріарху Никону, который въ свою очередь былъ расположенъ къ Паисію до тѣхъ поръ, пока не узналъ о проискахъ противъ него? Паисій такъ умѣлъ угодить своими совѣтами врагамъ Московскаго патріарха, что въ сравнительно-короткій періодъ пребыванія своего въ Москвѣ получилъ домъ, нарочно для него выстроенный, со всѣми угодьями, получалъ пособія на нужды своей епархіи и подарки, былъ приближенъ къ царю и пользовался особеннымъ его расположеніемъ, «яко разумнѣйшій и премудрѣйшій» [71]). И кто знаетъ, не будь разнаго рода подозрительныхъ о немъ слуховъ, не будь грамоты патріарха Нектарія (1668 г.), которая поколебала довѣріе государя къ Лигариду, онъ, по всему вѣроятію, получилъ бы архіерейскую каѳедру у насъ въ Россіи. Но судьба рѣшила иначе, и Паисію пришлось довольствоваться скромною ролью преподавателя философіи въ Кіевской Академіи. Какъ человѣкъ безспорно образованнѣйшій и даровитый, Паисій могъ бы и на этомъ мѣстѣ принести огромную пользу пріютившему его государству (припомнимъ его рѣчь о необходимости развитія на Руси просвѣщенія путемъ умноженія школъ); но врожденная страсть вредить другимъ ради собственной пользы сгубила его.

Г. Воробьевъ.

Г. Полоцкъ.
1892 г. Мая 18.

[71]) Н. И. Субботинъ «Дѣло патр. Никона», 176.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ДРЕВНОСТЯХЪ Г. СЕЛЕНГИНСКА (СТАРАГО) И ПОСОЛЬСКАГО МОНАСТЫРЯ НА БАЙКАЛѢ.

Городъ Старый Селенгинскъ заложенъ острогомъ (по словарю Географическаго Общества) въ 1666 году. Въ 1685 году въ немъ построенъ рубленый городъ. Въ 1822 году Старый Селенгинскъ упраздненъ, какъ административный центръ и въ 1840 г. перенесенъ на лѣвый берегъ р. Селенги. Заселился городъ преимущественно послѣ 1689 года, когда стрѣльцы, сопровождавшіе отрядъ Русскаго посла Головина, окончательно разбили Бурятъ и, большею частію, поселились въ городѣ и его окрестностяхъ по теченію р. Селенги.

Въ настоящее время Старый Селенгинскъ представляетъ собою слободу съ десяткомъ жалкихъ, разрушающихся лачугъ и нѣсколькими десятками еле перебивающихся мѣщанъ. Отъ древней городской деревянной стѣны ничего не осталось, но полуразрушенныя стѣны бывшаго каменнаго гостинаго двора еще цѣлы; также сохранился величественный каменный соборъ Нерукотвореннаго Спаса. Нѣкоторыя окна этого храма состоятъ изъ слюдяныхъ пластинокъ, вправленныхъ въ рамы. Иконостасъ верхней церкви въ семь рядовъ иконъ; самый верхній рядъ состоитъ изъ большаго распятія и по бокамъ его двухъ деревянныхъ изваяній, повидимому, очень древнихъ и очень грубой работы. Въ нижнемъ этажѣ, гдѣ помѣщается теплая церковь, за правымъ клиросомъ замѣчательна большая старинная икона, изображающая страсти Христовы, съ цѣпями, пѣтухомъ и пр.; вся икона состоитъ изъ изваяній (13 фигуръ), наклеенныхъ на дерево, очень грубой работы.

Другая церковная древность города—часовня съ деревяннымъ крестомъ въ ней, сооруженнымъ какимъ-то атаманомъ Девятьевымъ въ прошломъ вѣкѣ. Крестъ считается чудотворнымъ. Онъ стоялъ поочередно въ двухъ церквахъ; обѣ церкви сгорѣли, а крестъ остался невредимъ. По бокамъ его двѣ иконы, грубо вырѣзанныя изъ досокъ.

Напротивъ города, на противуположнымъ берегу Селенги, находятся могилы Декабристовъ, а за ними по высокой каменистой и гористой мѣстности разсѣяны въ большомъ количествѣ древнѣйшія человѣческія могилы, состоящія изъ насыпанной кучи камней и ограды изъ большихъ стоймя поставленныхъ камней кругомъ кучи. Буряты называютъ эти могилы кэр-

гэсэнъ - чило́, т. е. Киргизскія могилы. Разрываніе этихъ могилъ очень трудно по причинѣ каменистаго грунта и большихъ наваленныхъ сверху камней; тѣмъ не менѣе, на многихъ могилахъ видны слѣды раскапыванья ихъ, вѣроятно, кладоискателями.

*

Посольскій мужской монастырь на Восточномъ берегу Байкала, въ 20 верстахъ отъ Боярской почтовой станціи и пароходной пристани, основанъ по указу царя Өеодора Алексѣевича въ 1681 году игуменомъ Өеодосіемъ и іеромонахомъ Макаріемъ, и построенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ измѣннически убитъ Бурятами Московскій посолъ Ерофей Заболоцкій съ сыномъ и людьми въ 1650 году. Монастырь расположенъ на самомъ берегу Байкальскаго моря и окруженъ каменной стѣной. Его двухъэтажная каменная церковь (верхній этажъ Преображенія, а нижній Знаменія Богородицы) построена въ 1706 году, вмѣсто старой церкви, Енисейскимъ купцомъ Веретковымъ.

Изъ древностей монахи прежде всего указываютъ на часовню въ монастырскомъ саду, построенную надъ могилой основателя монастыря. Надпись на простой могильной плитѣ этой могилы, глубоко вырѣзанная большими буквами въ каменной плитѣ, гласитъ: „1714 года Декабря десятаго дня преставися купчина Кяхтинскаго каравану Григорій Аөонасьевъ сынъ Осколковъ“.

Въ ризницѣ монастыря находятся Евангеліе изданія 1663 года и Синодикъ изданія 1761 года. Синодикъ этотъ писанъ отъ руки и украшенъ 29 раскрашенными преимущественно красною краской картинами, на подобіе лубочныхъ, изображающими разныя сцены смерти и мытарства загробной жизни. Въ Посольскій монастырь книга эта попала, по словамъ монаховъ, изъ Троицкаго Селенгинскаго монастыря.

Свой архивъ монахи (настоятель былъ въ отлучкѣ) постѣснились показать мнѣ, такъ какъ я не имѣлъ разрѣшенія на осмотръ его отъ высшаго епархіальнаго начальства, т. е. отъ Читинскаго епископа; но, по словамъ монаховъ, дѣлъ и документовъ XVII вѣка не сохранилось, а дѣлъ XVIII вѣка очень немного.

Мѣстные жители селеній Посольскаго и Большерѣчинскаго на мой вопросъ о „громовыхъ стрѣлахъ“ и ископаемыхъ костяхъ, посылали въ селеніе Больше-Дворецкое, въ 23 верстахъ отъ Кабанска на Бараньемъ мысу, гдѣ, по ихъ словамъ, крестьяне нерѣдко находятъ ископаемыя кости, много желѣзныхъ наконечниковъ и другія древнія вещи.

Влад. Птицынъ.

ИНСТРУКЦІЯ

Ростовскаго митрополита Арсенія Мацієвича Өедору конюху.

О знаменитомъ Ростовскомъ митрополитѣ Арсеніѣ Мацієвичѣ, умершемъ подъ именемъ „Андрея Враля“ въ стѣнахъ Ревельской крѣпости 28 Февраля 1772 года, писано немало, но подробной и безпристрастной біографіи его нѣтъ и по настоящее время.

Сообщаемыя о немъ свѣдѣнія касаются болѣе его политической жизни, но на домашнюю жизнь мало обращалось вниманія. Въ одной изъ моихъ рукописей [1]), принадлежавшей прежде Ростовскому старожилу П. В. Хлѣбникову и частью напечатанной мною въ изданіи Общества Любителей Древней Письменности [2]), сохранились объ Арсеніѣ разсказы современниковъ, которые отзывались о немъ такъ:

„Жизни митрополитъ былъ воздержной, а характеромъ, видно, строгой; имѣлъ большую охоту къ лошадямъ, коихъ у него было до шестисотъ. И по охотѣ этой въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, принадлежащихъ архіерейскому дому, были такъ называемые тогда „конные дворы“, напримѣръ въ Демьянахъ, Песочинѣ, Ставотинѣ и Никольскомъ, что̀ въ горахъ. Это, по нынѣшнему, были, должно полагать, заводы; ибо митрополитъ иногда-де самъ бывалъ при сводѣ, желая имѣть породы, улучшенныя, искусствомъ и не довѣряя завѣдующимъ конными дворами въ точности исполненія приказовъ его. Для пастбищъ его лошадей были отведены особые архіерейскіе луга, а въ городѣ лошади помѣщались въ каменномъ конюшенномъ дворѣ, который названіе это сохранилъ и по сіе время. Величина зданія этого даетъ вѣроятіе о большомъ числѣ лошадей, въ немъ могущемъ помѣститься, безъ значительнаго количества коихъ не было бы нужно таковое построеніе, которое, бывъ двуэтажнымъ, имѣло фигуру четыреугольника, состоящаго изъ четырехъ корпусовъ. Полагать надо, что тутъ помѣщались экипажи, конюхи и другіе прислужники. Нерѣдко лошадей приводили къ митрополиту на дворъ, гдѣ ставился чанъ съ водою, и конюхи, по приказанію его, подводили лошадей къ чану, и буде лошадь станетъ пить изъ него воду, то конюхъ, какъ не напоившій ея, наказывался. Съ конюшни митрополита, будто-бы, взято было

---

[1]) Охранный каталогъ № 1417.

[2]) XCIV. Лѣтопись о Ростовскихъ архіереяхъ. Спб. 1890 г., стр. 51

къ Высочайшему двору нѣсколько лошадей вороныхъ, имѣвшихъ хвосты, гривы и челки бѣлыя"...

Въ дополненіе къ этому любопытному показанію, недавно намъ довелось получить списокъ съ черновой инструкціи митрополита Арсенія, помѣченной 1752 годомъ и, повидимому, имъ своеручно исправленной. Эта инструкція свидѣтельствуетъ, что Арсеній не только былъ любитель лошадей, но и заботливый хозяинъ. Отнятіе въ казну обширныхъ имѣній должно было для него быть особенно чувствительнымъ.

*

По полученіи сего ѣхать тебѣ въ Ростовскую митрополицкую нашу вотчину, въ село Никольское и отвести туды съ бережностію воронаго жеребца къ заводу и поставить въ отдѣлъ; и какъ оного, такъ и протчихъ жеребцовъ, содержать на добромъ корму и въ чистотѣ, а у каждаго отдѣла, или назвать чулана, у двери были-бъ желѣзныя цѣпи, а сверхъ того деревянныя засовки для надежнаго запору, чтобъ жеребецъ изъ чулана не вырвался и себя бы не повредилъ, и того смотрѣть на крѣпко. А кобылъ пригонныхъ кормить колосомъ, а къ тому поддавать посадного овса, чтобъ до весны ихъ справить. Марта мѣсяца съ пятаго на десять числа начатокъ сдѣлать жеребцовъ къ кобыламъ припускать отъ рукъ, а потомъ жеребцовъ повыдержать завременно, не давая имъ овса... А кобылъ караваномъ въ полѣ пасти на добрыхъ кормахъ и водопояхъ, и жеребцовъ по Іюль мѣсяцъ, а потомъ жеребца принять въ чуланъ, а кобылъ пустить въ мірской табунъ. А которые конюхи будутъ пасти кобылъ, и смотрѣть за ними на-крѣпко, дабы жеребца къ постороннимъ кобыламъ конечно не припускали; а если окажется въ томъ ихъ плутовство, то сѣчь ихъ плетьми безъ милости, а съ ѣздоками къ намъ о томъ писать. А буланому жеребцу ходить въ мірскомъ табунѣ, чтобъ у крестьянъ нашихъ отъ кобылъ завелись крупныя лошади для ихъ удовольствія; а крестьянамъ должно чувствовать оную нашу къ нимъ милость. А караванъ кобылъ нашихъ съ мірскимъ табуномъ близко, конечно, не сгонять, и того пастухамъ накрѣпко подтверждать, чтобъ жеребецъ съ жеребцомъ какъ не сближались и между собой не грызлись, за чтò ты, Ѳедька конюхъ, съ управителемъ, старостою и съ выборнымъ немилосердно плетьми разсѣчены будете, со взятіемъ тяжкаго штрафа, и во ономъ ты съ ними будь согласенъ безъ упущенія.

А ты, Ѳедька, довольно знаешь, какъ у насъ въ здѣшнихъ вотчинахъ разные порядки основаны, и ты Никольскаго управителя, старосту и выборнаго равномѣрно въ тотъ порядокъ ко исполненію, конечно, приведи

безъ потачки, дабы основанiе было во всѣхъ различностяхъ противу здѣшняго. Какъ придетъ сѣять яроваго хлѣба, то сѣять съ поспѣшенiемъ: яроваго хлѣба половину въ раннiй сѣвъ, а другую половину въ среднiй сѣвъ, а запахивали бы сохами поглубже, и цѣлизенъ бы не было, и забороновывать достойно, чтобъ комьевъ не было. А какъ станутъ хлѣбъ жать, тобъ жали поспѣшно и чисто, рожь класть въ копны по сту сноповъ, яровой хлѣбъ въ копну по двѣсти сноповъ счетомъ, а копны вывершивать покруче, чтобъ отъ дождя заливу не было. А какъ въ гумно станутъ возить, тобъ возили со всякимъ поспѣшенiемъ и клали въ адоньи и клади съ крутыми верхами, дабы западень не было, а клади и адоньи класть на кроватяхъ образцовыхъ. А гречу косить съ поспѣшенiемъ же, а копны вывершивать покруче, чтобъ дождемъ не заливало. Установишь ты порядокъ, чтобъ за скотиною и за птицами призрѣнiе было достойное противу здѣшнихъ порядковъ съ довольствомъ умножить.

А что въ селѣ Никольскомъ частые бываютъ падежи на коровъ, и то дѣлается отъ того, понеже въ поляхъ скотскихъ костей довольно, и какъ весна наступитъ, то до выпуску скотины въ поле, въ самой скорости, всѣхъ сельскихъ робятъ и дѣвокъ выслать въ поле, а за ними стариковъ смотрителей и всѣ кости скотскiя собрать и зарыть въ землю и то чинить повсягодно; оттого впредъ и падежи конечно умалются.

А какъ весна станетъ наступать, то ты, Ѳедька, согласясь съ управителемъ, съ старостою и выборнымъ, взявъ съ собою стариковъ, въ избахъ всѣ печи освидѣтельствуй; ежели которая худа, то разломать и велѣть новую сдѣлать, а гарнушкамъ быть у столиловъ такъ какъ въ здѣшнихъ нашихъ вотчинахъ для опасности сдѣлано, и отъ пожару большую имѣть предосторожность. А для оного смотрѣнiя бабъ выбрать десятскихъ, чтобъ каждая баба въ своемъ десяткѣ прилежно смотрѣла, какъ беречься отъ пожарнаго злослучая, и того на нихъ взыскивать со строгостiю безъ упущенiя. А какъ съ поля рожь въ гумно свезется, то ты, Ѳедька, сдѣлавъ ужинныя книги, съ приплодомъ лошадей, скота и птицъ, взявъ подводу и прiѣзжай къ намъ въ Ростовъ и, при поданiи тѣхъ книгъ, словесно можешь намъ объявить, каковъ управитель съ товарищи въ смотрѣнiи должности своей таковъ, и крестьяне каковы въ работахъ и послушанiяхъ и о прочихъ принадлежностяхъ.

И по сему чинить исполненiе непремѣнно со всякимъ усердiемъ, безлѣностно и безъ потачки, подъ опасенiемъ жестокаго наказанiя.

*

Въ заключеніе нелишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ о селѣ Никольскомъ, куда отправлялъ Ѳедора-конюха домовитый Ростовскій архипастырь.

«Село Никольское въ горахъ», въ 22 верстахъ отъ Ростова, имѣетъ каменную пятиглавую церковь, построенную въ 1700 г. Ростовскимъ митрополитомъ Іоасафомъ; въ ней каменное горнее мѣсто сохранилось до настоящаго времени, какъ вообще, за исключеніемъ вновь устроеннаго придѣла, и вся церковь. Это село было пожаловано царемъ Иваномъ Грознымъ Ростовскому архіепископу Никандру, который, по словамъ Ростовскихъ лѣтописцевъ, былъ близокъ къ царю и участвовалъ въ его непотребствахъ. Грозный подарилъ тогда архіерейскому Ростовскому дому немало селъ и разныхъ угодій, и въ одномъ изъ этихъ подаренныхъ селъ Никандръ построилъ свой загородный архіерейскій домъ, гдѣ любилъ весело проводить съ друзьями время. Скончался онъ въ Москвѣ скоропостижно „среди пиршества, бывъ въ пьянство погруженъ“ *).

Село Никольское, окруженное холмами (отчего и называется „въ горахъ“) среди прекрасной мѣстности, служило издавна лѣтнимъ мѣстопребываніемъ нѣкоторыхъ Ростовскихъ владыкъ. Здѣсь находился архіерейскій домъ и при немъ садъ, признаки котораго, въ видѣ заросшихъ дорожекъ и попорченныхъ старыхъ липъ, уцѣлѣли до сихъ поръ. Въ селѣ два большихъ рыбныхъ пруда, которые и доселѣ принадлежатъ архіерейскому дому.

А. Титовъ.

Ростовъ. 16 Ноября 1892 г.

---

*) Лѣтоп. о Ростов. арх., стр. 18.

КАКЪ УМИРАЛЪ ГРАФЪ Ѳ. В. РАСТОПЧИНЪ.

Письмо изъ Москвы въ Одессу отъ Московскаго почтдиректора А. Я. Булгакова къ графу М. С. Воронцову*).

Москва, 31 Декабря 1825 года.

Слава Богу, этотъ злопамятный годъ приближается къ концу! Онъ былъ бѣдоносенъ для каждаго въ частности, и для всѣхъ Русскихъ вообще. Я избавлю васъ, дорогой другъ, отъ предмета разговора, горестнаго вашему сердцу. Сколько разъ повторяли мы съ женой: бѣдный графъ Михаилъ! Но, оставляя въ сторонѣ эти печальныя размышленія, я все же долженъ побесѣдовать съ вами о томъ, что̀ васъ огорчитъ.

Графъ Растопчинъ очень плохъ, и вы хорошо сдѣлаете, если предупредите о томъ Нарышкина, чтобы онъ не задерживалъ (если еще есть время) отъѣзда супруги своей [1]). По возвращеніи изъ деревни, у графа возобновились его обычныя страданія; но наканунѣ Рождества тоска, судорги и удушье сдѣлались до того сильны, что я посовѣтовалъ ему подумать о душѣ. Онъ съ радостью принялъ этотъ совѣтъ и просилъ графиню тотчасъ же послать за священникомъ. Больной исповѣдовался, пріобщился и не чувствовалъ ни малѣйшей усталости, хотя все это продолжалось почти часъ времени. Съ этого самого утра онъ почувствовалъ себя лучше. Въ Воскресенье, 26-го, въ восемь часовъ утра, у него былъ припадокъ нервнаго паралича, но паралича только въ языкѣ; онъ сталъ говорить невнятно, однако былъ въ полной памяти и говорилъ много, но медленно. Въ тотъ же день его соборовали, и онъ въ промежуткахъ успокоенія прощался съ нами, бесѣдовалъ съ графиней, съ Андреемъ [2]) и съ каждымъ изъ насъ въ от-

---

*) Съ Французскаго переведено изъ XXXVIII-й книги «Архива Князя Воронцова» П. Б.

[1]) Таврическій губернаторъ Дмитрій Васильевичъ Нарышкинъ женатъ былъ на старшей дочери графа Растопчина, гр. Натальѣ Ѳедоровнѣ. П. Б.

[2]) Тогда 12-ти лѣтній графъ Андрей Ѳедоровичъ, недавно скончавшійся въ Петербургѣ (онъ род. 13 Октября 1813 г.) Это было любимое дитя отца. О немъ часто говоритъ онъ въ письмахъ своихъ къ графу С. Р. Воронцову, въ VIII-й книгѣ «Архива Князя Воронцова» (его имя означено въ печати буквою или звѣздочкою). П. Б.

дѣльности, безо всякихъ жалобъ и съ твердостью достойною души великой. Каждому называлъ онъ вещь, которую оставлялъ ему на память, говорилъ о распоряженіяхъ, находившихся въ его завѣщаніи, которое отдано въ Воспитательный Домъ и къ которому онъ сдѣлалъ добавленіе, распоряжался приведеніемъ въ порядокъ своихъ дѣлъ и своего наслѣдства, наградилъ щедро всѣхъ домочадцевъ, даже бѣдному Матюшѣ, котораго онъ знаетъ всего нѣсколько лѣтъ, назначилъ 2000 р. пенсіи, говорилъ о смерти, съ чистотою совѣсти и христіанскою покорностью, страдая или чувствуя облегченіе, не переставалъ молиться Богу, распорядился своими похоронами, приказавъ, чтобы никому не посылали пригласительныхъ билетовъ и погребеніе совершилъ только одинъ священникъ, чтобы могила его была совсѣмъ простая, чтобы его положили въ гробъ въ простомъ платьѣ безъ орденовъ, чтобы его похоронили рядомъ съ дочерью Елисаветой и чтобы могилу его покрывала мраморная доска съ вырѣзаннымъ именемъ, безъ обозначенія чиновъ [3]).

Было по истинѣ умилительно видѣть этого человѣка, окруженнаго друзьями, которые рыдали, а онъ сохранялъ полнѣйшее спокойствіе и присутствіе духа и какъ будто не чувствовалъ страданій. Съ нѣжностью онъ сказалъ мнѣ о своей дочери Натальѣ: Поцѣлуйте ее за меня! Бѣдная Наталья, она пріѣдетъ сюда, чтобы найти отца уже умершимъ! Онъ просилъ меня написать старику Сегюру, изъ опасенія, чтобы дочь его Софья не узнала неожиданно о его смерти изъ газетъ; благословилъ и простилъ сына Сергѣя [4]) и поцѣловалъ его портретъ; наконецъ, входилъ въ малѣйшія подробности, касающіяся его семьи. Онъ много говорилъ мнѣ о вашемъ отцѣ, о дружбѣ, соединявшей ихъ въ теченіи 40 лѣтъ, просилъ написать вамъ и увѣдомить васъ объ его состояніи, дабы вы приготовили графа Семена къ потерѣ дорогаго и нѣжнаго друга.

Вотъ уже три ночи, что я сплю не раздѣваясь и ухаживаю за больнымъ. Боялись новаго припадка, котораго, слава Богу, не было. Его удивительный организмъ сбиваетъ съ толку докторовъ Пфеллера и Рамиха, которые не выходятъ отсюда. Ожидали его смерти въ Понедѣльникъ вечеромъ, а теперь уже Четвергъ; онъ живетъ съ водянкою въ груди, скопленіемъ желчи, которая давитъ печень, съ распухшею ногою и нарывомъ на лѣвомъ легкомъ. Со вчерашняго вечера ему настолько лучше, что у

[3]) Графъ Растопчинъ скончался въ домѣ своемъ на Большой Лубянкѣ 18 Января 1826 г. и похороненъ на Пятницкомъ кладбищѣ, надпись на его памятникѣ: „Среди моихъ дѣтей покоюсь отъ людей". П. Б.

[4]) Этотъ старшій сынъ графа Растопчина находился въ то время за границей. П. Б.

докторовъ появился лучъ надежды. Лѣкарство дѣйствуетъ, мокрота отдѣляется въ большомъ количествѣ и безъ труда... нарывный пластырь на спинѣ произвелъ дѣйствіе. Ночью онъ такъ ободрился, что принялъ участіе въ разговорѣ, и я сказалъ шопотомъ Рамиху и Матюшѣ: вы увидите, вмѣсто того, чтобы умереть съ 1825-мъ годомъ, нашъ больной оживетъ съ 1826-мъ. На это графъ, вдругъ поднявшись, отвѣчалъ мнѣ громкимъ голосомъ: «Мой добрый другъ, вы обходитесь со мной какъ съ ребенкомъ и забавляете сказками; увидите, что я задохнусь въ ту минуту, когда вы этого всего меньше будете ждать».

Такова, дорогой другъ, въ краткихъ словахъ, исторія болѣзни этого человѣка, котораго мы всѣ имѣемъ столько причинъ любить. Безполезно прибавлять, что присутствіе духа ни на минуту не измѣнило графинѣ. Вотъ уже четыре дня какъ она не спитъ и не ѣстъ, подражая вѣнчанному ангелу Таганрога. Она трогательно ухаживаетъ за супругомъ. Господь пощадитъ ли ее больше чѣмъ Императрицу? Я не смѣю надѣяться, но вы можете себѣ представить, что я этого желаю. Я вамъ напишу, какъ только выяснится полное улучшеніе или наступитъ несчастіе, котораго мы всѣ страшимся. Сообщите содержаніе этого письма Лонгинову; но меня увѣряютъ, что вы уѣхали изъ Таганрога, а что Нарышкинъ туда прибылъ.

У насъ все благополучно. Я было хотѣлъ тотчасъ же ѣхать въ Петербургъ, опасаясь за здоровье брата и зная, какъ обожалъ онъ покойнаго Государя, своего благодѣтеля; но у дочери Катиньки была жаба, не позволившая мнѣ оставить ее. Я не спокоенъ за ваше здоровье, которое должно было перенести тяжелое испытаніе. Да поддержитъ васъ Господь и да сохранитъ онъ намъ графа Р. Прощайте, дорогой другъ; обнимаю васъ. Кстати о друзьяхъ: нашъ другъ Закревскій получилъ св. Александра, здѣшній Голицынъ и графъ Толстой голубую ленту, Бенкендорфъ и Комаровскій св. Александра, Алексѣй Орловъ графское достоинство; этотъ устраиваетъ свои дѣла лучше, чѣмъ его братъ Михайла, котораго арестовали и повезли въ Петербургъ.

Впрочемъ Москва сохраняетъ полное спокойствіе. Л. В. Васильчиковъ уѣхалъ сегодня въ Таганрогъ. Прошу прощенія за маранье, которое я даже не успѣлъ перечесть: я вамъ пишу въ 4 часа утра, полусонный и прерываемый каждую минуту.

А. Булгаковъ.

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА КЪ С. Д. НЕЧАЕВУ.

Памятный Московскимъ старожиламъ д. т. совѣтникъ, сенаторъ и писатель, Стефанъ Дмитріевичъ Нечаевъ (род. 18 Іюля 1792 † 5 Сентября 1860) былъ сынъ Данковскаго дворянскаго предводителя Дмитрія Стефановича и Анны Ивановны, урожденной Сиверсъ. Въ 1812 году Д. С. Нечаевъ исполнялъ важную должность Рязанскаго губернскаго предводителя, а молодой Стефанъ Дмитріевичъ, получившій образованіе въ Московскомъ университетѣ, находился въ Нижнемъ-Новгородѣ и Арзамасѣ, состоя по письменной части при князѣ Я. И. Лобановѣ-Ростовскомъ, которому порученъ былъ наборъ ратниковъ и у котораго началъ онъ свою службу еще въ Ригѣ. По недостатку въ ногѣ, не могъ онъ служить въ войскахъ. Съ 1817 по 1823 годъ С. Д. Нечаевъ былъ директоромъ училищъ Тульской губерніи, и къ этому времени преимущественно относятся его занятія словесностью: стихотворенія его появлялись въ тогдашнихъ журналахъ. Владѣя частью Куликова поля, С. Д. Нечаевъ много содѣйствовалъ своими статьями въ повременныхъ журналахъ и письменными заявленіями ученымъ и высокопоставленнымъ лицамъ къ обновленію памяти о знаменитой побѣдѣ надъ Мамаемъ, вслѣдствіе чего впослѣдствіи была, по Высочайшему повелѣнію, открыта повсемѣстно подписка на сооруженіе на Куликовомъ полѣ памятника, который тамъ и воздвигнутъ.

Поступивъ чиновникомъ особыхъ порученій къ Московскому ген.-губернатору князю Д. В. Голицыну, Нечаевъ началъ свою многолѣтнюю и плодотворную дѣятельность по благотворительной части. Москва помнитъ его заботы по устройству Дома Трудолюбія (нынѣ Елисаветинскій Институтъ), а затѣмъ Глазной Больницы: въ обоихъ учрежденіяхъ былъ онъ и казначеемъ, и секретаремъ, и президентомъ. Въ слѣдующее за тѣмъ царствованіе, послѣ коронаціи, отправился онъ съ графомъ Строгановымъ на Уралъ для разслѣдованія раскола, и его донесенія по этому предмету обратили на него вниманіе высшаго правительства: онъ причисленъ къ Собственной Канцеляріи Государя. Женитьба на Софьѣ Сергѣевнѣ Мальцовой *) сблизила его съ роднымъ ея дядею оберъ-прокуроромъ Св. Синода, княземъ Петромъ Сергѣеви-

---

*) Ея имя перешло къ младшему ея сыну Юрію Стефановичу, который, унаслѣдовавъ имущество своего дяди, Ивана Сергѣевича, съ Высочайшаго соизволенія сталъ именоваться Нечаевымъ-Мальцовымъ.

чемъ Мещерскимъ, и 1 Декабря 1828 года опредѣленъ онъ „за оберъ-прокурорскій столъ“, гдѣ и вступилъ въ частыя сношенія съ митрополитомъ Московскимъ. Дѣятельность, точность въ работѣ, многостороннее образованіе скоро послужили обоимъ къ взаимному уваженію. Съ 1 Мая по 1 Сентября 1829 г., когда оберъ-прокуроръ ѣздилъ въ отпускъ, Нечаевъ исполнялъ его должность. Въ томъ же году ему порученъ надзоръ за перестройкою зданія, въ которомъ нынѣ находятся Святѣйшій Синодъ и Правительствующій Сенатъ. Не разъ потомъ вспоминалъ Нечаевъ, какъ трудно ему бывало, съ его несгибающеюся въ колѣнѣ ногою, слѣдовать по лѣсамъ за Николаемъ Павловичемъ, который нерѣдко пріѣзжалъ на стройку, и потомъ самъ на мѣстѣ перемѣнялъ назначеніе присутственныхъ залъ.

2-го Апрѣля 1833 года Нечаевъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода. Въ этой должности оставался онъ по 25 Іюня 1836 года: болѣзнь жены потребовала отъ него перемѣны мѣста жительства, и тогда же началась его служба въ Московскомъ Сенатѣ, гдѣ онъ засѣдалъ сначала во 2-мъ отдѣленіи 6-го департамента, а съ 1841 года первоприсутствующимъ въ 8-мъ (уголовномъ). Тогдашній сослуживецъ его, извѣстный писатель М. А. Дмитріевъ, человѣкъ, котораго никто не упрекнетъ въ льстивости, выразилъ въ слѣдующемъ осьмистишіи достоинства С. Д. Нечаева:

Кто, законъ храня въ Сенатѣ,
Звуковъ лиры не забылъ,
Кто о нищихъ, какъ о братѣ,
Думы сердца приложилъ?
Гражданинъ и Божій воинъ,
И законникъ, и пѣвецъ—
Онъ воистину достоинъ
Получить двойной вѣнецъ *).

Москва
15 Ноября 1845 г.

Въ 1840 году, во время голода, Нечаевъ устроилъ въ Москвѣ общественные столы для прокормленія бѣдныхъ, за что получилъ орденъ Владимира 2-й степени. Въ Москвѣ кромѣ сенаторства С. Д. Нечаевъ служилъ президентомъ Комитета о просящихъ милостыни. Имъ написанъ уставъ попечительства, заведены Московскіе Дѣтскіе пріюты и устроенъ Работный домъ. И тутъ, по Императорскому Человѣколюбивому Обществу, снова былъ онъ въ сношеніяхъ съ митрополитомъ Филаретомъ.

Нижеслѣдующія письма печатаются съ подлинниковъ, сохранившихся у старшаго сына С. Д. Нечаева, Дмитрія Стефановича, которому обязаны мы сообщеніемъ ихъ въ „Русскій Архивъ“. Многія письма имѣютъ значеніе отмѣтокъ, которыя митрополитъ, живя въ Петербургѣ, дѣлалъ на запросы находившагося тамъ же С. Д. Нечаева. П. Б.

---

*) Въ это время С. Д. Нечаевъ получилъ корону на Аннинскую звѣзду. П. Б.

Письма митрополита Филарета.

1.

Нѣкоторыя замѣчанія, по моему мнѣнію, сдѣланы не со всею ревностію, какая нужна, чтобы обличить неточность другаго. Но заключеніе общее кажется мнѣ совершенно справедливымъ.

Кажется, пропущены мѣста, надъ которыми защитники сочинителя скорѣе признали бы его ошибки. Напримѣръ:

Кого разумѣешь ты подъ именемъ родителей? Сей вопросъ болѣе способенъ разсмѣшить, нежели наставить ученика. Какой ученикъ, слыша слово *родители*, не разумѣетъ, безъ выученной дефиниціи, кого симъ означаютъ?

В. Что значитъ оказывать любовь ближнему словами?—О. Не завидовать. Изъ соотвѣтствія сего вопроса и сего отвѣта выходитъ предположеніе, что завидуютъ словами; а когда замолчатъ, то уже не завидуютъ. Нелѣпость, которая необходимо выходитъ изъ словъ сочинителя, показываетъ, что слова его также не очень лѣпыя.

Мѣра любви къ ближнему должна соотвѣтствовать мѣрѣ нуждъ его. Если принять сіе положеніе, то надобно будетъ принять и слѣдующее изъ онаго заключеніе: поелику богатый въ нищемъ не имѣетъ никакой нужды, то нищій не обязанъ имѣть къ богатому никакой любви. А если сіе заключеніе надлежитъ отвергнуть, какъ нелѣпое: то, очевидно, что негодится и положеніе сочинителя.

Остаюсь—вы думаете—съ почтеніемъ къ вамъ? Да, это правда; но теперь не о томъ: остаюсь съ удивленіемъ къ премудрости Удѣльнаго Департамента.

Марта 18-го 1832.

2.

†

Не отрекаясь подписать сей журналъ, не излишнимъ однакоже почитаю предложить предварительно на разсужденіе слѣдующее:

1) Класный окладъ первоначально назначенъ для бѣлаго духовенства. А какъ жалованье въ духовныхъ училищахъ положено малое (по предположенію, что учащіе будутъ соединять съ училищною епархіальную службу и получать класные оклады), то изъ сего выведено право учащимъ (и монахамъ, и свѣтскимъ, готовящимся къ духовному званію) получать классные оклады, какъ дополнительное жалованье къ малому семинарскому. На какомъ же основаніи К. Д. У [1]). даетъ дополнительное жалованье къ жалованью Ришельевскаго Лицея?

[1]) Коммиссія Духовныхъ Училищъ, въ которой С. Д. Нечаевъ былъ членомъ. П. Б.

2) Имѣетъ ли право присутственное мѣсто, по частнымъ видамъ дѣлать переводы своихъ окладовъ и запутывать свою бухгалтерію? Порфирій можетъ умереть, а въ Костромѣ, не зная того вскорѣ, за лишнюю треть выдадутъ окладъ матери; а взять съ нея чего?

Марта 22-го 1832.

3.

†

Милостивый государь Стефанъ Дмитріевичъ.

Послушаніе, вами на меня возложенное, я исполнилъ: прочиталъ мысли Прихожанина. Чтобы не забыть, что̀ думалъ при чтеніи, я записывалъ, означивъ на тетради карандашемъ числа моихъ замѣчаній, дабы видно было, къ чему которое относится. Замѣчанія сіи при семъ посылаю. Не прогнѣвайтесь за г. Прихожанина, что я говорю съ нимъ не всегда съ низкимъ поклономъ: скучно, что люди во всемъ видятъ только безпорядки и злоупотребленія, и за безпорядокъ одного человѣка въ одномъ мѣстѣ хотятъ перестроить цѣлый міръ.

Если домъ для Новочеркаской семинаріи малъ и дорогъ, надобно отказать въ покупкѣ. Но если епархія не имѣетъ семинаріи, то какъ будетъ она имѣть духовенство?

Сорадуюсь родительской радости князя Петра Сергѣевича [1]). Радъ буду увидѣть доброе чадо его.

Продолжаю лѣчиться; а между тѣмъ сегодня ѣду на панихиду по Цесаревичѣ [2]) въ Архангельскій соборъ, а потомъ на экзаменъ въ Коммерческое училище.

Призываю вамъ и семейству вашему благословеніе Божіе.

Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Филаретъ М. Московскій.

№ 228. М. Іюня 14-го 1832.

Что̀ если я въ Лавру, а сюда въ то время нѣкій гость изъ Петербурга, яко женихъ въ полунощи? Не знаю, какъ тутъ быть.

Мои мнѣнія на мнѣнія Прихожанина.

1) Что̀ же должны внушать священники?—«Ставьте свѣчи, хотя староста и крадетъ ихъ съ лампады».—Полно, можно ли и полезно ли требовать такого ученія отъ священника крестьянамъ? Не справедливѣе ли сказать старостѣ: не спѣши брать свѣчи съ лампады и не оскорбляй простыхъ людей, усердствующихъ по своему понятію. А правительству, которое умнѣе старосты и священника, надлежало

---

[1]) Князь П. С. Мещерскій род. 1779 † 1856, оберъ-прокуроръ Св. Сѵнода. П. Б.

[2]) Панихида по великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ. Этотъ день былъ годовщиною его смерти. П. Б.

разсуждать въ свое время: основывать ли на семъ похищеніи свѣчъ съ лампады отрасль дохода?

2) Г. Прихожанинъ жалуется, что по Тамбовской епархіи свѣчной доходъ превращенъ въ налогъ. Чѣмъ же онъ хочетъ сіе поправить? Превращеніемъ въ налогъ свѣчнаго и кошельковаго дохода по всей Россіи.

3) «Могли бы оправдаться и на мѣстѣ, только гораздо дешевлѣ».— Легко укорять; не такъ легко дѣлать дѣла, къ которымъ не могли бы прильнуть укоризна и насмѣшка. Какъ же, г. Прихожанинъ, сдѣлать это на мѣстѣ? Поручить благочинному? Онъ прикосновенъ къ дѣлу, принявъ малый доходъ и не предупредивъ уменьшенія надзоромъ. Что жъ? Развѣ послать на мѣсто Консисторію? Дешевлѣ ли это? И на чей счетъ?

4) «Протопопъ въ камилавкѣ худо дѣлаетъ. «О немъ надобно сказать архіерею»; но едва ли потому надобно передѣлать всю Россію.

5) «Старосты выбираются худо, благочинные смотрятъ худо, Консисторія дѣлаетъ худо, власть ея неограничена.»—Все сіе можно сказать о цѣломъ свѣтѣ,..... угодно набросить.... особенно [1]) если хотятъ .....дѣла ограниченіемъ власти, какъ теперь по модѣ въ Европѣ поправляютъ государства, то староста меньше будетъ слушать священника и благочиннаго, благочинный Консисторію, Консисторія архіерея. Да будетъ ли лучше? Надобно прекращать злоупотребленія, чрезъ чтò и постановленія сами собою улучшатся; а люди все хотятъ по случаю частныхъ злоупотребленій передѣлывать общія постановленія.

6) «Благочинные безбожные».—А почему? Потому между прочимъ, что берутъ деньги на сдачу вѣдомостей. Но г. Прихожанинъ можетъ знать, что иной благочинный имѣетъ приходъ бѣднѣе другаго священника;.... въ Консисторію онъ нанимаетъ лошадь или платитъ за кормъ и за свою пищу, дѣлаетъ издержки на бумагу—признаемся и въ семъ,—даетъ деньги подъячему, который безъ того умеръ бы съ голода. Чтò же тутъ приказалъ бы сдѣлать благочинный, г. Прихожанинъ? Дайте достаточное жалованье приказнымъ и благочиннымъ и тогда возглашайте противъ безбожія тѣхъ, которые берутъ деньги на сдачу вѣдомостей.

7) «Причты не радятъ о цѣлости утварей».—А почему? Да у насъ цѣпочка пропала. Доказано. Безъ сомнѣнія въ сей цѣпочкѣ виновато все духовенство Россійское.

8) Если дать самую полную вѣру г. Прихожанину, то надобно заключить, что въ Тамбовской епархіи..... благочинныхъ и худо.....

[1]) Здѣсь и ниже точками означено истлѣвшее отъ времени въ подлинныхъ письмахъ. П. Б.

смотрятъ. Надобно по сему 1) обратить на то вниманіе Тамбовскаго архіерея, 2) не заключать торопливо, что всѣ епархіи равно несчастны.

9) «Свѣчные доходы вводятъ въ грѣхъ» и пр. Вотъ что̀ справедливо. Но какъ есть примѣры, что въ иныхъ церквахъ и кошельковые доходы записываютъ не всѣ, а часть ихъ берутъ приватно;... сія хитрость должна умножиться, когда положится налогъ и на свѣчныя и на кошельковыя деньги по количеству ихъ, то грѣхъ только переодѣнется изъ стараго кафтана въ новый.

10) Уравнительно!—Это будто и хорошо? Отъ Казанскаго Собора въ Петербургѣ изъ 50.000 р. дохода 25.000 свѣчнаго взять не обидно. А изъ сельской церкви изъ 25 р. и пятую долю взять обидно. Если велите..... пятую долю, то у бѣдныхъ церквей выиграете рубли, а у богатыхъ проиграете сотни и тысячи.

Вотъ еще разсчетъ. Сейчасъ у меня предъ глазами вѣдомость не фальшивая, въ которой показано въ мѣсяцъ:

Свѣчной прибыли около 450 р. Кошельковыхъ денегъ . . 85 р. Положимъ, что я утаилъ бы половину; по нынѣшнему К. Д. У. получитъ . . 225 р. а по новому . 107 р.

Гдѣ же выгода?

Наконецъ, это былъ бы формальный на церковь налогъ. И если сдѣлали налогъ двадцатипроцентный, кто поручится, что не сдѣлаютъ послѣ тридцатипроцентный, пятидесятипроцентный? Продолжайте сами разсматривать послѣдствія.

11) Вотъ ясное показаніе, что за Тамбовъ хотятъ передѣлать всю Россію.

12) Вотъ опять не.... Тамбовскія, которыхъ не знаютъ въ другихъ епархіяхъ.

13) Разрѣшительныя молитвы до̀роги потому, что отъ нихъ положенъ большой хлѣбъ чиновникамъ типографскимъ. Это не худо поправить, и есть случай: ибо типографіи данъ вопросъ о цѣнѣ ихъ.

14) Не думаю, чтобъ это легкое было распоряженіе, чтобы всякій сельскій причтъ и староста церковный со всякою сотнею рублей ѣхали въ уѣздное казначейство и опять туда же, когда деньги понадобятся на расходъ.

Въ новой формѣ приходо-расходныхъ книгъ дурно, что рѣшительный счетъ только на концѣ года. Сіе мѣшало бы ежемѣсячной повѣркѣ и свидѣтельствованію благочиннаго, которое бываетъ и въ средніе мѣсяцы года.

4.

Я заготовилъ пространнѣйшую резолюцію по дѣлу о портретахъ и другихъ изображеніяхъ. Угодно ли будетъ вашему высокопреосвященству ее одобрить? Князь Петръ Сергѣевичъ на сей проектъ согласенъ *).

Не поздно ли уже?—Объявлена высочайшая воля; тогда не представили объ особомъ видоизмѣненіи при объявленіи оной. Докладывали о преосвященномъ Иліодорѣ, и тутъ не представляли объ особомъ способѣ исполненія. Почему же такъ поздно надумались? Хорошо ли по дѣлу, по которому уже докладывали объ изъятіи изъ высочайшаго повелѣнія, вновь докладывать о другомъ изъятіи? Какъ будто по той мѣрѣ, какъ снисходятъ на представленія, мы дѣлаемся докучливѣе, представляя о второй отмѣнѣ по тому же дѣлу?

Не лучше ли выйдти изъ затрудненій сего дѣла, давъ указу слѣдующую форму:

— — дня объявлено Св. Синоду, что Государь Императоръ, усмотрѣвъ въ нѣкоторыхъ церквахъ изображенія не принадлежащія къ числу чтимыхъ въ церкви благоговѣйнымъ поклоненіемъ и поставляемыхъ для возбужденія духа молитвы, по свойственному Его Величеству чувству благоговѣнія къ святому храму и смиренія предъ Богомъ, повелѣть соизволилъ, чтобы не имѣть въ церквахъ никакихъ изображеній кромѣ святыхъ образовъ и картинъ изъ священной и церковной исторіи, представляющихъ событія священныя, и въ особенности, чтобы и потретовъ Его Императорскаго Величества и его Августѣйшей фамиліи въ церквахъ не поставлять. Приказали о должномъ по сему исполненіи.

Если предпочтется вашъ проектъ, то его надобно сократить. О архіерейскихъ портретахъ говорить не надобно: нѣтъ никакой бѣды, что ихъ вынесутъ, и стоять за нихъ неприлично.

Ноября 8-го 1832.

(*Продолженіе будетъ*).

---

*) Эти четыре строки писаны С. Д. Нечаевымъ. Далѣе отвѣтъ митрополита. П. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ И ЗАМѢТОКЪ СЕВАСТОПОЛЬЦА. *)

V.

Черноморскіе адмиралы.

Когда князь Меньшиковъ вступилъ въ управленіе Морскимъ Министерствомъ, главнымъ командиромъ Черноморскаго флота былъ адмиралъ Алексѣй Самойловичъ Грейгъ, человѣкъ высокаго образованія и учености; имѣя большія связи въ Петербургѣ, онъ могъ быть единственнымъ конкурентомъ Меньшикова для занятія должности морскаго министра. Безпорядки въ администраціи по хозяйственной части и открывшіяся стачки между интендантствомъ и поставщиками-Евреями заставили Алексѣя Самойловича отказаться отъ должности главнаго командира. Онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта въ Петербургѣ.

Въ замѣнъ его князь Меньшиковъ сдѣлалъ весьма удачный и добросовѣстный выборъ, назначивъ на это важное государственное мѣсто несомнѣнно лучшаго и наиболѣе опытнаго морскаго офицера, Михаила Петровича Лазарева.

Еще будучи мальчикомъ, Лазаревъ, въ послѣднихъ годахъ царствованія Екатерины Великой, былъ отправленъ вмѣстѣ съ другими кадетами для изученія морскаго дѣла въ Англію. Онъ участвовалъ въ Трафальгарскомъ сраженіи подъ командой Нельсона, былъ свидѣтелемъ лучшей эпохи Англійскаго флота, когда общее одушевленіе, любовь къ дѣлу и стремленіе къ полезной дѣятельности создавали въ Англіи настоящихъ героевъ. Въ головѣ воспріимчиваго къ добру юноши естественно долженъ былъ возникать вопросъ: отчего же у насъ въ Россіи мыслятъ и служатъ иначе? Подъ надзоромъ добросовѣстныхъ и умныхъ руководителей молодой Лазаревъ убѣдился, что поверхностное знаніе никогда пользы не приноситъ, что въ морскомъ дѣлѣ даже и

*) См. «Русскій Архивъ» 1892 года, Ш, стр. 447.

точное знаніе дѣла только тогда полезно, когда оно примѣнено къ практикѣ, что, по возвращеніи своемъ, онъ знаніемъ своимъ долженъ стараться принести пользу своему отечеству и этимъ оправдать труды и заботы о немъ его учителей-Англичанъ и по примѣру ихъ создать впослѣдствіи отечественный флотъ. (Все это узналъ я изъ частыхъ разговоровъ съ П. С. Нахимовымъ и В. А. Корниловымъ).

Возвратившись съ чиномъ мичмана въ Россію и приглядѣвшись къ безобразному направленію и ложной дисциплинѣ нашего флота, Лазаревъ старался всѣми силами урваться въ дальнія морскія плаванія, съ цѣлію укрѣпить себя и усовершенствоваться въ практическомъ знаніи. Послѣ третьяго кругосвѣтнаго плаванія, командуя самъ фрегатомъ «Крейсеръ», онъ дѣйствительно былъ вполнѣ знающимъ и опытнымъ морякомъ и могъ, въ свою очередь, образовать такихъ дѣятелей какъ Нахимовъ, Путятинъ, Корниловъ, Истоминъ.

Онъ получилъ командованіе кораблемъ «Азовъ» и довелъ этотъ корабль до небывалаго въ Русскомъ флотѣ совершенства, въ отношеніи порядка, отчетности маневровъ и строгой дисциплины. При Наваринѣ «Азовъ» болѣе всѣхъ другихъ судовъ соединеннаго Русскаго, Англійскаго и Французскаго флотовъ подвергался перекрестному огню Турецкихъ батарей и флота; но, благодаря утвердившемуся военному порядку, все совершалось на немъ какъ на маневрахъ.

На «Азовѣ» былъ имъ замѣченъ и причисленъ къ его ученикамъ молодой, талантливый мичманъ В. А. Корниловъ.

Съ 1812-го года въ высшихъ правительственныхъ сферахъ преобладало начàло космополитизма. Такого направленія придерживались начальникъ Южнаго края Россіи князь Воронцовъ и адмиралъ Грейгъ. Ловкіе Греки, пріемыши Екатерины, не преминули воспользоваться этимъ удобнымъ для себя настроеніемъ и, до цинизма хвастливо вознося свои заслуги, оттѣсняли Русскихъ, втерлись понемногу и въ администрацію по интендантству и подкопали впослѣдствіи довѣріе къ самому всѣми чтимому адмиралу Грейгу. Въ обоихъ флотахъ Русскій языкъ всё таки, какъ правительственный и народный, снисходительно признавался существующимъ; но Русскому человѣку стало душно въ этой сомкнутой атмосферѣ, и болѣе способныя личности старались избирать для себя болѣе полезную и благодарную дѣятельность.

Въ это время пріѣхалъ въ Николаевъ и посѣтилъ Севастополь произведенный въ вице-адмиралы главный командиръ Черноморскаго флота Михаилъ Петровичъ Лазаревъ. Не тратя попусту словъ, онъ

прямо приступилъ къ дѣлу. Пріѣхавшаго съ нимъ Нахимова онъ назначилъ командиромъ вновь строившагося корабля «Силистрія», Путятина командиромъ вновь спущеннаго фрегата «Агатополь», а молодаго Корнилова командиромъ тендера «Лучъ». Достаточно было одной лѣтней кампаніи, чтобъ хвастливое утвержденіе Грековъ, будто они болѣе Русскихъ способны къ морскому дѣлу, было въ корень уничтожено образцовымъ видомъ, военнымъ порядкомъ и мастерскимъ, чисто-морскимъ управленіемъ питомцевъ Лазарева.

Само собой создалась конкуренція, потребность приложить къ труду все свое знаніе и способность, и незамѣтно создалось общественное мнѣніе. Прежде, при выпускѣ въ офицеры изъ Морскаго Корпуса, самые плохіе по экзамену назначались на службу въ Черноморскій флотъ; вдругъ произошла перемѣна, и стали чинить желающимъ такого перевода препятствія. Это стремленіе къ полезной и дѣятельной морской службѣ возбудило нѣкотораго рода зависть въ Меньшиковѣ, и онъ не переставалъ, въ своей перепискѣ съ Лазаревымъ, поддерживать прежній покровительственный тонъ, называя его «любезный Михаилъ Петровичъ». Только тотъ кто зналъ ихъ обоихъ, можетъ выяснить ихъ взаимныя отношенія. Лазаревъ опасался Меньшикова, какъ человѣка всесильнаго при дворѣ, который по своему произволу могъ не только остановить, но и разрушить завѣтную мечту всей его жизни: создать Русскій флотъ не чужими, а чисто-народными силами. Вотъ истинная причина, отчего онъ даже не замѣчалъ преднамѣренныхъ уколовъ самолюбію и этимъ показывалъ, что онъ нравственно стоитъ несравненно выше своего мнимаго покровителя. Общественное мнѣніе, не существовавшее тогда нигдѣ въ Россіи, стало крѣпнуть; Лазаревъ былъ оцѣненъ по достоинству, и Меньшиковъ, при рѣдкихъ посѣщеніяхъ Черноморскаго флота, чувствовалъ себя болѣе гостемъ, чѣмъ полновластнымъ начальникомъ.

Будучи отъ природы не гордъ, а просто-общителенъ, Лазаревъ всегда и всюду въ обращеніи съ подчиненными сохранялъ въ высшей степени чувство достоинства, но не терпѣлъ и отъ нихъ излишней къ себѣ предупредительности. Какъ въ разговорѣ съ Государемъ Николаемъ Павловичемъ, такъ и въ разговорѣ съ мичманомъ, онъ былъ неизмѣнно тѣмъ же, никогда не позволялъ себѣ выказывать, при посѣщеніи Государя, торопливость или робкую угодливость, въ полномъ сознаніи, что долгъ его службы, по силамъ его, исполненъ, и поэтому съ любовью, но безъ малѣйшаго страха, радовался посѣщеніямъ Государя.

Въ доказательство приведу одинъ характерный случай. Въ Балтійскомъ флотѣ существуетъ регламентъ, по которому, когда назна-

чается флоту высочайшій смотръ, главный командиръ встрѣчаетъ царскій пароходъ на катерѣ внѣ рейда и послѣ приглашенія переходитъ на пароходъ или, оставаясь на катерѣ, принимаетъ поданный съ парохода буксиръ. Этотъ регламентъ только и примѣнимъ въ Кронштатѣ, но никакъ не въ Черномъ морѣ, въ особенности въ Севастополѣ, гдѣ, тотчасъ по выходѣ въ море съ рейда, катеръ будетъ подвергаться при малѣйшемъ волненіи брызгамъ морской воды, которыя, при обсышкѣ, примутъ на золотѣ зеленоватый цвѣтъ и приведутъ въ невозможное состояніе блестящую, богатую и дорогую одежду адмирала. Въ виду этого, Лазаревъ поднялъ свой флагъ, при посѣщеніи Государемъ Николаемъ Павловичемъ Черноморскаго флота, на вновь отстроенномъ 120 пушечномъ кораблѣ «Варшава», стоявшемъ посреди построенной на рейдѣ линіи кораблей. Передовымъ къ выходу въ море стоялъ корабль «Силистрія» подъ командой Нахимова. Государь, не видя встрѣчающаго его катера, предположилъ, что это измѣненіе регламента самовольно сдѣлано адмираломъ Лазаревымъ и, чтобъ доказать, что̀ именно послужило поводомъ къ его изданію, поровнявшись съ первымъ кораблемъ, велѣлъ остановить ходъ и, переѣхавъ со свитой на «Силистрію», не принялъ рапорта командира, а громко спросилъ: «а кто представитъ мнѣ командира?» На слова князя Меньшикова: «капитанъ Нахимовъ», Государь отвѣчалъ нѣсколько раздраженнымъ голосомъ: «Я знаю, что капитанъ Нахимовъ; но кто мнѣ его представитъ?» Въ это время Лазаревъ присталъ къ лѣвому борту и, при появленіи его на лѣвомъ шкафутѣ [1]), былъ встрѣченъ самимъ Государемъ, который, величественно подходя къ нему, сказалъ: «честь имѣю явиться, адмиралъ». Лазаревъ, хорошо догадавшись, въ чемъ дѣло, безъ всякого смущенія приложилъ два пальца къ шляпѣ, отрапортовалъ о благосостояніи флота и передалъ письменный рапортъ; потомъ, взойдя за Государемъ на ютъ [2]), сталъ показывать ему постройку новыхъ кораблей и пояснять ихъ красоту и превосходство Саймоновской системы судостроенія, самымъ спокойнымъ и убѣдительнымъ голосомъ. Послѣ осмотра команды и батарейныхъ палубъ корабля, Государь велѣлъ позвать для пробитія тревоги барабанщика, но тутъ вошелъ въ свою роль командиръ Нахимовъ. Онъ просилъ Государя раньше пробитія тревоги стать между нимъ и адмираломъ Лазаревымъ у средины поручня, впереди ютнаго штурвала [3]), а всей остальной свитѣ совѣтывалъ поспѣшно ретироваться къ гакъ-борту. Дѣйствительно распоря-

---

[1]) Боковая часть верхней палубы въ серединѣ корабля.

[2]) Кормовая часть, задняя треть палубы (*Даль*).

[3]) Штурвалъ—колесо для управленія рулемъ.

женіе это для безопасности лицъ свиты было необходимо. Какъ только грянулъ барабанъ тревогу, корабль дрогнулъ и выстроенная для осмотра команда, безъ траповъ, бросилась внизъ, и чрезъ нѣсколько мгновеній выскакивала на верхъ, съ ружьями и абордажнымъ орудіемъ. Спустившійся почти вмѣстѣ съ барабаннымъ боемъ, по парадному трапу, Государь засталъ всѣ орудія раскрѣпленными и готовыми къ бою. Ничего подобнаго Государь не видывалъ. Лицо его прояснилось. Онъ горячо благодарилъ, называлъ Лазарева Михаилъ Петровичемъ, а не такъ какъ всѣхъ другихъ просто по фамиліи, и, утвердивъ за нимъ это почтительное имя, пожаловалъ его въ генералъ-адъютанты. Князь Меньшиковъ и тутъ не преминулъ заявить, что милость Царя была не по заслугамъ, а по его протекціи, и продолжалъ, въ перепискѣ на маленькихъ запискахъ, въ заглавіи ставить «любезный Михаилъ Петровичъ», въ душѣ чувствуя къ нему зависть. Да и нельзя сказать, чтобъ Черноморскіе моряки особенно вознаграждались: всѣ шли въ чинахъ по линіи, выскочекъ не было; всѣ были довольны своимъ положеніемъ и увлечены трудовой жизнью морской службы.

Приведу еще въ примѣръ, что Лазареву удалось составить въ Черноморскомъ флотѣ общественное мнѣніе и направить его къ процвѣтанію и усовершенствованію флота, не выходя изъ рамокъ морскихъ вопросовъ и не пускаясь въ обсужденіе предметовъ внѣ морской сферы.

По высочайшему повелѣнію, состоящій въ званіи генералъ-адмирала Великій Князь Константинъ Николаевичъ назначенъ былъ, для исполненія службы вахтеннаго офицера, на корветъ «Оливуцъ», находившійся въ плаваніи по Средиземному морю подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Кислянскаго. Назначеніе это было всѣми встрѣчено съ большою радостью, и въ ознаменованіе этого событія, рѣшено было чествовать вновь поступившаго въ Черноморскій флотъ сослуживца обѣдомъ отъ всего Черноморскаго флота. Въ большомъ залѣ флагмановъ, громаднымъ покоемъ былъ накрытъ столъ; на почетномъ мѣстѣ сидѣлъ Великій Князь, имѣя по правую руку привезеннаго съ собою генерала Лидерса, а по лѣвую М. П. Лазарева. По провозглашеніи къ концу обѣда главнымъ командиромъ тоста за Его Величество, послѣдовало «ура» въ границахъ возлагаемаго на служащихъ приличія; провозглашенный затѣмъ тостъ за Его Высочество былъ нѣсколько оживленнѣе и громче, такъ какъ виновникъ тоста самъ присутствовалъ. Затѣмъ тостъ за князя Меньшикова сопровождался мертвымъ молчаніемъ; но когда Нахимовъ громкимъ голосомъ сказалъ «за здравіе адмирала М. П. Лазарева», залъ огласился не-

умолкаемымъ гуломъ ура, длившимся долѣе, чѣмъ оба первые тосты вмѣстѣ взятые. Больше всѣхъ шумѣлъ и сочувствовалъ общему воодушевленію вновь поступившій лейтенантъ, Его Высочество Константинъ Николаевичъ. Когда смолкло продолжительное «ура», Великій Князь, не предупредивъ никого, громкимъ голосомъ провозгласилъ тостъ «за здоровье героя Венгерской кампаніи, храбраго генерала Лидерса». Но каково было положеніе этихъ обоихъ лицъ когда тостъ этотъ сопровождался общимъ молчаніемъ? Тогда поднялся самъ представитель нашего общественнаго мнѣнія М. П. Лазаревъ и громкимъ голосомъ сказалъ: «Вы не разслышали, господа! Великій Князь предлагаетъ тостъ за храбраго генерала Лидерса». Приличное «ура» можно было скорѣе принять какъ знакъ глубокаго уваженія къ желанію столь любезнаго всѣмъ начальника, чѣмъ къ чествованію провозглашеннаго лица. Ко всему этому надо прибавить, что не было составлено между офицерами никакого предварительнаго условія, какую кому давать оцѣнку при тостахъ: все дѣлалось по собственному внушенію каждаго лица отдѣльно.

Михаилъ Петровичъ, какъ главный командиръ, получалъ столовыя, которыя онъ считалъ своею обязанностію употреблять всѣ по ихъ назначенію, какъ средство личнаго знакомства съ подчиненными. Онъ жилъ открыто, и всякій воскресный день у него къ 2 часамъ былъ званый обѣдъ, за которымъ играла музыка 2-го учебнаго экипажа. Столъ, обыкновенно простой, но вкусный и сытный, накрывался на 30 кувертовъ, и соблюдался очередной въ приглашеніяхъ порядокъ: 10 человѣкъ въ генеральскомъ чинѣ (изъ нихъ всегдашнимъ гостемъ былъ начальникъ штаба, адмиралъ Степанъ Петровичъ Хрущовъ), 10 человѣкъ штабъ-офицеровъ и 10 человѣкъ оберъ-офицеровъ, причемъ добрый адмиралъ заботливо наблюдалъ, чтобъ приглашались вмѣстѣ тѣ, которые живутъ вмѣстѣ на одной квартирѣ (этимъ экономнѣе соблюдался хозяйственный порядокъ ихъ холостой жизни). За столомъ бывали видны и гардемаринскіе погоны. Послѣ обѣда составлялась обыкновенно на биліардѣ игра «à la guerre», а къ 5 часамъ всѣ гости разъѣзжались по домамъ. Михаилъ Петровичъ два раза въ недѣлю обходилъ все Николаевское адмиралтейство, и никакая жара не могла удержать его; въ эти дни на мѣстѣ обсуждались доклады и проекты морскихъ инженеровъ на счетъ судостроенія, а командиры судовъ передавали свои предположенія объ оснасткѣ и вооруженіи судовъ. Часто опытный адмиралъ находилъ эти предполагаемыя улучшенія болѣе чѣмъ сомнительными при исполненіи на практикѣ; но, видя настойчивое желаніе командира, онъ никогда не препятствовалъ въ исполненіи, и дѣлалъ это, чтобъ пріохотить морскихъ офице-

ровъ къ попеченію и заботамъ привести ввѣренное ихъ командѣ судно въ наилучше-исправный видъ.

Послѣ втораго произведеннаго Государемъ Николаемъ Павловичемъ Черноморскому флоту смотра, здоровье М. П. Лазарева (ракъ въ желудкѣ) приняло острый характеръ. Съ каждымъ днемъ онъ слабѣлъ и впродолженіи долгаго времени не могъ принимать никакой пищи. По совѣту докторовъ онъ поѣхалъ для совѣщанія въ Вѣну, и тамъ тихо угасла жизнь этого по истинѣ великаго въ простотѣ своей дѣятеля, преобразователя и учредителя возродившагося его трудами Черноморскаго флота, во славу и гордость Россіи.

Для воодушевленія этого флота чувствомъ возвышеннаго военнаго духа и строгой исполнительности служебнаго долга, Лазаревъ послѣдовалъ началамъ изъ жизни Англинскаго флота, временъ Нельсона, и безукоризненнымъ примѣромъ своей мощной личности привилъ ихъ къ жизни обожаемаго имъ Черноморскаго флота.

Послѣдняя мысль была мнѣ высказана сѣдымъ командоромъ Американскаго флота, съ которымъ въ коляскѣ я ѣхалъ изъ Пирея въ Аѳины, по приглашенію профессора Питаки, обѣщавшаго познакомить насъ съ древностями Акрополиса. Этотъ морякъ сказалъ мнѣ, что онъ впервыя встрѣчаетъ Русское военное судно, что молодецкій входъ брига «Язонъ» (подъ командой С. С. Лѣсовскаго) въ свѣжій (въ одинъ рифъ подъ брамселями) вѣтеръ, постановка его на фертóингъ[1]) на маленькомъ, биткомъ набитомъ судами Пирейскомъ рейдѣ, спускъ тотчасъ за тѣмъ всѣхъ гребныхъ судовъ, щегольски закрѣпленные паруса и, по выправкѣ рангоута [2]), приведеніе брига въ беззаботный видъ давно стоящаго на рейдѣ судна,—все это напомнило ему, что онъ нѣчто подобное видѣлъ, когда въ молодости служилъ въ Англійскомъ флотѣ, во времена Нельсона. Я съ гордостію имѣлъ удовольствіе подтвердить правильность его опытнаго глаза, такъ какъ учитель нашъ, М. П. Лазаревъ, былъ ему современникъ и въ званіи мичмана участвовалъ въ Трафальгарскомъ бою. Теперь, прибавилъ командоръ, Англійскій флотъ, отъ самоувѣренности въ своемъ превосходствѣ, сильно упалъ противъ прежнихъ временъ и едва ли можетъ гордиться поднятымъ на гафелѣ [3]) флагомъ.

Да, неоцѣнимую услугу оказалъ патріотъ-адмиралъ М. П. Лазаревъ, создавъ Черноморскій флотъ во славу и могущество нашей родины, великой Россіи.

---

[1]) Ставить на фертóингъ значитъ бросить два якора.

[2]) Все деревянное вооруженіе судна: мачты, стеньги, реи и пр. (*Даль*).

[3]) *Гафель* — наклонное къ кормѣ дерево у задней мачты, приспособленное для привязки косаго паруса (бизань), а также и для поднятія національнаго флага веревкой, на верхней конецъ его.

Едва пронеслась роковая вѣсть о смерти адмирала, какъ проявилось общее стремленіе флота воздать заслугамъ его должную честь при возможно-торжественномъ погребеніи его бренныхъ останковъ. Не получивъ изъ Петербурга никакого дозволенія или разрѣшенія, въ Галацъ послали мелко-сидящій пароходъ, для перевозки гроба, на бортъ посланнаго къ Днѣпровскимъ гирламъ парохода «Владиміръ». Одновременно экстренный пароходъ былъ посланъ въ Одессу съ настоятельнымъ приглашеніемъ адмираловъ къ Херсонскому архіепископу Иннокентію прибыть на немъ для похоронъ адмирала. Сначала Иннокентій отказывался, опасаясь, что не всѣ формальности были соблюдены, но, узнавъ, что, въ случаѣ отказа, на другомъ пароходѣ будетъ къ нему прислана депутація отъ флота, онъ рѣшился исполнить общую просьбу моряковъ и нѣсколько ранѣе «Владимира» прибылъ въ Севастополь.

Импровизированные общимъ участіемъ похороны были по-истинѣ торжественны. Пароходъ «Владиміръ» со спущенными на половину флагами и траурнымъ флеромъ, близко подтянувшись къ Графской пристани, имѣлъ широкій, сообщавшійся съ нею сходъ; на шканцахъ на возвышеніи стоялъ гробъ покойнаго адмирала. Сходни, также, какъ и самая пристань, были обтянуты черными сукномъ.

При похоронномъ шествіи гробъ былъ поставленъ на преобразованный изъ единственной въ Севастополѣ кареты катафалкъ, и процессія двинулась по Екатерининской улицѣ, между рядами знаменъ армейскихъ полковъ и знаменъ всѣхъ морскихъ экипажей, съ ихъ музыкой. Похоронному маршу, при стройномъ пѣніи пѣвчихъ и заунывномъ перезвонѣ колоколовъ, вторили пушечные выстрѣлы со стоявшихъ на рейдѣ съ перевязанными траурнымъ флеромъ и на половину спущенными флагами, кораблей, во все время шествія до Петро-Павловской церкви. Вся церковь также была обтянута чернымъ сукномъ. Преосвященный Иннокентій воодушевился общимъ настроеніемъ, по окончаніи похоронной службы, сошелъ съ амвона и, приблизившись, произнесъ надгробное поэтическое слово покойному адмиралу. Въ памяти моей сохранилось начало его: «Свершилъ трижды корабль плаваніе вокругъ превратнаго міра сего и бросилъ якорь, — мертвый якорь». Передать письменно остальную часть произнесеннаго имъ слова онъ отказался, подъ предлогомъ, что говорилъ по внушенію, не приготовившись.

По окончаніи панихиды, всѣ адмиралы, штабъ и оберъ-офицеры собрались въ Морскую библіотеку, гдѣ была открыта подписка на памятникъ М. П. Лазареву. Жертвовали по полугодовому, по третному

или мѣсячному жалованію; сожалѣю, что не помню, какъ велика была собранная сумма, и у кого хранится подписной листъ.

*

Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ былъ, безспорно, лучшимъ по опытности морякомъ обоихъ нашихъ флотовъ. Только одной этой чести онъ и дожидался и на всё остальное смотрѣлъ равнодушно; онъ недоумѣвалъ, какъ могли мелочные разсчеты занимать серьозные умы и причинять имъ огорченіе и заботы въ жизни. Поступивъ ещё молодымъ офицеромъ на фрегатъ «Крейсеръ» подъ команду М. П. Лазарева, онъ не только вполнѣ ознакомился съ практичнымъ знаніемъ морской службы, но усвоилъ себѣ его взглядъ на обязанности въ отношеніи избранной имъ службы; сдѣлавшись самъ командиромъ, онъ продолжалъ состоять подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ того же прежняго своего командира и кончилъ тѣмъ, что принялъ его за образецъ чести, благородства убѣжденій и добросовѣстности. Служившій съ нимъ на фрегатѣ «Крейсеръ» Путятинъ (въ послѣдствіи графъ) не долго оставался въ Черноморскомъ флотѣ. При занятіи на Кавказскомъ берегу мѣстечка Субаши, командуя десантнымъ морскимъ отрядомъ, онъ былъ раненъ въ ногу, поѣхалъ для излѣченія въ деревню къ отцу своему и, пользуясь за границей цѣлительными водами, женился на дочери Англійскаго командора, давнишняго короткаго знакомаго его отцу. За дипломатическіе переговоры съ Китаемъ онъ былъ возведенъ въ графское достоинство, а впослѣдствіи короткое время управлялъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

Про Павла Степановича, какъ и про брата его, инспектора студентовъ Московскаго университета, Платона Степановича, ходило множество забавныхъ анекдотовъ. Оба они какъ-то, повидимому нисколько не добиваясь, упрочили за собой любовь подвѣдомственныхъ имъ лицъ; но подражать имъ было невозможно: обдуманной системы у нихъ никакой не было; вся сила ихъ состояла въ желаніи, совѣтомъ или даже справедливымъ взысканіемъ, принести пользу, а не возмездіе провинившемуся и вселить въ него чувство благодарности и довѣрія къ искренности и справедливости своего начальника. Молодые офицеры раздѣлялись на двѣ партіи: на подражателей системы Нахимова и на подражателей системы Корнилова. Главный пунктъ разногласія состоялъ въ поворотѣ чрезъ фордевиндъ, слѣдуетъ ли ставить заднія реи поперекъ по нахимовски или слѣдуетъ держать задніе паруса лéвентикъ [1]), продолжая безостановочно ихъ брасопить [2]) до другаго

[1]) Лéвентикомъ называется положеніе парусовъ по направленію вѣтра такъ, чтобъ они полоскались (*Даль*).

[2]) Брасопить—ставить рей наискось, поворачивать его. (*Даль*).

галса [3]). Конечно, споры эти происходили между нами, молодежью, и прекратились бы при объясненіи высшихъ заправилъ, что оба поворота лучше при извѣстныхъ условіяхъ. Какъ я и выше говорилъ, Павелъ Степановичъ не имѣлъ заранѣе составленной системы при управленіи кораблемъ; но при всей строгости къ нерадивымъ, онъ былъ боготворимъ матросами и имѣлъ на нихъ помимо командира и офицеровъ громадное вліяніе своимъ точнымъ знаніемъ матроской работы. Матросъ въ разговорѣ съ нимъ понималъ, чего его начальникъ требуетъ, и при незнаніи получалъ отъ него наставленіе какъ приступить къ дѣлу. У В. А. Корнилова система была другая. Точно опредѣливъ обязанности какъ офицера, такъ и матроса, онъ старался образовать ихъ, съ личной отвѣтственностью каждаго за себя. Кто изъ нихъ болѣе былъ правъ, я и теперь рѣшить не могу; знаю только, что какъ «Силистрія», такъ и «Двѣнадцать Апостоловъ» были образцами военнаго боевого корабля, и таже цѣль достигались обѣими системами. Я гардемариномъ началъ службу на кораблѣ «Силистрія» подъ командой Нахимова, а потомъ служилъ вахтеннымъ офицеромъ на фрегатѣ «Кагулъ», на которомъ былъ поднятъ его контръ-адмиральскій флагъ, какъ отряднаго начальника блокирующей у Кавказскихъ береговъ эскадры. Свободные часы оставались только для сна и обѣда, остальное время поглощалось разнообразнымъ ученіемъ и управленіемъ парусами при крейсерствѣ; но такая строгая и однообразная жизнь нисколько не дѣйствовала вредно на бодрость и веселый духъ команды.

Я помню, что, при встрѣчѣ съ пришедшей на смѣну эскадрой, при обмѣнѣ салютовъ обоихъ адмираловъ, одна пушка выстрѣлила на моментъ позже, чѣмъ слѣдовало. Я взглянулъ на Нахимова: лицо его покрылось смертной блѣдностью. Теперь, пожалуй, подымутъ на смѣхъ то, что̀ мы въ былое время высоко чтили — это проявленіе чувства любви и живаго участія ко всему, что̀ касается до морскаго дѣла.

Многіе не морскіе, а чужеядные сплетники пустили слухъ, будто Нахимовъ придерживается чарочки, и достовѣрность этой лжи поддерживалась извѣстной пословицей «пьяница во флотѣ». Командуя яхтой «Бригадой» и произведя на ней нѣкоторыя исправленія, я подтянулся вплоть къ берегу, и одна только адмиралтейская стѣнка отдѣляла яхту отъ Графской пристани. Павелъ Степановичъ дѣлалъ часто мнѣ честь раздѣлять со мной вечерній чай, и тутъ я могъ убѣдиться, до какой степени голова его была слаба при малѣйшимъ дѣйствіи даже легкаго спиртнаго напитка. Обыкновенно онъ пилъ два стакана чаю, добавляя четвертую часть стакана Марсалою, но тотчасъ дѣйствіе Марсалы

[3]) Галсомъ называется положеніе корабля относительно вѣтра. Корабль идетъ „правымъ галсомъ", если вѣтеръ дуетъ въ правой его бортъ и лѣвымъ галсомъ, если вѣтеръ слѣва.

было замѣтно по произношенію словъ и по цвѣту лица, и признаки эти совершенно изчезали по прошествіи какого нибудь получаса. Я надъ собой пробовалъ дѣлать тоже самое и никакого ощутительнаго дѣйствія не замѣчалъ. Водки предъ обѣдомъ адмиралъ никогда не пилъ, но въ морѣ, за обѣдомъ на кораблѣ, онъ любилъ угощать Марсалою присутствующихъ гостей, не обращая вниманіе на таинственные знаки хозяина и попечителя его казны адъютанта Острина. Нахимовъ охотно посѣщалъ танцовальныя собранія и утверждалъ, что онъ дѣлаетъ это для мичмановъ; по его мнѣнію, бравый мичманъ, хорошо управляющій катеромъ подъ парусами, непремѣнно долженъ быть и ловкимъ кавалеромъ, такъ какъ вмѣсто катера должно также хорошо умѣть управлять дамой.

Адмиралъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ былъ человѣкъ необыкновенно смѣлаго ума, самостоятельной твердой воли и неутомимой энергіи, словомъ, вмѣщалъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для полезнаго государственнаго дѣятеля. Такой человѣкъ не легко могъ смиренно подчинять свои убѣжденія волѣ и власти другаго человѣка, не раздѣляющаго съ нимъ его мнѣній и воззрѣній, и въ этомъ онъ рѣзко отличался отъ Лазарева и Нахимова. Съ высочайшаго разрѣшенія онъ былъ посланъ въ Англію для постройки пароходовъ «Владиміръ» и другихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ему было поручено ознакомиться съ нововведеніями по адмиралтействамъ и въ особенности съ постройкою желѣзныхъ судовъ. Представивъ по возвращеніи сдѣланный имъ проектъ о преобразованіяхъ паруснаго въ паровой флотъ на Черномъ морѣ, онъ былъ посланъ Лазаревымъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ высшимъ начальствомъ. (Впослѣдствіи онъ былъ дважды по высочайшему повелѣнію вызываемъ въ Петербургъ, въ Февралѣ и въ Ноябрѣ). По пріѣздѣ онъ немедленно явился къ князю Меньшикову, но подъ предлогомъ, что князь занятъ, не былъ принятъ. Разнемогшись отъ мучительной болѣзни, летучаго ревматизма, В. А. просилъ меня съѣздить къ товарищу его по выпуску адъютанту князя, Рындину и чрезъ него узнать, когда будетъ самое удобное время явиться къ князю. Рындинъ вышелъ и чрезъ короткое время возвратился съ отвѣтомъ: «Князь сказалъ, что Корниловъ точно также важенъ здѣсь въ Петербургѣ, какъ важенъ въ Черномъ морѣ, и что онъ разрѣшаетъ ему явиться по окончаніи своего лѣченія». Это было первымъ проявленіемъ того, что Меньшиковъ имѣетъ Корнилова на замѣчаніи. Не помню, почему именно, но знаю, что Государь Николай Павловичъ лично зналъ Корнилова, и пожелалъ по смерти Лазарева назначить его на должность главнаго командира какъ достойнаго ученика и послѣдователя Лазарева. Прекословить царю

Николаю было иногда опасно; надо было прибѣгнуть къ хитрости, и вотъ тогда понадобилось сочинить сказку о томъ, будто Нахимовъ съ Корниловымъ на ножахъ, и чтобы не оскорбить перваго, надо сдѣлать Корнилова начальникомъ штаба, а главнымъ командиромъ, для соблюденія чинопочитанія, назначить старшаго въ то время адмирала Берга. Положеніе Корнилова было очень затруднительно: съ одной стороны, предоставлялась ему власть дѣйствовать самостоятельно, а съ другой онъ долженъ былъ опасаться возможности интриганамъ, перетолковывая распоряженія его по своему, возбудить противъ себя нерасположеніе главнаго командира. Во избѣжаніе недоразумѣній Корниловъ просилъ адмирала взять къ себѣ въ адъютанты капитанъ-лейтенанта Ильинскаго, т. е. меня, и адмиралъ Бергъ, понявъ смыслъ этой просьбы, охотно на эту просьбу согласился.

Благодаря опытному руководству престарѣлаго адмирала, всѣ предосторожности оказались лишними, и все обошлось какъ нельзя благополучнѣе. Адмиралъ Бергъ имѣлъ полное довѣріе къ Корнилову, никакимъ доносамъ не вѣрилъ и даже не позволялъ ихъ возникновенія, а я искренне полюбилъ его и радовался, что былъ причисленъ къ родственному кругу его патріархальнаго семейства. Въ этомъ положеніи застало насъ объявленіе войны союзниками. Послѣ Синопскаго боя Корниловъ былъ пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта.

Воспоминанія давно прошедшаго переносятъ меня къ тому времени, когда, послѣ двухлѣтней службы въ Балтійскомъ флотѣ, я былъ переведенъ въ 38 экипажъ на корабль «Двѣнадцать Апостоловъ», подъ команду капитана 1-го ранга Корнилова. Разность направленія службы была поразительна: въ Балтійскомъ флотѣ царилъ полный индеферентизмъ, въ Черноморскомъ флотѣ кипучая дѣятельность живаго морскаго дѣла поглощала всю дѣятельность и способность молодаго офицера. Съ одной стороны скука, недовольство, возникавшія отъ праздности и невозможныхъ общественныхъ отношеній; съ другой, соревнованіе, желаніе превзойти каждому судну, на которомъ служишь, въ быстротѣ и отчетливости маневровъ, другое. Въ разговорахъ офицеровъ замѣчалось тоже самое различіе: одни говорили обо всемъ, кромѣ морской службы; другіе объ чёмъ бы ни заговорили, разговоръ всегда кончался о морскомъ.

Надо было удивляться постоянной и неутомимой дѣятельности Корнилова. Внѣ исполненія служебныхъ обязанностей, онъ занимался, съ пособіемъ лейтенанта А. П. Жандра, составленіемъ штатовъ для руководства по парусному флоту, введеніемъ новаго артиллерійскаго ученія, принятаго въ Англійскомъ флотѣ на учебномъ кораблѣ «Экселентъ», трудился надъ переводомъ исторіи Американскаго флота и

надъ изученіемъ книгъ о машинахъ и нововведеніяхъ на пароходахъ, чтобы не отстать отъ современныхъ требованій и усовершенствованій постоянно усиливающагося пароваго флота у Западныхъ державъ. Чтобы быть полезнымъ, необходимо быть готовымъ заранѣе. Получивъ откомандировку на постройку нѣсколькихъ пароходовъ, Корниловъ сдалъ ихъ въ портъ, соотвѣтственно послѣднимъ задачамъ науки судостроенія. Въ особенности, по ходу, красотѣ и силѣ вооруженія, замѣчателенъ былъ пароходъ «Владимиръ», самый большій изъ нихъ по размѣрамъ. Получивъ, вскорѣ послѣ производства въ контръ-адмиралы, мѣсто начальника штаба, Корниловъ употреблялъ лѣтнее время на обзоръ Черноморскихъ и Азовскихъ портовъ и на провѣрку маяковъ. Семья его на это время переѣзжала въ Севастополь и поселялась на прибрежномъ къ рейду хуторѣ, называемомъ «Новою-Голандіей»; по Воскресеньямъ, въ большой отдѣльной бесѣдкѣ, собирались обѣдать стоящіе на рейдѣ командиры судовъ и флагманы, и тутъ неизмѣнно присутствовалъ Нахимовъ.

Князь Меньшиковъ также переѣхалъ изъ Николаева на жительство въ Севастополь и поселился со своей свитой въ маленькомъ Екатерининскомъ дворцѣ, у самой Графской пристани. Колонія эта образовала сомкнутый редюитъ и бывала изрѣдка доступна избраннымъ, въ томъ числѣ и моей особѣ; но въ городѣ она появлялась только на хлѣбосольныхъ обѣдахъ князя Виктора Ивановича Барятинскаго.

Князь Меньшиковъ всѣми способами старался умалить заслуги Корнилова. Приведу тому примѣръ. При сдѣланной пароходомъ «Владимиръ» рекогносцировкѣ у входа въ Босфоръ, Корниловъ, желая посѣтить крейсировавшую эскадру Нахимова и имѣть удовольствіе видѣться съ нимъ, вмѣсто возвращенія прямо въ Севастополь, приказалъ проложить курсъ на Синопъ, чтобъ на другой день утромъ подойти къ эскадрѣ. Пробѣгая вдоль Антолійскаго берега, «Владимиръ» встрѣтился съ Египетскимъ пароходомъ «Первазъ-Бахри», и послѣ краткаго сопротивленія поднятъ на немъ Русскій флагъ. Вѣсть объ этой побѣдѣ могла обрадовать Государя, а милости его въ этихъ случаяхъ бывали именно царскія. Вотъ въ умаленіе этого впечатлѣнія, князь Меньшиковъ поставилъ пароходъ «Владимиръ» въ карантинъ, послалъ краткое письменное донесеніе, а по прошествіи двухъ недѣль была послана съ болѣе подробнымъ донесеніемъ и моя личность. Государя Николая Павловича я засталъ въ Гатчинѣ; данныя имъ награды были для служащихъ не по заслугамъ щедры, но Корниловъ, кажется, ничего не получилъ.

Князь Меньшиковъ часто изъ лицъ своей свиты посылалъ курьеровъ въ Петербургъ. Однажды возвратившійся изъ подобной поѣздки адъютантъ князя Краббе былъ приглашенъ Корниловымъ на воскресный обѣдъ въ «Новую Голандію». День былъ нестерпимо жаркій, и я былъ удивленъ, когда Краббе пригласилъ меня прогуляться по беззащитнымъ отъ солнечныхъ лучей тропинкамъ еще не разросшагося сада. Но вскорѣ я пришелъ къ убѣжденію, что умыселъ другой тутъ былъ. Краббе разсказалъ мнѣ, что по пріѣздѣ въ Петербургъ его поразила пущенная кѣмъ-то сплетня, будто Нахимовъ и Корниловъ на ножахъ и что онъ считалъ своей обязанностью опровергнуть эти ложные слухи, на выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Оказалось, будто сплетня эта пущена въ ходъ Матюшкинымъ, директоромъ Морскаго Департамента, современникомъ по Царскосельскому лицею А. С. Пушкина и находившимся въ дружескихъ сношеніяхъ съ обоими адмиралами. Когда гости разъѣхались, я передалъ весь разговоръ Корнилову, какъ видимо и желалъ того Краббе. Корниловъ на нѣсколько минутъ задумался, а потомъ сказалъ: «Бѣдный Матюшкинъ, не сдобровать ему! Краббе хочется сѣсть на его мѣсто директоромъ; не даромъ его поставили дѣйствующимъ лицомъ въ сказкѣ о враждѣ моей съ Нахимовымъ». Дѣйствительно, предсказаніе чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сбылось: Матюшкинъ былъ отправленъ въ Свеаборгъ воодушевлять своимъ примѣромъ гарнизонъ и оставаться тамъ въ ожиданіи бомбардировки непріятельскаго флота, а на мѣсто его назначенъ Краббе.

Около мѣсяца до высадки союзниковъ въ Евпаторію, явился къ князю Меньшикову посланный съ рекомендательнымъ письмомъ отъ князя Горчакова подполковникъ-инженеръ Тотлебенъ. Князь Меньшиковъ, прочитавъ письмо, далъ отвѣтъ вопросомъ: когда онъ располагаетъ вернуться обратно? Корниловъ, узнавъ про это, удержалъ Тотлебена, прикомандировавъ его къ своему штабу. Это былъ первый шагъ въ Севастополѣ неизвѣстнаго дотолѣ подполковника Тотлебена.

*

Адмиралъ Владимиръ Ивановичъ Истоминъ былъ младшій братъ личнаго адъютанта Лазарева Константина Ивановича.

Истоминъ былъ человѣкъ особеннаго типа и воззрѣній; онъ былъ честолюбивъ, но не чинолюбивъ и вознаграждалъ себя за это правомъ говорить, ничѣмъ не стѣсняя себя, правду про всѣхъ и каждаго. Къ чести его надо сказать, что онъ въ сужденіяхъ своихъ хотя и былъ оригиналенъ, но всегда правдивъ и никому намѣренно не старался вредить въ мнѣніи искренно любимаго имъ адмирала Ла-

зарева. Онъ былъ всегда надежнымъ другомъ людей того достойныхъ. Дружба его проявлялась къ обоимъ адмираламъ, Нахимову и Корнилову. Такъ къ началу кампаніи, онъ по убѣжденію совѣсти своей, призналъ, что долгъ его призываетъ въ Севастополь, немедленно оставилъ князя Воронцова, въ распоряженіи котораго состоялъ, и переселился на жительство въ Севастополь.

Владимиръ Ивановичъ, по кратковременности службы своей на морѣ, не могъ усвоить себѣ опытность адмираловъ Нахимова и Корнилова, но со свойственной ему смѣтливостью сдѣлалъ самый лучшій и удачный выборъ, взявъ въ старшіе офицеры Степана Степановича Лѣсовскаго, а себѣ предоставилъ заботу объ изящной и мастерской отдѣлкѣ деталей. Шкуна «Ласточка», которою онъ командовалъ, имѣла видъ самой кокетливой ласточки въ соединеніи съ требованіями исправнаго во всѣхъ отношеніяхъ военнаго судна. Въ послѣдствіи, когда онъ былъ откомандированъ къ князю Воронцову, Истоминъ передалъ Лѣсовскаго заботамъ Нахимова, который, до назначенія Лѣсовскаго командиромъ брига «Язонъ», постоянно держалъ его какъ старшаго офицера при себѣ.

Послѣдній разъ я встрѣтилъ покойнаго Истомина на улицѣ, вблизи 5-го бастіона; онъ проѣзжалъ верхомъ, возвращаясь на Малаховъ курганъ отъ Нахимова. На вопросъ мой, какъ ему живется на курганѣ въ Малаховой башнѣ, онъ не останавливаясь отвѣчалъ: Уголино, батюшка, Уголино! Вскорѣ. послѣ этой встрѣчи, пронеслась вѣсть о геройской смерти этого храбраго слуги Царю и Отечеству.

Эти три дѣятеля, ведя дѣловую служебную жизнь, почти никогда не появлялись въ Севастопольскомъ обществѣ и сомкнутостью своею составляли какъ бы ядро завѣщаннаго адмираломъ Лазаревымъ направленія, къ поддержанію и преуспѣянію Черноморскаго паруснаго флота.

*

Было въ Севастополѣ много начальствующихъ адмираловъ и экипажныхъ командировъ, готовыхъ своимъ примѣромъ содѣйствовать къ поддержанію установившагося порядка вещей; но они, имѣя въ городѣ родство, были въ отношеніи семействъ своихъ поставлены въ необходимость не лишать ихъ удовольствій, въ Севастополѣ болѣе чѣмъ ограниченныхъ, и собираться, для увеселенія молодежи, на частные, беззатѣйливые вечера.

Такъ адмиралъ Өедоръ Михайловичъ Новосильской, бывшій участникъ въ бою храбраго Козарскаго на бригѣ «Меркурій» противъ Ту-

рецкой эскадры боевыхъ линейныхъ кораблей, и адмиралъ Панфиловъ оба отличались хлѣбосольствомъ и привѣтливостью въ обхожденіи къ подчиненнымъ.

Объявленіе войны съ Турціей не застало Черноморской флотъ врасплохъ, и онъ немедленно показалъ свою боевую способность, поставивъ себя въ положеніе независимаго хозяина всего Чернаго моря. Повсюду были поставлены наблюдающіе крейсеры; гарнизоны крѣпостей Кавказскаго приморскаго берега, съ замѣчательной быстротой, были сняты и перевезены въ Керчь, установлена блокада Синопа съ Анатольскаго берега; блистательныя дѣла фрегата «Флора» подъ начальствомъ Скоробогатова, съ тремя большими пароходами у Кавказскаго берега, славное дѣло капитана Кузминскаго при исполненіи порученія—подкрѣпить казаками нашу самую южную крѣпостцу Николаевскъ; отважный прорывъ капитана Верпаховскаго для проводки канонерскихъ лодокъ вверхъ по Дунаю мимо убійственнаго огня крѣпости Исакчи; многочисленныя экспедиціи на разныхъ пароходахъ Андрея Александровича Попова; преслѣдованіе нашими четырьмя пароходиками трехъ сильнѣйшихъ пароходовъ Англинскаго, Французскаго и Турецкаго флотовъ; рекогносцировка пароходомъ «Владимиръ» входа въ Босфоръ, а вслѣдствіе этого, выходъ эскадры, подъ начальствомъ Корнилова, для уничтоженія укрывшагося въ Варнѣ Турецкаго флота; взятіе Египетскаго парохода «Первазъ-Бахри» и, наконецъ, разгромъ Турецкой эскадры на Синопскомъ рейдѣ, — всѣ эти славныя дѣйствія ждутъ историка, для пополненія и составленія всей вообще исторіи славнаго и побѣдоноснаго Русскаго флота.

Двухвѣковое добросовѣстное служеніе паруснаго флота Царю и Отечеству окончило свое существованіе и воспоминается только въ преданіяхъ. Неужели новые морскіе дѣятели дозволятъ, чтобъ преданіе ихъ предшественниковъ заглохло отъ небреженія и равнодушія? Исторія Русскаго морскаго флота, съ подобающею ему честью, займетъ равноправное мѣсто съ исторіями Англійскаго, Французскаго и Американскаго флотовъ; ей непристойно таить сказанія о побѣдахъ надъ Шведскимъ флотомъ, о Чесменскомъ и Наваринскомъ бояхъ и о послѣднемъ погромѣ врага на Синопскомъ рейдѣ. Но да не будетъ такъ!

VI.

Описаніе Севастополя, его рейда и Южной бухты.

Расположенный въ юго-западной оконечности Крыма, городъ Севастополь, при обширной и удобной бухтѣ того же имени, былъ главнымъ военнымъ портомъ имперіи на Черномъ морѣ.

Находясь почти въ средоточіи Чернаго моря, въ выдающемся положеніи относительно нашего побережья и представляя всѣ удобства для стоянки многочисленнаго флота, онъ составлялъ важный стратегическій пунктъ, какъ для войны оборонительной, такъ и для наступательной; Севастопольская же бухта образуетъ превосходный естественный рейдъ, справедливо считаемый однимъ изъ лучшихъ въ мірѣ.

Большая Севастопольская бухта, глубоко вдаваясь въ материкъ, имѣетъ до 6 верстъ длины, отъ 250 до 450 саженей ширины и отъ 35 до 63 футовъ глубины. На всемъ этомъ протяженіи нѣтъ мелей; грунтъ иловатый, дно ровное, и какъ большая бухта, такъ и отдѣляемыя ею побочныя, почти никогда не замерзаютъ.

Входъ въ бухту, имѣющій до 400 саженъ ширины, ограниченъ съ Юга и Сѣвера двумя узкими и длинными мысами. Для указанія входа на рейдъ направленіе фарватера было обозначено двумя маяками, устроенными въ 1820-мъ году.

Восточный конецъ бухты мелководенъ, потому что заносится изъ Черной рѣчки, протекающей по болотистой Инкерманской долинѣ.

Сѣверный берегъ бухты идетъ постепенно понижаясь отъ Инкерманскихъ высотъ къ морю, и у самаго взморья образуетъ высокій холмъ, на которомъ расположено Сѣверное укрѣпленіе.

Южный берегъ образуется всѣмъ протяженіемъ Сапунъ-горы; онъ возвышеннѣе Сѣвернаго обрывистаго и скалистаго; на всемъ протяженіи онъ господствуетъ надъ берегомъ Сѣверной стороны и такъ же какъ и онъ идетъ къ морю постепенно понижаясь и образуя собой внутренній мысъ, отдѣляющій большой рейдъ отъ Южной корабельной бухты, на которомъ стоитъ Павловское укрѣпленіе.

Севастополь расположенъ по обѣимъ сторонамъ большой бухты, раздѣляясь ею на двѣ части: Сѣверную и Южную стороны. Южная сторона въ свою очередь раздѣляется Южной бухтой также на двѣ

части: на городскую сторону, лежащую къ Западу отъ бухты, и Корабельную къ Востоку отъ нея. Сообщеніе между обѣими частями производилось посредствомъ окольной дороги, пролегавшей по такъ называемой Пересыпи у вершины Южной бухты.

Собственно городъ расположенъ на продолговатой высокой горѣ, имѣющей пологіе скаты къ Востоку по направленію къ Южной бухтѣ и Корабельной сторонѣ и къ Западу по направленію балки Хомутова и кладбища.

Восточный берегъ Южной бухты, такъ называемая Корабельная сторона, гораздо выше западной; отъ памятника Лазареву онъ идетъ отвѣсной скалой вдоль всего берега бухты и, по направленію къ Сапунъ-горѣ, оканчивается еще болѣе возвышеннымъ холмомъ, Малаховымъ курганомъ. Вся эта мѣстность и самый курганъ господствуютъ надъ городской стороной и могутъ ее обстрѣливать прицѣльными выстрѣлами.

Что̀ касается до Севастопольскихъ укрѣпленій съ сухопутной стороны, то на стр. 98-й 1-й части книги Тотлебена объ осадѣ Севастополя мы читаемъ слѣдующее:

«Для соображенія на мѣстѣ всѣхъ обстоятельствъ, относящихся до вооруженія Севастопольскихъ батарей, и для всѣхъ по этому предмету распоряженій, предъ началомъ военныхъ дѣйствій были командированы въ Севастополь: начальникъ штаба инспектора всей артиллеріи, генералъ-адъютантъ Безакъ и свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоръ Баранцовъ. Предположенія этихъ лицъ были разсмотрены и одобрены командующимъ войсками въ Крыму, княземъ Меньшиковымъ, и вслѣдъ за тѣмъ приведены въ исполненіе командированнымъ изъ С.-Петербурга состоявшимъ по артиллеріи полковникомъ Карташевскимъ, такъ что къ осени 1853 года уже приступлено было къ вооруженію береговыхъ батарей».

Какимъ же образомъ случилось, что избранныя для бастіоновъ №№ 1, 2, 4, 5 и 6-й мѣста̀ были какъ разъ у подошвы окружающихъ ихъ на ружейный выстрѣлъ высотъ, т. е. въ мѣстахъ самыхъ невыгодныхъ для обороняющагося? Къ чему приписать этотъ выборъ? Къ незнанію или небрежности? Отвѣтъ остается открытымъ.

Русскихъ вообще укоряютъ въ чрезмѣрномъ подражаніи всему иностранному; но усвоивать себѣ полезное—скорѣе похвальное свойство, чѣмъ достойное порицанія. Петръ Великій, не имѣя времени дѣ-

лать опыты, бралъ отъ западныхъ державъ всё, что̀ онъ считалъ полезнымъ для своего народа, и тѣмъ только достигъ возможности преобразовать Россію въ короткій срокъ своего царствованія. Американцы Соединенныхъ Штатовъ, теперь обогнавшіе Европу своимъ образованіемъ, обязаны этимъ энергіи и предпріимчивости своего народа, быстро усвоившаго себѣ, всё что̀ было изобрѣтено полезнаго въ Европѣ. Приведу въ подтвержденіе примѣръ. Кажется, въ 1857 году, покойный морской министръ С. А. Лѣсовскій, бывши еще въ чинѣ капитана, возвращаясь чрезъ Сибирь въ Росію, взялъ себѣ въ попутчики Американскаго капитана, человѣка симпатичнаго, смышленаго и повидимому энергичнаго. Въ продолженіи краткаго трехсуточнаго пребыванія въ Москвѣ они ежедневно проводили время у меня. Американецъ предъявилъ мнѣ три просьбы показать ему: 1) Кремль, 2) Московскій экзерцпргаузъ и 3) чистокровнаго Орловскаго жеребца. Первыя двѣ просьбы легко было исполнить; но, еще не усвоясь съ условіями Москвы, я сказалъ Американцу что коневодство въ Россіи тогда упало, что мы вынуждены покупать хорошихъ лошадей въ Англіи или въ другихъ государствахъ Европы. Меня сильно занимало, отчего Американцу такъ хотѣлось посмотрѣть именно экзерциргаузъ, и онъ мнѣ передалъ слѣдующее. Одинъ родственникъ его, инженеръ, посѣтивъ Москву, былъ пораженъ громадностью потолка въ экзерциргаузѣ, не оказавшаго провѣса и держащагося какъ будто на воздухѣ, безъ поддержки колонъ. Проникнувъ, чрезъ посредство государственнаго билета, въ сопровожденіи сторожа, на чердакъ и изучивъ верхнее скрѣпленіе потолка, онъ, по возвращеніи въ Америку, составилъ Американскую систему постройки мостовъ съ верхнимъ скрѣпленіемъ и сдѣлался очень богатымъ человѣкомъ. Вообще Американцы берутъ отовсюду всё, что̀ имъ полезно.

Въ продолженіе XIX вѣка мы нѣсколько разъ осаждали и даже брали крѣпость Карсъ, сознавали силу укрѣпленія мѣстности взаимно обстрѣливающими редутами, и какую извлекли изъ опыта дознанную пользу? Отвѣтомъ можетъ служить расположеніе бастіоновъ во время Севастопольской осады. Забыто было, что въ 1805 году по представленію главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ, маркиза Траверсе, назначено было усилить береговую оборону семью новыми земляными батареями для обезпеченія города и береговыхъ батарей съ сухаго пути и рѣшено было устроить на Южной и Сѣверной сторонахъ по одному сильному сомкнутому укрѣпленію.

Остается рѣшить, какую практическую пользу извлекли мы изъ продолжительной осады Севастополя по отношенію къ инженерному

знанію. Отвѣтомъ можетъ служить, что при осадѣ Плевны мы бродили кругомъ и около, пока не пріѣхалъ въ армію всё тотъ же единственный въ Россіи военный инженеръ Тотлебенъ.

VII.

Смутное время до начала бомбардировки.

Трудно представить себѣ что нибудь подобное нашему отступленію послѣ проиграннаго нами, незначительнаго авангарднаго дѣла при Альмѣ. По мѣрѣ отдаленія отъ непріятеля и наступленія сумерекъ, уцѣлѣвшіе въ разбродѣ остатки полковъ центра и праваго фланга все болѣе и болѣе смѣшивались и, не получая никакихъ приказаній, оставаясь въ совершенномъ невѣдѣніи, куда идти и что̀ предпринять, образовали кучки разнообразной формы мундировъ и подходили къ намъ освѣдомиться, куда мы идемъ и въ какомъ направленіи находятся штабы такихъ-то и такихъ полковъ, чтобъ возможно было присоединиться къ нимъ. На первый вопросъ мы отвѣчали, что получили отъ главнокомандующаго приказаніе, перейдя рѣчку Качу, ночевать на возвышенностяхъ Качи, а о полкахъ мы ничего не знаемъ. Съ наступленіемъ темноты и продолжавшейся общей неизвѣстности распространилась по всѣмъ войскамъ паника: подходящія кучки солдатъ сообщали, что непріятель предупредилъ насъ, сбросилъ десантъ и занялъ высоты горъ по теченію рѣчки Качи, что мы отрѣзаны отъ Севастополя, и завтра съ разсвѣтомъ придется штурмовать укрѣпленныя позиціи на Качѣ. Словомъ, если бы появился небольшой отрядъ непріятеля, вооруженный не ружьями, а просто палками, то погналъ бы всѣхъ, какъ стадо барановъ. У моста чрезъ р. Качу скученность всякаго рода оружія, давка, поспѣшность и толкотня доходили до полнаго безобразія. При наступившей темнотѣ слышались ругательства, а по временамъ и стоны тѣснимыхъ раненыхъ. Все покрывалось общимъ гуломъ погонщиковъ лошадей и стукомъ отъ лафетныхъ колесъ.

Назначивъ на противоположномъ берегу рѣчки мѣсто для сборнаго пункта, мы, безъ всякаго строя, по одиночкѣ, кто какъ могъ, перешли мостъ, провѣривъ свои ряды, двинулись на вершину ближайшей къ дорогѣ возвышенности, разложили костры и расположились на ночлегъ, а кругомъ, подъ наблюденіемъ одного офицера, для безопасности поставили пикеты. Съ собой мы захватили достаточно хлѣба для ужина; но бѣдные солдаты, не зная мѣстъ расположенія ихъ полковъ, оставались въ проголодь; однимъ только легко раненымъ мы не отказывали въ нашей помощи.

Позиція при Качѣ оказалась совершенно схожею съ позиціей при Альмѣ; хотя возвышенности берега р. Качи были выше и круче, но неудобны для защиты, такъ какъ непріятель, наученный опытомъ, могъ атаковать ее съ тыла или съ фланга; а потому съ разсвѣтомъ всѣ войска получили общій приказъ перейти въ Севастополь. Общій планъ обороны отъ этого незначущаго измѣненія нисколько не нарушался: у насъ оставалась позади неприступная позиція на Бельбекѣ. Подходя къ рейду, мы были удивлены, какъ будто изъ земли выросшимъ бруствером съ амбразурами для орудій Сѣвернаго укрѣпленія, по бокамъ коего уже планировались фланговыя батареи. Съ виду оно представлялось весьма грознымъ, но увы!!! на дѣлѣ оказалось очень непрочнымъ: подъ давленіемъ насыпи, амбразуръ и банкетовъ, старыя эскарповыя стѣны не выдержали давленія земли, обвалились, засыпали собой при этомъ узкій ровъ и въ западномъ бастіонѣ образовали уже готовый обвалъ, прежде чѣмъ непріятель подошелъ къ укрѣпленію (Тотлебенъ, стр. 213). И все это было въ то время, когда непріятельскія колоны уже виднѣлись изъ Сѣвернаго укрѣпленія на пространствѣ между Качею и Бальбекомъ!

Опытный генералъ Тотлебенъ не одобрилъ бы проекта (стр. 199) менѣе опытнаго подполковника Тотлебена. Сѣверному укрѣпленію и примыкающимъ къ нему фланговымъ укрѣпленіямъ онъ далъ бы значеніе второй оборонительной линіи, а первую выдвинулъ бы на фронтальную оборону Бельбекскихъ высотъ, соорудивъ въ избранныхъ мѣстахъ редуты или открытыя для морскихъ орудій батареи, съ тыльной обороною запасной полевой батареи. По скату высотъ къ сторонѣ непріятеля, въ два ряда, могли быть вырыты ровики для прикрытія стрѣлковъ отъ огня усовершенствованныхъ у непріятеля ружей; наконецъ, главный общій резервъ, въ наиболѣе безопасномъ мѣстѣ, могъ быть направленъ для удара въ штыки, если непріятель прорвется въ какомъ либо мѣстѣ. Нашъ лѣвый флангъ, обороняемый батареей Константиновской, Карташевскою, а также и Волоховой башней, могъ легко быть усиленъ, какъ увеличиваніемъ числа орудій этой батареи, такъ и усиленіемъ болѣе опаснаго для флота огня изъ мортиръ, коихъ надо было поставить въ наивозможно-большемъ количествѣ. Пространство по морю между Константиновской батареей и устьемъ Бельбека, гдѣ могли бы бросить якорь корабли, не превышаетъ одной мили, а потому, при скученности, военныя суда подвергались большей опасности при огнѣ пристрѣлявшихся на эту дистанцію мортирныхъ батарей.

Въ изложеніи Тотлебена (стр. 202—203) о невыгодахъ удерживать Бельбекскую позицію осуществляется Французская пословица:

«qui prouve trop, ne prouve rien»*). Въ описаніи о защитѣ нашего праваго фланга не было принято въ разсчетъ, что Сапунъ-гора еще была въ нашей власти, что батареи изъ морскихъ орудій обстрѣливали весь болѣе низменный склонъ сѣвернаго противоположнаго берега бухты, что огонь кораблей обстрѣливалъ всѣ балки, при пособіи осьми пароходовъ, оказавшихъ впослѣдствіи такую пользу при штурмѣ Севастополя. Все это, вмѣстѣ взятое, могло служить неопровержимымъ доказательствомъ о неприступности Бельбекской позиціи.

Выгодность Бельбекской позиціи состояла въ томъ, что оба фланга ея могли быть вполнѣ обезпечены имѣющимися въ портѣ оборонительными средствами. Возвышенность фронтальной обороны давала возможность морскимъ орудіямъ дѣйствовать прицѣльными выстрѣлами на большемъ протяженіи пространства, и тѣмъ не только совершенно парализировать дѣйствіе полевой непріятельской артиллеріи, но и отогнать её для безопасности на приличное разстояніе. Ровики для прикрытія нашихъ стрѣлковъ уравновѣшивали преимущество дальности полета пуль новаго ружья, а подходъ въ строевомъ порядкѣ непріятельскихъ силъ и вовсе былъ невозможенъ. При такихъ преимуществахъ, позиція должна была хоть на время быть признана неприступной.

*

Тотчасъ по возвращеніи моемъ въ Севастополь, я долгомъ счелъ немедленно явиться къ начальнику штаба Корнилову и засталъ тамъ собиравшійся военно-морской совѣтъ, адмираловъ, экипажныхъ командировъ и командировъ военныхъ судовъ. На этомъ совѣтѣ были высказаны, повидимому, два совершенно противуположныя мнѣнія. Адмиралы и большинство командировъ предлагали выйти въ море, пользуясь ночнымъ береговымъ вѣтромъ, къ разсвѣту подбѣжать къ Евпаторіи и, потопивъ весь десантный флотъ, стараться пробиться обратно на Севастопольскій рейдъ или, схватившись съ непріятельскими кораблями на абордажъ, погибнуть съ ними смертью храбрыхъ.

Другое, по численности меньшее, предложеніе было формулировано такъ. Положеніе наше выгоднѣе и сильнѣе, чѣмъ положеніе непріятеля. Альминское дѣло не могло оказать никакого вліянія на измѣненіе этихъ отношеній: мы у себя дома, средства порта неистощимы, для управленія морскими орудіями на земляныхъ батареяхъ мы имѣемъ громадный запасъ опытныхъ командировъ; близость почти неприступныхъ позицій на Бельбекѣ дозволяетъ, безъ всякаго опасенія морскимъ командамъ, подкрѣпить осаждаемый гарнизонъ Сѣвернаго укрѣпленія, а промедленіе въ подготовкахъ къ осадѣ со стороны непріятеля даетъ возмож-

---

*) Кто слишкомъ доказываетъ, тотъ не доказываетъ ничего.

ность подходящимъ чрезъ Симферополь подкрѣпленіямъ проникнуть по болѣе отдаленной дорогѣ на Балаклаву чрезъ Трактирный мостъ у Чоргуна, на Сапунъ-гору въ Севастополь, а чрезъ бухту имѣть свободное сообщеніе и съ арміей, стоящей на Бельбекѣ. Хотя прорывъ непріятельскаго флота вполнѣ не мыслимъ по чрезмѣрной силѣ нашихъ приморскихъ батарей, но если находятъ, что боннъ *) слишкомъ слабъ, то можно на фарватерѣ затопить во множествѣ стоящія негодныя суда.

Что̀ же могло быть причиной принятія столь двухъ противуположныхъ рѣшеній? Дѣло въ томъ, что адмираламъ было извѣстно, что затѣя князя Меньшикова сдѣлать стратегическое геніальное движеніе на Бахчисарай непремѣнно будетъ имъ исполнено, и проникшіе слухи объ этомъ нападеніи или отступленіи считались другими за пустую несбыточную сплетню праздныхъ говоруновъ.

Войска арміи, не заходя въ городъ, обошли бухту и расположились лагеремъ на Куликовскомъ полѣ, на Южной сторонѣ города, какъ бы въ подтвержденіе тѣхъ слуховъ о фальшивомъ брульонѣ донесенія Государю, что онъ князь Меньшиковъ не опасается за Сѣверную сторону, такъ какъ она сильно укрѣплена, но опасается за Южную сторону города, который-де остается безъ всякой защиты и не укрѣпленъ. Было ли это настоящее донесеніе или умышленная хитрость, такъ и осталось неизвѣстнымъ. Непріятельская армія подошла къ лѣвому берегу рѣчки Бельбекъ и расположилась лагеремъ; каждую минуту можно было ожидать штурма. По словамъ Тотлебена (стр. 218, 219), въ случаѣ отступленія арміи, положеніе обороняющихся было, какъ съ Сѣверной такъ и съ Южной стороны, *безнадежно.*

Корниловъ, при открытіи морскаго военнаго совѣта, не счелъ себя въ правѣ оглашать секретныя предположенія главнокомандующаго, а также и сообщать во всеуслышаніе о безнадежномъ, въ случаѣ отступленія арміи, состояніи обороны. Онъ только предложилъ, какъ предвидимый и вѣроятный исходъ, быть готовымъ выйти въ море и погибелью флота принести наибольшую выгоду отечеству, уничтожить у непріятеля десантный флотъ, лишить его возможности оставить по своему произволу Крымъ и, какъ будто въ плѣну, ждать окончательнаго уничтоженія отъ постоянно прибывающихъ войскъ изъ арміи князя Горчакова. Распоряженія эти нисколько не выходили изъ рамки власти начальника штаба и не могли быть сочтены за противодѣйствіе распоряженіямъ главнокомандующаго, какъ это выставлено въ книгѣ Тотлебена.

*) *Боннъ*—пловучее препятствіе изъ старыхъ мачтъ и бревенъ, преграждающее судамъ входъ на рейдъ.

Однимъ изъ послѣднихъ оставилъ и я домъ начальника штаба, но не успѣлъ пройти и пятидесяти шаговъ, какъ встрѣтился съ княземъ Меньшиковымъ, который спросилъ меня, на чемъ порѣшили въ совѣтѣ. Я сказалъ, что рѣшено быть всѣмъ готовымъ къ снятію по сигналу съ якоря, и что я спѣшу на свой бригъ «Эней». Князь Меньшиковъ при этомъ сообщеніи медленно, но почти судорожно, мотнулъ подбородкомъ слѣва на право, что̀ было мною сочтено за признакъ великаго неудовольствія и, не говоря ни слова, продолжалъ свой путь по направленію къ дому Корнилова. Разговоръ между ими обоими не могъ быть дружественный, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ проникли слухи, что онъ гнѣвнымъ голосомъ сказалъ: спрячьте вашъ флотъ въ карманъ, и даже будто бы грозилъ отправить его въ Николаевъ, что̀ равносильно было бы отданію его, генералъ-адъютанта, подъ военный судъ за непокорность приказаніямъ и распоряженіямъ главнокомандующаго. Узнавъ про общее неодобреніе всѣхъ морскихъ офицеровъ его затѣѣ скрыться въ Бахчисарай, князь Меньшиковъ причислилъ весь Черноморскій флотъ къ злѣйшимъ своимъ врагамъ и въ роли всесильнаго временщика сталъ надъ нимъ издѣваться. Иначе какъ объяснить, что, покидая Севастополь, онъ никому не далъ главнаго начальства его обороны? По бумагамъ какъ будто и сдѣлано обо всемъ заботливое распоряженіе, но въ сущности было только оскорбленіе ироніей. Впослѣдствіи Московскій комендантъ, добрѣйшій генералъ Кизмеръ былъ оставленъ комендантомъ Севастополя; еще добрѣе и беззащитнѣе его генералъ Моллеръ назначенъ командующимъ всѣхъ войскъ въ Севастополѣ; начальникомъ обороны Сѣверной стороны, покидаемой непріятелемъ для перехода на южную сторону бухты, назначенъ Корниловъ, а завѣдываніе морскими командами, расположенными на оборонительной линіи Южной стороны, возложено на вице-адмирала Нахимова.

Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ главнокомандующаго и его арміи, союзники, не теряя времени, въ тотъ же день перешли на Южную сторону, чтобы воспользоваться вполнѣ, какъ можно скорѣе, всѣми представленными имъ безъ боя выгодами; они даже наткнулись на хвостъ обоза князя Меньшикова и его уничтожили.

Союзникамъ, остановившимся лагеремъ на берегу Бельбека, предстоялъ выборъ: или безъ всякой подготовки прямо штурмовать укрѣпленную морскими орудіями и сѣвернымъ укрѣпленіемъ, почти неприступную позицію на Бельбекѣ, защищаемую арміей съ пособіемъ морскихъ командъ флота, или ретироваться въ Евпаторію, на ея открытый рейдъ, въ зимнее время забрать на суда всю десантную армію и вновь высадить на Южную сторону Севастополя въ Балаклавѣ и

Стрѣлецкой бухты, что̀ опять могло вызвать у обороняющагося желаніе оказать сопротивленіе. Оба выбора были въ явный ущербъ союзниковъ, и во всякомъ случаѣ замедляли ихъ дѣйствія по крайней мѣрѣ на одинъ мѣсяцъ, а вѣроятнѣе на полные два мѣсяца, такъ что могъ у союзниковъ возникнуть вопросъ, не лучше ли возвратиться по добру по здорову во свояси. Но князь Меньшиковъ злоупотребилъ довѣріемъ Государя, давъ себѣ волю замѣнить прямую и честную военную службу своей страстью къ интригамъ и хитростямъ, не вызываемымъ совершавшимися событіями. Ему хотѣлось озадачить своей затѣей какъ Русскихъ, такъ и союзниковъ. Да, дорогой и непоправимой цѣной заплатила Россія за эту непростительную ошибку свѣтлѣйшаго князя.

Непріятель, какъ только перешелъ, немедленно занялъ Сапунъ-гору и всѣ высоты кругомъ Севастополя, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла.

Нахимовъ, пораженный быстротой слѣдовавшимъ одно за другимъ событій дня, пришелъ къ убѣжденію, что осталось только время къ спасенію отъ поруганія морскаго военнаго флага и отдалъ приказъ по флоту: «Непріятель подступаетъ къ городу, въ которомъ весьма мало гарнизона; я въ необходимости нахожусь затопить суда ввѣренной мнѣ эскадры, а оставшіяся на нихъ команды, съ абордажнымъ оружіемъ, присоединить къ гарнизону. Я увѣренъ въ командирахъ, офицерахъ и командахъ, что каждый изъ нихъ будетъ драться какъ герой; насъ соберется до трехъ тысячъ; сборный пунктъ на Театральной площади".

Еще наканунѣ генералъ Моллеръ объявилъ Севастополь состоящимъ въ осадномъ положеніи. По инціативѣ Нахимова, всѣ старшіе начальники были приглашены къ командиру порта вице-адмиралу Станюковичу и тамъ предложили единодушно адмиралу Корнилову принять на себя главныя распоряженія по приготовленію города къ оборонѣ, признавая его энергію и необыкновенныя дарованія. Фактъ этого собранія служилъ живымъ укоромъ въ несправедливости князя Меньшикова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтельствовалъ о низменномъ уровнѣ его нравственности и патріотизма, дозволившихъ ему, злоупотребляя довѣренностью Монарха, проявлять личную вражду въ ущербъ государственной власти.

Князь Меньшиковъ оправдываетъ свое фланговое движеніе на Бахчисарай необходимостью принять самыя дѣятельныя мѣры, для упорной защиты Крымскаго полуострова (Тотлебенъ, стр. 228 и 229). Тутъ само собой возникаетъ вопросъ: защищать, но противъ кого же?

Ужъ не противъ ли десантной 60 тыс. арміи союзниковъ? Но князь забылъ, что первые эшелоны 100 тыс. арміи князя Горчакова уже прошли Симферополь, и опасность въ превосходствѣ силы грозила не намъ, а союзникамъ. Опасеніе, оправданіе и необходимость, все это слѣдовательно уничтожается и падаетъ предъ силою приведенныхъ фактовъ. Союзныя десантныя войска флибустьерской высадки имѣли назначеніе въ расплохъ напасть на Севастопольскій портъ, потопить флотъ и по возможности уничтожить всѣ морскія учрежденія, какъ-то адмиралтейство, доки и портовые запасы, а затѣмъ, исполнивъ это, возвратиться обратно домой. Могли ли разноплеменные генералы союзной арміи взять на свой страхъ и отвѣтственность вести войска свои во внутрь страны, когда они сами только и чувствовали себя въ безопасности, прикрываясь орудіями флота, когда они не имѣли при себѣ необходимыхъ принадлежностей дѣйствующей арміи, обоза и пр. Нѣтъ! Для настоящаго отторженія отъ Россіи Крымскаго полуострова потребенъ не десантный отрядъ, а усиленное напряженіе всей соединенной Европы, съ болѣе вѣроятнымъ исходомъ, что, послѣ долговременной съ перерывами войны, Русскіе отслужатъ свой благодарственный молебенъ, водрузивъ православный крестъ на Святой Софіи. Плохой разсчетъ военноначальника, коль скоро онъ основанъ лишь на неспособности и ошибкахъ непріятеля. Еслибы союзные главнокомандующіе были на высотѣ своего назначенія, то они немедленно воспользовались бы удаленіемъ арміи князя Меньшикова изъ Севастополя и, произведя демонстративную бомбардировку приморскихъ батарей, одновременно штурмовали бы неукрѣпленный городъ съ южной стороны. По офиціальнымъ донесеніямъ такихъ экспертовъ, какъ Тотлебенъ, въ правдивость коихъ мы не имѣемъ права не вѣрить, Севастополь, даже при геройской защитѣ гарнизона, неминуемо долженъ былъ пасть предъ превосходной силой союзниковъ (Тотлебенъ, стр. 218). Далѣе, Французская армія, занявъ Инкерманскія высоты, подкрѣпленныя проникшими въ бухту пароходами, могла на нѣсколько дней задержать движеніе арміи князя Меньшикова, а уничтоженіе портовыхъ сооруженій, потопленіе или плѣненіе кораблей предоставить Англичанамъ. Затѣмъ единственная забота союзниковъ состояла бы въ томъ, чтобъ, исполнивъ возложенное на нихъ порученіе, по добру по здорову убраться съ возможно-меньшими потерями во свояси и предоставить князю Меньшикову со славой оборонять Крымскій полуостровъ отъ воображаемаго нашествія грознаго непріятеля.

До сихъ поръ фактическій характеръ войны обрисовывался въ слѣдующемъ видѣ. Непріятельская аттакующая дессантная армія со-

юзниковъ была по численности вдвое сильнѣе обороняющей Севастополь арміи, которая ожидала въ скоромъ времени получить пособіе отъ подходившей эшелонами арміи князя Горчакова, по силѣ далеко превосходившей силу и численность союзниковъ. Ясно, что цѣль обороняющей арміи задерживать по мѣрѣ возможности наступательное дѣйствіе непріятельской арміи, пока, по соединеніи обѣихъ армій, въ числѣ 120 тыс., мы сами не перейдемъ въ наступленіе, имѣя двойныя противъ непріятеля силы. Возможности воспрепятствовать быстрому натиску союзниковъ мы имѣли слѣдующія: 1) Отъ насъ зависѣло избраніе выгодныхъ позицій. 2) Мы были у себя дома; средства порта были громадны, и мы въ тылу могли заблаговременно подготовлять другія позиціи. При этомъ оборона была бы борьбою двухъ дѣйствующихъ армій, съ пособіемъ сухопутной тактики.

Съ уходомъ арміи князя Меньшикова въ Бахчисарай, измѣнялись и условія до сихъ поръ веденной войны. Мы теряли нашу выгодную позицію на Бельбекѣ, истративъ слѣдовательно немало труда надъ усиленіемъ сѣвернаго укрѣпленія. На Южной сторонѣ уже не мы, а союзники выбирали позиціи для разбивки своихъ батарей; а, мы при гигантскихъ усиліяхъ моряковъ и гарнизона, достигали только того, что ежесуточно производили вдвое болѣе противъ нихъ работъ по землянымъ укрѣпленіямъ города, хотя и были въ половинномъ противъ нихъ числѣ, и тѣмъ достигли возможности, въ виду происходившихъ у непріятеля осадныхъ работъ, создать для осады несуществовавшую прежде крѣпость.

Со времени открытія первой бомбардировки характеръ войны измѣнился и принялъ видъ осады небывшей доселѣ крѣпости.

Кончаю статью эту разъясненіемъ трехъ предложенныхъ мною вопросовъ:

1) Имѣлъ ли князь Меньшиковъ власть самопроизвольно, безъ созыва военнаго совѣта, пожертвовать непріятелю Севастопольскій портъ и уничтожить этимъ рѣшеніемъ вѣковой трудъ всей Россіи?

Отвѣтъ: должно быть имѣлъ отъ того, что остался главнокомандующимъ арміей.

2) Имѣлъ ли право князь Меньшиковъ, уходя съ арміей въ Бахчисарай, лишить Севастополь правильной обороны, назначивъ трехъ независимыхъ другъ отъ друга начальниковъ?

Отвѣтъ: нѣтъ не имѣлъ. Въ силу превышенія этой власти и произошелъ выборъ военачальникомъ Корнилова.

3) Справедливо ли могъ князь Меньшиковъ, опредѣливъ портъ на жертву непріятелю, предписывать, какъ оборонять его и запретить выходъ флота въ море при какихъ бы то ни было условіяхъ?

Отвѣтъ: нѣтъ, несправедливо; отъ этого предписанія его и оспаривались моряками.

VIII.

Севастополь и В. А. Корниловъ.

Существуетъ общее ошибочное понятіе, что молодой человѣкъ, не проявившій на школьной гимназической скамьѣ никакихъ особенныхъ способностей, только и годенъ для поступленія въ военную службу. Успѣхъ каждаго дѣла зависитъ отъ силы природнаго ума. Ученому для самостоятельной работы необходимо пройти предварительно университетское образованіе; для военачальника необходимо получить таковое же образованіе въ Академіи Генеральнаго Штаба, программа коего пространнѣе, сложнѣе, а слѣдовательно и выше образованія университетскаго. Ученый безпрепятственно и не торопясь знакомится съ тѣмъ, что̀ писано о разрабатываемомъ имъ предметѣ; сравнительно и военачальникъ только тогда можетъ быть увѣреннымъ въ себѣ, если онъ вполнѣ изучилъ смыслъ стратегическихъ и тактическихъ движеній прошедшей и современной военной исторіи. Ученому даже и неопредѣленность во времени можетъ способствовать и, въ случаѣ правильнаго вывода, онъ получаетъ славу въ ученомъ мірѣ; военачальникъ всюду встрѣчаетъ препятствія для исполненія задуманнаго плана и, имѣя противникомъ равно освѣдомленнаго врага, можетъ одержать надъ нимъ побѣду только воспользовавшись его ошибками или, предпринявъ смѣлый маневръ, поразить неожиданными ударами. Назначеніе главнокомандующимъ свыше даетъ только номинальную власть; но настоящую силу онъ пріобрѣтаетъ тогда, когда солдатъ вѣруетъ въ его дарованіе, энергію, храбрость и распорядительность. Солдатъ лучшій и самый правдивый оцѣнщикъ главнокомандующаго; онъ не любитъ слащавыхъ изліяній чувствъ, не понимаетъ ихъ, но цѣнитъ строгое отношеніе къ дѣлу. Дѣятельную заботливость о его матеріальномъ благосостояніи онъ живо чувствуетъ и тогда готовъ съ самоотверженіемъ исполнить неуклонно всякое приказаніе. При этихъ условіяхъ главнокомандующій, если онъ только на высотѣ своего призванія, смѣло можетъ разсчитывать на побѣду надъ врагомъ.

Въ настоящее время, когда военное дѣло все болѣе и болѣе дѣлается кабинетной наукой, проявленіе геніальности все болѣе и болѣе

дѣлается недостижимымъ; но соблазнъ прослыть геніальнымъ великъ, и избави насъ Богъ отъ проявленія этихъ опытовъ, всегда клонящихся въ ущербъ намъ, и слѣдовательно къ пользѣ нашихъ враговъ. Повторяю: залогъ побѣды—это довѣріе солдата къ главнокомандующему, а его пріобрѣсти не легко.

Признавая энергію и необыкновенныя способности В. А. Корнилова, всѣ адмиралы единодушно предложили ему принять на себя главныя распоряженія по приготовленію города къ оборонѣ. Мнѣніе это раздѣлялось и экипажными командирами, а также и офицерами; про матросовъ и говорить нечего: имъ не только была извѣстна вся служебная жизнь ихъ начальниковъ, но посредствомъ деньщиковъ и чередующихся разсыльныхъ они знали и про частный ихъ бытъ до мельчайшихъ подробностей. Словомъ, Черноморцы составляли какъ будто одну родственную семью, сильные единомысліемъ, стремленіемъ къ пользѣ и совершенствованію флота и связанные между собой безграничнымъ взаимнымъ довѣріемъ. Это не было государство въ государствѣ, но обособленная единица, усвоившая себѣ своеобразно выработанныя понятія о долгѣ и чести, въ примѣненіи къ практической жизни, по благотворному примѣру М. П. Лазарева.

Изъ всего вышеизложеннаго мы видимъ, что Корниловъ, принимая власть начальника обороны Севастополя, принялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственную поддержку всего Черноморскаго флота, являлся личнымъ его представителемъ, и никакая посторонняя власть не въ правѣ была его смѣнить, кромѣ личной воли самого Государя Императора.

Князь Меньшиковъ вполнѣ понялъ это положеніе, а потому, какъ умный человѣкъ, махнулъ на Севастопольцевъ рукой и пересталъ вмѣшиваться въ дѣла и распоряженія нашихъ адмираловъ. Между княземъ Меньшиковымъ и Черноморскимъ флотомъ создался компромиссъ: князь письменными приказами назначалъ начальниковъ, а мы, принимая эти бумаги къ свѣдѣнію, передавали бумажныхъ генераловъ на храненіе коменданту Кизмеру, а дѣльныхъ причисляли къ своимъ Севастопольцамъ. Такъ Моллеръ, сдѣлавъ своимъ начальникомъ штаба адмирала Корнилова, законно передалъ ему начальство надъ всѣми сухопутными войсками, а самъ первымъ вошелъ въ генеральскій складъ у Кизмера; за нимъ туда поступилъ А . . . . , а въ послѣдствіи число ихъ стало быстро возрастать. Позднѣе князь Васильчиковъ, проѣзжая съ лейтенантомъ Сербинымъ мимо готовившагося высочайшаго смотра, во время перемирія, и видя большое количество генераловъ, сказалъ: «Ну, видно, скоро миръ будетъ заключенъ; Русскихъ генераловъ стало видно».

Перебравшись съ кораблей на берегъ, мы, морскіе, были какъ потерянные. Никто не могъ себѣ дать положительнаго отвѣта, что̀ мы предпримемъ для избѣжанія роковыхъ послѣдствій и быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ неожиданныхъ событій.

Появленіе адмирала Корнилова было встрѣчено общей радостью: всякій изъ насъ чувствовалъ, что неопредѣленности и таинственности наступилъ конецъ, что приказанія будутъ дѣльныя и должны немедленно исполняться, и что водворится всѣми сознаваемая необходимость строгой военной дисциплины. Первымъ показалъ примѣръ подчиненности нашъ старшій адмиралъ, герой Синопа и кавалеръ Георгія 2-й степени, Павелъ Степановичъ Нахимовъ. Задержанный имъ для исполненія приказъ о потопленіи на рейдѣ флота онъ съ удовольствіемъ уничтожилъ и, не теряя времени, приступлено было къ приведенію въ извѣстность всѣхъ оборонительныхъ средствъ города. Адмиралы раздѣлили оборону будущей крѣпости на четыре отдѣленія:

1. Руководство при морскихъ батареяхъ и сухопутномъ 1-мъ отдѣленіи Нахимовъ оставилъ за собой, взявъ себѣ въ помощники главнаго оппонента своего на военномъ совѣтѣ, капитана 1-го ранга Аполинарія Александровича Зорина, человѣка энергичнаго и рѣшительнаго.

2. Дистанціей командовалъ Ѳедоръ Михайловичъ Новосильской.

3. Дистанціей съ обороной Южной бухты адмиралъ Александръ Ивановичъ Панфиловъ.

4. Малаховъ курганъ до рейда, съ защитой Корабельной стороны, взялъ на себя В. И. Истоминъ. Общее командованіе надъ батареями и сухопутными войсками принялъ В. А. Корниловъ.

Дистанціоннымъ начальникамъ рекомендовалось стянуть на свои дистанціи подвѣдомственные имъ экипажи, назначить командировъ начальниками вновь строющихся батарей, образовать оборонительные батальоны, однимъ словомъ съ перваго же дня, моряки опять стали полными хозяевами Севастополя.

Изъ лекціи, читанной ген.-лейт. Куропаткинымъ о военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Средней Азіи, видно, что послѣ неудачъ при осадѣ крѣпости Геокъ-Тепе въ 1879 году, успѣхъ экспедиціи 1880—81 года принадлежалъ умѣнью Скобелева внушить своему отряду рѣшимость побѣдить или умереть, но ни въ какомъ случаѣ не

отступать. Прежде его генералъ Черняевъ съ горстью людей, взявшій безъ осады, прямо штурмомъ Ташкентъ и Яркентъ, постоянно держалъ свой отрядъ въ убѣжденіи, что предстоитъ только одинъ исходъ— это побѣда надъ врагомъ.

Я увѣренъ, что оба эти даровитые побѣдители не поставятъ себѣ въ обиду, если я напомню, что предшественникъ ихъ по оружію адмиралъ Корниловъ глубоко былъ убѣжденъ въ пользѣ того, чтобъ каждый солдатъ зналъ въ лицо своего главнаго начальника и слышалъ бы отъ него самого, что отступленія изъ Севастополя не будетъ и если кто прикажетъ бить отбой, то закололи бы измѣнника, даже если приказаніе это будетъ дано имъ самимъ.

Корниловъ совершалъ свой ежедневный объѣздъ по оборонительной линіи въ сопровожденіи многочисленной свиты; при немъ всегда былъ казакъ со значкомъ, чтобы всякому было возможно его отыскать, во всякое время. Въ свитѣ его состояли подполковникъ Тотлебенъ, капитанъ-лейтенантъ Поповъ и четыре флагъ-офицера, князь В. И. Барятинскій, баронъ Крюднеръ, Лихачевъ и Жандръ. Многіе, читая про оборону Севастополя по Тотлебену, сочтутъ, что свита есть приличная обстановка начальствующаго лица; но у Корнилова это вынуждалось необходимостью и много способствовало къ быстротѣ и успѣшному вооруженію Севастополя. Приведу примѣръ о моей личности. Я оставилъ команду и офицеровъ брига «Эней» на командуемой мною правой фланговой батареѣ сѣвернаго укрѣпленія, а самъ присоединился къ свитѣ адмирала. Подъѣзжая къ мѣсту, гдѣ назначено было устроить 5-й бастіонъ, Тотлебенъ изложилъ Корнилову необходимость выдвинуть на правомъ флангѣ его люнетъ и, выясняя всѣ выгоды его, опредѣлилъ число и калибръ орудій. Корниловъ, вполнѣ убѣдившись въ пользѣ, сдѣлалъ разсчетъ необходимаго числа прислуги при орудіяхъ, и такъ какъ разсчетъ этотъ близко подходилъ къ числу команды брига «Эней», то тутъ же назначилъ меня командиромъ предназначеннаго къ постройкѣ люнета; вмѣстѣ съ тѣмъ, поручено было капитанъ-лейтенанту Андр. Александр. Попову снабдить люнетъ орудіями и всѣмъ для вооруженія необходимымъ артилерійскимъ матеріаломъ. Тотлебенъ отбилъ колушками длину и направленіе фасовъ люнета, записалъ количество инструментовъ и имя назначаемаго имъ сапёра, а я черезъ 4 часа перевелъ съ Сѣверной стороны всю команду съ багажемъ. Мы расположились на ночь на бивакахъ, съ разсвѣтомъ дружно принялись за дневную работу всей командой, а на ночь раздѣлили работу по-вахтенно. Вотъ какъ просто закладывались и строились бастіоны

и батареи въ Севастополѣ. Матросы не впадали въ уныніе и весело производили самыя изнурительныя работы, если видятъ при этомъ содѣйствіе командира и офицеровъ, а примѣромъ имъ служили старшій офицеръ лейтенантъ Бѣлкинъ и ревизоръ лейт. Гинкенъ. Чрезъ недѣлю люнетъ можно было считать вооруженнымъ. Тотлебенъ продолжалъ ежедневно посѣщать насъ; онъ, захлебываясь отъ удовольствія, говорилъ, что ему извѣстно урочное положеніе по инженерному уставу, знакомо также и усиленное урочное положеніе, но что онъ никогда не воображалъ о возможности производить ускоренно такія титаническія работы, что у него не хватитъ времени на разбивку и проводку орудій импровизированныхъ батарей.

Вскорѣ я былъ назначенъ командиромъ 5-го бастіона и передалъ люнетъ лейтенанту Бѣлкину. Его славное имя и осталось за люнетомъ до послѣдней бомбардировки и окончанія войны.

Севастопольскій гарнизонъ сталъ усиливаться подходящими полками отъ арміи князя Горчакова (Тотлебенъ, стр. 261). Не упуская изъ виду ничего, что̀ могло содѣйствовать оборонѣ, также предвидя возможность очищенія нами Южной стороны, Корниловъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе о службѣ пароходовъ.

«*Херсонъ*» назначенъ для обстрѣливанія Инкерманской долины; «Владиміръ» и «Крымъ» поставлены у Киленъ-балки для фланкированія батарей на мѣстахъ 1-го и 2-го бастіоновъ; *Элборусъ* для обстрѣливанія Ушаковой балки и для обезпеченія отступленія нашихъ войскъ къ Павловскому мысу, гдѣ должны были принять ихъ пароходы «Грозный», «Турокъ» «Дунай»; «Бессарабія», «Громоносецъ» и «Одесса» назначались для дѣйствія по Карантинной балкѣ и для фланкированія праваго фланга нашей оборонительной линіи. Эти послѣдніе три парохода должны были по ночамъ охранять по очереди проходъ, оставленный для загражденія рейда.

23-го Сентября, съ цѣлью ввести непріятеля въ заблужденіе относительно численности нашего гарнизона, произведено было, по приказанію Корнилова, примѣрное отбитіе штурма на Малаховомъ курганѣ (Тотлебн. стр. 265). Корниловъ объѣзжалъ со своимъ штабомъ оборонительную линію каждый день по крайней мѣрѣ одинъ разъ, наблюдалъ лично за ходомъ работъ, за строгимъ исполненіемъ аванпостной службы, за порядкомъ размѣщенія войскъ, а ночью, при малѣйшей тревогѣ или перестрѣлкѣ, немедленно являлся на линію. Онъ всегда говорилъ съ солдатами, стараясь поддержать въ нихъ энергію и мысль о необходимости драться до послѣдней крайности.

Однажды, обратившись къ Московскому полку, онъ сказалъ: «Москвичи, вы находитесь здѣсь на рубежѣ Россіи, вы защищаете дорогой уголокъ Русскаго царства. На васъ смотрятъ Царь и вся Россія. Если только вы не исполните вполнѣ своего долга, то и Москва не приметъ васъ какъ Москвичей».

Подобныя слова Корнилова производили глубокое впечатлѣніе на солдатъ, у которыхъ онъ своими энергическими распоряженіями уже успѣлъ заслужить большое довѣріе.

Непріятельскія работы медленно подвигались впередъ. Впрочемъ, уже можно было ясно отличать возводившіяся въ нихъ батереи. Для замедленія этихъ работъ позволялось дѣлать въ сутки до 10 выстрѣловъ изъ орудій большаго калибра. При обстрѣливаніи я воспользовался особенностью морскаго станка и способомъ въ морской артиллеріи производить прицѣльную стрѣльбу во время тумана; этотъ способъ неизвѣстенъ въ полевой артиллеріи. Послѣ нѣсколькихъ пробныхъ выстрѣловъ, когда опредѣлится уголъ возвышенія и снарядъ попадетъ въ гребень непріятельскаго вала, проводится на клинѣ и скамейкѣ черта; въ туманную погоду, если орудіе будетъ установлено по этой чертѣ, то можно быть увѣреннымъ, что зарядъ, согласно данному ему по директриссѣ направленію, ударитъ въ самый гребень вала. Вотъ чему я приписываю, что наша артиллерія заставила замолчать Французскія батареи, такъ какъ, при учащенной пальбѣ и пушечномъ дымѣ, прицѣльные выстрѣлы были невозможны. Правдивость моихъ предположеній практически подтвердилась. Для лучшаго приготовленія нашей артиллеріи къ предстоящей ей борьбѣ произведена была два раза съ 1-го и 2-го отдѣленія пробная стрѣльба по Французскимъ батареямъ Рудольфовой горы. Кромѣ опредѣленія угла обстрѣла по щелямъ амбразуры, опытъ показалъ, что всѣ снаряды при учащенной пальбѣ ложились въ самый гребень вала, не руководствуясь прицѣломъ, а постановкой правильно клина и скамейки. Французскія батареи послѣ четырехъ часоваго боя (Тотлеб., стр. 321) принуждены были совершенно замолчать. Онѣ, повидимому, были сильно повреждены и мѣстами даже разрушены; именно подбито и повреждено 14 орудій и лафетовъ.

4-го Октября съ приморскихъ батарей видно было, какъ непріятель размѣщалъ буйки на взморьѣ по направленію отъ Стрѣлецкой бухты къ Волоховой башнѣ. Это заставляло полагать, что онъ собирается также бомбардировать городъ съ флота.

Срокъ медлительности союзниковъ, повидимому, истекалъ. Приближался день бомбардированія и штурма.

Вслѣдствіе усиленія новыми войсками, составъ гарнизона сильно измѣнился. Всего состояло въ немъ 43 баталіона (Тотлеб., стр. 279) пѣхотныхъ и морскихъ и 1 саперный баталіонъ, силою до 32-хъ тысячъ штыковъ, и 28 полевыхъ орудій.

Артиллерійская прислуга всѣхъ орудій на оборонительной линіи, какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ, была составлена изъ матросовъ.

Дѣйствіе изъ орудій производилось по правиламъ морскаго артиллерійскаго ученья.

Матросы, всегда легко примѣняющіеся ко всѣмъ перемѣнамъ, принесли съ собою на батареи судовые порядки и обычаи, чему способствовало сходство быта ихъ на батареяхъ съ судовымъ: тѣже вахты съ безсонными ночами, тотъ же свистокъ боцмана, призывающій къ разнымъ работамъ, къ обѣду и чаркѣ водки, тѣже орудія съ платформами. Брустверы легко напоминали воображенію ихъ корабельные борты, а темныя тѣнистыя землянки и устроенные впослѣдствіи блиндажи—кубрикъ судовъ. Вода на батареяхъ хранилась въ систернахъ, врытыхъ въ землю. Время считалось склянками или песочными часами, и каждые полчаса часовой возвѣщалъ ударомъ въ колоколъ. При всей этой знакомой обстановкѣ матросы легко привыкли къ службѣ на сухопутныхъ батареяхъ.

Трудно рельефнѣе, правдивѣе и болѣе спеціально въ подробностяхъ описать первый день бомбардированія Севастополя, какъ сдѣлано оно у Тотлебена къ главѣ XIV, стр. 302. Къ этому описанію ничего нельзя прибавить или убавить, не уклоняясь отъ истины.

Въ тотъ достославный день Черноморскій флотъ понесъ незамѣнимую потерю даровитѣйшаго изъ адмираловъ. В. А. Корниловъ палъ на Малаховомъ курганѣ, смертельно пораженный въ ногу ядромъ, палъ на сушѣ; но послѣднія минуты его жизни сопровождались, кромѣ грохота бомбардировки, адскимъ ревомъ 746 морскихъ большаго калибра орудій, выпустившихъ съ кораблей союзнаго флота болѣе 50-ти тысячъ снарядовъ по ввѣреннымъ его защитѣ Севастопольскимъ морскимъ батареямъ.

«Ну, господа, предоставляю вамъ отстаивать Севастополь! Не отдавайте его!», сказалъ, собравшись съ силами, Корниловъ окружавшимъ его офицерамъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ лишился чувствъ и былъ перенесенъ въ морской госпиталь, гдѣ и умеръ послѣ двухъ часовъ сильныхъ страданій. Послѣднія слова его были: «Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна! Благослови Господи Россію и Государя, спаси Севастополь и флотъ!» О своемъ семействѣ умирающій Корниловъ никому изъ окружающихъ его ничего не говорилъ, но мысленно возносился съ молитвой ко Всевышнему; при жизни, онъ

всегда высказывалъ убѣжденіе и надежду, что многочисленное семейство его не можетъ осиротѣть: за царемъ служба, а за Богомъ молитва никогда не пропадетъ.

Вѣсть о смерти доблестнаго адмирала поразила скорбью мужественныхъ защитниковъ Севастополя, глубоко вѣрившихъ въ счастіе и необыкновенное дарованіе Корнилова; но больше всѣхъ оно поразило и опечалило его сотоварища по оборонѣ адмирала Нахимова. Сознавая необходимость скрыть отъ гарнизона нравственную потерю начальника обороны, онъ весь день неутомимо посѣщалъ наиболѣе угрожаемые и пострадавшіе бастіоны, сдалъ съ согласія Меньшикова свою 1-ю дистанцію подъ начальство опытнаго, даровитаго, храбраго и распорядительнаго артилерійскаго генерала Тимофѣева, а за собой оставилъ заботу по охраненію и снабженію бастіоновъ и батарей вообще всей оборонительной линіи, гдѣ всюду при орудіяхъ были морскія команды. Съ тѣхъ поръ до конца своей жизни, Нахимовъ, не умѣя ѣздить верхомъ, могъ только посѣщать одну дистанцію до обѣда, а другую послѣ обѣда. Въ промежутокъ между бомбардировками надо было видѣть, какъ любовно стремились окружать своего любимца-адмирала матросы, чтобы удостоиться отъ него нѣсколькихъ одобрительныхъ или ободрительныхъ словъ, пересказываемыхъ и перетолковываемыхъ ими до слѣдующаго имъ посѣщенія.

Много труда стоило убѣдить матросовъ, что при сборѣ людей всегда усиливается перестрѣлка, и этимъ дорогая всѣмъ жизнь адмирала подвергается большой опасности. Нахимовъ строго соблюдалъ при осадѣ форму и всюду являлся въ адмиральскихъ эполетахъ. Съ чужими (какъ выражался адмиралъ про всѣ другія военныя вѣдомства) онъ говорилъ сдержанно и отвѣчалъ только на ихъ вопросы, но за то въ присутствіи моряковъ, на бастіонахъ и батареяхъ онъ чувствовалъ себя какъ между родными и повѣрялъ имъ всѣ заботы и опасенія за нихъ.

На адмирала Истомина вѣсть о смерти Корнилова подѣйствовала совсѣмъ иначе. Сознавая по убѣжденію, что Малаховъ курганъ-ключъ позиціи Севастополя, онъ, по привычкѣ, горделиво закинувъ голову назадъ, провозгласилъ, что отнынѣ онъ отдѣляетъ защиту Малахова кургана и Корабельной стороны отъ общей защиты Севастополя, и что, если непріятель и проникнетъ штурмомъ въ городъ, то онъ не долго въ немъ продержится, испытывая прицѣльный огонь гораздо болѣе возвышенной и обрывистой Корабельной стороны. Сужденіе это было совершенно правильно: безъ взятія Корабельной стороны непріятель не могъ владѣть ни городомъ, ни рейдомъ.

Союзники, какъ извѣстно изъ реляціи (Тотл., стр. 327), предприняли эту бомбардировку съ цѣлью сбить нашу артиллерію и вслѣдъ затѣмъ штурмовать Севастополь. Войска осаднаго корпуса стояли подъ ружьемъ, готовыя двинуться на штурмъ по данному сигналу; словомъ, были сдѣланы всѣ приготовленія къ штурму. Атака же союзнаго флота должна была служить диверсіею и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно довершить наше разстройство. Событія дня не оправдали этого разсчета. Французскія батареи были сбиты и принуждены замолчать, атака союзнаго флота также была отражена огнемъ нашихъ батарей, съ нанесеніемъ ему значительнаго вреда.

Изо всего вышесказаннаго можно предполагать, что непріятель имѣлъ въ виду, сбивъ артилерію 5-го бастіона, во время продолжающейся бомбардировки, штурмовать 6-й бастіонъ, чрезъ него проникнуть въ городъ и укрѣпиться первоначально на линіи, ведущей къ артиллерійской бухтѣ. Такимъ движеніемъ онъ отрѣзывалъ всѣ наши приморскіе бастіоны до № 10, анфилировалъ или билъ въ тылъ бастіоны № 4 и 5 съ окружающими ихъ батареями.

Взрывъ пороховаго погреба на 3-мъ бастіонѣ и полное его разрушеніе давали союзникамъ возможность нанести намъ еще большій вредъ; но они не воспользовались этимъ, оттого что у нихъ не было даровитыхъ, рѣшительныхъ генераловъ, а были люди посредственные и нерѣшительные, неспособные измѣнять диспозицію, соотвѣтственно внезапнымъ возникновеніямъ новыхъ фортовъ.

Убѣдившись въ неуспѣхѣ своемъ на 1-мъ отдѣленіи, непріятель устремился на атаку 4-го бастіона 2-го отдѣленія. Осадныя работы велись съ неутомимой энергіей, и въ скоромъ времени третьей траншеей непріятель приблизился на 65 сажень отъ бруствера. Сосредоточеннымъ огнемъ Французскихъ и Англійскихъ батарей бастіонъ этотъ подвергался убійственному огню со всѣхъ сторонъ и ежедневно терпѣлъ большія аваріи; едва могли исправлять ихъ въ ночное время. Кромѣ того, непрерывный штуцерной огонь анфилировалъ и даже поражалъ въ тылъ стрѣлковъ у бруствера и прислугу у орудій. Но послѣ Инкерманскаго дѣла, при нанесенномъ намъ пораженіи, какъ и послѣ рекогносцировки Французовъ, осадныя работы были вдругъ прекращены, и все вниманіе союзниковъ обращено на возведеніе редутовъ и оборонительныхъ верковъ, чтобы, въ виду подошедшихъ къ намъ подкрѣпленій, не быть въ расплохъ застигнутыми какой либо иной внезапной атакой.

Начальникъ инженеровъ Англійской арміи генералъ Бургюнъ правильно опредѣлилъ еще въ Декабрѣ 1854 года, что Малаховъ курганъ составляетъ ключъ позиціи, безъ обладанія которымъ нельзя вла-

дѣть Севастополемъ. Съ нимъ вполнѣ согласился и прiѣхавшiй генералъ адъютантъ Наполеона Нiель, и на военномъ совѣтѣ 20 Января рѣшено было открыть противъ Малахова кургана осадныя работы. Эти энергическiя работы, предпринятыя союзниками, заставили наконецъ и насъ подумать о безопасности Малахова кургана, 3-го бастiона и всей Корабельной стороны. Принятая Тотлебеномъ система постройки 3-хъ редутовъ за Киленбалкой и Камчатскаго редута была неожиданностью для нападающаго; попытка завладѣть недостроеннымъ еще первымъ редутомъ, Селенгинскимъ, въ ночное время, была отражена начальствующимъ даровитымъ и храбрымъ генераломъ Хрущовымъ, послѣ этого и непрiятель дозволилъ намъ постройку еще двухъ остальныхъ редутовъ, Волынскаго и Забалканскаго, препятствуя только сильнымъ артиллерiйскимъ и ружейнымъ огнемъ занять холмъ предъ Малаховымъ курганомъ. Мы также опередили союзниковъ однимъ днемъ, заложивъ Камчатскiй редутъ. Вотъ на него-то и были направлены всѣ усилiя противника для приведенiя его въ беззащитный для атаки видъ. Въ это самое время редуты эти были причислены къ 4-му отдѣленiю подъ начальство Истомина. 4-го Марта начальникомъ войскъ на Корабельной былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, комендантомъ Камчатскаго люнета капит.-лейт. Синявинъ, и Волынскаго л. Кремеръ. Комендантомъ Селенгинскаго редута еще ранѣе былъ назначенъ кап.-лейт. Шестаковъ. Истоминъ съ радостiю обходилъ всю дистанцiю, и было рѣшено для облегченiя гарнизона отъ губительнаго ружейнаго огня изъ траншей сдѣлать вылазку и закопать тѣ траншеи, которыя наиболѣе вредили. Тутъ же рѣшено произвесть эту вылазку съ 10-го на 11-е Марта; но къ сожалѣнiю не суждено было Истомину видѣть исполненiе этой вылазки: во время обычнаго обхода своего отдѣленiя, 9-го Марта, при выходѣ на открытое мѣсто съ Камчатскаго люнета въ сопровожденiи капитанъ-лейтенанта Синявина, ему ядромъ сорвало голову.

Несмотря на непоколебимую строгость, которою всегда отличался Истоминъ и на большую требовательность его въ служебномъ отношенiи, никто изъ подчиненныхъ его никогда не роптал, видя своего начальника всегда бодрствующаго и всегда впереди, на самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Истоминъ пробылъ на Малаховомъ курганѣ неотлучно пять мѣсяцевъ, подавая собой примѣръ мужества и необычайной энергiи. Какъ этими качествами, такъ и своею заботливостiю о подчиненныхъ, Истоминъ снискалъ себѣ большое довѣрiе и популярность въ войскахъ. Распорядительность Истомина съ первыхъ же

дней обороны стала извѣстна всему гарнизону, и всѣ были увѣрены, что при такомъ начальникѣ, какъ онъ, Малаховъ курганъ всегда представитъ самую блистательную защиту.

Истомина похоронили въ соборѣ Св. Владимира, рядомъ съ Корниловымъ на мѣстѣ, которое вице-адмиралъ Нахимовъ приготовилъ для себя, но счелъ долгомъ уступить павшему прежде сподвижнику. Утрата такого дѣятеля, какъ Истоминъ, возложила на Нахимова новый трудъ заботиться о благосостояніи моряковъ на осиротѣвшемъ его отдѣленіи. Кромѣ того всё увеличивающіяся осадныя работы противъ Камчатскаго люнета у Малахова кургана и противъ 3-го бастіона вмѣняли ему въ обязанность ежедневное посѣщеніе ихъ; но по дальности разстоянія онъ не могъ совершать переходы, какъ было прежде, пѣшкомъ и былъ принужденъ ѣздить верхомъ.

Около шести часовъ вечера, прибылъ на Камчатскій люнетъ П. С. Нахимовъ. Оставивъ свою лошадь у горжи, онъ пошелъ вдоль фасовъ, какъ вдругъ раздался крикъ «штурмъ!» Нахимовъ поднялся на банкетъ и увидѣлъ, что три Французскія колонны, выбивъ нашихъ стрѣлковъ изъ контръ-апрошей, идутъ на люнетъ съ трехъ сторонъ. Нахимовъ приказалъ бить тревогу. Артиллеристы бросились къ пушкамъ, а пѣхота, состоявшая изъ 4-го баталіона Полтавскаго полка, не болѣе какъ въ 350 человѣкъ, начала строиться по банкетамъ. Но едва было сдѣлано по непріятелю два картечныхъ выстрѣла, какъ Алжирцы, составлявшіе правую непріятельскую колонну, заняли батарею № 88 (Торопова), расположенную въ лѣво отъ люнета, а центральныя непріятельскія колонны, не встрѣтивъ почти никакого препятствія въ полузасыпанномъ рвѣ, начали проникать сквозь амбразуры во внутренность укрѣпленія. Вслѣдъ затѣмъ на правомъ фасѣ люнета появились Зуавы, составлявшіе лѣвую колонну непріятеля.

Матросы, одушевляемые присутствіемъ любимаго начальника, съ отчаяніемъ защищали свои орудія.

Между тѣмъ силы непріятеля росли съ каждой минутой, а Алжирцы овладѣли примыкавшею къ лѣвому фасу люнета батареей № 101 (Лесли) и стали распространяться по лѣвой траншеѣ сообщенія. Появленіе непріятеля въ тылу вынудило защитниковъ люнета отступить за куртину между Малаховымъ курганомъ и 2-мъ бастіономъ, гдѣ Нахимовъ тотчасъ же разставилъ отступавшія войска по банкетамъ.

Въ это время Малаховъ курганъ былъ оставленъ почти безъ войскъ и находился въ самомъ критическомъ положеніи, причемъ онъ неминуемо былъ бы взятъ Французами, если бы съ ихъ стороны сдѣланы были распоряженія къ атакѣ.

Пройдя по куртинѣ на курганъ, Нахимовъ засталъ тамъ Тотлебена. Тотчасъ же на люнетъ былъ направленъ учащенный пушечный огонь, и разставили два батальона по банкетамъ этого укрѣпленія и куртины, прилегающей къ нему съ лѣвой стороны. Въ это время замѣтили, что во рву кургана находятся Французы. Посланная туда команда привела болѣе 70 плѣнныхъ. Это были передовыя непріятельскія войска, попавшія въ ровъ при первомъ штурмѣ люнета и не успѣвшія вылѣзти изъ него, по значительной крутизнѣ контръ-эскарпа.

*

Въ Парижѣ, въ Луврѣ, въ Морскомъ Музеѣ, на противоположной противъ входа въ музей двери, развѣшанъ большой Русскій корабельный флагъ. На вопросъ мой сторожу, съ какого корабля онъ спущенъ, я получилъ отвѣтъ, что онъ присланъ въ музей адмираломъ Romain de Jénoully (объ остальномъ онъ ничего не зналъ). Точно также и при посѣщеніи Greenwich, Hospital, гдѣ хранятся побѣдоносные трофеи Англичанъ, выставленъ и нашъ Русскій корабельный флагъ.

Если мы, военные, охраняемъ честь морскаго флага съ полнымъ презрѣніемъ жизни, то честь и долгъ нашей дипломатіи требуютъ оградить его отъ диффамаціи. Сколько мнѣ извѣстно, при секвестраціи въ устьѣ Таго нашего флота подъ командой адмирала Синявина, флагъ нашъ, стоя въ Темзѣ, признавался неприкосновеннымъ. Послѣдствія дѣла храбраго Невельскаго мнѣ неизвѣстны; въ Севастополѣ осталось во власти Англичанъ адмиралтейство, но оно имѣетъ свой собственный флагъ. На чемъ же основывается право Англичанъ вывѣшивать нашъ Русскій военный флагъ въ числѣ своихъ трофеевъ? Мнѣ кажется было бы справедливымъ, если бы морской министръ просилъ министра иностранныхъ дѣлъ офиціально потребовать составленія акта, изъ Русскаго ли флахтука сшитъ выставленный флагъ, не скроенъ ли онъ и сшитъ въ Англіи, а потомъ преслѣдовать обманъ юридическимъ путемъ, какъ преслѣдуются мошенническія продѣлки, фабрикація фальшивыхъ ассигнацій и тому подобныя дѣла.

*

Я не имѣлъ въ виду, основываясь на однихъ воспоминаніяхъ давно прошедшихъ событій, описывать послѣдовательно всю оборону Севастополя. Цѣль моя состояла въ томъ, чтобы указать на неправильно поставленные вопросы, сдѣланные Тотлебеномъ въ систематич-

но-подробномъ изложеніи этой обороны, а также обратить вниманіе будущаго историка Крымской войны на факты, оцѣнка коихъ не соотвѣтствуетъ моимъ личнымъ убѣжденіямъ.

Кромѣ того, при написаніи этихъ воспоминаній я руководился мыслію положить свою лепту при изданіи въ будущемъ «Исторіи Русскаго флота». Нынѣ программа въ Морскомъ Корпусѣ несравненно пространнѣе, чѣмъ въ былое наше время; но въ ней существуетъ весьма важный пробѣлъ—это изученіе въ спеціальномъ значеніи Исторіи Русскаго флота. Въ Англіи, Франціи и въ Америкѣ существуютъ исторіи съ самымъ подробнымъ изложеніемъ генеральныхъ и одиночныхъ битвъ, предварительныхъ по флоту приказовъ адмираловъ или приготовленій къ бою командировъ судовъ; а у насъ объ этомъ и помину нѣтъ. Не можетъ быть, чтобы въ архивахъ Морскаго Министерства были уничтожены или затеряны документы, могущіе руководить будущаго историка къ прославленію флота отъ временъ Перваго Адмирала, командовавшаго соединеннымъ флотомъ Западныхъ державъ на Копенгагенскомъ рейдѣ, до паденія Севастополя, знаменующаго послѣднее слово бывшему «славою Россіи» парусному, доблестному отечественному флоту. Въ томъ-то и великъ былъ отечественный преобразователь Черноморскаго флота, адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, что онъ могъ вселить жизненную силу въ подчиненныхъ ему офицерахъ, а чрезъ нихъ одушевить и матросовъ къ строгому исполненію служебнаго долга,—безъ всякаго послабленія исполнять долгъ присяги и высоко чтить поднятый на гафелѣ морской Русскій православный Андреевскій флагъ. Сочетаніе всѣхъ этихъ нравственныхъ силъ въ общее строгое единство и осуществилось въ проявленіи взрыва общаго энтузіазма и неодолимой нравственной мощи, при возведеніи титаническихъ работъ по укрѣпленію Севастополя, для отпора вторгнувшагося въ предѣлы наши непріятельскаго десанта.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

1850.

Записка графини А. Д. Блудовой.

Августа 22-го 1850. Ревель.

Приведетъ ли Богъ праздновать въ Москвѣ, на будущій годъ, этотъ день? Праздновать серебрянную свадьбу Государя съ Россіей? Обрученіе ихъ было въ кровавый день 14 Декабря. Какъ древнему витязю, ему пришлось богатырски спасать свою невѣсту-Россію отъ коварныхъ похитителей. 22 Августа вѣнчался онъ съ нею торжественно, и присягали они другъ другу. Много въ ихъ 25-лѣтнемъ союзѣ пережили они горя; много опасностей и много искушеній встрѣтили они на своемъ пути. Оба дѣлали кое-какія ошибки; были кое-когда у нихъ недоразумѣнія; но они оставались вѣрны другъ другу, и твердо, и отважно шли своимъ путемъ, рука объ руку, смиряясь передъ Провидѣніемъ, стóя грудью противъ враговъ. Не измѣнила ему вѣрная и покорная Россія, и онъ остался вѣрнымъ ея защитникомъ, нѣжнымъ и преданнымъ другомъ; и четверть столѣтія стоятъ они тверды и невредимы среди бурь и волненій міра.

Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной.

Такъ, вѣра искренняя, прямая, истинно-православная вѣра Государя и вѣра Россіи: вотъ что спасло насъ и будетъ спасать всегда, пока будемъ умѣть сохранять ее цѣлу и невредиму. Православіе и любовь къ отечеству у насъ давно уже слились въ одну мысль. *Онъ Русскій* говорится о православномъ съ иностраннымъ именемъ, и кажется намъ какъ-то дико, когда случится встрѣтить Протестанта или Римско-католика съ Русской фамиліей. Къ этой мысли пріучила насъ Исторія восьми столѣтій, учатъ насъ мощи и гробницы всѣхъ нашихъ великихъ мужей, мучениковъ, святителей, князей и героевъ.

Николай Павловичъ—самый православный государь изъ царствующихъ надъ нами со временъ Θеодора Алексѣевича. Онъ, можетъ-быть, и

самый Русскій. Онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыми движется цѣлое поколѣніе, потому что они какимъ-то инстинктомъ *предчувствуютъ*, такъ сказать, внушенія и потребности своего времени, сочувствуютъ имъ и тѣмъ самымъ управляютъ стремленіемъ, помогая ему, но вмѣстѣ и съ твердостью удерживая отъ безумной поспѣшности, которая бы увлекла стремглавъ мимо цѣли въ пропасть. Въ этихъ людяхъ олицетворяются ихъ народъ и ихъ время. Таковы были у насъ Св. Владиміръ, Дмитрій Донской, Мининъ, Петръ Великій, Екатерина II. Не хотимъ сказать, чтобъ кромѣ нихъ не было великихъ людей у насъ; не хотимъ сказать, чтобъ они были самые великіе люди въ нашей Исторіи. Но они были выраженіемъ цѣлой эпохи; но ихъ имена сдѣлались, такъ сказать, прозваніемъ ихъ вѣка; они какъ бы одѣли мысль въ слово, ими какъ бы электрически передавались свѣту тѣ сильныя чувства, которыя даютъ стремленіе цѣлому поколѣнію, и замѣтимъ—такіе люди бываютъ всегда съ горячимъ сердцемъ, съ пылкою, пламенною душею. Одинъ холодный умъ, одни разсчеты разума не даютъ силы, потому что не понимаютъ и не могутъ понять *сильнаго чувства*—этого великаго двигателя человѣчества.

Для нашего поколѣнія, родившагося въ первые годы нынѣшняго царствованія или въ послѣдніе годы предшествовавшаго, первая эпоха правленія Николая Павловича уже почти принадлежитъ къ Исторіи. Постараемся однако вспомнить то, что̀ видѣли сами и то, что̀ отъ другихъ немного старѣе насъ слышали.

Il n'y a pas de héros pour son valet de chambre, говорятъ Французы. *Tous les contemporains sont des valets de chambre* *), говоритъ Паскевичъ. Правда, что современники, видя вблизи недостатки великихъ историческихъ лицъ, строже судятъ о мелочахъ; но за то они и подробности знаютъ, которыя драгоцѣнны для будущаго историка. Къ несчастію, нѣтъ у меня умѣнія (а куда какъ бы хотѣлось!) подробно и ясно описать событія этихъ 25 лѣтъ и необыкновеннаго человѣка, управляющаго Россіей и имѣющаго столь сильное вліяніе и на всю Европу.

При Александрѣ за моднымъ вольнодумствомъ Французской философіи послѣдовалъ въ высшемъ кругу какой-то неопредѣленный мистицизмъ, какія-то гостинныя секты: это уже было возвращеніе къ христіанству, но отзывалось старымъ либерализмомъ, боязнью наложить *оковы* на умъ и совѣсть человѣческую. Не смотря на чисто-народный духъ 1812 года, высшее общество и направленіе

---

*) Для комнатнаго слуги не бываетъ героя (въ его господинѣ).—Всѣ современники суть комнатные слуги.

умовъ въ правителяхъ оставались иностранные. Сперва несчастія, потомъ ослѣпительная слава отечества, крѣпче привязали къ нему; но, занимая первое мѣсто въ Европѣ, мы тѣмъ болѣе ее любили и, слушая ея рукоплесканія, силились болѣе и болѣе ей нравиться и ей подражать. Александръ былъ величественнымъ представителемъ Россіи въ Европѣ, а Русскіе космополитами, заботясь болѣе о дѣлахъ и происшествіяхъ на Западѣ, нежели о собственномъ устройствѣ. Англійская конституція, Нѣмецкій иллюминизмъ и Французская литература тогда еще казались верхомъ совершенства равно для всѣхъ народовъ, особенно же для насъ. Даже заговорщики, порицавшіе все, чтò дѣлало правительство, искали образцовъ для своей республики въ Швейцаріи и Америкѣ и хотѣли передѣлать Россію и всѣхъ Славянъ на чужой ладъ. Космополитизмъ былъ тогда въ большой чести.

Великій Князь Николай Павловичъ, обожая старшаго брата, благоговѣя передъ его славою и великими качествами, ничѣмъ видимо не отличался отъ другихъ, въ дѣла государственныя не входилъ и жилъ какъ богатый вельможа, счастливый въ своей семейной жизни, не играя никакой роли въ правленіи. Однако съ самаго начала его царствованія, сильный, прямодушный характеръ его и твердость воли поставили его на высокую степень между царями-современниками и дали ему то моральное вліяніе, безъ котораго милліоны штыковъ не могутъ править даже и горстью людей. Не намъ описывать всѣмъ извѣстныя происшествія Ноября и Декабря мѣсяцевъ 1825 года. Самъ онъ какъ-то сказалъ, что на Исаакіевской площади взялъ онъ первый урокъ на царство. Безъ опытности, безъ приготовленія, безъ честолюбиваго желанія власти, онъ вдругъ узналъ всѣ опасности, угрожающія престолу, всю неблагодарность и коварство столькихъ людей, облагодѣтельствованныхъ его братомъ и, въ неизвѣстности о сообщникахъ бунта, одинъ среди ужасной бури, долженъ былъ слѣдовать лишь собственному внушенію, положиться на помощь Провидѣнія, Которое почти противъ воли его вручило ему судьбу отечества. Не гордая самонадѣянность, не алчное властолюбіе подкрѣпили его въ сію роковую минуту. «Я не искалъ престола, не желалъ его, говорилъ онъ еще недавно. Богъ поставилъ меня на этомъ мѣстѣ и пока Богу угодно будетъ оставить меня тутъ, буду исполнять долгъ свой, какъ совѣсть велитъ, какъ убѣжденъ, что должно и нужно дѣйствовать».

Такое убѣжденіе, такая твердая воля христіанская руководили имъ съ первой минуты, и никогда донынѣ не измѣнялъ онъ своего образа мыслей. Эта теплая вѣра однако не увлекала его въ мистическіе экстазы, но сильно и непоколебимо привязала къ родной Право-

славной церкви, и съ любовью къ ней слилась у него и горячая любовь къ отечеству, любовь ко всему Русскому, всегдашняя готовность жертвовать собою, жертвовать своею жизнію за спокойствіе, за величіе, за славу Россіи. Сколько разъ онъ доказывалъ это, принадлежитъ разсказать историку; мы только напомнимъ о маловажныхъ, ежедневныхъ доказательствахъ приверженности его ко всему родному. Привычка говорить по русски, даже съ женщинами (дотолѣ неслыханное дѣло при дворѣ), любимый казацкій мундиръ, имъ первымъ введенный въ моду, привычка пѣть тропари праздничные и даже всю обѣдню вмѣстѣ съ хоромъ въ церкви—это однѣ мелочи; но модныя дамы временъ Александра разсказываютъ, какое это сдѣлало впечатлѣніе, какъ удивило, какъ показалось страннымъ, причудливымъ, и какой сдѣлало переворотъ въ гостиныхъ, а впослѣдствіи и въ семейной жизни, и въ воспитаніи, и мало по малу разбудило народное чувство и дало поводъ тому стремленію возвращаться ко всему строю отечественному, которое нынче слишкомъ далеко увлекаетъ иныхъ и даже доходитъ до смѣшнаго руссицизма. Разумѣется, всему есть границы; но мы должны сознаться, что замѣчательнѣйшая черта нашего времени есть сильное, можетъ, чрезмѣрное чувство народности, привязанность къ обычаямъ и къ языку роднаго края, какое-то, такъ сказать, притяженіе, влекущее другъ къ другу единородныя племена. Но это чувство было усыплено, появлялось развѣ между нѣкоторыми учеными или литераторами и вовсе не замѣчено было большинствомъ; Николай Павловичъ при самомъ восшествіи на престолъ первый у насъ показалъ примѣръ и поколѣніе, при немъ взросшее, уже далеко отступило отъ иностранныхъ мнѣній и съ любовію и рвеніемъ старается о всемъ родномъ. Въ своихъ привычкахъ и привязанности ко всему національному Николай Павловичъ опередилъ своихъ современниковъ и показалъ то *предчувствіе* нуждъ и стремленій своего вѣка, о которыхъ мы упоминали какъ о чертѣ отличительной людей избранныхъ Провидѣніемъ и посылаемыхъ Имъ во дни великихъ переворотовъ общественныхъ.

Не панегирикъ хочу писать, и знаю, что есть въ немъ недостатки. Il a les défauts de ses qualités et les qualités de ses défauts *). Хочу только сказать, что его и добродѣтели, и недостатки, большею частью именно добродѣтели и недостатки Русскаго человѣка вообще, и хорошія качества у него, какъ и у народа, далеко превосходятъ дурныя: въ нихъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, ничего мелкаго. Слишкомъ большая поспѣшность, не всегда разумное удальство, вспыльчивость, часто доходящая до крутости, забвеніе или пренебреженіе легальнаго порядка, чрез-

*) Имѣются изъяны въ его достоинствахъ и достоинства въ его изъянахъ.

мѣрное отвращеніе отъ всего, что̀ походитъ на театральный эфектъ, отвращеніе, которое иногда придаетъ видъ холодности или гордости— недостатки, въ которыхъ почти каждый Русскій человѣкъ можетъ узнать свои собственные недостатки. Современники часто страдаютъ отъ послѣдствій такихъ недостатковъ и часто должны на нихъ жаловаться; но врядъ ли кто не забылъ о нихъ въ тѣ важныя минуты прошедшихъ 25 лѣтъ, въ которыя опасности, радости или огорченія встрѣчались намъ и ему, и въ которыя такъ твердо и съ такою любовью и Государь, и Россія показали себя достойными другъ друга. Когда же вспомнимъ о всемъ, что̀ сдѣлано или начато въ его царствованіе, какъ не отдать справедливость пользѣ принесенной землѣ Русской въ эту четверть вѣка? При немъ ни одна война не начата для завоеваній. Однако Греція возстановлена, Сербія поддержана, Молдавія и Валахія устроены, т. е. потрясена до основанія Турецкая имперія. При немъ законы наши приведены въ ясность, истолкованы, исправлены. При немъ и подъ его покровительствомъ сколько полезныхъ ученыхъ изысканій въ Россіи. Въ дѣятельности, можетъ-быть слишкомъ большой, но, конечно, не въ лѣнивой небрежности можно его винить. Сколько новыхъ учебныхъ заведеній, сколько стараній способствовать къ благосостоянію и просвѣщенію нисшаго класса народа! Внутреннія сношенія наши сколько облегчены! Шоссе начаты или назначены по всѣмъ краямъ Россіи; желѣзныя дороги имъ начаты противъ мнѣнія всѣхъ министровъ, флотъ имъ поднятъ; судоходство вездѣ поощряемо. Скажутъ, дурно исполняется все это, медленно идетъ впередъ; но въ исполненіе не онъ приводитъ, а мысль ему принадлежитъ. Церковь Православная особенно обратила на себя его заботу, какъ наиважнѣйшее, священнѣйшее сокровище Россіи. Въ нынѣшнее царствованіе два милліона Уніатовъ возвращены православію. Усердно занимаются устройствомъ сельскаго духовенства, воспитаніемъ ихъ дѣтей; стараются о средствахъ искорененія раскола. Посѣщеніе Государемъ Добрянки доказало, какъ хорошо умѣетъ онъ увлекать слушателей, даже фанатиковъ и не совсѣмъ доброжелательныхъ; и еслибъ исполняли его намѣренія точно и вѣрно, какіе богатые были бы плоды!

Говорятъ, дурныхъ выбираетъ онъ людей. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ людей мало у насъ, какъ и вездѣ; можетъ быть, и онъ виноватъ. Но не всѣ же выборы дурны, если сдѣлано много хорошаго, и многое даже *хорошо сдѣлано*. Глубокое, христіанское смиреніе и любовь однѣ какимъ-то чудомъ сохранили его отъ совершеннаго презрѣнія къ своимъ современникамъ и къ человѣчеству вообще. Но въ его положеніи и въ наше время, онъ не можетъ высоко цѣ-

нить его окружающихъ и невольно долженъ судить и о другихъ по нимъ. Тутъ-то главный его недостатокъ; какъ всѣ цари, какъ почти всѣ люди высшаго круга, онъ видитъ обычайно лишь малое число людей приближенныхъ, слышитъ ихъ мнѣнія, судитъ по ихъ донесеніямъ, видитъ ихъ глазами,—и только одна природная возвышенность, одни порывы его свѣтлой души спасàютъ его отъ заразы мелкости и плоскости чувствъ этихъ людей. Разумѣется, и между ними есть исключенія, но мало ихъ, и именно потому, что онъ не можетъ искренно уважать эту придворную coterie (не нахожу Русскаго слова), онъ привыкъ на одно собственное мнѣніе полагаться и забываетъ, можетъ быть, иногда, что всякому человѣку, для того, чтобы имѣть отчетливое и ясное мнѣніе, нужно или своими глазами все видѣть (чтò просто невозможно никакому смертному) или слушать различныя мнѣнія различныхъ людей и между ними выбирать. У насъ же дѣла рѣшаются (часто самыя важныя) по представленію одного какого-нибудь министра или генералъ-губернатора, и эти господа до того исключительно заняты своей отдѣльной частью, что никогда и не мыслятъ о нуждахъ цѣлой Имперіи, и одному Государю предоставлено попеченіе о пользѣ *общей*. Какъ говорилъ Храповицкій, Россія въ самомъ дѣлѣ опять раздѣлена на удѣльныя княжества, воюющія между собою, которыя называютъ министерствами, и великая была бы слава Государю, еслибы, какъ Іоаннъ III, онъ сдѣлался *вторымъ собирателемъ земли Русской*. Слишкомъ часто, по ненависти и зависти личной, или по легкомыслію и невѣжеству, министръ или губернаторъ пользуется своимъ докладомъ или проѣздомъ Государя, чтобы выпросить приказаніе, которое прямо противорѣчитъ другому приказанію, или нарушаетъ данное обѣщаніе, слово государево, которое онъ самъ такъ свято хранитъ и которое должно быть такъ священно и для царства, и для другихъ державъ, но про которое, при столь различныхъ занятіяхъ и безпрестанныхъ заботахъ, иногда, въ случаѣ повидимому маловажномъ, онъ можетъ и забыть. Случалось, что такіе люди имѣли безстыдство хвастаться потомъ, что обманули Государя; случалось, что чрезъ нѣсколько времени приходилось совершенно перемѣнить законъ, какой оказывался или невозможнымъ въ исполненіи, или вреднымъ по его вліянію на другую важнѣйшую часть управленія. Это случалось бы рѣже, едва и случалось бы, еслибы заставили всѣхъ высшихъ сановниковъ собирать свѣдѣнія и совѣты у всѣхъ тѣхъ, которые управляютъ разными частями, и всѣ мнѣнія и свѣдѣнія представлять Государю, который бы тогда рѣшилъ, чье лучше предложеніе и чтò полезно не для одной какой-нибудь отдѣльной части, но для *всей* его державы. Всякій разъ, когдà случалось Государю самому сзывать родъ маленькаго

совѣта и присутствовать при спорахъ, его свѣтлый взглядъ, его прямой умъ, его горячая любовь къ Россіи, рѣшали трудные вопросы безъ вспыльчивости, безъ опрометчивости, безъ того вѣтренаго самолюбія, который во многихъ нашихъ государственныхъ людяхъ такъ пагубно.

Какъ всякій человѣкъ, Государь не безгрѣшенъ и ошибается; но въ немъ еще одна прекрасная черта истинно-возвышеннаго ума и чистой души: онъ охотно, благородно, безъ малодушнаго самолюбія умѣетъ признаваться въ ошибкѣ, когда удостовѣрится въ ней, и не боится перемѣнять мнѣніе, которое доказано ложнымъ или неумѣстнымъ; какъ въ человѣкѣ съ истинно-твердой волей, нѣтъ въ немъ того ребяческаго упрямства, которое отличаетъ слабыхъ и самолюбивыхъ людей.

Другая прекрасная черта его характера и вмѣстѣ характера Русскаго: онъ не злопамятенъ и умѣетъ прощать обиды и забывать о нихъ. Въ немъ и Русское, можетъ быть, не очень давно развитое, но общее чувство отвращенія къ смертной казни. Въ немъ, наконецъ, сильно развитая семейная любовь и патріархальное чувство, столь свойственное всѣмъ Славянамъ. Все, что похвально въ немъ и всѣ его недостатки, равно принадлежатъ характеру роднаго нашего края и, какъ сказалъ одинъ молодой человѣкъ: «Государь такой *Русскій*, что нельзя и вообразить себѣ, что въ немъ даже одна капля чужестранной крови». Дай Богъ намъ еще долго сохранить его! На него точно можемъ мы положиться и знаемъ, что онъ никогда намъ не измѣнитъ, какъ не измѣнитъ ему никогда его родная Русь. Да иначе и быть не можетъ. Его слава — слава Россіи; счастіе Россіи—его счастіе; благополучіе Россіи его благополучіе, польза Россіи—его польза. О ней печется, о ней заботится, за нее молится онъ, какъ она молится за него; съ нею живетъ онъ *душа въ душу*, и благословеніе Божіе съ ними: ибо гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Россія любитъ его и какъ отца, передъ которымъ благоговѣетъ, и какъ брата, съ которымъ сочувствуетъ, и какъ сына, которымъ любуется и гордится и въ которомъ узнаетъ всѣ свои черты. Для такой любви нѣтъ земнаго названія; она такъ неколебима, такъ чиста, такъ исполнена нѣжности и силы, что почти выше земнаго чувства.

*

Ноябрь 22, Спбургъ.

Прошло три мѣсяца—и еще прибавилось славы Россіи и Николаю. Пребываніе его въ Варшавѣ напоминаетъ Наполеоновскія времена, съ тою разницею, что не у завоевателя-тирана, но у велико-

душнаго покровителя, доказавшаго свое безкорыстіе, иноплеменные князья и владѣтели собрались просить совѣта, посредничества, миру; и что самъ онъ, нашъ царь, такъ часто ими оскорбляемый и оклеветанный, мирилъ ихъ и старался открыть глаза ослѣпленнымъ врагамъ. А между тѣмъ мнимые представители всѣхъ народовъ западныхъ взываютъ со злобою и трепетомъ ко всѣмъ возмутителямъ закона и порядка, и какъ нѣкогда пророкъ, пришедшій для проклятія, невольно изрекъ благословеніе народу избранному, такъ и эти пророки невольно превозносятъ до небесъ могущество и славу Россіи и Царя ея...

*

Третьяго дня, въ день восшествія на престолъ, нѣкоторые министры представили Государю отчеты 25 лѣтнихъ трудовъ и событій по каждому министерству, и нѣкоторые приложили и рисунки разныхъ зданій, городовъ и пр. пр. при немъ выстроенныхъ. Пересматривая эти такъ-сказать *документы*, свидѣтельствующіе о пользѣ, сдѣланной имъ Россіи, объ увеличеніи ея предѣловъ и славы, Государь, не хотѣвшій принимать въ этотъ день никакихъ поздравленій, былъ однако невольно тронутъ. Видя его умиленіе, дочь его подошла тихонько къ нему и изъ-за спины обняла его шею рукою. «Ты счастливъ теперь, спросила она, ты доволенъ собою? — Собою? отвѣчалъ онъ и, показавъ рукою на небо, прибавилъ: «Я былинка!»

Генваря 9-го 1854.

Онъ еще недавно сказалъ: «Чтó теперь дѣлается, меня не удивляетъ. Я уже въ 1849 году былъ увѣренъ, что Европа не проститъ нашего спокойствія и нашихъ заслугъ».

*

Эта записка покойной и вѣчно-памятной графини Антонины Дмитріевны Блудовой списана мною съ сообщеннаго ею для «Русскаго Архива» подлинника. П. Б.

ЗАПИСКА В. Н. КАРАЗИНА ОБЪ ИЗДАНІИ «ОТЕЧЕСТВЕННАГО АРХИВА».

Письмо къ М. П. Погодину [1]).

Въ Россіи не прежде, какъ съ царствованія Екатерины Второй, начали печатать въ рукописяхъ во множествѣ разсѣянные историческіе памятники. Вотъ причина, почему нѣкоторые изъ нихъ невозвратно погибли въ пожарахъ и другимъ образомъ. Въ нынѣшнее время издается оныхъ довольное число. *Отечественныя Записки* и *Сѣверный Архивъ* представляютъ собранія такого рода. Но, пробѣгая ихъ, нельзя не пожелать, чтобы у насъ существовало собраніе, посвященное *единственно* сему предмету, съ сохраненіемъ дипломатической точности, указаніемъ источниковъ, повѣркою оныхъ, съ наблюденіемъ систематическаго порядка, по крайней мѣрѣ *совмѣстнаго съ таковымъ собраніемъ*; словомъ, что-нибудь похожее на богатыя свѣдѣніями Бишинговы и Шлецеровы изданія для Германіи.

Имѣя драгоцѣнную библіотеку Россійскихъ и къ Россіи относящихся рукописей, отчастя собранную мной самимъ, отчасти же наслѣдованную за женою послѣ дѣда ея И. И. Голикова, я беру смѣлость предложить почтеннымъ Михаилу Петровичу Погодину и Александру Сергѣевичу Ширяеву [2]) изданіе, *на основаніи сей библіотеки*, любопытнѣйшихъ, донынѣ нигдѣ не напечатанныхъ или сдѣлавшихся уже очень рѣдкими документовъ историческаго и статистическаго содержанія, совмѣстно, *общими трудами*. Легко, кажется, пригласить къ участію въ семъ предпріятіи и другихъ особъ, имѣющихъ подобныя рукописи. А именно обнародовать чрезъ Московскія и С.-Петербургскія Вѣдомости, что всякій тотъ, кто доставитъ въ Университетскую книжную лавку рукопись *таковаго* (описать нужно) содержанія, по напечатаніи оной и соразмѣрномъ расходѣ, получитъ отъ издателей 60 процентовъ изъ чистой прибыли; разумѣется, что прежде всего

---

[1]) Печатается съ подлинной рукописи, сообщенной въ «Русскій Архивъ» М. П. Погодинымъ. П. Б.

[2]) Извѣстному тогда Московскому книгопродавцу, содержателю Университетской книжной лавки на Страстномъ бульварѣ. П. Б.

должны быть выручены издержки на напечатаніе, переплетъ и разсылку. По справедливости также слѣдуетъ намъ, издателямъ, предоставить себѣ выборъ изъ присылаемыхъ піесъ, допущеніе или недопущеніе оныхъ въ *Отечественный Архивъ* (такъ можно назвать наше собраніе), почитая первыми томами онаго публикованную нынѣ Статистику Кириллова [3]) и отдавая каждому любителю на волю пріобрѣтеніе того или другаго тома Архива порознь. За каждый же можно назначить по десяти рублей асс. съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Имперіи и пріобщеніемъ картъ, плановъ, изображеній разнаго рода и пр. А. С. Ширяеву изъ остальныхъ сорока процентовъ чистой прибыли согласенъ бы я былъ предоставить 16% за коммиссію; а М. П. Погодину за труды изданія, т. е. за повѣрку, примѣчанія, дополненія, корректуру, вообще за хлопоты съ типографіею, граверами и литографами, 24%. На семъ основаніи я естественно войду въ число доставителей рукописей. Ежели мое предложеніе за благо будетъ принято, то оно можетъ служить вмѣсто формальнаго условія, бывъ скрѣплено нашими руками. Августа 13-го дня 1828 года, въ Москвѣ.

Василій Каразинъ.

Вотъ что̀, какъ увѣдомлялъ я васъ, милостивый государь мой Михаилъ Петровичъ, было у меня написано. Вчера, вставивъ въ своихъ мѣстахъ недописанное 16% и 24%, читалъ я г-ну Ширяеву; но онъ отказывается. Подумайте и рѣшите вы.

Авг. 15.

*

Это письмо еще разъ свидѣтельствуетъ о необычайной широтѣ и разносторонности Василія Назарьевича. Въ немъ кромѣ того мы видимъ любопытную черту нрава Каразина: склонность къ коммерческимъ предпріятіямъ. Къ сожалѣнію, этотъ проектъ, какъ и многіе другіе (см. въ 5 кн. „Русскаго Архива“ за 1892 г., нашу статью о Каразинѣ) не получилъ осуществленія. Изъ всѣхъ многочисленныхъ начинаній его лишь учрежденіе Харьковскаго Университета увѣнчалось успѣхомъ, хотя далеко не въ той степени, какъ желалъ этого Каразинъ. Но если судить о достоинствахъ человѣка по широтѣ задачъ, искренности стремленій и неутомимости энергіи, то Каразина слѣдуетъ признать однимъ изъ геніальнѣйшихъ людей Александровскаго времени. Желательно было бы видѣть его полную біографію, ибо память о немъ не должна подлежать забвенію. Ю. Б.

---

[3]) Изданную М. П. Погодинымъ. П. Б.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1893 года.

(Годъ тридцать первый).

Русскій Архивъ въ 1893 г. будетъ издаваться по прежнему двѣнадцатью тетрадями, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1893 году съ пересылкою и доставкою — девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Въ Петербургѣ, Сергіевская д. 61-й, кв. 11-я (у доктора Л. Ѳ. Зміева).

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за одну по 1 р. 25 к., за двѣ по рублю, за три по 80 к., за четыре и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Для личныхъ объясненій по „Русскому Архиву"—Четвергъ отъ 9 до 3 ч. дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива": Петръ Бартеневъ.
Юрій Бартеневъ.

«Русскій Архивъ» годъ XXXI-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1893

2.

Стр.
99. Русскіе землевладѣльцы въ „Старой Финляндіи“. Статья **А. А. Чуйкова.**
115. Женщины-слагательницы церковныхъ пѣснопѣній. **Г. А. Воробьева.**
118. Замѣтки по поводу писемъ митрополита Филарета къ С. Д. Нечаеву.
120. Письма **митрополита Филарета** къ С. Д. Нечаеву. 1833-й годъ
147. Юстъ юль (его жизнеописаніе). **Ю. Н. Щербачева.**
149. Духовная князя Бориса Ивановича Куракина и регламентъ его „шпиталя“. 1727.
159. Правда о Страннопріимномъ домѣ князей Куракиныхъ въ Москвѣ и домовой церкви при немъ. **В. Н. С.**
165. Чупятовъ, чудакъ прошлаго столѣтія. **С. А. Петровскаго.**
169. По поводу одного солдатскаго разсказа. Замѣтка **А. Л. Зиссермана.**
179. Екатерина Великая о торговлѣ съ Бухарою. Письмо **П. В. Завадовскаго** къ Г. Н. Теплову. (1775).
179. Изъ анекдотовъ объ А. П. Ермоловѣ.
181. Библіографическая замѣтка о графѣ П. Х. Граббе и Е. А. Головинѣ. **Е. Ковубскаго.**
182. Памяти Фета. **Ю. Б.**
183. Обзоръ дѣятельности губернскихъ архивныхъ коммиссій за 1891-й годъ. **А. Н. Труворова.**
202. Замѣтка о ссылкѣ великаго князя Симеона Бекбулатовича. **Графа С. Д. Шереметева.**

Въ приложеніи:

Записки Ф. Ф. Вигеля (часть седьмая IV—VII).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1893.

„РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АРХИВЪ“.

на 1893-й годъ

Въ теченіе перваго года изданія печатались въ журналѣ слѣдующія статьи по исторіи Русскаго искусства: Исторія архитектуры въ Россіи. Ст. А. М. Павлинова, М. Д. Быковскій, біографическій очеркъ К. М. и Н. М. Быковскихъ. Дѣтство и юность гр. Ѳ. П. Толстого. Е. Ѳ. Юнге. Воспоминанія о С. Т. Аксаковѣ. В. А. Трутовскаго. Воспоминанія о Н. И. Либерихѣ. К. С. Шиловскаго-Лошивскаго.—Историческій очеркъ Академіи Художествъ. Матеріалы къ исторіи Русскаго искусства: Письма А. И. Иванова къ сыну.— Дневникъ и записки Н. А. Рамазанова.—Стихотвореніе К. Д. Флавицкаго.— Письмо К. П. Брюллова.—Отзывы иностранцевъ о Русскомъ искусствѣ (Вагенъ и Теофиль Готье).

Описаніе галлереи П. М. Третьякова. А. П. Новицкаго. Этотъ трудъ будетъ продолжаться въ слѣд. годахъ.

По исторіи иностраннаго искусства въ связи съ Русскимъ: Раббіе. Ст. С. С. Шайкевича.

По библіографіи. Критическій разборъ книгъ и журналовъ, касающихся Русскаго искусства и капитальный трудъ И. М. Остроглазова: Поправки и дополненія къ Словарю Русск. гравиров. портретовъ Д. А. Ровинскаго.

Современная лѣтопись; Краткія сообщенія о событіяхъ въ художественной жизни Россіи.

Списки съ произведеній Ѳ. А. Бруни, К. П. Брюллова, М. Д. Быковскаго, Ѳ. А. Васильева, А. А. Иванова, И. И. Иванова, Ѳ. И. Іордана, И. Н. Крамскаго, Н. И. Либериха, К. Е. Маковскаго, Н. А. Рамазанова, М. Скотти, Н. А. Степанова, гр. Ѳ. П. Толстого, К. А. Трутовскаго, В. К. Шебуева, Т. Г. Шевченко, П. А. Ѳедотова и мн. др.

Программа изданія остается прежняя.

Подписка принимается въ редакціи журнала: Москва, Пречистенка, Полуэктовскій пер. Въ Петербургѣ: у А. Беггрова, Невскій пр., № 4, въ магазинахъ Новаго Времени, Карбасникова. Въ Москвѣ: у П. П. Шибанова, Петровскія линіи; въ магазинѣ „Артистъ“, Страстной бульваръ; Аванцо и Даціаро, Кузнецкій мостъ, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ.

Подписная цѣна на годъ 10 р., съ доставкой и пересылкой 12 р. Допускается разсрочка.

Кромѣ того печатается 20 экз. роскошнаго изданія по 25 р. за экземпляръ.

При подпискѣ одновременно на 1893 и 1892 г. пересылка и доставка 1892 г. принимается редакціей на свой счетъ.

По случаю большихъ перемѣнъ въ редакціи 5-й и 6-й выпуски 1892 г. запоздали и выйдутъ оба вмѣстѣ въ первой половинѣ Января, 1-й вып. 1893 г. въ концѣ Января; начиная же со втораго выпуска будетъ выходить своевременно.

РУССКІЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЫ ВЪ СТАРОЙ ФИНЛЯНДІИ [1]).

Om Donationerna i Wiborgs Län. Afe. *M. Akiander.* Helsingfors, 1864.—Gamla Finland eller det fordna Wiborgska Gouvernementet beskrifvet af Frans. P. von *Knorring.* Abo, 1833.—*Lagus.* Bidrag till kännedom of Finlands geografi il äldre tider.

Въ прошлое царствованіе, знаменательное дарованіемъ Финляндіи извѣстныхъ льготъ, которыя содѣйствовали лишь къ ея большему обособленію отъ Россіи, Финляндскимъ сенатомъ постепенно и систематически была осуществлена мѣра, долженствовавшая изгладить послѣдніе слѣды Русскаго землевладѣнія въ этомъ краѣ. Эта мѣра состояла въ постепенномъ выкупѣ Финляндскою казною всѣхъ помѣстьевъ и земель, жалованныхъ въ разное время Русскими государями своимъ служилымъ людямъ, именно въ провинціяхъ Выборгской и Кексхольмской. Не смотря на то, что переходъ жалованныхъ имѣній изъ Русскихъ рукъ въ Финляндскія былъ совершенъ мирнымъ и, такъ сказать, легальнымъ образомъ, тѣмъ не менѣе, нельзя не пожалѣть, что правительство, разрѣшивъ Финляндіи сдѣлать для того внѣшній заемъ, косвеннымъ образомъ способствовало къ вытѣсненію Русскихъ начáлъ изъ края, входившаго искони въ составъ Великаго Новгорода, изъ той Кареліи, языческіе обитатели которой еще при Ярославлѣ (1227) приняли Православіе и гдѣ считается въ настоящее время не одинъ десятокъ православныхъ храмовъ со многими тысячами прихожанъ [2]).

---

[1]) «Старой Финляндіей» называется та ея часть, которая по Ништатскому (1721) и Абовскому (1743) мирнымъ договорамъ отошла къ Россіи. Старая Финляндія называлась также Русскою, въ отличіе отъ той части Финляндіи, которая присоединена отъ Швеціи въ 1808 г. и называлась Шведской Финляндіей. Въ древнія времена «Старая Финляндія» составляла часть Кареліи, границами которой были р. Кюмень, Нева, озера Ладожское и Онежское и р. Кемь до Бѣлаго моря. Такъ наз. Карелія уже съ 1227 г. была православной; при Борисѣ Годуновѣ въ городѣ Каролѣ (нынѣшнемъ Кексхольмѣ) даже находилась Православная епископская каѳедра. Лишь въ печальную годину междуцарствія край этотъ былъ уступленъ Шведамъ, которые и поспѣшили водворить въ немъ Лютеранство.

[2]) До 1830 г. въ Выборгской губерніи считалось 8 каменныхъ и 13 деревянныхъ православныхъ церквей съ 30 священниками и 25,525 прихожанъ.

Внѣшнимъ предлогомъ для выкупа, сопряженнаго съ значительнымъ для Финляндской казны пожертвованіемъ, послужила будто бы необходимость упорядочить крайне-неопредѣленное положеніе крестьянъ, поселенныхъ на земляхъ Русскихъ помѣщиковъ, какъ слѣдствіе разнохарактерности жалованныхъ земель, такъ, и истекающихъ изъ того правъ и обязанностей, узаконенныхъ въ разное время.

Въ договорныхъ статьяхъ Ништатскаго мира нѣтъ ни одного слова о какихъ либо привилегіяхъ, вольностяхъ и правахъ, предоставляемыхъ отошедшему отъ Швеціи населенію Выборгской и Кексхольмской провинцій. Тѣмъ не менѣе, девятою статьею этого мирнаго договора было установлено, что жители этихъ провинцій будутъ пользоваться правами, какія имъ принадлежали подъ Шведскимъ владычествомъ. Столь склонный къ заимствованіямъ съ Запада Петръ не только не замышлялъ уничтожать Шведскіе порядки и учрежденія въ завоеванныхъ имъ земляхъ, но старался нерѣдко вводить ихъ въ собственной странѣ. По его повелѣнію Юстицъ-коллегія перевела на Русскій языкъ Шведское уложеніе, составила сводъ Россійскихъ законовъ со Шведскими; затѣмъ данъ былъ слѣдующій указъ по поводу этого перевода: «Слушаючи, которые пункты покажутся несходными къ нашему народу, то противъ онаго изъ стараго уложенія или новые пункты дѣлать; также, ежели покажутся которые въ старомъ уложеніи важнѣе, нежели въ Шведскомъ, то такожъ противу написать и все то намъ къ слушанію изготовить» [3]).

Но въ тоже время Великій Заимствователь, гдѣ было необходимо, нимало не стѣснялся Шведскими порядками. Г. Акіандеръ, авторъ вы-

---

[3]) Полное Собр. Зак. № 3197. 17.182. Апр. 18.

Достаточно указать на слѣдующія наименованія административныхъ и судебныхъ должностей, введенныхъ въ С. Петербургской губерніи еще въ 1718 г. Іюля 1-го.

Landshöfding—Голова земской.

Lagman—Вышній земскій судья.

Landessekretarere—Земскій дьякъ.

Landskamrerare—Земской надзиратель сборовъ.

Landrantmästare—Земской казначей.

Landsfiskal—Земской фискалъ.

Landmätare—Межевщикъ.

Fängvaktmästare—Староста тюремный.

Landtkomissarie, häradsfogde—Земской коммиссаръ.

Haradshöfding—Земской судья.

Häradsskrifrare—Подъячій земской.

Soknefogde, länsman—Кирхшпиль-фохтъ.

шеприведеннаго сочиненія, съ горечью отмѣчаетъ: «Тотчасъ же по капитуляціи города Выборга (1710 г.) царь Петръ началъ распоряжаться, какъ въ своей собственной землѣ, провинціями Выборгской, Кексхольмской и восточною частью Кименегардской округи». Пограничною чертою между Русскими и Шведскими владѣніями должна была служить дорога отъ Выборга до Кексхольма; все что лежитъ на Востокъ отъ этой дороги вплоть до Невы должно на *вѣчныя времена* быть соединено съ Россійскимъ государствомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, это распоряженіе было дополнено слѣдующимъ именнымъ указомъ (№ 3.489. Янв. 16. 1720 г.), даннымъ Выборгскому оберъ-коменданту Шувалову [4]). «Деревни, которыми по указу велѣно владѣть разныхъ чиновъ людямъ, нынѣ опредѣлить по сему: тѣмъ, которые имѣютъ деревни между моря и Ладожскаго озера отъ Выборгской лѣтней дороги къ Кексхольму и отъ Выборга, ѣдучи на правой сторонѣ до р. Невы, быть по прежнему до указу за тѣми, которые нынѣ ими владѣютъ. А которые по лѣвую сторону той дороги, также въ Нейшлотскомъ и прочихъ мѣстахъ, то всѣ взять у оныхъ, которые владѣли, и сбирать съ нихъ хлѣбъ, деньги и проч. въ Выборгъ».

Какого же рода были тѣ мнѣнія въ «Старой Финляндіи», которыя жаловались Русскими государями?

Въ губерніи Выборгской помѣстья жаловались или въ пожизненное владѣніе, или на извѣстный срокъ, или на вѣчныя времена. Послѣдній родъ помѣстьевъ въ крѣпостныхъ книгахъ значится подъ названіемъ фрельзовыхъ, т. е. обѣленныхъ, и рента съ нихъ взималась двоякая: коронная и фрельзовая, въ пользу владѣльца [5]). Жалованными грамотами на вѣчныя времена, повидимому, узаконивалось лишь право владѣнія землей (possessio), но не право собственности (dominium); ибо, хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ до 1765 г. и встрѣчается выраженіе въ полную собственость, но какъ мы видимъ на примѣрѣ тѣхъ же имѣній, перешедшихъ послѣ 1765 г. въ другія руки, полною собственностью новыхъ владѣльцевъ дѣлались они лишь посредствомъ новой жалован-

---

[4]) Первымъ Русскимъ комендантомъ Выборгской крѣпости былъ полковникъ Григорій Чернышовъ, и ему первому была пожалована земля въ «Старой Финляндіи». Православное населеніе въ общинѣ Моля происходитъ отъ 12 семействъ крѣпостныхъ людей, переселенныхъ сюда Чернышовымъ. Koskinen, Finnska Historia.

[5]) Во времена Шведскія крестьяне въ Финляндіи составляли отдѣльное государственное свободное сословіе. Находившаяся въ ихъ владѣніи земля была троякаго рода: 1) коронная, 2) дворянская (фрельзовая) и 3) выкупленная (шкатовая или хейматовая, hemman). Какъ коронныя, такъ и дворянскія земли въ теченіи времени перешли во владѣніе лицъ всѣхъ состояній, безъ различія, и были обложены извѣстными въ пользу казны повинностями натуральными и денежными.

ной грамоты. Такъ наприм., имѣніе, купленное придворнымъ аптекаремъ Брискорномъ у графа Девіера, перешло въ его полную собственность и было закрѣплено за нимъ, не иначе какъ въ силу указа (3 Іюля 1767 г.) Екатерины II и въ видѣ награды „за его долговременную службу».

Различія въ правахъ владѣнія жалованными въ Финляндіи землями всего нагляднѣе усматриваются изъ сличенія слѣдующихъ двухъ жалованныхъ грамотъ, относящихся къ царствованію Елисаветы Петровны.

а) Жалованная грамота князю Н. Трубецкому [6]).

«Симъ даемъ знать, что мы всемилостивѣйше пожаловали нашему любезно вѣрному д. т. с. генералъ-прокурору, лейбъ-гвардіи маіору и кавалеру обоихъ нашихъ орденовъ князю Никитѣ Трубецкому за его намъ и нашей имперіи оказанныя вѣрныя и особыя заслуги слѣдующія во Лифляндской губерніи въ Венденскомъ округѣ находящіяся имѣнія (слѣдуютъ ихъ названія) и сверхъ того въ Кексхольмскомъ уѣздѣ (härad) имѣніе Pyhäjärvi, состоящее изъ 55 дворовъ, въ вѣчное и потомственное владѣніе со всѣми принадлежащими къ нимъ угодьями. И нашей самодержавной властью въ силу сей нашей жалованной грамоты наикрѣпчайше утверждаемъ мы это пожалованіе ему и всему его будущему потомству мужскаго и женскаго пола въ вѣчное, законное, полное, собственное владѣніе такимъ образомъ, чтобы онъ д. т. сов., генералъ-прокуроръ, князь Н. Трубецкой, и все его потомство владѣли (имѣніемъ) со всѣми правами и вольностями его собственной персонѣ и его наслѣдникамъ дарованными на вѣчныя времена на правахъ, какими пользуются дворяне въ Лифляндіи—спокойно и постоянно пользоваться поименованнымъ помѣстьемъ со всѣми къ нему принадлежащими населенными и ненаселенными гаками, дворами, деревнями и пр., лежащими въ первоначальныхъ старыхъ границахъ, съ крестьянами поселенными въ названныхъ дворахъ или бѣжавшими изъ оныхъ.... со всѣми сборами и доходами и всякаго рода принадлежностями и угодьями, которыя этому помѣстью принадлежатъ и принадлежали и по закону и праву и впредъ ему присвоены будутъ. Онъ и его наслѣдники мужскаго и женскаго пола могутъ, буде пожелаютъ, продать, заложить, подарить и завѣщать это имѣніе..., какъ то означено уставомъ о крѣпостныхъ актахъ, и всѣмъ распоряжаться какъ своей законнымъ образомъ пріобрѣтенной собственностью, токмо уплативъ обычныя публичныя повинности, наравнѣ съ другими дворянскими вотчинами. С. Петербургъ 23 Дек. 1747. Елисавета. Канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ. Секретарь Сенат. архива С. С. Ив. Козаковъ».

б). Жалованная грамота М. Воронцову [7]).

---

[6]) Переведено съ Шведскаго; подлинной грамоты, въ Полномъ Собраніи Законовъ не имѣется.

[7]) Переведено съ Нѣмецкаго подлинника; въ Полномъ Собраніи Законовъ не имѣется.

«Симъ даемъ знать, что мы нашему любезно вѣрному поручику лейбъ-компаніи, дѣйствительному камергеру, кавалеру ордены Св. Александра Невскаго, Чернаго Орла и Св. Анны Михайлѣ Воронцову, за его намъ, въ особенности при Божіей помощью совершившемся счастливомъ восшествіи на родительскій императорскій наслѣдственный престолъ, оказанную вѣрную службу, нашего Им. В—ва собственныя имѣнія (такія-то) въ Кексхольмской округѣ съ людьми, крестьянами и скотомъ, какъ и къ тѣмъ (поименованнымъ) кирхшпилямъ принадлежащими деревнями, полями, лѣсами, покосами и всѣми угодьями, со всѣми при этихъ кирхшпиляхъ принадлежностями... въ вѣчное владѣніе съ потомствомъ Всемилостивѣйше пожаловали. А такъ какъ означенный... Воронцовъ насъ всеподданнѣйше проситъ, дабы на Всемилостивѣйше пожалованныя ему въ Кексхольмской округѣ имѣнія былъ ему выданъ дипломъ (Diploma), то въ силу сего нашего акта всѣ въ вышеназванныхъ кирхшпиляхъ деревни со всѣми къ нимъ принадлежащими доходами въ вѣчное владѣніе его и его потомства Всемилостивѣйше утверждаемъ и дозволяемъ ему и его потомству эти имѣнія продавать, закладывать и по судебнымъ записямъ передавать въ потомственное владѣніе и проч... Ноября 18 дня 1743 г. Канцлеръ графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ. Сенатскій переводчикъ Ореусъ».

Сравнивая содержаніе этихъ двухъ грамотъ и останавливаясь на томъ мѣстѣ, гдѣ упоминается о крѣпостныхъ людяхъ, Акіандеръ находитъ, что ихъ смыслъ весьма различенъ не отъ случайнаго изложенія грамотъ, а отъ самой сущности дѣла. Въ одной изъ нихъ говорится о владѣніи (possessio) въ собственномъ смыслѣ этого слова, а въ другой о владѣніи въ самомъ обширномъ значеніи (dominium), заключающемъ въ себѣ также понятіе о правѣ собственности [8]). Неодинаковый характеръ жалованія происходилъ отъ того обстоятельства, что одни имѣнія находятся въ Финляндіи, другія же не только въ Финляндіи, но и въ Лифляндіи, гдѣ, какъ извѣстно, крестьяне принадлежали помѣщику. Ежели самодержавная Государыня (продолжаетъ авторъ) и могла даровать своему камергеру право распоряжаться пожалованнымъ ему имѣніемъ какъ своей собственностью, то трудно допустить, чтобы, при существовавшемъ въ Выборской губерніи порядкѣ вещей, это право могло распространяться на «народъ (folk) и крестьянъ». Въ жалованной Воронцову грамотѣ крестьяне отнесены къ тому же разряду, какъ и поля, лѣса и прочія пожалованныя угодья, т. е. предоставлено помѣщику всѣмъ этимъ *пользоваться* безъ дарованія права собственности; слѣдовательно и крестьянами, т.-е. ихъ рабочей силой; но ими самими можно было пользоваться, не касаясь ихъ личной свободы противно тому, какъ это было въ Лифляндіи, гдѣ *неограниченное* пра

---

[8]) Ср. Неволина Исторія Росс. Гражд. законовъ, т. II, кн. 2.

собственности не подлежало сомнѣнію. Такимъ образомъ выраженіе «въ полную собственность» въ жалованной грамотѣ на земли въ Пихеервскомъ кирхшпилѣ никакъ не могло быть понимаемо въ смыслѣ правъ свободно распоряжаться личностью поселенныхъ на этихъ земляхъ людей.

Что помѣстья, жалованныя «въ вѣчно потомственное владѣніе» не пользовались алодіальнымъ, фрельзовымъ правомъ, усматривается изъ слѣдующаго случая, касающагося земель, пожалованныхъ Воронцову. По смерти его и его жены наслѣдовалъ эти земли ихъ племянникъ, графъ П. М. Скавронскій. Когда графъ Скавронскій пожелалъ пріобрѣсти алодіальное, фрельзовое право на эти земли, то Юстицъ-коллегія отъ 17 Сентября 1780 года отказала ему въ этой просьбѣ, и лишь впослѣдствіи, при посредствѣ Потемкина, ходатайство его было уважено, и Сенатъ отъ 16 Декабря 1782 года объявилъ помѣстье Скавронскаго алодіально-фрельзовымъ [9]).

Такъ какъ смыслъ жалованныхъ грамотъ нерѣдко подавалъ поводъ къ различному толкованію ихъ, то 22 Іюля 1765 года слѣдующій Высочайше утвержденъ, докладъ Сената, съ приложеніемъ формуляра грамоты на жалуемыя въ Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи мызы. (П. С. Зак. № 12, 438).

«Докладывая Вашему Императорскому Величеству, Сенатъ всеподданнѣйше доноситъ, что въ прошлыхъ годахъ на пожалованныя въ Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи нѣкоторымъ персонамъ мызы жалованныя грамоты дарованы были разными формами, чѣмъ одна съ другой не согласовались. Сенатъ, усмотря оное, разсудилъ впредъ для единственнаго тѣхъ грамотъ написанія заготовленный нынѣ примѣрный формуляръ представить къ Высочайшей Вашего Императорскаго Величества конфирмаціи, дабы впредъ можно было одинаковую тѣмъ жалованнымъ грамотамъ форму навсегда имѣть.»

«(Послѣ титула). Объявляемъ симъ, что мы Всемилостивѣйше пожаловали (чинъ, имя, фамилія) такую-то мызу, или столько-то гаковъ въ вѣчное потомственное владѣніе, а какъ онъ нашъ (имярекъ) на

---

[9]) Рѣдкій изъ помѣщиковъ жилъ въ жалованномъ имѣніи; управляющіе же, по большей части Нѣмцы, пользуясь неопредѣленнымъ положеніемъ о крестьянахъ, отягощали ихъ барщинной повинностью, что послужило поводомъ къ частымъ возмущеніямъ. Нѣкоторыя повинности крестьянъ были увеличены, и Сенатъ въ 1801 г. утвердилъ ихъ такъ-называемымъ „Таубильскимъ контрактомъ“, послужившимъ нормой отношеній крестьянъ къ помѣщику и для прочихъ жалованныхъ помѣстьевъ. Однакожъ впослѣдствіи эти повинности были найдены слишкомъ обременительными, и „контрактъ“ при Александрѣ же, въ 1811 г., былъ отмѣненъ (Koskinen Finska Historia).

ту мызу N или 00 гаковъ жалованной грамоты не имѣетъ, того ради мы, по самодержавной нашей власти, силою сея нашія жалованной грамоты, ему нашему... съ потомками его мужскаго и женскаго пола означенную мызу и гаки со всѣми принадлежащими селеніями и пустыми землями, дворами, деревнями, хоромнымъ и огороднымъ строеніемъ, съ пожнями и лугами, съ лѣсами, сѣнными покосами и рыбными ловлями и съ имѣщимися съ оныхъ нынѣ наличными и съ бѣглыми *крестьянами*, ничего не выключая изъ всего того, что къ той мызѣ или гакамъ принадлежитъ... въ вѣчное и потомственное владѣніе Всемилостивѣйше утверждаемъ; и оныя ему и потомкамъ его продать, заложить и по правамъ укрѣпить позволяемъ; токмо, чтобъ обыкновенные публичные сборы, равно, какъ съ прочихъ шляхетныхъ мызъ плачены были...»

Шведское правительство жаловало землю въ Финляндіи съ самыхъ древнихъ временъ. Такъ король Магнусъ Ладулосъ пожаловалъ сыну своему Вольдемару Выборгъ въ 1310 г., а король Альбрехтъ даже всю «Выборгскую провинцію государственному дротсу (одинъ изъ пяти высшихъ сановниковъ) Іонсону Грипу. Если въ Шведскихъ актахъ, утверждаетъ г. Акіандеръ, и упоминалось иногда о числѣ душъ, то подъ этимъ словомъ слѣдуетъ понимать землю (хейматъ), на которой онѣ были поселены, а не самихъ людей.

Означенное въ приведенномъ формулярѣ право *продажи* жалованнаго имѣнія понималось правительствомъ различно. Это видно изъ словъ вышеупомянутаго указа, даннаго Екатериной II Выборгской канцеляріи: «въ уваженіе долговременной службы придворнаго аптекаря Брискорна повелѣваемъ ввести его во владѣніе *купленнаго* имъ у графа Девіера помѣстья Сумбула въ Выборгской губерніи».

Изданнымъ въ 1826 указомъ всѣ жалованныя помѣстья въ Выборгской губерніи были объявлены фрельзовыми и тѣ крестьяне, кои были на нихъ поселены и не могли доказать, что они владѣли своимъ участкомъ наслѣдственно до 1706 года, лишены были права собственности на свои усадьбы.

Финляндскія помѣстья, пожалованныя въ царствованіе Петра I.

1. Выборгскому коменданту полковнику Григорію Чернышову указомъ земскому судьѣ С.-Петербургской округи Никитѣ Римскому-Корсакову, отъ 21 Іюля 1710 г.—92 двора. Чернышовъ переселилъ въ это имѣніе своихъ крѣпостныхъ крестьянъ; въ 1780 г. перешло оно къ его внучкѣ княжнѣ Нат. Петр. Голицыной, рожд. Чернышовой. Продано д. с. с. Богаевскому 1801 г.

2. Подполковнику Вильхельму Хеннину [10]), 22 Іюля 1711 г., 66 дворовъ

[10]) Былъ Петромъ I вызванъ изъ Германіи для устройства литейной въ Петербургѣ.

3. Тайному совѣтнику графу Ивану Мусину-Пушкину, 17 Іюня 1713 г., 91 дворъ. Было впослѣдствіи отписано въ придворную контору; затѣмъ пожаловано Іохиму Сиверсу и его сыномъ продано придворному банкиру Фредриксу. Впослѣдствіи отписано въ придворную контору.

4. Генералу Адаму Вейде, 31 Марта 1714 г., 188 дворовъ.

5. Адмиралу Корнилію Крейцу (Крюйсъ, Cruys), 8 Декабря 1715 г.,—131 дворъ, въ 1720 г. Іюня 30 въ разныхъ кирхшпиляхъ 143 двора. Впослѣдствіи отписаны къ Сестрорѣцкому оружейному заводу.

6. Валаамскій островъ, приписанъ 9 Февраля 1716 г. къ Кирило-Бѣлозерскому монастырю.

7. Доктору Ивану Блументросту, 13 Февраля 1716,—58 дворовъ.

8. Секретарямъ Якову и Ивану Веселовскимъ, по ордеру князя Меншикова,—32 двора.

9. Михайлѣ и Степану Нестеровымъ по таковому же ордеру; — 26 дворовъ.

10. Иноземцу Петру Броссе 10 Марта 1716 г.,—12 дворовъ.

11. Лейтенанту флота Александру Леонтьеву и унтеръ-лейтенанту князю Александру Черкасскому, 22 Марта 1716 г., по ордеру князя Меншикова — 106 дворовъ.

12. Гофмаршалу Кириллу Алексѣевичу Нарышкину, 30 Марта 1716 г., по таковому же ордеру—102 двора.

13. Полковнику князю Ивану Барятинскому, 3 Апрѣля 1716 г., по таковому же ордеру—81 дворъ.

14. Игуменьѣ Дарьѣ Гавриловнѣ Ржевской, 28 Апрѣля 1716 г., 56 дворовъ по таковому же ордеру.

15. Подпоручику Александру Ганѣеву, 8 Мая 1716 г., 26 дворовъ.

16. Шлюссельбургскому коменданту полковнику Абраму Бухгольцу, 15 Мая 1716 г.,—30 дворовъ.

17. Тайному совѣтнику Никитѣ Моисеевичу Зотову, 20 Мая 1716 г.,—90 дворовъ.

18. Полковнику Андрею Чернышову, 6 Іюля 1716 г.,—40 дворовъ по ордеру князя Меньшикова.

19. Тайному совѣтнику графу Андрею Артемоновичу Матвѣеву 16 Іюля 1716 г.—132 двора, 16 и 21 Іюля 1721 г.,—83 дв. По смерти его пожаловано 27 Ноября 1730 года его сыну, капитанъ-лейтенанту Ѳедору.

20. Подпоручикамъ Василью и Ивану Арсеньевымъ, 31 Іюля 1716 г.,—38 дворовъ, по ордеру кн. Меньшикова.

21. Авдотьѣ? 31 Іюля 1716 г. впредъ до усмотрѣнія—112 дворовъ.

22. Бригадиру Василью Зотову, 31 Іюля 1716 г.,—114 дворовъ.

23. Михайлѣ Михайловичу Самарину, 29 Августа 1716 г.,—131 дворъ по ордеру князя Меньшикова.

24. Полковнику Ильѣ Лутковскому, 1716 г.,—20 дворовъ.

25. Боярину Петру Матвѣевичу Апраксину, 1716 г.,—246 дворовъ по ордеру князя Меньшикова.

26. Къ двору Императрицы Екатерины I-й отписано 1717 г.,—515 двор.

27. Церемоніймейстеру Ивану Дакостѣ въ Августѣ 1718 г.,—4 прибрежныхъ острова. Въ 1721 г. Ноября 16 утверждены острова въ вѣчномъ и потомственномъ его владѣніи. Впослѣдствіи перешли въ казну.

28. Поручику Дмитрію Шепелеву, 12 Августа 1719 г.,—116 дворокъ.

29. Генералъ-маіору Семену Алабердееву, 28 Августа 1719 г.,—87 дворовъ. Ему же, 17 Октября 1719 г., временно 30 хейматовъ. Его наслѣдникамъ еще 30 хейматовъ, отписанныхъ въ 1718 г. въ казну.

30. Кексхольмскому коменданту полковнику Чоглокову, 1720 года (по должности коменданта) 18 дворовъ.

31. Тайному совѣтнику сенатору князю Якову Ѳедоровичу Долгорукову 1720 г.,—389 хейматовъ, 21 Февраля 1721 г., 227 дворовъ.

32. Генералъ-фельдцейхмейстеру Якову Вилимочу Брюсу, Октября 21-го 1721 г.,—207 дворовъ.

33. Выборгскому коменданту Матвѣю Неѣлову 18 селеній съ 25 дворами. По смерти его 1723 г. перешли къ его теткѣ Анисьѣ Кирилловнѣ Толстой и Петромъ I утверждены за ней въ вѣчное владѣніе, 3 Мая 1723 г.

34. Генералъ-фельдмаршалу князю Никитѣ Ивановичу Репнину, 5 Января 1725 г., впредъ до времени $106^3/_4$ дворовъ. По смерти его даны, 1726 г., генералу графу Антону Девіеру. Указомъ 25 Мая 1727 г. пожалованы камергеру генералъ-адъютанту по флоту Степану Лопухину въ вѣчное владѣніе.

Въ царствованіе Екатерины I.

1. Петергофскому инспектору Карлу Арнандеру, 24 Сентября 1726 г., въ вѣчное владѣніе 184 хеймата. Имѣніе перешло въ казну, но 17 Сент. 1733 г. возвращено его вдовѣ. 18 Августа 1766 г. закрѣплено за его дочерью статсъ-дамою Катериной Штакельбергъ. Впослѣдствіи принадлежало фрейлинѣ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой (Было куплено на аукціонѣ за 91,500 р. графомъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ 2 Октября 1777 г., Продано въ 1826 г. за три милліона асс. купцу Громову.)

2. Вице-адмиралу Петру Ивановичу Сиверсу, 8 Января и 7 Февраля 1726 г., впредъ до времени, 173 хеймата. 2 Сент. 1793 г. пожаловано было капитану 2 ранга Георгію Сиверсу въ вѣчное потомственное владѣніе.

3. Статскому совѣтнику Ивану Потемкину, 8 Декабря 1726 г., пожизненно—55 хейматовъ.

4. Генералъ-маіору Ивану Шувалову, 17 Марта 1726 г., впредъ до времени 106 хейматовъ. Указомъ отъ 17 Янв. 1796 г. пожаловано въ вѣчное потомственное владѣніе статсъ-дамѣ графинѣ Катеринѣ Шуваловой, рожд. Салтыковой. Въ 1803 г. купилъ комерціи совѣтникъ Ольхинъ.

5. Бригадиру Ивану Штерншанцу, 22 Іюня 1726 г, 3 хеймата.

Въ царствованіе Петра II.

1. На содержаніе стола Императора, 16 Декабря 1727 г.,—456 хейматовъ.

2. На содержаніе стола великой княжны Елисаветы Петровны, 3 Января 1728 г.—790 хейматовъ.

3. Коневецкому монастырю данъ 1728 г.—1 хейматъ около $^1/_2$ манталя [11]).

Въ царствованіе Анны Іоанновны.

1. Троицкому Александро-Невскому монастырю, 23 Октября 1730 г., по смерти Петра II даны были его столовыя имѣнія.

2. Оберъ-коменданту генералъ-лейтенанту Де-Кулону, 12 Марта 1732 г., пожизненно—251 хейматъ и 126 манталей; изъ оныхъ по смерти его въ 1734 г. выдѣлено было вдовѣ 95 хейматовъ и $52^1/_2$ манталя.

3. Камергеру графу Салтыкову, 20 Мая 1734 г. пожизненно — $103^1/_2$ хеймата и 44 манталя. Проданы его вдовой барону Фредриксу.

4. Валаамскому монастырю, 21 Декабря 1732 г. — 22 хеймата и $8^3/_8$ манталя. Островъ Валаамъ [12]) былъ приписанъ, при Петрѣ I, въ 1716 г., къ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю).

Въ царствованіе Іоанна Антоновича.

1. Обергофмаршалу Дмитрію Шепелеву, 8 Января 1741 г.—225 хейматовъ, въ вѣчное и потомственное владѣніе (пожалованное Петромъ I теткѣ Неѣлова фрейленѣ А. Толстой и перешедшее по ея смерти къ родственницѣ ея, вдовѣ Неѣловой). Впослѣдствіи это имѣніе перешло къ генералъ-фельдмаршалу Ивану Петровичу Салтыкову.

Въ царствованіе Елисаветы Петровны.

1. Генералъ-лейтенанту графу Антону Девьеру, 24 Декабря 1743 г., — 191 хейматовъ (принадлежавшихъ Лопухину) въ вѣчное владѣніе. Въ 1767 г. пріобрѣтено придворнымъ аптекаремъ Магнусомъ Вильгельмомъ фонъ-Брискорномъ. Продано наслѣдниками послѣдняго полковнику Александру Фоку.

2. Генералъ-прокурору князю Никитѣ Трубецкому, 23 Декабря 1747 г.,— имѣніе пожалованное ст. сов. Потемкину, состоявшее изъ 55 хейматовъ. Въ 1795 г. куплено кол. сов. Васильемъ Баляснымъ.

3. Камергеру Михайлѣ Воронцову, 11 Іюля 1743 г., въ вѣчное и потомственное владѣніе—столовое имѣніе Императрицы.

4. Помѣстье, принадлежавшее Д. Шепелеву и перешедшее по долговому обязательству Марѳѣ Шуваловой, 7 Октября 1759 г., утверждено за ней въ

---

[11]) Подати съ земли разсчитывались съ манталя; два манталя соотвѣтствовали древней Русской обжѣ.

[12]) Отъ Финскаго слова Mala—клятва, ma, mo—земля. (Кноррингъ).

вѣчное и потомственное владѣніе. Сынъ ея продалъ его, 3 Марта 1762 г., оберъ-камергеру Ивану Шувалову.

5. Генералъ-фельдмаршалу графу Александру Бутурлину, 17 Февраля 1760 г.,—257¼ хейматовъ. Перешло впослѣдствіи во владѣніе Ивана Затрапезнаго.

Въ царствованіе Екатерины II.

1. Выборгскому губернатору Николаю Энгельгарту, 22 Февраля 1765 г., а послѣ его смерти 1778 г. губернатору, генералъ-лейтенанту Евгенію Петровичу Кашкину въ пожизненное владѣніе.

2. Выборгскому губернатору Е. П. Кашкину, 1 Августа 1768 г., въ пожизненное владѣніе въ кирхшпилѣ Суоерви; пожаловано, 21 Ноября 1796 г., въ вѣчное и потомственное владѣніе его вдовѣ. Наслѣдники ея продали генералу-аншефу гр. Алек. Гр. Орлову-Чесменскому.

3. Генералъ-маіору Петру фанъ-Сухтелену пожаловано, 8 Сентября 1790 г.,—300 душъ съ ихъ хейматами и угодьями въ вѣчное и потомственное владѣніе. Жалованная грамота была ему выдана 3 Января 1792 г.

4. Поручику лейбъ-гренадерскаго полка Христіану Сигелю и подпоручику того же полка Юстусу Вильгельму Ульмеру, 23 Октября 1790 г.,—200 душъ съ ихъ хейматами и угодьями въ вѣчное и потомственное владѣніе. Они продали это имѣніе въ 1794 г. коллежск. совѣтнику Герману Фонъ-Рехенбергу.

5. Члену Императорскаго Ссуднаго Банка, маіору Матвѣю Олсуфьеву, 24 Октября 1790 г.,—250 душъ съ ихъ хейматами и угодьями въ вѣчное и потомственное владѣніе. Олсуфьевъ продалъ 1 Августа 1793 г., кап. Кельхену.

6. Капитану лейбъ-гренадерскаго полка Степану Тычинину, 11 Декабря 1791 г.,—150 душъ съ ихъ хейматами и угодьями въ вѣчное потомственное владѣніе. Тычининъ продалъ въ 1795 г. колл. асс. Матіасу Фонъ-Томсену.

7. Подпоручику Якову Болотникову, 4 Мая 1793 г.—100 душъ съ ихъ хейматами и полями въ вѣчное и потомственное владѣніе. Болотниковъ, въ томъ же году, продалъ судьѣ Николаю Клейхильсу.

8. Артиллерійскому полковнику Жану Прево Делуміану (Jean Prevôt de Lumian), 1 Марта 1794 г.,—300 душъ съ ихъ хейматами и полями, въ вѣчное и потомственное владѣніе. Купилъ отъ него въ 1809 г. надв. сов. Бернхардъ Фонъ-Ребиндеръ.

9. Полковнику барону Фабіану Штейнгейлю, 1 Марта 1794 г., — 200 душъ съ ихъ хейматами и угодьями, въ вѣчное и потомственное владѣніе.

Въ царствованіе императора Павла I.

1. Инженерному капитану Карлу Опперману, 29 Ноября 1796 г.,—въ вѣчное и потомственное владѣніе, пожалованные ему въ арендное содержаніе, 16 Февраля 1792 г.,—40 хейматовъ.

2. Капитану Лудвигу Де-Жерве, 17 Декабря 1798 г., въ вѣчное и потомственное владѣніе на аллодіальномъ правѣ Терэвэльскій (Teräväla) хейматъ.

3. Фабриканту Якову Лунду, 22 Ноября 1798 г.,—39 хейматовъ, близъ Роккальскихъ и Куккольскихъ зеркальныхъ и стеклянныхъ заводовъ, на правѣ алодіальномъ и съ платежемъ въ казну причитающейся ренты. Это имѣніе, состоявшее изъ 39 хейматовъ, перешло, 6 Ноября 1811 г. въ Императорскій Кабинетъ за долгъ Якова Лунда въ 265.530 рублей Государственному Банку.

Имѣнія и владѣльцы ихъ по списку 1811 года.

1. Президентъ Академіи Наукъ, д. с. с. баронъ Лудвигъ Фонъ-Николаи купилъ у Выборгскаго ген.-губернатора герцога Вюртембергскаго (впослѣдствіи короля) коронный хейматъ Науласари (Freudenhof) съ небольшой усадьбой Монрепо, и у надв. сов. Михайлы Донаурова, на правахъ выкупа, хейматъ Ліимата. Указомъ 1 Іюля 1802 г. барону Николаи даровано на это имѣніе право наслѣдственнаго и потомственнаго владѣнія и освобождено отъ ренты въ казну.

А. Имѣнія жалованныя на неопредѣленное время.

2. Генералу Григорію Чернышову въ приходѣ Моля, имѣніе находившееся во владѣніи его племянницы Натальи Петровны Голицыной. Часть имѣнія, на которой были поселены Русскіе крѣпостные крестьяне, заключающая 12 хейматовъ, было въ 1801 г. продана д. с. с. Богаевскому. Другую часть купилъ въ 1802 г. ком. сов. Бландовъ.

3. Утверждено за наслѣдниками генерала Г. В. Геннина имѣніе, пожалованное ему впредъ до приказа, въ 1711 г., и поступившее въ 1720 г. въ казну.

4. Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская владѣла имѣніемъ въ приходѣ Сальмисъ, пожалованномъ инспектору К. Арнандеру, и купленное въ 1777 г. за 91,500 р. Г. Г. Орловымъ.

5. Пожалованные въ Пихерви дворы графу Салтыкову внучка его продала барону Фридериксу въ 1774 г.

Б Имѣнія жалованныя въ вѣчное или наслѣдственное владѣніе.

6. Жалованно Петру-Іогану Сиверсу въ 1726 г. и утвержденное Екатериною II за капитаномъ 2-го ранга Георгомъ Сиверсомъ.

7. Имѣніе Ивана Максимовича Шувалова, закрѣпленное въ 1796 г. за граф. Катериной Шуваловой, рожд. Салтыковой, и купленное въ 1803 г. ком. сов. Ольхинымъ. Часть онаго была продана Ольхинымъ К. А. Костылеву, а отъ него перешла его дочери, замужемъ за капитаномъ 1 ранга Рудаковымъ.

8. Имѣніе оберъ-гофмаршала Шепелева, перешедшее черезъ многія руки во владѣніе къ ген.-фельдмаршалу Ивану Салтыкову, впослѣдствіи принадлежав-

шее Мятлеву и пріобрѣтенное отъ послѣдняго Артилерійскимъ Департаментомъ.

9. Часть имѣнія, пожалованнаго камергеру Михайлѣ Воронцову и выкупленнаго казною въ 1783 г. дана племяннику его генералу Семену Воронцову.

10. Жалованное графу Антону Девіеру имѣніе, купленное придворнымъ аптекаремъ В. Фонъ-Брискорномъ и проданное его наслѣдниками полковнику Александру Фоку.

11. Имѣніе князя Н. Трубецкаго, перешедшее впослѣдствіи посредствомъ купли к. сов. Василію Балясному.

12. Имѣніе графа Александра Бутурлина, проданное И. Затрапезнымъ графинѣ Аннѣ А. Орловой-Чесменской за 130,000 р. въ 1813 г. и купленное отъ сей послѣдней купцами Ѳедуломъ и Сергѣемъ Громовыми.

13. Имѣніе, проданное наслѣдниками Выборгскаго губернатора Евгенія Петровича Кашкина, въ 1804 г., графу А. Г. Орлову-Чесменскому и купленное отъ его дочери Громовыми.

14. Имѣніе, пожалованное въ 1790 г. (300 душъ) Іоганну-Петру Фанъ-Сухтелену, унаслѣдованное его внучкою, дочерью П. Сухтелена.

15. Имѣніе, проданное въ 1794 г. Сигелемъ и Ульмеромъ к. сов. Отто-Герману Фонъ-Рехенбергу.

16. Имѣніе, пожалованное члену Ссуднаго Банка маіору Матвѣю Олсуфьеву, 1740, проданное вдовою капитана Кильхена, въ 1804 г. над. совѣтницѣ К. К. Ребиндеръ, рожд. Брунъ, перешедшее во владѣніе ея отца, ком. сов. Карла Бруна [13]).

17. Пожалованное въ 1791 г. имѣніе капитана л.-гв. гренадерскаго полка Степана Тычинина, проданное въ 1795 г. К. А. Матвѣю Фонъ-Томсену.

18. Имѣніе, пожалованное въ 1793 г. подпоручику Якову Болотникову, проданное въ 1794 г. н. сов. Николаю Клейгельсу и подѣленное между его сыновьями и внуками.

19. Имѣніе полковника артилеріи Жана Прево-Де-Луміана, данное ему въ 1794 г., купленное въ 1809 г. н. сов. Бернгардомъ Фонъ-Ребиндеромъ.

20. Имѣніе, пожалованное въ 1794 г. барону Фабіану Штейнгейлю.

21. Имѣніе, пожалованное въ 1795 г. инженеръ-капитану Карлу Оперману и проданное имъ по частямъ н. с. Іогану Фонъ-Деръ-Ховену (продалъ въ 1816 г. судьѣ Іогану Пальдани), шт.-капитану Брохману (продалъ въ 1816 г. с. с. Николаю Енишу, ген.-маіору Якову Іогану Вейрауху). Часть участка послѣдняго продана была Финской казнѣ, подъ Сайманскій каналъ.

22. Имѣніе, пожалованное 1795 г. въ видѣ аренды Лудвигу-Де-Жерве и укрѣпленное за нимъ въ 1796 г.

23. Имѣніе, пожалованное въ 1798 г. фабриканту Якову Лунду.

---

[13]) Отецъ Финляндскаго ум. статсъ-Секретаря Александра Карловича Бруна.

Имѣнія, принадлежащія удѣльному вѣдомству и другимъ учрежденіямъ.

Въ 1742 г. состояли въ вѣдомствѣ придворной конторы 162 хеймата, около 30 манталей, въ приходахъ: Св. Андрея, Выборгскомъ, Лаппвези, Зекіерви и Ведерлаки.

Въ 1801 г., со времени изданія правилъ, относящихся къ управленію Высочайшаго двора, назначено было на содержаніе его въ Выборгской губерніи 143 хеймата, слишкомъ 52 манталя. 16 Іюля 1812 г. эти хейматы выкуплены Финляндской казной за ежегодную ренту 1363 р. 85¾ к. асс.

Въ 1811 г. поступило въ вѣдѣніе Высочайшаго кабинета 39 хейматовъ, приписанныхъ къ зеркальному и стеклянному заводамъ купца 1-й гильдіи Якова Лунда, задолжавшаго Государственному Банку 265,530 р. 40 к. асс.

Столовыя имѣнія.

Высочайшимъ указомъ 5 Марта 1758 г. назначено было Выборгскому губернатору 83 хеймата, а Выборгскому оберъ-коменданту 93 въ Выборгской губерніи.

Въ 1764 г. отписаны были въ *Коллегію Экономіи* кирхшпили (soknar) Cortavala (Сердоболь), [14]) Impilax и Suistama, данные Александро-Невскому монастырю, а 1 Августа 1765 г. повелѣно было повинности денежныя и натуральныя съ этихъ имѣній вносить въ Кексхольмское казначейство и магазинъ. Въ 1797 г. эти жалованныя имѣнія были взяты въ казну.

Предписаніемъ губернской канцеляріи отъ 18 Іюня 1765 г. кирхшпиль Uguniemi былъ переданъ въ пользованіе *Морскаго Кадетскаго Корпуса* отошелъ въ казну въ 1792 г.

Пожалованныя адмиралу Крейцу имѣнія, по смерти его вдовы, были отписаны къ „Арматурной Канцеляріи“ въ Систербекѣ (Сестрорѣцкій оружейный заводъ), крестьяне котораго отбывали свои повинности работой на заводѣ.

За *монастырями* по окладной книгѣ 1764 г. числились:

1) за Новгородскимъ (?) 1 хейматъ въ Pyhäjärvi.

2) за Валаамскимъ 23 хеймата въ Саккальскомъ кирхшпилѣ. Относительно Валаамскаго монастыря мы располагаемъ свѣдѣніями, дополняющими приведенное о немъ на стр. 108, Императрица Анна даровала ему рыбныя ловли около острова. Въ 1797 г. даны ему императоромъ Павломъ рыбныя ловли на р. Кименѣ съ покосами и мельницей. Рыбныя ловли приносили монастырю ежегоднаго дохода отъ 20 до 25 т. асс; въ 1833 г. эти ловли отданы были въ аренду за 20 т. р. Луга и мельница поступили по высоч. указу 1786 г. въ Финскую казну съ обязанностію выплачивать монастырю

---

[14]) Слово Сортовала производятъ отъ русскаго—сортъ и фин. walta—власть.

ежегодно 1548 р. 78¾ к. асс. и освободить отъ податей монастырскихъ работниковъ.

3) Троицко-Александроневскій монастырь пользовался правомъ рыбной ловли по устью р. Вуокса. Къ нему же былъ приписанъ въ 1730 г. цѣлый Импилакскій кирхшпиль, отошедшій въ 1764 г. въ вѣдомство Коллегіи Экономіи и окончательно поступившій въ казну въ 1797 г.

Относительно Александро-Невскаго монастыря встрѣчаются въ отчетѣ ревизіонной комиссіи, назначенной въ 1764 году слѣдующія свѣдѣнія [15]).

„По ревизіи 1728 г., а также 1753 г., доходы съ мѣстечка Сердоболь взималъ въ свою пользу Александро-Невскій монастырь, но неизвѣстно въ силу какого права, тѣмъ болѣе, что указомъ Прав. Сената отъ 26 Ноября 1730 г., полученнымъ въ Выборгской Провинціальной Канцеляріи, этому монастырю было дано не болѣе 624 хейматовъ, о пожалованіи же ему мѣстечка Сердоболь, какъ видно изъ копіи грамоты, не говорится ни полслова. Вслѣдствіе сего упомянутому монастырю слѣдовало бы возвратить казнѣ (Финляндской) городскія повинности слѣдующія ей съ 1728 г. и пр. пр.“

Земли розданныя въ аренду.

Еще во времена Шведскія въ Финляндіи, преимущественно въ Кареліи, довольно значительное число земель было роздано въ арендное содержаніе. Таковой видъ владѣнія установился въ Кареліи, по всей вѣроятности съ того времени, когда она еще входила въ составъ Русскаго государства. Это подтверждается тѣмъ, что въ той мѣстности наименованіе «погостъ» (pagostorne) сохранилось до нашего времени. Не смотря на то, что арендное землевладѣніе было какъ-бы временное, нѣкоторые изъ Шведскихъ владѣльцевъ прибавляли къ своимъ титуламъ названіе арендныхъ земель. Такъ Оксенштерна прозывался «господиномъ въ Кроноборгѣ» (Herr till Kronoborg), графъ Врангель «господиномъ въ Сальмисѣ».

Екатерина II была убѣждена, что раздача земель въ аренду доставляетъ выгоду не одному арендатору, но также казнѣ. Въ одномъ изъ ея указовъ [16]) встрѣчаемъ въ защиту этого мнѣнія такое разсужденіе. «Въ Финляндіи всего нынѣ состоитъ порожнихъ казнѣ принадлежащихъ (земель) $866\frac{29}{48}$ манталовъ, $78\frac{79}{96}$ адеровъ [17]) и $2014\frac{1}{4}$ арворублей. Сіи манталы и т. д. могутъ быть хозяйственно раздѣлены на мызы и даваемы безъ малѣйшаго для казны уменьшенія въ сборѣ...... Казна оброкъ свой обыковенный получать продолжаетъ, а арен-

---

[15]) Этотъ документъ, писанный на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, хранится въ архивѣ Финляндскаго Сената. Мы пользовались Нѣмецкимъ текстомъ.

[16]) П. С. З. 1796, Ноября 12 № 17,546.

[17]) Ader, вѣроятно, происходитъ отъ Финскаго слова atra—соха. 1 адеръ = 1 манталу.

даторъ...., платя казнѣ по закону, по стариннымъ цѣнамъ, имѣетъ себѣ прибыли почти втрое больше казеннаго...... Сверхъ того со сборомъ съ арендатора..... пресѣкутся и подушныя недоимки..... не будетъ нужды болѣе въ ленсманахъ [18]) тамъ, гдѣ всѣ мызы въ аренду войдутъ и жалованье ихъ остается въ пользу казны. Наконецъ, сельскіе жители, имѣя надъ собою въ арендаторахъ надзирателей, послушаніе послѣдуетъ и своевольство нечувствительнымъ образомъ прекратится.

Далѣе въ этомъ указѣ доказывается «общественная отъ арендъ польза» слѣд. разсужденіемъ. 1) Въ губерніи умножится хлѣбопашество, сельскія рукодѣлія и все хозяйство въ пользу городовъ и жителей. 2) Безъ малѣйшей для казны потери сдѣлана будетъ помощь и награжденіе служащимъ отечеству. 3) Съ заведеніемъ такихъ (арендныхъ) мызъ онѣ уподобятся, по мѣрѣ натуры своей, Лифляндскимъ мызамъ и тѣмъ (?) со временемъ прекратятся разныя неудобства, злоупотребленія, престарѣлыя и непріятныя предразсужденія, непозволенная и вредная привязанность (къ привилегіямъ и самобытности?) прежде мною предоставленныя. 4) Лѣса, которыхъ сбереженіе столь нужно для сей губерніи, но и для столицы, по удобности водяной комуникаціи, чрезъ то сберегутся, болота будутъ высушены, чрезъ то хлѣбопашество умножится, что̀ весьма нужно, ибо приложа старанія и руки, нигдѣ (?) хлѣбъ столь хорошо не родится, какъ въ Финляндіи [19]); сады, огороды разведутся; отъ озеръ, изобилующихъ рыбой, польза откроется и тѣмъ, не только Финляндскимъ городамъ, но и сосѣдственнымъ разныя выгоды воспослѣдуютъ».

Этимъ же указомъ установлялось давать въ аренду, ставя въ уваженіе доброту земли, оберъ-офицерамъ отъ 6 до 8 манталей, штабъ-офицерамъ отъ 10 до 12 м., полковникамъ и бригадирамъ отъ 15 до 18 м.; высшимъ классамъ 20 до 25 манталей.

А. Чумиковъ.

---

[18]) Ленсманъ соотвѣтствуетъ становому приставу.

[19]) Урожай ржи, въ Финляндіи, самъ 8—10, принадлежитъ, какъ извѣстно, къ самымъ обыкновеннымъ; это плодъ такъ называемаго интенсивнаго хозяйства.

ЖЕНЩИНЫ-СЛАГАТЕЛЬНИЦЫ ЦЕРКОВНЫХЪ ПѢСНОПѢНІЙ *).

„Отцы пустынники и *жены непорочны*,
„Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
„Чтобъ укрѣплять его средь дольныхъ бурь и битвъ,
„Сложили множество божественныхъ молитвъ"...

Упоминаніе Пушкинымъ „женъ непорочныхъ", какъ составительницъ молитвословій находитъ для себя оправданіе въ церковной исторіи.

Прежде другихъ назовемъ сестру Моисея и Аарона *Маріамъ*, прославившую чудеснымъ образомъ Бога-Вождя по переходѣ Израилемъ Чермнаго моря („Исходъ", XIV, 21—23): „Пойте Господу, ибо высоко превознесся Онъ". („Исх." XV, 21, ср. ст. 1—19). Пѣснь Маріамы въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ послужила содержаніемъ для перваго ирмоса Великаго Канона Первой Седьмицы Св. Четыредесятницы: „Помощникъ и Покровитель бысть мнѣ во спасеніе"...

Деввора, судья Израиля и пророчица (кн. „Судей", IV, 4), послѣ того какъ начальникъ Израильскій Варакъ поразилъ Сисару, полководца Ханаанскаго царя Іавина (тамъ же, 10—24), воспѣла Іегову-Покровителя, соединившаго колѣна Израилевы подъ властію Варака и ея Девворы и проявившаго мощь Свою въ побѣдѣ избраннаго народа (тамъ же—V).

Сама *Честнѣйшая Херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія Серафимъ* оставила намъ образецъ хвалебной пѣсни Творцу (Лук. I, 46—55). Кто не знаетъ этого чуднаго гимна и кто не слушаетъ его съ глубокимъ умиленіемъ

---

*) Къ сочинителю этой замѣтки (знатоку церковной исторіи) однажды обратились съ вопросомъ, кто именно могли быть тѣ, «непорочныя жены», о которыхъ говоритъ въ стихотвореніи своемъ А. С. Пушкинъ, обыкновенно столь точный и мѣткій въ опредѣленіяхъ. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ эта замѣтка. Прибавимъ, что стихотвореніе это написано Пушкинымъ въ 1836 году, незадолго до кончины, когда тревожная душа его еще чаще прежняго обращалась къ утѣшеніямъ вѣры, когда онъ переложилъ въ стихи великопостную молитву Ефрема Сирина, и красота церковной поэзіи сдѣлалась предметомъ его думъ. Около этого времени пріятель его князь Эристовъ издалъ „Словарь историческій о святыхъ" и Пушкинъ отозвался о немъ въ своемъ „Современникѣ". П. Б.

на каждой утрени предъ 9-ю пѣснію Канона? Воспѣвая Господа, Богоматерь заимствуетъ свои выраженія въ библейской исторіи женщинъ, которыя прежде нея преисполнялись радостію подъ вліяніемъ материнскаго чувства, каковы: Лія (Быт. XXX, 13) и Анна, мать Самуила (1 Царст. II, 1—10), но придаетъ имъ бо̀льшую широту и образность. „Выраженія народныхъ гимновъ, говоритъ патеръ Дидонъ [1]), въ которыхъ воспѣвается слава Ея соотечественниковъ, милосердіе, сила, премудрость и вѣрность Божіи, повторяются въ гимнѣ Пресвятой Дѣвы“.

Въ періодъ борьбы еще юнаго христіанства съ отжившимъ свой вѣкъ язычествомъ прославилась составленіемъ и исполненіемъ на инструментѣ гимновъ *Св. Цецилія*, прекрасный образъ которой увѣковѣченъ Рафаэлемъ въ одной изъ его картинъ въ Болоньѣ. Рафаэль изобразилъ Св. Цецилію въ ту минуту, когда она въ своемъ пѣніи остановлена звуками другой—ангельской музыки, которую она слышитъ надъ собою.

Во время торжества христіанства надъ язычествомъ въ дѣлѣ составленія „божественныхъ молитвъ“ блистаетъ имя монахини IX вѣка *Икасіи* [2]) или Кассіи, она же Кассіана.

Любопытна біографія этой женщины. Ф. А. Терновскій († 1884 г.), со словъ одной Византійской лѣтописи, передаетъ, что, когда императоръ Ѳеофилъ (829—844) пожелалъ вступить во второй бракъ, мачиха его Евфросинія, пославъ по всѣмъ областямъ, собрала красивыхъ дѣвицъ для брачнаго выбора своему пасынку. Она поставила ихъ всѣхъ въ палатѣ, называемой „жемчужный триклиній“, и вручила Ѳеофилу золотой перстень со словами: „отдай той, которая понравится“. Была въ числѣ невѣстъ одна благородная дѣвица, по имени Икасія, чрезвычайно красивая. Императоръ Ѳеофилъ, увидавъ ее и восхитившись ея красотою, сказалъ однако: „не чрезъ жену ли проистекло злое?“ Икасія со скромностію возразила: „но чрезъ жену же беретъ начало и лучшее“. Оскорбленный возраженіемъ, императоръ отвергъ Икасію и отдалъ перстень Ѳеодорѣ, родомъ Пафлагонянкѣ [3]). Объ Икасіѣ повѣствуется далѣе, что, потерявъ надежду сдѣлаться императрицею, она удалилась въ монастырь, гдѣ и провела жизнь, вѣроятно, достигнувъ сана игуменьи [4]). Заключившись въ монастырѣ, Икасія занималась составленіемъ благочестивыхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Такъ ей принадлежатъ, по Постной Тріоди, ирмосы съ первой до шестой пѣсни канона на Великую Субботу I-й пѣсни „Волною морскою...“, III-й пѣсни „Тебе, на водахъ по-

---

[1]) *R. P. Didon* „Jésus Christ“ (1890).

[2]) См., напр., въ Постной Тріоди на Великую Среду.

[3]) „Грековосточная Церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ“. Кіевъ. 1883, 493.

[4]) Свящ. *Ѳ. Хорошуновъ*. «Правосл. христ. литургика». Ч. 1-я. Ставрополь Кавказскій 1877, 144.

вѣсившаго всю землю...“, IV-й пѣсни „На крестѣ Твое божественное истощаніе провиде...“ и V-й пѣсни: „Богоявленія Твоего, Христе, къ намъ милостивно бывшаго, Исаія свѣтъ видѣвъ невечерній“... Затѣмъ Икасіи приписывается извѣстный тропарь Постной Тріоди: „Господи. яже во многіе грѣхи впадшая жена...“, воспѣваемый въ Страстную Среду и составленный, будто бы, по поводу отвергнутаго желанія Ѳеофила видѣться съ Икасіею. Наконецъ, ученые В. Христъ и М. Параникасъ считаютъ принадлежащими Икасіи (въ Греческихъ текстахъ) еще стихиры на 13 и 25 Ноября, 24 Декабря и 29 Іюня [5]).

*

Упоминая о составительницахъ церковныхъ пѣснопѣній, нельзя умолчать о пѣсни Анны-пророчицы, матери Самуила пророка. Правда, это вовсе не пѣснь въ строгомъ смыслѣ, но молитва благодарной души (I Цар. 2, 1—10); но она излилась изъ души мѣрною Еврейскою рѣчью и въ церкви вѣтхозавѣтной воспѣвалась при богослуженіи. Изъ богослуженія Еврейскаго она перешла и въ богослуженіе христіанской церкви, въ которой пѣлись и поются всѣ ветхозавѣтныя пѣсни о св. Аннѣ. Златоустъ говоритъ: „Пойдешь-ли въ Скиѳію, въ Египетъ, въ Индію и даже на конецъ вселенной, услышишь, какъ всѣ прославляютъ добродѣтели сей жены. Слава Анны обнимаетъ всю землю, гдѣ только свѣтитъ солнце“. Нельзя сомнѣваться, что эта всеобщая извѣстность Анны-пророчицы должна быть приписана общему во всей церкви употребленію ея пѣсни-молитвы.

Полоцкъ. 2 Декабря 1892 г.

Г. Воробьевъ.

---

[5]) *W. Christ* et *M. Paranikas* «Anthologia Graeca carminum christianorum». Lipsiae 1872.

ЗАМѢТКИ ПО ПОВОДУ ПИСЕМЪ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА КЪ С. Д. НЕЧАЕВУ.

Издаваемыя нынѣ письма митрополита Филарета, какъ и все, выходившее изъ-подъ пера этого въ своемъ родѣ геніальнаго человѣка, богаты содержаніемъ и съ годами не только не утрачиваютъ значенія, но отличаются, подобно сочиненіямъ А. С. Хомякова, стальною логикою доводовъ и какою-то вѣковѣчною новизною. (Не говоримъ уже о своеобразной красотѣ слога.) Читатели знаютъ, какъ важны для исторіи церкви, ея управленія, для внутренней Русской исторіи эти, повидимому мимолетные, но вѣскіе и многосодержательные отзывы, писанные иной разъ на текущей дѣловой бумагѣ, которая посылалась для разъясненія, дополненія или разрѣшенія. Слово Филарета, какъ шестьдесятъ лѣтъ назадъ, такъ и нынѣ остается руководительнымъ. Къ сожалѣнію нашему, не можемъ мы дать полныхъ объясненій издаваемымъ письмамъ. Со временемъ они переиздадутся и будутъ снабжены примѣчаніями изъ современныхъ дѣлъ, сберегаемыхъ въ архивѣ Св. Синода.

Въ 1-мъ выпускѣ „Русскаго Архива" сего года помѣщено четыре письмà митрополита Филарета къ С. Д. Нечаеву 1832 года. Мы получили нижеслѣдующія замѣтки на нихъ.

Первое письмо, по поводу какого-то учебника, предназначаемаго для учебнаго вѣдомства, есть одно изъ доказательствъ строгой и тонкой критики Филарета, которая не оставляла его никогда.

Во второмъ письмѣ говорится объ окладѣ для бѣлаго духовенства. Извѣстно, что ученымъ степенямъ академическимъ присвоенъ былъ классный окладъ: доктору богословіи въ 500 р. асс., магистру въ 350 р. асс., кандидату Академіи въ 250 р. асс. Этотъ окладъ отмѣненъ для служащихъ въ духовныхъ училищахъ штатами 1867 года, когда возвышено жалованье учащимъ, но отмѣнено при бытности ихъ въ училищной службѣ и не дается при переходѣ въ епархіальную службу, и лишь немногія остающіяся въ живыхъ лица прежняго академическаго образованія получали этотъ окладъ на службѣ училищной, получаютъ и теперь. Въ этомъ же письмѣ идетъ рѣчь о Ришельевскомъ училищѣ вѣроятно, потому что туда назначенъ былъ

преподавателемъ законоучитель съ академическимъ образованіемъ, и митрополиту не хотѣлось, чтобы служащіе въ свѣтскихъ заведеніяхъ получали классный окладъ. Но, кажется, его мнѣніе не было принято.

Оклады высылались обыкновенно въ правленія тѣхъ семинарій, гдѣ служилъ получатель.

Письмо 3-е. „Замѣчанія Прихожанина“ касаются преимущественно свѣчнаго вопроса. Дѣло въ томъ, что штатами духовныхъ училищъ опредѣлено было: всю прибыль отъ продажи въ церкви свѣчъ и свѣчныхъ огарковъ представлять въ Коммиссію Духовныхъ Училищъ на нужды Духовныхъ Училищъ, а на содержаніе церкви употреблять только кошельковый сборъ. Въ этомъ узаконеніи не было никакого указанія, какая должна быть, хотя приблизительно, разность между покупною цѣною свѣчи изъ лавки и продажною въ церкви. Напр., за 40 свѣчей въ одномъ фунтѣ въ лавку платится, положимъ, 70 коп.; въ церкви же каждая свѣча продаваться можетъ по усмотрѣнію церковнаго старосты за 2, 3, 4 коп., т. е. доставить прибыль на фунтъ 10 к., 50 к., 2 р. 10 к. Если бы добросовѣстно исполнялось это распоряженіе о взносѣ въ Коммиссію Духовныхъ Училищъ всей прибыльной отъ свѣчъ суммы, то это бы давно составило сотни милліоновъ. Но исполнять его добросовѣстно нельзя было, потому что на содержаніе церкви назначался только тарелочный сборъ (пропорцію этого кошельковаго или тарелочнаго сбора можно видѣть въ этомъ же письмѣ: 450 р. свѣчнаго и 85 кошельковаго). А изъ кошельковаго сбора нужно и для освѣщенія церкви покупать паникадильныя свѣчи, и налѣпки, и выносныя, и для отопленія церкви дрова, и для охраненія церкви (въ городахъ) наемъ сторожей, и т. п.; далѣе ремонтъ церкви, какъ бы ни былъ ограниченъ онъ, вино, ладанъ, масло для лампадъ, и проч. Поэтому или записывали меньшее количество свѣчъ въ продажѣ (напр., вмѣсто 20 п.—5), или прибыль отъ свѣчей показывали не свыше 13—15 коп. съ фунта, или увеличивали число огарковъ. Всѣ это знали, много придумывали мѣръ привести этотъ доходъ въ ясность, и только въ 1878 назначено каждой епархіи, по раскладкѣ Синода, вносить въ Синодъ опредѣленную сумму, а раскладка этой суммы на каждую церковь епархіи принадлежитъ консисторіи съ пособіемъ благочинныхъ.

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА КЪ С. Д. НЕЧАЕВУ.

1833-й годъ.

5.

Протоколъ этотъ хотя и подписалъ, но нахожу нужнымъ предварительно показать его вашему высокопреосвященству. Кажется, оно неправильно началось отъ духовнаго вѣдомства [2]).

—

Начало дѣла, подлинно, не очень правильно. Доносчикъ вмѣшанъ въ дѣло, которое имѣло свой гласъ въ устахъ законной жены. Духовному правленію не слѣдовало производить столь важнаго дѣла безъ вѣдома архіерея и Консисторіи. Надлежало ли сему дѣлу быть въ духовномъ судѣ—это вопросъ, на который докладные пункты отвѣчаютъ не совсѣмъ ясно. Но когда по дѣлу явно открылось важное преступленіе, по моему мнѣнію, неудобно вступаться за неправильное начало дѣла, чтобы не сказали: гнѣваются, зачѣмъ открыли преступленіе

Можно прибавить къ рѣшенію:

Для болѣе осторожнаго и осмотрительнаго впредъ производства столь немаловажныхъ дѣлъ, каковы суть имѣющія предметомъ прелюбодѣяніе и могущія имѣть послѣдствіемъ расторженіе брака, предписать епархіальному начальству, чтобы дѣла сего рода отнюдь не начинать въ Духовныхъ Правленіяхъ безъ вѣдома епархіальнаго архіерея и Консисторіи и чтобы производимы были преимущественно въ самой Консисторіи.

А вотъ что̀, мнѣ кажется, нужно прибавить:

О дѣтяхъ, по собственному признанію Ѳедотова прижитыхъ отъ живой жены прелюбодѣйно, предоставить разсмотрѣніе гражданскому начальству.

---

[1]) См. выше, стр. 42, свѣдѣнія о С. Д. Нечаевѣ. П. Б.

[2]) Три строки рукою С. Д. Нечаева. П. Б.

6.

Съ Рижскимъ протопопомъ не вдругъ можно сладить. Возвращаю прочія бумаги и *пушку трескотуху.*

О Доминиканскомъ распятіи, право, не знаю чтò сказать и ума не умѣю приложить къ сему. Если отдать для храненія въ ризницѣ, это все тоже, чтò просто отдать: на нѣсколько дней поставятъ въ ризницу, а потомъ выставятъ открыто. Развѣ сказать, что неудобно отдать икону изъ церкви уже освященной; ибо если уважить предлогъ чудотворности, то по сему предлогу и Почаевской иконы домогаться вздумаютъ?

О показаніи на поправку Рязанской Семинаріи 22000 р. вмѣсто истинныхъ 10000, по моему мнѣнію, надобно войти въ разсмотрѣніе, изъ предсторожности, чтобы не пришлось тоже дѣлать по стороннему понужденію. Хорошо, кажется, заставить сдѣлать комитетъ изъ неподчиненныхъ Семинарскому правленію, для образованія сего расхода. И о секретарѣ спросить надобно.

Чтобы крестнаго хода не было на театрѣ, нужно требовать непремѣнно. А говорить ли о владѣніи кузнеца, не знаю. Чтò будетъ съ вѣкомъ, который не понимаетъ, какъ нелѣпо miscere sacra profanis *) и находитъ красоту, когда кладетъ рядомъ золото съ грязью, а цвѣты съ навозомъ? Скажи, что это не такъ: разсердятся и усилятся умножать нелѣпости.

Генв. 10-го 1833.

7.

Одобрительный отзывъ ревизора, что наставникъ Церковной Исторіи въ Семинаріи объясненія свои любитъ заимствовать у святыхъ отцевъ поставить на видъ академическому правленію и ревизору, какъ недовольно сообразный съ предметомъ и обнаруживающій сбивчивость въ понятіяхъ ревизора: ибо можно и должно заимствовать у святыхъ отцовъ объясненія Священнаго Писанія, ученія вѣры и чиноположеній церковныхъ; но ученіе историческое требуетъ не объясненій, а свидѣтельствъ и документовъ историческихъ, часто по необходимости заимствуемыхъ и не у святыхъ отцовъ. При томъ изслѣдовательная часть исторіи, по уставу, не относится до семинарской, а до академической исторической каѳедры; а въ Семинаріи заниматься должно повѣствовательной частью Исторіи.

---

*) Смѣшивать священное со свѣтскимъ. П. Б.

Впрочемъ, если вы находите, что это не такъ, пусть исключится замѣчаніе: я подпишу журналъ безпрекословно.

Генв. 1833.

*

Хорошо, что Филаретъ отказался отъ своего мнѣнія о томъ, что Св. отцы не умѣютъ, или не могутъ дать вѣрную характеристику того или другаго событія библейскаго и исторіи церкви, по крайней мѣрѣ первыхъ вѣковъ. Да и къ ходу церковной жизни послѣ періода св. отцевъ развѣ нельзя примѣнять ихъ отзывовъ и мнѣній о ходѣ жизни церковной въ ихъ время?

8.

Простите мою мнительность: я опять остановился надъ протоколомъ, гдѣ такъ рѣшительно сказано, что Св. Синодъ *полагаетъ справедливымъ* браки съ разновѣрными не признавать дѣйствительными, доколѣ не будутъ обвѣнчаны Греко-Россійскимъ священникомъ.

Государь Императоръ, смотря на политическую и гражданскую сторону браковъ, изрекъ свою волю, выражающую особенное вниманіе и покровительство къ господствующему вѣроисповѣданію. Господствующее вѣроисповѣданіе должно благодарить. Всѣ должны повиноваться.

Но когда Св. Синодъ хочетъ положить о бракѣ то, чтò справедливо: онъ обязанъ вспомнить, что онъ есть начальство церковное и потому долженъ судить о таинствахъ по каноническимъ основаніямъ.

Если таинство брака, совершенное не-Греко-Россійскимъ священникомъ, признаётъ Св. Синодъ недѣйствительнымъ: то ему надобно недѣйствительнымъ признать и таинство крещенія, совершенное не-Греко-Россійскимъ. Но какъ послѣднее было бы прямо противъ каноническихъ основаній, то и первое утверждать сомнительно и опасно, чтобы не быть въ противорѣчіи съ правилами и съ самимъ собою. Чтò не сказано сегодня, то еще можно сказать завтра, если точно понадобится. Но чтò сказано невпопадъ, то трудно поправлять иногда и частному человѣку, кольми паче присутственному мѣсту, и притомъ высшему.

Къ счастію, насъ не о томъ теперь спрашиваютъ. Скажемъ на вопросъ и не будемъ придумывать сверхъ онаго.

Положимъ, что какой нибудь морякъ, принужденный зимовать въ иностранномъ портѣ, вступилъ тамъ въ бракъ съ иностранкою и родилъ сына прежде, нежели успѣлъ добраться до Россіи и до Греко-Россійскаго священника. Если бракъ недѣйствительный, то и сынъ незаконный. Нравится ли вамъ сіе послѣдствіе?

Если Св. Синодъ произнесетъ столь рѣшительное отверженіе на инославные браки, развѣ не въ правѣ всѣ духовныя начальства всѣхъ иностранныхъ исповѣданій, вездѣ, гдѣ узнаютъ наше рѣшеніе, отвѣчать, хотя для забавы, своимъ опредѣленіемъ—не признавать браковъ, вѣнчанныхъ Греко-Россійскими священниками?

Возобновляю мое мнѣніе: ограничиться рѣшеніемъ предложеннаго вопроса и отложить сужденіе о статьѣ, которая здѣсь прибылая.

Февраля 18-го 1833.

*

Это письмо очень важно для характеристики церковно-политическихъ воззрѣній м. Филарета и для правильной оцѣнки истинно-православнаго отношенія къ иностраннымъ церквамъ.

Мнѣніе Филарета о бракахъ, совершаемыхъ инославнымъ духовенствомъ надъ православнымъ и иновѣрнымъ, долго, кажется, не было извѣстно. Можно думать, что онъ его не повторялъ. Стóитъ продолжить поставленную имъ аргументацію, чтобы видѣть, какъ далеко она поведетъ. Если таинство брака, совершенное не-Греко-Россійскимъ священникомъ, Св. Синодъ признаетъ недѣйствительнымъ, то ему надобно недѣйствительнымъ признать и таинство крещенія, совершенное не-Греко-Россійскимъ. Но какъ послѣднее было бы прямо противъ каноническихъ постановленій, то и первое утверждать сомнительно. Пойдемъ далѣе. Если таинство крещенія, совершенное инославнымъ священникомъ, правильно, то и таинство причащенія совершенное имъ же должно признать правильнымъ и для православнаго; и таинство рукоположенія, совершенное папою или католикосомъ Армянскимъ надъ православнымъ, тоже должно быть признаваемо правильнымъ. Можетъ быть, въ мысли Филарета лежитъ глубокое прозрѣніе на способъ рѣшенія вопроса о соединеніи церквей; но противъ него многое стоитъ въ исторіи и каноникѣ церковной. Къ счастію, прибавляетъ Филаретъ, насъ не о томъ спрашиваютъ. Потому думается, что онъ только указалъ на опасность регламентировать одинъ вопросъ, чтобы не дать повода поднять другіе вопросы; однакоже далѣе самъ онъ на примѣрѣ моряка показываетъ необходимость признанія законнымъ бракъ, совершенный инославнымъ священникомъ. Какъ это, такъ и 9 письмо касается той стороны браковъ, которая опредѣляетъ гражданскія права брачущихся. Рѣшеніе этихъ вопросовъ—дѣло законодательной власти, но вмѣстѣ затрогиваетъ церковные каноны и православную догматику. Филаретъ не вошелъ подробнѣе и обстоятельнѣе въ обсужденіе вопроса о смѣшанныхъ бракахъ и рѣшилъ, отложивъ сужденіе, исключить изъ протокола.

9.

Благодарю вашему превосходительству за добрую вѣсть о высочайшей милости благотворительному старостѣ.

Ученика Максимова, конечно, довольно было бы исключить изъ училищнаго въ епархіальное вѣдомство, когда бы еще теперь предле-

жало сіе дѣлать. Но когда онъ уже исключенъ изъ духовнаго званія, то обратить его вспять и неудобно (ибо, можетъ быть, о немъ уже сдѣлано распоряженіе), и отяготительно для епархіальнаго начальства, которому онъ противъ его воли сядетъ на шею. Впрочемъ характеръ его не обѣщаетъ добраго; несправедливости же ему не сдѣлано, какъ худо замѣченному еще прежде въ ревизіи. Въ Пермской семинаріи гнѣздится духъ непокорности, которому не надобно давать повода проявляться.

О бракахъ единовѣрныхъ разноподданныхъ, право, не знаю чтò сказать. Если смотрѣть на сіи случаи въ столицахъ, кажется, нѣтъ бѣды согласиться на то, чтò сказано въ протоколѣ; но представьте пограничную мѣщанку или крестьянку, выданную замужъ за границу или взятую изъ за границы. Если ей не любо, она уходитъ за границу; если она не нравится, ее выгоняютъ. Извольте искать суда въ другомъ государствѣ или производить бракоразводное дѣло въ двухъ государствахъ. Да и то хорошо ли, чтобы духовенство безъ вѣдома Государя могло разрѣшать замужество Русской, напримѣръ, помѣщицы съ Грекомъ, съ которымъ она въ Греческомъ царствѣ будетъ проживать Русское достояніе? Кажется, лучше исключить и сію статью изъ протокола.

Марта 8-го 1833.

10.

Записка, объясняющая и защищающая прежнее положеніе Св. Синода, вообще по моему мнѣнію, удовлетворительна.

Вотъ чтò нужнымъ нахожу сказать на нѣкоторыя мѣста ея.

Въ защищеніе предположенія о переселеніи семействъ надобно бы сказать между прочимъ, что Синодъ не полагалъ посылать семейства непремѣнно, а сказалъ о женахъ, ежели пожелаютъ, разумѣя и о дѣтяхъ, ежели пожелаютъ родители.

Третіе правило Вселенскаго Собора оговорено, по моему мнѣнію, не такъ, какъ должно; ибо оно даетъ видъ, будто до сего собора двоеженство священниковъ было дѣло обыкновенное и позволенное. Это не правда. Оно не позволено съ тѣхъ поръ, какъ написалъ Апостолъ: *единыя жены мужу*. Во время упадка нравственности въ духовенствѣ, нѣкоторые осмѣлились подать худой примѣръ, можетъ быть, перетолковывая слова Апостола или просто забывая ихъ; а въ худыя времена худой примѣръ легко находитъ подражателей, изъ коихъ нѣкоторые, болѣе по неразумію, нежели по насилію совѣсти, увлекаются примѣрами людей болѣе значущихъ въ обществѣ. Вотъ почему собору надлежало смотрѣть на безпорядокъ не со всею строгостію, доколѣ порядокъ не возстановится лучше прежняго. Собору надобно было

употребить снисхожденіе, чтобы строгостью не возбудить упорства и не испортить дѣла исправленія: ибо могло статься, что въ самомъ соборѣ были нѣкоторые виноватые пресвитеры.

Но противъ того, кто привелъ сіе правило, какъ образецъ умѣренности, надобно сказать:

Вопервыхъ, что соборныя правила никогда не приговариваютъ ни къ чему болѣе, какъ изверженію изъ сана; ибо назначеніе гражданскихъ наказаній не есть дѣло церкви.

Вовторыхъ, что преступленіе второженства въ священникѣ не есть изъ самыхъ тяжкихъ преступленій. Оно есть важное преступленіе противъ сана, потому и наказывается изверженіемъ; но это не есть преступленіе противъ общей нравственности, ибо христіянамъ второй бракъ позволенъ. Потому нѣтъ нужды прибѣгать еще къ гражданскому наказанію.

Вотъ все, чтò мнѣ показалось нужнымъ сказать по прочтеніи бумагъ, при семъ возвращаемыхъ.

Марта 28-го 1833.

Пришло на мысль сказать, что нужно, дабы порядочно просмòтрѣнъ былъ указъ о нотномъ пѣніи, дабы поправка прежняго не была съ ошибкою новаго. Чтò у меня сказано относительно соблазна для раскольниковъ, не должно быть въ указѣ. Такія вещи надобно говорить въ храмѣ, а не на кровѣхъ.

11.

Теперь уже надобно сказать: кругомъ виноватъ! Не знаю, зачѣмъ и какъ остался у меня прилагаемый протоколъ. Чтобы поправить медленность, я подписалъ уже исправленную резолюцію.

Возвращаю еще двѣ бумаги о Калмыкахъ.

Право, не знаю, чтó тутъ дѣлать. Замѣтилъ я въ реестрѣ одного одинадцатилѣтняго сироту; не согласится ли онъ пойдти, а преосвященный взять его на воспитаніе или въ училище, или еще бы лучше въ домъ къ просвѣщенному и богобоязненному священнику? А что крещенные не удовлетворяются въ правахъ гражданскихъ, о томъ надобно бы имѣть князю Петру Сергѣевичу *) или отъ нихъ просьбу, или отъ преосвященнаго отношеніе, чтобы можно было предпринять что нибудь правильнѣе, нежели по бумагѣ посторонняго человѣка.

Марта 29-го, послѣ повечерія. 1833.

---

*) Мещерскому, тогдашнему оберъ-прокурору Св. Синода; его въ этомъ году замѣстилъ С. Д. Нечаевъ. П. Б.

12.

Моя теорія ученыхъ степеней и по духовнымъ училищамъ есть слѣдующая:

Ученіе собственно духовное не оцѣнивается чиномъ гражданскимъ.

Государство, какъ въ свѣтскихъ, такъ и въ духовныхъ училищахъ, чинами отличаетъ ученость полезную въ государственной службѣ.

Степень доктора богословія.....*) духовная, и потому право ея есть только докторскій крестъ, который свѣтскому не годится.

Предполагается, что и въ низшихъ степеняхъ, по характеру духовныхъ училищъ, стараются усиливать познанія духовныя преимущественно. Степень магистра означаетъ вообще отлично успѣвшаго въ наукахъ, и потому нѣтъ никакой несообразности, если права ея сохраняетъ сложившій съ себя духовный санъ.

Степень кандидата богословія означаетъ того, кто выше студента по успѣхамъ въ наукахъ духовныхъ. Если онъ вступаетъ въ училищную службу, гдѣ естественно совершенствуется въ предметахъ, которымъ учитъ, то какъ познанія, такъ и права его...... сравниваются съ правами университетскаго кандидата. Но если кандидатъ богословія сдѣлался священникомъ, то онъ поставилъ себя въ тѣснѣйшій кругъ своего кандидатства и не имѣетъ повода усовершаться въ наукахъ общихъ; потому, когда выпадетъ изъ сего круга, не можетъ сравниться съ кандидатомъ университетскимъ.

Студентъ духовныхъ училищъ по всей вѣроятности знаетъ столько изъ общихъ наукъ, сколько студентъ университетскій, потому во всякомъ случаѣ можетъ пользоваться подобнымъ правомъ.

—

И Виленскую губернію присоединить къ новой—мѣстныхъ причинъ не видно. Развѣ потому сіе сдѣлать, что оторвать по лоскуту мантіи у трехъ архіереевъ менѣе обидно, нежели у одного или двухъ?

Марта 30-го 1833.

*

По вопросу о гражданскихъ правахъ лицъ, получившихъ образованіе въ духовныхъ училищахъ и вышедшихъ изъ духовной службы, мнѣніе Филарета вошло въ законодательство не въ томъ видѣ, какъ думалъ онъ (Свод. Зак. т. IX, ст. 270). До штатовъ Академій 1867 г. степень доктора богословія могли получать только лица имѣющія духовный санъ епископа, архимандрита, протоіерея.

---

*) Точками здѣсь и ниже означено истлѣвшее въ подлинныхъ письмахъ. П. Б.

13.

Не излишнимъ почитаю напомнить вашему превосходительству, не признаете ли за нужное помѣстить въ отношеніи къ преосвященному Нижегородскому, чтобы, снабдивъ архимандрита Платона прогонными деньгами, заимообразно взятыми изъ суммъ въ распоряженіи преосвященнаго находящихся, велѣть ему слѣдовать въ Петербургъ немедленно и по прибытіи явиться къ первенствующему члену Св. Синода? Непомѣщеніе сихъ обстоятельствъ можетъ подать поводъ къ медленности, къ которой Платонъ сдѣлался наклоненъ. Сдавъ инспекторскую должность 27-го Марта, онъ не приступалъ къ сдачѣ монастыря до 19 или 20 Апрѣля, ѣздя въ сіе время то въ Москву, то въ Лавру неизвѣстно зачѣмъ.

Мая 3 го 1833.
Семь часовъ утра.

14.

По дѣлу о Платонѣ приходитъ мнѣ раздумье, котораго не могу скрыть отъ вашего превосходительства.

Не произошло бы непредвидѣннаго затрудненія изъ того, что дѣло, которымъ Государь Императоръ нѣкоторымъ образомъ затруднялся, но которое уже почитаетъ рѣшеннымъ, вновь вступитъ къ Его Величеству? Кажется, лучше бы не затруднять Государя.

Коммиссія Д. У. увидитъ послѣдствія сего дѣла, намекающія о началѣ. Пріѣздъ Платона не совсѣмъ скроется. Слѣдственно совершенной безвѣстности тутъ быть не можетъ.

Противъ гласности канцеляріи вотъ средство. Предложеніе, которое готово, вы могли бы показать только лично членамъ Синода и по ихъ мнѣнію велѣли бы заготовить журналъ у васъ и, по подписаніи членами, оставили бы его у себя при дѣлѣ. Такъ Синодская канцелярія не знала бы ничего; число знающихъ членовъ сверхъ тѣхъ, коимъ дается порученіе, увеличилось бы двумя или тремя: гласность незначительная. И въ случаѣ надобности легко было бы вновь сдѣлать подобный журналъ. Вашъ писецъ, писавшій предложеніе, уже знаетъ то, что журналъ будетъ; да и въ случаѣ доклада Государю равно знать будетъ.

Мая 5-го 1833.

*

Письма 13, 14 и далѣе 16-е касаются Платона, инспектора Московской Академіи. Вотъ біографическія свѣдѣнія о немъ изъ Исторіи Московской Духовной Академіи. Платонъ Казанскій, магистръ Московской Академіи (въ мірѣ Петръ), урожденецъ Ярославскій. По окончаніи академическаго курса былъ въ Ярославлѣ профессоромъ семинаріи, ректоромъ духовныхъ училищъ и священникомъ каѳедральнаго собора въ Ярославлѣ. Овдовѣвъ пострижень въ монашество и перемѣщенъ въ 1829 году на должность баккалавра Академіи. Инспекторомъ Академіи опредѣленъ въ 1831 г. Въ Мартѣ 1833 г. перемѣщенъ на должность ректора въ Нижегородскую семинарію. Причиною удаленія его изъ Академіи были сношенія его съ полковникомъ Дубовицкимъ, принадлежавшимъ къ сектѣ Татариновой, которому онъ ввѣрилъ дѣтей своихъ на воспитаніе. Не смотря на предостереженія со стороны митрополита и на требованіе прекратить всякую связь съ Дубовицкимъ, Платонъ, вопреки данному обѣщанію, продолжалъ имѣть съ нимъ личныя сношенія, о чемъ сдѣлалось извѣстно въ Петербургѣ, и Платонъ сосланъ былъ въ Нижній Новгородъ. Въ 1837 г. онъ уволенъ отъ службы при семинаріи и назначенъ настоятелемъ Торжковскаго Борисоглѣбскаго монастыря, въ 1840 г. переведенъ въ Тверской Отрочь монастырь, въ 1848 г. въ Тверской Жолтиковъ, гдѣ и скончался въ 1865 году.

15.

Дѣло, о которомъ хочу говорить вашему превосходительству, побудило меня быть сего утра у васъ; но нѣсколько недомогаю.

Андрей Николаевичъ *) открылся мнѣ, что онъ въ большомъ смущеніи отъ назначенія его въ какой-то счетный комитетъ. Нѣкоторыя причины смущенія его я опровергаю, напримѣръ ту, что онъ будетъ ученикомъ между сочленами: я говорю, что въ семъ случаѣ нужно только смириться, а не отказываться. Но вотъ одна причина, которая не совсѣмъ подлежитъ опроверженію: по неопытности въ счетныхъ дѣлахъ и по незнанію законовъ, сюда относящихся, онъ можетъ подписать то, за что̀ непріятно будетъ отвѣчать. Итакъ, онъ имѣетъ, по моему мнѣнію, невинную причину опасаться и уклоняться, и я вижу, что уклоненіе сіе можетъ выразиться дѣйствіями очень рѣшительными. Если такимъ образомъ при первой встрѣчѣ не достанетъ единства между вами, не труднѣе ли будетъ достигать онаго послѣ? Случай сей произведетъ много сужденій, которыя, по моему мнѣнію, гораздо лучше предупредить. Трудно угадать, какимъ окомъ взглянетъ на сіе Государь Императоръ, сказавшій, что Муравьевъ не будетъ занимаемъ сухими

*) Получившій позднѣе большую извѣстность А. Н. Муравьевъ, служившій тогда въ Св. Синодѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ. П. Б.

дѣлами, по крайней мѣрѣ на первый разъ. Для васъ и для него, и для возлюбленнаго мира молилъ бы я васъ какъ нибудь избавить его отъ сего затрудненія. Оберъ-секретарь, старшій по чину, кажется, могъ бы замѣнить его въ семъ порученіи.

Сдѣлайте милость, примите въ мирѣ сіе ходатайство, къ которому ничто не побуждаетъ меня, кромѣ желанія мира полнаго и непоколебимаго.

Маія 10-го 1833.

16.

Скорѣе успѣваю сказать вамъ, нежели донести Св. Синоду, что я благополучно возвратился въ Москву 19-го дня. 20-го день святителя Алексѣя и 21-го день Святыя Троицы, благодареніе Богу, праздновалъ съ Московскою церковію.

Въ Субботу явился ко мнѣ пререкаемый архимандритъ Платонъ и спрашивалъ, можетъ ли онъ промедлить сутки, чтобы помѣстить дѣтей, которыхъ полиція взяла отъ г. Дубовицкаго и почти противъ воли отдала одному священнику, потому только, что онъ, какъ и Платонъ, происхожденіемъ изъ Ярославля. Я отвѣчалъ, что не имѣю власти рѣшить сего, но только объявляю ему мнѣніе, что сія причина умедленія законна и, безъ сомнѣнія, будетъ уважена.

Въ Воскресенье былъ онъ у меня въ другой разъ. Теперь открылось, что его дѣти еще въ Генварѣ взяты были полиціею и допрашиваемы о сношеніяхъ съ г. Дубовицкимъ. Слѣдственно дѣло сіе началось прежде, нежели у насъ, и Московское епархіальное начальство дѣйствованіемъ своимъ въ Мартѣ и Апрѣлѣ только что предохранило свое вѣдомство отъ нареканія потворства или оплошности.

Я старался обратить вниманіе Платона на то, чтобы онъ различилъ вѣрность истинѣ и Христу отъ личной привязанности къ Павлу или Апполосу; взвѣсилъ обѣты, данные имъ при вступленіи въ монашество и рукоположеніи въ священство, съ произвольнымъ послѣ того подчиненіемъ себя одному человѣку, котораго направленіе по меньшей мѣрѣ недовольно извѣстно и пр. Годятся ли къ чему мои слова, вы увидите. Впрочемъ, въ Платонѣ нѣтъ энтузіазма неспокойнаго.

Признаюсь, всматриваясь въ его положеніе и дѣтей его, съ горестію думаю я, что̀ будетъ далѣе. Если теперь же возмутъ у Платона и монастырь, то онъ и дѣти его будутъ вовсе безпомощны. Потому мнѣ кажется, правдѣ не будетъ противно, а съ человѣколюбіемъ сообразно не отнимать у него монастыря теперь. Государь сего не сказалъ. Вліяніе на училища болѣе требуетъ предосторожности, нежели на монастырь. Новый ректоръ можетъ побыть архимандритомъ

безъ монастыря. Можетъ быть, отвѣты Платона дадутъ возможность оставить его настоятелемъ; лучше не отнимать у него сего заранѣе.

Часъ почты не позволяетъ мнѣ писать болѣе. Благословеніе и храненіе Божіе вамъ и семейству вашему призываю.

Маія 22-го 1833.

17.

Возвращаю вашему превосходительству записку и проектъ возглашенія о Финской азбукѣ. Признаюсь, и то, и другое мнѣ не по мысли. Мнѣ кажется напрасно сочинитель удивляется Финляндской свободѣ. Въ возглашеніи неловко говорить болѣе одного раза, что начальство не хочетъ отвести отъ вѣры. На что подавать мысль о семъ подозрѣніи, котораго безъ сомнѣнія не имѣютъ? Азбука очень можетъ придти просто и смиренно, не предшествуемая герольдомъ возглашенія. Финны и Корелы сами догадаются, зачѣмъ она пришла.

И я сей отвѣтъ представляю на предразсмотрѣніе вашего превосходительства.

Маія 30-го 1833.

Желаю, чтобы и полусельское уединеніе ваше было благопріятно вашему здравію и благопомощно духу въ его высшей дѣятельности.

Уніятскій митрополитъ не предложитъ дома Полоцкому епископу? Но сію мысль слышалъ я изъ устъ Е. И. В. 14-го дня сего мѣсяца. Представляю сіе къ соображенію вашему, не возражая впрочемъ противъ вашего распоряженія. Радуюсь, что мысль о оберъ-священникѣ и владыкѣ *) понравилась. О случаяхъ полезныхъ для преосвященныхъ Подольскаго и Волынскаго съ удовольствіемъ слышу.

Поелику Андрей Николаевичъ противъ моихъ увѣщаній упорно хотѣлъ сказаться больнымъ и сдѣлать два грѣха—непослушаніе и ложь, то милосердый Богъ захотѣлъ избавить его хотя отъ одного и послалъ ему болѣзнь истинную. Желаю, чтобы Богъ уврачевалъ его отъ болѣзни, давъ ему въ ней врачевство душевное.

Непонятная Юрьевская мудрость. Если о. Ф. и по наставленію графини рѣшился благословить васъ образомъ, на что было провозглашать ея наставленіе? Бывъ въ Новѣгородѣ, я его не видалъ и слышалъ только то, что Фотинія была у него въ праздникъ Святаго Георгія и что губернаторъ донесъ о томъ.

Представляю вашему превосходительству письмо преосвященнаго Иркутскаго какъ для усмотрѣнія труднаго его положенія вообще, такъ въ особенности, дабы вы благоволили обратить вниманіе на нѣкоторые предметы, на кои онъ ожидаетъ разрѣшенія.

О себѣ доношу, что я началъ лѣчиться, чему не благопріятствуетъ возобновившаяся сырая и холоднан погода.

*) Т. е. Петербургскому митрополиту Серафиму. П. Б.

*

Фотинья — загадочная личность, которой назначено было жить въ Переяславлѣ Залѣсскомъ въ женскомъ монастырѣ; но она не была монахиней и ходила не по монашески, а роскошно по тогдашнему. Отношенія ея къ извѣстному Фотію, Юрьевскому архимандриту, были причиною удаленія ея изъ Новгорода. См. подробности въ статьѣ П. С. Казанскаго, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 г. стр. 893.

18.

О новомъ присутствующемъ..... радуюсь; а о томъ жалѣю, что преосвященный Смарагдъ все еще нежелаемымъ образомъ уставляетъ себя на своемъ мѣстѣ.

Чтобы вамъ поселиться при Синодѣ для ближайшаго дѣйствованія на канцелярію, и по моему мнѣнію хорошо. Только мнѣ кажется, докладъ о семъ надобно сдѣлать съ осмотрительностію, чтобы не встрѣтиться съ чужими проектами.

Роскоши Сената Синодъ можетъ и не подражать, какъ мнѣ кажется. Впрочемъ какъ знаете.... А и это на роскошь походитъ, что въ одномъ домѣ двѣ домовыхъ церкви, особенно если при томъ и два священника. Въ Петербургѣ содержаніе причта становится недешево *). Когда нужно, Синодская церковь, кажется, можетъ имѣть служащихъ изъ Лавры и изъ приходскихъ, остающихся за чередою. Впрочемъ какъ угодно.

Добрый о. Гермогенъ точно добръ; но едва ли можетъ быть добрымъ Пермскимъ викаріемъ. Погрузясь въ простоту, онъ не имѣетъ напряженія, нужнаго для дѣла по вѣку сему. Случилось напримѣръ, что Симоновскій архимандритъ, примѣтивъ безпорядокъ у него по келіи, прикомандировалъ ему новаго келейника и возстановилъ у него порядокъ. Поставьте на мѣсто келіи консисторію или духовное правленіе Екатеринбургское, и подумайте, кого бы тамъ поставить на мѣсто Симоновскаго архимандрита.

Радуюсь, что архимандритъ Платонъ выпутывается въ Петербургѣ; но боюсь, чтобы вновь не запутался онъ въ Москвѣ. Игуменія монастыря, въ которомъ помѣщены его дочери, сказываетъ, что онѣ начинаютъ говорить о какомъ-то круженіи и о притѣсненіяхъ, которыми приводили ихъ къ духовной жизни, и говорятъ сіе не намъ съ игуменьею, а чиновнику, который ихъ спрашиваетъ.

Представилъ я Св. Синоду объ оставшихся отъ устроенія Саввина монастыря деньгахъ, чтобы обратить ихъ на внутреннее устрой-

*) Зданія Синода и Сената находятся рядомъ, противъ памятника Петру Великому въ Петербургѣ; въ каждомъ особая церковь. П. Б.

ство соборной тамошней церкви. Въ дополненіе къ сему скажу, что если дадите, хорошо; а если не дадите, я не посѣтую. Послѣдніе Савинскіе настоятели поступали безъ сомнѣнія лучше прежнихъ; но я не слишкомъ одобрялъ покупку колоколовъ и устроеніе серебряныхъ царскихъ вратъ. Деньги, на сіе употребленныя, могли бы идти на то, на что̀ теперь просятъ казенныхъ.

Простите, что не скорѣе пишу: лѣченіе и жаркое лѣто ослабляютъ нѣсколько силы; а дѣла достало бы, еслибы и во снѣ дѣлать оное.

Если прибытіе Великой Княгини [1]), ожидаемое нынѣ или завтра, не запутаетъ меня, думаю къ Петрову дни удалиться изъ Москвы, чтобы въ сей праздникъ освящать въ Хотьковѣ монастырѣ, вѣроятно, первый еще на свѣтѣ храмъ во имя святителя Митрофана, а въ слѣдующій день быть на испытаніи въ Академіи.

Іюня 24-го 1833.

*

Гермогенъ Сперанскій былъ инспекторомъ Академіи Московской, потомъ уволенъ отъ ученой службы и сдѣланъ настоятелемъ Андроньевскаго монастыря, гдѣ и скончался 1845 г.; онъ отличался простотою и особенною добротою. Оберъ-прокуроръ могъ на него обратить вниманіе, потому что въ 1832 г. онъ былъ назначенъ въ коммиссію для свидѣтельствованія мощей св. Митрофанія.

19

Надлежало бы мнѣ ранѣе писать къ вашему превосходительству, чего требовали и предметы, о коихъ я долженъ вамъ отвѣтствовать; но не могу довольно овладѣть временемъ. Двѣ недѣли провелъ въ Лаврѣ и думалъ оттуда удобнѣе написать, для чего и бумаги, отъ васъ полученныя, были тамъ со мною; но одну недѣлю былъ очень занятъ, а въ другую за простудою глаза не могъ почти писать безвредно.

О нашемъ исповѣданіи въ Польшѣ не могъ еще я говорить съ Успенскимъ протопресвитеромъ по его болѣзни [2]). Теперь онъ началъ выходить изъ дома, и я поговорю съ нимъ и увѣдомлю о послѣдствіи.

Касательно православныхъ браковъ, вѣнчаемыхъ Унитами, общему правилу слѣдовать побуждаютъ слѣдующія причины: 1) Въ Унію входятъ не для того, чтобы состоять въ единствѣ съ восточною и съ

---

[1]) Елены Павловны, пріѣзжавшей въ Москву для пользованія искусственными минеральными водами, въ новомъ тогда заведеніи ихъ на Остоженкѣ, гдѣ у супруга ея былъ особый дворецъ (на мѣстѣ нынѣшняго Катковскаго Лицея). П. Б.

[2]) Этотъ протопресвитеръ, если не ошибаемся, отецъ Никольскій (ученый эллинистъ, издавшій въ Москвѣ Библію на Греческомъ языкѣ), по негласному повелѣнію Николая Павловича, ѣздилъ въ Польшу осматривать, въ какомъ положеніи тамошніе православные храмы. П. Б.

западною церковью, но чтобы соединиться съ западною и отторгнуться отъ восточной; слѣдственно церковное дѣйствіе, не уважаемое въ западныхъ, справедливо и сообразно не уважать и въ Унитахъ. 2) Уважать бракъ Унитскаго священника, и при томъ преимущественно предъ бракомъ священника Римскаго, значитъ дать оружіе прозелитизму Унитскаго духовенства, и теперь крайнему. Но и то правда, что мысль обращать Унитовъ къ примиренію съ Православіемъ побуждаетъ къ возможному снисхожденію. По симъ уваженіямъ написалъ я и приложилъ къ возвращаемому при семъ протоколу часть новой резолюціи. Увеличить снисхожденіе болѣе сего, по моему мнѣнію, будетъ вредно, между прочимъ потому, что правомъ Унитовъ воспользуются Католики и будутъ посылать свои браки въ Унитскія церкви, и такимъ образомъ высочайшее повелѣніе останется почти бездѣйственнымъ.

№ 178.
Москва. Іюля 17-го 1833.

20.

Что единовѣрческой Псалтири позволите менѣе просимаго числа напечатать, въ томъ для меня никакой заботы нѣтъ. Можетъ быть, и не излишна въ семъ осторожность владыки.

Главное Управленіе неосмотрительно говоритъ, что Евангеліе равно принадлежитъ всѣмъ вѣроисповѣданіямъ. Текстъ Вульгаты принадлежитъ особенно Римскому и не уважается Евангелическимъ, и такъ далѣе. Но мнѣ кажется, зачѣмъ отказываться отъ цензуры, когда ее предлагаютъ? Въ уставѣ цензура духовная освобождена отъ разсмотрѣнія Нѣмецкаго Евангелія для того, чтобы Лютеране могли печатать свой переводъ, не стѣсняясь нашею цензурою, и чтобы наша цензура не была принуждена пропускать то, что̀ не въ духѣ нашего исповѣданія. Если же не только никому нѣтъ стѣсненія, но сами добровольно просятъ цензуры: зачѣмъ отказываться? Зачѣмъ опускать случай освидѣтельствовать изданіе и предохранить отъ нечистоты?

*

Не легкаго для цензуры и не пріятнаго для Лютеранъ желалъ Филаретъ, соглашаясь допустить цензуру Лютерова перевода Евангелій. У Лютера нѣтъ словъ Kirche (церковь), а оно замѣняется словомъ Gemeinde (община), а въ этомъ большая разница.

21.

Представляю вашему превосходительству записку о. протопресвитера о православныхъ церквахъ въ Польшѣ. Чтобы судить по сему рѣшительнѣе, надобно дождаться конца нынѣшняго осмотра. На словахъ прибавилъ онъ достойное памяти о церкви Варшавской, что Греки

купили домъ, котораго значительными доходами, подъ именемъ церковнаго дома, пользуются невѣдомо какъ, и что изъ сего можно бы сдѣлать болѣе полезное для церкви употребленіе.

О архіепископѣ Іероѳеѣ, посылаемомъ отъ патріарха, здѣсь извѣстно только, что его ожидали въ Таганрогъ. Греческій архимандритъ думаетъ, что онъ можетъ проѣхать въ Петербургъ мимо Москвы, иначе предварительно написалъ бы въ Москву о приготовленіи квартиры. На случай пріѣзда его я поручилъ архимандриту подать ему мысль не спѣшить въ Петербургъ, пока лучше узнается, не отбудетъ ли Государь Императоръ изъ Петербурга и не изволитъ ли быть въ Москвѣ.

№ 187.
Іюля 29-го 1833.

Греческій архимандритъ, которому предстоитъ смѣна, проситъ ускоренія рѣшенія Св. Синода, по представленію Цензурнаго Комитета о напечатаніи Греческаго молитвенника.

22.

Есть отъ Московской Академіи представленіе о пенсіи академическому врачу, который, какъ вранъ на тѣло, кинулся на новый о семъ законъ. Вѣроятно вы скажете, что законъ относится до военныхъ и гражданскихъ врачей, получающихъ жалованье изъ Государственнаго Казначейства; а Комиссіи Д. У. не изъ чего уплатить двойное врачу жалованье. Я никакъ не буду спорить противъ сего рѣшенія. Врачъ нашъ получаетъ жалованье отъ Академіи, отъ Семинаріи, отъ Лавры; если дадите двойное, то онъ захочетъ получить шесть окладовъ. Заслуженные профессоры для насъ важнѣе врача; но и тѣмъ не положено у насъ двойнаго жалованья, какъ въ университетахъ.

Представлено отъ насъ о учредителѣ дома призрѣнія при нашемъ попечительствѣ, Димитріи Петровичѣ Горихвостовѣ. Многопокорнѣйше и усерднѣйше прошу ознаменовать благодарность нашу къ сему щедрому благодѣтелю нашихъ бѣдныхъ. По истинѣ, по сравненію съ другими, онъ весьма достоинъ креста святаго Владимира 4-й степени. Онъ продолжаетъ пещись о семъ заведеніи и если утѣшенъ будетъ вниманіемъ Государя Императора, то усердіе его получитъ новое побужденіе.

Позвольте представить вашему превосходительству мою мысль по случаю указа о допущеніи повѣреннаго по бракоразводному дѣлу Волкова. До сихъ поръ въ Московской Консисторіи по дѣламъ сего рода былъ всегда личный судъ. Синодъ сіе видѣлъ не разъ и не измѣнялъ сего; сіе было хорошо для честнаго производства сихъ дѣлъ. Теперь повѣренный и у насъ будетъ говорить такую безстыдную ложь

и представлять такихъ дешевыхъ свидѣтелей, какъ въ Петербургской Консисторіи.

Комитета о бракахъ боюсь. Одинъ членъ духоввый и три свѣтскихъ что̀ сдѣлаютъ? И не скажутъ ли, что свѣтскія лица сдѣлались законодателями для тѣхъ духовныхъ? Вы не прогнѣваетесь, что я васъ полагаю въ числѣ свѣтскихъ. Многіе встрѣчаютъ по одеждѣ. Притомъ и по назначенію вашему вы стражъ власти государственной за духовною.

Не требуетъ прощенія та ревность, по которой вы хотите подкрѣпить себя въ подвигѣ службы вспомогательными силами. Что̀ касается до меня, желаю лучше отступать, нежели укрѣпляться.

Парижскій говоритъ, что недопродажа вина можетъ случиться у честнаго чиновника и даже скорѣе, нежели у нечестнаго. Мнѣ кажется это справедливо. А впрочемъ что̀ онъ принялъ по должности въ свое вѣдѣніе, то сдалъ въ исправности. У меня другой годъ онъ ведетъ себя благородно. Впрочемъ сіе говорю только для того, чтобы ваше превосходительство могли усмотрѣть, что на нынѣшнемъ мѣстѣ можетъ онъ оставаться безъ соблазна. Бумаги о немъ возвращаю.

Теперь вопросъ: что̀ мнѣ дѣлать съ моимъ Сентябрьскимъ срокомъ? Увѣрительно говорятъ здѣсь, что надобно ожидать въ Москву Государя Императора въ концѣ Сентября или въ Октябрѣ. Покорнѣйше прошу на сіе недоумѣніе сказать мнѣ полезное слово.

№ 216.
Августа 18-го 1833.

23.

Представляю вашему превосходительству Подольское дѣло съ протоколомъ о совращеніяхъ въ Католицизмъ. Тутъ много жалобъ и воплей, неизвѣстно на кого; много разнородныхъ предметовъ, большею частію неопредѣленныхъ потребными обстоятельствами. Потому трудно развязаться съ симъ дѣломъ.

Я начертилъ новый проектъ резолюціи. Посмотрите, не много ли я намудровалъ.

Если что̀ изъ протокольной резолюціи мною пропущено, то это такіе предметы, о коихъ нельзя говорить безъ опасности быть опровергнуту. Напримѣръ, тутъ полагается требовать, чтобы ксендзы не были управителями имѣній; но изъ бумагъ преосвященнаго я не умѣлъ видѣть, есть ли тамъ ксендзы-управители, а вѣроятно онъ говоритъ о ксендзахъ-помѣщикахъ и ксендзахъ-пролазахъ у помѣщиковъ. Еще говорится, чтобы не строить костеловъ подлѣ церквей по указу 1819 г.; но преосвященный не говоритъ, гдѣ такіе костелы построены, и послѣ

ли указа. На наше требованіе могутъ сказать: нечего запрещать, сего не бывало, костелы построены до указа. Вотъ почему я требую въ заключеніи резолюціи, чтобы преосвященный писалъ толкомъ, опредѣленно.

Окт. 3-го 1833.

24.

Въ каноническомъ правѣ Западномъ, Римскомъ и Протестантскомъ есть постановленіе, чтобы доходъ одного или нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ вакантнаго мѣста отдавать сиротствующему семейству занимавшаго мѣсто, и если сиротъ нѣтъ, то употреблять на человѣколюбивое дѣло по усмотрѣнію епископа. Неужели это худо?

Посмотрите проектъ правилъ о семъ предметѣ, при семъ прилагаемый. Мнѣ кажется, онъ разрѣшилъ бы дѣло съ удобностію и съ пользою для попечительствъ, большею частію бѣдныхъ.

—

Представляю записки на Посланіе къ Ефесеямъ. По моему мнѣнію, сочинитель достоинъ степени доктора, а записки напечатанія. Онѣ слишкомъ отрывны для обыкновеннаго читателя, но для занимающагося Герменевтикою и удобны, и полезны.

—

Въ Синодѣ не могъ я быть по немощи: и дома немного могу сдѣлать.

Окт. 8-го 1833.

25.

На предложеніе о награжденіи г. Пономарева я согласенъ, по пристрастію къ сему человѣку, достойному уваженія. Но, разсматривая предложеніе сіе вообще, не могу не представить особыхъ мыслей. Награды церковнымъ старостамъ установлены тогда, когда установленъ свѣчной сборъ. Посему очевидно, что онѣ установлены для поощренія сего сбора, хотя того ясно и не сказано. Извѣстно, что крадутъ свѣчныя деньги и перекладываютъ въ кошельковыя. Теперь мы говоримъ: «мало свѣчныхъ денегъ; отказать въ наградѣ». Слыша сіе, старосты побуждаются беречь свѣчныя деньги. Если вы скажете: «давать награды, не смотря на свѣчныя деньги», украдутъ сіи деньги почти до конца и возмутъ награду за кошельковыя. По сему мнѣ кажется лучше, чтобы ваше превосходительство словесно предложили наградить г. Пономарева, а не давали для него одного общаго предложенія, отъ котораго послѣдствія могутъ быть нежелаемыя.

Позвольте еще сказать слово. Остатки кладбищенскихъ денегъ принадлежатъ духовному попечительству. Г. Пономаревъ накопилъ 200 т. рублей, а попечительству не далъ ни копейки. Еслибы онъ хотя десятую долю сей суммы отдалъ попечительству, я согласился бы на его награду по справедливости, а не по пристрастiю.

Будьте великодушны къ частымъ моимъ возраженiямъ. И по предложенiю о книгахъ возражаю. Пусть пришлютъ въ Синодъ кучу книгъ. Кому и когда ихъ разсматривать? Напугавшись по сомнѣнiямъ, пришлютъ и несомнительныя. Мѣстà лишатся ихъ, а здѣсь онѣ пропадутъ.

Въ Воскресенскомъ, напримѣръ, монастырѣ есть нѣсколько сотъ книгъ, кои нужно будетъ разсмотрѣть по сему предписанiю; способенъ же къ сему одинъ архимандритъ. Сколько читать ему? А въ Кирилловѣ монастырѣ и архимандритъ неспособенъ.

Обращаюсь къ книгѣ, отъ коей началось дѣло. Въ Валаамскомъ монастырѣ ее почитали несомнительною, не исключая и замѣченной картинки. По сему судите, какое будетъ исполненiе, если тамъ получатъ предписанiе о сомнительныхъ книгахъ.

Если не можно ограничиться просто разсмотрѣнiемъ о сей книгѣ, не угодно ли по крайней мѣрѣ предложить, чтобы смотрѣли за книгами и сомнительныя представляли архiереямъ; архiереи же, если сомнѣнiе найдутъ ложнымъ, возвращали книги по принадлежности, дѣйствительно сомнительныя запечатывали и отдавали въ консисторiи, архивы или въ архiерейскую ризницу, а о вредныхъ доносили Св. Синоду? Но, право, едва ли нужно и сiе, потому что есть о вредныхъ книгахъ указъ 1824 года.

Окт. 10-го 1833.

Въ докладѣ о Пермскомъ викарiи мысль о викарiатствѣ поглощена подробностями о домѣ, которыя даютъ ему несинодскую физiономiю. Не разсудите ли, чтобы я сдѣлалъ докладъ о викарiатствѣ болѣе краткiй, упомянувъ кратко и о домѣ и сказавъ, что подробности предоставлено вашему превосходительству представить на Высочайшее усмотрѣнiе? Да выборъ теперь или послѣ? Для Полоцка все было вдругъ.

Поученiя пр. Олонецкаго и Екатеринославскаго о причащенiи Св. Т. не изволите ли показать мнѣ?

26.

Слава Богу, что Полоцкое представленiе о оберъ-священникѣ удостоилось высочайшаго утвержденiя.

—

Дѣло о Жидахъ важно. Протоіерей не довольно хорошо владѣетъ своими матеріалами. Надобно бы посмотрѣть въ прежнихъ его донесеніяхъ ходъ дѣла. Если есть слѣды преступленія, то не излишнее было бы обратить на сіе особенное вниманіе правительства. Не худо бы для сего достать выписки изъ Талмуда, кои отъ бывшаго Польскаго министерства присланы были въ Россійское Министерство Духовныхъ дѣлъ и Просвѣщенія около 1818 года.

—

Представленіе преосвященнаго Пермскаго о единовѣрческой церкви, кажется, нѣтъ сомнѣнія утвердить.

—

Представленія о лѣсахъ иныя таковы, что стыдно послать ихъ къ министру. Напримѣръ, дай лѣсъ и назначь крестьянъ, которые бы стерегли его. Какъ безстыдно! Не разсудите ли, чтобы представленія сіи просмотрѣны были въ частныхъ вечернихъ засѣданіяхъ? Впрочемъ, и то сказать, что частный комитетъ, можетъ быть, и не сладитъ съ нѣкоторыми сильными представленіями, какъ напримѣръ: дай лѣсу за 100 верстъ, дай тридцать одну тысячу десятинъ.

—

Завтра зовутъ на испытаніе въ Главный Педагогическій Институтъ. Да не будетъ грѣха, если я полюбопытствую. Можетъ-быть, побывъ тамъ, успѣю быть и въ Синодѣ.

Окт. 15-го 1833.

27.

По доносу Лаврова, по моему мнѣнію надобно прежде всего вытребовать изъ Пскова подлинное дѣло. Если окажется, что оно такъ неправильно ведено, какъ говоритъ доносъ, тогда можно будетъ приступить къ преслѣдованію по доносу.

Дѣло о Распятіи трудное; есть надобность удержать оное. Но есть ли справедливость? Хорошо было бы, еслибы нашлось, что оно когда-либо было въ рукахъ Православныхъ. Безъ сего удержаніе едва ли можетъ быть защищено. Взятіе въ Петербургъ едва ли не больше огорчитъ, нежели удержаніе на мѣстѣ. Тутъ будетъ случай уже разносимой клеветѣ, что мы разрушаемъ иконы.

Поученія о покаяніи и причащеніи оставляю у себя съ подобными, полученными прежде.

Литвиновскій священникъ порядочный. Помню еще прошлогоднее о немъ ходатайство. Но онъ не проходитъ никакихъ особыхъ должностей. Я предположилъ сдѣлать его благочиннымъ; но теперь не помню, исполнилось ли сіе. Справлюсь и постараюсь удовлетворить ходатайству.

Окт. 23-го 1833.

28.

Дѣло о скудныхъ причтахъ такого рода, что и по вѣдомостямъ рѣшенія бываютъ болѣе догадочныя, нежели рѣшительно-вѣрныя. Тѣмъ болѣе боюсь взять довольно рѣшительное мнѣніе по Олонецкому протоколу, не видя вѣдомости. Надобно было бы также знать, на сколько церквей назначены оклады прежде.

Малоземеліе вѣроятно, а слѣдственно и трудность удовлетворять причты землею. Осторожность отъ неудовольствій за сіе, при сосѣдствѣ раскола, основательна.

При всемъ томъ, вѣроятно, что изъ 66 церквей, коими вновь полагаются оклады, можно бы убавить.

Бѣдныя церкви вошли въ первое представленіе и получили оклады. Когда увидѣли податливость начальства, нашлись еще бѣдныя. Тутъ, очень можно предполагать титулярную бѣдность.

Будемъ судить отъ устъ Олонецкой консисторіи. Она говоритъ: дайте окладъ, мы на него купимъ землю. Отвѣтствую: если купите на окладъ землю, то, сберегая на сіе окладъ, не дадите его священнику; слѣдственно вы признались, что священникъ можетъ прожить безъ оклада.

—

Посылаю часть записокъ архимандрита Макарія.

Окт. 26-го 1833.

29.

Рѣшеніе о Золотоношскомъ монастырѣ справедливо; Пахомію я знаю. Она видитъ видѣнія, пишетъ безконечныя письма, хочетъ давать совѣты Государю; въ домахъ, гдѣ ее по страннолюбію принимаютъ, одни ей удивляются, а другіе не знаютъ, какъ отъ нея избавиться. Полтавское епархіальное начальство незаконно поступило, сдѣлавъ ее строительницею общины, начальствомъ неутвержденной, и давая ей сборныя книги бродить по всему свѣту.

Говоря о Пахоміи, я вспомнилъ о Пульхеріи, о которой имѣю нѣчто сказать вашему превосходительству послѣ.

Въ томъ, что̀ пишетъ преосвященный Полтавскій о своемъ домѣ, признаюсь, не имѣю убѣжденія вѣрить ему болѣе, нежели генералъ-губернатору, и потому не знаю, что́ тутъ правда. Не знаю, что̀ сдѣлать съ преосвященнымъ Полтавскимъ. Видите, что письмо его писано сколько не его рукою, столько же и не его слогомъ.

Окт. 27-го 1833.

30.

Точно неосторожно поступаетъ Могилевское епархіальное начальство. Не грѣхъ сказать: безразсудно.

По моему мнѣнію надобно потребовать объясненія, почему приступлено къ отобранію церкви, когда она неприходская, а монастырская, и въ тоже время подтвердить, чтобы при обращеніи изъ Уніи не касались ни правъ монастырей, ни правъ помѣщичьихъ.

Мнѣ кажется даже нужно довести о семъ распоряженіи до Высочайшаго свѣдѣнія, чтобы въ противномъ случаѣ по донесенію начальства иностранныхъ исповѣданій не пришло замѣчаніе Св. Синоду.

Ноября 5-го 1833.

31.

Записку о Ушаковѣ я прочиталъ дважды и нахожу, что состояніе сердечной заботы, въ которомъ ваше превосходительство находитесь, не препятствовало уму вашему обнять дѣло съ тѣхъ сторонъ, которыя нужно было показать, и для справедливости, и для предосторожности. Не имѣю ничего представить вамъ въ перемѣну или въ дополненіе.

—

Воспоприививаніе, право, пустое дѣло, и священникамъ не до того. Какъ имъ стеречь всѣхъ младенцевъ въ приходѣ и отвѣчать за ихъ оспу?

—

Господинъ Шишкинъ даже въ Москвѣ во время бракоразводнаго дѣла жилъ съ Ерошевскою, отъ которой отпирается, въ одномъ домѣ и общимъ хозяйствомъ, что̀ видно по дѣлу. Въ семъ дѣлѣ, какъ по всему видно, жалка жена его, а не онъ. Если угодно спрашивать или побуждать насъ съ консисторіею, въ томъ воля ваша; я не прекословлю.

Ноября 8-го 1833.

32.

Протоколъ о предполагаемой Екатериною Владимировною Новосильцовою церкви, о которомъ ваше превосходительство проговаривали, не благоугодно ли доставить мнѣ теперь, дабы по прочтеніи онаго могъ я переговорить съ нею, о чемъ нужнымъ окажется?

Ноября 11-го 1833.

33.

Усердіе ко Пресвятой Дѣвѣ дѣло доброе. Напечатать службу, дошедшую отъ прежнихъ временъ въ рукописи по преданію, можно, по употребленіи предосторожностей, чтобы текстъ былъ чистый, а не поврежденный переписчиками.

Вотъ что̀ я вижу въ семъ дѣлѣ. Но есть въономъ еще обстоятельства, столь рѣдко встрѣчающіяся и столь неясныя, что я затрудняюсь входить объ оныхъ въ разсужденіе; а желалъ бы въ руководство моему мнѣнію слышать болѣе опытное разсужденіе высокопреосвященнѣйшаго митрополита Новгородскаго. Думаю, что удобнѣе было бы поговорить о семъ до́ма прежде открытаго трактованія дѣла въ Синодѣ.

Ноября 19-го 1833.

34.

Въ запискахъ о Самоѣдской миссіи почастно есть достойное примѣчанія; но многое или писано не такъ, какъ было, или было не такъ, чтобы могло быть читано съ пользою.

Напримѣръ: всѣ некрещеные Большеземельскіе Самоѣды ушли въ другую губернію. Случай важный, наводящій подозрѣніе на дѣйствія миссіонеровъ; но въ объясненіе, отчего это случилось, ни слова не сказано. Много разъ сказывается, что сожжено столько и столько идоловъ. Но какъ и для чего сіе сдѣлано? Съ согласія ли обращенныхъ въ христіанство? При нихъ ли? Въ доказательство ли ничтожности идоловъ? Сего не сказывается; а представляется дѣло, какъ миссіонерскій набѣгъ на кумировъ. Въ одинъ день сожжено въ двухъ разныхъ мѣстахъ идоловъ 90 и 200. Кто привелъ ихъ въ такія круглыя числа? Кому охота была считать такое множество? Или думали, что счетъ сей долженъ подвергнуться контролю?

Образъ проповѣди расположенъ по предметамъ на три дня, какъ будто на школьной лекціи. По моему мнѣнію это сказка. Въ миссіи и на одинъ день трудно назначить предметы по произволу, и одна проповѣдь не бываетъ похожа на другую.

Недалеко отъ начала записокъ сказано, что всѣ крещеные предъ крещеніемъ и по крещеніи довольствованы были содержаніемъ отъ миссіи. Почему сіе сдѣлано? Такъ ли продолжалось и послѣ? Записки не отвѣчаютъ на сіи вопросы, кои необходимо приходятъ.

Что̀ проповѣдывали миссіонеры, большею частію, не сказано, хотя говорится много въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ о предметахъ посто-

ронниxъ; а чтó сказано, то мало удовлетворяетъ читателя. Мало слышится отъ нихъ о Христѣ; не видно наставленія и побужденія молиться и призывать имя Его на всякое время, на всякомъ мѣстѣ.

Какъ мы въ тундрахъ не были съ миссіонеромъ, то трудно повѣрять его. Повѣрьте его на томъ, чтó мы знаемъ.

Образъ проповѣди. Въ первый день: о единомъ Богѣ, о сотвореніи, паденіи, возстановленіи человѣка. Во второй: о Тріединомъ Богѣ, о Христѣ-Избавителѣ, Его рожденіи, жизни, страданіи, смерти, воскресеніи, вознесеніи на небо, о страшномъ судѣ, о блаженной и злополучной жизни по смерти. Въ третій день: Символъ вѣры. Какъ въ первый день говорилъ онъ о возстановленіи человѣка, не говоря о томъ, что̀ назначено для втораго дня? Въ третій ли день изъяснялъ онъ Символъ вѣры, который весь уже показанъ въ предыдущихъ дняхъ? Такъ ли это происходило, какъ написано? Подумано ли о томъ, чтó писано?

Не думаю, чтобы полезно было напечатать сіе сочиненіе въ цѣломъ, какъ оно есть.

Ноября 24-го 1833.

Во введеніи описаніе Самоѣдской религіи есть часть сочиненія, которая едва ли не болѣе прочихъ удовлетворяетъ своему предмету. Но странно, что записки мало показываютъ, чтобы миссіонеры пользовались въ дѣлѣ сими свѣдѣніями. Идея верховнаго Бога подавала первую нить, за которую надлежало взяться миссіонеру.

35.

О просьбѣ солдата сказано въ 27-й статьѣ сего журнала, что какъ оная писана на Высочайшее имя, то въ Св. Синодъ вошелъ онъ съ нею не по принадлежности. Правильно ли сіе сказано, когда, напротивъ, по закону, вступающія въ Св. Синодъ просьбы должны быть писаны на Высочайшее имя?

Вопросъ сей заставилъ меня пріостановиться подписаніемъ журнала до разрѣшенія онаго.

Ноября 25-го 1833.

По замѣченному вашимъ превосходительствомъ пункту можно бы сказать слѣдующее:

Чтó касается до дѣйствій военно-морскаго начальства, не исполнившаго требованія духовнаго начальства о депутатѣ и о разлученіи

вѣнчанныхъ, Святѣйшій Синодъ находитъ, что означеннаго требованія ни противозаконнымъ, ни преждевременнымъ почитать не можно: потому что разлученіе вѣнчанныхъ въ малолѣтствѣ, при самомъ началѣ дѣла (подобно какъ взятіе подъ стражу или подъ присмотръ) не есть наказаніе, а мѣра предостерегательная, которая, въ случаѣ невинности подсудимыхъ, была бы прекращена безъ всякаго для нихъ вреда, а въ случаѣ виновности долженствовала предотвращать увеличеніе преступленія продолженіемъ незаконнаго сожитія. А посему поступокъ военно-морскаго начальства, вошедшаго въ разсужденіе по дѣлу суда не-военнаго или гражданскаго, а духовнаго и оказавшаго противодѣйствіе духовному начальству, не можетъ быть оставленъ безъ вниманія, дабы повтореніе подобныхъ поступковъ не произвело вредныхъ для управленія послѣдствій. Посему предоставить г. синодальному оберъ-прокурору отнестись къ г. министру морскихъ силъ, дабы благоволено было означенному въ семъ дѣлѣ военно-морскому начальству поставить въ обязанность впредь подобныя настоящему требованія духовнаго начальства исполнять неуклонно.

Ноября 30-го.

Возвращаю «Радугу». Купить сей журналъ для духовныхъ училищъ не безполезно. Хотя не все въ немъ такъ, какъ желательно; но главное направленіе сочинителя весьма достойно вниманія. Пріобрѣсти его духовной службѣ было бы дѣло доброе. Жалѣю, что я не могъ его видѣть, хотя онъ и приходилъ было ко мнѣ.

36.

Встрѣчное обвиненіе жены, по всѣмъ свидѣтельствамъ распутной, еслибы соединено было съ очевидными доказательствами истины, въ семъ только случаѣ могло остановить разводъ и подвергнуть слѣдственному очищенію мужа. Кромѣ сего случая встрѣчное и бездоказательное обвиненіе должно быть оставлено безъ уваженія. Иначе всякій виноватый доказанный могъ бы путать обвинителя встрѣчною ябедою.

Дек. 2-го 1833.

37.

По свидѣтельству наставника Артамона не знаю, что̀ можно сдѣлать. Построеніе вновь часовни за четыре года передъ нимъ, кажется, можетъ быть повергнуто отвѣтственности.

По отношенію преосвященнаго Тамбовскаго о Дубовицкомъ не разсудите ли отнестись къ князю Дмитрію Владимировичу, чтобы онъ и родственники согласились на мнѣніе преосвященнаго?

Мнѣніе князя Варшавскаго конечно важно; однако мнѣ все представляется, что если мы, какъ онъ думаетъ, должны быть скромны по предмету предбрачныхъ обязательствъ, то и по дѣлу о викаріи.

Мысль о Кіевскомъ ректорѣ трудная [1]. Если я не показывалъ, то покажу вашему превосходительству нѣкоторыя черты его мудрствованія.

О второмъ мѣстоименованіи Пермскаго мы не вспомнили. Я не знаю тамошнихъ городовъ. Если угодно, пусть будетъ Верхотурскимъ.

Дек. 8 1833.

38.

Вмѣсто нынѣшняго Комитета осмѣливаюсь просить ваше превосходительство пособить мнѣ безпомощному цензурою сихъ указовъ. Печатные циркуляры требуютъ особеннаго вниманія, а оно развлечено у меня на множество другихъ предметовъ [2].

Мы съ г. правителемъ дѣлъ не совсѣмъ были безъ комитета, и сіе наполнило мѣру моихъ не довольно возстановленныхъ силъ. Сдѣлайте милость и снисхожденіе моей немощи. Дѣла̀, болѣе для меня неизбѣжныя, у меня задерживаются. Притомъ къ сей коректурной работѣ я вовсе не способенъ и боюсь брать за нее на себя отвѣтственность.

По сему указу, котораго содержаніе знакомѣе, предлагаю проектъ поправки.

Мнѣ кажется, сіе могло быть дѣломъ вашего помощника-литератора. По одному протоколу, который онъ передалъ мнѣ черезъ руки, не сказавъ ясно, что̀ требуется; я написалъ проектъ новой резолюціи и нарочно послалъ опять къ нему, чтобы онъ всматривался въ сію работу.

14 Дек. 1833.

Поступки игумена Іоны и протоіерея Михневича въ свое время правильнымъ и полнымъ изслѣдованіемъ не раскрыты. Новое же теперь изслѣдованіе оныхъ не представляется удобнымъ, какъ потому что за протеченіемъ немалаго времени слѣды оныхъ естественно болѣе прежняго затмились, такъ и потому, что сіе сопровождалось бы болѣе или менѣе неблагопріятною гласностію. Посему предлежатъ разсмотрѣнію тѣ обстоятельства, которыя въ настоящемъ видѣ дѣла открыты и которыя суть слѣдующія:

---

[1] Этимъ ректоромъ тогда былъ прославившійся потомъ Иннокентій Борисовъ. П. Б.

[2] Эти четыре строки рукою С. Д. Нечаева.

1. Игуменъ Іона, по собственному на вопросные пункты признанію, бывалъ у Реута, котораго самъ называетъ пресловутымъ мятежникомъ, и принялъ для сохраненія его имущество, дабы тѣмъ сохранить монастырь отъ разграбленія.

2. Далъ мятежническому начальству подписку, что онъ съ братіею не принадлежали и не принадлежатъ ни къ какимъ интригамъ противу Поляковъ и тогдашняго ихъ правительства.

3. Іеродіакону Гавріилу приказывалъ, въ случаѣ настоянія мятежниковъ, не возносить въ церковномъ богослуженіи имени Благочестивѣйшаго Государя и высочайшей фамиліи, а говорить: *благовѣрныхъ государей сея земли.*

4. 27-го Іюня былъ онъ у Реута въ домѣ, и оттуда съ музыкою провожали его въ монастырь и въ баню.

5. Допустилъ дѣвицу Параскеву служить въ монастырѣ при кухнѣ болѣе полугода.

6. Принялъ въ монастырь за хозяйку шляхтянку Анну Высоцкую съ племянницею, и однажды первую, бывшую въ пьяномъ видѣ, ударилъ прутикомъ по спинѣ.

7. Протоіерей Михневичъ, по добровольному его признанію, далъ подписку въ повиновеніи конфедераціи, и хотя присовокупилъ, что его къ тому принудили, но изъ показанія видно, что онъ имѣлъ время во избѣжаніе сего скрыться, но не скрылся.

8. По требованію мятежническаго начальства отперъ ввѣренную ему церковь и, раскрывъ Евангеліе, въ епатрахили, стоялъ при ономъ во время мятежнической присяги.

9. Преосвященный архіепископъ Анатолій, бывшій Минскій, имѣвъ свѣдѣнія о сихъ поступкахъ протоіерея Михневича, не донесъ о семъ Св. Синоду и протоіерея отпустилъ къ должности, отлагая сіе дѣло до разсмотрѣнія свѣтскаго начальства.

10. О поступкахъ игумена Іоны преосвященный Анатолій, получивъ доносъ и взявъ съ Іоны допросъ по пунктамъ, не продолжалъ сего дѣла, не донесъ о немъ Св. Синоду и даже, по забвенію, какъ объясняется, не сдалъ сего дѣла въ консисторію, а оставилъ оное между своими бумагами; игумена Іону не удалилъ отъ управленія монастыремъ, какъ недостойнаго, а уволилъ по его желанію и управленіе монастыремъ поручилъ столь же недостойному довѣрія вышеозначенному протоіерею Михневичу.

По таковымъ обстоятельствамъ дѣла Св. Синодъ полагаетъ учинить слѣдующее:

1. Дальнѣйшаго по сему дѣлу изслѣдованія по вышеозначеннымъ причинамъ не производить.

2. Относительно прикосновенности игумена Іоны и протоіерея Михневича къ дѣйствіямъ мятежниковъ доложить Е. И. В., не благоугодно ли будетъ, по высочайшему снисхожденію и по силѣ всемилостивѣйшаго манифеста, лица сіи уголовному суду не предавать.

3. На основаніи правилъ церковнаго управленія игумена Іону за поступки и поведеніе, въ священнослужителѣ нетерпимые, лишить игуменства и священства, и въ званіи простаго монаха послать въ монастырь другой епархіи на покаяніе и подъ строжайшій надзоръ.

4. Протоіерея Михневича, съ запрещеніемъ священнослуженія и ношенія священнической одежды и знаковъ, послать въ другую епархію на причетническое мѣсто на три года съ строжайшимъ за нимъ надзоромъ.

5. Преосвященному Анатолію за вышеизложенныя слабыя и неосмотрительныя по сему дѣлу дѣйствія.... не рѣшаемся, однако, помѣстить

Разборъ книги о Духоборцахъ, по моему мнѣнію, лучше самой книги, потому что празднословіе студента пропущено, а дѣльные матеріалы лучше сложены. Но и онъ, какъ самая книга, невыгоденъ тѣмъ, что секта представляется въ видѣ прельстительности, а Православіе въ уничижительности. Впрочемъ, что̀ сдѣлано, то сдѣлано, и лѣкарства сему дѣлу не видится.

ЮСТЪ ЮЛЬ.

Краткое его жизнеописаніе.

Читателямъ „Русскаго Архива“ 1892 года памятны Записки Датскаго посланника Юста Юля, содержащія въ себѣ такъ много новыхъ и яркихъ показаній о Петрѣ Великомъ и Русской жизни въ началѣ прошедшаго столѣтія. Не мудрствуя лукаво, а только записывая то что съ нимъ было и чему приходилось быть очевидцемъ, Датскій посланникъ оставилъ намъ подлинное и по самой пестротѣ своей необыкновенно-занимательное изображеніе тогдашней Россіи. Данія уже въ то время находилась въ союзѣ съ Россіею и въ нѣкоторой политической зависимости отъ нея; потому Юстъ Юль, видимо, сдерживаетъ въ себѣ общее у Западныхъ Европейцевъ злорадство къ Русской силѣ. Петръ и Меньшиковъ, Головкинъ и Шафировъ и другіе Русскіе люди, съ которыми Юсту Юлю приходилось имѣть дѣло, постоянно рвутъ передъ нимъ путы дипломатическихъ ухищреній и внѣшнихъ оказательствъ, и тѣмъ приводятъ въ негодованіе образованнаго добросовѣстнаго, но умственно-недалекаго Датчанина. Въ картинѣ, которую онъ намъ оставилъ, немало грязныхъ пятенъ; судороги, искажавшія иной разъ прекрасное лицо Петра Великаго, отражались и въ его дѣяніяхъ, и въ самомъ его почеркѣ; но въ сумятицѣ внутреннихъ преобразованій, въ тревогахъ тяжкой борьбы со Шведомъ и Туркомъ, Петръ ярко выступаетъ съ чертами истиннаго генія и вполнѣ Русскаго человѣка. Наша исторіографія должна помянуть съ признательностію Юста Юля и занести его Записки въ число первоисточниковъ той эпохи. П. Б.

*

Вотъ краткія біографическія свѣдѣнія о Юстѣ Юлѣ, извлекаемыя изъ книги „Den Danske Vice-admiral Just Juels Liv og Levnets Beskrivelse“. Родился Юль въ Виборгѣ, въ Ютландіи, въ 1664 г. Родители его принадлежали къ благородному сословію, но пользовались весьма скромными средствами. Юль воспитывался сначала дома, затѣмъ въ Кильской академіи, гдѣ изучалъ математику и фортификацію. По выходѣ его оттуда, отецъ, которому,

не смотря на протекцію, не удалось помѣстить его въ Датское министерство иностранныхъ дѣлъ, отправилъ сына за границу на военную службу.

Тутъ начались мытарства Юля. Сначала, не находя себѣ настоящаго дѣла, онъ скитался по Фландріи, потомъ собрался было въ Венгрію воевать противъ Турокъ, но вмѣсто того попалъ на Голандское военное судно, на которомъ, въ качествѣ простаго матроса, совершилъ затѣмъ два плаванія по Средиземному морю (1681—1688 г.). Когда Юль вернулся изъ послѣдняго плаванія въ Амстердамъ, его посадили въ тюрьму за какой-то незначительный долгъ. Вообще можно сказать, что въ теченіе всей своей первой молодости онъ бѣдствовалъ. Карьеру свою онъ сдѣлалъ лишь по возвращеніи въ Данію, поступивъ на службу въ королевскій флотъ. Въ 1689 году онъ былъ произведенъ въ лейтенанты, въ 1691—въ капитаны, въ 1697 въ капитанъ-командоры, въ 1704 въ командоры, наконецъ въ 1712 въ вице-адмиралы. Повидимому, особенными подвигами Юль не отличился, однако палъ славною смертью въ морскомъ сраженіи со Шведами (1715). Поразившее его пушечное ядро повѣшено надъ его могилою въ Роскильдскомъ соборѣ.

Юль былъ женатъ на дѣвицѣ Эделе Біелке, но прожилъ съ нею недолго (1702—1706). Она скончалась вскорѣ послѣ рожденія у нихъ дочери.

Какъ мы знаемъ, въ 1709 году Юль былъ отправленъ посланникомъ къ Петру. Въ дополненіе къ его Запискамъ, слѣдуетъ отмѣтить, что въ Россію онъ болѣе не возвращался и что по формальномъ отозваніи его въ 1712 г. Царь подарилъ ему соболей на тысячу ригсдалеровъ и цѣнный свой портретъ, украшенный короною. Въ 1714 г. Датское правительство хотѣло снова отправить Юля посланникомъ въ Россію; но, не смотря на убѣжденія царскаго посла князя Долгорукова, онъ отъ этой чести отпросился. Ему удалось еще разъ встрѣтиться съ Петромъ. Въ Августѣ 1712 г. Царь, въ качествѣ главнокомандующаго, прибылъ на Датскій флотъ, стоявшій у Померанскаго берега подъ Пертомъ. На флотѣ, въ числѣ Датскихъ командоровъ, находился и Юль; онъ командовалъ судномъ „Морская Царевна" (Havfruen). Въ теченіе короткаго пребыванія своего тамъ, Царь, проводившій дневные часы на адмиральскомъ кораблѣ, ночевалъ всегда на „Морской Царевнѣ". Ближайшія подробности свиданій между нимъ и бывшимъ посланникомъ при его дворѣ, къ сожалѣнію, до насъ не дошли. Очевидно, Петръ цѣнилъ неуклоннаго моряка.

Подлинныя политическія донесенія Юля изъ Россіи, а равно и переписка его съ Русскими министрами, хранятся въ Государственномъ Архивѣ въ Копенгагенѣ.

Юрій Щербачевъ.

ДУХОВНАЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

Есмь истинный вѣрою рабъ Святыя Восточныя Каѳолическія Церкви князь Борисъ Куракинъ. Пишу сію духовную, исправляя по христіанству мою должность, дабы по смерти моей не оставлено все было безъ опредѣленія, отъ чего бы могло быть поврежденіе души моей.

И понеже нынѣ нахожуся въ слабости здоровья своего, толь паче меня понудило сію духовную написать и во всемъ опредѣленіе учинить.

Во - первыхъ, всепокорнѣйше прошу Его Величество, всемилостивѣйшаго моего Государя Петра, Императора Всероссійскаго, сіе мое все опредѣленіе, ниже послѣдующее, повелѣть во всемъ апробовать и указомъ своимъ монаршескимъ подтвердить, и тѣмъ знакъ показать всѣмъ въ напоминовеніе той своей монаршеской милости за всѣ мои вѣрныя службы, какъ къ Его Величеству, такъ и къ Его Императорскому Величеству достохвальныя памяти Дѣду его.

Во-вторыхъ, прошу ихъ свѣтлостей князь Дмитрея Михайловича и князь Михайла Михайловича, также и князь Сергія Дмитреевича Голицыныхъ [1]) быть душеприкащиками и по сей моей духовной во всемъ исправлять. А особливѣ моихъ завѣтовъ и опредѣленій не нарушить и исполнить, и во всемъ моего опредѣленія сыну моему смотрѣть и повелѣть, чтобы исполнялъ.

---

[1]) Припомнимъ, что братъ кн. Бориса Ивановича, кн. Михаилъ Ивановичъ, ближній стольникъ и спальникъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, былъ женатъ на княжнѣ Маврѣ Дмитріевнѣ Голицыной, а старшая дочь кн. Бориса Ивановича княжна Татіяна Борисовна (оберъ-гофмейстерина императрицъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны) была замужемъ за фельдмаршаломъ кн. Михаиломъ Михайловичемъ Голицынымъ и имѣла отъ него многочисленное потомство. Третій душеприкащикъ, князь Сергѣй Дмитріевичъ Голицынъ (сынъ верховника) былъ тогда нашимъ посланникомъ въ Испаніи. Н. С.

Тѣло мое грѣшное погребсти на Москвѣ, въ Чудовѣ монастырѣ, при ногахъ отца моего и матери моей, и дать вкладъ въ тотъ монастырь 1000 рублей[2]), и поминовеніе чинить, по обыкновенію; незабвенно также и по другимъ церквамъ и монастырямъ, по обычаю, а особливѣ продолжать всегда поминовеніе по мнѣ и по всѣмъ нашимъ сродникахъ, какъ то опредѣлено въ домѣ моемъ, а именно во всѣхъ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ родители мои лежатъ, чинится поминовеніе.

И все сіе опредѣленіе вновь здѣсь объявляю.

Въ Чудовѣ монастырѣ гробы отца моего князь Ивана Григорьевича [3]) и матери моей княгини Θеодосіи Алексѣевны [4]), бабки моей княгини Ульяны Ивановны, жены моей княгини Ксеніи Θедоровны [5]), брата моего князь Ивана Ивановича [6]), и въ годъ чинить поминовеніе соборное дважды по каждомъ. А именно: день ихъ тезоименитства звать архимандрита, чтобы соборомъ служилъ обѣдню и панахиду, и тотъ день на столъ давать по пяти рублей. А день ихъ погребенія служить соборомъ и на столъ давать по пяти рублей, да по вся субботы посылаются кутьи въ Чудовъ монастырь и по гривнѣ на панахиду.

Въ томъ же Чудовѣ монастырѣ творить поминовеніе по мнѣ грѣшнѣмъ симъ опредѣленіемъ. День моего тезоименитства звать архіерея одного и архимандрита Чудовского и другова посторонняго и служить обѣдню и панахиду и тотъ день архіерея и архимандритовъ и съ ихъ служители кормить въ домѣ моемъ, и понеже на Москвѣ нынѣ нашихъ домовъ нѣтъ, то вмѣсто того нѣкакую сумму денегъ имъ давать, а въ Чудовъ монастырь тотъ день давать на столъ по десяти рублей.

А день моего погребенія каждого году служить обѣдню и панахиду архимандриту Чудовскому соборомъ и на столъ давать по пяти рублей. И сіе имѣетъ продолжаться неотмѣнно во вся дни живота сына моего и его наслѣдниковъ и сукцессоровъ дома нашего подъ завѣтомъ такъ твердымъ, чтобы не лишену быть моего благословенія.

---

[2]) Тогдашній рубль можно считать цѣнностью около 12 рублей нынѣшнихъ. П. Б.

[3]) Воевода и намѣстникъ Смоленскій. † 1682 г. Н. С.

[4]) Дочь боярина кн. Алексѣя Никитича Одоевскаго и княгини Ульяны Ивановны. Н. С.

[5]) Лопухиной, родной сестры царицы Евдокіи Θедоровны, первой супруги Петра В. Княгиня Ксенія Θедоровна была первою супругою князя Бориса Ивановича, и отъ нея пошло мужское его потомство. Н. С.

[6]) Умеръ въ 1706 г. Женатъ былъ на Еленѣ Тихоновнѣ Стрѣшневой, дочери боярина Тихона Никитича Стрѣшнева. Н. С.

Въ Богоявленскомъ монастырѣ гробъ дѣда моего; чинить въ годъ дважды поминовеніе, какъ выше объявлено по отцѣ моемъ, и во вся субботы кутьи посылать.

Въ Троице-Сергіевѣ монастырѣ гробы родителей моихъ; каждого году туда посылать и творить соборное по всѣхъ поминовеніе, а именно: князь Никита Ивановичъ Одоевской, дѣдъ мой князь Алексѣй Никитичъ Одоевской, братъ мой князь Михайло Ивановичъ Куракинъ, и звать архимандрита и служить соборнѣ панахиду и обѣдню и на столъ давать по десяти рублей.

Також де единожды въ годъ соборомъ же творить память въ Ново-Спасскомъ монастырѣ по дядѣ моемъ царевичѣ Григоріи Алексѣевичѣ и по теткѣ княгинѣ Аннѣ Григорьевнѣ и на столъ давать десять рублей. Да по душѣ моей грѣшнѣй по вся годы имѣть годовую службу: нанять какую церковь или придѣлъ до тѣхъ мѣстъ, пока оная церковь чудотворца Николая и съ гошпиталемъ отдѣлана и посвящена будетъ, какъ о семъ ниже объявлено, а потомъ во оной продолжаться имѣетъ.

Наслѣдникомъ дѣлаю всего моего дому, движимыхъ и недвижимыхъ вещей и деревень и всего, что̀ ни есть, сына моего князь Александра Борисовича Куракина и отъ него происходящихъ наслѣдниковъ. Ежели сынъ мой князь Александръ Борисовичъ не будетъ имѣть дѣтей, и въ такомъ случаѣ опредѣляю быть наслѣдникомъ всего моего дому, движимыхъ и недвижимыхъ вещей и деревень и всего, что̀ ни есть, внучка моего князь Бориса Михайловича Голицына, сына его свѣтлости князь Михаила Михаиловича Голицына. А ежели между тѣмъ временемъ внучка моего помянутаго не будетъ въ животѣ, въ такомъ случаѣ опредѣляю то наслѣдство другому моему внучку князь Александру Михайловичу [1]), и такъ по немъ, ежели до сего случая не будетъ въ животѣ его, единому изъ внучатъ своихъ, а дѣтей князь Михайла Михайловича Голицына перворожденному или которому отецъ ихъ благословитъ опредѣлить.

Сіе мое опредѣленіе наслѣдства всего имѣнія моего съ такою кондиціею, дабы оной, кто будетъ наслѣдствовать, принялъ имя дому моего Куракиныхъ и писался единымъ тѣмъ именемъ, а не другимъ, также и всѣ отъ него происходящіе наслѣдники. И такъ сіе твердо завѣщеваю подъ клятвою, дабы всеконечно было имя мое принято, а противникъ сего моего завѣта имѣетъ предъ судомъ Божіимъ отвѣтъ дать.

---

[1]) Это будущій покоритель Хотина, фельдмаршалъ Екатерининскаго времени. П. Б.

Дочь свою княгиню Татіану Борисовну благословляю образомъ Владимірскія Богородицы, чтò меня благословила бабка моя княгиня Ульяна Ивановна. Дочь свою княжну Екатерину Борисовну [8]) благословляю образомъ.

Внучекъ своихъ благословляю, дѣтей князь Михайла Михайловича Голицына, всѣхъ по образу, и каждому и каждой опредѣляю дать денегъ по сту рублей на ихъ забавы.

Всѣмъ людѣмъ моимъ не взачетъ дать годовое жалованье и отпустить. Ежели чтò кому долженъ, всѣмъ долги мои внѣ отечества и во отечествѣ по росписямъ заплатить.

Ежели предъ кѣмъ въ чемъ виновенъ, прошу христіанскаго прощенія, а особливѣ жены своей княгини Марьи Ѳедоровны [9]); но я съ своей стороны все забвенію предаю, кто какое имѣлъ прегрѣшеніе предо мною.

Топерь объявляю о моемъ обѣщаніи, которое имѣетъ быть исполниться по сему моему опредѣленію и волѣ моей. Всеконечно такъ твердо утверждаю ко исполненію сего, что, ежели сынъ мой и отъ него происходящіе наслѣдники, или внучата мои, кто будетъ наслѣдникомъ дому моего, того не исполнятъ, предаю проклятію, и будутъ отвѣтъ учинить предъ престоломъ Божіимъ. А именно сіе мое опредѣленіе слѣдуетъ въ томъ, что предъ многими годами учинилъ обѣщаніе образу чудотворца Николая, который стоялъ въ часовнѣ, въ богадѣльнѣ, близъ Ильинскихъ воротъ (а нынѣ гдѣ стоитъ тотъ образъ, знать не могу), который образъ надлежитъ пріискать, и пріискавъ тотъ образъ чудотворца Николая, купить одно мѣсто на большой улицѣ на Москвѣ, въ Бѣломъ или Земляномъ городѣ, гдѣ пристойно найдется, такъ пространное, чтобы при томъ строеніи и садъ могъ быть, и на томъ мѣстѣ построить церковь маленькую [10]), съ доброю архитектурою, во имя чудотворца Николая; и при той церкви сдѣлать съ доброю же архитектурою и опредѣленіемъ покои, принадлежащіе къ содержанію шпиталя.

А именно опредѣляю персонамъ быть въ томъ шпиталѣ, также и служителѣмъ церковнымъ, также и управителѣмъ того шпиталя.

---

[8]) Отъ втораго брака. Она была за Елисаветинскимъ фельдмаршаломъ графомъ А. Б. Бутурлинымъ. П. Б.

[9]) Вторая супруга князя Б. И. Куракина, ур. княжна Урусова, сконч. въ 1731 году. П. Б.

[10]) Читатель обратитъ вниманіе здѣсь и ниже на это выраженіе. П. Б.

Быть двѣнадцати персонамъ шпиталя, всѣмъ изъ дворянства или изъ другихъ породъ, токмо бы изъ офицерства; а ежели какимъ случаемъ не наберется, то изъ солдатства, которые есть изъ шляхетства.

Каждому изъ оныхъ имѣть свою особливую камору со всякою комодитою и пропріетою [11]).

Въ томъ же гошпиталѣ быть двумъ священникомъ чернымъ, единому дьякону и единому пономарю черному.

Въ томъ же домѣ быть одному комиссару для покупки всякого нужнаго и для содержанія стола, по опредѣленію, какъ всему тому отъ меня здѣсь будетъ приложенъ регламентъ, и протчимъ другимъ доместикомъ сколькимъ тутъ быть, и коимъ образомъ тѣ гошпиталисты содержаны быть имѣютъ.

И топерь опредѣляю на строеніе той святой церкви и того шпиталя доходъ денежный, чѣмъ то строеніе строить, а именно опредѣляю двадцать тысячъ рублей денегъ, а ежели того мало, тридцать тысячъ рублей.

А къ содержанію сего гошпиталя опредѣляю тысячу шестьсотъ рублевъ каждой годъ давать изъ дому моего сыну моему, также и припасовъ, по препорціи, всякихъ. И ежели симъ числомъ денегъ возможно содержать болѣе тѣхъ опредѣленныхъ шпитальниковъ двѣнадцати человѣкъ, того ради надлежитъ прибавить шпиталистовъ столько, сколько можно тѣми помянутыми деньгами и припасами содержать будетъ во всякомъ довольствѣ.

Ежели же противу чаянія оной святой образъ чудотворца Николая, который былъ въ богадѣльнѣ на Покровской улицѣ, въ одной часовнѣ, какъ я выше о томъ упомянулъ, сыскать будетъ невозможно, въ такомъ случаѣ взять изъ дому моего образъ чудотворца Николая, который есть въ серебренномъ кивотѣ, и въ той церкви поставить и при томъ гошпиталѣ опредѣлить, и протчая.

При сей своей духовной прилагаю регламентъ къ содержанію того шпиталя, дабы неотмѣнно такимъ порядкомъ всегда содержанъ былъ.

Сію духовную писалъ Григорей Коробовъ, канцеляристъ, обрѣтающійся при его свѣтлости князь Борисѣ Ивановичѣ Куракинѣ. А

---

[11]) Т. е. съ удобствомъ и опрятностью. П. Б.

свидѣтельми были у сей духовной Богданъ Васильевичъ Оладьинъ да секретарь Иванъ Колушкинъ.

И сія духовная подписана моею властною рукою и при моей печати, въ Парижѣ, 5 (16) Августа 1727. Князь Борисъ Куракинъ.

Богданъ Оладьинъ у сей духовной свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

Иванъ Колушкинъ у сей духовной свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

Дополненіе къ духовной.

Завѣщаніе сыну моему князь Александру Борисовичу, въ дополненіе моихъ духовныхъ, какъ на Славенскомъ языкѣ настоящей для всѣхъ моихъ интересовъ во отчествѣ моемъ, такъ и другой на Французскомъ языкѣ для всѣхъ моихъ интересовъ въ чужестранныхъ краѣхъ.

1) Духовную мою на Французскомъ языкѣ сынъ мой князь Александръ Борисовичъ да имѣетъ сообщить душеприкащикомъ моимъ ихъ свѣтлостямъ князь Дмитрею Михайловичу, князь Михаилу Михайловичу и князь Сергѣю Дмитревичу Голицынымъ, дабы могли видѣть содержаніе оной духовной на Французскомъ языкѣ, и о всемъ по ней знать мое опредѣленіе. И во оной духовной на Французскомъ языкѣ весь я свой капиталъ, въ Англіи состоящій въ одиннадцати тысячахъ пунтовъ стерлингахъ, опредѣлилъ со онаго капиталу интересъ повсягодно брать и употреблять къ содержанію убогихъ. И съ помянутаго капитала всего интересу учинитъ въ годъ около шестисотъ пунтъ стерлинговъ, и половину того интересу по духовной своей на Французскомъ языкѣ опредѣлилъ къ содержанію убогихъ въ чужестранныхъ краѣхъ, а другую половину, триста пунтовъ стерлинговъ, что̀ учинитъ около тысячи двухсотъ рублей, переводить къ Москвѣ въ домъ мой къ содержанію убогихъ; а именно сіе число денегъ употреблять къ содержанію того шпиталя, какъ въ моей духовной на Славенскомъ языкѣ объявлено, и еще къ тому числу тысячѣ двумъ стамъ рублямъ недостаетъ четырехсотъ рублей. Понеже я опредѣлилъ на содержаніе того шпиталя тысячу шестьсотъ рублей, какъ то именно объявлено въ той моей на Славенскомъ языкѣ духовной, то тѣ достальные четыреста рублей сынъ мой имѣетъ давать изъ домовыхъ доходовъ. Ежели бы несчастливымъ

какимъ случаемъ случилося, чтобы тотъ мой капиталъ въ Англіи пропалъ, или за какимъ другимъ случаемъ тѣхъ интересовъ получать не можно будетъ, сынъ мой во вся дни живота своего и его всѣ наслѣдники имѣютъ давать на содержаніе того гошпиталя изъ дому моего по тысячѣ по шестисотъ рублей и пристойное число припасовъ.

2) Что же принадлежитъ до строенія церкви чудотворца Николая и того всего шпиталя, я въ духовной своей на Славенскомъ языкѣ опредѣлилъ двадцать тысячъ рублей дать изъ дому моего. Для того сіе число двадцать тысячъ рублей опредѣляю, чтобы та святая церковь и тотъ шпиталь были сдѣланы со всякою хорошею архитектурою и добрымъ опредѣленіемъ, по чужестранному обычаю, и со всякою магнифиценціею и покоями. И краткимъ образомъ сказать, чтобы тѣ двадцать тысячъ рублей въ то строеніе до единой копѣйки были употреблены. И на сіе строеніе того числа двадцати тысячей рублей опредѣляю всѣ доходы изъ чужестранныхъ краевъ, какъ то увидите въ духовной моей на Французскомъ языкѣ, сколько тѣхъ доходовъ есть. И такъ всѣ тѣ доходы изъ чужестранныхъ краевъ употреблять на строеніе то до тѣхъ мѣстъ, пока та сумма двадцать тысячъ рублей вся на то употреблена будетъ, и церковь, и шпиталь построены будутъ. А сіе строеніе той церкви чудотворца Николая и того шпиталя начато имѣетъ быть, безъ потерянія времени, того же году, чѣмъ волею Божіею моя грѣшная душа отъ тѣла разлучена будетъ [12]). И сіе мое обѣщаніе имѣетъ сынъ мой твердо и неотступно содержать, а государи мои душеприкащики ихъ свѣтлости князь Дмитрей Михайловичъ, князь Михаилъ Михайловичъ и князь Сергѣй Дмитреевичъ Голицыны его къ тому принудить. Сіе завѣщаніе писалъ Григорей Коробовъ, канцеляристъ, обрѣтающійся при его свѣтлости князь Борисѣ Ивановичѣ Куракинѣ. А свидѣтельми были Богданъ Васильевичъ Оладьинъ, да секретарь Иванъ Колушкинъ. И сіе завѣщаніе есть при подписаніи моей властной руки и печати, въ Парижѣ, 5 (16) Августа 1727.

Князь Борисъ Куракинъ.

Богданъ Оладьинъ у сего завѣщанія свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Иванъ Колушкинъ у сего завѣщанія свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

[12]) Князь Борисъ Ивановичъ скончался въ Парижѣ 17 Октября 1727 г. на 52-мъ году отъ роду. П. Б.

Регламентъ для шпиталя.

Опредѣляю о строеніи и о всемъ содержаніи шпиталя.

1) Церковь имѣетъ быть построена съ всякою доброю архитектурою и магнифиценціею, токмо маленькая, по препорціи, архитектора добраго и по препорціи всего того шпиталя прихожанъ, и не отлучая отъ той церкви, начать строить строеніе того шпиталя и всего дому. А именно топерь объявимъ персонъ въ томъ шпиталѣ. Два священника черныхъ, на дому—по довольной каморѣ и съ маленькимъ кабинетомъ, или библіотечкою. Одинъ діаконъ черный—камора съ кабинетомъ. Одинъ пономарь черный—камора едина. Двѣнадцать человѣкъ шпиталистовъ—каждому по каморѣ съ кроватью, столами, стулами и со всякою пропріетою, а особливѣ такъ постели были-бъ подѣланы комодны, какъ бы мнѣ самому имѣть.

Имѣетъ для управленія того шпиталя единъ комисаръ быть, также и для закупки къ столу и пріуготовленія стола и всего правленія, что̀ ни есть того шпиталя. Тому комисару камора и единъ кабинетъ. Быть двумъ поварамъ въ поварнѣ и единому малому поваренному, четыремъ человѣкомъ работникомъ, которые имѣютъ домъ чистить, постели перестилать и за убогими ходить, также для рубленія дровъ, топленія печей и содержанія саду и протчей работы. И поварамъ двумъ опредѣляется камора едина, а работникомъ съ поваренным малымъ—двѣ каморы. Также сдѣлать каморы въ мѣстѣ самомъ хорошемъ, или на улицу или къ саду, самыя хорошія, убрать стулами, столами и шкафами, такъ чтобы ноблеманъ[13]) были, для пріѣзду чужестранныхъ, гдѣ оные пріиматься будутъ. Также сдѣлать поварню пристойную и камору, гдѣ хлѣбы и пироги печь. Также сдѣлать теплой погребъ для содержанія питья въ зимѣ да ледникъ для содержанія въ лѣтѣ питья. Также сдѣлать пристойные магазины на всякіе припасы. Особливѣ рекомендую сдѣлать трапезу со всякою пропріетою, пристойную, по препорціи всѣхъ шпиталистовъ и церковниковъ, чтобы всѣ вмѣстѣ ѣли, кромѣ дней случающихся, ежели кто заболитъ.

2). Пища имѣетъ быть опредѣлена каждому какъ въ скоромные дни, такъ и въ постные, какъ съ розными мясами и птицами и курами въ обѣдѣ и ужинѣ, такъ и въ постные дни рыбою свѣжею и соленою. Питье имѣетъ быть ординарное—пиво какъ для церковниковъ, шпиталистовъ и комисара, а для черныхъ служителей — квасъ. А въ воскресные дни и въ великіе праздники давать по нѣкоторой препор-

---

[13]) Noblement, т. е. по дворянски, благопристойно. П. Б.

ціи каждому вареныхъ медовъ, и оные меды также и пиво содержать самые наилутшіе, какъ бы къ моему властному столу. Также имѣть двойное вино онисное или какое, и давать каждому на всякій день предъ обѣдомъ и ужиномъ, по нашему обычаю, по препорціи. А для служителей черныхъ имѣть простое вино и давать также на каждый день и каждому по препорціи.

3). Въ поварнѣ всѣ суды столовые, блюды и тарелки имѣютъ быть оловянныя, также ложки оловянныя, а вилки и ножи съ пропріетою. А въ поварнѣ всѣ суды, котлы и протчее—все пристойное, все мѣдное. А въ поставцѣ въ трапезѣ для питія кунгалы, кружки оловянныя, также и стеклянныхъ судовъ довольное число,—для пропріеты.

4). Также имѣть довольное число бѣлья какъ столоваго, такъ и для постелей, и перемѣнять гораздо часто и содержать всѣхъ въ пропріетѣ.

5). Также во всякой каморѣ церковниковъ и шпиталистовъ имѣть одинъ маленькой кунгалъ съ лаханью оловянные, и два подсвѣчника мѣдныхъ, и по чернилицѣ одной оловянной, и по одной долгой салфеткѣ для утиранія лица и рукъ.

6). Священникомъ жалованья въ годъ каждому по пятнадцати рублей или по двадцати рублей, а ежели дешевлѣ можно сыскать, то и лучше. Діакону и протчимъ по препорціи. А комисару опредѣлить жалованье, что̀ за пристойно найдется.

7). Также приговорить одного цирульника и платить ему погодно по уговору, которой бы надзиралъ больныхъ въ томъ шпиталѣ и лечилъ.

8). Шпиталистовъ одѣвать симъ образомъ: имѣетъ ему кафтанъ единъ лѣтній, а другой зимній данъ быть изъ сукна цвѣтного, и когда износитъ, вновь сдѣлать; по шести рубахъ въ годъ, по четыре платка, по двѣ пары башмаковъ, лѣтомъ шляпа, а зимою шапка, до износу также и тѣ шесть рубахъ—до износу.

9). Всѣ тѣ шпиталисты имѣютъ браны быть люди старые, древніе или раненые, а не такіе-бы, которые были люди молодые и гуляки, и чтобъ чинили дебошъ. И ежели такой явится, то тотчасъ ссылать. И житья ихъ регулу добрую содержать, чтобы ночевали дома и должность свою чинили ходить въ святую церковь какъ и въ вечеру, заутреніи, такъ и обѣднѣ. И время опредѣлить, когда ихъ отпускать для гулянья, а другое время—для возвращенія въ шпиталь.

Сіе опредѣленіе писалъ Григорей Коробовъ, канцеляристъ, обрѣтающійся при его свѣтлости князь Борисѣ Ивановичѣ Куракинѣ. А свидѣтельми были Богданъ Васильевичъ Оладьинъ да секретарь Иванъ Колушкинъ. И сіе опредѣленіе есть при подписаніи моей властной руки

и печати, въ Парижѣ, 5/16 Августа 1727 г. Князь Борисъ Куракинъ. Богданъ Оладьинъ у сего опредѣленія свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Иванъ Колушкинъ у сего опредѣленія свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

*

Воинъ, дипломатъ и лѣтописецъ прошлаго столѣтія, князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, своякъ Петра Великаго и дядя (по первой своей супругѣ) царевича Алексѣя Петровича, постепенно выходитъ изъ глубины Петровскаго времени съ чертами человѣка въ высокой степени достопамятнаго. Его автобіографія, его дневники, его „Гисторія о Петрѣ Великомъ" отнынѣ принадлежатъ къ числу самыхъ важныхъ историческихъ показаній. Три большія книги его бумагъ, изданныя прямымъ его потомкомъ княземъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Куракинымъ, свидѣтельствуютъ о необыкновенной его дѣятельности, многостороннемъ образованіи и вмѣстѣ съ тѣмъ о вѣрности завѣтамъ родной земли. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи былъ онъ предшественникомъ Вѣнскаго посла князя Д. М. Голицына, по завѣщанію котораго учреждена въ Москвѣ Голицынская больница, и посла въ Лондонѣ графа С. Р. Воронцова. Проведя многіе годы въ чужихъ краяхъ, князь Б. И. Куракинъ не забылъ своей родной Москвы, и памятникомъ его благотворительности и отчизнолюбія остается Куракинскій Страннопріимный домъ у Красныхъ воротъ въ Москвѣ Къ смущенію благомыслящихъ людей, въ это старѣйшее богоугодное заведеніе недавно брошено клеветливою грязью на столбцахъ одной распространенной Московской газеты, какъ читатели увидятъ изъ нижеслѣдующей статьи, которая вызвана негодованіемъ на то,

Что геральдическаго льва....

Не можемъ надивиться, какъ не остановилъ такой *неправды* въ „Московскомъ Листкѣ" главный и ближайшій его сотрудникъ, секретарь Общества Исторіи и Древностей при Императовскомъ Московскомъ Университетѣ Елпидифоръ Васильевичъ Барсовъ, хорошо знающій, что вся сплетня заведена недостойными поползновеніями обратить домовую церковь въ прибыльную приходскую, а святое служеніе въ личную наживу. П. Б.

ПРАВДА О СТРАННОПРІИМНОМЪ ДОМѢ КНЯЗЕЙ КУРАКИНЫХЪ И ДОМОВОЙ ПРИ НЕМЪ ЦЕРКВИ.

Близко зная родовитую фамилію князей Куракиныхъ, столь часто украшавшихъ своими доблестями страницы Русской исторіи, мы были удивлены, скажемъ болѣе, возмущены статьями неизвѣстнаго автора въ „Московскомъ Листкѣ" 1892 года (№№ 338, 345, 346 и 351), съ поразительною развязностью задѣвающими честь одного изъ представитлей помянутаго рода.

„То, что́ совершилось при Странопріимномъ домѣ князей Куракиныхъ, превосходитъ всякое вѣроятіе": такъ начинается рядъ недостойныхъ статей „Московскаго Листка". Что́ же такое случилось? Зная неусыпныя заботы настоящаго попечителя помянутаго учрежденія, его хозяйственныя способности, глубоко-религіозное настроеніе, живую отзывчивость на нужды ближнихъ и постоянное стремленіе поддержать дѣдовскую старину, мы не можемъ приписать почтенному князю Ѳедору Алексѣевичу „невѣроятныхъ поступковъ и дѣйствій". Въ самомъ дѣлѣ, уже давно отказавшись отъ шумной свѣтской жизни и уединившись въ деревенской глуши, князь личнымъ пятнадцатилѣтнимъ трудомъ блестяще поставилъ свое родовое имѣніе, возстановилъ изъ развалинъ и запустѣнія дворецъ своихъ предковъ и тщательно хранитъ въ немъ настоящій музей драгоцѣнныхъ фамильныхъ вещей. Не жалѣя денегъ, онъ привелъ въ порядокъ свой замѣчательный семейный архивъ, всѣми забытый и чуть не погибшій, сдѣлалъ ему подробную опись и издалъ три роскошныхъ тома историческихъ матеріаловъ Петровской эпохи, благосклонно встрѣченныхъ всѣми друзьями родной старины.

Это самое уже свидѣтельствуетъ о томъ, что князь Ѳедоръ Алексѣевичъ не можетъ явиться легкомысленнымъ нарушителемъ дѣдовскихъ завѣтовъ.

Но дѣйствительно, въ княжескомъ Странопріимномъ домѣ наше вниманіе, какъ посторонняго наблюдателя, останавливаютъ въ теченіи послѣдняго времени нѣкоторые прискорбные случаи, „превосходящіе всякое вѣроятіе"... Мы слышали, напримѣръ, что новый священникъ домовой церкви князей Куракиныхъ задумалъ обратить ее въ *приходскую*, вопреки завѣщанію ея основателя, предназначившаго ее исключительно для призрѣваемыхъ инвалидовъ,

должностныхъ лицъ и прислуги. Въ этомъ вся суть. Мы знаемъ и то, что князьями Куракиными никогда не возбранялось и не возбраняется никому изъ вѣрующихъ, желающихъ поклониться чудотворному образу святителя Николая, посѣщать ихъ церковь; но тѣснота помѣщенія является препятствіемъ, по крайней мѣрѣ, для искусственнаго привлеченія молящихся. Пожертвовать капиталъ на построеніе церкви, возобновить ее на свой счетъ послѣ несчастнаго 1812-го года, отдѣлать ее вновь два раза въ теченіи послѣднихъ сорока пяти лѣтъ и опять на свои средства, это ли значитъ „творить мерзость въ мѣстѣ святѣ“, какъ позволяетъ себѣ выражаться „Московскій Листокъ“? А съ другой стороны, привлекать, безъ вѣдома попечителя и въ ущербъ достоинству князей Куракиныхъ, всякими мѣрами, „доброхотныхъ дателей“, не значитъ ли это обращать домъ Божій въ домъ торговли? Изъ статей „Московскаго Листка“ ясно требованіе автора, чтобы попечитель отдалъ свою домовую фамильную церковь въ подарокъ воображаемому приходу и причту. Но именно этимъ онъ и нарушилъ бы завѣты своихъ предковъ, за которые такъ лицемѣрно ратуютъ помянутыя статьи...

Желая расширить зимнее помѣщеніе храма для мнимаго прихода, о. Николай Пшеничниковъ забываетъ свою прямую обязанность посвящать себя всецѣло тому учрежденію, отъ котораго онъ получаетъ и квартиру съ отопленіемъ, и жалованье, удвоенное нынѣшнимъ попечителемъ и только недавно сбавленное имъ до нормы, опредѣленной уставомъ, въ виду поступковъ помянутаго лица и вполнѣ согласно съ „священными завѣтами предковъ“. 4-го Іюня прошлаго года умеръ управлявшій Страннопріимнымъ домомъ Соловьевъ, и вслѣдъ за тѣмъ немедленно прибыли въ Москву попечитель и его супруга. Оставивъ свое прелестное Надеждино, со всею энергіею отдались они упорядоченію дѣлъ своей богадѣльни и ремонту принадлежащихъ къ ней зданій, на что изъ собственныхъ денегъ пожертвовали до семи тысячъ рублей. Въ началѣ Сентября князь былъ вызванъ неотложными дѣлами въ деревню, а 13-го того же мѣсяца священникъ, воспользовавшись отсутствіемъ попечителя, безъ всякаго разрѣшенія съ его стороны, все въ той же заботѣ о расширеніи мѣста для своего „прихода“, позволилъ себѣ поставить въ лѣтнемъ отдѣленіи храма двѣ желѣзныхъ печи, изъ нихъ одну въ самомъ алтарѣ. Увлеченный своею затѣей, онъ ни разу не подумалъ, что, при отопленіи помѣщенія, не производившемся въ продолженіи ста пятидесяти лѣтъ, должна появиться сырость на стѣнахъ и испортиться живопись церкви. Да и наружный видъ зданія обезображенъ печами и трубами, свидѣтельствуя о томъ, какъ безцеремонно обращаются у насъ съ памятниками старины и какъ мало придаютъ значенія извѣстному закону, требующему всякаго рода передѣлки старинныхъ церквей производить не иначе, какъ съ вѣдома и разрѣшенія Археологическаго Общества.

Другіе поступки священника также обнаруживаютъ въ немъ большое неуваженіе къ старинѣ того храма, къ которому онъ приставленъ: напримѣръ, онъ помѣстилъ въ немъ, въ видѣ пожертвованія, двѣ иконы современнаго и весьма дешеваго письма, ничуть не гармонирующія съ старин-

нымъ благолѣпіемъ княже-Куракинской церкви, построенной въ 1742 году, и съ ея художественною живописью. Тутъ, между прочимъ, является нарушеніе старины и въ другомъ смыслѣ, такъ какъ, по исконной преемственности князей Куракиныхъ, въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, ими основанныхъ, пожертвованія отъ стороннихъ лицъ отклоняются.

Съ прискорбіемъ и недоумѣніемъ видѣли мы всю прошлую зиму, что престарѣлые инвалиды должны были молиться въ своихъ кельяхъ и холодномъ корридорѣ, а церковь наполнялась богатыми „прихожанами", къ услугамъ коихъ являлись и коврики, и стулья, хотя храмъ построенъ именно для призрѣваемыхъ, какъ видно не только изъ духовной князя Бориса Ивановича Куракина, но даже изъ самой архитектуры зданія, соединеннаго крытымъ ходомъ съ церковью.

Возвратившись въ концѣ Октября изъ деревни и узнавъ о поступкахъ священника, несогласныхъ съ духомъ учрежденія и волею его основателя, князь Ѳедоръ Алексѣевичъ черезъ вновь назначеннаго управляющаго богадѣльни (Василія Аѳанасьевича Сошальскаго, подполковника Русской службы и православнаго исповѣданія) просилъ священника, чтобы церковные ключи, по примѣру всѣхъ домовыхъ церквей и по заведенному изстари обычаю, хранила контора Странноприимнаго дома, выдавая ихъ для совершенія требъ и богослуженія *невозбранно*. Желаніе князя было исполнено лишь на нѣсколько часовъ, и то отцомъ дьякономъ; а священникъ, подъ угрозой, что онъ не будетъ исполнять въ богадѣльнѣ никакихъ требъ, вновь взялъ ключи изъ конторы и заявилъ о своемъ нежеланіи подчиняться никакимъ распоряженіямъ попечителя, такъ какъ считаетъ себя настоятелемъ приходской, а не домовой церкви. Нынѣ онъ весьма часто отказываетъ въ ключахъ отъ церкви попечителю, а между тѣмъ ключи должны храниться при конторѣ уже по одному тому, что церковь съ самаго основанія своего убирается инвалидами подъ надзоромъ управляющаго домомъ, а за внѣшнимъ порядкомъ въ ней слѣдитъ самъ попечитель.

Не принимая на себя никакихъ обязательствъ по отношенію къ Странноприимному дому и видя для себя особенныя удобства въ привлеченіи такъ называемыхъ „прихожанъ", священникъ тѣмъ не менѣе не отказывается ни отъ жалованья, ни отъ квартиры, ни отъ услугъ инвалидовъ; устраиваетъ въ церкви вѣнчанія безъ вѣдома попечителя и безъ отчета въ полученныхъ суммахъ, допускаетъ даже исполненіе оныхъ посторонними священниками, не предупредивъ о томъ князя. Мало того: онъ не желаетъ чтить память тѣхъ самыхъ благотворителей князей Куракиныхъ, которые такъ превозносятся въ статьяхъ „Московскаго Листка", конечно не ради чего другаго, какъ только для того, чтобы тѣмъ сильнѣе оскорбить попечителя. Полтораста лѣтъ служились въ Николо-Куракинской церкви заупокойныя обѣдни и панихиды въ дни тезоименитства и кончины князей Куракиныхъ; но 20-го прошлаго Декабря, въ день смерти князя Алексѣя Борисовича, не смотря на письменное предупрежденіе управляющаго, была отслужена лишь общая панихида, все въ томъ же демократическомъ стремленіи унизить до-

стоинство князей Куракиныхъ передъ богатыми купцами „прихожанами“, а 31-го даже и таковой не удостоилась память родителей князя. 6-го же Декабря, въ день храмового торжества и памяти учредителя, настроеніе убѣленныхъ сѣдинами инвалидовъ было оскорблено и возмущено небывалымъ сто пятьдесятъ лѣтъ случаемъ: священникъ тотчасъ послѣ обѣдни отправился вмѣстѣ съ причтомъ съ крестомъ и святою водою по своему мнимому „приходу“ и не совершилъ такимъ образомъ обычной въ этотъ день литіи передъ трапезой инвалидовъ. Только въ три часа пополудни, когда инвалиды разошлись по своимъ кельямъ для послѣ-обѣденнаго отдыха, священникъ явился со святою водою. Дѣйствительно, могутъ „треснуть могильные камни, подъ коими покоится прахъ благочестивыхъ храмоздателей“, отъ цѣлаго ряда подобныхъ нарушеній ихъ воли и завѣтовъ.

Въ тотъ же день, 6-го Декабря, говоритъ „Московскій Листокъ“ „кормленіе нищихъ происходило въ *какихъ-то* народныхъ столовыхъ, едва ли даже не на Хитровомъ рынкѣ“, и въ этомъ онъ видитъ нарушеніе внутренняго смысла стариннаго обычая и духовнаго значенія его. Но не дерзко ли называть *какими-то* народныя столовыя Человѣколюбиваго Общества, состоящія подъ Августѣйшимъ покровительствомъ *Государыни Императрицы*? Каждый согласится, что это распоряженіе попечителя указываетъ лишь на заботливость его о бѣднякахъ, явившихся въ тотъ день въ числѣ 300 человѣкъ, чтобъ они напитались въ память его предковъ не на улицѣ въ трескучій морозъ, а въ тепломъ помѣщеніи, каковаго не могла доставить такому числу богадѣльня по тѣснотѣ своей. Нужно ли прибавлять, что по уставу кормится въ этотъ день лишь 100 человѣкъ, и что каждый нищій получилъ отъ князя кромѣ обѣда еще по 15 копѣекъ? Вѣдь одинъ этотъ расходъ, повторяющійся въ годъ два раза, 6-го Декабря и 9-го Мая, утроился сравнительно съ прежнимъ положеніемъ.

Заявленіе „Московскаго Листка“, будто послѣ смерти Соловьева „должность управляющаго и вмѣстѣ церковнаго старосты занимало лицо *католическаго* исповѣданія“, должно быть назаано *преднамѣренной* клеветою. Вѣдь неизвѣстный авторъ, ссылаясь весьма часто на церковную лѣтопись, несомнѣнно есть лицо близкое къ учрежденію: ибо упомянутая лѣтопись хранится въ церковномъ архивѣ и недоступна никому, кромѣ причта... Такимъ образомъ не могъ онъ не знать, что лицо католическаго исповѣданія, на которое онъ намекаетъ, служило нѣкогда простымъ писцомъ въ конторѣ Страннопріимнаго дома и церковныхъ дѣлъ ни чуть не касалось, оставаясь при конторѣ послѣ скоропостижной смерти Соловьева лишь столько времени, сколько требовалось для сдачи дѣлъ. Старостою же у свѣчнаго ящика приставленъ одинъ изъ инвалидовъ, а они всѣ православные.

Что касается разныхъ пожертвованій, усердно привлекаемыхъ новымъ священникомъ, то, во первыхъ, они не оправдываются ни малѣйшею необходимостью или желаніемъ попечителя, а, во вторыхъ, про нихъ ничего не вѣдаетъ ни самъ князь, ни его контора. Если въ 1891 году было пожертвовано, какъ заявляетъ одна изъ статей (конечно, со словъ священника, выбравшаго эту

оригинальную форму отчета въ газетѣ) „кагору и ладону на 66 рубл. 80 к.“, то нельзя приписывать этого оскудѣнію средствъ учрежденія или безпечности администраціи: ибо никакихъ заявленій про церковныя нужды священникъ не дѣлаетъ конторѣ, вѣрный своей мысли разъединить церковь и богадѣльню, т. е. разъединить то, что̀ неразрывно связано благочестивыми предками князя Ѳ. А. Куракина.

Но что̀ всего возмутительнѣе, что̀ оскорбительно не только для князя Ѳедора Алексѣевича, но и для родовой чести его фамиліи — чести, не померкавшей вѣками, это—дерзкій вопросъ: куда дѣваются церковныя суммы, и грязные намеки на продажу части земельной собственности Странпопріимнаго дома. Мы близко знаемъ рѣдкія качества князя Ѳедора Алексѣевича Куракина. Десятки тысячъ рублей вложилъ онъ въ Страннопріимный домъ за двадцать лѣтъ своего управленія; немалыя суммы жертвуются имъ на разысканія и поддержку Куракинской старины; въ нынѣшнюю тяжелую годину имъ кормилась цѣлая волость въ 8-ми устроенныхъ на его средства столовыхъ, въ коихъ бывало до 700 человѣкъ ежедневно; много тратитъ онъ ежегодно на своихъ личныхъ пенсіонеровъ, старыхъ слугъ отца и дѣда; два храма Божіи щедро поддерживаются имъ въ его имѣніи; его слову вѣрятъ больше, чѣмъ документу другаго; тысячи крестьянъ видятъ въ немъ руководителя и благодѣтеля. Свободный отъ какихъ бы то ни было долговыхъ обязательствъ, болѣе чѣмъ обезпеченный имущественно, станетъ ли князь отнимать жалкіе гроши у призрѣваемыхъ имъ же бѣдняковъ? Это и дерзость, и нелѣпость! Не князю Куракину оправдываться передъ „Московскимъ Листкомъ“; но чтобы грязныя строки, въ немъ напечатанныя, не ввели кого-либо въ заблужденіе, мы должны заявить, что не церковь содержитъ богадѣльню, а наоборотъ. Что же касается Страннопріимнаго дома, то онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи лишь проценты съ 68-ми тысячъ капитала и нѣкоторые временные доходы съ отдаваемыхъ въ наемъ помѣщеній. Было время, когда инвалидовъ содержалось не болѣе 12-ти человѣкъ; теперь ихъ 27, не считая причта, управляющаго, писаря, фельдшера, кастелянши, двухъ сидѣлокъ, повара и четырехъ дворниковъ.

Домъ, принадлежащій богадѣльнѣ, и прочія сдаваемыя помѣщенія не разъ возстановлялись средствами князей Куракиныхъ, а нынѣ вновь пришли въ крайнюю ветхость, и ремонтъ только части оныхъ обошелся настоящимъ лѣтомъ князю Ѳедору Алексѣевичу и его супругѣ до 17,000 ихъ собственныхъ денегъ; а откуда конторѣ брать средства на фундаментальный ремонтъ зданій, которыя грозятъ развалиться, положительно неизвѣстно. Если попечитель и нашелъ бы необходимымъ, съ Высочайшаго соизволенія, обратить въ наличный капиталъ всѣ доходныя статьи Страннопріимнаго дома, заключающіяся въ домахъ и строеніяхъ, сдаваемыхъ въ арендное содержаніе: то подобнымъ установленіемъ правильныхъ и опредѣленныхъ поступленій, въ видѣ процентовъ, онъ конечно обезпечилъ бы на вѣчныя времена существованіе Страннопріимнаго дома.

Къ такому же убѣжденію и насъ лично приводятъ нижеслѣдующія обстоятельства: 1) нынѣ существующіе дома и строенія, сдаваемые въ арендное содержаніе, требуютъ постоянныхъ издержекъ на ремонтъ, уплату страховыхъ премій и городскихъ повинностей, что̀ значительно уменьшаетъ сумму чистаго дохода, а слѣдовательно и способовъ къ удовлетворенію нуждъ призрѣваемыхъ инвалидовъ; 2) плата, вносимая арендаторами зданій, принадлежащихъ Странопріимному дому, не можетъ считаться опредѣленнымъ доходомъ, такъ какъ, находясь въ зависимости отъ спроса на квартиры и помѣщенія въ Москвѣ, она подвергается значительнымъ колебаніямъ; 3) зданія, приносящія доходъ и существующія уже около столѣтія, пришли въ ветхость и требуютъ капитальнаго ремонта, а нѣкоторыя изъ нихъ перестройки, между тѣмъ въ кассѣ Страннопріимнаго дома нѣтъ особыхъ суммъ, предназначенныхъ на этотъ предметъ, благодаря чему Страннопріимный домъ можетъ лишиться части доходовъ, и наконецъ 4) ни Высочайшимъ указомъ императрицы Анны Іоанновны, ни завѣщаніемъ князя Бориса Ивановича Куракина не устанавливается за Страннопріимнымъ домомъ права владѣть недвижимыми имѣніями, вслѣдствіе чего продажа всѣхъ зданій, не принадлежащихъ къ корпусу богадѣльни, не будетъ противорѣчить ни Высочайшей волѣ, разрѣшившей учрежденіе богадѣльни, ни волѣ завѣщателя. Прибавимъ къ этому, что императрицею Анною Іоанновною пожаловано князю Александру Борисовичу подъ богадѣльню только 2,000 квадратныхъ саженъ, т. е. менѣе половины всей земли, нынѣ состоящей подъ Страннопріимнымъ домомъ. Остальное количество ея было прикуплено сыномъ основателя, княземъ Борисомъ Александровичемъ, и внукомъ его, княземъ Степаномъ Борисовичемъ, которые притомъ не оставили послѣ себя ни малѣйшаго документа о закрѣпленіи ея на вѣчныя времена за богадѣльнею, или о запрещеніи продавать оную, даже и тогда, когда отъ этого зависѣло бы и самое существованіе учрежденія.

Въ случаѣ замѣны всѣхъ непринадлежащихъ къ богадѣльнѣ зданій наличнымъ капиталомъ, вырученнымъ отъ нхъ продажи, и по присоединеніи его къ существующему уже капиталу, составится сумма настолько значительная, что получится возможность вѣчно пользоваться опредѣленнымъ и неизмѣннымъ доходомъ, вполнѣ достаточнымъ, какъ для содержанія въ надлежащей исправности учрежденія, такъ и для призрѣнія бо̀льшаго количества престарѣлыхъ воиновъ. Подобный примѣръ мы встрѣчаемъ и въ исторіи самой богадѣльни: настоящій капиталъ ея въ значительной части своей образовался именно путемъ продажи, въ концѣ прошлаго вѣка, Ростовской вотчины, оставленной по духовному завѣщанію княжны Аграфены Александровны Куракиной въ пользу „шпиталя".

Не пощадили на столбцахъ „Московскаго Листка" и покойнаго Н. К. Соловьева, бывшаго, подобно дѣдамъ его вѣрнымъ слугою князей Куракиныхъ. Если человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, замѣчательно добродушный по характеру своему, не ладилъ послѣднее время со священникомъ, то не было ли тутъ тѣхъ же причинъ, которыя неизбѣжно вызвали вмѣшательство и самого попечителя? **В. Н. С.**

ЮМОРИСТИЧЕСКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ В. А. ЧУПЯТОВА.

Въ третьей книжкѣ Русскаго Архива за 1873 г., въ статьѣ Л. Н. Майкова сообщены свѣдѣнія о купцѣ Чупятовѣ, имя котораго упоминается въ стихотвореніи Державина „Вельможа“:

Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ супостатовъ,
Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ
Въ Марокскихъ лентахъ и звѣздахъ.

Недавно у одного изъ Тульскихъ букинистовъ мнѣ попалась рукопись XVIII в., изображающая названнаго Чупятова. Она имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Житіе господина N, которое служитъ введеніемъ въ гисторію его въ царствѣ мертвыхъ“. За этимъ заглавіемъ слѣдуютъ двѣ надписи, сдѣланныя другимъ почеркомъ и принадлежащія очевидно не автору рукописи: 1) „Здѣсь описанъ Ржевы Володимеровой *) купецъ Василій Анисимовъ сынъ Чупятовъ, который послѣ совершенно съ ума сошелъ, покойнымъ сенатскимъ протоколистомъ Стефаномъ Прокофьевичемъ Колосовымъ въ 1766 г.“. 2) „Свойства Ржевы Володимеровой купца Василія Анисимова сына Чупятова, жившаго во второй половинѣ осмнадцатаго вѣка, который наконецъ совершенно въ умѣ помѣшался и изъ совершеннаго раскольника преобразился въ щоголя, обрилъ себѣ бороду, отростилъ волосы и ходилъ въ Нѣмецкомъ уже платьѣ, обвѣшанный дурацкими знаками, воздыхая о Марокской принцессѣ, на которой возмечталъ жениться, имѣвъ отъ роду около 60 лѣтъ“. Послѣднія слова, какъ извѣстно, указываютъ на дѣйствительную біографическую черту: обанкротившійся Чупятовъ помѣшался или притворился помѣшаннымъ и ходилъ обвѣшанный лентами, медалями и крестами, присланными будто бы влюбленною въ него Марокскою принцессою. Впрочемъ объ этомъ превращеніи нѣтъ да и не можетъ быть упоминанія въ самой рукописи, такъ какъ оно произошло послѣ 1766 г. Это между прочимъ доказываетъ, что Чупятовъ еще раньше своихъ чудачествъ успѣлъ обратить на себя вниманіе.

Рукопись раздѣляется на двѣ части: первая, сравнительно короткая, но болѣе интересная, содержитъ характеристику и краткое жизнеописаніе Чупя-

*) Такъ назывался въ старину (и недавнюю) городъ Ржевъ, Тверской губ. П. Б.

това; а вторая, изложенная въ діалогической формѣ и болѣе длинная, изображаетъ вступленіе Чупятова въ царство мертвыхъ, его путешествіе по Стиксу, бесѣды съ Меркуріемъ, Харономъ и Миносомъ.

Приводимъ нѣсколько отрывковъ изъ первой части.

Василій Анисимовъ Чупятовъ былъ „сынъ знатнаго гостя изъ Ржева Володимерова“, переселившійся съ торговою цѣлью въ Петербургъ. Впрочемъ, по словамъ автора, „нѣкоторые заподлинно увѣряютъ, что родился онъ близъ рѣки Оби въ весьма набожномъ Аввакумовомъ скитѣ, между совершенными и премудрыми людьми, гдѣ Россійскую грамоту и всевозможныя въ свѣтѣ науки, какъ напр., часть букваря, задніе стихи въ азбукѣ и ариѳметику на щетахъ и пр. выучилъ; пришедши въ возрастъ, напустился на Сентябрскую треть Пролога и съ такимъ успѣхомъ читалъ самыхъ древнѣйшихъ авторовъ, что изыскалъ напослѣдокъ новыя и непреоборимыя доказательства на осьмиконечный крестъ, разсуждалъ весьма разумно на Макарьевской ярманкѣ о святости усовъ и бороды и утверждалъ заподлинно, что голова намъ дана отъ натуры единственно для бороды, а восьмиугольная борода есть всѣмъ бородамъ борода, и старался собрать осьмой вселенскій соборъ, чтобы признать ее за таинство, потому что-де въ ней наша душа обитаетъ и каждый волосокъ такой же-де необходимый членъ тѣла, какъ и прочіе; однако намѣренія своего въ дѣйство произвести не могъ, потому что челобитная его о томъ сгорѣла во время буянскаго пожара и горѣла по объявленію его осьмиугольно. Благодаря склонности къ древнему благочестію, Чупятовъ съ особеннымъ стараніемъ „даже до смерти читалъ старинную печать и улыбался съ радости, когда находилъ темныя мѣста, которыхъ разумѣть не могъ“. Друзей своихъ онъ всякими способами „увѣщевалъ не пить кофія, огребаться отъ табаку и не читать „Пращицу“ *). Съ большимъ недоброжелательствомъ относился онъ къ Масонамъ, „которые по мнѣнію его были бѣси, діяволы, аспиды, василиски“. Онъ „ѣздилъ въ Нѣмецкую землю и былъ во всѣхъ городахъ Россійской имперіи“, но не могъ добраться до церкви, „до которой никогда не дохаживалъ на двадцать шаговъ, имѣя на то весьма важныя причины“, такъ какъ въ православныхъ храмахъ „образа̀ мучеництъ очень прелестны, а лики святыхъ не довольно темны“.

Чупятовъ былъ очень краснорѣчивъ, когда ему приходилось восхвалять древнее благочестіе, проклинать Масоновъ или говорить о буянскомъ пожарѣ, во время котораго онъ понесъ большіе убытки. „Во всю свою похвальную жизнь онъ ни одного человѣка не нашелъ, который бы могъ столько слушать, сколько онъ могъ говорить; а это приписываю я недостатку разума слушателей, которые такъ нетерпѣливы были, что думали, будто бы толь важную матерію,

---

*) Сочиненіе Питирима, еп. Нижегородскаго, заключающее въ себѣ собраніе отвѣтовъ на „Керженскіе вопросы“ раскольниковъ-поповцевъ.

какъ напр. буянскій пожаръ, въ девятые сутки переговорить, изъяснить и повторить можно было". Его краснорѣчіемъ „наслаждались и самые подлые люди. „Однажды сказывалъ онъ великолѣпную проповѣдь о сребролюбіи гребцамъ, переѣзжая черезъ Неву, но къ крайней досадѣ нашелъ, что скорѣе можно сдѣлаться всеобщимъ учителемъ, нежели сдѣлать безсребренниками людей, которые право свое баграми защищаютъ, чего ради они отъ него и прокляты были, какъ мздоимцы и грабители; напослѣдокъ, вздохнувъ три раза, наградилъ ихъ единою меденицею, и весьма поболѣлъ духомъ, что они промѣняли царство небесное на грошъ, который съ него взяли".

Наружность своего героя авторъ рукописи насмѣшливо называетъ „миловидною". Природа очень скудно надѣлила Чупятова именно тѣмъ украшеніемъ, изъ-за котораго онъ хотѣлъ созвать осьмой вселенскій соборъ. „На правой сторонѣ усовъ его лежали весьма нѣжно 12 волосковъ, волосъ къ волосу, на лѣвой сторонѣ 24, а на бородѣ 48, и такъ все было на немъ пропорціально, да еще въ пропорціи геометрической. Кафтанъ носилъ всегда коричневый, въ знакъ смиренномудрія, о которомъ заподлинно увѣрялъ, что онъ сдѣланъ былъ изъ того сукна, которое коню князя Рюрика попоною служило, и отчасти для древности, отчасти для толь важныхъ заслугъ, почиталъ его защитникомъ отъ всѣхъ соблазновъ и демонскаго навожденія; рубахи носилъ красныя или зеленыя, а въ вороту запонку, которая древностью Кремль-городу не уступала и въ которую задѣлана была весьма искусно часть ногтя протопопа Аввакума съ указательнаго перста".

Преданность древнему благочестію была причиною преждевременной смерти Чупятова *).

Былъ у него любимый „ученикъ и наперсникъ", который былъ ему во всемъ покоренъ, терпѣливо слушалъ его безконечныя поученія, „ругалъ" вмѣстѣ съ нимъ Масоновъ и „отсылалъ ихъ безъ допросу во адъ, въ жилище уготованное имъ"; однимъ словомъ, этотъ ученикъ, по мнѣнію Чупятова, „былъ уже у самыхъ вратъ сада Эдемскаго". Каково же было его огорченіе, когда однажды, отправившись къ кому-то изъ своихъ знакомыхъ, Чупятовъ засталъ тамъ своего любимаго ученика за чашкою кофе и съ трубкою въ зубахъ! Изумленный ревнитель стараго благочестія „возстеналъ и просилъ предстоящихъ, чтобы вывели его изъ Содома и Гомора и дабы не погибнулъ съ беззаконниками", но потомъ такъ ослабѣлъ, что „приказалъ положить себя подъ образа", спрашивалъ, гдѣ „безумный юноша, упившійся желчи адскія" и просилъ, чтобы предстоящіе бросили сего злочестивца въ геенну. Съ этими словами онъ скончался „и хотя въ мѣсяцесловъ еще не внесенъ, однако никто не сумнѣвается, чтобы не принятъ былъ на томъ свѣтѣ по достоинству".

---

*) „Житіе" написано задолго до смерти Чупятова.

По смерти Чупятова многіе избранники удостоились видѣній. Такъ „отецъ Тарасій, оракулъ Брынскій и кавалеръ Святаго Козыря", писалъ въ Крестецкій Ямъ „къ старухѣ Савельевнѣ, которая тамъ въ освященномъ погребѣ 28 лѣтъ службу отправляетъ: „Явились мнѣ, бабушка, два юноши въ смурыхъ кафтанахъ и порткахъ, волосы острижены у нихъ были по христіински, за плечами видны были святые козыри; они отправляли мнѣ челобитье отъ покойника и увѣряли меня, что пòчести его и блаженство на томъ свѣтѣ публикуются отъ извѣстнаго ученика его, о чемъ тебѣ, бабушка Савельевна, и мнѣ недостойному сообщено будетъ. Впрочемъ, прося для себя и для всея братіи благословенія твоего, остаюсь молитвенникъ твой Тарасій".

Удостоился видѣнія и тотъ злóсчастный ученикъ, который былъ невольною причиною смерти Чупятова. „Явился онъ и мнѣ, пишетъ этотъ ученикъ, во снѣ, въ красной рубахѣ, въ порткахъ и въ черныхъ тупоносыхъ туфляхъ; кафтанъ его обыкновенно не подпоясанъ, въ рукахъ держалъ житіе Аввакумово, книгу толщиною, по крайней мѣрѣ, въ 8 вершковъ, которою такъ рѣзнулъ меня по головѣ, что я отъ удара сего, конечно, упалъ бы, если бы не лежалъ на постели. Юноша неблагодарный, вскричалъ онъ, я прощаю тебѣ смерть мою, а въ благодарность за благоутробіе мое опиши жизнь мою въ мірѣ семъ, также и то, чтò происходило со мною на вышнемъ свѣтѣ... Одинъ списокъ пошли къ отцу Тарасію, другой къ старухѣ Савельевнѣ въ Крестецкій Ямъ, для утвержденія ихъ въ православіи, а третій отошли въ Петербургъ, въ первую линію для истребленія Эллинскихъ мнѣній изъ Россійскаго юношества. Выговоря сіе, обнялъ и велѣлъ поцѣловать себя въ освященную запонку и невидимъ бысть. Я проснулся и, схвативъ перо, трепещущими руками началъ писать, прославляя чудеса угодниковы".

С. А. Петровскій.

Тула.

ПО ПОВОДУ ОДНОГО СОЛДАТСКАГО РАЗСКАЗА.

„Разсказъ раненаго подъ Плевной“: такъ озаглавлена въ Декабрьской книжкѣ „Русскаго Архива“ 1892 года статья П. Н. Обнинскаго, который, служа прокуроромъ окружнаго суда въ Костромѣ, посѣщалъ тамошній госпиталь, гдѣ и записалъ солдатскій разсказъ, который приводимъ здѣсь въ извлеченіи.

„Скобелевъ — молодецъ, да вѣдь одинъ на тысячу! Господа офицеры все больше съ боку... одинъ роту свою пустилъ впередъ, а самъ, милый человѣкъ, въ канавку, да тамъ и затаился, а Скобелевъ-генералъ, на бѣду мимо той канавки съ нами и поди... ну значитъ, и накрылъ ротнаго. Тутъ Скобелевъ-генералъ сейчасъ къ намъ: „бей его, братцы!...“ . Скобелевъ одинъ на тысячу!... И чего боятся? Страшно, пока подходишь, а какъ пули начнутъ свистатя—ничего.. Охъ, только уже и начальники! Иной, въ мирное время, куда какъ прытокъ, распоряжается куда храбро! А теперь не то: „братцы“ да „голубчики“, да „соколы вы мои“, а самъ-то бочкомъ, бочкомъ, да за насъ грѣшныхъ“ и пр.

„Къ этому разсказу“, говоритъ авторъ статьи, „комментаріи излишни: онъ раскрываетъ передъ нами ту изъ областей „психологіи войны“, которой не коснулся еще ни одинъ изъ нашихъ боевыхъ лѣтописцевъ; въ немъ рисуется передъ нами обаятельный образъ воина - крестьянина, который идетъ въ огонь не по командѣ (?!), не по одушевляющему примѣру вождей, а по своему внутреннему, непоколебимому сознанію долга (?!), презирая опасность и тѣхъ, кто хоронится отъ нея; онъ стоитъ выше стадной храбрости, выше заражающаго импульса толпы и знаетъ одного лишь „Скобелева-генерала“— одного на тысячу!“

Не имѣю ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ безошибочной записи г. Обнинскаго, но вполнѣ сомнѣваюсь въ правдивости разсказщика. Вотъ хотя бы эти нѣсколько словъ: „Господа офицеры все больше съ боку... одинъ роту свою пустилъ впередъ, а самъ, милый человѣкъ, въ канаву, да тамъ и затаился, а Скобелевъ - генералъ, на бѣду, мимо той канавки съ нами-то к поди... ну, значитъ, и накрыли ротнаго... Тутъ Скобелевъ-генералъ сейчасъ къ намъ; „бей его братцы...!“ Вдарили мы съ ружей и положили своего ротнаго въ той же канавкѣ“.

Наивнѣе этого солдатскаго сочиненія и придумать трудно. Во 1-хъ, господа офицеры все больше съ боку. Не только съ боку, но даже и *сзади должны* они находиться, смотря по тому, въ какомъ строѣ идетъ часть, въ разсыпномъ или въ сомкнутомъ, смотря и по тому, въ какой должности офицеръ состоитъ—командуетъ ротой, или взводомъ, или онъ просто субалтернъ, которому можетъ быть приказано съ нѣсколькими человѣками двигаться въ тылу, для наблюденія именно за охотниками отставать подъ разными предлогами (такихъ солдатъ бываетъ немало). Только не военный человѣкъ и не читавшій военныхъ сочиненій можетъ воображать, что на войнѣ всѣ генералы и офицеры должны всегда быть впереди, махать саблями и вести за собою солдатъ, произнося при этомъ краснорѣчивыя фразы. Первая обязанность всякаго офицера – находиться тамъ, гдѣ требуетъ уставъ: впереди, на флангѣ, или сзади. Бываютъ минуты, когда, замѣтивъ робость солдатъ, упадокъ силъ, заминку, офицеръ долженъ выйти впередъ, ободрить, пристыдить и подать примѣръ мужества. Это, за весьма рѣдкими исключеніями, имѣетъ отличный результатъ, хотя не обходится иногда и безъ неуспѣха. Во 2-хъ, „одинъ роту свою пустилъ впередъ, а самъ въ канавку". Хорошо; значитъ, рота его ушла впередъ, а Скобелевъ двигался съ другими войсками слѣдомъ. Какимъ же образомъ вышло, что „вдарили *мы* съ ружей и положили *своего* ротнаго въ той же канавкѣ?" Да вѣдь ротный-то спрятался въ канавкѣ, а *его* рота ушла; слѣдовательно пристрѣлить его могли солдаты ужъ не только не его роты, но даже едвали и того батальона: потому что Скобелевъ-генералъ двигался, конечно, не во главѣ какой-нибудь незначительной части въ родѣ роты или батальона, а впереди цѣлаго отряда. Въ 3-хъ, о достоинствахъ Скобелева распространяться нечего; извѣстно, что онъ былъ не только храбрый, но умный, всесторонне-талантливый военный человѣкъ, не только рубака, но и военный администраторъ, вникавшій и отлично понимавшій *духовную* сторону войска; а это сторона самоважнѣйшая, и горе той арміи, въ которой на нее не обращаютъ вниманія. Могъ ли же такой генералъ, какъ Скобелевъ, крикнуть солдатамъ: бей его братцы...! (подъ точками здѣсь должно предполагать какое-нибудь непечатное слово). Нѣтъ, не могъ. Скобелевъ могъ его предать суду по полевымъ уголовнымъ законамъ, и черезъ 24 часа этотъ жалкій трусъ былъ бы разстрѣлянъ, предварительно лишенный всѣхъ атрибутовъ офицерскаго званія. И все это произошло бы законно, гласно, въ присутствіи построенныхъ по уставу войскъ, и достигло бы главной цѣли: поддержанія въ войскахъ той строгой дисциплины, которая составляетъ душу и единственный фундаментъ регулярной арміи. Такъ, съ однимъ струсившимъ офицеромъ поступилъ въ 1845 году на Кавказѣ князь Воронцовъ, замѣнивъ смертную казнь исключеніемъ изъ службы. Сдѣлавъ же такъ, какъ разсказывалъ въ Костромѣ солдатъ, Скобелевъ показалъ бы себя и плохимъ генераломъ, и плохимъ человѣкомъ, чего я допустить не могу.

Между солдатами всегда, а въ военное время въ особенности, ходитъ множество разсказовъ, большею частью прикрашенныхъ, съ кучею прибав-

леній и фантазій, подъ которыми исчезаетъ крупинка дѣйствительности, подавшей поводъ къ разсказу; нерѣдко и басней, просто сочиненныхъ ловкимъ краснобаемъ, возбуждающимъ вниманіе разинувшихъ рты слушателей. Имя Скобелева, *„знающаго заговоръ отъ пуль“*, дало много матеріала для подобныхъ разсказовъ. Къ ихъ числу приходится причислить и тотъ, о которомъ завелъ рѣчь г. Обнинскій.

Выступать на защиту офицеровъ я вовсе не намѣренъ: это, пожалуй, ихъ бы оскорбило. Съ меня довольно оффиціальныхъ свѣдѣній, что ихъ убыль убитыми и ранеными, въ войну 1877 — 1878 гг., доходила до 50 и свыше процентовъ, т. е. значительно больше, чѣмъ солдатъ. Что въ семьѣ не безъ урода, это извѣстно; но объ этомъ едва ли стоитъ разсказывать, потому что это ничего не доказываетъ.

Самъ авторъ, двумя страницами дальше, говоритъ: „нельзя конечно поручиться за его, т. е. разсказа, фактическую достовѣрность, и что беззавѣтная храбрость нашихъ офицеровъ тысячу разъ доказана исторіею нашихъ войнъ“ и т. д., хотя этими фразами трудно загладить впечатлѣніе только что прочитаннаго.

Авторъ, въ данномъ случаѣ, считаетъ *„важною и субъективную психологическую правду“* разсказа. Правда эта, очищенная отъ туманной оболочки, заключается въ томъ, что весь верхній слой войска —гниль, вся же сила въ простомъ человѣкѣ—солдатѣ. Въ подтвержденіе такого вывода авторъ приводитъ выписку изъ писемъ покойнаго Боткина изъ Болгаріи (Вѣстникъ Европы, Октябрь 1892 г.). Но то, что̀ говоритъ Боткинъ, всецѣло относится къ главноначальствующимъ и ихъ штабамъ; ни малѣйшаго намека тамъ нѣтъ на строевыхъ офицеровъ, не менѣе солдатъ голодавшихъ, страдавшихъ, гибнувшихъ... Солдатъ же въ Костромѣ, напротивъ, разсказывалъ о ротномъ командирѣ, о господахъ - офицерахъ, идущихъ съ ними въ дѣло, въ мирное время ими командующихъ и „бьющихъ по мордѣ“. Разница громадная! О тѣхъ, которыхъ описываетъ Боткинъ, солдаты едва ли и слыхали; но ихъ знаетъ отлично чуть-ли не вся читающая Россія. Всѣ эти Л—цкіе, Н—чицкіе и Компанія, съ ихъ ординарцами, хватающими крестики, сидя за камнями, никакого отношенія не имѣютъ къ вопросу, возбуждаемому солдатскимъ разсказомъ и выводомъ изъ него г. Обнинскаго, который, очевидно, убѣжденъ, что трусы бываютъ только офицеры, а солдаты всѣ герои. „И если, говоритъ онъ, не смотря на эти запугивающія, деморализующія и обобщаемыя легенды, они (т. е. солдаты) дрались какъ львы, бросались въ огонь и первыми принимали на свою грудь удары врага: *такое* войско во столько же разъ страшнѣе непріятелю, во сколько рядовыхъ солдатъ больше, нежели офицеровъ (?) Имѣй эта прирожденная духовная мощь того *„школьнаго учителя“*, который, по словамъ Нѣмцевъ, далъ имъ побѣду во Франко-прусской войнѣ, мы увидали бы и не такія чудеса!“

Все это красивыя слова; пожалуй, если облечь ихъ въ риѳмованную форму, они покажутся еще красивѣе; но серьезнаго значенія ни сякъ, ни такъ въ нихъ нѣтъ. Военное дѣло—обширная спеціальность; чтобы говорить о немъ, нужно или побывать самому на театрѣ войны, обладая нѣкоторою способностью къ наблюдательности; или же хоть что нибудь прочитать объ этомъ предметѣ.

Слыхалъ ли высокоуважаемый авторъ о генералѣ Куропаткинѣ, бывшемъ ближайшемъ соратникѣ Скобелева? Въ глазахъ нашихъ, т. е. людей военныхъ, это авторитетъ, особенно во всемъ, касающемся войны 1877—1878 годовъ. Ну, такъ вотъ, генералъ Куропаткинъ написалъ книгу: „Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева въ Русско-Турецкую войну 1877—78 годовъ. Ловча и Плевна". Если П. Н. Обнинскій улучитъ свободный часокъ, чтобы прочитать эту книгу, то, не взирая на ея спеціальный характеръ, я увѣренъ, она ему доставитъ удовольствіе, и онъ убѣдится, что *errare humanum est* Книга генерала Куропаткина не реляція, часто грѣшащая противъ истины; нѣтъ, это отчетъ очевидца - дѣятеля, у котораго въ рукахъ документы, а передъ глазами факты. Къ каждому слову его читатель не можетъ не относиться безъ всякихъ сомнѣній въ его правдивости. И тутъ-то, въ этой правдивой лѣтописи, онъ найдетъ показанія, діаметрально расходящіяся съ госпитальнымъ разсказомъ солдата. Беру нѣсколько первыхъ попавшихся страницъ и читаю: „Непріятельская артилерія, не смотря на ея малочисленность, производила извѣстное нравственное впечатлѣніе, хотя потери отъ нея были незначительны. Нѣкоторые изъ снарядовъ не рвались, или рвались на слишкомъ малое число кусковъ; но ожиданіе разрыва для людей, близъ которыхъ снарядъ упалъ, сказывалось на лицахъ большинства изъ нихъ волненіемъ и первое время даже испугомъ", (томъ I, стр. 137). Испугъ—смягченіе незвучнаго слова—трусили.

Дальше, стр. 138: „Уборка убитыхъ и раненыхъ также тяжело дѣйствовала первое время на непривычныхъ еще къ виду смерти солдатъ". „При пролетѣ снаряда и при наиболѣе близкихъ паденіяхъ *офицеры командовали людямъ прятаться въ вырытые для этой цѣли ровики, но сами оставались на ногахъ.* Вообще любо было смотрѣть на нашу артилерійскую молодежь, первый разъ бывшую въ дѣлѣ. Правда, они въ дѣлѣ подъ Ловчею имѣли своими учителями такихъ блестящихъ батарейныхъ командировъ, какъ полковники Бауманъ, Крживоблоцкій, Дыховъ". Или, стр. 139: „Орудіями командовалъ поручикъ Дубасовъ, и хотя онъ былъ первый разъ въ огнѣ, но выказалъ много хладнокровія и распорядительности. Увидѣвъ приближающагося генерала Скобелева, офицеры батареи стали звать къ орудіямъ людей, *спрятавшихся въ ровики.* Люди, хотя медленно, но выскакивали и строились для встрѣчи. Не успѣли они отвѣтить на обычное Скобелева „здорово молодцы", какъ шипѣніе приближающагося снаряда *заставило ихъ снова попрятаться.* Снарядъ ударился между двумя орудіями, взрылъ землю, осыпалъ ею присутствующихъ

и съ рикошета полетѣлъ далѣе. *Самовольное прятанье артилеристовъ въ ровики* заставило Скобелева выстроить ихъ у орудій, и онъ приказалъ отвѣчать противнику огнемъ. Новый непріятельскій снарядъ приближался; но генералъ Скобелевъ хотѣлъ, чтобы всѣ оставались открытыми, и добился этого. Счастье ему лично покровительствовало, но нѣсколько человѣкъ изъ расположенныхъ за батареею было выведено изъ строя".

Стр. 167: „Одинъ изъ баталіоновъ Эстляндскаго полка, выйдя на кладбище и попавъ подъ выстрѣлы, первые въ его практикѣ, *безъ команды побѣжалъ чрезъ кладбище, ища укрытія отъ Турецкихъ пуль*, окаймлявшихъ кладбище съ Сѣвера и Запада. Генералъ Скобелевъ, бывшій очевидцемъ этого безпорядка, чтобы дать урокъ необстрѣленнымъ еще солдатамъ, приказалъ выстроить баталіонъ по срединѣ кладбища развернутымъ фронтомъ къ сторонѣ непріятеля и, побранивъ людей за безпорядокъ, велѣлъ продѣлать ружейные пріемы". „Турки, замѣтивъ это построеніе, начали сыпать пули; нѣсколько человѣкъ упали ранеными, *но воля на войнѣ дѣлаетъ чудеса:* такъ и въ данномъ незначительномъ случаѣ, ни градъ пуль, ни видъ въ первый разъ въ жизни раненыхъ товарищей не помѣшали остальнымъ чисто выдѣлывать пріемы. Добившись желаемаго спокойствія части, генералъ Скобелевъ уже не считалъ полезнымъ дальнѣйшее форсированіе силъ солдатъ, еще необходимыхъ для боя, и потому приказалъ вести баталіонъ по назначенію, что̀ и было исполнено въ полномъ порядкѣ".

Изъ этой книги можно бы привести еще много такихъ же примѣровъ; немало могъ бы я разсказать и изъ собственной долголѣтней Кавказской практики. Если это не убѣдительно, прочитайте, наконецъ, военные разсказы великаго художника графа Толстаго. Надѣюсь, г-нъ Обнинскій убѣдится, что если въ офицерской семьѣ не безъ урода, то и въ солдатской не безъ него, только въ пропорціонально-увеличенной дозѣ и въ болѣе рѣзкой формѣ. Это и понятно: офицеръ не можетъ не помнить ежеминутно, что самое подозрѣніе въ трусости уже равносильно гибели всей его будущности, не только на службѣ, но и въ обществѣ; даже болѣе: всѣ офицеры отдѣльной части, кромѣ страха за себя лично, дрожатъ за репутацію этой части, если даже, допустимъ, не изъ похвальнаго чувства привязанности къ ея знамени, то изъ эгоизма: ибо скверная репутація цѣлой части отзывается на ея офицерахъ, особенно на старшихъ, командующихъ. Въ 1877 году за Кавказъ была отправлена изъ Россіи дивизія. По прибытіи подъ Карсъ, у офицеровъ была только одна забота: „Господи, какъ бы намъ не осрамиться передъ Кавказцами!" И это совершенно естественно. У солдатъ же нѣчто подобное если и встрѣтится, то со стороны одиночныхъ, особенно бойкихъ людей, унтеръ-офицеровъ. Солдаты, если трусятъ, то въ большой компаніи, о репутаціи не заботятся: на будущность ихъ вліянія никакого произвести это не можетъ, и если въ обнаруженіи страха проявляется нѣкоторая сдерживающая сила, то отъ привычки слушать команду, отъ страха передъ фельдфебелемъ или ротнымъ

командиромъ, не рѣдко отъ механическаго движенія за толпой. И опять же все это понятно только человѣку, знающему кое-что о войнѣ и войскахъ по собственной практикѣ, а не по собственной фантазіи. Но, не взирая на всѣ подобные случаи, какой же благоразумный человѣкъ скажетъ: „Дрянь ваши войска, трусы, боятся непріятельскаго огня“. Развѣ подобныя слова потребуютъ опроверженія? Развѣ факты не говорятъ сами за себя? Развѣ нужно перечислять эти факты? Я достаточно знакомъ съ солдатами; бывало время, многіе длинные мѣсяцы, когда, кромѣ солдатъ или казаковъ, у меня не было другаго общества, другихъ собесѣдниковъ; въ искреннемъ расположеніи къ солдату едва ли меня кто нибудь заподозрить, всѣ мои писанія достаточно могутъ это подтвердить; но est modus in rebus, прежде всего правда, безпристрастіе.

Такъ же точно, ни одинъ, хоть чуточку понимающій, что такое война, не скажетъ: дрянь ваши господа офицеры, *„все больше сбоку, и чего боятся?“* а вотъ солдаты, не взирая ни на что, *„дрались какъ львы, бросались въ огонь и первые принимали на свою грудь удары врага; такое войско во столько же разъ страшнѣе непріятелю, во сколько рядовыхъ солдатъ больше офицеровъ“* (?!).

О, sancta simplicitas! Войско, идущее на врага безъ офицеровъ, *такое войско*, т. е. имѣющее офицеровъ-трусовъ, стократъ страшнѣе врагу! Да поймите, ради Бога, что такое войско, рисующееся въ вашемъ воображеніи, есть *non sens*; что безъ офицера 10—15 человѣкъ солдатъ никуда послать нельзя; что выставьте милліонъ солдатъ безъ руководителей противъ одного Прусскаго корпуса, и вы увидите ихъ разсыпавшимися, какъ воробьиную стаю отъ дѣтской хлопушки.

Очень понравились автору слова Костромскаго разсказчика: „и чего боятся?“ Онъ пишетъ ихъ курсивомъ, нѣсколько разъ ихъ повторяетъ, въ нихъ видитъ и *„психологію войны“*, и *„обаятельный образъ воина-крестьянина, стоящаго выше стадной храбрости“* и т. д.

И чего боятся? Очень просто. Смерти боятся, а еще болѣе такой раны, которая куда хуже смерти, ибо причиняетъ адскія, трудно передаваемыя мученія и заставляетъ умолять, чтобы прикончили, что весьма рѣдко однако удается: прикончить товарища даже и въ такомъ положеніи требуетъ своего рода мужества; доктора, видя безполезныя мученія человѣка, на это не рѣшаются.

Чего боятся? Спросите у природы, создавшей во всякомъ животномъ ужасъ передъ смертью, сотворившей человѣка съ мозгомъ, сердцемъ и нервами, съ происходящимъ въ виду опасности волненіемъ, сердцебіеніемъ и т. п. Силою воли, самообладаніемъ, мыслію о другой ужасной опасности прослыть трусомъ, 99--100 людей, не взирая на стукотню сердца, бьющагося какъ

пойманная въ силокъ птичка, остаются на мѣстѣ, не взирая на носящуюся кругомъ смерть... Послѣ одного, другаго раза такого испытанія, является уже нѣкоторая привычка и, смотря по крѣпости нервовъ и силѣ воли, страхъ почти совсѣмъ исчезаетъ. Привычка—великая вещь. Попробуйте спуститься въ рудниковыя шахты, и вы испытаете жуткое чувство страха; между тѣмъ горнорабочіе и ихъ начальство ежедневно туда спускаются, остаются по 12 часовъ, какъ заживо погребенные, подъ угрозою обваловъ, взрывовъ; нерѣдко сотни ихъ тамъ погибаютъ, и ничего: привычка...

И чего боятся? Если бы вы знали, что̀ такое война въ дѣйствительности, а не создаваемая воображеніемъ какая-то ѳеерія; если бы вы знали, что война вовсе не въ томъ только, чтобы храбро, безъ боязни идти впередъ и, добравшись до непріятеля, начать его колоть; а въ томъ, чтобы выносить безъ ропота голодъ, холодъ, переутомленіе форсированныхъ маршей; чтобы стоять на мѣстѣ, осыпаемомъ снарядами, не двигаясь пока не прикажутъ; чтобы, подъ градомъ гранатъ и пуль, работать киркой и лопатой; чтобы идти въ порядкѣ, чуть не въ ногу, будучи осыпаемъ издали снарядами дальнобойныхъ орудій, не видя никакого непріятеля, находящагося за 2, за 3 версты, не имѣя возможности ни стрѣлять, ни защищаться, ни укрыться,—вы бы не удивлялись и не восхищались словами: „чего боятся?“

Бываютъ вотъ какіе случаи (Книга г. Куропаткина т. I, стр. 145). „Шоссе къ г. Ловчѣ идетъ весьма извилисто и частью углубленно. Мѣстами оно обстрѣливалось продольно изъ зарѣчнаго редута, при чемъ, по свойству окружающей мѣстности (справа обрывъ, слѣва крутой и скалистый подъемъ на *Рыжую* гору), нельзя свернуть въ стороны. Пока Турки пристрѣливались къ этой части шоссе, два баталіона Казанцевъ и дивизіонъ орудій успѣли прослѣдовать опасныя мѣста, но баталіонамъ Псковцевъ пришлось поплатиться. Въ особенности надѣлала много вреда одна изъ гранатъ, попавшая продольно въ густо слѣдовавшую нашу колонну. Она срѣзала около 20 человѣкъ и въ томъ числѣ убила одного офицера. Движеніе на нѣсколько минутъ пріостановилось, потому что *передовые бросились впередъ, а слѣдовавшіе сзади попятились;* но затѣмъ убитые были сброшены въ глубокій оврагъ справа, легко раненые поплелись назадъ сами, а тяжело раненые, около 10 человѣкъ, стащены къ сторонѣ дороги. На самомъ полотнѣ шоссе осталась лужа крови, офицерское кепи и изогнутая сабля въ ножнахъ. Тутъ же лежали исковерканный барабанъ и нѣсколько обрывковъ одежды и снаряженія, смоченныхъ кровью. Носилокъ для раненыхъ пришлось дожидаться довольно долго, такъ какъ надо было пропустить другой дивизіонъ орудій и остальную часть Псковцевъ“.

Такъ вотъ гдѣ „психологія войны“, настоящая, не воображаемая, послѣ которой странно придавать особое значеніе словамъ *„и чего боятся“*, да еще относить ихъ исключительно къ офицерамъ.

Однако будетъ! Мнѣ просто какъ-то неловко распространяться въ опроверженіяхъ. Авторъ затронутой мною статьи упустилъ изъ виду audiatur et altera pars и, съ нѣкоторою поспѣшностью, составилъ свой обвинительный актъ, закончивъ его категорическимъ обвиненіемъ подсудимыхъ.

Не могу не коснуться еще одного предмета. Давно уже многіе изъ нашихъ образованныхъ людей проводятъ мысли, дающія поводъ подозрѣвать у нихъ лозунгомъ извѣстное изреченіе: *послѣдніе будутъ первыми, а первые послѣдними*. Увлеченіе этихъ мыслителей доходитъ до фантастической идеализаціи, до признаванія проблематическихъ формулъ непреложною истиною, до создаванія себѣ кумира, наконецъ... Кумиръ — сѣрая масса; въ войскѣ — солдатъ, на фабрикѣ — чернорабочій, на судѣ — присяжный засѣдатель изъ крестьянъ, и т. д. и т. д. *Ecce homo*! Вотъ кто побѣдитъ врага внѣшняго, вотъ кто одолѣетъ всѣ невзгоды внутреннія, вотъ кто превратитъ нашу дорогую Русь въ благоустроенное, цвѣтущее государство, въ которомъ ожидаетъ всѣхъ общее блаженство. Къ чему всѣ эти генералы, офицеры, ученые, директоры фабрикъ, судьи, чиновники, духовенство, дворянство, вообще, всѣ такъ называемые интеллигенты? Они только трусы, эксплуататоры; они только думаютъ о своихъ выгодахъ, о своемъ комфортѣ, о наградахъ и наживѣ. Долой ихъ, да безъ всякаго исключенія!

Я не преувеличиваю, я не шучу; такъ выходитъ изъ многихъ писаній послѣдняго времени, когда вникнешь въ ихъ смыслъ, отбросивъ разныя поясненія и разныя сладкія присыпки къ горькимъ пилюлямъ, подносимымъ всей этой негодной массѣ, именуемой обществомъ.

Но, позвольте, вѣдь и эта, поголовно порицаемая масса интеллигентовъ — плоть отъ плоти, кость отъ кости народа. Что же ихъ такъ изуродовало? Образованіе, пребываніе въ учебныхъ заведеніяхъ, цивилизація? Значитъ, нужно все это бросить, *опроститься* и жить, какъ живетъ вашъ идеалъ—народная масса? Вѣроятно, вы этого не думаете; напротивъ, требуете широкаго развитія образованія, сдѣлавъ его для всѣхъ доступнымъ; желаете, чтобы и нашъ мужикъ, какъ Нѣмецъ, Французъ, получилъ „*школьнаго учителя*“, читалъ свою газету, разсуждалъ объ общественныхъ дѣлахъ, посредствомъ выборовъ выражалъ свою волю, однимъ словомъ, пріобщился цивилизаціи, высшей культурѣ? Прекрасно; но вѣдь тогда и ему грозитъ таже участь, какая постигла тѣхъ другихъ Русскихъ людей, превратившихся черезъ образованіе и пріобщеніе къ цивилизаціи въ ни къ чему негодныхъ паразитовъ?.

Читая все, что́ пишется въ этомъ тенденціозномъ направленіи, ни къ какому другому выводу нельзя придти. А выводъ, согласитесь, безсмысленный, и едвали къ нему тѣ, пишущіе, стремятся. Но такова уже судьба всего, что̀ въ основаніи имѣетъ фальшивую закваску...

Никто у насъ, дома, не оспариваетъ, что нашъ народъ славный народъ, что онъ и отъ природы, и отъ многихъ условій его многотрудной жизни, отъ всего имъ выстраданнаго и испытаннаго, обладаетъ многими неоцѣнимыми качествами, что онъ представляетъ *хорошій матеріалъ для усовершенствованія,* что онъ во многихъ отношеніяхъ превосходитъ другія національности. Но кто же, не обуреваемый пристрастіемъ и собственной горячечной фантазіей, не сознаётъ, что тотъ же народъ имѣетъ много недостатковъ, слабостей и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уступаетъ другимъ народностямъ? Что нельзя же вдругъ счесть его вмѣстилищемъ всѣхъ добродѣтелей и доблестей, кладеземъ святости и премудрости, когда мы такъ часто видимъ примѣры противнаго? На чемъ же основываются всѣ эти надежды, даже болѣе, увѣренность, что отъ него—простаго народа услышимъ мы великое слово возрожденія, не Россіи только, но всего міра; отъ него можемъ ожидать небывалыхъ подвиговъ, имѣющихъ поразить вселенную, и все это при непремѣнномъ условіи—освободить его отъ руководительства всѣхъ выше исчисленныхъ, испорченныхъ цивилизаціею людей?..

Очень интересно было бы получить отвѣтъ, но ясный, доступный пониманію нашему, простыхъ людей, черпающихъ указанія изъ жизни и основывающихъ свои сужденія на фактахъ, воочію передъ нами совершающихся.

—

Въ заключеніе всенижайшая, покорнѣйшая просьба: господа, философствуйте, фантазируйте, пишите какъ и о чемъ хотите, но, ради Бога, оставьте въ покоѣ армію. Подумайте только, въ какое время мы живемъ. Съ минуты на минуту, даже противъ желанія правительствъ, можетъ вспыхнуть пламя войны и охватить *насъ* со всѣхъ сторонъ. Наша единственная опора въ арміи, въ ея стойкости, доблести, во всѣхъ тѣхъ преемственныхъ качествахъ, благодаря которымъ не могли сломить насъ ни геніальные полководцы, ни всеевропейскія коалиціи, ни свои грѣхи и недостатки въ вооруженіи, снаряженіи, продовольствіи, ни отсутствіе путей сообщеній, ни многое другое еще. Говоря объ арміи, нельзя исключать изъ нея офицеровъ, такъ же какъ, говоря объ учебномъ заведеніи, нельзя исключать изъ него преподавателей. Берите, господа, примѣръ съ другихъ Европейскихъ странъ: тамъ есть радикалы, архикрасные революціонеры, не стѣсняющіеся печатно поносить своихъ министровъ площадными ругательствами, но и тѣ о своей арміи или—„vive l'armée!“ или—молчокъ. А у насъ находятся люди, которые публичныя чтенія открываютъ на тему о трусости офицеровъ!... *) Чудно, право.

*) Г. Обнинскій намекаетъ на *Золà,* который въ романѣ «Débâcle», выставилъ въ безобразномъ видѣ многихъ Наполеоновскихъ командировъ, не сдѣлавъ впрочемъ исключенія и для солдатъ. Но какая же аналогія между тою арміею и ея постыднымъ разгромомъ и нашею арміею и ея побѣдоноснымъ шествіемъ въ Константинополь? А. З.

Будьте же милостивы, закройте клапанъ своихъ философскихъ паровиковъ хоть до поры-до-времени. Не смущайте тѣхъ многихъ юношей и малоопытныхъ читателей, которые уже состоятъ въ рядахъ арміи, или должны еще поступить въ нихъ; не умаляйте духа вѣрующихъ въ свою ратную силу, да не посрамимся во вѣки!..

А. Зиссерманъ.

С. Лутовиново.
18 Декабря 1892 года.

*

Помѣстивъ въ Декабрьской книжкѣ „Русскаго Архива" за 1892 годъ статью г. Обнинскаго, мы желали, чтобы вопросъ, котораго коснулся талантливый авторъ, былъ болѣе обстоятельно разсмотрѣнъ. Желаніе наше исполнилъ давнишній нашъ сотрудникъ, извѣстный знатокъ Русскаго военнаго дѣла. Прослуживъ долгое время въ рядахъ нашего войска и обладая большими историческими свѣдѣніями, А. Л. Зиссерманъ могъ безпристрастно разобрать статью г. Обнинскаго, за что и приносимъ ему искреннѣйшую благодарность. П. Б.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ О ТОРГОВЛѢ СЪ БУХАРОЮ.

Письмо П. В. Завадовскаго къ статсъ-секретарю Г. Н. Теплову отъ 19 Октября 1775 г.

Милостивый государь Григорій Николаевичъ! По случаю вступившей просьбы отъ находящагося здѣсь посланца Бухарскаго именемъ ихъ хана, «что съ производимыхъ Бухарскими купцами, въ границы Россійскія товаровъ берутъ пошлину съ трехъ-четвертой %, да съ отвозимаго изъ Россіи въ Бухарію товара великая и почти несносная состоянію Бухарскихъ купцовъ пошлина берется, такъ что сіе отвращаетъ ихъ отъ желанія и охоты къ пріѣзду въ Россію», Ея Императорское Величество соизволила повелѣть, дабы Коммиссія о коммерціи разсмотрѣла вновь тарифъ изданный на тотъ край, слѣдуя предположенію, чтобъ пошлину возвышать и убавлять смотря по времени и обстоятельствамъ, и на коликую сумму положено будетъ съ производимыхъ и отвозимыхъ Бухарцами товаровъ убавить пошлину, учинить о томъ сей же Коммиссіи Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ. О семъ высочайшемъ повелѣніи я имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство и пребывать съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію П. Завадовскій.

ИЗЪ АНЕКДОТОВЪ ОБЪ А. П. ЕРМОЛОВѢ.

Вотъ слышанное отъ достовѣрнаго лица объ одномъ изъ поводовъ къ неблагопріятному мнѣнію, которое императоръ Николай Павловичъ составилъ объ А. П. Ермоловѣ, еще за долго до воцаренія своего.

Во время пребыванія союзныхъ войскъ въ Парижѣ императоръ Александръ дѣлалъ смотръ Русскимъ войскамъ. Нѣсколько полковъ было у него на замѣчаніи за либеральный, по мнѣнію его, образъ мыслей у ихъ начальниковъ. Что-то ему не понравилось, и онъ тутъ же отдалъ приказъ посадить трехъ или четырехъ полковниковъ подъ арестъ на гауптвахту. Караулы въ то время въ Парижѣ заняты были Англичанами. Ермолова тяжко поразило приказаніе Государя, и онъ рѣшился тутъ же доложить, что полковники эти люди почтенные, израненные, сдѣлавшіе всю кампанію, и что арестъ ихъ въ

Парижѣ произведетъ тягостное впечатлѣніе на войско. „Исполняйте что вамъ приказано“, отвѣчалъ Государь. Однако Ермоловъ, уклоняясь отъ строгаго исполненія, ограничился домашнимъ арестомъ полковниковъ и счелъ должнымъ еще утѣшить арестованныхъ ласковыми словами и сожалѣніемъ о взысканіи, по мнѣнію его, несправедливомъ. Недоброжелатели Ермолова (а острымъ языкомъ своимъ наживалъ онъ ихъ себѣ немало) поспѣшили довести объ этомъ до свѣдѣнія Государя.

Вечеромъ Александръ призываетъ князя П. М. Волконскаго. „Что же, такіе-то посажены на гауптвахту?“ Оказалось, что нѣтъ. „Это Ермоловъ все умничаетъ, сказалъ Государь князю Волконскому: если черезъ полчаса мое приказаніе не будетъ исполнено, ты самъ будешь сидѣть на гауптвахтѣ“. Князь Волконскій отправился искать Ермолова и насилу нашелъ его въ Théâtre des Variétés (куда—прибавлялъ Ермоловъ — кромѣ меня, короля Прусскаго да публичныхъ женщинъ никто не ходилъ). Тутъ же въ фойе Ермоловъ долженъ былъ дать князю Волконскому на конфетной бумажкѣ росписку въ принятіи Высочайшаго повелѣнія.

На слѣдующее утро Государь потребовалъ къ себѣ Ермолова, назначивъ часъ. Ермолова отъискали, уже не задолго до срока, гдѣ-то на улицѣ въ простомъ сюртукѣ. Переодѣться было некогда, и онъ просилъ разрѣшенія представиться Государю, такъ какъ былъ одѣтъ, или явиться въ другой часъ. Государь отвѣчалъ, что онъ пришлетъ за нимъ, но послѣ того цѣлый мѣсяцъ не только не присылалъ, но видимо избѣгалъ встрѣчи съ Ермоловымъ и, когда случалось увидѣть его на улицѣ, переходилъ на другую сторону.

Между тѣмъ разъ какъ-то вечеромъ собрались въ Парижѣ Русскіе офицеры; въ числѣ ихъ былъ и великій князь Николай Павловичъ. Зашелъ разговоръ объ описанномъ случаѣ. Великій Князь выразился рѣзко, прибавивъ: „Однакожъ во всякомъ случаѣ слѣдовало исполнить приказаніе Государя“. Ермоловъ, услыша это, подошелъ къ Великому Князю. „Мы всѣ, сказалъ онъ, сколько насъ ни есть, готовы исполнить волю Государя, и если бы угодно ему было поставить на площади эшафотъ и велѣть намъ взойти туда на казнь, это было бы исполнено (ну конечно я-то взошелъ бы, прибавлялъ Ермоловъ, да еще человѣкъ 3—4, а за остальныхъ не поручусь), да имени-то Русскаго срамить нельзя: каково было бы Русскому полковнику въ Парижѣ сидѣть подъ арестомъ у Англичанъ!“

Этого происшествія и этого отвѣта Николай Павловичъ долго не могъ забыть. Однажды, въ концѣ царствованія Александра, сидя за обѣдомъ, когда зашла рѣчь объ Ермоловѣ, Великій Князь сказалъ: „Этотъ человѣкъ на Кавказѣ имѣетъ необыкновенное вліяніе на войско, и я рѣшительно опасаюсь, чтобы онъ не вздумалъ когда-нибудь отложиться“.

Вотъ до какихъ предположеній доходило мнѣніе Николая Павловича объ Ермоловѣ! Подлинность этихъ словъ не подвержена сомнѣнію: ихъ слышалъ одинъ изъ камеръ-пажей, служившихъ въ то время за столомъ.

(Слышано въ 1855 году отъ одного близкаго къ Ермолову лица, со словъ его самого, и тогда же записано).

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА О ГРАФѢ П. Х. ГРАББЕ и Е. А. ГОЛОВИНѢ.

Въ интересныхъ статьяхъ И. М. Остроглазова: „Книжныя рѣдкости", подъ № 256, помѣщено (Русскій Архивъ, 1892, № 11, 330—331) описаніе книги: „Очеркъ положенія военныхъ дѣлъ на Кавказѣ, съ начала 1838 по конецъ 1842 года. Рига 1847. (Сочиненіе Е. А. Головина)".

Описаніе Остроглазова слѣдуетъ дополнить двумя замѣчаніями: однимъ библіографическимъ, другимъ критическимъ.

1) Сочиненіе Головина перепечатано въ „Актахъ собранныхъ Кавказскою Археологическою Коммиссіею. Архивъ главнаго управленія намѣстника Кавказскаго". Тифлисъ 1884, IX томъ, 278—306 стр. подъ тѣмъ же заглавіемъ и съ слѣдующимъ примѣчаніемъ редактора этого тома „Актовъ", покойнаго А. П. Берже: „Записка, составленная генераломъ Головинымъ и напечатанная имъ въ Ригѣ въ 1846 году, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ".

Чье показанье относительно года изданія, Остроглазова или Берже, вѣрнѣе? Е. А. Головинъ былъ назначенъ Рижскимъ военнымъ Лифляндскимъ, Эстляндскимъ и Курляндскимъ генералъ-губернаторомъ въ 1845 году, а 1 Января 1848 г. былъ опредѣленъ членомъ Государственнаго Совѣта.

2) По словамъ Остроглазова, сочиненіе Головина—„безпристрастный очеркъ", написанный „со всею откровенностью", въ доказательство чего онъ приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ „Очерка" объ Ахульгинской и Ичкеринской экспедиціяхъ Граббе.

Съ такою аттестаціею Остроглазова нельзя никакъ согласиться. Для историка Кавказской войны записка Головина можетъ дать все, что угодно, только не безпристрастное сужденіе о дѣятельности Граббе и самого Головина. Евгеній Александровичъ Головинъ I-й (30 Ноября 1837 года назначенъ командующимъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, уволенъ 1842 г.) и Павелъ Христофоровичъ Граббе I-й (1838 г. назначенъ командующимъ войсками на Кавказской линіи и въ Черноморьи, 18 Сентября 1842 г. уволенъ отъ службы) до того расходились въ понятіяхъ, что безпристрастія въ ихъ отзывахъ другъ о другѣ ожидать нельзя. Ненормальныя отношенія, въ которыя они были поставлены, обостряли ихъ раздраженіе, слѣды котораго ясно видны въ перепискѣ Головина, помѣщенной въ указанномъ томѣ „Актовъ". Такимъ образомъ Запиской Головина должно пользоваться съ осторожностью.

Е. Козубскій.

Темиръ-ханъ-Шура.
29 Ноября 1892 г.

ПАМЯТИ ФЕТА.

21 Ноября 1892 года скончался въ Москвѣ на 72 году Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ-Шеншинъ.

«Русскій Архивъ» не можетъ безучастно относиться къ писателю, который въ продолженіи полвѣка оставался вѣренъ поэтическимъ завѣтамъ Пушкинскаго времени.

Фетъ далъ намъ образцы чистой поэзіи. Его стихотворенія

полны печали
И женской прихоти, и серебристыхъ грезъ,
Невысказанныхъ мукъ и непонятныхъ слезъ,

и онъ иногда приближается къ Тютчеву, этому геніальному представителю лиризма. Никогда Муза Фета не угождала вкусамъ толпы, такъ что любитъ его поэзію лишь тотъ, у кого

Жадно міръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой.

Этимъ объясняется и то глумленіе надъ Фетомъ въ 60-хъ годахъ, когда не только не признавали за душей «ночной стороны» ея, но и самую душу пытались отрицать. Были и другія причины такого презрительнаго отношенія: Фетъ осмѣлился выступить въ печати какъ «крѣпостникъ», чего многіе до сихъ поръ не могутъ простить ему. «Русскому Архиву», который всегда считалъ своимъ долгомъ оглядливо провѣрять увлеченія «новыми вѣяніями», не зачѣмъ оправдывать прозу Шеншина стихами Фета. По плодамъ судить о деревѣ: всѣ окрестные деревенскіе жители любили «стараго Аѳанасьича», и крестьяне его остались не разоренными.

Москвичамъ покойный памятенъ тѣмъ, что, въ силу своей чуткости, умѣлъ собирать вокругъ себя талантливыхъ людей, и все хорошее находило въ немъ сочувственный отзвукъ.

Работникъ онъ былъ неутомимый, переводами своими оказалъ большую услугу родной словесности и умеръ чуть ли не надъ корректурой. Талантъ свой онъ сохранилъ до самой кончины. Его послѣднія произведенія какъ-то еще болѣе прозрачно-воздушны.

Миръ праху твоему, поэтъ, и теплая благодарность за твои стихи, въ которыхъ

Мимолетныя грезы
Старыми въ душу глядятся друзьями.

Ю. Б.

ОБЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ГУБЕРНСКИХЪ УЧЕНЫХЪ АРХИВНЫХЪ КОММИССІЙ ЗА 1891-Й ГОДЪ *).

28-го Января 1891 года послѣдовало открытіе *Калужской Ученой Архивной Коммиссіи*, и дѣятельность ея началась въ засѣданіи 30-го Марта чтеніемъ записки товарища предсѣдателя Коммиссіи П. Ѳ. Симсона, въ которой, съ первыхъ же словъ, выражено сожалѣніе, что ни одно правительственное и общественное учрежденіе Калужской губерніи не прислало въ Коммисію затребованныхъ ею описей дѣлъ, подлежащихъ уничтоженію, что̀ значительно затруднило составленіе историческаго для губерніи архива, и только благодаря заботливости правителя дѣлъ И. Д. Четыркина отобрано изъ Губернскаго Статистическаго Комитета до 200 рукописей, за время царствованій отъ Михаила Ѳеодоровича и до начала воцаренія Петра Великаго. Имъ же, г-мъ Четыркинымъ, отысканы двѣ грамоты 1621 и 1687 годовъ и нѣсколько документовъ царствованій Екатерины II-й до Николая I-го включительно. Все это собраніе послужило основаніемъ для историческаго архива Коммиссіи.—Въ слѣдующемъ засѣданіи, 3-го Мая, правитель дѣлъ прочелъ рефератъ о книгѣ, неизвѣстной въ библіографіи, по удостовѣренію г. директора Императорской Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычкова, изданной въ 1676-мъ году въ Новгородъ-Сѣверскѣ, подъ заглавіемъ: „О хиротоніи, сирѣчь о рукоположеніи святительскомъ на новопоставленномъ іереи. Выписано з правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ. И о сокраментахъ или о тайнахъ, за благословеніемъ ясне въ Богу преосвященнаго, его милости, господина отца Лазаря Барановича, милостію Божіею православнаго архіепископа Чернѣговскаго и Новгородскаго и проч. Въ его жъ друкарнѣ Новгородской-Сѣверской. Року 1676“. Въ это же засѣданіе П. Ѳ. Симсонъ прочелъ рефератъ „Калужскія книги 1617 года, письма́ и дозору Ивана Бѣгичева и подъячаго Игната Пчелина“. „Нѣтъ матеріала болѣе цѣннаго для исторіи древнихъ городовъ, какъ дозорныя, писцовыя или сотныя книги, т. е. перечневые списки всѣхъ лицъ, жившихъ въ извѣстное время въ городахъ—собственно въ посадахъ, и состоявшихъ въ тяглѣ, такъ называемыхъ людей посадскихъ“, сказано г-мъ Симсономъ въ началѣ своего реферата. Къ такимъ вѣрнымъ по существу словамъ можно добавить: если эти книги будутъ описываемы и разбираемы,

---

*) См. „Русскій Архивъ“ 1891 года (кн. 12), гдѣ помѣщенъ таковой же обзоръ за 1890-й годъ. П. Б.

въ систематическихъ изъ нихъ извлеченіяхъ научныхъ данныхъ, съ такимъ искусствомъ, умѣніемъ и добросовѣстностью, съ какими г. Симсонъ разобралъ и составилъ описаніе этихъ книгъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. — Послѣднее засѣданіе Коммиссіи, 12-го Октября, ограничилось избраніемъ въ архиваріусы П. П. Добромыслова, для завѣдыванія архивными дѣлами и для распредѣленія ихъ въ порядкѣ. — Тогда же Коммиссія положила основаніе для музея, получивъ отъ Императорской Археологической Коммиссіи и отъ частныхъ лицъ старинныя Русскія монеты и древности и пріобрѣтя покупкою 25 диргемовъ IX и X вѣка. Завѣдующій музеемъ г. Симсонъ занесъ въ опись 427 монетъ и ассигнацій и 44 предмета (орудія каменнаго вѣка, домашняя утварь и тому подобное). Правитель дѣлъ Коммиссіи занимался собираніемъ матеріаловъ о древностяхъ Калужскаго края, для чего обслѣдовалъ мѣстность по рѣкѣ Калужкѣ до ея устья и, обнаруживъ бывшее тутъ поселеніе вблизи „Стараго Городища", составилъ для этой мѣстности археологическую карту съ нанесеніемъ на нее городищъ и кургановъ. Гг. же Симсонъ и Четыркинъ обозрѣли городище Калужскаго князя Симеона Іоанновича и нашли оное измѣнившимся противъ рисунка, приложеннаго къ „Путешествованнымъ запискамъ Василія Зуева, отъ С.-Петербурга до Херсона, въ 1781-мъ и 1782-мъ годахъ". Библіотека Коммиссіи образовалась, для начала, изъ 300 названій, выбранныхъ съ разрѣшенія непремѣннаго попечителя ея Калужскаго губернатора А. Г. Булыгина, изъ библіотеки Статистическаго Комитета, при чемъ членъ Коммиссіи Я. П. Тимоховичъ внесъ для храненія въ ней выборки изъ статей, имѣющихъ значеніе для Калужскаго края. Издательская дѣятельность Коммиссіи появилась въ изданіи 1-го выпуска „Извѣстій Калужской Ученой Архивной Коммиссіи", въ которомъ помѣщены упомянутые рефераты гг. Симсона и Четыркина. - Денежныя средства Коммиссіи состояли, по приходу, въ 215-ти рубляхъ, а по расходу, въ 61 рублѣ 23 коп. Приходъ образовался изъ членскихъ взносовъ, по 5 рублей съ каждаго члена.

*

Костромская Ученая Архивная Коммиссія состояла въ началѣ 1891 года безъ предсѣдателя, безъ помѣщенія и безъ достаточныхъ средствъ къ существованію, а черезъ это и безъ засѣданій; но 14-го Марта, въ знаменательный для Костромы день воспоминанія объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, состоялось первое засѣданіе ея членовъ, открытое непремѣннымъ ея попечителемъ Костромскимъ губернаторомъ В. В. Калачовымъ, предложившимъ избрать въ предсѣдатели ея почетнаго члена Археологическаго Института, статсъ-секретаря, сенатора Н. Н. Селифонтова, при чемъ В. В. Калачовъ высказалъ свое личное мнѣніе, что для Коммиссіи настанетъ черезъ это избраніе лучшая будущность, такъ какъ по ходатайству Костромскаго губернскаго предводителя дворянства уступлено дворянами въ своемъ домѣ удобное для Коммиссіи помѣщеніе, а губернское земство назначило Коммиссіи ежегодную субсидію по 500 рублей. На этомъ засѣданіи членъ Коммиссіи И. В. Миловидовъ прочелъ извлеченіе изъ уголовнаго дѣла, хранящагося въ архивѣ Костромскаго Окружнаго Суда, подъ назва-

ніемъ „Клыковское дѣло“, и рефератъ этотъ напечатанъ въ приложеніи къ журналу засѣданія. —11-го Іюня состоялось второе засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Селифонтова, принявшаго на себя званіе предсѣдателя Коммиссіи. Предъ началомъ засѣданія была совершена панихида по почившемъ директорѣ Археологическаго Института Ив. Еф. Андреевскомъ, и была выражена письменно скорбь объ утратѣ, понесенной археологіею въ лицѣ Ивана Ефимовича какъ предъ совѣтомъ Института, такъ и предъ семьею покойнаго. За тѣмъ Коммиссія избрала И. В. Миловидова своимъ непремѣннымъ членомъ, а І. Д. Преображенскаго дѣлопроизводителемъ. Для дальнѣйшаго устройства Коммиссія остановилась на мысли о необходимости, какъ для разбора и оцѣнки предположенныхъ къ печатанію изданій, такъ и для сообщенія заключеній своихъ по просмотру архивныхъ дѣлъ присутственныхъ мѣстъ, учредить особое совѣщательное собраніе, подъ названіемъ „Совѣтъ Коммиссіи“, изъ гг. предсѣдателя, непремѣннаго члена и изъ членовъ: директора классической гимназіи С. П. Лебедева, секретаря Статистическаго Комитета В. Г. Пирогова, инспектора классической гимназіи М. Д. Рябинцева, учителя той же гимназіи Н. И. Коробицына и дѣлопроизводителя І. Д. Преображенскаго. Въ случаѣ же отсутствія предсѣдателя Н. Н. Селифонтова, заявившаго, что онъ можетъ принимать непосредственное участіе въ занятіяхъ Коммиссіи лишь въ лѣтнее время, предоставить предсѣдательство непремѣнному члену. При этомъ было назначено члену - дѣлопроизводителю вознагражденіе изъ суммы земства 250 руб., и 50 руб. изъ суммы, получаемой отъ Министерства Юстиціи, отпускаемой на разборъ дѣлъ, хранящихся въ сосредоточенномъ архивѣ Костромскаго Окружнаго Суда. Въ этомъ же засѣданіи Н. Н. Селифонтовъ прочиталъ докладъ о содержаніи коллекціи изъ 440 рукописей XVII и XVIII столѣтій изъ Линевскаго архива, переданныхъ владѣльцемъ въ распоряженіе Н. Н. Селифонтова. За симъ членъ Коммиссіи Н. И. Коробицынъ прочелъ рефератъ изъ содержанія рукописнаго сборника о празднованіи въ Костромѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, въ 1774-мъ году, и о Костромскомъ епископѣ Симонѣ Лаговѣ, занимавшемъ каѳедру въ Костромѣ съ 1769 по 1778 годъ. Какъ докладъ Н. Н. Селифонтова, такъ и рефератъ Н. И. Коробицына напечатаны въ приложеніи къ журналу этого засѣданія. Подробная же систематическая опись 440 рукописей перваго отдѣленія Линевскаго архива, составленная Н. Н. Селифонтовымъ, была вслѣдъ за этимъ отпечатана отдѣльнымъ отъ сборника „Костромская Старина“ изданіемъ, которое предназначено издателемъ въ собственность Коммиссіи. Эта опись 440 рукописей, вѣрная подлинникамъ и тщательно исполненная въ археографическомъ отношеніи, при систематическомъ распредѣленіи рукописей на 13 отдѣловъ съ приложеніемъ: 1) Списка упомянутыхъ въ актахъ воеводъ, 2) Десяти родословныхъ таблицъ Костромскихъ дворянъ Титовыхъ, Никитиныхъ, Жабиныхъ, Алалыкиныхъ, Тихменевыхъ, Мамалаховыхъ, Рубцовыхъ, Іевлевыхъ и Исаковыхъ, и 3) Указателей именъ личныхъ и географическихъ— была препровождена директоромъ Археологическаго Института, какъ образецъ для руководства при изданіяхъ актовъ, во всѣ Ученыя Архивныя Ком-

миссіи. Организованный въ средѣ Коммиссіи Совѣтъ имѣлъ въ послѣдніе мѣсяцы отчетнаго года три засѣданія въ новомъ помѣщеніи. На засѣданіяхъ Совѣта были обсуждаемы предложенія предсѣдателя, непремѣннаго члена и другихъ членовъ, касающіяся разныхъ нуждъ Коммиссіи, устройства историческаго архива и музея, способа разбора и печатанія рукописей и порядка по приведенію въ извѣстность дѣлъ сосредоточеннаго архива Окружнаго Суда, при чемъ въ помощь по разбору этихъ дѣлъ приглашенъ г. Альбицкій, который съ Декабря мѣсяца приступилъ къ возложенному на него занятію. Часть своихъ заключеній о дѣлахъ, заслуживающихъ сохраненія въ историческомъ архивѣ, г. Альбицкій представилъ Совѣту Коммиссіи въ послѣднее ея засѣданіе, 22-го Декабря.—Въ основанный Коммиссіею историческій архивъ поступило около 4.000 рукописей XVI—XVIII столѣтій, частію пожертвованныхъ, частію же пріобрѣтенныхъ Коммиссіею покупкою отъ частныхъ лицъ. Болѣе выдающіяся пожертвованія были: а) отъ Н. Н. Селифонтова 140 рукописей съ систематическою къ нимъ описью, о которыхъ сказано выше; б) отъ супруги Костромскаго губернатора Л. А. Калачовой 282 рукописи изъ села Есиплева, Кинешемскаго уѣзда; в) изъ архива помѣщиковъ Ермоловыхъ 1000 рукописей за небольшое денежное вознагражденіе; г) отъ г. Ерлыкова 1183 рукописи; д) отъ члена Коммиссіи Д. П. Дементьева 283 рукописи; е) изъ одного частнаго архива 535 рукописей, доставленныхъ дѣлопроизводителемъ Коммиссіи І. Д. Преображенскимъ; ж) отъ почетнаго члена Коммиссіи П. В. Исакова 40 рукописей и з) отъ члена Коммиссіи М. Д. Рябинцева 60 рукописей. — Въ библіотеку Коммиссіи поступило нѣсколько десятковъ книгъ стариннаго письма̀ и до двухъ сотенъ новыхъ книгъ и брошюръ, преимущественно трудовъ археологическихъ обществъ, архивныхъ коммиссій и книгъ историческихъ. — Одновременно положено начало музею древностей и старинныхъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, пожертвованныхъ Императорскою Археологическою Коммиссіею и частными лицами. Изъ древнихъ вещей есть нѣсколько орудій каменнаго вѣка и часть стариннаго женскаго головнаго убора (спорокъ съ кики простолюдинки), найденнаго въ землѣ около села Есиплева и принесеннаго въ даръ музею г-жею Л. А. Калачовою. Монетъ глубокой древности весьма мало; изъ числа ихъ есть одна Римская, съ изображеніемъ и именемъ императора Антонина; изъ Русскихъ серебряныхъ монетъ болѣе древнія XII-го вѣка и одна Псковская деньга Кромѣ вещей доставлено въ музей разными лицами нѣсколько костей мамонтовъ и другихъ крупныхъ допотопныхъ животныхъ и нѣсколько окаменѣлостей Помѣщеніе музея украшено историческими картами, гравюрами и фотографическими снимками Костромскихъ церковныхъ древностей, большею частію находящихся въ Ипатьевскомъ монастырѣ, изъ числа коихъ 53 снимка пожертвовалъ членъ Коммиссіи фотографъ Шмидтъ. — Учено-литературная дѣятельность Костромской Коммиссіи ознаменовалась приготовленіемъ къ выходу въ свѣтъ въ началѣ текущаго года уже отпечатаннаго II-го выпуска сборника „Костромской Старины“, въ составъ коего вошли статьи гг. членовъ И. К. Херсонскаго, И. В. Миловидова, І. Д. Преображенскаго, Н. И.

Коробицына, Д. П. Дементьева. Членъ Коммиссіи И. Ѳ. Токмаковъ доставилъ 1-ю часть составленнаго имъ указателя и сборника матеріаловъ по археографіи Костромской губерніи, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и его библіотекѣ. Членъ В. А. Самаринъ передалъ статью: „Сказки и выписи о земляхъ, принадлежавшихъ нѣкоторымъ церквамъ Костромской епархіи, съ 1758 года“.—Денежныя средства Коммиссіи состояли по приходу: 500 руб. отъ губернскаго земства, 200 руб. отъ Министерства Юстиціи, и 9 руб. 60 коп. отъ продажи изданій Коммиссіи. Изъ этихъ суммъ израсходовано: на устройство помѣщенія 102 руб. 65 коп.; на вознагражденіе дѣлопроизводителя и на жалованье сторожу 162 руб.; на печатаніе изданій 101 руб.; на канцелярскіе расходы, поѣздки для просмотра и полученія рукописей и мелкія издержки 87 руб. 25 коп., и на покупку рукописей и книгъ 27 руб. 70 коп. Наличный составъ завѣдывающихъ дѣлами Коммиссіи состоялъ изъ четырехъ членовъ: непремѣннаго попечителя В. В Калачова, предсѣдателя Н. Н. Селифонтова, непремѣннаго члена И. В. Миловидова и дѣлопроизводителя І. Д. Преображенскаго. Въ Совѣтѣ присутствовали: предсѣдатель, непремѣнный членъ, дѣлопроизводитель и гг. члены Коммиссіи С. П. Лебедевъ, В. Г. Пироговъ, М. Д. Рябинцевъ и Н. И. Коробицынъ. Весь же личный составъ Коммиссіи состоялъ изъ 51-го члена.

*

Нижегородская Коммиссія имѣла въ отчетномъ году два засѣданія, пріуроченныхъ къ Нижегородскимъ днямъ, 4-го Марта и 22-го Октября. Въ первомъ засѣданіи предсѣдатель Коммиссіи А. С. Гацисскій прочелъ, для воспоминанія объ основателѣ Нижняго-Новгорода великомъ князѣ Георгіѣ Всеволодовичѣ, выдержку изъ своей статьи „На Сити-на рѣцѣ“, а во второмъ доложилъ содержаніе письма директора Императорской Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычкова, объяснившее, что подлинная жалованная грамота, данная, въ 20-й день Января 1615 года, думному дворянину Кузмѣ Миничу и сыну его Нефеду на пожалованное въ вотчину село Богородицкое съ деревнями, хранится въ Публичной Библіотекѣ. При этомъ А Ѳ. Бычковъ объяснилъ, что эта грамота была поднесена Государю Цесаревичу Николаю Александровичу въ 1860-мъ году, въ Варшавѣ, попечителемъ Варшавскаго Учебнаго Округа и главнымъ директоромъ внутреннихъ духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго П. А. Мухановымъ; а въ 1868-мъ нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ пожаловалъ оную Публичной Библіотекѣ. При письмѣ своемъ А. Ѳ. Бычковъ приложилъ точный списокъ съ грамоты и пояснилъ, что грамота писана на пергаментѣ; форматъ ея большой открытый листъ, вверху текста заставка и съ боковъ узорчатыя украшенія рисованы золотомъ; начало грамоты (со словъ „Божіею милостію“ и кончая словами „пожаловали есмы“) писано золотомъ же. Вислой печати при грамотѣ не сохранилось.—Обо всемъ происходившемъ въ засѣданіи Коммиссіи составлены журналы, напечатанные въ 10-мъ и 11-мъ выпускахъ „Дѣйствій Коммиссіи“. Въ тѣхъ же „Дѣйствіяхъ“ помѣщены списокъ съ упомянутой жалованной грамоты, матеріалы о Мининыхъ, Д. А. Корсакова; списокъ намѣст-

никовъ и воеводъ Нижняго-Новгорода и Арзамаса, составленный В. Д. Корсаковою; различныя статьи, письма и списки, доставленные въ Коммиссію отъ гг. Мартынова, Можаровскаго, Звѣздина, Осокина, Никифорова, Титова, Соколова, Эйнгорна, Гоздаво-Голомбіевскаго, Цвѣткова, и двѣ статьи „Къ характеристикѣ быта раскольническихъ общинъ начала XIX-го вѣка“ и „Изъ прошлаго Присурскаго края“, А. П. Мельникова. Главнѣйшее же достоинство „Дѣйствій“ заключается въ добросовѣстно исполненныхъ правителемъ дѣлъ Коммиссіи В. И. Снѣжневскимъ описяхъ архивныхъ дѣлъ, какъ то: Межеваго Департамента Правительствующаго Сената по Нижегородской губерніи, съ 1791 по 1810 г.; Нижегородскаго Уѣзднаго Суда, съ 1846 по 1868 г.; Нижегородскаго Городоваго Магистрата, съ 1780 по 1798 г. Имъ же, г-мъ Снѣжневскимъ, составлена, по дѣламъ Межеваго Департамента, статья „Генеральное межеваніе земель и нѣсколько свѣдѣній о характерѣ землевладѣнія въ Нижегородскомъ краѣ въ XVII-мъ и XVIII-мъ столѣтіяхъ“ и, по документамъ промышленниковъ солянаго производства Латухиныхъ, обширная статья „Балахонское усолье“. Отдѣльно отъ этихъ трудовъ г. Снѣжневскій составилъ, по дѣламъ Макарьевскаго Уѣзднаго Суда и по другимъ источникамъ, статью „Кузьма, пророкъ Мордвы, Терюханъ“, помѣщенную въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (Октябрь 1892 г.).—Въ библіотеку, историческій архивъ и музей Коммиссіи поступили отъ разныхъ лицъ пожертвованія книгъ и другихъ предметовъ. Цѣнное пожертвованіе получено отъ Н. А. Демидова, подарившаго свою историко-археологическую библіотеку, стоимостью болѣе 1150 рублей. Денежное обезпеченіе Коммиссіи заключалось, къ 22-му Октября 1891 года, по приходу въ суммѣ 2.839 р. 98 к., а по расходу въ суммѣ 1.690 р. 27 к. Къ концу отчетнаго года Коммиссія льстила себя надеждою, что въ предстоящій годъ состоится открытіе въ Почаинскомъ домѣ историческаго музея съ наименованіемъ „Петровскаго“, въ память пребыванія въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ 1695-мъ году, Петра Великаго, — на что непремѣнный попечитель Коммиссіи Н. М. Барановъ доставилъ Коммиссіи 1593 руб.

*

Оренбургская Коммиссія, лишившаяся средствъ къ существованію, бездѣйствовала по причинѣ, объясненной въ „Обзорѣ дѣятельности Коммиссій за 1890-й годъ“, такъ какъ благопріятнаго исхода, ожидаемаго отъ Министерства Финансовъ въ ассигнованіи 1.850 рублей на покупку, для помѣщенія архивныхъ дѣлъ, оставшихся отъ упраздненнаго Оренбургскаго Генералъ-Губернаторскаго Управленія, дома и 350 рублей на содержаніе этого дома, еще не воспослѣдовало. Находясь въ такомъ положеніи, Коммиссія не представила не то что отчета, но ни одного извѣщенія о своемъ существованіи и дѣятельности.

*

Орловская Коммиссія имѣла два засѣданія: 3-го Декабря 1890 г. и 11-го Февраля 1891 года. Въ первомъ, по случаю оставленія П. П. Шеншинымъ службы въ Орлѣ, предсѣдателемъ Коммиссіи избранъ В. М. Козловъ, а товарищемъ его Н. П. Барышниковъ. Главное вниманіе Коммиссіи было обращено

на извлеченіе и описаніе документовъ, касающихся Орловской губерніи, какъ изъ мѣстныхъ архивовъ, такъ изъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи и отъ частныхъ лицъ. Разработкою этого матеріала занимались члены Коммиссіи: А. Г. Пупыревъ, Г. М. Пясецкій и правитель дѣлъ С. А. Блохинъ. Первый составилъ слѣдующіе рефераты: а) Посѣщенія города Орла императорами Николаемъ І-мъ и Александромъ ІІ-мъ; б) Ревизія сенатора Мясоѣдова и ея послѣдствія; в) Пожары въ Орлѣ 1841—1865 г., и г) Холера въ Орлѣ 1847—1855 г. Второй сдѣлалъ извлеченіе изъ переписныхъ книгъ: а) Орловскій уѣздъ по переписи 1647 г.; б) Орелъ по переписи 1646 г.; в) Списокъ населенныхъ мѣстъ Ливенскаго уѣзда 1678 г.; г) Города Сѣвскъ и Болховъ по переписи 1646 г., и д) Сѣвскій уѣздъ по переписи 1705, 1707 и 1709 гг. Въ І-мъ выпускѣ „Трудовъ Коммиссіи“ напечатаны статьи: „О намѣревавшемся бѣжать за границу человѣкѣ Давыдова Иванѣ Григорьевѣ“ и „Акты изъ семейнаго архива гг. Васильчиковыхъ“. Третій выпускъ „Трудовъ“ предоставленъ извлеченіямъ С. А. Блохина: „Перепись г. Сѣвска и его уѣзда по переписнымъ книгамъ 1709 и 1711 года“.—Въ библіотеку Коммиссіи поступили: изданія Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій, „Русская Старина“, „Библіографъ“ и 23 книги разныхъ названій.— Музей ея обогатился даромъ Императорской Археологической Коммиссіи, состоящимъ изъ Русскихъ серебряныхъ монетъ времени царей Іоанна Грознаго, Ѳеодора Алексѣевича и другихъ, а также изъ клада, найденнаго въ 1891 году въ Болховскомъ уѣздѣ и изъ двухъ кладовъ, найденныхъ въ 1884 и 1890 годахъ въ селѣ Архангельскомъ, Ливенскаго уѣзда; въ кладахъ этихъ нашлись Русскія серебряныя копѣечки царя Алексѣя Михаиловича, а также серебряныя и мѣдныя монеты Русскія, Польскія и Шведскія. Въ тотъ же музей вице-губернаторъ А. А. Берсъ передалъ кресло, на которомъ возсѣдала въ присутствіи Орловскаго губернскаго правленія императрица Екатерина ІІ-я.—Всѣхъ членовъ Коммиссіи состояло въ 1891 году 87.—Денежныя средства Коммиссіи заключались въ суммѣ 335 р. 91 к.; къ нимъ въ теченіе года поступило членскихъ взносовъ 19 р. и отъ продажи изданій Коммиссіи 172 р. 25 к. Израсходовано: на брошюровку изданій 10 р., на вознагражденіе членовъ за статьи 162 р. 50. к и на переписку 10 р.

*

Дѣятельность *Пермской Коммиссіи* ознаменовалась заботливымъ пополненіемъ числа своихъ членовъ лицами разныхъ званій и состояній, въ чемъ она достигла благопріятнаго успѣха и, составивъ всѣмъ вообще членамъ поименный списокъ, помѣстила оный въ отчетѣ на первомъ мѣстѣ. Оказалось, что въ Коммиссіи числилось въ отчетномъ году 115 членовъ, изъ числа коихъ только 9 принимали участіе въ дѣлахъ Коммиссіи; остальные же не пособили ей ни трудомъ, ни пожертвованіями предметовъ, ни деньгами. Изъ числа потрудившихся Д. Д. Смышляевъ, В. К. Семченковъ и Н. А. Синицынъ составили правила о порядкѣ пользованія книгами изъ библіотеки Коммиссіи и опредѣлили обязанности библіотекаря. Затѣмъ С. Я. Дроздовъ, Н. П. Шкляевъ, Н. Я. Леоновъ, В. К. Семченковъ, Н. А. Синицынъ, І. П. Позд-

няковъ, совмѣстно съ предсѣдателемъ Я. И. Амфіоновымъ и правителемъ дѣлъ А. С. Поповымъ, изъявили желаніе заняться разборомъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Пермскаго Окружнаго Суда, на болѣе раціональной почвѣ противу того, какъ это велось въ прошломъ году. Такую же изъявили готовность предсѣдатель Коммиссіи и члены С. Я. Дроздовъ и Н. А. Синицынъ на разсмотрѣніе описи дѣлъ 2-го разряда Богословскаго округа, предназначенныхъ къ продажѣ. Тогда же правитель дѣлъ изъявилъ согласіе просмотрѣть опись дѣлъ Красноуфимскаго уѣзднаго полицейскаго управленія съ 1863 по 1880 годъ, подлежащихъ уничтоженію. Таковыя благожеланія членовъ Коммиссіи видны въ протоколахъ ея засѣданій 7-го Января, 16-го Марта и 12-го Октября; но активная дѣятельность по этимъ благожеланіямъ не проявилась, и еслибъ приглашенный Коммиссіей, за особое вознагражденіе, Н. Ѳ. Глазуринъ не разобралъ бы 1,000 дѣлъ въ соединенномъ архивѣ Пермскаго Окружнаго Суда, изъ числа коихъ 144 дѣла имъ же намѣчены къ передачѣ въ Коммиссію для храненія въ ея историческомъ архивѣ, то слѣдовало бы заключить, что Коммиссія не проявила своей дѣятельности по причинѣ, косвенно указанной ею въ отчетѣ: во первыхъ, по скудости денежныхъ средствъ, и во вторыхъ, по неимѣнію помѣщенія. На это послѣднее обстоятельство обратили вниманіе непремѣнный попечитель ея, начальникъ губерніи В. В. Лукошковъ, и предсѣдатель ея, директоръ гимназіи Я. И. Амфіоновъ, и озабочивались пріютомъ Коммиссіи то тутъ, то тамъ, при слѣдующихъ распоряженіяхъ. Первоначально г. начальникъ губерніи отвелъ ей комнату въ зданіи губернскаго правленія, но только неотопляемую, а потому въ зимнее время до того холодную, что въ ней нельзя было не только заниматься членамъ, но и оставаться на нѣсколько минутъ, хотя бы для полученія изъ библіотеки книги. Для избѣжанія такого неудобства, предсѣдатель Коммиссіи уступилъ для библіотеки шкафъ въ гимнастическомъ залѣ мужской гимназіи; но насколько отвѣчало это помѣщеніе требованіямъ удобства, видно изъ того, что̀ въ этой залѣ, гдѣ ежедневно даются воспитанникамъ гимназіи уроки гимнастики, а по праздникамъ уроки военной музыки, приходилось испытать каждому лицу, желающему получить изъ библіотеки книгу, выжидая по часамъ окончанія гимнастическихъ и музыкальныхъ экзерцицій, чтобъ подойти свободно къ библіотекѣ и получить книгу. Замѣтивъ, что такое, хотя и отопляемое, помѣщеніе также неудобно, Я. И. Амфіоновъ удѣлилъ для Коммиссіи хотя небольшую, но отдѣльную комнату. Но развилось ли въ этой комнатѣ пользованіе книгами, изъ отчета не видно. Судя же по тому, что вся библіотека помѣщалась въ одномъ шкафу, можно допустить предположеніе, что изъ 155-ти членовъ Коммиссіи едва ли хоть одинъ принесъ свою лепту въ эту умственную сокровищницу. Такое невниманіе ихъ свидѣтельствуетъ о полномъ равнодушіи избираемыхъ Коммиссіею лицъ къ цѣли, для которой она учреждена.—Коллекція древностей музея Коммиссіи, состоящая изъ 14 Русскихъ мелкихъ серебряныхъ монетъ, стариннаго ножа, топорика и кольчуги, получила приращеніе отъ дара Императорской Археологической Коммиссіи, заключающагося въ двухъ серебряныхъ шейныхъ обручахъ и въ серебряномъ

монетномъ слиткѣ, найденныхъ въ 1890 году въ Глазовскомъ уѣздѣ.—Въ отчетѣ своемъ Коммиссія сѣтуетъ на недостаточность денежныхъ средствъ, объясняя, что остатокъ отъ 1890 года 615 р. 60 к. не имѣлъ въ 1891 году ни одного рубля прироста, а между тѣмъ пришлось израсходовать 165 р. 50 к. на жалованье чиновнику, занимавшемуся разборомъ дѣлъ архива Окружнаго Суда, на брошюровку оттисковъ съ протоколовъ засѣданій Коммиссіи 3 руб. и за перевозку библіотеки 20 коп. Въ заключеніе отчетъ, упомянувъ объ остаткѣ 416 руб. 70 коп., заявляетъ, что при такихъ скудныхъ денежныхъ средствахъ Коммиссія едва можетъ существовать, тѣмъ болѣе, что ей приходится уплатить типографіи около 200 руб. за напечатаніе ея изданія „Труды Пермской Ученой Архивной Коммиссіи", предположеннаго къ выходу въ 1892 году.

*

Рязанская Коммиссія, раздѣлившаяся въ 1890 году на три отдѣленія (архивное, историческое и археологическое), не имѣла въ отчетномъ году столь успѣшной, по разбору архивныхъ дѣлъ, дѣятельности, какъ въ прежніе годы. Причину этого отчетъ Коммиссіи видитъ въ томъ, что всѣ ея наличныя рабочія силы были отвлечены для дѣятельности по благотворительности и народному продовольствію. Впрочемъ, подъ наблюденіемъ правителя дѣлъ А. В. Селиванова, просмотрѣно 4,162 дѣла Уголовной Палаты и Раненбургскаго Уѣзднаго Суда, изъ коихъ отобрано въ историческій архивъ 420 дѣлъ. Вмѣстѣ съ этимъ г. Селивановъ привелъ въ порядокъ и описалъ 230 древнихъ актовъ и грамотъ, принадлежащихъ историческому архиву, и составленная имъ опись печатается въ „Трудахъ" Коммиссіи. Члены С. Д. Яхонтовъ и В. А. Перцевъ, разсмотрѣвъ описи дѣлъ Егорьевскаго, Спасскаго и Ряжскаго уѣздныхъ казначействъ, не нашли въ нихъ ничего подходящаго къ цѣлямъ Коммиссіи. Научная дѣятельность членовъ печаталась въ издаваемыхъ, подъ редакціею А. В. Селиванова, „Трудахъ" Коммиссіи, коихъ издано три выпуска V-го тома за 1890 г. и восемь выпусковъ VI-го тома. Тутъ помѣщено нѣсколько статей, сообщеній и замѣтокъ. Изъ самостоятельныхъ изслѣдованій суть слѣдующія: „Каталогъ Рязанскаго музея по нумизматическому отдѣлу", А. И. Черепнина; „Къ вопросу объ основаніи города Переяславля-Рязанскаго" и „Опись дѣлъ историческаго архива", А. В. Селиванова. Имъ же, А. В. Селивановымъ, составленное „Описаніе Старо-Рязанскихъ древностей", съ приложеніемъ альбома фотографическихъ съ нихъ снимковъ, было издано Коммиссіею для поднесенія отъ нея Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу, въ день проѣзда Его Высочества мимо Рязани. Подъ редакціею г. Селиванова напечатаны „Дополнительныя о Рязанской эпархіи свѣдѣнія", архимандрита Іеронима. Для изданій Коммиссіи оказали безвозмездную помощь, по фотографированію снимковъ съ древностей, В. Н. Любовичъ и по составленію чертежей, плановъ и рисунковъ Н. Д. Малашкинъ.—Въ историческій архивъ коммиссіи поступило 19 дѣлъ изъ Межеваго Департамента Правительствующаго Сената, нѣсколько вязокъ книгъ рѣшеній волостныхъ судовъ, съ 1864 по 1875 годъ, и фамильные документы и бумаги отъ П. Ѳ. Юрьева.

Изъ пожертвованій въ архивъ заслуживаютъ упоминанія: 1) 27 автографовъ Славянскихъ дѣятелей изъ альбома Н. И. Надеждина, относящихся ко времени его поѣздки въ Славянскія земли, въ 1845 году, переданные Коммиссіи М. И. Лебедевымъ, и 2) Вѣдомости о дьякахъ Рязанскаго архіерейскаго дома, писанныя митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ и переданныя въ Коммиссію Макаріемъ, архіепископомъ Донскимъ и Новочеркасскимъ. Библіотека Коммиссіи увеличилась даромъ, препровожденнымъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Георгіемъ Михаиловичемъ и заключающимся въ двухъ изданіяхъ трудовъ Его Высочества: „Монеты царствованія Императора Павла I-го и Императора Александра I-го“ и „Русскія монеты 1881—1890 годовъ“. Всего поступило въ библіотеку 169 названій книгъ, и къ настоящее время въ ней состоитъ 2,137 названій въ числѣ 5,578 книгъ или выпусковъ. Въ музей Коммиссіи поступили различныя древности изъ церквей и отъ разныхъ лицъ, а также и отъ Императорской Археологической Коммиссіи: во первыхъ, всѣ предметы, найденные при раскопкахъ въ Старой Рязани, въ деревнѣ Рубцовой и въ Ново-Ольговскомъ городкѣ; во вторыхъ, всѣ вещи изъ четырехъ кладовъ, найденныхъ въ Сапожковскомъ, Зарайскомъ и Спасскомъ уѣздахъ; въ третьихъ, значительная часть Рязанскихъ монетъ князя Ивана Ѳедоровича, найденныхъ въ селѣ Запольѣ, Спасскаго уѣзда, и въ четвертыхъ, возвращенные ею въ музей два древнихъ серебряныхъ слитка (гривны), найденныхъ въ томъ же уѣздѣ. Изъ находокъ въ курганахъ поступили въ музей: нѣсколько шейныхъ гривенъ, привѣсокъ и другихъ вещей Мерянскаго типа, древняя восточная гирька, царскія серебряныя монеты, серебряныя кольца и печатка, изображающая птицу. Къ числу древнихъ предметовъ курганной эпохи принадлежатъ вещи изъ Борковскаго могильника, пожертвованныя А. И. Черепнинымъ. Отъ другихъ жертвователей поступили въ музей: ятаганъ, ружье, мѣдная бляха съ Славянскою надписью: „при славе буди смиренъ, при печали буди мудръ“. А. В. Селивановъ, будучи въ Крыму, пріобрѣлъ для музея: мѣдный крестъ изъ Херсона съ изображеніемъ распятаго Спасителя въ длинномъ колобіи (VI—IX в.), коллекцію старинныхъ Татарскихъ полотенецъ, ханскій шитый золотомъ коверъ, кувшинъ, монеты и другія вещи. Хранитель Херсонскаго музея К. К. Косцюшко-Валюжаничъ передалъ въ музей стеклянный браслетъ, найденный въ Херсонесѣ, похожій на браслеты, осколки коихъ попадались при раскопкахъ въ Старой Рязани. Изъ церковныхъ предметовъ пожертвованы въ музей древніе кресты, складни и двѣ панагіи въ серебряныхъ филигранныхъ оправахъ XIV-го вѣка. Пріобрѣтены покупкою, три шитыхъ серебромъ и шелками священныхъ изображенія художественной работы.—Музей со дня открытія, при безплатномъ входѣ, охотно посѣщался публикой, но затѣмъ приливъ посѣтителей уменьшился. Для удобства при обозрѣніи вещей, Коммиссія приступила къ составленію новаго каталога съ рисунками наиболѣе замѣчательныхъ вещей.—Денежныя средства Коммиссіи, сравнительно съ другими, удовлетворительны по приходу въ 1,064 р. 90 к. Изъ этой суммы Коммиссія заплатила прошлогоднюю передержку, 231 р. 69 к., а остальное издержала сполна, сдѣлавъ пе-

редержку на 1892 годъ въ 112 р. 15 к.—Личный составъ Коммиссіи состоитъ изъ 27 почетныхъ членовъ, 176 дѣйствительныхъ членовъ и 10 членовъ сотрудниковъ.

*

О дѣятельности *Саратовской Коммиссіи* въ 1891 году свидѣтельствуетъ только изданный ею 2-й выпускъ III-го тома „Трудовъ", въ которомъ помѣщены „Матеріалы для исторіи колонизаціи Саратовскаго сѣверо-восточнаго края до второй половины XVIII-го вѣка", извлеченные В. и Г. Холмогоровыми изъ книгъ и дѣлъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи. А засимъ иная дѣятельность ея неизвѣстна, такъ какъ ни отчета за 1891 годъ, ни другихъ какихъ-либо сообщеній ею не доставлено.

*

Таврическая Коммиссія имѣла въ отчетномъ году пять засѣданій, подъ предсѣдательствомъ А. X. Стевена, и издала, подъ редакціею члена А. И. Маркевича, четыре выпуска „Извѣстій". Главнѣйшія изъ статей, вошедшихъ въ изданіе, суть слѣдующія: профессора Н. И. Веселовскаго „Скиѳскій всадникъ (поясная пряжка"); бывшаго правителя дѣлъ Коммиссіи Ѳ. Ѳ. Лашкова окончаніе двухъ сообщеній: 1-го, „Памятники дипломатическихъ сношеній Крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ въ XVI и XVII-мъ вѣкахъ", 2-го, „Статейный списокъ Московскаго посланника въ Крымъ Ивана Судакова въ 1587—1588-мъ г.", извлеченныхъ изъ дѣлъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и окончаніе статьи „Сообщенія и матеріалы для исторіи второй Турецкой войны 1787—1791 года"; А. X. Стевена: „Дѣла архива Таврическаго Губернскаго Правленія, относящіяся до розысканія, описанія и сохраненія памятниковъ старины въ предѣлахъ Таврической губерніи", и „Раскопка кургановъ близъ Симферополя лѣтомъ 1890 года"; А. И. Маркевича: „Матеріалы архива канцеляріи Таврическаго губернатора, относящіеся до путешествія императрицы Екатерины II-й въ Крымъ, въ 1787-мъ году", „Къ памятникамъ города Неаполиса" и „Къ исторіи Екатерининскихъ миль"; Г. К. Кирѣенко: продолженіе его извлеченія „Ордера князя Потемкина" съ 2-го Марта 1788 по 7-е Ноября 1789 года. Въ тѣхъ же выпускахъ „Извѣстій" помѣщены статьи: гг. П. Ватье, А. Н. Дьяконова, П. А. Иванова, О. Ретовскаго, Н. Романченко и А. Н. Сѣницкаго.—Дѣятельность Коммиссіи по составленію историческаго архива завершилась разсмотрѣніемъ дѣлъ архива Таврическаго Губернскаго Правленія. Участіе въ этомъ трудѣ принимали члены Коммиссіи: А. К. Романюкъ, А. О. Кашпаръ, Г. К. Кирѣенко, А. И. Феноменовъ и X. М. Монастырлы. Всѣми трудившимися разсмотрѣно 5.135 дѣлъ, изъ коихъ отобрано для храненія только 12 дѣлъ. Нѣкоторые члены Коммиссіи, какъ то: А. К. Романюкъ, А. И. Маркевичъ и П. А. Ивановъ, занимались въ архивахъ Симферопольскаго Уѣзднаго Полицейскаго Управленія, разсматривали дѣла архива Дерекойскаго Волостнаго Правленія, Старо-Крымской Городовой Ратуши и Николаевскаго адмиралтейства, и сообщенія, ими извлеченныя, напечатаны въ 12-мъ и 14-мъ выпускахъ „Извѣстій".—Всего въ историческомъ архивѣ къ 1892-му году состоитъ 90

документовъ и 269 дѣлъ, изъ числа коихъ къ 37-ми дѣламъ составлены Ѳ. Ѳ. Лашковымъ и А. И. Синицинымъ предметныя описанія, напечатанныя въ 12-мъ и 14-мъ выпускахъ „Извѣстій".—Музей Коммиссіи, благодаря пожертвованіямъ предсѣдателя А. Х. Стевена, пополнился въ отдѣлѣ „Древности Неаполиса", а также 223-мя монетами и 321-мъ экземпляромъ разныхъ предметовъ древностей, найденныхъ въ Таврической губерніи. Всего въ музеѣ находится 1.732 предмета древностей и 1.336 монетъ. Членъ Коммиссіи К. К. Косцюшко-Валюжаничъ извѣстилъ о найденной имъ плитѣ съ надписью въ 33 строки, относящейся ко II-му вѣку по Рождествѣ Христовѣ, о чемъ сообщилъ онъ статью „Важное археологическое открытіе въ Крыму"; а X. П. Ящуржинскій составилъ статью „Керченскія древности"; обѣ статьи напечатаны въ 13-мъ и 14-мъ выпускахъ „Извѣстій". При раскопкахъ въ Крыму, учиненныхъ профессоромъ Н. М. Веселовскимъ, находились А. О. Кашпаръ и А. П. Маркевичъ, и составленное первымъ описаніе раскопокъ напечатано въ № 11-мъ „Извѣстій".—Библіотека Коммиссіи увеличилась на 189 книгъ. Главнѣйшимъ жертвователемъ болѣе цѣнныхъ книгъ былъ членъ Коммиссіи Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей. Всего въ библіотекѣ состоитъ 352 названія книгъ.—Денежныя средства Коммиссіи состояли въ отчетномъ году: по приходу 713 р. 17 к., а по расходу 496 руб. 26 коп. Такое крайне-ограниченное въ денежномъ отношеніи матеріальное положеніе Коммиссіи нельзя считать, какъ по словамъ отчета, такъ и по существу дѣла, обезпеченнымъ, такъ какъ существованію и проявленію дѣятельности ея она обязана исключительно доброму отношенію къ ней Таврическаго земства, предоставляющаго ей 300 рублей въ годъ, и частнымъ пожертвованіямъ до 295 рублей. Въ настоящее время является крайняя необходимость въ пріобрѣтеніи для музея и историческаго архива собственнаго помѣщенія, обезпеченнаго отъ пожара.

*

Тамбовская Коммиссія имѣла въ отчетномъ году пять засѣданій, подъ. предсѣдательствомъ И. И. Дубасова и при правителѣ дѣлъ П. А. Дьяконовѣ. Засѣданія посѣщались непремѣннымъ попечителемъ, Тамбовскимъ губернаторомъ барономъ В. П. Рокасовскимъ и вице-губернаторомъ А. А. Чоглоковымъ. Сущность происходившаго въ засѣданіяхъ напечатана въ XXXI-мъ, XXXII-мъ и XXXIII-мъ выпускахъ „Извѣстій", вышедшихъ подъ редакціею П. А. Дьяконова. Для распредѣленія матеріала въ каждомъ выпускѣ предназначены три отдѣла. Первый изъ нихъ предоставленъ отчетамъ о дѣятельности Коммиссіи и рефератамъ гг. членовъ; второй—описи дѣламъ, поступившимъ на храненіе въ Тамбовскій историческій архивъ; въ третьемъ же помѣщаются историческіе документы. Первый отдѣлъ обогащенъ рефератами И. И. Дубасова: 1) Историческая записка о Тамбовскомъ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ, составленная по поводу его 200-лѣтія; 2) Богородично-Казанскій монастырь; 3) Городъ Тамбовъ по росписному списку 1745 года; 4) Строеніе валовыхъ и деревянныхъ Тамбовскихъ и Козловскихъ крѣпостей, и 5) Бытовыя черты Шацкаго края по писцовымъ книгамъ вотчины Великой Иноки. Онъ же, И. И. Дубасовъ, на основаніи документовъ историческаго

архива Коммиссіи, составилъ нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ Историческомъ Вѣстникѣ, Русскомъ Обозрѣніи и Наблюдателѣ. Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщены рефераты П. А. Дьяконова: „Бытовыя картинки по архивнымъ дѣламъ" и архивный очеркъ „Бѣдствія Шацкой провинціи въ 1774-мъ году". Во второмъ отдѣлѣ помѣщены описи дѣламъ историческаго архива, составленныя И. В. Староградскимъ, съ 1745 по 1816 годъ. Такія же описи составлены П. И. Пискаревымъ, съ 1667 по 1853 годъ, и перепечатана, съ изданія 1887 года, „Опись документовъ, относящихся къ исторіи Мамонтовой пустыни". Всего же описано 3.317 дѣлъ.—Въ третьемъ отдѣлѣ помѣщены копіи съ рукописей, относящихся до Тамбовскаго края, взятыя изъ дѣлъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, А. А. Голомбіовскимъ и В. И. Холмогоровымъ, пользуясь которыми можно, по справедливому замѣчанію И. И. Дубасова, воспроизвести картину трудовой, оживленной и крайне-тревожной Тамбовской жизни XVII-го вѣка. „То было время, сказано И. И. Дубасовымъ, когда мѣстные служилые и жилецкіе люди окончательно закрѣпили за Москвою свою украйну и создали на инородческой почвѣ чисто-Русскую жизнь, по обще-Русскому укладу". Такой выводъ предсѣдателя Коммиссіи оправдывается содержаніемъ сообщенныхъ В. И. Холмогоровымъ документовъ: 1) Статейная запись 7158 года, съ посадскими людьми въ тягло гулящихъ, торговыхъ и ремесловыхъ; 2) Дозорная роспись, 7174 года, городовому и крѣпостному строенію въ г. Козловѣ; 3) Сдаточная вѣдомость, 7194 года, Козловскаго острога и приписныхъ къ нему Бѣльскаго и Челнавскаго и 4) Матеріалы для исторіи города Тамбова.—А. А. Голомбіовскимъ: „Росписной списокъ города Тамбова 1745 года", и „Выписка въ Разрядѣ о построеніи новыхъ городовъ и черты".—П. И. Пискаревымъ: 1) Описаніе Вознесенскаго женскаго монастыря до изданія духовныхъ штатовъ въ 1764 году и 2) Опись Казанскаго монастыря въ Тамбовѣ.—П. А. Дьяконовымъ „Опись Козловскаго Троицкаго монастыря 1706 г.", и копіи документовъ историческаго архива для приложенія къ описямъ И. В. Староградскаго и П. И. Пискарева. Въ третьемъ же отдѣлѣ помѣщенъ переводъ съ Французскихъ рукописей, Тамбовскимъ вице-губернаторомъ А. А. Чоглоковымъ, документовъ „Изъ переписки графа П. П. Сухтелена и его военно-научныя замѣтки", имѣющихъ общеисторическое значеніе.—Музей Коммиссіи получилъ приращеніе отъ пожертвованія Ѳ. Д. Хвощинскимъ богатой коллекціи серебряныхъ монетъ, медалей и жетоновъ. Денежныя средства Коммиссіи, сравнительно съ прочими, блистательны. Они состояли изъ остатка отъ 1890 года, 2.574 руб. 69 коп.; къ нимъ поступило отъ Министерства Юстиціи 200 руб., членскихъ взносовъ 179 руб.; а всего съ мелкими приходными статьями, 3.073 рубля 9 коп., изъ коихъ израсходовано 721 руб. 9 копѣекъ.

*

Тверская Коммиссія имѣетъ собственное помѣщеніе въ каменномъ двухъэтажномъ домѣ съ каменной же кладовой, со сводами и желѣзными въ окнахъ рѣшетками. Подъ архивъ отведено 4 комнаты, въ пятой помѣщена библіотека; въ залѣ, отапливаемой зимою, занимаются члены, и въ ней же происхо-

дятъ засѣданія Коммиссіи, которыхъ въ отчетномъ году было пять. Все происходившее въ этихъ засѣданіяхъ вошло въ журналы Коммиссіи, печатавшіеся въ Тверскихъ Гебернскихъ Вѣдомостяхъ, вмѣстѣ съ рефератами гг. членовъ. По отпечатаніи, все сообщенное Коммиссіею издавалось отдѣльными оттисками въ количествѣ 300 экземпляровъ.—3-го Сентября Тверской музей и Коммиссію удостоилъ посѣщеніемъ г. министръ народнаго просвѣщенія графъ Иванъ Давидовичъ Деляновъ. Предсѣдатель Коммиссіи А. К. Жизневскій, продолжая заниматься описаніемъ поступающихъ въ Тверской музей древностей, напечаталъ отчетъ о пріобрѣтеніяхъ музея за 1890-й годъ и сдѣлалъ разныя сообщенія, относящіяся до исторіи края. Протоіерей В. Ѳ. Владиславлевъ напечаталъ въ Тверскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ слѣдующія статьи: а) Христорождественскій женскій монастырь въ Твери; б) Нерукотворенный образъ Христа Спасителя въ Тверскомъ каѳедральномъ соборѣ; в) икона Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Абрамовѣ, Корчевскаго уѣзда; г) Инокъ Евлампій и д) Къ исторіи Тверской семинаріи. Прочіе члены сообщили Коммиссіи слѣдующіе доклады: В. И. Колосовъ „О замѣчательныхъ книгахъ Иверской семинарской библіотеки"; А. А. Митропольскій „Палладій Роговскій, ректоръ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, уроженецъ Тверской губерніи"; Н. Н. Овсянниковъ „По поводу присоединенія Твери къ Москвѣ и участіе Тверскихъ бояръ въ этомъ событіи"; Д. И. Скворцовъ „Разглагольствіе двухъ человѣкъ о вѣрѣ и церкви Христовой" и „Ржевскіе бѣглые попы"; П. П. Соколовъ „Архіепископъ Митрофанъ Слотвинскій, какъ церковный администраторъ" (по указамъ его времени). Н. В. Лилеевъ издалъ историческій очеркъ „Симеонъ Бекбулатовичъ, ханъ Касимовскій, великій князь всея Руси, впослѣдствіи великій князь Тверской, 1567—1616 г."; протоіерей В. П. Успенскій доставилъ въ Коммиссію: а) копію съ списка таможенной грамоты, данной въ 1670-мъ году патріарху Іоасафу; б) два списка съ переписныхъ книгъ Ниловой пустыни, 1636, 1647 и 1663 годовъ; в) выпись изъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ Ржева и его уѣзда, 1678 года и г) сводъ свѣдѣній о церквахъ и монастыряхъ города Ржевы Володимеровы и его уѣзда, заключавшаго въ себѣ, до 1772 года, части Осташковскаго, Новоторжскаго, Вышневолоцкаго и Старицкаго уѣздовъ. Благодаря заботливости Коммиссіи о собраніи свѣдѣній по древностямъ Тверской губерніи, было получено: отъ Павла, архіепископа Казанскаго, 8 фотографическихъ снимковъ съ изображеній и надписи съ древняго четвероевангелія, написаннаго въ 1478-мъ году въ Твери; отъ Р. Н. Никулина сообщеніе о времени постренія въ Желтиковскомъ монастырѣ церкви во имя Алексѣя человѣка Божія и при ней комнатъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Чертоги царевича Алексѣя Петровича". Предсѣдатель Коммиссіи доставилъ книгу „Отчетъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія, по управленію генералъ-директоромъ онаго, принцемъ Георгіемъ Гольштейнъ-Ольденбургскимъ, за 1811-й годъ", и имъ же сообщены И. Ѳ. Токмакову свѣдѣнія о строителѣ Вознесенской Даниловой пустынѣ іеромонахѣ Максимѣ, въ мірѣ Никитѣ Вас. Посудкинѣ, и объ инокѣ Пахоміѣ, въ мірѣ Петрѣ Волковѣ, Тверскихъ

купеческихъ сыновьяхъ, ушедшихъ въ монашество въ 1795-мъ году. Г. А. Никольскій сообщилъ статьи: а) Страничка изъ исторіи Тверской семинаріи, въ которой изложено содержаніе дѣла архива Св. Сунода, 1743 года, о пререканіяхъ между Митрофаномъ Слотвинскимъ, епископомъ Тверскимъ и воеводою Артеміемъ Давыдовымъ о правахъ учителей семинаріи и б) Лѣтопись о постройкѣ и украшеніи церкви и архіерейскаго дома Тверской епархіи, учиненныхъ при митрополитѣ Сильвестрѣ.—Предсѣдатель Коммиссіи сдѣлалъ слѣдующія сообщенія: а) объ особенностяхъ празднованія Троицына дня въ деревняхъ Доншаково, Горки и Максимово; б) объ учрежденіи въ 1807-мъ году при Московскомъ училищѣ ордена Св. Екатерины отдѣленія подъ названіемъ Тверскаго; в) о Тверскомъ иконописцѣ Макарѣ Пѣшехоновѣ, утонувшемъ въ 1844-мъ году въ Каспійскомъ морѣ, во время пути его на Кавказъ, для снятія, по Высочайшему повелѣнію, копій съ иконъ въ тамошнихъ древнихъ храмахъ. — Тверской музей, стараясь своими коллекціями быть вещественною лѣтописью мѣстностей Тверской губерніи, продолжалъ и въ отчетномъ году свое назначеніе, служа пособіемъ въ изученіи исторіи края. Изъ числа вновь поступившихъ пріобрѣтеній заслуживаютъ особаго вниманія: а) превосходныя по отдѣлкѣ каменныя орудія и, въ особенности, ножъ дугообразной формы; б) добытыя изъ кургановъ на берегу Волги, близъ устья р. Большой Коши, серебряный брактеатъ, золотой браслетъ, женская коса съ остатками вплетенныхъ въ нее серебряныхъ колецъ, такъ называемыхъ височныхъ; в) свинцовая пломба, найденная въ Твери на берегу Волги, похожая на средневѣковыя загадочныя пломбы, находимыя въ г. Дрогичинѣ, на берегу р. Западнаго Буга, двѣ бронзовыя гирьки (изъ нихъ одна похожая на хранящуюся въ Копенгагенскомъ музеѣ) и бронзовый ножъ дугообразной формы; г) желѣзные доспѣхи: кольчуга, шлемъ, мисюрка съ забраломъ и поручи, и д) древняго типа треугольныя гусли. Нумизматическій отдѣлъ пополнился Куфическими монетами изъ клада, найденнаго въ селѣ Загородьѣ, и нѣсколькими Тверскими монетами. По отдѣлу рукописей поступили фамильныя бумаги дворянъ: Полтевыхъ, Баклановскихъ и ихъ родственниковъ: Островскихъ, Мордвиновыхъ, Ушаковыхъ и Годуновыхъ; три данныя Троицко-Сергіеву монастырю отъ княгини Софьи Микулинской, вдовы князя Дмитрія Микулинскаго Пунко, убитаго при взятіи Казани, писанныя въ 1557-мъ году, и отъ княгини Евдокіи Микулинской, вдовы князя Семена Микулинскаго, скончавшагося въ схимѣ 12-го Августа 1558 года. По археологическому отдѣлу въ музеѣ за 1891 годъ поступило 501 предметъ, составившіе съ прежними всего 6.444 предмета. По отдѣлу археографическому поступила 151 рукопись, и съ поступившими до отчетнаго года въ музеѣ состоитъ 4.784 документа. По естественному и промышленному отдѣлу поступило 7, съ коими къ 1891-му году состоитъ 2.320 предметовъ. Подробное описаніе пріобрѣтеній музея находится въ печатномъ отчетѣ по музею за 1891-й годъ. Число посѣтителей музея каждогодно возрастаетъ, и въ отчетномъ году въ немъ было 5.535 посѣтителей. На разсмотрѣніе описей архивныхъ дѣлъ различныхъ присутственныхъ мѣстъ и учрежденій Тверской губерніи было принято

Коммиссіею 71.947 дѣлъ, значущихся въ описяхъ. Изъ нихъ Коммиссія отобрала для храненія въ историческій архивъ 2.166 дѣлъ, которыя и присоединила къ 10.138 дѣламъ, состоявшимъ въ архивѣ отъ прежнихъ лѣтъ, до 1-го Января 1891 года.—Библіотека Коммиссіи, состоявшая изъ 1348 книгъ и 13 картъ, умножилась пожертвованіями отъ разныхъ лицъ на 268 книгъ и 2 карты. Денежныя средства Коммиссіи заключались по приходу: изъ остатка отъ 1890 года, 182 руб. 84 коп , къ коимъ поступило отъ губернскаго земства въ пособіе 100 руб. и и за проданныя изданія Коммиссіи 154 руб. 2 коп. Израсходовано 189 руб. 91 коп.—Личный составъ Коммиссіи въ 1891 году составляли: непремѣнный попечитель, Тверской губернаторъ П. Д. Ахлестышевъ, предсѣдатель А. К. Жизневскій, и 41 членъ, изъ числа которыхъ В. И. Колосовъ произвелъ раскопку двухъ кургановъ близъ деревни Каменки и въ одномъ курганѣ, на глубинѣ 4 аршинъ 13 верш., нашелъ человѣческій костякъ, черепъ котораго, отличающійся особыми примѣтами, „низкимъ лбомъ и очень развитымъ затылкомъ", представилъ при своемъ „Дневникѣ раскопокъ", въ Коммиссію.

*

Ярославская Коммиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ С. М. Шпилевскаго, находилась, въ теченіе отчетнаго 1891 года, какъ бы въ летаргическомъ снѣ, такъ какъ отъ нея не доставлено не только отчета за этотъ годъ, но и никакого сообщенія, изъ коего можно было бы заключить, что она, если не дѣйствуетъ, то существуетъ. Такая отчужденность отъ общаго дѣла дозволяетъ сказать словами старыхъ учебниковъ по исторіи, что дѣятельность Ярославской Ученой Архивной Коммиссіи за 1891-й годъ „покрыта мракомъ неизвѣстности".

—

Такой неутѣшительный отзывъ о дѣятельности нѣкоторыхъ коммиссій проистекаетъ главнѣйше отъ полнѣйшей необезпеченности ихъ въ средствахъ къ существованію. Корень къ этому положенъ въ циркулярѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 6-го Мая 1884 года, за № 10. Циркуляръ этотъ, оповѣстивъ гг. губернаторовъ о высочайшемъ соизволеніи на учрежденіе въ губерніяхъ учебныхъ архивныхъ коммиссій и губернскихъ историческихъ архивовъ, пояснилъ: „Расходы, необходимые на содержаніе и занятія коммиссій, покрываются изъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи директора Археологическаго Института, и изъ мѣстныхъ пожертвованій въ пользу науки". Но при созданіи такого положенія не было обращено вниманіе на то, что какъ первый источникъ „средства имѣющіяся въ распоряженіи директора", такъ и второй „мѣстныя пожертвованія" ефемерны, витая въ области надежды, при полнѣйшемъ отсутствіи данныхъ къ ихъ осуществленію. На первое указывало состояніе Археологическаго Института въ 1884 году, въ которомъ онъ уже не могъ содержать самого себя „на средства, имѣющіяся въ распоряженіи его директора" и испросилъ себѣ отъ правительства временную на три года субсидію, по 6,000 руб. въ годъ. Но такъ какъ циркуляръ министерства облетѣлъ всѣ губерніи, то вслѣдъ за этимъ воспослѣдо-

вали отношенія гг. губернаторовъ къ директору института о присылкѣ денегъ на содержаніе и на занятія коммиссій, основывающихся въ губерніяхъ. Первое изъ этихъ отношеній поступило къ директору въ Октябрѣ 1884 года изъ Томска, второе въ Декабрѣ изъ Кишинева, третье въ Іюнѣ 1885 года изъ Омска, затѣмъ въ 1886 году послѣдовали отношенія: въ Мартѣ изъ Воронежа, въ Апрѣлѣ изъ Харькова, въ Сентябрѣ изъ Архангельска, въ Октябрѣ изъ Вятки и Ревеля; въ 1888 году, въ Сентябрѣ изъ Астрахани и Смоленска; въ 1889 году, въ Апрѣлѣ изъ Тулы; въ 1890 году, въ Мартѣ изъ Симбирска, и въ текущемъ 1892 году, въ Іюнѣ изъ Красноярска. Послѣдствіемъ всѣхъ перечисленныхъ отношеній была грустная необходимость для каждаго изъ директоровъ института отвѣчать, начиная съ 1884 по истекающій 1892 годъ, что, при полнѣйшемъ сочувствіи къ открытію учреждаемыхъ коммиссій, они не могутъ пособить содержанію и занятіямъ ихъ денежными средствами, такъ какъ не имѣютъ таковыхъ въ своемъ распоряженіи. Что же относится до „мѣстныхъ пожертвованій въ пользу науки", то изъ примѣровъ прежнихъ лѣтъ оказывается, что они являются лишь тамъ, гдѣ мѣстный губернаторъ, какъ непремѣнный попечитель коммиссіи, совмѣстно съ ея предсѣдателемъ, пользуясь своимъ положеніемъ и руководясь просвѣщенною любовію къ наукѣ, подѣйствуютъ на населеніе словомъ и дѣломъ, и тогда—гдѣ дворянство или земство, гдѣ городское общество и частныя лица несутъ посильныя жертвы въ пользу коммиссій по первому порывистому увлеченію; но за тѣмъ, при охлажденіи порыва, пожертвованія или уменьшаются, или же прекращаются, и расцвѣтшія коммиссіи погружаются въ летаргію за недостаткомъ денежныхъ средствъ къ жизненному проявленію своей дѣятельности.

Но какъ ни печально положеніе ученыхъ архивныхъ коммиссій въ матеріальномъ до скудости отношеніи, большинство ихъ, стоя неусыпно на своемъ посту, честно держатъ принятое ими добровольно знамя и стремятся, по мѣрѣ силъ и возможности, осуществить свое назначеніе, отыскивая и описывая древности, разбирая архивы казенные и семейные, составляя изъ найденныхъ документовъ рефераты, извлеченія и печатая знаменательные акты, разсматриваютъ дѣла правительственныхъ мѣстъ, предназначенныхъ къ уничтоженію, созидаютъ музеи, историческіе архивы, библіотеки и великодушно, не требуя вознагражденія, трудятся въ разборѣ, по архивнымъ описямъ, дѣлъ министерствъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи, Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ. Это послѣднее обстоятельство долженствовало бы напомнить министерствамъ о томъ, что всякій трудъ, совершенный въ чью-либо пользу, долженъ быть вознагражденъ по достоинству; но, къ сожалѣнію, только одно изъ нихъ, именно Министерство Юстиціи, послѣ ходатайства со стороны директора Археологическаго Института, пришло на помощь и выдаетъ нѣкоторымъ коммиссіямъ по 300, 200 и по 100 рублей, въ вознагражденіе за трудъ по разбору и описанію дѣлъ въ соединенныхъ архивахъ окружныхъ судовъ. Остальныя же министерства, въ особенности же Финансовъ, разсылая по коммиссіямъ описи дѣлъ, подлежащихъ уничтоженію, ничѣмъ не вознаграждаютъ трудящихся за такое обременительное и утомляющее занятіе, совершаемое гг. членами коммиссій.

Но не одно это обездоливаетъ коммиссіи. Есть еще обстоятельство, отнимающее у нихъ частицу изъ ихъ скудныхъ денежныхъ средствъ присылка за наличныя деньги писемъ и посылокъ по почтѣ, такъ какъ, по воззрѣніямъ нѣкоторыхъ почтовыхъ учрежденій, коммиссіямъ, а наравнѣ съ ними и Археологическому Институту, не предоставлено безденежной пересылки по почтѣ, коею пользуются всѣ казенныя учрежденія. Издержки по этому отдѣлу кажутся, на первый взглядъ, незначительны, а потому не должны бы входить въ разсчетъ; но если принять во вниманіе доходность хотя бы одной изъ коммиссій, Тверской, блестяще исполняющей свое назначеніе и разобравшей, какъ сказано выше, 71,947 архивныхъ дѣлъ разныхъ министерствъ: то окажется, что при ея годовомъ доходѣ, 100 р. отъ земства и 154 р. отъ продажи ея же изданій, всякій расходъ не то что въ десятокъ рублей, но и въ рубль, употребленный на пересылку по почтѣ, дѣлаетъ тяжкій ущербъ ея благосостоянію. Вмѣстѣ съ этимъ коммиссіи, при видимой скудости въ денежномъ отношеніи, лишаются и общенія между собою по пересылкѣ своихъ изданій, документовъ, не имѣя средствъ на почтовыя издержки. Для устраненія этого, директоръ Археологическаго Института ходатайствуетъ передъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, прося предоставить какъ коммиссіямъ, такъ и Институту, право безденежной пересылки по почтѣ корреспонденціи и посылокъ; но на прошеніе его, поданное въ Мартѣ мѣсяцѣ прошлаго года, не послѣдовало еще отвѣта.

*

Въ заключеніе настоящаго обзора цѣлесообразно дополнить его рядомъ вопросовъ, касающихся губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій, предъявленныхъ почетнымъ членомъ Археологическаго Института предсѣдателемъ Костромской коммиссіи Н. Н. Селифонтовымъ.

1. Положеніе Комитета Министровъ объ учрежденіи въ губерніяхъ названныхъ коммиссій, на которомъ состоялся упомянутый циркуляръ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 6-го Мая 1884 года, за № 10-мъ, крайне неполно и неопредѣленно. Поэтому не слѣдуетъ ли разработать проектъ болѣе подробнаго положенія о коммиссіяхъ? Желательно ввести однообразіе въ организаціи коммиссій. Съ другой стороны, такъ какъ коммиссіямъ ввѣряется храненіе предметовъ, составляющихъ общественное достояніе, онѣ изъ временныхъ, частныхъ и какъ бы случайныхъ учрежденій должны быть возведены на степень общественныхъ, прочно организованныхъ, подконтрольныхъ и отвѣтственныхъ.

2. Не слѣдуетъ ли пересмотрѣть данную директоромъ Археологическаго Института Ив. Еѳ. Андреевскимъ научную форму описаній архивныхъ дѣлъ, принятыхъ на храненіе въ коммиссіяхъ изъ архивовъ присутственныхъ и административныхъ мѣстъ? Форма или программа такихъ описаній, безъ сомнѣнія, строго научная, но для выполненія ея пока не имѣется достаточно подготовленныхъ работниковъ, а на первое время желательно имѣть болѣе упрощенныя описи. На дѣлѣ выходитъ, что или никакихъ описей дѣламъ нѣтъ, или же онѣ крайне разнообразны, т. е. никакой программѣ не соотвѣтствуютъ.

3. Не слѣдуетъ ли предложить коммиссіямъ, независимо отъ помѣщенія ими въ годовыхъ отчетахъ, представляемыхъ директору Археологическаго Института, общаго денежнаго отчета, представлять по расходованію ассигнуемыхъ имъ дворянствомъ, земствомъ и городами денегъ частные отчеты по принадлежности: губернскимъ предводителямъ дворянства, предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ и городскимъ головамъ? Оглашеніе передъ сими лицами производительности сдѣланныхъ расходовъ можетъ много содѣйствовать къ увеличенію денежныхъ средствъ и новыхъ ассигновокъ отъ тѣхъ же лицъ и учрежденій.

4. Не слѣдуетъ ли упорядочить издательскую дѣятельность коммиссій, направивъ ее въ такой постепенности: сначала, на первомъ мѣстѣ, рекомендовать оглашеніе въ печати свѣдѣній о поступившихъ въ коммиссію историческихъ матеріалахъ, въ формѣ перечневыхъ описей имъ; за тѣмъ печатаніе обзоровъ цѣлыхъ собраній актовъ или коллекцій предметовъ, ознакомленіе публики, путемъ печати, съ точнымъ изложеніемъ текста наиболѣе важныхъ актовъ, съ описаніемъ ихъ внѣшней стороны и указаніемъ, гдѣ они хранились и, наконецъ, изданіе научныхъ изслѣдованій по исторіи края.

5. Не слѣдуетъ ли урегулировать дѣятельность коммиссій по производству раскопокъ городищъ и кургановъ?

6. Установить между коммиссіями взаимный обмѣнъ историческихъ матеріаловъ по принадлежности мѣстностей.

7. Разъяснить вопросъ о подцензурности или неподцензурности изданій, выпускаемыхъ коммиссіями помимо печатаемыхъ ими въ губернскихъ вѣдомостяхъ статей, журналовъ и протоколовъ.

8. Выяснить условія и порядокъ передачи коммиссіямъ изъ присутственныхъ мѣстъ старыхъ дѣлъ: одни учрежденія передаютъ, другія нѣтъ; нѣкоторыя присутственныя мѣста склонны скорѣе очистить свои архивныя помѣщенія, а между тѣмъ у коммиссій нѣтъ еще надежныхъ помѣщеній.

9. Желательно, чтобъ губернаторы облегчили денежные расходы коммиссій по печатанію въ губернскихъ типографіяхъ бланокъ, заголовковъ, объявленій, повѣстокъ и статей. Помѣщеніе въ губернскихъ вѣдомостяхъ трудовъ коммиссій несомнѣнно должно увеличить число подписчиковъ на губернскія вѣдомости; полученный такимъ путемъ барышъ покроетъ расходы типографій по набору, печатанію и корректурѣ текстовъ, сообщаемыхъ коммиссіями.

10. Не настало ли время позаботиться объ учрежденіи коммиссій и въ другихъ мѣстностяхъ? При отказѣ же въ этомъ (со стороны директора Археологическаго Института, по неимѣнію въ его распоряженіи денежныхъ средствъ на содержаніе и занятія коммиссій, о чемъ сказано выше), можно бы просить губернаторовъ открыть простые склады при статистическихъ комитетахъ для всякихъ историческихъ матеріаловъ, которые могли бы быть переданы впослѣдствіи будущимъ губернскимъ ученымъ архивнымъ коммиссіямъ. И это было бы спасительною мѣрою и охраною отъ всесокрушающаго времени.

Аскалонъ Труворовъ.

ЗАМѢТКА О ССЫЛКѢ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ СИМЕОНА БЕКБУЛАТОВИЧА *).

„Этотъ Государь (Годуновъ) былъ несчастенъ,
а несчастные всегда виноваты.“
Екатерина II.

29 Марта 1606 года, отправлена изъ Москвы была слѣдующая грамота въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь:

«Отъ царя и великаго князя Дмитрія Ивановича всеа Русіи богомольцу нашему Кириловскому игумену Селиверсту иже о Христѣ съ братіею. По нашему указу посланъ въ Кириловъ монастырь царь Семіонъ Бекбулатовъ съ Ефимомъ съ Бутурлинымъ да съ Григоріемъ съ Образцовымъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а Ефимъ и Григорей съ царемъ съ Семіономъ пріѣдутъ, и ты бъ царя Семіона постригъ со всѣмъ соборомъ *честно* и *покоити* его велѣлъ въ монастырѣ противъ того какъ старца Іону Мстиславскаго; а какъ царя Семіона пострижешь, и ты бъ о томъ отписалъ къ намъ къ Москвѣ съ Ефимомъ да съ Григоріемъ, чтобъ намъ про то было вѣдомо. Писана на Москвѣ лѣта 7114, Марта въ 29 день» [1]).

Ровно черезъ два мѣсяца, а именно 29 Мая 1606, то-есть, черезъ 12 дней послѣ переворота, царь Василій Ивановичъ Шуйскій отправилъ въ Кириловъ монастырь слѣдующую грамоту:

---

*) Прямой потомокъ хановъ Золотой орды, Казанскій царевичъ Саинъ-Булатъ, во св. крещеніи Симеонъ Бекбулатовичъ—одно изъ достопамятнѣйшихъ лицъ въ Русской исторіи XVI и XVII вѣковъ. Своимъ положеніемъ напоминаетъ онъ Князя-Кесаря Ромодановскаго при Петрѣ Великомъ. Какъ бы слагая съ себя тяготу внѣшняго представительства, Іоаннъ Грозный посадилъ его царемъ на Москвѣ и вѣнчалъ царскимъ вѣнцомъ, а самъ назвался просто Иваномъ Московскимъ и выѣхалъ жить изъ Кремля на Петровку, предоставивъ Симеону Бекбулатовичу власть и царскія почести. Потомъ много лѣтъ Симеонъ былъ Тверскимъ великимъ княземъ; при Ѳеодорѣ лишили его княжества и сослали въ Тверское село Кушалино, потомъ ослѣпили и постригли въ монашество. Могила его въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ. Женатъ онъ былъ на дочери того самаго князя И. Ѳ. Мстиславскаго, который въ томъ же Кирило-Бѣлозерскомъ монастырѣ носилъ имя старца Іоны. Отдѣльное сочиненіе о немъ составлено Н. В. Лилеевымъ (Тверь, 1891, 124 страницы). Надо полагать, что при дальнѣйшей разработкѣ еще опредѣленнѣе выяснится это своебытное и сочувственное по судьбѣ и дѣятельности своей лицо. П. Б.

[1]) *Акты Арх. Эксп.* ч. II, 96—97.

«Отъ царя и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи въ Кириловъ монастырь богомольцу нашему игумену Сильверсту съ братьею. Послали есте къ вамъ въ монастырь Ѳедора Супонева, а велѣли ему взяти у васъ старца Стефана, чтò былъ царь Семіонъ Бекбулатовъ, и ѣхати съ нимъ по нашему указу гдѣ ему велѣно. И какъ въ вамъ въ монастырь Ѳедоръ Супоневъ пріѣдетъ, и вы бъ Ѳедору Супоневу старца Стефана отдали со всѣмъ, чтò у него есть; а какъ Ѳедору старца Стефана отдадите и котораго числа онъ изъ монастыря поѣдетъ, и вы бъ о томъ къ намъ отписали тотчасъ, чтобъ намъ про то вѣдомо было вскорѣ. Писана на Москвѣ лѣта 7114 Маія въ 29 день» [2]).

Слѣпаго старца отправили въ Соловецкій монастырь; но объ этомъ, какъ видимъ, въ грамотѣ царя Василія къ Кириловскому игумену умалчивается: Кириловская братія повидимому не должна знать, куда увозятъ старца Стефана.

Сопоставляя эти грамоты, видимъ въ нихъ существенное различіе. Въ первой велѣно Симеона Бекбулотовича постричь *честно* и *покоити*, какъ покоили князя Ивана Ѳеодоровича Мстиславскаго. Во второй—его увозятъ неизвѣстно куда и слѣдовательно лишаютъ его покоя. Какъ же объяснить слѣдующую отписку князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго съ товарищами въ Кириловъ монастырь отъ 25 Іюля 1612 года, изъ Ярославля?

«Въ Кириловъ монастырь игумену Матвею съ братьею, бояре и воеводы и Дмитрей Пожарскій съ товарищи челомъ бьютъ. Билъ намъ челомъ старецъ Стефанъ Бекбулатовъ, а сказалъ: велѣлъ-де его постричь въ *Соловецкомъ монастырѣ* (sic) воръ, чтò былъ на Москвѣ, ростряга Гришка Отрепьевъ, и нынѣ-де ему въ Соловецкомъ монастырѣ нужа великая, и намъ бы ему велѣти быти въ Кириловѣ монастырѣ. И по совѣту всей земли велѣли есмя старцу Стефану Бекбулатову быти въ Кириловѣ монастырѣ, и на Соловки о томъ отъ насъ отписано же, а велѣно старца Стефана съ Соловокъ отпустить и проводити до Кирилова монастыря Соловецкимъ служкамъ. И какъ къ вамъ въ Кириловъ монастырь старецъ Стефанъ Бекбулатовъ и съ нимъ Соловецкіе служки пріѣдутъ, и вы бъ старца Стефана у тѣхъ Соловецкихъ служекъ взяли и устроили его въ Кириловѣ монастырѣ... келью и *покоили* его по монастырскому чину, *какъ и прочую братью*.

---

[2]) *Акты Арх. Эксп.* ч. II, 103.

А какъ въ Кириловъ монастырь возмете, и вы бъ о томъ къ намъ отписали, а отписку велѣли отдать въ монастырскомъ приказѣ Тимоѳею Осиповичу Витовтову да дьяку Микитѣ Дмитріеву, чтобъ намъ про то было вѣдомо. Писанъ въ Ярославлѣ. Лѣта 7120, Іюля въ 25 день» [3]).

Здѣсь явная неточность, и къ тому же противорѣчіе. Съ одной стороны старецъ Стефанъ якобы жалуется на «вора», сославшаго его въ Соловки, но самъ просится обратно изъ того монастыря, куда сослалъ его Шуйскій и гдѣ ему «нужа великая», въ тотъ монастырь, куда отправилъ его этотъ же «воръ» покоить и постричь честно. Видимо, пребываніе въ Кириловѣ было лучше Соловецкаго.

Замѣтимъ еще оттѣнокъ въ отпискѣ князя Пожарскаго.

Въ первой изъ приведенныхъ грамотъ сказано: «покоити» его какъ Іону Мстиславскаго; здѣсь же, хотя и повторено слово «покоити», но словно изъ предосторожности добавлено «по монастырскому чину, *какъ и прочую братью*», то-есть, не дѣлая для него исключеній. Конечно Кириловская братія, владѣя подлиннымъ документомъ 29 Марта 1606, должна была усмотрѣть неточность въ изложеніи князя Пожарскаго.

Между тѣмъ обвиненіе за ссылку Симеона Бекбулатовича лишь косвенно падаетъ на Шуйскаго. Такъ авторъ любопытнаго изслѣдованія о царѣ Симеонѣ главнымъ образомъ обвиняетъ въ его заточеніи «Растригу», хотя и называетъ Кириловскую обитель для Симеона «гостепріимнымъ кровомъ» [4]).

Могъ ли князь Д. М. Пожарскій не знать, куда именно сослали человѣка, бывшаго въ подозрѣніи у Годуновыхъ, и кто именно его сослалъ?

Въ записи на вѣрность службы Годунову сказано: «Царя Симеона Бекбулатовича и его дѣтей, и инаго никого, на Московское государство не хотѣти видѣти, ни думати, ни мыслити, ни семьитись, ни дружитись, ни ссылатись съ царемъ Симеономъ, ни грамотами, ни словомъ не приказывати, на всякое лихо, ни которыми дѣлы, ни которою хитростію по сему крестному цѣлованію; а кто мнѣ учнетъ о томъ говорити, или кто учнетъ съ кѣмъ о томъ говорити и мыслити, что царя Симеона, или сына его, или иного кого ни буди на

---

[3]) *Акты Арх. Эксп.* ч. II, 356 (по опечаткѣ 266).
[4]) Лилеевъ. *Ц. Симеонъ Бекбулатовичъ.* Тверь, 1891, стр. 119—120.

Московское государство посадити, и язъ то свѣдаю или услышу отъ кого ни буди, и мнѣ того взымати и привести къ Государю» [5]).

До сихъ поръ неясно, чѣмъ заслужилъ Симеонъ Бекбулатовичъ опалу Годунова. Нѣтъ-ли о томъ намека въ перепискѣ Литовскаго канцлера Льва Сапѣги? Первый томъ этого новаго изданія, содержащаго въ себѣ «весьма цѣнный матеріалъ для исторіи Россіи конца XVI столѣтія», напечатанъ въ 1892 г. въ Львовѣ (Prochaska A. Archivum domus Sapiehanae t. I, continet codicem epistolarum 1575—1603. Lwow, 1892. XXXV+577).

Въ письмѣ Оршанскаго державца Андрея Сапѣги (брата Льва) отъ 6 Іюня 1598 г. говорится о походѣ Бориса противъ Татаръ: «Когда Борисъ собирался противъ Татаръ, нѣкоторые князья и думные бояре, а главнымъ образомъ князь Бѣльскій и Өедоръ Никитичъ (Романовъ) со своимъ братомъ, и съ ними много другихъ, но конечно не всѣ, не желая имѣть Годунова великимъ княземъ, хотѣли избрать нѣкоего *Симеона* (Szuhalejowego?)» Приводя эти слова, г-нъ Пташинскій дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Здѣсь конечно идетъ рѣчь о Касимовскомъ ханѣ Симеонѣ Бекбулатовичѣ» [6]).

Въ присягѣ царю Өедору Борисовичу (1605) повторяется предостереженіе о Симеонѣ, причемъ онъ названъ непосредственно передъ Растригой. «Также мнѣ Симеона Бекбулатовича и иного никого на Московское государство не хотѣти, и съ нимъ не знаться, и не дружиться, и не ссылаться грамотками, и словомъ къ нему ни на какое лихо не приказывати и къ вору, который называется княземъ Дмитріемъ Углицкимъ, не приставати» и пр., «и того вора, что̀ называется княземъ Дмитріемъ Углицкимъ, на Московскомъ государствѣ видѣти не хотѣти» [7]).

Отмѣтимъ важную недомолвку. Того «вора», котораго при царѣ Борисѣ называли Отрепьевымъ—при царѣ Өеодорѣ Борисовичѣ этимъ именемъ не называютъ. Растригѣ это помогло. Явившіеся къ нему въ

---

[5]) *Акты Арх. Экспед.*, II, 59.

[6]) С. Пташинскій. Переп. Лит. Канцл. Льва Сапѣги въ Журн. Мин. Нар. Пр. Янв. 1893 стр. 1. Матеріалъ этотъ имѣетъ первостепенную важность.

[7]) *Собр Гос. Гр. и Дог.* ч. II, 192.

1605 году изъ подъ Кромъ сказали: «По смерти Борисовой, сыну его въ томъ присягать и его за государя имѣть хотѣли; а противъ Гришки Отрепьева, котораго онъ быть именовалъ, противостоять обѣщались. Но форма присяги инако намъ выдана была, не такъ какъ мы разумѣли, понеже въ оной формѣ имя Гришки не упомянуто... Мы же совершенно остереглись и единогласно сказали, дабы ты, яко природный Государь, по воспріятіи престола святой памяти предковъ своихъ, надъ нами благополучно въ многолѣтнія времена государствовать изволилъ» [8]).

Чтò побудило правительство Өедора Годунова скрыть имя Отрепьева? Вѣроятно на то были вѣскія причины; ибо нетрудно было среди надвигавшейся смуты предвидѣть, что такое умалчиваніе объ Отрепьевѣ не могло пройти даромъ.

Какъ бы то ни было, но въ присягѣ Өедору Борисовичу Годунову имя «вора» стоитъ рядомъ съ именемъ Симеона. И тотъ и другой почитались опасными для Годуновыхъ.

Въ присягѣ Растригѣ осторожность относительно Симеона не соблюдена: «Цѣлую крестъ Государынѣ своей Царицѣ и Великой Княгинѣ инокѣ Марөѣ Өеодоровнѣ всея Россіи и прироженному Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрію Ивановичу всея Руси... и на его Государя не искати и не мыслити и не измѣняти имъ государямъ ни въ чемъ» [9]). О Симеонѣ ни слова.

Въ присягѣ Шуйскому имя Симеона также не упомянуто; но черезъ двѣнадцать дней по воцареніи Василія Ивановича онъ отсылаетъ его въ Соловки.

Царь Симеонъ считаетъ виновникомъ своей слѣпоты Годунова. Приведемъ слова современника, лично знавшаго Кушалинскаго изгнанника.

«Въ день своего рожденія Царь обрадовалъ заточеннаго Симеона... прислалъ ему при своемъ письмѣ вина Испанскаго. Симеонъ и служитель, его выпивъ за царское здоровье, оба въ короткое время ослѣпли. Царь Симеонъ слѣпъ и теперь. Я слышалъ о томъ изъ собственныхъ устъ его» [10]).

---

[8]) Изъ письма Растриги, напечатаннаго въ Собр. Госуд. Гр. и Догов., ч. II, стр. 196—197, по латини и въ Русскомъ современномъ переводѣ, при чемъ сохранено слово *форма*, тогда новое для Русскаго уха. П. Б.

[9]) Т. же.

[10]) Маржеретъ, *Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ*. СПБ. 1859, I, 286—287.

Правъ ли былъ Симеонъ, заподозрѣвая Годунова, это вопросъ нерѣшенный: обвиняли же Бориса не только въ смерти царя Θеодора, но даже и сестры царицы Ирины.

По поводу всѣхъ этихъ обвиненій припомнимъ слова Екатерины Второй. Приписываемыя Годунову злодѣянія она называетъ «мнимыми». «Я говорю мнимыми, ибо... ихъ много, которыхъ... кто бы то ни былъ не могъ бы доказать». О Годуновѣ она выражается такъ: «Этотъ государь былъ несчастенъ, а несчастные всегда виноваты; многіе историки наговаривали на него по наслышкѣ или по молвѣ, распущенной его врагами или *противными ему партіями*» [11]).

Чтó касается до Растриги, то и онъ винитъ Годунова въ ослѣпленіи Симеона. Въ отпискѣ своей къ Борису онъ прямо говоритъ ему: «царя Симеона ты лишилъ зрѣнія» [12]). Этотъ упрекъ не служитъ ли свидѣтельствомъ сочувствія Растриги къ пострадавшему Симеону? При Растригѣ изгнанникъ въ *Москвѣ*, тогда какъ при Годуновѣ онъ въ Тверскомъ селѣ своемъ Кушалинѣ.

О гоненіи на Симеона при Растригѣ упоминаетъ Никоновская лѣтопись; но можетъ ли она служить образцомъ безпристрастія? Не говоритъ ли она о ссылкѣ Симеона Ростригою «*въ Соловки*, тогда какъ сосланъ онъ туда Шуйскимъ? Почему же мы должны вѣрить ея словамъ, что Симеонъ пріѣхалъ въ Москву «для обличенія обманщика и его замысловъ?» [31]). А между тѣмъ на этихъ словахъ построено и дальнѣйшее: «Рѣчи слѣпца вѣроятно произвели сильное впечатлѣніе на народъ» и т. д. и вотъ, опасаясь народнаго бунта, самозванецъ захотѣлъ предупредить опасность удаленіемъ и постриженіемъ Симеона» [14]).

Если сравнить положеніе Симеона при Годуновѣ и при Шуйскомъ, то увидимъ существенную разницу. При первомъ онъ хотя и въ сильномъ подозрѣніи, но живетъ у себя, въ своемъ Кушалинѣ; при Шуйскомъ онъ немедленно отсылается въ Соловки, гдѣ терпитъ «нужу великую». Не видѣть въ Шуйскомъ гонителя Семеону довольно трудно, а между тѣмъ онъ выставляется какъ бы въ сторонѣ: главныя обвиненія въ гоненіи на Симеона сосредоточиваются на Годуновѣ и на Ростригѣ. Нельзя однакоже не признать, что хуже всего пришлось терпѣть

---

[11]) Antidote. *Осмнадцатый Вѣкъ.* М. 1869, IV, 290—291.
[12]) Соловьевъ, *Истор Рос.* т. VIII, 96.
[13]) *Никоновская Лѣтопись.* СПБ. 1792, VIII, 30, 73.
[14]) Лилеевъ. *Симеонъ Бекбулатовичъ.* Тверь, 1891, стр. 118—119.

Симеону не при Годуновѣ, а именно при Шуйскомъ, когда онъ въ Соловкахъ терпѣлъ «нужу великую».

Хотя вышеприведенная грамота 1612 написана не отъ лица одного князя Пожарскаго, а и другихъ бояръ и воеводъ, но названъ только князь Пожарскій, какъ главный воевода. Здѣсь онъ ни въ какомъ случаѣ и никѣмъ не заслоняется. Самая же грамота въ *Актахъ Археографической экспедиціи* озаглавлена такъ: «*Отписка воеводы князя Дмитрія Пожарскаго съ товарищами*». Далѣе слѣдуютъ слова «въ Соловецкій монастырь», а между тѣмъ текстъ отписки начинается со словъ: «Въ Кириловъ монастырь игумену Матвѣю» и пр., слѣдовательно отписка не въ *Соловецкій*, а въ Кириловъ монастырь. Такая описка именно въ этомъ актѣ весьма сбивчива. Къ тому же въ примѣчаніи къ акту говорится: «Подлинникъ, находящійся въ Архивѣ Соловецкаго монастыря, писанъ столбцомъ и, бывъ запечатанъ пакетомъ, имѣетъ на оборотѣ надпись: въ Кириловъ монастырь игумену Матвѣю съ братьею. Тамъ же подпись: діякъ Микита Димитріевъ, въ низу: *отъ князя Дмитрія Пожарскаго*» [15]).

Князь Д. М. Пожарскій въ томъ же Іюлѣ мѣсяцѣ 1612 года изъ того же Ярославля отписываетъ къ Вычегодцамъ съ приложеніемъ списка переговоровъ, которые велись въ Ярославлѣ съ Новгородскими посланниками, переговаривавшими отъ лица Швеціи. На вызовъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ виду задержки пословъ (митрополита Филарета и князя В. В. Голицына) князь Д. М. Пожарскій высказывается такъ: «надобны были такіе люди (какъ послы) въ нынѣшнее время». Онъ жалѣетъ, что ихъ нѣтъ на лицо, какъ руководителей, но при этомъ умалчиваетъ о митрополитѣ Филаретѣ (Романовѣ) и говоритъ: «только бы нынѣ такой столпъ, князь Василій Васильевичъ (Голицынъ) былъ здѣсь, и объ немъ бы *всѣ* (sic) держались, и язъ къ такому великому дѣлу *мимо его* не принялся; а то нынѣ меня къ такому дѣлу бояре и вся земля сильно приневолили» [16]). «Въ Нижегородскомъ ополченіи на первыхъ порахъ что-то не ладилось» [17]). Не объясняется ли этимъ мнѣніе, высказанное современникомъ, близко слѣдившимъ за движеніемъ князя Пожарскаго: «Косно и медленно о шествіи промышляше нѣкоихъ ради междоусобныхъ смутныхъ словесъ» [18]). То-

---

[15]) *Акты Археогр. Экспед.* II, 356.

[16]) *Акты Арх. Эксп.* II, 260 (по опечаткѣ 270).

[17]) А. Барсукова. Родъ Шереметевыхъ, ч. II, стр. 282.

[18]) Авраамій Палицынъ. *Сказаніе.* М. 1822, стр. 263.

же говорится въ *Лѣтописи о мятежахъ*: «Бысть въ начальникахъ и во всѣхъ людяхъ смута велія» [19]). На тоже намекаетъ и Тимоѳеевъ въ своемъ *Временникѣ*. «Толикъ въ насъ отъ слабости страхованія несогласнаго нашего разгласія и небратолюбнаго разстоянія возгнѣздился недугъ. Яко же градъ отъ града отстоимъ, или мѣста нѣкая многими между себе поприщи разни, тако и мы другъ друзѣ любовнымъ союзомъ растояхомся, къ себѣ кождо насъ хребты обращахомся, овіи къВостоку зрятъ, овіи же къ Западу». На отсутствіе единства въ вождяхъ Низовской рати намекаютъ и слова архимандрита Діонисія, обращенныя къ князю Пожарскому: «Бога ради, государи, положите подвигъ свой во едино избранное мѣсто, на благообразный земскій совѣтъ; сами вѣсте, что ко всякому дѣлу едино время надлежитъ, безвременное же всякому дѣлу начинаніе суетно и бездѣльно бываетъ; хотя и будетъ и есть у васъ которые недоволы, Бога ради отложити то время, чтобы намъ всѣмъ во единомъ совѣтѣ положити о Государѣ, кого намъ дастъ въ Троицѣ славимый Христосъ Богъ нашъ» [20]).

Князь Пожарскій ясно говоритъ, чей онъ сторонникъ, и потому весьма сомнительно его сочувствіе къ царю Симеону, шурину князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, опредѣленно примыкавшаго къ Романовымъ. Не отсюда ли и распоряженіе князя Пожарскаго «покоити» Симеона лишь за урядъ съ прочею братіею, тогда какъ «Растрига» предписываетъ его «покоити» какъ Іону Мстиславскаго, чьею памятью онъ дорожилъ и крестъ котораго, какъ извѣстно, имъ былъ предъявленъ [21]). Положеніе Іоны Мстиславскаго, т.-е. «государева племянника» князя Ивана Ѳеодоровича, не могло не быть почетное, не смотря даже на удаленіе его отъ дѣлъ въ 1586 году. Его сынъ князь Ѳеодоръ Ивановичъ продолжалъ занимать имѣть большое значеніе при дворѣ не только царя Ѳеодора, но и Бориса Годунова. (Между удаленіемъ Мстиславскаго и опалою Шуйскихъ существенная разница, даже и въ годахъ: *1586* и *1587*).

Къ Августу мѣсяцу того же 1612 года, но уже когда станъ князя Пожарскаго былъ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, относится письмо его къ иноземцамъ, просившимся на Русскую службу. Въ этомъ письмѣ

---

[19]) *Лѣтопись о многихъ мятежахъ*. М. 1788, стр. 247.

[20]) *Русская Историч. Библіотека*. Спб. 1892 г. XIII, 463. *Акты Арх. Эксп.* II, 342—343.

[21]) Bussowii Chronicon, cap. II, стр. 19. изд. Арх. К. т. I. Спб. 1851.

князь Пожарскій дѣлаетъ небезпристрастную оцѣнку Маржерета и собственною властію прекращаетъ ему доступъ въ Россію [22]).

При этомъ князь Пожарскій сводилъ съ Маржеретомъ личные счеты. Въ 1611 году, когда князь Пожарскій, находясь въ войскѣ предводимомъ Ляпуновымъ, побѣдоносно наступалъ на Поляковъ въ Бѣломъ городѣ Москвы и былъ израненъ, онъ встрѣтилъ отпоръ въ лицѣ Маржерета, прибывшаго съ гетманомъ Жолкѣвскимъ и тогда находившагося въ Польской службѣ [23]).

Если допустить, что Симеонъ Бекбулатовичъ могъ быть обманутъ, и когда за нимъ пріѣхалъ гонецъ Шуйскаго Ѳ. Супоневъ, его могли убѣдить, что ссылаютъ его въ Соловки по приказанію «Растриги», то не могъ же онъ не узнать о переворотѣ 17 Мая, по воззваніямъ самаго Шуйскаго, которыя были извѣстны въ Соловкахъ, какъ и повсюду. Событіе 17 Мая 1606 никѣмъ не скрывалось... Напротивъ того, оправданіе переворота входило въ особые разсчеты Василія Ивановича Шуйскаго. Этому «оправданію» какъ нельзя болѣе способствовалъ извѣстный «извѣтъ» Варлаама, дѣйствительное значеніе котораго въ настоящее время выяснено [24]).

Мы не имѣемъ подлиннаго письма Симеона къ князю Пожарскому, а видимъ только ссылку послѣдняго на его же слова. Здѣсь отвѣтственность лежитъ всецѣло на князѣ Пожарскомъ. Тѣмъ выразительнѣе противорѣчіе въ его словахъ.

Съ подобными неточностями князя Пожарскаго мы не разъ встрѣтимся впослѣдствіи...

Графъ Сергій Шереметевъ.

31 Декабря 1892.
С.-Петербургъ.

---

[22]) *Собр. Госуд. Грам.* и *Договоровъ*, II, 604—607.
[23]) Карамз. т. XII, стр. 288.
[24]) Платоновъ.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1893 года.

(Годъ тридцать первый).

Русскій Архивъ въ 1893 г. издается по прежнему двѣнадцатью тетрадями, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1893 году съ пересылкою и доставкою — девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Въ Петербургѣ, Сергіевская д. 61-й, кв. 11-я (у доктора Л. Ѳ. Зміева).

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за одну по 1 р. 25 к., за двѣ по рублю, за три по 80 к., за четыре и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Для личныхъ объясненій по „Русскому Архиву"—Четвергъ отъ 9 до 3 ч. дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива": Петръ Бартеневъ.
Юрій Бартеневъ.

Годъ XXXI-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1893

3.

Стр.

211. Изъ писемъ **митрополита Филарета** къ оберъ-прокурору Св. Синода С. Д. Нечаеву. 1834—1836 г. Съ примѣчаніями.

230. Княгиня и монастырскій послушникъ. Изъ хроники 1850 года. **И. Б.**

249. Изъ воспоминаній и замѣтокъ Севастопольца. VIII—XI. (Балаклавское дѣло.—Тотлебенъ и инженеры при оборонѣ Севастополя.—Инкерманское сраженіе.—Первая бомбардировка). **Д. В. Ильинскаго.**

284. Изъ Записокъ сенатора **К. Н. Лебедева.** (Декабрь 1855 — Мартъ 1856 годъ.)

298. Миргородъ и Яновщина. Путевыя замѣтки **В. П. Горленко.**

305. Мой отвѣтъ А. Л. Зиссерману. **П. Н. Обнинскаго.**

309. Матеріалы для біографіи Е. А. Баратынскаго.

314. Рескриптъ **Екатерины Великой** А. П. Мельгунову объ Американскихъ корабляхъ (1781).

315. Изъ Записной книжки «Русскаго Архива».

318. Духовное завѣщаніе Ѳ. В. Чижова.

322. Мнимый Англійскій трофей. Заявленіе **Д. В. Ильинскаго.**

Въ приложеніи:

Записки Ф. Ф. Вигеля (часть седьмая VIII—X).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1893.

Въ Конторѣ **РУССКАГО АРХИВА**

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175) получать можно:

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО.

Написано Государынею Императрицею Екатериною Второю. Съ снимкомъ ея почерка. Предисловіе П. И. Бартенева. Цѣна **50** копѣекъ.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891, со всѣми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 8 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 4 р., съ пересылкою по 6 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Книги изданныя Русскимъ Архивомъ:

КАПИЩЕ МОЕГО СЕРДЦА. Сочиненіе **князя И. М. Долгорукова.** Новое полное изданіе. М. 1890. 403 стр. Цѣна 2 рубля съ пересылкою.

ЗАПИСКИ СТЕПАНА ПЕТРОВИЧА ЖИХАРЕВА. Новое полное изданіе. М. 1891. Цѣна 2 рубля съ пересылкою.

ЗАПИСКИ ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА ВИГЕЛЯ. Первыя пять частей въ двухъ книгахъ. Новое полное изданіе. М. 1892. Ц. 2 р. 50 к. за каждую книгу съ пересылкою.

Полное собраніе сочиненій **А. С. Хомякова.** Четыре тома. Цѣна каждому тому **3 р.** съ перес. **3 р. 30 к.**

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго.** Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева.** Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Н. М. Языкова.** Цѣна 40 коп.

Стихотворенія **А. С. Хомякова.** Съ портретомъ. Цѣна 30 к.

За пересылку каждаго изъ этихъ сборниковъ—5 коп.

Выписывающіе всѣ четыре книжки стихотвореній получаютъ ихъ съ пересылкою за **1 руб. 60 коп.**

Французское полное изданіе **Mémoires de la comtesse Edling**, demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'Impératrice Élisabeth Alexéewna. Малая 8-ка, 284 стр., на веленевой бумагѣ. Цѣна 3 рубля или 6 франковъ съ пересылкою. Получать можно въ Москвѣ, въ конторѣ „Русскаго Архива“ (Садовая, д. 175). Въ Парижѣ: rue Bonaparte, 28, у Леру (Ernest Leroux).

ИЗЪ ПИСЕМЪ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА КЪ С. Д. НЕЧАЕВУ *).

39.

†

За попеченіе помочь намъ штатами и я и другіе будемъ вамъ благодарны. Мое временное присутствіе со стороны присутствующихъ обѣщаетъ мнѣ значительный успѣхъ, но за приказными медленность и остановка.

На выходку издателя Вѣдомостей имѣю честь отвѣтствовать, что еслибы Персидскій принцъ хотя какъ-нибудь мимоходомъ былъ въ Москвѣ въ какой-нибудь ризницѣ, то Синодальная Контора не осмѣлилась бы дѣлать по сему предмету представленія, какое она сдѣлала. Разскажу вамъ дѣло отъ корня. Въ прошедшемъ еще году викарій писалъ ко мнѣ изъ Москвы въ Петербургъ, что какой-то знатный Магометанинъ желалъ видѣть нашъ первый храмъ, то-есть Успенскій соборъ и что гражданскія власти сего требовали; но что викарій усумнился и рѣшился лучше сдѣлать непріятность иностранцу и властямъ, нежели церкви. Въ заключеніе викарій спрашивалъ: такъ ли онъ поступилъ и не пустить ли иностранца въ соборъ на обратномъ его пути изъ Петербурга чрезъ Москву? Я одобрилъ отказъ викарія и, дабы дѣло сіе сдѣлать яснымъ для свѣтскихъ властей, указалъ на церемоніалъ высочайшей коронаціи, по которому лица христіанскихъ исповѣданій входятъ въ Успенскій соборъ или проходятъ сквозь его, а нехристіане обходятъ кругомъ, а не входятъ. Имѣя сіе въ виду, викарій, какъ скоро узналъ, что въ церемоніалѣ для Персидскаго принца упомянуто о Синодальной ризницѣ, немедленно, за отсутствіемъ моимъ изъ Москвы, вошелъ по сему въ сношеніе съ комендантомъ и чрезъ него съ военнымъ генералъ-губернаторомъ, представляя, что въ Синодальной ризницѣ быть нехристіанину также неприлично, какъ и въ соборѣ, потому что тамъ есть и церковь, и святыя мощи, и освященное миро. Мнѣніе викарія уважено, и принцъ нигдѣ въ церкви и

---

*) См. выше, стр. 120.

въ ризницѣ не былъ. Но князь Шаликовъ[1]), торопясь наполнить газету вѣстями о принцѣ, прочиталъ только въ церемоніалѣ, гдѣ ему надлежало быть, и напечаталъ, что былъ, не справясь, подлинно ли былъ. Я узналъ сіе, будучи еще въ Лаврѣ; а возвратясь въ Москву, предложилъ Синодальной Конторѣ неправильное впечатлѣніе исправить или самой Конторѣ, или чрезъ представленіе Святѣйшему Синоду. Мои сотрудники избрали послѣднее. Вотъ весь ходъ дѣла. Покорнѣйше прошу оказать Синодальной Конторѣ справедливость противъ издателя Вѣдомостей, который исправленный безпорядокъ превращаетъ въ большій безпорядокъ и соблазнъ.

Простите, что дня три или четыре промедлилъ я симъ отвѣтомъ. Только за городомъ, въ Перервинскомъ монастырѣ, нашелъ просторъ писать; но суровый въ пустыхъ келліяхъ воздухъ не позволяетъ и здѣсь долго пользоваться свободою уединенія. Между тѣмъ люди спрашиваютъ меня о пути моемъ въ Петербургъ; а я не соберусь подумать о немъ. Не пріѣдете ли вы къ намъ праздновать миръ[2])? Мира вамъ во всякомъ образѣ усердно желаю.

Князю Александру Николаевичу я винился въ моемъ молчаніи.

Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе владыкѣ и князю Петру Сергѣевичу[3]).

1834-й годъ.

40.

†

Въ резолюціи о молитвѣ во время глада первое недоумѣніе представилось въ указаніи на страницу Требника по такому изданію, которое недавно въ продажѣ. Въ прежнихъ изданіяхъ на указанной страницѣ найдутъ совсѣмъ другое. Потомъ надобно было означить употребленіе молитвы такъ, чтобы не затруднился и сельскій священникъ и новопроизведенный, который не читалъ молитвы въ холеру. Указъ не напечатается по числу церквей, слѣдственно надобно по прежнему напечатать молитву. На семъ основаніи показанъ сегодня членамъ Синода представляемый при семъ проектъ резолюціи и проектъ напечатанія молитвы. Они согласны.

Генв. 16-го 1834.

---

[1]) Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ (тесть М. Н. Каткова) въ теченіи многихъ лѣтъ былъ издателемъ Московскихъ Вѣдомостей. П. Б.

[2]) Т. е. миръ съ Персіею. П. Б.

[3]) Т. е. митрополиту Серафиму и князю Мещерскому, который былъ дядею супругѣ С. Д. Нечаева. Это письмо безъ числа. Оно писано въ 1829-мъ году. П. Б.

41.

†

Не могу отпустить себя ко сну, не сказавъ вамъ, милостивый государь Стефанъ Дмитріевичъ, мира и не испросивъ себѣ отъ васъ мира, который послѣ разговора прошедшаго утра могъ оставаться подъ сомнѣніемъ. Найдется ли причина раскаяваться мнѣ въ изъявленномъ мною мнѣніи, сіе можетъ открыться изъ спокойнаго разсужденія объ ономъ. Теперь я прошу отъ васъ прощенія въ чувствѣ огорченія, которое возбуждалось во мнѣ отъ заключеній, которыя слишкомъ неожиданно выводимы были изъ моихъ словъ. Какъ при томъ Евангеліе велитъ мнѣ заботиться не о томъ только, чтобы я не имѣлъ ничего на брата, но когда, говоритъ, *помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя, то шедъ смирися съ братомъ твоимъ*: надѣюсь, что по сей заповѣди буду принятъ, когда иду къ вамъ по сей заповѣди.

Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

Февр. 5-го 1834.

42.

Нужнымъ почитаю сообщить вашему высокопреосвященству сіе отношеніе на разсмотрѣніе и просить вашего заключенія [1]).

—

По моему мнѣнію тутъ есть мысли полезныя и нужныя для предполагаемой инструкціи. Но есть предметы, о которыхъ надобно много размышленія и совѣщанія—какъ ихъ опредѣлить, что сказать о нихъ въ инструкціи и какъ провести оныя къ исполненію чрезъ преграды и правилъ, и обычаевъ. Какъ пріучить православныхъ архіереевъ къ мысли управлять Уніатами безъ присоединенія? [2]) И о бородѣ нелегко сдѣлать рѣшеніе. Я слышалъ, что при посвященіи Уніатскаго епископа, по чину посвященія, говорено было: *яко муро на главѣ, сходящее на браду*, а она ушла отъ посвященія въ руки брадобрѣя.

Если нужно писать инструкцію, то прежде нужно совѣщаніе о ней.

Февр. 7-го 1834.

---

[1]) Эти двѣ строки рукою С. Д. Нечаева. П. Б.

[2]) Рѣчь идетъ о томъ, чтобы Греко-уніатскую Коллегію подчинить Св. Синоду, безъ присоединенія Уніатовъ къ православной церкви. Еще въ 1832 году Іосифъ Сѣмашко (тогда еще епископъ Мстиславскій) составилъ о томъ особую записку. Написанъ былъ и проэктъ высочайшаго о томъ указа (см. Записки митр. Іосифа. Приложенія къ 1-й части, стр. 596 и 659). П. Б.

43.

†

Докторъ говоритъ: не дѣлайте дѣло, это теперь необходимое лѣкарство. А Дмитрій Николаевичъ [1]) говоритъ: скорѣе, по высочайшему повелѣнію.

Если бы я послушался доктора, то, вѣроятно, былъ бы уже теперь здоровъ. Но я продолжаю быть нездоровъ и между тѣмъ прочиталъ весь *Очищенный Путь* и подобралъ на немъ соръ, не весь, а столько, сколько нужно для доказательства, что сего сора въ церкви вносить не надобно. Благоволите прочитать, прилагаемую при семъ, вмѣстѣ съ *Путемъ*, записку [2]).

Великому мужу Славенской азбуки можно для поощренія къ дальнѣйшимъ подвигамъ поручить сочинить проектъ азбучнаго устава, азбучныхъ комитетовъ, азбучныхъ отчетовъ, и такъ далѣе.

Февраля 22-го 1834.

44.

Въ семъ протоколѣ просилъ бы я утвердить вписанную карандашемъ строчку о колоколахъ часовенъ: *По одному къ каждой небольшаго вѣса.* Ибо если не сдѣлать сего ограниченія, то крестьяне, любя свое, могутъ завести при часовняхъ большой звонъ, отчего могутъ быть безпорядки, и церковь можетъ подвергнуться лишенію при превозмогающемъ усердіи къ часовнѣ.

Марта 5-го 1834.

45.

†

Тутъ трудно сказать, о чемъ сноситься съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Странный будетъ вопросъ: согласны ли вы отдать то, что̀ намъ дано подъ проклятіемъ на отъемлющаго, и однакоже отнято?

Развѣ приписать только сіе къ концу написанной резолюціи:

По предварительномъ сообщеніи обстоятельствъ сего дѣла на уваженіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Марта 7-го 1834.

46.

Представляя вашему высокопреосвященству и Уніятскую буллу, и возвращенное сочиненіе Еврея Темкина, испрашиваю дальнѣйшихъ вашихъ наставленій въ отношеніи къ послѣднему. Кому и какъ поручить его исправленіе? Не приметъ ли на себя преосвященный Серафимъ дать о томъ приказаніе протоіерею Павскому? [3]).

Марта 29-го 1834.

---

[1]) Блудовъ, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ. П. Б.

[2]) Этого приложенія не нашлось. П. Б.

[3]) Эти пять строкъ писаны рукою С. Д. Нечаева. П. Б.

Относительно Еврейской рукописи, кажется, такъ надобно поступить, какъ изволите полагать. Не худо, по моему мнѣнію, дать отцу Павскому списокъ сдѣланныхъ на сію книгу замѣчаній, чтобы онъ, по избыточествующей терпимости, не пропустилъ жидовства, сказавъ, что это.... взглядъ сочинителя. Надобно также требовать, чтобы мѣста, которыя онъ исключилъ въ подлинникѣ, выключилъ и въ переводѣ, дабы можно было видѣть.... ли очищенъ Очищенный Путь.

Марта 30-го 1834.

Заготовить отвѣтъ въ семъ смыслѣ [1]).

47.

†

Это не простая задача. Могъ случиться грѣхъ съ архимандритомъ, что захотѣлъ достать монастырю деньги умирающаго монаха, какимъ случилось средствомъ. Онъ могъ думать, что сіе не очень грѣшно; потому что онъ достаетъ деньги не себѣ, а монастырю, которому онѣ и слѣдуютъ по Духовному Регламенту. Сія догадка обращается почти въ доказательство, когда разсудимъ, что Навроцкій, еслибы вздумалъ написать фальшивое прошеніе для полученія денегъ, доставалъ бы ихъ себѣ, а не монастырю. Какъ могло ему придти въ голову навязаться съ фальшивымъ прошеніемъ въ пользу монастыря, когда архимандритъ того не хочетъ?

Но, съ другой стороны, чинъ присяжнаго свидѣтеля важный. Допуская въ оный человѣка, законъ спрашиваетъ: не былъ ли подъ судомъ? Заключенные въ Спасо-Евѳиміевѣ худшіе изъ осужденныхъ [2]).

По моему мнѣнію, пусть спросятъ не какъ частныхъ свидѣтелей подъ присягою, а какъ сомнительныхъ безъ присяги, и пусть стараются достигнуть ясности очными ставками.

Марта 31-го 1834.

48.

†

Простите, что я задержалъ возвращаемое при семъ письмо преосв. Смарагда; оно пришло ко мнѣ при самомъ выходѣ моемъ въ церковь. Въ письмѣ есть достойное немалаго вниманія и черты истины убѣждающія. Жаль, что нѣкоторыя общія выраженія жестки и тѣмъ могутъ подать случай говорить, что онъ слишкомъ черно видитъ предметы.

9 часовъ вечера. Апрѣля 6-го 1834.

---

[1]) Это—помѣта, С. Д. Нечаева. Точками означено здѣсь и ниже истлѣвшее въ подлинникѣ. П. Б.

[2]) М. Филарету конечно было извѣстно, что въ Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевѣ монастырѣ жилъ въ то время и Кондратій Селивановъ, скопческій царь и богъ. П. Б.

49.

†

Записку Терешкевича[1]) не разсудите ли, ваше превосходительство, послать къ епархіальному преосвященному, чтобы онъ изъявилъ ему, что Синодъ не можетъ перемѣнить древняго положенія и что не заставляютъ насильно переносить вдовство, а предоставляютъ желающему втораго брака взять оный, оставивъ священство, съ нимъ несовмѣстное? Недоведеніемъ сего до свѣдѣнія Св. Синода оказано будетъ выдумщику снисхожденіе на его просьбу *не безпокоить архіереевъ.*

О бракахъ инославныхъ, кажется, надобно сказать, что Синодъ не можетъ разрѣшить совершать оные на какихъ бы то ни было условіяхъ: во первыхъ, потому что неправильно было бы приводить предъ олтарь Православной церкви для благословенія брака такія лица, изъ коихъ ни одно Православной церкви не принадлежитъ; во вторыхъ, потому что начальство духовное инославныхъ исповѣданій могло бы принять сіе распоряженіе за стѣсненіе. Когда брачащіяся лица разныхъ исповѣданій, тогда неизбѣжно одному надобно идти въ церковь другаго, и отдать въ семъ случаѣ преимущество господствующему исповѣданію не обидно никому.

Еще нужно замѣтить консисторіи Екатеринославской для будущихъ случаевъ, что на покойный трактатъ съ покойною Рѣчью Посполитой въ опредѣленіи ссылается она нелѣпо.

Не угодно ли прочитать письмо Кіевскаго ректора [2]) и возвратить мнѣ? Послѣ, при свиданіи, спрошу по предметамъ онаго что̀ дѣлать.

Апрѣля 9-го 1834.

50.

Представляемую резолюцію, я мню, лучше не читать вашему превосходительству до переписки.

Дѣло сіе заставляетъ меня вновь жаловаться на сіи безпредѣльные протоколы, въ которыхъ, какъ въ открытомъ морѣ, не видно ни острова, ни берега, и потому не знаешь что̀ впереди и не найдешь того, что̀ миновалъ [3]). Кажется, для большихъ докладныхъ записокъ надобно

---

[1]) О Липовецкомъ благочинномъ Каллистратѣ Терешкевичѣ упоминается въ 3-мъ томѣ Записокъ Іосифа Сѣмашки (стр. 1153). П. Б.

[2]) Иннокентія, впослѣдствіи знаменитаго витіи. П. Б.

[3]) Уже въ то время письмоводство съ его крючкотворствами становилось бѣдствіемъ; противъ него вопіялъ митрополитъ Иннокентій, который написалъ на бумагѣ, вопрошавшей его, въ какомъ нарядѣ быть пѣвчимъ: „а по мнѣ хоть въ рогожѣ, лишь бы внято пѣли“. П. Б.

ввести и у насъ то, что̀ введено въ Сенатѣ, именно: раздѣленіе текста на статьи и означеніе на полѣ частей дѣла. На представляемомъ протоколѣ частію и дѣлалъ сіе секретарь карандашемъ, но не все нужное означилъ.

Апр. 17-го 1834.

51.

†

Преосвященный Смарагдъ, вмѣсто колющихъ выраженій, лучше бы написалъ доказательства, напримѣръ, на то, въ чемъ замѣчено двоедушіе бискупа. Тогда можно было бы употребить сіе, чтобы вывести изъ заблужденія ожидающихъ добра отъ бискупа; а теперь читать грамоту его больше горько, нежели полезно.

Епископъ Августинъ удивительный человѣкъ *). Судя по безтолковому плану, который я теперь имѣю въ памяти, плодъ работы его едва ли будетъ иной, какъ развѣ тотъ, что двадцать учениковъ, которые на него работаютъ, отстанутъ отъ ученья. Трудно извлечь изъ его предпріятія пользу.

Русскіе тексты составляютъ ли ересь, пусть рѣшатъ другіе. А я думаю, не ересь ли—все изданіе твореній Поликарпа? Изъ прежде напечатанныхъ его проповѣдей немногія не были слабы. Говоренныя послѣ напечатанія, кои должны войдти въ нынѣшнее изданіе, не будутъ сильнѣе прежнихъ. Перепечатаніе переводовъ, напечатанныхъ въ Христіанскомъ Чтеніи, будетъ пустое повтореніе. А послѣдствіе, по всей вѣроятности, будетъ то, что за пустое изданіе соберутъ полную цѣну съ бѣдныхъ учениковъ по крайней мѣрѣ двухъ округовъ, подвѣдомыхъ Московской Академіи.

Апр. 28-го 1834.

52.

†

Возвращаю вашему превосходительству проектъ отношенія *о разстригѣ Старыхъ*.

Вотъ текстъ закона стараго: *отсылать немедленно способныхъ къ опредѣленію въ военную службу, а неспособныхъ для причисленія къ казеннымъ заводамъ и фабрикамъ;—свобода избирать родъ жизни до исключенныхъ за пороки не относится:—чтобы не именовались преж-*

---

*) Епископъ Августинъ Сахаровъ, съ 1806 по 1819 Оренбургскій, а за тѣмъ до 1841 года жившій на покоѣ, писалъ очень много и, кромѣ проповѣдей, составилъ исторію Православной церкви и сводъ церковныхъ законовъ. Эти труды его остаются въ рукописяхъ.

Суровый отзывъ о Поликарпѣ (ректорѣ Московской Духовной Академіи) не помѣшалъ изданію въ свѣтъ проповѣдей его (1834) и переводовъ (1835).

ними званіями. Изъ сего, мнѣ кажется, справедливо выводится то что̀ выведено въ моемъ представленіи Св. Синоду. Выдачи родственникамъ тутъ нѣтъ; сія отдача вѣроятно есть произвольное послабленіе губернскихъ начальствъ. По сему мнѣ кажется, что отношеніе можетъ идти съ измѣненіемъ и дополненіемъ нѣсколькихъ словъ, кои я означилъ въ своихъ мѣстахъ карандашемъ.

Маія 4-го 1834.

53.

†

Рапортъ Кіевскаго секретаря страннымъ образомъ, по изложенію слѣдствія, начинается не тѣмъ, что̀ содержится въ слѣдствіи, а тѣмъ, что̀ приложено къ дѣлу, то есть начинается не началомъ, а концомъ. На что это?

Подъ всѣми показаніями свидѣтелей подписался, кажется, одинъ Толстопятовъ. По сему всѣ показанія безграмотныхъ остаются на его душѣ.

Конецъ рапорта не могъ быть написанъ секретаремъ, ибо въ консисторскомъ дѣлѣ нѣтъ того, что̀, послѣ отдачи образа въ Лавру, опредѣлено тамъ и по какой причинѣ.

Не знаю, кто пишетъ преосвященному Воронежскому*) такія грамоты. Голодъ, слѣдственно надобно штаты. Не слѣдуетъ! Ибо штатъ будетъ, если будетъ, не для прошедшаго голоднаго года, а для будущихъ.

Покупка дома Елисеевой—старая пѣснь. Помнится, предлагали его для Семинаріи и нашли дорогимъ, а мало удобнымъ. Кольми паче до̀рогъ будетъ для низшихъ училищъ. Мнѣ кажется, что въ Синодѣ думали правильно. Либо-оставить все постарому?

Маія 10-го 1834.

54.

†

О Молоканахъ, если угодно, можно спросить министра. Но не сказать ли просто преосвященному, что полицейскій вызовъ не представляетъ удобства и надежныхъ послѣдствій, и что лучше стараться безъ формальнаго требованія увидѣть, кого можно увидѣть, съ надеждою добрыхъ и безъ опасенія вредныхъ послѣдствій?

---

*) Знаменитому Антонію. П. Б.

Варшавскій протоколъ, по моему мнѣнію, не требуетъ измѣненія. Свидѣтельство запаса книгъ по училищамъ довольно дѣлать по-полугодно, какъ предписано вообще о имуществѣ училищномъ, много по третямъ года; а раздѣленіе года на четыре четверти нигдѣ не употребляется, и потому это была бы новая статья для памяти, которую легко бы забывали.

Маія 18-го 1834.

55.

†

Метрическихъ коммиссій намъ, право, не нужно; во первыхъ, по причинѣ, указанной уже, то есть, что у насъ не замѣчено тѣхъ подлоговъ, которые подали причину къ учрежденію коммиссій; во вторыхъ, потому что у насъ, когда открывались поврежденія метрическихъ книгъ, оныя обличаемы были существующими на то способами, выходящими изъ способа веденія метрикъ, особенно перечнями, кои легко обличаютъ приписку.

Маія 19-го 1834.

1835-й годъ.

56.

†

Мнѣ кажется, дѣло о поколебаніи новоприсоединенныхъ къ Православію не просто надобно передать министру внутреннихъ дѣлъ, а просить объ обращеніи вниманія на нѣкоторыя особенныя обстоятельства, какъ то:

1) Копія съ отношенія митрополита Булгака по дѣлу, еще не изслѣдованному, представлена Полоцкому епископу изъ частныхъ рукъ. Симъ, безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, доказано, что въ Унитской консисторіи канцелярская тайна нарушена и что она противозаконно сдѣлала гласною бумагу, коея гласность, по ея содержанію, способна произвести волненіе въ умахъ.

2) Подлежитъ разсмотрѣнію: имѣлъ ли право преосвященный Булгакъ рѣшительно писать, что *несчастные Уніацкіе прихожане, въ противность узаконеній, стѣсняются невинно*, когда сіе, по сомнительному объявленію, представленному отъ имени сихъ прихожанъ Унитскимъ духовнымъ лицомъ, едва могло подлежать *вопросу*, а отнюдь не *утвержденію?* Сію неточность можно было бы принять просто, если бы сіи слова направлены были только въ кабинетъ министра;

но преосвященный послалъ ихъ въ консисторію, а сія распространяетъ въ народѣ.

3) Особеннаго вниманія требуетъ насильственное Православію противодѣйствіе помѣщика Пылинскаго, который, не допуская Православныхъ священниковъ для крещенія младенцовъ, назначилъ бабу, а хоронить велѣлъ крестьянамъ самимъ.

—

Меня нынѣ прошу записать неприсутствовавшимъ въ Синодѣ по болѣзни.

Маія 22-го 1835.

57.

Тутъ два дѣла по двумъ епархіямъ, веденныя порознь: одно о миссіи прошедшей, а другое о будущей. Ихъ связываетъ только маленькая ниточка, которую протянулъ исправлявшій должность Иркутскаго губернатора, сказавъ, что жалуются на миссіонеровъ Архангельскихъ. Сію ниточку надлежало отрѣзать отъ дѣла Иркутскаго и положить въ справку къ дѣлу Архангельскому, а не столплять два дѣла въ одно, отчего объемъ чрезмѣренъ, и предлинную резолюцію трудно сообразить съ предлиннымъ изложеніемъ дѣла.

Всю сію резолюцію представить Государю Императору, думаю, и ваше превосходительство не согласитесь, да и нѣтъ нужды. По Архангельскому дѣлу или рѣшительно все или почти все сдѣлать можно на основаніи законовъ, безъ особаго представленія Государю.

Прибавить священника въ тундрахъ, по моему мнѣнію, лучше на діаконской вакансіи и жалованьи и поставить его въ зависимости отъ старшаго. Тогда не нужно перемѣнять штата, недавно сдѣланнаго, и въ дѣйствованіи больше будетъ единства, нежели когда два священника равные будутъ считать себя каждый головою, что̀ и не у новокрещенныхъ иногда мѣшаетъ согласію.

Если возводить Кондійскій монастырь, надобно формальный докладъ и штатъ.

Положено по 600 рублей... монаху жалованья и 340 рублей на провизію на весь монастырь. Что̀ тутъ... будетъ дѣлать? Развѣ каждому іеромонаху варить свою кашицу изъ своего жалованья? По моему мнѣнію, меньше жалованья и больше на провизію.

О начальникѣ миссіи всякій архіерей, у котораго спросите, скажетъ: нѣтъ, не знаю. Кому охота ссылать людей въ Сибирь и притомъ ручаться, что будутъ хорошіе поселенцы? Надобно избрать Св. Синоду, снесясь, если нужно, съ архіереями неформально.

Между свѣдѣніями въ семъ дѣлѣ есть такія, которыя неизвѣстно откуда взяты. Скрѣпитъ ли ихъ канцелярія и будетъ ли отвѣтствовать за ихъ вѣрность?

Если сіи замѣчанія покажутся вашему превосходительству заслуживающими вниманія, то неугодно ли приказать отдѣлить сперва Архангельское дѣло, которое легче кончить и написать изложеніе онаго, и проектъ резолюціи въ чернѣ, въ половину листа, и прислать мнѣ для пересмотра? Если сей опытъ удастся, то съ надеждою можно будетъ приступить и къ другому дѣлу.

Теперь же вдругъ переработывать огромную резолюцію былъ бы трудъ тяжелый, а можетъ быть безполезный.

Іюня 24-го 1835.

58.

†

Желаю вашему превосходительству совершеннаго здравія. Хотя завтрешнее засѣданіе будетъ только преддверіемъ къ дѣлу, но жаль, если вы не будете.

Благодарю за сообщеніе записки преосвященнаго Могилевскаго[1]). Она, думаю, была у меня отъ васъ въ составѣ дѣла; но не помню, видѣлъ ли я въ ней статью о училищахъ. Дмитрій Николаевичъ теперь дѣйствуетъ по случаю новаго представленія Коллегіи; а я того не имѣлъ въ виду, что сей предметъ былъ уже и у васъ.

Я сейчасъ почти возвратился изъ Петергофа или изъ Сергіевой пустыни. Загородный воздухъ я пилъ, какъ пріятный ободряющій напитокъ. Послѣ него здѣшнимъ воздухомъ дышать не хочется.

2-го Іюля 1835.

59.

Чтобы не дать повода къ злоупотребленіямъ, оставляя на выборъ приходскихъ священниковъ налагать эпитиміи, кажется, будетъ согласнѣе и съ закономъ, и безопаснѣе выпустить изъ резолюціи 2-й пунктъ, а на мѣсто его вставить то дополненіе, которое названо было 3-мъ пунктомъ [2]).

2-мъ пунктомъ не предоставляется духовнымъ отцамъ *выборъ епитиміи*, но *приватное увѣщаніе*, чтобы приступали къ святымъ тайнамъ. Сіе есть непремѣнный долгъ священниковъ, и сего отнимать у нихъ не должно и нельзя.

---

[1]) Архіепископомъ Могилевскимъ въ то время былъ Гавріилъ, въ послѣдствіи Рязанскій. П. Б.

[2]) Эти пять строкъ рукою С. Д. Нечаева.

2-й пунктъ нуженъ, чтобы епитиміи не были слишкомъ часты и обременительны. А чтобы священники не были своевольны въ епитиміяхъ, для того сдѣланъ третій дополнительный пунктъ[1]). Мнѣ кажется, не нужна тутъ перемѣна. Впрочемъ, если угодно, прикажите доложить.

Іюля 9-го 1835.

60.

†

Какая тонкость! Преосвященный не смѣетъ приступить къ Святѣйшему Синоду, а прежде къ Государю Императору. Неужели онъ не понимаетъ, что его сношеніе съ Синодомъ есть ближайшее и непосредственное и что гораздо правильнѣе прежде посовѣтоваться съ Синодомъ, чѣмъ приступить къ высочайшему престолу?

Можно, кажется, идти къ тому, чтобы перенести штатъ Акатова, а сей оставить заштатнымъ приписнымъ къ Благовѣщенскому Митрофанову[2]). Не угодно ли предложить Св. Синоду? Только училища безвременно выгонять не надобно. И въ Лаврахъ терпимы училища.

Іюля 11-го 1835.

61.

†

По сему дѣлу, чтобы не начать предпріятія, которое трудно привести къ желаемому окончанію, хорошо бы ограничиться тѣмъ, на чтò согласенъ министръ внутреннихъ дѣлъ, то-есть чтобы запрещеніе имѣть въ услуженіи Православныхъ, сдѣланное монастырямъ Римскаго исповѣданія, распространить и на бѣлое духовенство сего исповѣданія.

Іюля 11-го 1835.

62.

†

Чудно говорите вы, чтобы я повременилъ заключеніемъ о Унитскихъ училищахъ. Кажется, я не подалъ причинъ думать, будто спѣшу съ симъ дѣломъ и будто могу рѣшиться на какое-нибудь заключеніе безъ совѣта съ своими.

---

[1]) Чтобы не пропустить. Въ словѣ *исправлять* заключается понятіе и о меньшихъ, непубличныхъ епитиміяхъ, напримѣръ о урочныхъ поклонахъ при домашней молитвѣ. Но какъ и на сіе всякій священникъ имѣетъ право всегда, то какая бѣда упомянуть о семъ въ опредѣленіи? *Примѣчаніе М. Филарета.*

[2]) Акатовъ и Митрофановъ монастыри въ Воронежѣ. Тамошній преосвященный Антоній находился въ личныхъ сношеніяхъ съ Александромъ и Николаемъ Павловичами. П. Б.

Тетрадки печатныя посылаю. Благодарю за благосклонный взглядъ. По трудности предмета я не прежде рѣшился на напечатаніе, какъ владыка самъ прочиталъ отъ слова до слова и одобрилъ.

Въ Олонцѣ междоусобіе между епархіальнымъ начальникомъ и семинарскимъ правленіемъ. Я спѣшилъ читать бумаги, чтобы сказать о нихъ что-нибудь вашему превосходительству. Но онѣ точно *мутны*, какъ выразился правитель дѣлъ, и не вдругъ видно, что̀ дѣлать. А пора въ коммиссію.

Здравія прошу вамъ отъ Источника жизни, а у васъ прошу попеченія о вашемъ здравіи.

Іюля 17-го 1835.

Возвращаю два листа. Слава Богу, что угадали относительно пр. Мелетія. О преподобномъ Онуфріѣ, помнится, сказалъ я вашему превосходительству мое мнѣніе, не такъ строгое и разрушительное, какъ распоряженія мѣстнаго начальства.

63.

†

Пороховы достойны сожалѣнія, но и правосудіе церковное достойно сожалѣнія.

Хрисія многіе годы признаваема была дочерью, до самаго начатія дѣла о бракѣ.

Паденіе младенца изъ 2-го этажа дома, такъ что онъ не разбился и не получилъ раны, примѣтной для всѣхъ домашнихъ; но что отъ сего сталъ чахнуть, одной кормилицѣ примѣтнымъ образомъ,—не представляетъ признаковъ истиннаго событія.

Выходъ Абрамовой съ симъ больнымъ младенцемъ въ поле, встрѣча съ нищею, у которой явился младенецъ того же возраста и пола и даже похожій на Хрисію, и тотчасъ послѣдовавшій размѣнъ младенцевъ,—также не представляютъ признаковъ истиннаго событія.

Абрамова, одна свидѣтельница, недостаточна къ утвержденію сего событія.

Свода Законовъ тома 15-го уголовныхъ законовъ по статьѣ 963, свидѣтель, показавшій безъ присяги, становится дѣйствительнымъ въ томъ только случаѣ, если въ тотъ же день дастъ присягу въ истинѣ свидѣтельства. По сему закону свидѣтельство Абрамовой силы не имѣетъ.

Пристрастное производство дѣла примѣтно изъ того, что духовное правленіе вдругъ уполномочено произвесть слѣдствіе, постановить

рѣшеніе и привесть оное въ исполненіе, чего никогда не бываетъ; а представляется слѣдствіе и мнѣніе духовнаго правленія на ревизію въ консисторію, а отъ нея на утвержденіе епархіальнаго архіерея, и тогда уже предписывается о исполненіи. Неподписаніе журнала о семъ секретаремъ консисторіи также служитъ признакомъ, что онъ чувствовалъ неправильность сего распоряженія.

Абрамова говоритъ, что объявила свою тайну духовному отцу на исповѣди. Если бы сіе было справедливо, духовникъ по правиламъ не осмѣлился бы говорить о томъ, что̀ ему открыто на исповѣди. Но онъ подписалъ о семъ свидѣтельство Пороховыхъ, не бывъ къ тому призванъ никакою законною властію; посему подалъ на себя подозрѣніе, что подписалъ свидѣтельство ложное по упрошенію или корыстнымъ видамъ.

По сему мнѣ кажется, что рѣшеніе Св. Синода справедливо, и что также справедливо было бы прибавить относительно подписавшихъ вышеозначенный журналъ и утвердившаго оный, что только всемилостивѣйшій манифестъ избавляетъ ихъ отъ отвѣтственности.

Іюля 31-го 1835.

64.

†

Въ реестрѣ книгъ Синодскаго Архива замѣтилъ я:

Исповѣданіе духоборческой секты и разсмотрѣніе ихъ ученія.

Въ Алфавитномъ реестрѣ найти сіе не трудно. Просилъ бы я доставить мнѣ сію книгу, не окажется ли годною къ соображенію при составленіи требуемаго наставленія по предмету *).

—

Бумаги, назначенныя для комитета, также возвращаемыя, всѣ нужны. Записка противъ раскольническихъ монаховъ не подкрѣпится ли Свода Законовъ тома XIV-го о предупрежд. преступл. ст. 47, которою раскольникамъ запрещено именовать себя *скитскими общежителями, пустынножителями и тому подобными несвойственными названіями?*

Авг. 19-го 1835.

65.

†

Въ старые годы, людей замѣченныхъ въ порокахъ и безпорядкахъ медлили принимать въ церковь до тѣхъ поръ, пока усмотрятся въ нихъ несомнительные плоды исправленія. Такъ, по моему мнѣнію, должно поступить и съ симъ господиномъ.

---

*) М. Филаретъ составилъ «Наставленіе для обращенія изъ Молоканской ереси».

И принадлежащіе къ тѣлу гнилые члены отсѣкаютъ. Надобно ли вновь прививать къ нему гнилые члены?

Окт. 19-го 1835.

66.

†

Простуда, раскрывшаяся во мнѣ довольно жестоко, не позволитъ мнѣ и нынѣ быть въ Синодѣ.

Неизлишне, можетъ быть, будетъ напомнить, что по случаю назначенія мнѣ 50 экземпляровъ отъ изданія моихъ проповѣдей, надобно, вѣроятно, возвысить цѣну, дабы отъ меня не было убытка типографіи.

Покорнѣйше прошу приказать правителю дѣлъ К. Д. У. прислать мнѣ разсужденіе студента Кіевской Академіи о крестѣ, а оберъ-секретарю возвратить мнѣ листъ опечатокъ и поправокъ къ Бесѣдамъ къ старообрядцу. Есть въ виду еще одна поправка и, можетъ быть, сдѣлаются небольшія дополненія безъ измѣненія прежняго текста. Въ Кіевскомъ разсужденіи есть въ виду нѣкоторыя справки, которыя мнѣ не такъ легко было бы сдѣлать по неимѣнію библіотеки.

Подписанъ протоколъ о подтвержденіи, чтобы исправны были исповѣдныя вѣдомости. Но помнится, говорено было о усовершеніи самой формы оныхъ, чтобы она побуждала давать вѣрныя свѣдѣнія. Если сія послѣдняя мысль не оставлена, то надобно ее исполнить теперь же, чтобы не посылать двухъ указовъ объ одномъ.

Ноября 1-го 1835.

67.

Акулина двадцать лѣтъ въ исповѣдныхъ вѣдомостяхъ писана женою. Чего болѣе? Эти безсовѣстные люди вздумали оспаривать свой собственный бракъ, чтобы достать дѣтямъ вольность отъ помѣщика. Рѣшеніе консисторіи справедливо.

Ноября 5-го 1835.

68.

†

Исполнивъ обѣщаніе прочитать жизнь преосвященнаго Георгія Конисскаго, представляю вашему превосходительству отчетъ.

Сочиненіе сіе порядочно и не представляетъ препятствія тому, чтобы книга была представлена Государю Императору.

Въ гоненіи Уніатовъ на Православныхъ много жестокаго и безобразнаго. Напримѣръ, преосвященному Георгію изъ Орши надлежало быть вывезену въ телѣгѣ, засыпанному навозомъ. Стр. XXX, XXXI.

На стр. XVII арендаторы названы *державцами*. Напрасно сочинитель вытащилъ сей провинціализмъ.

На стр. XIII напрасно выписана ругательская статья папскаго письма, гдѣ православный Могилевскій епископъ названъ *схизматицкимъ* и

Покровительство Россійскаго двора гонимымъ въ Бѣлоруссіи православнымъ представлено съ достоинствомъ.

Полюбопытствуйте прочитать чтò сказано въ примѣчаніи 9 стр. LXX, LXXI о происхожденіи высшаго Унитскаго духовенства.

Любопытно бы найдти отзывъ Уніатскихъ архіереевъ Польскому королю о намѣреніи отложиться отъ папы. Онъ, видишь, есть при перепискѣ преосвященнаго Георгія съ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ Мелиссино. Прим. 56, стр. LXXV.

Ноября 10-го 1835.

69.

О игуменѣ Павлѣ (если не ошибаюсь именемъ), слышалъ я, что онъ вышелъ въ люди деньгами. Кажется, преосвященному можно бы дойти до истины отчасти, а если она дѣйствительно есть въ словахъ замѣченныхъ въ отношеніи его карандашемъ, то лучше бы Павлу не быть настоятелемъ.

Священнику Прокопію, кажется, можно дать скуфью.

О возвращающемся изъ раскола неизлишне потребовать отъ преосвященнаго Калужскаго свѣдѣнія, какъ его приметъ и чтò найдется о немъ по справкѣ.

О Мартюшевѣ странно то, что его все хвалили и все довѣряли ему; но когда онъ сказалъ, что откроетъ тайну Государю Императору, и бранить вдругъ стали, и подъ судъ отдали. Въ отвращеніе всякого сомнѣнія и дабы лучше опредѣлить, чтò онъ такое, кажется, не трудно вызвать его и поручить владыкѣ принять отъ него тайну по довѣренности отъ Его Величества.

Если можно, покорнѣйше прошу прислать мнѣ первый томъ Грамотъ и Договоровъ для справки, о которой я вашему превосходительству говорилъ, ради бесѣды съ старообрядцемъ.

Декабря 7-го 1835.

70.

†

Здравіе вашему превосходительству и миръ. Помышлялъ я сегодня быть у васъ; но позамедлилъ у князя Александра Николаевича, а въ дверяхъ отъ него встрѣченъ былъ вѣстію о кончинѣ о. духовника Павла, почему и захотѣлъ уже прямо домой, поминая послѣдняя.

Богъ да устроитъ полезное по сему случаю. Съ мыслію о чередныхъ въ Синодѣ я очень согласенъ. Надобно видѣть людей, чтобы лучше знать ихъ, и наставительно людямъ видѣть дѣла близъ престола Государева въ Синодѣ.

Священника Богословскаго увижу, если угодно, завтра вечеромъ. Нынѣ забочусь о завтрешнемъ днѣ, ибо владыка *) велѣлъ мнѣ быть готову для литургіи, если онъ будетъ утомленъ посвященіемъ.

Псковское епархіальное начальство не очень осторожно гонитъ кучу людей подъ епитиміи чрезъ Губернское Правленіе. Изъ сего можетъ выйти побужденіе объявлять себя раскольниками, которыхъ такъ не гонятъ. Не угодно ли предложить о семъ Св. Синоду, чтобы умѣрить сіе и взять предосторожность противъ прекословій губернскаго начальства? Между тѣмъ не излишнее истребовать отъ преосвященнаго реестра подпавшихъ прещенію.

71.

†

Упоминаемыя въ запискѣ о Сибири дѣлà въ подлинникѣ и брачныя правила не худо бы вытребовать, дабы, смотря по тому чтò въ нихъ окажется, или поправить мнѣніе о епархіальныхъ начальствахъ или дать имъ потребное наставленіе.

О паспортахъ не вѣдятъ, чего просятъ. Если для всякого паспорта сноситься съ консисторіею, какая новая гора дѣлъ! Если не такъ, то посредствомъ паспортовъ будутъ записываться въ расколъ.

Захарій Капестинскій есть *Захарій Копыстенскій*. Дѣло миссіонера знать больше раскольника и вразумлять его, а не то, чтобы свое невѣдѣніе прописывать въ рапортахъ.

Въ Московской епархіи у запрещаемыхъ въ священнослуженіи отбираются *документы* на званіе, а не только грамоты. Но у таковаго бываетъ указъ на причетническое мѣсто, въ которомъ прописывается и то, что онъ запрещенъ, и безъ котораго нельзя послать на мѣсто. Надобно справиться, какъ о семъ предписано отъ Св. Синода, чтобы видѣть, нужно ли дополненіе и какое.

Декабря 21-го 1835.

---

*) Владыкою Филаретъ, въ смиреніи своемъ, постоянно называетъ Петербургскаго митрополита Серафима, который первоприсутствовалъ въ Св. Синодѣ. П. Б.

1836-й годъ.

72.

†

Не угодно ли вашему превосходительству допустить предлагаемыя сокращенія въ протоколѣ объ Описаніи Соловецкаго монастыря [1]), потому что преосвященный Тверской на сіе согласенъ. Иначе строгій отзывъ преосвященнаго совсѣмъ затворилъ бы дверь сей книгѣ въ свѣтъ [2]).

Я пробѣжалъ текстъ въ важнѣйшихъ мѣстахъ и еще почистилъ недосмотрѣнное поправщикомъ.

Меня болѣзнь все обманываетъ приближающимся выздоровленіемъ и все держитъ въ затворничествѣ.

Генваря 2-го 1836.

73.

†

Въ возвращаемомъ протоколѣ сомнительнаго не вижу.

Дубенской исправникъ не къ тому ли и не для того ли оказываетъ свою правдивость надъ Уніатскимъ духовенствомъ, чтобы съ большею вѣроятностію закрыть злонамѣренность Доминиканца, которому однакожъ приписываетъ нелѣпости въ пьянствѣ? И въ безъименномъ обличеніи Уніатовъ не та ли цѣль, чтобы поднять мысль о вредныхъ послѣдствіяхъ возвращенія Уніатовъ отъ Латинскаго обряда къ Восточному? По моему мнѣнію трудно опредѣлить, что̀ значитъ сія бумага и что̀ съ нею дѣлать. Не надобно ли довести ее до свѣдѣнія Уніатскаго Комитета, полнаго или сокращеннаго?

Если безмѣстныя дѣти священниковъ законно служащихъ подлежали разбору, то кольми паче сынъ попа бѣглаго? Если надобна правда, то надобно, чтобы сія истина была прилажена къ Куракинскому. Или побѣгъ даетъ всѣ возможныя права и преимущества?

О мнѣ наканунѣ новаго года владыка спрашивалъ чрезъ присланнаго іеромонаха: здоровъ ли я, и я отвѣчалъ, что боленъ и въ новый годъ на молебнѣ и во дворцѣ быть не могу. Но не знаю, какъ сдѣлалось, что въ новый годъ на вопросъ Государя Императора обо мнѣ владыки отозвался незнаніемъ. Посему нынѣ я долгомъ поставилъ письменно извѣстить владыку, что болѣзнь моя продолжается и что я завтра въ крестномъ ходѣ быть не могу.

Генваря 5-го 1836.

---

[1]) Сочиненіе архимандрита Досиѳея, вышедшее въ свѣтъ въ 1836 году.

[2]) Тверскимъ архіепископомъ былъ въ то время Григорій, впослѣдствіи митрополитъ Петербургскій, извѣстный своею непреклонностью. П. Б.

74.

Еще тетрадь метрическихъ законовъ! Еще новыя формы многосложнѣе прежнихъ! Нельзя ли хоть немного короче, простѣе и единообразнѣе?

Посмотрите, что̀ предлагаю.

Генв. 6 1836.

Понемногу лучше себя чувствую въ комнатѣ, но и въ своей церкви сегодня не могъ еще быть.

75.

По сему дѣлу резолюція произноситъ нѣкоторымъ образомъ приговоръ по дѣлу свѣтскаго суда и о свѣтскихъ людяхъ. Законъ велитъ остерегаться сего. Притомъ если случится, что Сенатъ иначе взглянетъ на дѣло, и тогда непріятно будетъ, что *заключеніе* Св. Синода останется *безъ уваженія*. По моему мнѣнію, лучше бы концу резолюціи быть такому:

По сему Св. Синодъ находитъ: вопервыхъ, что священнослужители не могутъ быть признаны виновными въ допущеніи покражи и въ неимѣніи бдительнаго надзора, ибо они имѣли церковь въ укрѣпленномъ состояніи и обезпечили ее сторожами, на которыхъ посему и падаетъ вся отвѣтственность въ допущеніи покражи и въ неимѣніи бдительнаго надзора; вовторыхъ, еслибы по какимъ либо обстоятельствамъ дѣла (каковыхъ впрочемъ въономъ не видно) и могла пасть отвѣтственность на священнослужителей въ небрежномъ храненіи церковной собственности, то по высочайше утвержденной инструкціи взысканію подлежалъ бы съ священнослужителями и церковный староста; но Палата, полагая часть взысканія на священнослужителей, не касается церковнаго старосты, а потому и въ семъ отношеніи ея рѣшеніе съ закономъ несогласно. И потому Св. Синодъ опредѣляетъ отнести дѣло сіе на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената, дабы благоволено было оказать священно и церковно-служителямъ справедливую защиту и взысканіе обратить на истинно-виновныхъ, по точной силѣ законовъ. О семъ сообщить Правительствующему Сенату вѣдѣніемъ, а епархіальному преосвященному дать знать указомъ.

КНЯГИНЯ И МОНАСТЫРСКІЙ ПОСЛУШНИКЪ.

Изъ хроники 1850 года.

Въ Апрѣлѣ 1850-го года большаго шуму надѣлала въ Москвѣ трагическая смерть княгини Голицыной, убитой нѣкіимъ Зыковымъ. Убійство произошло на квартирѣ Зыкова, и всѣ живо интересовались этимъ необычайнымъ событіемъ, толкуя о немъ на всякіе лады. Происшествіе было, дѣйствительно, необычайно. Княгиня Голицына принадлежала къ высшему тогдашнему обществу, Зыковъ былъ молодой послушникъ Донскаго монастыря. Монахъ убивающій княгиню! Во всякомъ случаѣ—это богатая пища для всякихъ разговоровъ, тѣмъ болѣе, что Зыкова и княгиню Голицыну знали многіе въ Москвѣ, а къ Зыкову относились очень враждебно: говорили, что это ловкій пройдоха, который опутывалъ княгиню, чтобы получить ея деньги; обвиняли его даже въ незадолго передъ тѣмъ происшедшей смерти мужа княгини Голицыной. Еще раньше по городу ходили слухи и сплетни о связи будто бы княгини Голицыной съ Зыковымъ, и эти слухи, укрѣпляемые неосторожностью самой княгини, были такъ упорны, что заставили многихъ изъ ея знакомыхъ *отвернуться* отъ нея. Только близкіе люди утверждали ея невиновность, какъ оно и на самомъ дѣлѣ было.

Теперь, спустя слишкомъ сорокъ лѣтъ послѣ роковаго происшествія, случайно намъ досталась копія подлиннаго сенатскаго доклада объ этомъ дѣлѣ Государю Николаю Павловичу, и этотъ докладъ проливаетъ иной свѣтъ на все случившееся. Изъ за сухихъ, безстрастно-оффиціальныхъ строкъ ярко возникаютъ въ воображеніи читающаго образы несчастныхъ убійцы и убитой и живо рисуются ихъ странныя отношенія. Сенаторъ Лебедевъ, который разбиралъ дѣло объ убійствѣ, человѣкъ умный и опытный, въ неизданныхъ Запискахъ своихъ называетъ это дѣло романомъ и, хотя не оправдываетъ Зыкова, но относится къ нему съ сожалѣніемъ.

Прежде всего надо познакомить читателя съ дѣйствующими лицами. Княгиня Вѣра Дмитріевна Голицына была урожденная Голицына-

же, дочь князя Дмитрія Васильевича. Оставшись на 13-мъ году сиротою, она воспитывалась у тетки своей кн. Натальи Петровны Голицыной, женщины властной и энергичной, игравшей весьма видную роль въ большомъ Петербургскомъ обществѣ и извѣстной подъ именемъ «Princesse Moustache», матери Московскаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына. Княгиня Вѣра Дмитріевна долго оставалась въ дѣвицахъ и лишь на 29 году отъ роду вышла замужъ за своего пятироюроднаго брата, князя Николая Яковлевича Голицына, впослѣдствіи генералъ-лейтенанта и командира гвардейской Кирасирской дивизіи. Князь Николай Яковлевичъ былъ уже человѣкъ пожилой, 41 года, и изъ подъ опеки строгой тетки княгиня Вѣра Дмитріевна перешла подъ опеку мужа, котораго горячо любила. Такимъ образомъ ей никогда не было надобности жить и думать самостоятельно, и конечно только въ этомъ слѣдуетъ искать объясненія той нерѣшительности и робости характера, которыя впослѣдствіи принесли ей столько бѣдъ. Послѣ отставки князя, въ 1836 году, супруги переселились въ Москву, гдѣ и жили до самой смерти князя, происшедшей въ 1850 году, всего за $2^1/_2$ мѣсяца до гибели княгини.

Николай Семеновичъ Зыковъ, сынъ довольно достаточныхъ родителей, окончивъ въ 1841 году 20-ти лѣтъ ученіе въ Институтѣ Корпуса Путей Сообщенія, поступилъ канцелярскимъ чиновникомъ къ Московскому гражданскому губернатору и здѣсь сразу заявилъ себя человѣкомъ дѣятельнымъ, разностороннимъ и добрымъ. Въ аттестатѣ его значится, что уже въ 1842 году онъ былъ избранъ въ члены-соревнователи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, затѣмъ въ члены Статистическаго Комитета, въ члены Московскаго Художественнаго Класса и, наконецъ, въ дѣйствительные члены Россійскаго Общества любителей садоводства. Въ 1843 году Зыковъ поступилъ членомъ въ Московское Благотворительное Общество и въ Попечительный Комитетъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, за особые труды по Статистическому Комитету получилъ благодарность начальства и въ слѣдующемъ 1844 году опредѣлился чиновникомъ особыхъ порученій къ Московскому военному генералъ-губернатору.

Къ этому времени, по показаніямъ Зыкова, относится и первое его знакомство съ княгинею Голицыной. Состоя въ Попечительномъ Комитетѣ, Зыковъ встрѣчался съ княгиней, которая также принимала дѣятельное участіе въ дѣлахъ благотворенія, и началъ бывать у нея на дому. Знакомство ихъ не прерывалось, а совмѣстное сотрудничество при

попечительницѣ о бѣдныхъ еще болѣе укрѣпило его и завязало между ними переписку. Къ сожалѣнію изъ этой первоначальной переписки ничего не уцѣлѣло, поэтому трудно сказать что либо про ихъ отношенія того времени. Княгинѣ было тогда 43—44 года; но, по отзывамъ знавшихъ ее людей, она еще хорошо сохранилась, чему легко повѣрить, если вспомнить, что она поздно вышла замужъ и имѣла только одного сына. Надо еще прибавить къ этому тонкое очарованіе изящества, которымъ окружена женщина большаго свѣта, и тогда вполнѣ естественнымъ покажется, что княгиня должна была производить на Зыкова, при близкомъ знакомствѣ, сильное впечатлѣніе. Поэтому фальшиво звучитъ показаніе Зыкова на допросѣ, гдѣ онъ говоритъ, что «его любовь къ княгинѣ была не болѣе какъ любовь христіанская и что влюбленъ онъ въ нее не былъ». Кого любятъ христіанской любовью, того не убиваютъ.

По мѣрѣ сближенія съ княгиней Голицыной, въ Зыковѣ начинаютъ происходить значительныя перемѣны. Слабое отъ природы здоровье его ухудшается, Зыковъ начинаетъ чувствовать влеченіе къ монашеской жизни и проситъ архимандрита Донскаго монастыря принять его къ себѣ. Казалось бы, что такое влеченіе къ жизни монастырской противорѣчило возникавшему чувству любви къ княгинѣ; но вотъ что показываетъ о Зыковѣ этотъ архимандритъ *).

«Побужденіе Зыкова къ поступленію въ монастырь было двоякое, какъ изъясняется Зыковъ въ прошеніи: постоянное влеченіе къ жизни уединенной и *столь болѣзненное состояніе тѣла, по которому онъ признавалъ себя совершенно неспособнымъ къ брачной жизни*».

«По болѣзненному состоянію, мірской пищи Зыковъ употреблять не могъ, какъ объяснилъ ему: ибо она, умножая и волнуя кровь, производила въ немъ кровотеченіе; рыбу употреблялъ мало и рѣдко: ибо она, умножая мокроты, производила въ немъ удушье. Почему онъ не могъ и спать обыкновенно въ постели, а сидя въ креслѣ, дремалъ. Пищу его обыкновенно составляли просфора, бѣлый хлѣбъ съ чаемъ или отварною водою, приправленною сиропомъ изъ ягодъ, и два или три яблока печенаго картофеля».

Впослѣдствіи, на допросѣ, самъ Зыковъ говорилъ про себя: «Въ монастырь поступилъ онъ потому, что былъ боленъ удушьемъ, и по-

---

*) Ѳеофанъ Александровъ. Онъ управлялъ первокласнымъ ставропигіальнымъ Донскимъ монастыремъ съ 1832 по 6 Іюля 1850 года и умѣлъ привлекать въ него многочисленныхъ мо-лельщиковъ. Туда съѣзжались въ особенности Московскія знатныя барыни, воспитанныя на Французскихъ книгахъ, искавшія себѣ руководителя совѣсти (directeur de la consience). П. Б.

тому, чтобъ не безпокоить своихъ родныхъ и окружающихъ его болѣзнью своею, онъ рѣшился отъ нихъ удалиться, пойти въ монастырь».

Вотъ каковъ былъ Зыковъ. Несомнѣнно, что такая болѣзненность и неспособность къ брачной жизни должны были сильно дѣйствовать на духовный и нравственный строй его жизни; но подробный разборъ этого есть дѣло врача-психіатра. Одно можно сказать, что любовь для такого человѣка—источникъ мученій и неминуемо должна привести къ роковымъ послѣдствіямъ. Зыковъ видимо чувствовалъ это, потому что боролся въ началѣ со своей любовью. Будучи человѣкомъ религіознымъ, онъ хотѣлъ въ религіи найти убѣжище отъ пугавшаго его чувства.

Два года добивался онъ монашества, и наконецъ въ 1848 г. его приняли послушникомъ на трехлѣтній искусъ.

Первое время послѣ этого, свиданія Зыкова съ княгиней Голицыной почти прекращаются, но не на долго. Уже черезъ годъ Зыковъ часто уходитъ изъ монастыря и опять пишетъ къ княгинѣ. Архимандритъ Донскаго монастыря говоритъ о жизни Зыкова за это время:

«Въ первый годъ своего пребыванія въ монастырѣ, Зыковъ велъ себя сообразно своей цѣли. Занятія его между церковными богослуженіями состояли въ чтеніи книгъ духовнаго содержанія, въ исполненіи монашескаго келейнаго правила, въ продолжительныхъ молитвахъ въ ночное время; въ лѣтнее время занимался разведеніемъ около своей кельи цвѣтника, въ свободные отъ сихъ занятій часы онъ составлялъ историческое описаніе Донскаго монастыря, которое намѣревался издать въ свѣтъ. Ему поручена была продажа свѣчъ въ церкви Архистратига Михаила, въ которой совершается вторая ранняя обѣдня, и это послушаніе онъ исполнялъ съ раченіемъ и съ пользою для церкви. Ко всякому богослуженію приходилъ въ церковь, кромѣ тѣхъ дней, когда бывалъ боленъ. Въ первый годъ отлучки Зыкова изъ монастыря были только въ Успенскій соборъ или въ Чудовъ монастырь на торжественныя архіерейскія служенія, въ великіе праздники и другіе дни, а въ свѣтскіе дома очень рѣдко; но въ послѣдующее затѣмъ время случались чаще. Отлучался онъ съ дозволенія его, архимандрита, къ лицамъ самымъ почтеннымъ и почти первымъ въ городѣ, духовнымъ и свѣтскимъ; къ однимъ для духовной бесѣды и назиданій, къ другимъ, какъ увѣрялъ онъ его, для ходатайства о пособіи бѣднымъ семействамъ и лицамъ, кои относились къ нему, какъ къ прежнему члену Человѣколюбиваго Общества».

Такимъ образомъ, съ одной стороны, не видя ничего предосудительнаго въ выходахъ Зыкова къ почтеннѣйшимъ лицамъ, а съ другой не желая препятствовать достиженію полезныхъ цѣлей, для коихъ онъ отпрашивался у него, онъ, архимандритъ, не рѣшался совершенно прекратить выходы его изъ монастыря, хотя часто убѣждалъ его сократить ихъ. Зыковъ при слабомъ всегда здоровьи страдалъ иногда особенно болѣзненными припадками, пособіями отъ врачей не пользовался, пищи приличной больному для себя не готовилъ, почему приходилъ въ крайнее изнеможеніе. Изъ сострадания къ нему архимандритъ отпускалъ его въ домъ къ матери съ дозволеніемъ ночевать у нея и проводить по нѣскольку сутокъ для необходимаго успокоенія и укрѣпленія силъ, и когда онъ возвращался въ монастырь, то всегда объявлялъ ему, что ночевалъ въ домѣ матери, въ чемъ онъ, вѣря прежнему похвальному поведенію его, не сомнѣвался. Случалось и то, что, бывъ уволеннымъ па день, оставался ночевать и послѣ повинялся тѣмъ, что онъ, опоздавъ, не смѣлъ идти въ монастырь, зная, что уже заперты ворота, чтобъ не безпокоить другихъ.

«Онъ, архимандритъ, видѣлъ, что уже въ послушникѣ Зыковѣ внутреннее влеченіе къ жизни уединенной, о которой онъ писалъ въ прошеніи, постепенно ослабѣвало, отлучки его изъ монастыря учащались и бывали иногда безъ его позволенія, хотя и не сопровождались никакими непріятными не только происшествіями, но и слухами, при всемъ томъ однако были и не совсѣмъ приличны человѣку, поступившему въ монастырь для монашества, котораго сущность состоитъ въ уединеніи и отрѣшеніи отъ міра».

«Никогда никто изъ монастырскихъ служителей Зыкову не прислуживалъ, а служили ему крѣпостные люди его матери или наемные; почему и записки отъ Зыкова къ княгинѣ Голицыной или къ кому другому носили они, а не монастырскіе служители». Слуга же Зыкова, мѣщанинъ Варламовъ, показывалъ на слѣдствіи, что «записки отъ Зыкова къ княгинѣ Голицыной онъ носилъ почти каждый день».

Теперь уже и княгиня Голицына видимо начинаетъ интересоваться Зыковымъ и приглядываться къ нему. Ей, какъ женщинѣ религіозной и доброй, любопытенъ былъ этотъ человѣкъ, всегда прекрасно одѣтый, съ изящно отдѣланными ногтями и странно-болѣзненный, умный и образованный, молодой и уединяющійся отъ міра въ молитвенной тишинѣ монастыря. Ее живо трогаетъ дѣятельность Зыкова на поприщѣ благотворенія, и въ письмахъ своихъ она называетъ его «ближне-любивѣйшій Николай Семеновичъ». Письма эти

учащаются. Ихъ носятъ въ монастырь люди княгини иногда съ посылками чего-нибудь съѣстнаго. «Благодарю васъ, ближне-любивѣйшій Николай Семеновичъ», пишетъ княгиня, «за участіе, которое вы во мнѣ принимаете. Я, слава Богу, здорова и очень рада, что могу послать то, чтò вы любите, сайку и витушку; если вы желаете, я буду всякій день доставлять вамъ оныя. Не пожелаете ли вы, чтобы я вамъ посылала изъ кушаньевъ, которыя вы любите?» Лѣтомъ Зыковъ гоститъ по нѣскольку дней въ деревнѣ у княгини. Княгиня Голицына, наконецъ, начинаетъ посѣщать его въ монастырѣ, заходя для бесѣды къ нему въ келью послѣ обѣдни. Архимандритъ Донскаго монастыря говоритъ въ своемъ показаніи, что «слышалъ онъ, архимандритъ, что княгиня Вѣра Голицына заходила изъ церкви послѣ обѣдни къ послушнику Зыкову, иногда одна, иногда съ сыномъ и при другихъ почтенныхъ особахъ. Одинъ разъ случилось и ему войти въ келью Зыкова и тамъ застать княгиню Вѣру Голицыну. Человѣкъ въ это время подавалъ имъ чай, а они занимались чтеніемъ проповѣди Филарета, переведенной на Французскій языкъ[1]). Посидѣвъ около 10-ти минутъ, онъ вышелъ прежде; а княгиня осталась, вѣроятно дослушать чтеніе проповѣди, прерванное его приходомъ, и вышла послѣ него изъ кельи минутъ черезъ 15. Въ чемъ состояли ихъ разговоры безъ него, ему неизвѣстно».

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда 18 Января 1850 года умеръ мужъ княгини, князь Николай Яковлевичъ. Тяжелое время наступило для княгини Вѣры Дмитріевны. Скорбь о мужѣ, котораго она очень любила и которому всегда была образцовой женой, хлопоты о похоронахъ, заботы о судьбѣ единственнаго сына, только что женившагося на дочери Московскаго губ. предводителя дворянства, чувство безпомощности, одиночества, непривычка къ самостоятельной жизни—все соединилось вмѣстѣ, чтобы измучить и обезсилить слабую женщину. Теперь наступаетъ самое интересное время отношеній ея съ Зыковымъ. Событія идутъ быстро и роковымъ образомъ готовятъ, въ этотъ короткій срокъ, кровавую развязку.

Съ женитьбою сына и смертью мужа, домъ княгини совершенно опустѣлъ[2]) и она въ это тяжелое для нея время конечно рада была найти въ Зыковѣ близкаго человѣка, помощника, совѣтчика и утѣшителя, роль, особенно пріятная для увлекавшагося Зыкова. И вотъ, сама

[1]) Митрополитъ Филаретъ относился благосклонно къ переводамъ своихъ проповѣдей на иностранные языки. Зыковъ нерѣдко бывалъ у него на Троицкомъ подворьи и даже въ тотъ день, конецъ котораго пришлось ему провести въ Пречистенской части. П. Б.

[2]) Жила княгиня близъ Волхонки, въ приходѣ св. Антипія, въ домѣ (если не ошибаемся) нынѣ княгини М. П. Оболенской, въ то время Глѣбова. П. Б.

не сознавая того, княгиня слишкомъ близко допустила къ себѣ Зыкова и, занятая мыслями о мужѣ, еще не догадывалась, что подъ христіанскою любовью его къ ней скрывается болѣе горячее и страстное чувство, которое только усиливается отъ близости. Зыковъ три дня остается въ домѣ княгини, читая псалтирь надъ умершимъ княземъ, распоряжается похоронами, затѣмъ видитъ княгиню почти каждый день, утѣшаетъ ее и совѣтуетъ, что̀ ей дѣлать. Княгиня не замѣчаетъ, какъ вліяніе на нее Зыкова растетъ, и не противится этому вліянію. Сохранившіяся ея письма за это время ясно показываютъ ея нерѣшительный характеръ, удрученное состояніе, горе и безпомощность. Она совѣтуется съ Зыковымъ даже о томъ, чѣмъ ей заниматься и кого видать, много вспоминаетъ мужа, склонна къ самообвиненію и чувствуетъ себя грѣховной.

«Сегодня я бесѣдовала съ духовникомъ князя, пишетъ она Зыкову, много плакала, говорила съ нимъ о праведникѣ (мужѣ); онъ мнѣ сказалъ, что можно просить отшедшаго объ насъ молиться, я это и дѣлаю. Кто же обо мнѣ помолится, какъ не праведникъ? Его молитва близка къ Богу. Вы просите моей молитвы; но развѣ она доступна Богу? Вѣрно, нѣтъ».

«Вы желаете знать, кого я теперь вижу. Рѣшительно вамъ скажу, что никого».

«Чтобы Богъ не перемѣнялся ко мнѣ, чтобы Онъ не отказалъ въ Своемъ милосердіи, чтобы защитилъ, простилъ, помиловалъ! Также чтобы отшедшій простилъ во всемъ: ибо, можетъ, въ жизни случалось и огорчать его, и за это, можетъ, и страданія теперь мнѣ невыносимы».

«Мнѣ становится очень грустно, тяжело безъ князя. Какое отнялъ у меня Господь счастье! Конечно за грѣхи мои. Я недовольно усердно молилась. За то теперь какъ хочется молиться и какъ грустно! Сердце точитъ тоска и горе».

А Зыковъ уже не противится охватившему его чувству. Къ тому уваженію, которое онъ сначала питалъ къ княгинѣ, какъ къ существу высшему и которое полагало нѣкоторыя границы духовному ихъ сближенію, теперь примѣшивалось болѣе нѣжное чувство жалости. Горе и безпомощность княгини низводили ее съ высоты и приближали къ Зыкову. Нерѣшительный характеръ княгини искалъ опоры въ Зыковѣ; а онъ, обманутый своимъ вліяніемъ, объяснилъ это взаимностью. Того только и нужно было ему, чтобы сдѣлаться смѣлѣе. До сихъ поръ разговоры ихъ ограничивались по большей части религіей или дѣлами благотворенія, теперь Зыковъ начинаетъ понемногу высказываться и

посылаетъ княгинѣ подарки. Онъ проситъ у княгини позволенія провести съ нею лѣто въ деревнѣ, мечтаетъ о хижинѣ въ лѣсу. Безумный, онъ по временамъ совершенно забываетъ и недавнюю смерть князя, и свою болѣзненность, начинаетъ строить планы женитьбы на княгинѣ и намекаетъ ей о томъ. Княгиня не понимаетъ этихъ намековъ, однако уже видитъ себя принужденною умѣрять пылъ Зыкова, но не умѣетъ сразу установить должныя отношенія. Она робка и принимаетъ лишь полумѣры. Зыковъ горячъ и настойчивъ. Между духовными бесѣдами онъ начинаетъ все чаще и чаще заводить разговоры вовсе не духовнаго содержанія. Должно быть, бывали и сцены; по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ писемъ, гдѣ княгиня принуждена, наконецъ, проситъ Зыкова не бывать у нея, она говоритъ:

«Я опять повторяю, ближне-любивѣйшій и много, многоуважаемый Николай Семеновичъ, что мы не увидимся болѣе у меня. Такъ хочетъ судьба. Вспомните нечаянность, случившуюся отъ неосторожности Е. (Елена—горничная). Вотъ причина, отчего мой совѣтъ вамъ никогда не желать даже быть у меня,—лучше! Примите мой совѣтъ. Уважать я васъ и почитать всегда буду и благодарить за все вами сдѣланное добро». Однако и тутъ доброму сердцу княгини жалко совершенно удалить Зыкова; она продолжаетъ: «Встрѣтиться мы можемъ вездѣ, и въ церкви, и на улицѣ, а можетъ и въ другомъ домѣ; но у меня не надобно. Не спрашивайте другихъ причинъ: ихъ нѣтъ и не существуетъ».

Между тѣмъ въ обществѣ начали усиливаться слухи о связи княгини съ Зыковымъ, и сплетня, подхваченная на лету, разрослась; знакомые, за исключеніемъ очень немногихъ, перемѣнились къ княгинѣ, и ко всѣмъ ея огорченіямъ прибавилось новое. Это еще больше охладило княгиню къ Зыкову, но Зыковъ не унялся. Онъ преслѣдуетъ княгиню ежедневно отчаянными письмами, и княгиня отвѣчаетъ на нихъ, не зная, какъ отъ него отдѣлаться, хотя письма эти сильно ее разстраиваютъ. «Письма ваши много способствовали меня разстроить, пишетъ она; вотъ почему я казалась вамъ странною, даже гнѣвною иногда. Они меня раздражали. Вы даже не думали, какъ мнѣ вредили оными». «Это мучительно, что вы не вы сказываетесь, а только намекаете: мнѣ надобенъ покой теперь. Убійственныя, т. е. разстроенныя письма ваши меня тревожатъ».

Однако хорошо было уже и то, что княгиня сознавала опасность. Оставалось теперь понемногу сокращать переписку, а затѣмъ и совсѣмъ прервать отношенія. Такъ думала княгиня, но не такъ суждено было выйдти. Подоспѣло слѣдующее происшествіе.

3-го Марта того же 1850 года Зыковъ возращался въ монастырь въ 11-мъ часу вечера Зыковъ въ этотъ день былъ у Варвары Сергѣевны Шереметевой, у княгини С. С. Щербатовой, у митрополита Филарета, обѣдалъ у П. В. Голубкова, а въ 8 ч. вечера у княгини В. Д. Голицыной *). Проходя по Волконкѣ, онъ встрѣтился съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, который оказался послѣ купеческимъ сыномъ Василіемъ Матвѣевымъ. Матвѣевъ несъ въ рукахъ бутыль съ масломъ и, поровнявшись съ Зыковымъ, уронилъ ее, началъ кричать караулъ и обвинять Зыкова въ томъ, что онъ разбилъ ему бутыль и наноситъ ему побои. Обоихъ, Зыкова и Матвѣева, взяли въ полицейскій домъ Пречистенской части. Матвѣевъ былъ пьянъ, и никакихъ знаковъ побоевъ на немъ не находилось, что̀ и дало поводъ заключить, что въ ссорѣ на улицѣ былъ виноватъ онъ, Матвѣевъ.

Этотъ ничтожный самъ по себѣ случай повелъ однако къ важнымъ послѣдствіямъ. На бѣду Зыкова, тогдашній новый генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій, былъ уже въ холодныхъ отношеніяхъ съ Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, и оберъ - полицеймейстеромъ былъ тогда Иванъ Дмитріевичъ Лужинъ, нѣкогда служившій адъютантомъ у покойнаго князя Николая Яковлевича. За позднимъ временемъ, онъ приказалъ задержать Зыкова на ночь въ части, и на слѣдующее утро представилъ его лично графу Закревскому, съ объясненіемъ о случившемся. При представленіи своемъ оберъ - полицеймейстеръ объяснилъ, «что хотя по мнѣнію его главной причиной ссоры былъ Матвѣевъ, но что Зыковъ, какъ имъ дознано секретно, отлучается изъ монастыря довольно часто, возвращается въ оный поздно, а иногда и совсѣмъ не ночуетъ въ монастырѣ и, какъ подобныя отлучки Зыкова изъ монастыря навлекаютъ подозрѣніе на его поведеніе,» то онъ испрашивалъ у генералъ-губернатора приказанія сдѣлать осмотръ въ бумагахъ Зыкова для объясненій цѣли ночныхъ его отлучекъ. По сношенію съ митрополитомъ осмотръ этотъ былъ произведенъ при депутатѣ отъ монастыря, а самъ Зыковъ препровожденъ на распоряженіе архимандрита Ѳеофана. Зыковъ, конечно, не былъ виноватъ, что ему встрѣтился пьяный человѣкъ; однако за него въ данномъ случаѣ никто не заступился: частыя отлучки изъ монастыря много вредили ему во мнѣніи его духовнаго начальства.

Въ донесеніи своемъ объ этомъ происшествіи Святѣйшему Синоду митрополитъ Филаретъ пишетъ:

«Хотя послушникъ Зыковъ въ 1848 году настоятелемъ рекомендованъ поведенія весьма честнаго, къ службѣ Божіей ревностенъ и въ послушаніи рачителенъ, и хотя по докладнымъ пунктамъ Государя

*) «Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета», т. III-й, Спб. 1885, стр. 352. П. Б.

Императора Петра Перваго, по дѣламъ о брани, и всѣ духовныя персоны подлежатъ духовному суду, однако я не рѣшился требовать тотчасъ послушника изъ задержанія полиціею: потому что дѣло касалось не священнослужителя или монаха, но послушника, находящагося еще только на испытаніи для приготовленія къ духовному званію; потому что монастырскій послушникъ, который позволилъ себѣ въ Пятницу на Масляницѣ ночью быть внѣ монастыря, симъ самымъ лишилъ себя покровительства духовнаго начальства и долженъ подвергнуться послѣдствіямъ своего поступка, хотя бы и не былъ виновенъ въ ссорѣ».

«Осмотру бумагъ Зыкова также нашелъ я должнымъ не поставлять никакого затрудненія, когда сіе требовано важнымъ правительственнымъ лицемъ, могущимъ имѣть секретныя тому причины. Притомъ осмотръ бумагъ могъ снять съ Зыкова подозрѣніе, если онъ невиненъ; а если бы осмотръ не былъ допущенъ, то подозрѣніе, которое падало на бумаги Зыкова, осталось бы на немъ, хотя бы онъ былъ невиненъ».

Осмотръ бумагъ ни привелъ не къ чему важному; но все это происшествіе, отлучки Зыкова изъ монастыря, часто безъ разрѣшенія, и «ослабленіе въ немъ влеченія къ жизни монашеской» побудили архимандрита Донскаго монастыря предложить Зыкову выбыть совсѣмъ изъ монастыря, что̀ Зыковъ и исполнилъ, подавъ прошеніе объ увольненіи своемъ «по болѣзни и по желанію матери». Такъ какъ Зыковъ при этомъ былъ рекомендованъ архимандритомъ, «для монастыря ненадежнымъ», то Синодальная Контора 23 Марта и опредѣлила «послушника Зыкова изъ монастыря и духовнаго званія уволить». Этому рѣшенію много способствовало и то, что съ Зыковымъ рады были поскорѣе развязаться: Святѣйшій Синодъ строго взглянулъ на происшествіе и нашелъ, что «дѣло сіе касается не только личности Зыкова, но и монастырскаго начальства, обязаннаго смотрѣть за нравственнымъ состояніемъ живущихъ въ монастырѣ и отвѣтствовать за нихъ» *).

24 Марта Зыковъ перебрался въ домъ къ своей матери въ Большомъ Аѳанасьевскомъ переулкѣ. Случай съ нимъ разгласился по городу со всевозможными прикрасами.

«О васъ говорятъ все дурное, пишетъ ему княгиня, будто послали и въ Петербургъ бумагу, что васъ нашли въ нехорошемъ домѣ, даже пьянаго».

Есть основаніе предполагать, что все случившееся было нарочно подстроено, и что Матвѣевъ былъ кѣмъ-то подкупленъ. Было ли на-

*) Дѣло кончилось переводомъ архимандрита Донскаго монастыря Ѳеофана въ Нѣжинъ.

мѣреніе досадить княгинѣ или думали обезславить Зыкова и такимъ способомъ отдалить его, во всякомъ случаѣ результаты получились какъ разъ обратные. Не будь этого происшествія, княгиня исполнила бы свое намѣреніе понемногу развязаться съ Зыковымъ; но теперь она сочла долгомъ помочь ему своими хлопотами у вліятельныхъ лицъ: она была близко знакома съ попечителемъ учебнаго округа графомъ С. Г. Строгановымъ, супруга котораго графиня Нат. Павл. Строганова была родной внучкою ея воспитательницы. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ и, наконецъ, самъ графъ Закревскій были друзьями ея мужа. Видѣться съ Зыковымъ ей было нельзя, чтобы не усиливать толковъ; но переписка противъ воли ея участилась, и даже больше: завязались сношенія съ матерью Зыкова. Послѣ убійства, въ бумагахъ Зыкова найдено было до 18 писемъ и записокъ княгини, и онѣ ярко рисуютъ то невозможно-натянутое положеніе, въ которомъ находились оба.

Княгиня собиралась ѣхать говѣть къ Троицѣ, но дѣла и нездоровье отдаляли день за день этотъ отъѣздъ. Скорбь по мужѣ, огорченіе отъ распущенныхъ про нее сплетень, досада за это на Зыкова и жалость къ нему борятся въ княгинѣ. Зыковъ униженъ и оскорбленъ. Архимандритъ Донскаго монастыря показываетъ, что съ 3-го Марта «онъ нашелъ въ немъ большую перемѣну: совершенный упадокъ духа и уныніе. Предметъ его разговоровъ былъ одинъ: горькая жалоба, что онъ обиженъ, поруганъ, сокрушенъ, уничиженъ. Дѣйствительно, часканье по властямъ, чтеніе посторонними его интимной переписки, вся эта грязь поднявшихся сплетень произвели на Зыкова самое удручающее впечатлѣніе, а у него есть еще и другое главное горе: жгучее чувство позора по временамъ утихаетъ у него на душѣ только для того, чтобы дать мѣсто отчаянію отъ недостатка взаимности со стороны княгини, которая не раздѣляетъ его любви. Онъ не въ силахъ не видѣть ея и, не имѣя возможности бывать на дому, преслѣдуетъ княгиню на улицѣ, въ церквахъ и вездѣ, гдѣ она бываетъ, этимъ преслѣдованіемъ еще болѣе раздражая ее и усиливая сплетни. Однако княгиня все еще ласково относится къ нему, разсказываетъ въ письмахъ о своемъ положеніи, старается заставить его бросить пустыя надежды на ея взаимность и не преслѣдовать ее. «Я какъ преступница, пишетъ она, не имѣю права выѣзжать даже по вашему совѣту. Такъ, право, все надоѣло, что молю Бога о смерти, и всѣ такъ противны стали; всѣ люди такъ гадки. Все такъ постыло, сама и жизнь даже».

«Алексѣя Ивановича я просила сказать вамъ, чтобъ васъ остеречь, чтобъ вы не ѣздили, не слѣдовали за мною; мнѣ даже непріятно

это преслѣдованіе. Если вы уважаете меня, то зачѣмъ вездѣ и всюду подходите? Лучше на это время отдалиться и не давать пищи злымъ людямъ для злословія».

«Очень мнѣ жаль, что не могу васъ видѣть; но, право, лучше, чтобъ вы не пріѣзжали; всѣ знаютъ, и непріятности могутъ быть».

«Я васъ чту, но сильно никого не люблю, не хочу и обманывать, но почитаю, уважаю васъ. Вы кромѣ добра никому ничего не дѣлаете. Кромѣ могилы к. (князя) ничего не люблю: это обѣтъ, который я сдѣлала мысленно при кончинѣ его».

«Я ѣду къ Троицѣ, чтобъ немного отдохнуть морально. Страданія мои душевныя становятся невыносимы; я изнемогла духомъ, а вмѣстѣ и тѣломъ. Ваши письма много тому способствовали, но я не обвиняю васъ въ этомъ».

«Сегодня я видѣла графа С. Г. Строганова. Онъ обвиняетъ васъ, что старались быть очень на виду, бывши въ монастырѣ. Недоброжелательные люди довели васъ до такого положенія, что вы совершенно теряетесь, иногда сами не помните, что́ дѣлаете, напр. что не хотѣли пропустить меня въ дверь, увѣряя меня, что я тоже возстаю противъ васъ».

Видимо, Зыковъ не останавливался даже передъ скандалами. Но иногда онъ утихаетъ и послушенъ. Такъ онъ пишетъ къ княгинѣ:

«За доброту вашего сердца я не знаю какъ благодарить. Одинъ Богъ можетъ вамъ воздать за милость, спасеніе и избавленіе отъ смерти погибавшаго (т. е. его Зыкова). Молюсь, и молитва не останавливается ни на мгновеніе на устахъ убогаго: такъ вы добротою проникнули сердце его благодарностію. И вы не Ангелъ-утѣшитель ближнихъ? Вы не спаситель погибающихъ? Нѣтъ, вы такое созданіе Божіе, что и Ангелы радуются и удивляются славѣ Сотворившаго васъ».

«Какъ вы не желаете, чтобъ мы встрѣчались въ церкви, то увѣдомьте, будете ли вы завтра у обѣдни въ Донской обители; можетъ, пожелаете передъ отъѣздомъ отслужить панихиду. Если будете, то я уже не поѣду. Вѣдь я и прежде не поѣхалъ бы туда, гдѣ вы, если бы вы сами не написали, что рады встрѣтить меня въ церкви, въ другомъ домѣ, только у себя не можете. Вы знаете, сколько я уважаю васъ, и теперь, когда вамъ что̀ не угодно, то напишите мнѣ, что вотъ это не нужно, туда не ѣздите, и ваше приказаніе свято исполнится.

Вы понимаете: какъ ни хочется васъ видѣть, но любовь и уваженіе сильнѣе этого желанія; значитъ, ваше слово свято для убогаго. Вы не желали, чтобы я стоялъ въ Воскресенье близъ васъ, я тотчасъ удалился; сначала это былъ порывъ отчаянія, но увидалъ, что дурно сдѣлалъ и самъ послѣ раскаевался. Былъ сегодня у архимандрита, звалъ завтра на чтеніе канона; но если вы будете и не позволите мнѣ быть, я не пойду; онъ сказалъ, что могу чрезъ боковую дверь прямо въ алтарь, и никто не увидитъ и не будетъ знать. Но если вы не позволите, не поѣду; а вы поѣзжайте: тамъ хорошо, и вспомните, какъ прошлаго года слушали. Я буду дѣлать только то, что̀ вы прикажете дѣлать. Простите. Благословите».

Если влюбленный неиствующій досаденъ для женщины, то у влюбленнаго приниженно-покорнаго, выпрашивающаго, какъ милости, посмотрѣть на нее хоть издали, откуда-нибудь изъ алтаря, еще меньше вѣроятія на успѣхъ: онъ скученъ и надоѣдливъ. Само-собою, что теперь княгиню Голицыну не могли привлечь къ Зыкову ни такіе насильственные поступки, какъ останавливаніе ея при народѣ у дверей церкви, ни такія письма, какъ только что приведенное. И дѣйствительно, ласковый всегда тонъ писемъ княгини къ Зыкову начинаетъ иногда переходить въ холодный или раздражительный. Ей нестерпимо надоѣлъ этотъ безпокойный человѣкъ. Намеки Зыкова ей непонятны, и онъ долженъ былъ казаться ей человѣкомъ, который самъ не знаетъ, чего хочетъ.

А для Зыкова приспѣло время крайняго отчаянія. Онъ, конечно, зналъ, чего хотѣлъ, но зналъ и то, что хотѣлъ невозможнаго. Онъ хотѣлъ, чтобы измѣнился порядокъ вещей, хотѣлъ быть вполнѣ здоровымъ человѣкомъ. Онъ видѣлъ всю невозможность женитьбы на княгинѣ; но желаніе невозможнаго уже было такъ сильно, что разумъ не сдерживалъ его. Вѣдь это былъ единственный способъ не разставаться съ любимой женщиной и хоть нравственно обладать ею. Сознаніе пробуждалось иногда только для того, чтобъ показать всю несообразность его желаній и дѣйствій; но воля, пораженная болѣзнью тѣла, бездѣйствовала, а оскорбленная природа человѣка и мущины громко заявляла свои права, требовала того, чего несправедливо лишена была судьбою, и возмущалась этой несправедливостью. Безпощадный рокъ овладѣлъ имъ, и Зыковъ скользилъ внизъ по наклону съ быстротою, которая не давала ему опомниться. Къ сожалѣнію, писемъ Зыкова, кромѣ приведеннаго, да еще одного незначительнаго, не сохранилось, и о нихъ можно судить только по отвѣтнымъ письмамъ княгини.

Въ Зыковѣ все еще теплилась надежда; но вотъ въ самомъ концѣ Марта мѣсяца онъ прослышалъ, что княгиня Голицына собирается выходить замужъ. Конечно, слухъ былъ ложный; но Зыкову этого достаточно было, чтобы ко всѣмъ его мученіямъ прибавилось еще самое ужасное—мученіе ревности. Ревность даже для человѣка способнаго любить ужасна. Ревность, сопровождаемая сознаніемъ безсилія, неизмѣримо ужаснѣе; она обращается въ какую-то стихійную вражду, дѣлаетъ изъ человѣка звѣря и требуетъ грубаго насилія надъ слабымъ. А тутъ еще послѣдній ударъ, самый страшный: Зыкову сказали, будто княгиня сама подстроила происшествіе 3-го Марта, чтобы отдѣлаться отъ него. Женщина, которую онъ любилъ, любитъ другаго и дѣйствуетъ за одно съ опозорившими его врагами! Онъ намекаетъ княгинѣ, что знаетъ ея тайну и что причиной его удаленія была ея любовь къ другому.

«Какую тайну узнали вы?» отвѣчаетъ княгиня на его письмо. «Скажите мнѣ, прошу васъ; вы меня не поняли. Я просила васъ на нѣкоторое время оставить, не преслѣдовать меня; мы бы видѣлись иногда въ церкви, но вы стали посѣщать рѣшительно всѣ мѣста, гдѣ я бываю, т. е. обители или церкви. Я желала отдалить всѣ эти неблагопріятные слухи; все бы замолкло, и впослѣдствіи все бы опять было попрежнему, но вы противились моему совѣту и какъ бы нарочно дѣлали иное; это меня огорчило и раздражило. Нарочно васъ смущаютъ, а ваше больное воображеніе теперь вѣруетъ и въ неправду. Напрасно всѣ заботятся такъ выдавать меня замужъ: я не выйду ни за кого, имѣвши такого мужа, каковъ былъ человѣкъ князь. Можно ли рѣшиться послѣ 20 лѣтъ замужней жизни еще разъ выйти въ мои лѣта, въ 43 года (княгинѣ было тогда уже 49 лѣтъ!). Напрасно вы заботитесь напоминать мнѣ о годахъ моихъ, о томъ, что на мнѣ если и женятся, то это для того, чтобы взять мои деньги, а не на мнѣ; но я это очень помню и сама никогда не забуду. Зачѣмъ берете вы на себя такъ много усердія напоминать о томъ, о чемъ я сама никогда не должна забывать? Горемъ такъ не шутятъ и скоро его не забываютъ».

Однако Зыкову называютъ даже имя искателя руки княгини. Княгиня опять пишетъ ему: «Кто васъ смущаетъ, не знаю. Я уѣзжаю отсюда, не зная на долго-ли; ѣду къ Троицѣ, и все у меня приготовлено къ отъѣзду моему. Чтобы могила князя обо мнѣ ничего не сказала: до толковъ людскихъ мнѣ все равно. Бранятъ, злословятъ, все равно; я замужъ *) г-на Г. (не знаю даже, кто?) не пойду, и ни за кого никогда».

*) Въ современномъ спискѣ пробѣлъ отъ вытертаго слова.

Но напрасно пишетъ княгиня. Зыковъ уже не вѣритъ, и вотъ темное чувство, спокойное и страшное, откуда-то изъ невѣдомыхъ глубинъ его души поднимается, надвигается и охватываетъ его. И какой-то невѣдомый голосъ нашептываетъ ему какое-то странное слово. И это слово: «смерть». Все рушится, все гибнетъ, все уходитъ, княгиня не любитъ его, жить нельзя, жизнь безъ княгини—это смерть! Но княгиня будетъ принадлежать другому. Это хуже смерти! Отнять ее? Да гдѣ же ему отнять, ему, безсильному, больному, опозоренному и нелюбимому? Уйти подальше, забыть все, замкнуться въ монастырѣ? Но доступъ туда закрытъ ему. Смерть! Все яснѣе и яснѣе, понятнѣе и понятнѣе звучитъ это страшное слово. Да, смерть! Смерть княгинѣ! Пускай если не ему, то никому не принадлежитъ она, причина его несчастій и мукъ. И несовершенное начало взяло верхъ надъ порядкомъ. Узда религіи и законности была сброшена; увѣчный человѣкъ взялъ на себя несправедливое право рѣшить участь другаго человѣка.

Судьба несчастной княгини была рѣшена.

Между тѣмъ отъѣздъ ея къ Троицѣ былъ, наконецъ, назначенъ на 8-е число Апрѣля. За нѣсколько дней до этого Зыковъ отправилъ письмо къ княгинѣ, въ которомъ писалъ, что боленъ при смерти и проситъ ее заѣхать проститься съ нимъ передъ отъѣздомъ. Княгиня не поѣхала, а вмѣсто себя послала свою компаньонку, старушку Кауфманъ. Тогда Зыковъ написалъ еще письмо уже отъ имени своей матери. Хотя княгиня и говорила Кауфманъ, что ей противно даже слышать про Зыкова, и что онъ надоѣлъ ей своими письмами, однако не въ силахъ была отказать, и 7-го числа въ 10 часовъ утра пріѣхала вмѣстѣ съ Кауфманъ *). Зыковъ, мать его и княгиня сѣли въ гостиной, а Кауфманъ помѣстилась въ смежной залѣ. Начался разговоръ. Зыковъ укорялъ княгиню и просилъ позволенія провести лѣто у нея въ деревнѣ; но княгиня отказала ему. Тогда онъ спросилъ, почему княгиня прежде его любила, а теперь эта любовь исчезла? Княгиня отвѣчала, что «любила его и принимала къ себѣ въ домъ, какъ духовную особу; но когда онъ вышелъ изъ монастыря, то надоѣлъ ей своими письмами, и потому она перемѣнила къ нему свое расположеніе». Посидѣвъ немного, княгиня нѣсколько разъ собиралась уходить; но Зыковъ удерживалъ ее, говоря, что «у него только и радости, что она одна, и тогда только онъ и счастливъ,

---

*) Двухъ-этажный домъ, гдѣ жила съ дѣтьми своими старушка Зыкова и гдѣ произошло убійство, находится близъ Арбата въ Большомъ Аѳанасьевскомъ пер., позднѣе Геймана. П. Б.

когда ее видитъ». Разговоръ продолжался. Зыковъ говорилъ, что «присутствіе княгини доставляетъ ему удовольствіе, и опять повторялъ укоризны, почему она не принимаетъ его къ себѣ». Къ сидѣвшей въ залѣ Кауфманъ доносились слова: «я вамъ и никому любить не могу запретить, но я васъ любить тоже не могу... Вы мнѣ надоѣли своими письмами, и въ домъ къ себѣ я васъ принимать не могу».

Наконецъ, княгиня встала и направилась къ выходу. Все кончено! Если и оставались хотя какія-нибудь сомнѣнія—ихъ нѣтъ теперь. Послѣдняя слабая надежда исчезла. А кинжалъ на готовѣ, здѣсь, подъ платьемъ. Этимъ кинжаломъ онъ удовлетворитъ ту потребность грубаго насилія надъ княгиней, котораго жаждетъ его оскорбленная своимъ уродствомъ природа мущины. Зыковъ вскочилъ и подбѣжалъ сзади къ княгинѣ. Передъ его помутившимися глазами мелькаетъ единственное обнаженное мѣсто на тѣлѣ его жертвы—шея, и онъ туда направляетъ ударъ. Кинжалъ вонзился въ правую сторону шеи до позвонковъ и перерѣзалъ горло. Обезумѣвшая мать Зыкова ничего не понимаетъ изъ того, что̀ происходитъ передъ ея глазами. На крикъ несчастной вбѣгаетъ Кауфманъ и видитъ, что Зыковъ душитъ княгиню. Напрасно пытается она отнять кинжалъ, который Зыковъ все еще крѣпко держитъ въ рукѣ, и бѣжитъ сзывать людей. А Зыковъ уже безумно цѣлуетъ свою жертву. Наконецъ-то она, наконецъ, принадлежитъ ему! Но зачѣмъ же эта кровь? Прибѣжавшіе люди отнимаютъ кинжалъ, княгиня падаетъ на полъ. И опять эта кровь! Она брызжетъ изъ правой стороны шеи съ каждымъ біеніемъ не остывшаго еще сердца, она широкою струею течетъ изо рта. Не надо этой крови. Зыковъ стираетъ ее платкомъ съ губъ княгини, а кровь бѣжитъ и бѣжитъ. И вдругъ происходитъ что-то странное. Раздался голосъ: «Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ», звучатъ слова молитвы; то громко читаетъ Зыковъ, стоя на колѣняхъ передъ княгиней. «Да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое», читаетъ онъ и крестить убіенную.

Говорятъ, что когда тонущій человѣкъ начинаетъ терять сознаніе, ему съ поразительной ясностью вспоминается дѣтство, и онъ мгновенно переживаетъ опять всѣ впечатлѣнія этого дѣтства. Зыковъ тоже тонетъ. Онъ тонетъ въ этой крови, въ этомъ вихрѣ, въ этомъ хаосѣ невѣдомыхъ ощущеній, ощущеній убійцы надъ трупомъ своей жертвы. Кровь и кровь! Въ ужасѣ онъ хочетъ молиться, и вотъ только одна молитва приходитъ ему въ помутившуюся голову, та пер-

вая молитва, которую онъ еще дѣтскимъ лепетомъ заучивалъ за своею матерью, стоя на колѣняхъ также, какъ стоитъ теперь.

Началось дѣло. По докладу полиціи о происшедшемъ, Московскій военный генералъ-губернаторъ графъ Закревскій приказалъ назначить для производства изслѣдованія коммиссію, которая и начала свои дѣйствія разборкою отобранныхъ у Зыкова во время взятія его подъ стражу вещей и писемъ, а затѣмъ опросила всѣхъ свидѣтелей убійства и лицъ причастныхъ къ дѣлу, какъ-то: родственниковъ убійцы, архимандрита Донскаго монастыря и людей Зыкова и княгини Голицыной. Затѣмъ сформированное дѣло представлено было къ судебному разсмотрѣнію.

1-й департаментъ Московскаго Надворнаго Суда мнѣніемъ 27 Іюня 1850 года положилъ, согласно 111 и 1,924 ст. пункта 3 Уложенія о Наказаніяхъ, принимая во вниманіе обдуманное заранѣе намѣреніе за обстоятельство, увеличивающее мѣру вины и наказанія, Зыкова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на 20 лѣтъ.

Московская Уголовная Палата, рѣшеніемъ по сему дѣлу, состоявшемуся 5-го Іюля, заключила: «Дворянинъ Зыковъ виновенъ по собственному при первомъ допросѣ признанію, сходному съ происшедшимъ дѣйствіемъ, въ убійствѣ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ княгини Голицыной и что для учиненія сего злодѣянія онъ заманилъ княгиню въ свою квартиру, гдѣ удобнѣе могъ посягнуть на жизнь ея. Къ обстоятельствамъ, увеличивающимъ вину преступника Зыкова, а съ тѣмъ вмѣстѣ и мѣру слѣдующаго за оную наказанія, относятся: а) умыселъ и обдуманность въ дѣйствіяхъ его и б) состояніе его, званіе и степень образованности (ст. 135 Улож. о Наказ., пункты 1 и 2). Къ обстоятельствамъ же, уменьшающимъ вину его, принадлежитъ полное признаніе при первомъ допросѣ (140 ст. Улож., п. 2). Основываясь на сихъ соображеніяхъ и руководствуясь въ опредѣленіи мѣры наказанія преступнику Зыкову статьями 111, 1,924 п. 3 и 1,923 Улож. о Наказ., Палата полагаетъ: дворянина Зыкова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 20 лѣтъ, по окончаніи же срока работъ поселить въ Сибири навсегда».

Рѣшеніе это пропущено губернскимъ прокуроромъ безъ протеста. Московскій военный генералъ-губернаторъ, представляя дѣло это въ Правительствующій Сенатъ, старался смягчить суровую кару и въ рапортѣ своемъ объяснилъ: «Уголовная Палата, принимая во вниманіе обдуманность преступнаго намѣренія Зыкова, приговорила его по ст. 111 Улож. о Наказ. къ высшей мѣрѣ наказанія, слѣдующаго ему на основаніи 1924 и 1923 статей Улож., т. е. къ ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ на 20 лѣтъ, тогда какъ по точному смыслу по-

мянутой 111 статьи высшая мѣра наказанія за предумышленное преступленіе опредѣляется единственно только въ случаѣ, если въ законахъ не постановлено различныхъ наказаній или различныхъ степеней; а какъ къ наказанію по 1,924 присуждаются одни виновные въ убійствѣ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, то онъ, генералъ-губернаторъ, съ своей стороны полагалъ бы приговорить Зыкова къ низшей мѣрѣ наказанія по статьѣ 1,923, а именно къ ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ на 15 лѣтъ» *). Къ этому генералъ-губернаторъ присовокупилъ, что по всеподданнѣйшему докладу о происшедшемъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Павловичъ высочайше изволилъ повелѣть дѣло объ убійствѣ Зыковымъ княгини Голицыной во всѣхъ инстанціяхъ рѣшить скорѣе, безъ очереди, и представить по порядку.

Дѣло получено было въ Сенатѣ 12 Іюля и по приготовленіи къ докладу положено и рѣшено 17 Іюля 1850 года, а затѣмъ по предложенію оберъ-прокурора съ изложеніемъ замѣчаній управляющаго Министерствомъ Юстиціи окончательно переслушивалось 4-го Октября и согласно съ замѣчаніями постановлено заключеніе, въ которомъ излагается подробно обстоятельство дѣла и между прочимъ говорится:

«По обстоятельствамъ, сопровождавшимъ совершеніе преступленія и устраняющимъ возможность недоумѣвать о свойствѣ преступленія, Правительствующій Сенатъ признаетъ убійство сіе учиненнымъ съ предумышленіемъ; ибо подсудимый самъ сознался въ приготовленіи для того кинжала и въ томъ, что мысль объ убійствѣ княгини Голицыной явилась въ головѣ его еще за нѣсколько дней до совершенія имъ преступленія. За симъ, принимая во вниманіе, что Зыковъ, замысливъ убійство и не могши для совершенія онаго прійти въ домъ княгини Голицыной, гдѣ онъ не былъ бы и принятъ, заманилъ ее ложнымъ письмомъ къ себѣ, и что пріѣздъ Голицыной въ домъ Зыковыхъ предавалъ ее совершенно въ руки приготовившагося убійцы, устраняя

---

*) Уложеніе о Наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, статьи—135. Вина учинившаго какое-либо преступленіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и мѣра слѣдующаго за сіе наказанія увеличивается по мѣрѣ того

п. 2) чѣмъ выше были его состояніе, званіе и степень образованности.

1,923. Кто съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ или умысломъ убьетъ женщину беременную, зная, что она въ семъ положеніи, тотъ подвергается за сіе лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ на время отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ.

1,924. Къ опредѣленному въ предыдущей ст. 1,923 наказанію приговариваются также виновные въ убійствѣ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ или умысломъ.

п. 3) когда для учиненія своего злодѣянія убійца скрывался въ какой-либо засадѣ или заманилъ убитаго въ такое мѣсто, гдѣ онъ удобнѣе могъ посягнуть на жизнь его.

по положенію дома и семейства Зыковыхъ возможность сторонней помощи, Сенатъ признаетъ, что совершенное Зыковымъ преступленіе подходитъ подъ 3-й пунктъ 1,924 ст. Уложенія. Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію мѣры наказанія и не находя въ обнаруженныхъ слѣдствіемъ поступкахъ княгини Голицыной никакого слѣда оскорбительныхъ для Зыкова дѣйствій, которыя могли бы справедливо раздражить его (ст. 140 Улож. п. 5), Сенатъ не усматриваетъ въ дѣлѣ облегчающихъ вину убійцы обстоятельствъ, тѣмъ болѣе, что его состояніе, званіе и степень образованности составляютъ обстоятельство, увеличивающее вину и мѣру слѣдующаго наказанія». На этихъ основаніяхъ Сенатъ заключилъ:

1) Отставнаго коллежскаго регистратора Николая Семеновича Зыкова за убійство княгини Вѣры Голицыной, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 20 лѣтъ.

2) Такое заключеніе представить на высочайшее усмотрѣніе.

*

Зыковъ былъ сосланъ на каторжныя работы и теперь давно уже умеръ. Княгиня Вѣра Дмитріевна Голицына похоронена въ Донской обители рядомъ со своимъ мужемъ. Теперь уже мало кто и помнитъ о только что разсказанномъ происшествіи.

Мы потревожили тѣни отшедшихъ, потому что намъ хотѣлось оправдать память добродѣтельной княгини Вѣры Дмитріевны и потому, что данный случай представляетъ много интереса и теперь, когда такіе болѣзненные, уродливые люди, какъ Зыковъ, къ сожалѣнію, стали не въ рѣдкость, и когда наукѣ приходится по необходимости брать ихъ предметомъ изученія, а жизни—считаться съ ними. Тогда единственнымъ уменьшающимъ вину обстоятельствомъ признано было полное сознаніе Зыкова; теперь его, можетъ быть, совсѣмъ оправдали бы. Но что̀ справедливѣе съ точки зрѣнія высшей правды: обвинить или оправдать такого человѣка? Мы не беремся рѣшать этотъ вопросъ. Трудно проникать въ пучину человѣческой души....

И. Б.

Мы помнимъ, какъ провозили Зыкова по Красной площади, по направленію къ Пятницкой улицѣ. Тогда для преступниковъ была въ употребленіи особаго рода колесница. Въ ней привязанъ былъ къ столбу Зыковъ. Видѣвшій это зрѣлище покойный С. П. Шевыревъ съ умиленіемъ передавалъ одному студенту, что какой-то сѣдой простолюдинъ, сидя у воротъ дома, мимо котораго везли Зыкова, сказалъ со вздохомъ словами Евангелиста Іоанна: „Тако подобаетъ совершитися всякой правдѣ". П. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ И ЗАМѢТОКЪ СЕВАСТОПОЛЬЦА.

VIII *)

Балаклавское дѣло.

Цѣль предпринятой атаки Балаклавы была слѣдующая: подвести артиллерію на близкую дистанцію Балаклавскаго рейда и впродолженіи двухъ часовъ учащеннымъ огнемъ обстрѣливать сплошной массой стоявшія на этомъ рейдѣ Англійскія военныя и транспортныя суда, стараясь произвести пожаръ (кавалеріей предполагалось атаковать запасный артиллерійскій паркъ), и потомъ, не давъ себя отрѣзать отъ сообщеній съ резервомъ, пробиться или ретироваться на свою позицію.

Такъ какъ предписаніе главнокомандующаго не было исполнено начальникомъ 12-й дивизіи Липранди, и сраженіе не состоялось по глубокомысленности и сложности разныхъ тактическихъ и стратегическихъ комбинацій: то я позволю себѣ разсказать, что дѣло могло быть исполнено такъ же просто, какъ открывался ларчикъ Крылова.

Силы, предоставленныя генералу Липранди, состояли изъ

Пѣхоты	17 баталіоновъ.
Кавалеріи	22 эскадрона. 10 сотенъ казаковъ.
Артиллеріи	51 орудіе.

*

Содѣйствующій ему отрядъ г. Жабокритскаго:

Пѣхоты	7½ баталіоновъ.
Кавалеріи	2 дивизіона гусаровъ. 2 сотни казаковъ.
Артиллеріи	14 орудій.

Противъ Липранди союзники могли выставить, самое большое, пѣхоты до 30 т., всю союзную кавалерію и артиллерію.

---

*) См. выше. стр. 49.

Ясно, что отрядъ Липранди былъ слабѣе, и онъ не могъ долго удерживать свою позицію; но всетаки была возможность, при быстромъ движеніи впередъ и неожиданности атаки, обстрѣлять впродолженіи двухъ часовъ Балаклавскій рейдъ и раньше, чѣмъ подойдутъ къ непріятелю подкрѣпленія, ретироваться въ стройномъ боевомъ порядкѣ.

Князь Меншиковъ легко могъ, не подвергая Севастополя опасности (какъ онъ сдѣлалъ это вскорѣ послѣ Альмы), отдѣлить на трое сутокъ 5 т. изъ гарнизона Севастополя и 5 т. съ Сѣверной стороны, сосредоточить безъ ущерба и риска всю нашу кавалерію подъ начальствомъ одного кавалерійскаго генерала и открыть одновременно съ атакой по всей линіи Севастопольскихъ укрѣпленій учащенный артиллерійскій огонь. (Записки Хрущова, стр. 31—37). Въ то время у насъ вмѣстѣ съ морскими числилось 80 т., а у союзниковъ 70 т. войска.

Послѣ ужина, переправившись въ вечернихъ сумеркахъ на ночлегъ чрезъ рѣчку Черную, войска безъ барабаннаго боя, за три часа до разсвѣта, слѣдовало разбудить, дать имъ пить и закусить. Послѣ общей команды разрядить всѣ ружья, двинуть на 100 саж. авангардъ, изъ четырехъ по жребію назначаемыхъ ротъ охотниковъ, отъ каждаго по одному изъ четырехъ полковъ дивизіи. За ними слѣдомъ должны были пойти 20 саперъ, подъ руководствомъ инженернаго офицера, и полубатареи, къ каждой ротѣ отдѣльно.

Авангардъ имѣлъ назначеніе штурмовать 4 непріятельскіе редута и по взятіи ихъ оставаться въ томъ редутѣ гарнизономъ; а ротный командиръ дѣлался бы комендантомъ взятаго имъ редута. Затѣмъ, саперы оборачиваютъ редуты противъ непріятеля, а полубатареи составятъ артиллерійскую оборону, если орудія на редутахъ при отступленіи непріятеля будутъ заклепаны. За авангардомъ во стосаженномъ разстояніи двигается и весь отрядъ въ боевомъ порядкѣ, не останавливаясь проходитъ первую оборонительную линію четырехъ редутовъ и форсированнымъ маршемъ проходитъ 5-ти верстное разстояніе до Балаклавы и еще на зарѣ открываетъ по судамъ на рейдѣ ускоренный артиллерійскій огонь; послѣ перваго пушечнаго выстрѣла заряжаются и ружья.

Не доходя двухъ верстъ до Кадыкоя, слѣдовало начать наступательныя дѣйствія кавалеріи, но самостоятельно и совершенно независимо отъ войскъ главнаго отряда; затѣмъ, по достиженіи цѣли атаки, ретироваться или пробиваться къ линіи оборонительныхъ уже редутовъ для соединенія съ отрядомъ генерала Жабокритскаго.

Вмѣсто этого простаго дѣйствія, послѣ длинной реляціи и сложной диспозиціи на три отдѣльно дѣйствующихъ отряда, въ 6 часовъ

утра, генералъ Левицкій развернулъ Украинскій полкъ предъ редутами 1 и 2-мъ и открылъ артиллерійскій огонь, такъ что наступленіе нашихъ войскъ поставило на ноги весь непріятельскій лагерь. Къ 8 часамъ утра (Хрущовъ, стр. 33) прибыли на Сапунъ-гору оба главнокомандующіе Рагланъ и Канроберъ и направили къ Балаклавѣ сильные резервы, а генералъ Боскѐ спустилъ съ Сапунъ-горы на долину часть войскъ обсерваціоннаго корпуса. Успѣхъ движенія на Балаклаву сдѣлался болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Атака нашей кавалеріей была отброшена Англичанами. Въ это время Лўканъ получилъ приказаніе отъ Раглана атаковать легкой кавалеріей нашу армію. Луканъ не хотѣлъ вѣрить, чтобъ отдано было главнокомандующимъ такое приказаніе, но, получивъ отъ посланнаго подтвержденіе, не поколебался его исполнить. Кардаганъ дерзко бросился на Донскую батарею, за которой стояли гусары, и сталъ рубить артиллерійскую прислугу. Наша кавалерія бѣжала къ мосту и къ мѣсту перевязочнаго пункта. Англичане увлеклись преслѣдованіемъ и только у каменнаго моста увидѣли свою ошибку, попавъ подъ сильнѣйшій перекрестный огонь Жабокритскаго и Скюдери. Великолѣпная кавалерія Англичанъ была почти уничтожена; 400 тѣлъ осталось на полѣ битвы, одинъ штабъофицеръ и 22 человѣка взяты въ плѣнъ.

Для выясненія, разсмотримъ каждое дѣйствіе отдѣльно.

Въ тотъ часъ, въ который слѣдовало открыть артиллерійскій огонь по Балаклавскому рейду, Липранди только предпринимаетъ наступленіе. Дойдя до редутовъ, ясно можно было видѣть, что Турки, устрашенные численностью наступающихъ нашихъ войскъ, бѣгутъ изъ редутовъ. Но Липранди для торжества своего открываетъ ненужную изъ орудій пальбу. Пальбой этой производитъ онъ тревогу въ обоихъ союзныхъ лагеряхъ и высылаетъ кавалерію для атаки резервныхъ артиллерійскихъ парковъ. Кавалерія наша, отброшенная кавалеріей Англичанъ, въ паническомъ страхѣ скачетъ безъ оглядки на утёкъ, такъ быстро, что преслѣдующіе ее Англичане не могутъ ее догнать. Они остановились только, насквозь проскакавъ нашу армію, у моста и перевязочнаго пункта.

Нѣсколько эскадроновъ легкой кавалеріи Англичанъ, получивъ отъ главнокомандующаго приказъ атаковать войска Липранди, не смотря на несоразмѣрность силъ, исполняютъ въ точности данное имъ приказаніе. Преслѣдуя нашу кавалерію, они по пути на всемъ скаку, въ виду всей арміи, рубятъ артиллерійскую прислугу Донской батареи; затѣмъ, убѣдившись, что дальше моста преслѣдовать Русскихъ невозможно, крупной рысью отступаютъ обратно, но, попавъ подъ

перекрестный артиллерійскій и ружейный огонь полковъ Липранди и Жабокритскаго, несутъ сильнѣйшую потерю убитыми и ранеными.

Липранди почему-то счелъ свое положеніе также критическимъ. Онъ очищаетъ взятые нами редуты, въ безпорядкѣ отступаетъ за Черную рѣчку и оставляетъ поле сраженія во власти нѣсколькихъ эскадроновъ легкой Англійской кавалеріи.

За это дѣло Липранди получилъ шпагу, украшенную алмазами, Семякинъ орденъ св. Георгія 3-й степени, полковники Криднеръ и Нѣмовъ произведены въ генералы. Вотъ что̀ значитъ умѣло составленная Каменскимъ реляція!

Посмотримъ теперь на военную дисциплину въ Русской и въ Англинской арміяхъ.

Липранди, взявшись исполнить атаку на Балаклаву, дѣлаетъ все возможное, чтобъ имѣть оправданіе въ неисполненіи этого порученія; ему содѣйствуютъ подчиненные ему начальники, и дѣйствія ихъ остаются незамѣченными высшимъ начальствомъ, наградившимъ великими наградами лицъ, коихъ слѣдовало карать всею строгостью военнаго закона.

Лордъ Лу̀канъ, получивъ подтвержденное словесно приказаніе главнокомандующаго лорда Раглана атаковать легкой кавалеріей всю силу Липранди, не задумываясь посылаетъ на вѣрную смерть эскадроны своей конницы и гибелью ея заставляетъ Липранди поспѣшно въ безпорядкѣ отступить обратно за Черную рѣчку.

Если бы у лорда Лукана достало болѣе храбрости и смысла, онъ не упустилъ бы случая, ставъ во главѣ наступающихъ, во̀ время остановить ихъ запальчивость, и заслужить отъ отечества памятникъ живымъ и павшимъ, какъ примѣръ для будущаго поколѣнія того, до какой степени настоящее понятіе военной дисциплины укоренилось въ Англійской арміи. Памятникъ этотъ стоялъ бы выше памятника Веллингто̀ну и всѣмъ другимъ.

У насъ же дисциплина соблюдалась, кажется, только до чина полковника; съ производствомъ въ генералы, каждый молодецъ становился на свой образецъ, считалъ себя въ правѣ отклонять или по просту отказываться отъ исполненія приказаній старшаго, не подвергаясь никакой отвѣтственности.

Планъ атаки Балаклавы былъ составленъ геніально княземъ Меншиковымъ. При сколько-нибудь счастливомъ исполненіи, онъ могъ заставить Англичанъ прекратить осаду; но Липранди съумѣлъ нанести оборонѣ Севастополя непоправимый вредъ.

Генералъ Хрущовъ неправильно говоритъ, что Инкерманское сраженіе должно было предшествовать Балаклавскому: при успѣшномъ

исполненіи плана, составленнаго княземъ Меньшиковымъ, десантный флотъ Англичанъ былъ бы сожженъ, паника распространилась бы въ лагеряхъ союзниковъ, осада была бы снята, и флибустьерская высадка оказалась бы неудавшейся.

Первоначальная мысль морскихъ адмираловъ—потопить десантный флотъ въ Евпаторіи могла быть, даже въ подробностяхъ своихъ, осуществлена при рѣшительномъ нападеніи на Балаклаву. Стòитъ только прочесть о морскомъ военномъ совѣтѣ въ сочиненіи Тотлебена (часть 1-я, стр. 205).

Чтобы покушеніе на Балаклаву не возобновлялось, союзники неусыпно стали слѣдить за малѣйшимъ движеніемъ Чоргунскаго отряда (Тотлебенъ, часть 1-я, стр. 617—622). Изъ этого можно заключить, что если бы Липранди, и послѣ неисполненія порученнаго ему дѣла, образумился и попыталъ, хотя и безуспѣшно, но временно отвлечь на себя часть силъ непріятельской арміи, приводившей своимъ безпрерывнымъ бомбардированіемъ въ изнеможеніе малочисленный Севастопольскій гарнизонъ: то онъ этимъ уже оказалъ бы большую услугу общему дѣлу Севастопольской обороны.

Еслибъ Липранди остался на занятой имъ мѣстности, то позиція эта никоимъ образомъ не могла считаться невыгодной. Имѣя съ фронта линію перевооруженныхъ редутовъ, занятыхъ нашими гарнизонами, на правомъ флангѣ сильный отрядъ г. Жабокритскаго на Мекензіевой горѣ, а на лѣвомъ отрядъ г. Гриббе изъ 3 баталіоновъ Днѣпровскаго полка, сводный уланскій полкъ при 10 орудіяхъ, занявшій въ обходъ правый флангъ Англичанъ у дер. Комары́, Липранди долженъ былъ считать себя обезпеченнымъ отъ всякой возможности быть, въ случаѣ потери сраженія, отрѣзаннымъ отъ сообщенія съ главной арміей, ретируясь въ боевомъ порядкѣ на Чоргунскую позицію, удержанную нами даже послѣ оставленія Севастополя.

Интересно сообщеніе г. Хрущова (стр. 35). Во время дѣла генералъ Жабокритскій, не считая себя подчиненнымъ генералу Липранди, не тотчасъ исполнилъ его приказаніе, за что Липранди наговорилъ рѣзкостей генеральнаго штаба подполковнику Залѣсскому, приписывая его вліянію ослушаніе генерала. Чтоже? Читая это сообщеніе, можно видѣть, что нарушеніе военной дисциплины немедля оказываетъ зловредное вліяніе на армію и что г. Жабокритскій, о которомъ я также приведу нѣсколько фактовъ, вполнѣ раздѣлялъ убѣжденія и принципы о святости присяги съ генераломъ Липранди.

Сопоставимъ теперь имена Липранди, Жабокритскаго и Гриббе съ доблестными именами нашихъ адмираловъ Корнилова, Нахимова, Истомина, Новосильскаго и Памфилова, и мысленно поблагодаримъ создателя

Черноморскаго, чисто-русскаго флота, покойнаго адмирала Михаила Петровича Лазарева.

При атакѣ съ бастіоновъ Севастополя мы могли открыть усиленный огонь по непріятельскимъ батареямъ и даже прекратить вылазки, а въ послѣдствіи, получивъ облегченіе, могли бы выслать подкрѣпленіе къ Чоргунскому отряду, еслибъ ежедневно подходящіе полки замедлили своимъ движеніемъ.

Такъ какъ г. Хрущовымъ упомянуто имя г. Жабокритскаго, то и я позволю себѣ упомянуть нѣкоторыя подробности, рисующія эту личность.

У Тотлебена (часть 2, стр. 268) сказано, что въ ночь на 26-е Сентября было назначено 30 пластуновъ казачьяго Черноморскаго баталіона, чтобъ, переправившись у Инкерманскаго спуска на лѣвый берегъ Черной рѣчки, истребить 30 стоговъ сѣна. Вотъ какъ разсказывалъ мнѣ на первомъ отдѣленіи одинъ пластунъ, участвовавшій въ этой экспедиціи.

Намѣтивъ стоги между собою по па̀рамъ, мы проползли къ нимъ сквозь непріятельскіе секреты; но когда зажгли ихъ, то конечно оказались у всѣхъ на виду. Тутъ мы дружно соединились и, опрокидывая штыкомъ всякія препятствія, прорвались сквозь линію секретовъ къ нашему отряду. По провѣркѣ, двоихъ пластуновъ не досчитались, и именно тѣхъ, которые вызвались зажечь самый отдаленный, стоявшій особнякомъ стогъ. На разсвѣтѣ ясно было видно, что что-то необычайное происходитъ въ Англійскомъ лагерѣ: солдаты выстраиваются въ двѣ шеренги, потомъ сержанты, привязавъ руки плѣнныхъ пластуновъ къ ружьямъ, медленно ведутъ ихъ между змѣйкой расположенныхъ рядовъ, по временамъ останавливаются для осмотра; ихъ болѣе чѣмъ неприличный костюмъ возбуждаетъ общій хохотъ Англійскихъ солдатъ. Надо упомянуть, что пластуны, отправляясь на ночныя похожденія, для возможности проползать незамѣченными всегда надѣваютъ сшитый изъ лохмотьевъ костюмъ. Потѣшившись вдоволь, Англійскіе солдаты разошлись и приступили къ завтраку.

На слѣдующее утро съ разсвѣтомъ пластуны явились въ лагерь въ слѣдующей процессіи: четыре пластуна въ Англинскихъ красныхъ мундирахъ вели четырехъ Англичанъ въ пластунскомъ костюмѣ, взятыхъ въ плѣнъ изъ окруженнаго пластунами Англинскаго секрета. Желаніе отплатить Англичанамъ за сдѣланное въ Англинскомъ лагерѣ надругательство надъ плѣнными Русскими мигомъ сообщилось всѣмъ, и солдатики, ставъ точно также какъ дѣлали Англичане, змѣйкой въ два ряда, въ виду Англинскаго лагеря, потѣшались и смѣялись надъ озлобленнымъ выраженіемъ лицъ пойманныхъ бульдоговъ. Веселье ста-

новилось общимъ, какъ вдругъ появился начальникъ отряда г. Жабокритскій, начальническимъ тономъ сдѣлалъ строгій выговоръ всѣмъ присутствовавшимъ офицерамъ, набросился съ крикомъ на пластуновъ, приказалъ впредъ не издѣваться такъ надъ Англичанами и сказалъ, что допущеніе подобныхъ поступковъ позоритъ имя Русскаго и его собственное имя г. Жабокритскаго. Послѣ того остается только просить позволенія у Англинскаго солдата всадить ему въ животъ штыкъ, и понемногу составится у солдатъ вредное понятіе, что они не ровня Англичанамъ и во всемъ должны оказывать имъ почтительное преимущество. Вотъ какъ Польскіе генералы поддерживаютъ военный духъ нашей Русской арміи!

Генерала Жабокритскаго болѣе всего рисуетъ офиціальная реляція о его распоряженіяхъ, наканунѣ штурма нашихъ редутовъ (Тотл. ч. 2-я отд. 1-й, стр. 292—295).

5 (17) Мая г. Хрулевъ былъ отозванъ на Городскую сторону, а на мѣсто его начальникомъ на Корабельной былъ назначенъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Урусовъ, который оставался въ этой должности до 14 Мая, когда замѣненъ былъ начальникомъ 16-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантомъ Жабокритскимъ.

Г. Жабокритскій представилъ 19 (31) Мая проектъ диспозиціи, по которой гарнизоны редутовъ Камчатскаго люнета и всего лѣваго фланга оборонительной линіи были ослаблены до послѣдней крайности.

Предложеніе г. Жабокритскаго было принято въ штабѣ гарнизона и включено въ общую диспозицію, отданную 22 Мая. На ночь оставляемъ былъ въ резервѣ только одинъ баталіонъ.

Изъ этого обзора видно, что гарнизоны всѣхъ укрѣпленій Корабельной стороны были ослаблены до нельзя, и что редуты за Киленъ-балкою были отданы на жертву непріятелю, а вся лѣвая часть оборонительной линіи поставлена почти въ беззащитное оборонительное положеніе.

Между тѣмъ съ оборонительныхъ постовъ замѣченъ былъ сборъ въ непріятельскихъ траншеяхъ, и дезертиры доносили, что союзники намѣрены въ этотъ вечеръ штурмовать редуты и Камчатскій люнетъ. Но вмѣсто того, чтобы принять мѣры для усиленія гарнизоновъ этихъ укрѣпленій, г. Жабокритскій рапортовался больнымъ и уѣхалъ на Сѣверную сторону.

Назначенный снова начальникомъ войскъ на Корабельной сторонѣ г. Хрулевъ нашелъ необходимымъ усилить гарнизоны на всѣхъ передовыхъ укрѣпленіяхъ, оставленныхъ почти безъ войскъ. Но едва успѣлъ онъ измѣнить ночной нарядъ войскамъ, какъ непріятель, около $6^1/_2$ часовъ вечера, произвелъ штурмъ на редуты за Киленъ-балкою и

на Камчатскій редутъ, а вскорѣ затѣмъ атаковалъ и контръ-апроши впереди 3-го бастіона.

IX.

Тотлебенъ и инженеры при оборонѣ Севастополя.

Крѣпостная война не въ духѣ Русскаго народа. Онъ выражалъ ее названіемъ отсиживанія и прибѣгалъ къ этому только въ крайнихъ случаяхъ, когда уже всѣ другія средства истощены. Причину этому можно приписать только тому, что Россія никогда не желала завоевать силой оружія, а присоединяла къ себѣ народы по ходу обстоятельствъ, или по собственному ихъ настоянію и просьбѣ, давая имъ вмѣстѣ съ присоединеніемъ и свое наименованіе Россіи, такъ что съ вѣками имя Россіи изображало собой коллективное соединеніе всѣхъ единомыслящихъ съ ея кореннымъ населеніемъ народовъ.

Не имѣя внутреннихъ враговъ, для огражденія своихъ границъ отъ внѣшнихъ, Россія прибѣгала къ свойственному Славянскому духу народному ополченію и всегда грудью отражала и подъ конецъ оставалась побѣдительницей. Одинъ только присоединенный единоплеменный городъ Смоленскъ имѣлъ подобіе крѣпостной обороны, и вслѣдствіе этого подвергался частнымъ осадамъ и нѣсколько разъ переходилъ подъ власть Польши. Постоянныя смуты и безпокойства, причиняемыя Россіи Польшей, заставили Россію согласиться на раздѣлъ ея. При этомъ раздѣлѣ Россія сначала оставила за собой только искони принадлежавшія ей земли съ православнымъ исповѣданіемъ. Необузданность своевольной шляхты, мечтавшей о покореніи своей власти своихъ избавителей, измѣнила направленіе и ходъ событій: Россія была вынуждена во избѣжаніе повторенія этихъ бунтовъ присоединить къ себѣ еще Польскіе края и для водворенія спокойствія построить въ Варшавѣ, Кіевѣ и другихъ мѣстахъ великолѣпныя крѣпости. Но эти крѣпости вселяли своею громадностью болѣе страха населенію, чѣмъ могли противуставить успѣшный отпоръ регулярной военной арміи.

Сооруженіе батарей въ приморскихъ портахъ не требовало большихъ фортификаціонныхъ познаній, и вотъ почему наука укрѣпленій мѣстности къ началу Крымской кампаніи находилась у насъ почти въ младенчествѣ.

Мнѣ неизвѣстна служебная карьера генерала Шильдера; но несомнѣнно, что изъ среды инженеровъ онъ выдавался глубокими познаніями по части осады и обороны крѣпостей. Чтобы съ успѣхомъ примѣнять теорію на практикѣ, надо кромѣ свѣдѣній обладать и безотвѣтною храбростію, слѣдить лично и усвоивать себѣ смыслъ каж-

дой предпринятой непріятелемъ работы. Всѣмъ этимъ условіямъ соотвѣтствовала личность генерала Шильдера.

Но неужели этотъ Нѣмецкій генералъ на Русской службѣ не счелъ возможнымъ окружить себя способными Русскими людьми, передать имъ свои добытыя опытомъ познанія и сдѣлаться основателемъ въ Россіи инженернаго искусства, какъ сдѣлалъ въ Черноморскомъ флотѣ адмиралъ Лазаревъ? Нѣтъ, онъ приблизилъ къ себѣ Тотлебена, Тидебеля и Ахбауера, какъ будто ни одинъ природный Русскій не былъ способенъ воспринять его знаніе и впослѣдствіи вести въ своемъ отечествѣ эту науку впередъ.

Какъ сказано было выше, чтобы быть хорошимъ военнымъ инженеромъ, нужно быть безотчетно храбрымъ, когда при усиленномъ огнѣ, высовываясь поверхъ бруствера, чтобы точнѣе усвоить себѣ намѣреніе непріятеля, изучаешь предпринимаемыя имъ работы. Въ этомъ отношеніи всѣ три послѣдователя Шильдера вполнѣ были имъ подготовлены; всѣ они были безотчетной храбрости и съ добросовѣстностью исполняли свой долгъ службы. Старшій изъ нихъ подполковникъ Тотлебенъ, по отступленіи нашихъ войскъ, осаждавшихъ Силистрію, находясь не у дѣлъ, былъ посланъ княземъ М. Д. Горчаковымъ къ князю Меншикову и былъ задержанъ въ Севастополѣ Корниловымъ, какъ спеціалистъ по инженерной части. Высадка союзниковъ застала его уже въ Севастополѣ.

По отступленіи нашемъ послѣ проиграннаго нами авангарднаго дѣла при Альмѣ, неутомимая дѣятельность Тотлебена поражала насъ всѣхъ, и отъ всѣхъ морскихъ ему воздаваема была заслуженная имъ дань уваженія. Онъ безотлучно находился на сооружавшихся батареяхъ, успѣвалъ всѣмъ пояснять техническую спеціальность, направленіе директрисъ *), размѣры брустверовъ и проч. Его распоряженія исполнялись быстро и охотно, такъ какъ всѣмъ намъ было извѣстно, что они дѣлались съ вѣдома нашего же морскаго начальника Корнилова, и оправдывалась на дѣлѣ Французская пословица: c'est l'union qui fait la force. Батареи наши росли не по днямъ, а по часамъ.

Морскія сраженія рѣшаются быстро и окончательно; отъ этого всѣ служащіе, кромѣ командира, находятся въ понятномъ возбужденіи, чтобъ въ одинъ моментъ исполнить на лету схваченное и понятое приказаніе. Насъ поражала спокойная распорядительность Тотлебена во время 1-го бомбардированія союзниками Севастополя. Опишу случай, бывшій со мною. Послѣ поразившей всѣхъ насъ вѣсти, что Кор-

*) Директрисою въ инженерномъ искусствѣ называется направленіе летящаго снаряда для обстрѣливанія намѣченнаго мѣста. П. Б.

ниловъ убитъ, я лично потерялъ всякую надежду на благополучный исходъ дѣла. На третій день непріятель, узнавъ отъ перебѣжавшихъ наканунѣ двухъ шпіоновъ въ матросской формѣ, что пороховой погребъ помѣщенъ въ подвальномъ этажѣ оборонительной казармы, сосредоточилъ огонь противъ нижней части стѣны съ намѣреніемъ пробить брешь и произвесть взрывъ погреба. Поврежденіе было уже значительныхъ размѣровъ, когда пришелъ на 5-й бастіонъ Тотлебенъ. Поясняя ему поврежденіе стѣны, я въ тоже время спрашивалъ его, какія слѣдуетъ предпринимать мѣры для предупрежденія несчастія. Въ разговорѣ мы подошли къ самому пролому, чтобъ осмотрѣть его, и въ то время какъ я превратился весь въ слухъ, какой-то громадный снарядъ пронесся между нами и почти совсѣмъ впился въ рыхлую, песочнаго камня, стѣну. Отъ неожиданности я вздрогнулъ и невольно кивнулъ головою, но тотчасъ выпрямившись взглянулъ испытующимъ взглядомъ на Тотлебена, въ ожиданіи встрѣтить на лицѣ его насмѣшливое выраженіе, или даже презрительную улыбку; но лицо его ничего подобнаго не выражало, только лѣвая щека производила нервное подергиваніе. Между нами было не болѣе двухъ шаговъ разстоянія. Я оцѣнилъ въ душѣ превосходство его самообладанія и простоту, съ которой оно выказалось, и рука моя готова была подняться, чтобъ вмѣстѣ съ пожатіемъ выразить мои чувства; но ложный стыдъ и боязнь показаться ему смѣшнымъ остановили мое намѣреніе.

Послѣ того какъ палъ на Малаховомъ курганѣ Корниловъ, Тотлебенъ естественно становился самостоятельнымъ «главою по инженерной оборонѣ», а потому и всѣ требованія его должны были быть удовлетворены и исполнены какъ морскимъ, сухопутнымъ, такъ и артиллерійскимъ вѣдомствомъ. Къ чести его надо упомянуть, что во все время осады, до полученія раны, онъ не переставалъ съ тою же энергіей и добросовѣстностью относиться къ своимъ обязанностямъ, какъ и въ первый день, ежедневно обходя бастіоны, при какомъ бы ни было огнѣ, все также осматривая въ бинокль непріятельскія траншеи и батареи, съ полнымъ презрѣніемъ къ свисту пуль и никому не поручая осматривать то, чтò доступно было видѣть ему самому.

Несомнѣнно, что Тотлебенъ посвятилъ всего себя оборонѣ Севастополя. Подполковникъ-саперъ, хотя и въ генеральскомъ мундирѣ, конечно не могъ замѣнить вполнѣ Корнилова; но виноватъ ли онъ, что въ Россіи не оказалось никого, кѣмъ бы можно было вполнѣ замѣнить его? Нельзя требовать отъ человѣка дѣяній сверхъ его силъ, способностей и опытности. Потеря Корнилова, который совокуплялъ въ себѣ взаимодѣйствіе всѣхъ отраслей обороны, инженерной морской,

сухопутной и артилерійской; была потерею незамѣнимой, вслѣдствіе чего и система обороны все болѣе и болѣе принимала видъ односторонности, и при всемъ желаніи всѣхъ и каждаго дѣйствовать единодушно и сообща, дѣйствія эти все болѣе и болѣе принимали видъ порывистости, и чувствовалось всѣми, что нѣтъ болѣе руководителя, который твердой рукой держалъ бы бразды власти и умѣло направлялъ и опредѣлялъ систему обороны.

Какъ предъ высадкой союзниковъ въ Евпаторіи составленъ былъ моряками планъ, въ какихъ мѣстахъ удобнѣе избрать позицію для отраженія непріятельскаго натиска, такъ и при совершенно-измѣнившихся условіяхъ, составленъ былъ ими другой планъ, который (я не утверждаю положительно, но предполагаю) былъ также сообщенъ и Тотлебену. Этотъ планъ слѣдующій:

1. Наставить сколько возможно болѣе батарей, чтобъ замедлить штурмъ непріятеля до прибытія подкрѣпленія нашихъ сухопутныхъ войскъ изъ Симферополя, такъ какъ, при отступленіи князя Меншикова въ Бахчисарай, численность гарнизона была слишкомъ ничтожна для оказанія успѣшнаго сопротивленія.

2. Если удастся заставить непріятеля вести правильную осаду, то, отразивъ первый натискъ, немедленно озаботиться приведеніемъ въ настоящее оборонительное состояніе Корабельной стороны, въ особенности Малахова кургана и 3-го бастіона; при этомъ стараться удержать за собой еще незанятую непріятелемъ половину прилегающей къ рейду Сапунъ-горы, въ обезпеченіе за нами саперной дороги. Чтобы замаскировать наше намѣреніе, дѣятельно продолжать сопротивленіе по городскимъ укрѣпленіямъ и, при открытіи 2-й бомбардировки, послѣ перваго же дня, взорвавъ бастіоны, перейти по пересыпи на Корабельную, для занятія господствующей позиціи надъ Городскою частью.

3. Въ случаѣ потери и этой позиціи, ретироваться чрезъ Инкерманскую долину на Сѣверную, а для того всѣ орудія съ приморскихъ батарей Южной стороны, незамѣтно для непріятеля, своевременно перевезти на Сѣверную, для устройства тамъ батарей, которыя бы обстрѣливали входъ съ моря на рейдъ.

Отъ выполненія этого плана моряковъ были бы слѣдующія выгоды:

1. Очищеніе городской части имѣло бы видъ скорѣе перемѣны невыгодной позиціи на болѣе выгодную, чѣмъ на уступку непріятелю вслѣдствіе его превосходства въ силахъ.

2. Отступленіемъ на Корабельную всѣ предпринятыя непріятелемъ осадныя работы, за непригодностью, должны были быть очищены, и осада вновь предпринята противъ уже Корабельной стороны.

3. Съ уменьшеніемъ обороняемаго пространства, потребно было и меньше сухопутныхъ войскъ гарнизона. Освободившіяся войска усилили бы нашу армію для дѣйствія въ полѣ.

4. Укрѣпивъ взаимно обстрѣливающими редутами половину незанятой непріятелемъ Сапунъ-горы, мы выполняли цѣль предпринятаго и проиграннаго нами Инкерманскаго сраженія и этимъ переносили осаду къ сторонѣ Сапунъ-горы, по близости къ рейду и Южной бухтѣ, удерживали за собой сообщеніе съ Инкерманомъ, по выстроенной кн. Меншиковымъ саперной дорогѣ, и пріобрѣтали огромный плацъ-дармъ, для скрытія большаго резерва, на покатости горы къ бухтѣ.

5. Оборона приняла бы видъ ломаной линіи, имѣющей исходящимъ угломъ 3-й бастіонъ. Редуты представляли бы собой первую оборонительную линію и непріятелю, въ случаѣ паденія ихъ, открывали бы только нашу другую оборонительную линію, простиравшуюся отъ 3-го бастіона на Малаховъ курганъ, на 2-й и 1-й бастіоны. Гарнизоны редутовъ и резервъ могли бы ретироваться на Корабельную или по саперной дорогѣ въ Инкерманъ.

6. Пока Корабельная сторона въ нашей власти, и большой рейдъ, и Южная бухта оставались бы недоступны непріятельскому флоту.

7. Отступленіе наше на Сѣверную сторону создавало третью и послѣднюю эпоху обороны Севастопольскаго порта.

Выполняя всѣ эти работы въ продолженіе зимы, пока непріятель былъ занятъ укрѣпленіемъ своихъ сухопутныхъ позицій послѣ Балаклавскаго и Инкерманскаго сраженій и не получилъ еще значительныхъ подкрѣпленій, мы могли управиться безъ малѣйшей потери въ людяхъ. (Тотлеб. 2 часть, 2 отд., стр. 257).

Французы, испытавъ полное фіаско въ разсчетѣ своемъ на дѣйствительность бомбардированія союзнымъ флотомъ приморскихъ батарей Севастополя и не смотря на сравнительно выгодную позицію своихъ батарей на Рудольфовой горѣ, на превосходство дѣйствія своей артиллеріи противъ равныхъ числомъ орудій обороняющихся, вынужденные остановить приготовленныя для штурма 6-го бастіона войска, рѣшились сразу отбросить свой первоначально принятый планъ и обратить всю настойчивость осадныхъ работъ противъ 4-го бастіона.

Причина избранія этого пункта была не оттого, чтобъ они признавали этотъ пунктъ, какъ главный пунктъ къ атакѣ, но изъ чувства шовинизма, чтобы, штурмуя черезъ Пересыпь, завладѣть Севасто-

полемъ, можно сказать, подъ носомъ у Англичанъ и faire les honneurs de leur réception, какъ хозяева города, принимающаго посѣтителя-гостя. Французы всегда были побѣждаемы Англичанами на морѣ, и весьма естественно, что они желали показать свое превосходство на сухомъ пути.

По прибытіи генерала Ніеля (генералъ-адъютанта императора Наполеона III) въ Крымъ, первымъ дѣломъ этого генерала было убѣдить союзныхъ главнокомандующихъ въ необходимости атаковать Малаховъ курганъ. По мнѣнію этого генерала, паденіе 4-го и 5-го бастіоновъ не могло повлечь паденіе всего Севастополя, потому что обороняющійся сохранялъ бы за собою командующія позиціи въ городѣ и на Корабельной сторонѣ. Ніель утверждалъ, что Малаховъ курганъ есть истинный пунктъ атаки Севастополя, что онъ господствуетъ надъ всею Корабельною стороною, что съ него можно поражать въ тылъ части ограды, лежащія вправо и влѣво, въ томъ числѣ и 3-й бастіонъ, что со взятіемъ этого укрѣпленія должна была пасть вся Корабельная сторона, что это позволило бы союзникамъ дѣйствовать близкими выстрѣлами противъ Русскаго флота и отрѣзать сообщенія обороняющагося черезъ Большую бухту, послѣ чего паденіе города сдѣлалось бы неизбѣжно.

Предлагая новую атаку, генералъ Ніель считалъ полезнымъ продолжать и прежнія атаки, такъ какъ чрезъ это союзники могли раздѣлить силы и средства обороняющагося, тѣмъ болѣе, что потери гарнизона несравненно превышали потери Французовъ. Онъ не считалъ неудобствомъ, что такое громадное развитіе осадныхъ работъ требовало большихъ трудовъ отъ войскъ и громадной матеріальной части; онъ имѣлъ въ виду ожидавшіяся подкрѣпленія изъ Франціи.

Опираясь на свои близкія отношенія къ императору, Ніель успѣлъ склонить союзныхъ главнокомандующихъ въ пользу своего предложенія.

На военномъ совѣтѣ они рѣшили открыть противъ Малахова кургана осадныя работы, съ цѣлью атаковать это укрѣпленіе одновременно съ атакою Городской стороны; но вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено, что въ томъ случаѣ, если бы послѣ новаго общаго огня атака городскихъ укрѣпленій сдѣлала бы большіе успѣхи, то для штурма этихъ укрѣпленій союзники не должны были ожидать приближенія подступовъ къ Малахову кургану.

Мнѣніе Ніеля было поддержано вполнѣ начальникомъ инженеровъ Англійской арміи генераломъ Бургоеномъ. Вслѣдствіе этого постройка сильныхъ батарей, а также заложеніе параллели были возложены на Французскія войска.

Война осадныхъ и оборонительныхъ работъ на 4-мъ бастіонѣ принимала все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ, воздвигались сильныя брешъ-батареи наступающихъ и оборонительные редуты осажденныхъ. Настойчивость атаки убѣдила Тотлебена, что 4-й бастіонъ и есть главный пунктъ обороны и что его необходимо отстаивать во что бы то ни стало, а то погибель Севастополя неизбѣжна. Генералъ Хрущовъ на стр. 86-й описываетъ: «Я сказалъ графу Сакену, что считаю своей обязанностью, какъ старый саперъ, передать ему мое убѣжденіе на счетъ предпринятыхъ работъ. На мои доводы о ложности системы нашихъ контръ-апрошныхъ работъ Сакенъ не могъ возражать; но Тотлебенъ сильно доказывалъ необходимость этой мѣры и въ заключеніе выразился, что если для удержанія мѣстности передъ редутомъ Шварца мало одной дивизіи, то надо пожертвовать двумя; что если непріятель займетъ эту мѣстность, 4-й бастіонъ пропадетъ. Изъ-за этого ложнаго убѣжденія Тотлебена, сосредоточившаго все вниманіе на отстаиваніи этой позиціи, возгорѣлось подобіе шахматной жестокой войны, въ которой вмѣсто пѣшекъ фигурировали живые люди, а вмѣсто слоновъ громадныя пушки. Погибель носилась надъ 4-мъ бастіономъ, а кровь обильно упитала всю окружающую его мѣстность; понадобилось вводить минную оборону, контръ-апроши и новаторство ложементовъ. Слѣдствіемъ всего этого ежедневная убыль убитыми и ранеными быстро возрастала; а между тѣмъ, еслибъ во время были поставлены обороняющіе Корабельную сторону редуты на Сапунъ-горѣ, то оставленіе Городской стороны было бы мѣрой желательной, и перемѣна позиціи ставила бы насъ въ одинаковыя съ непріятелемъ выгодныя условія въ отношеніи къ мѣстности.

Послѣ перваго бомбардированія и послѣ невыполненія генераломъ Липранди движенія войскъ на Балаклаву, а также и проиграннаго нами сраженія, послѣ атаки Сапунъ-горы подъ командой генерала Данненберга, союзники, продолжая натискъ осадныхъ работъ противъ 4-го бастіона, предприняли въ тоже время энергичныя работы противъ Корабельной стороны; съ нашей же стороны никакой противъ этихъ новыхъ работъ охранительной мѣры не предпринималось, такъ что к.-адмиралъ Истоминъ, видя, что планъ обороны измѣненъ противъ первоначальнаго вида, не имѣя достаточнаго вліянія и силы настойчивостію поддержать его, предчувствуя гибельныя послѣдствія этой перемѣны, неоднократно посылалъ съ 4-го отдѣленія оборонительной линіи малые отряды охотниковъ (Тотлеб. часть 1-я, стр. 497), которымъ удавалось иногда прорваться сквозь Англійскіе аванпосты и осмотрѣть эти работы.

Я слышалъ отъ самого Тотлебена, что первая мысль о ложементахъ зародилась у него, когда осаждаемая нашими войсками крѣпость Акъ-мечеть, за неимѣніемъ пушекъ, безнаказанно подвергавшаяся огню нашей артиллеріи, высылала храбрецовъ изъ Туркменъ, которые до зари выходили изъ крѣпости, залегали въ вырытыхъ ими ямкахъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла и наносили немалый вредъ осаждающимъ, выбирая себѣ для цѣли преимущественно офицеровъ.

Дѣйствіе Туркменъ было логично: разбросанные по разнымъ мѣстамъ стрѣлки ихъ, прикрытые въ ямкахъ, не привлекали на себя ни артиллерійскаго, ни даже ружейнаго огня и, причиняя вредъ врагу, сами оставались невредимыми, слѣдовательно система эта была полезна для обороняющагося.

Посмотримъ, какъ практически привелъ въ исполненіе эту мысль генералъ Тотлебенъ. (Оборона Севастополя, часть 1-я, стр. 519—524).

Выдвинувъ въ шахматномъ порядкѣ двойной рядъ ложементовъ на 100 сажень впередъ оборонительной линіи для прикрытія стрѣлковъ, рабочіе солдаты при постройкѣ ихъ приносили боченки, ставили ихъ въ два ряда, наполняли ихъ за неимѣніемъ земли каменнымъ щебнемъ. Потомъ, когда валъ поднимался до трехъ футовъ и толщиною до 4 футовъ, высылалось въ ложементъ въ 30 шаговъ длины по 20 человѣкъ стрѣлковъ, которые и должны были оставаться тамъ до наступленіи ночи, не имѣя ни съ кѣмъ сообщенія.

Значитъ, показавъ ложементомъ непріятелю мѣсто, гдѣ скрываются стрѣлки, мы навлекали на нихъ не только ружейный, но артеллерійскій и навѣсный огонь, а для обороны ихъ имѣли одни гладкоствольныя ружья, подобіе ни отъ чего не защищающаго валика, съ нравственной пыткой слышать стонъ раненыхъ и умирающихъ товарищей, безо всякой возможности подать имъ до наступленія ночи какую либо помощь, такъ какъ сообщеніе съ бастіономъ прервано.

Французы сначала были изумлены этой новизной; но потомъ, поразмысливъ, нашли это для себя выгоднымъ. Хотя огонь изъ ложементовъ нѣсколько и безпокоилъ ихъ, но они умѣряли слишкомъ оживленную перестрѣлку дѣйствіемъ орудійнаго или навѣснаго огня (Тотлеб., часть 2-я, отд. 2-й, стр. 325—326) и продолжали свои осадныя работы въ разсчетѣ, что, подойдя на линію ложементовъ, они всегда могутъ завладѣть ими и, обративъ въ свою пользу, вознаградить сдѣланную потерю въ людяхъ сохранностью ихъ на близкомъ отъ крѣпости разстояніи. Кромѣ того, производя по ночамъ фальшивыя тревоги и нападенія, они имѣли средство изнурять гарнизонъ, заставляя выводить внѣ линіи обороны одинъ, два, даже нѣсколько баталіоновъ подъ сильный ружейный огонь изъ траншей, такъ какъ об-

стрѣливаніе изъ бастіона картечью не всегда заставляло непріятеля покидать захваченные имъ ложементы.

Ложементы могутъ приносить пользу въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ при постройкѣ редута въ виду непріятеля и то временно, пока редутъ окончательно не укрѣпленъ; возводить же систему ложементовъ всюду впереди бастіоновъ, это не выдерживаетъ критики и нравственно даже преступно. Кромѣ обычной гибели людей при оборонѣ бастіоновъ и батарей, затѣя ложементной войны стоила намъ дороже, чѣмъ понесенныя потери въ людяхъ, во всѣхъ данныхъ и проигранныхъ нами сраженіяхъ, подъ Альмой, Балаклавой, въ Инкерманскомъ сраженіи и при атакѣ Ѳедюхиныхъ высотъ. Но правда, и то что изо всѣхъ сухопутныхъ генераловъ одинъ только Тотлебенъ имѣлъ нѣкоторое право затѣять такую бойню, такъ какъ онъ въ продолженіи всей долговременной осады до полученія раны самъ ежедневно подвергался такой же, если не большей опасности, чѣмъ любой стрѣлокъ въ ложементахъ.

Тотлебену пришлось быть одновременно и распорядителемъ и исполнителемъ такой сложной обороны, принявшей гигантскіе размѣры крѣпостной войны, что̀ неминуемо должно было повлечь къ несвоевременному принятію мѣръ, а также часто къ непоправимымъ ошибкамъ. Въ подтвержденіе этой истины мы видимъ, что, послѣ потерянной Инкерманской битвы, Тотлебенъ не воспользовался бездѣйствіемъ союзниковъ въ зимнее время для приведенія въ исполненіе заранѣе задуманнаго плана создать передовую линію укрѣпленныхъ редутовъ на Сапунъ-горѣ, а отвлекся воздвиженіемъ редутовъ на первой же линіи городскихъ укрѣпленій (даже на улицахъ строились имъ баррикады). Потерявъ подъ собой почву разумной обороны, Тотлебенъ по необходимости увеличивалъ стратегическое значеніе 4-го бастіона (Тотл. 2-я часть, отдѣлъ 1-й, стр. 168—169) и принужденъ былъ, вслѣдствіе безвыходнаго положенія Малахова кургана, предпринять, увы! слишкомъ позднюю постройку редутовъ подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля. Вскорѣ послѣ закладки Камчатскаго редута, кровопролитіе въ этой мѣстности Корабельной стороны далеко превзошло бойню на 4-мъ бастіонѣ; редуты, вынесенные въ далекое отъ бастіоновъ разстояніе, безъ всякихъ съ ними прикрытыхъ сообщеній, штурмовались, отбивались нами, пока окончательно вмѣстѣ съ Камчатскимъ люнетомъ не перешли во власть непріятеля. Съ паденіемъ редутовъ рѣшено было и паденіе Малахова кургана и 3-го бастіона, не взятаго Англичанами по малочисленности употребленныхъ для штурма войскъ и по отсутствію горжи.

Подобная же ошибка была сдѣлана Тотлебеномъ и на нашемъ правомъ флангѣ городской обороны. Послѣ первой бомбардировки, начальникъ отдѣленія Заринъ и мы всѣ морскіе предлагали соединить 6-й бастіонъ съ Карантинной бухтой посредствомъ оборонительной траншеи, чрезъ что линія обороны сокращалась приблизительно на двѣ версты, и вмѣстѣ служила бы тыльною обороной для бастіоновъ №№ 7, 8, 9, 10. Сначала Тотлебенъ говорилъ, что онъ занятъ болѣе неотложными работами, а потомъ, когда принялъ начальническій тонъ, то напоминанія оставлялъ просто безъ отвѣта, хотя работы эти, предпринятыя своевременно, могли быть исполнены безъ всякой съ нашей стороны потери въ людяхъ. Необходимость заложить и удержать за собою эту траншею заставила насъ сдѣлать громадную съ 10 на 11 Мая вылазку подъ начальствомъ г. Хрулева, стоившую намъ потери 2,646 человѣкъ (Тотлеб., часть 2-я, отд. 2-й, стр. 218—227). Главнокомандующій, по полученіи этихъ свѣдѣній, предвидя что возобновится атака оставшейся въ нашей власти траншеи, приказалъ: если на слѣдующую ночь будетъ замѣчено наступленіе непріятеля въ большихъ силахъ, такъ что назначеннымъ для охраны двумъ баталіонамъ будетъ трудно задержать его, то отступать, а подкрѣпленій изъ-за черты укрѣпленій не выводить. Траншея осталась во власти союзниковъ.

Польза служебной дѣятельности графа Тотлебена соотвѣтствовала производству его въ слѣдующіе чины.

Подполковникъ Тотлебенъ. Я имѣлъ къ этому офицеру полное уваженіе, чтилъ его храбрость, его спеціальное знаніе по инженерной части, его неутомимую энергію и стремленіе къ добросовѣстному исполненію служебнаго долга.

Полковникъ Тотлебенъ. Всѣ вышепоименованныя погрѣшности и ошибки оправдывались несовмѣстимостію въ одномъ и томъ же лицѣ обязанностей руководителя работъ по оборонѣ и въ тоже время исполнителя ихъ. Для высокаго званія руководителя обороны требуется подготовка разнообразнаго и разнороднаго знанія, а онъ былъ только спеціалистъ по инженерному дѣлу.

Генералъ Тотлебенъ. Въ такой короткій промежутокъ времени шести мѣсяцевъ, нельзя пріобрѣсти многаго, и въ генеральскомъ мундирѣ Тотлебенъ оставался тѣмъ же подполковникомъ Тотлебеномъ, но обуреваемый чувствомъ самомнѣнія, жаждой славы, нравственно, какъ человѣкъ, стоялъ уже гораздо ниже. Изъ желанія прослыть новаторомъ въ наукѣ обороны крѣпостей, созиданіемъ въ виду непріятеля земляныхъ укрѣпленій, несокрушимости ихъ при постоянномъ исправленіи аварій подъ непріятельскимъ артиллерійскимъ огнемъ, онъ напалъ на

безчеловѣчную идею подставлять вмѣсто окоповъ живую солдатскую грудь, не принося этой жертвой существенной пользы дѣлу.

При описаніи заложенія редутовъ Селенгинскаго, Волынскаго и Камчатскаго люнета, часто встрѣчающееся выраженіе, что мы предупредили непріятеля должно быть замѣнено выраженіемъ, что мы слишкомъ запоздали исполнить во̀ время обдуманный заранѣе планъ обороны.

Прописныя истины въ наукѣ фортификаціи могутъ служить лишь для руководства учащимся, но не какъ неизмѣнный принципъ въ живомъ дѣлѣ войны, гдѣ условія въ продолженіи менѣе одного часа могутъ потребовать совершенно противоположныхъ мѣръ. Еслибъ Тотлебенъ не лежалъ раненый въ Бельбекѣ, то конечно горжа на Малаховомъ курганѣ была бы расширена; но при успокоительныхъ донесеніяхъ оставленныхъ имъ для производства работъ инженеровъ «что все обстоитъ благополучно», онъ не могъ знать, что наружный ровъ засыпанъ, что непріятельскія траншеи подошли къ нему на 15 саженъ, а взрывами воронокъ подошли на 8—10 (Тотл., часть 2-я, отд. 2, стр. 183), а слѣдовательно не представляется никакихъ причинъ штурмовать курганъ съ тыла, когда нѣтъ препятствій брать его съ болѣе безопасной стороны, т. е. съ фронта. Горжа представляла неодолимое препятствіе для атаки съ нашей стороны подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ завладѣвшихъ ею Французовъ.

Нѣсколько позднѣйшихъ словъ о графѣ Тотлебенѣ.

Въ бытность свою въ Ялтѣ, по окончаніи послѣдней Турецкой войны, покойный Государь Александръ Николаевичъ пожелалъ видѣть артиллерійскія приспособленія маневрирующей подъ парами поповки, названной такъ по имени изобрѣтателя и строителя адмирала А. А. Попова. Утромъ состоящій въ распоряженіи двора пароходъ Руск. Общ. «Ольга» снялся въ Севастополѣ; при Государѣ была многочисленная свита, такъ что нѣкоторые предпочли сдѣлать переходъ на очередномъ пассажирскомъ пароходѣ. Когда я съ пріятелемъ моимъ барономъ Врангелемъ переѣхалъ на пароходъ, то число пассажировъ, и безъ того значительное, переполнилось сверхъ комплекта. Передъ самымъ снятіемъ прибыли еще генер.-адъютантъ * и графъ Тотлебенъ, который, завидя въ числѣ пассажировъ двухъ Прусскихъ офицеровъ, съ любезностью подошелъ, желая съ ними познакомиться, но чрезъ минуту сбѣжалъ въ каюту и вышелъ на палубу съ Прусскимъ орденомъ pour le mérite на шеѣ. Такая предупредительность и вниманіе со стороны бывшаго главнаго дѣятеля нашихъ войскъ

на Балканскомъ полуостровѣ и развязность въ разговорѣ съ двумя Прусскими лейтенантами (которые, впрочемъ, держали себя сдержанно и съ большимъ тактомъ) невольно задавали всѣмъ вопросъ: такъ ли бы разговаривали Мольтке или Вальдерзее съ незнакомымъ имъ поручикомъ нашей арміи? Недовольство безтактностью Тотлебена сознавалось всѣми.

Вскорѣ звонокъ призвалъ къ завтраку, всѣ сошли внизъ. Не желая показывать видъ, что выбираемъ мѣста, мы съ Врангелемъ условились повременить нѣсколько минутъ и сойти внизъ, когда начнутъ подавать блюда, и занять свободно оставшіяся мѣста. Два мѣста оказались дѣйствительно свободными, но именно за главнымъ столомъ, за которымъ, ближе къ борту, на диванѣ сидѣли графъ Тотлебенъ и генер.-адъют. *., а противъ нихъ помѣщались оба Прусскіе офицера. Врангель вѣроломно захватилъ мѣсто дальше, такъ что мнѣ по неволѣ пришлось сѣсть рядомъ съ однимъ изъ нихъ. Подходя къ своему мѣсту, я долгомъ счелъ сдѣлать поклонъ Тотлебену; но онъ, взглянувъ на меня, такъ былъ увлеченъ живостью разговора, что я принужденъ былъ зачесть его взглядъ за отвѣтъ на поклонъ. Но тутъ г.-а. * не выдержалъ и перебилъ громко разговоръ бесѣдующихъ вопросомъ къ Тотлебену: «развѣ вы не знакомы съ капитаномъ Ильинскимъ?»—«Какъ же, какъ же», отвѣчалъ онъ, кивая мнѣ головою, но тотчасъ продолжалъ начатый разговоръ. Къ несчастію, я воспитывался въ Дерптѣ, хорошо понимаю понѣмецки и сдѣлался невольнымъ слушателемъ бесѣды. Тотлебенъ глумился надъ системой укрѣпленій Вобана и высказывалъ непримѣнимость ея даже къ современной ему эпохѣ. Затѣмъ разговоръ перешелъ на то, какъ онъ въ Парижѣ представлялся Наполеону III и на обратномъ пути посѣтилъ крѣпость Мецъ. Тутъ по разсказу его съ нимъ приключилась неожиданная непріятность. Осматривая крѣпость, онъ зашелъ и въ офицерскій классъ во время лекціи профессора. Знакомя слушающихъ съ секретными и тайными мѣрами обороны крѣпости, профессоръ, чтобъ показать довѣріе Французской націи къ посѣтителю, обратился къ нему со словами: Notez vous cela, général. Слова эти показались обидными Тотлебену и когда повторились въ другой и третій разъ, то онъ всталъ и внушительно произнесъ: Si vous défendez la fortresse de cette manière, elle sera prise, и вышелъ, не дожидаясь отвѣта. Мнѣ, признаться сказать, весь этотъ разсказъ показался сомнительнымъ: Французы вообще находчивы на возраженія и очень щекотливы, получая оскорбленія; не можетъ быть, чтобы Тотлебену никто не возразилъ равносильной невѣжливостью.

Завтракъ приближался къ концу, и я сознавалъ, что затмѣвалась во мнѣ память о сидящемъ противъ меня защитникѣ Севастополя;

также понемногу исчезала и личность главнаго руководителя нашихъ военныхъ силъ на Балканскомъ полуостровѣ: оставался въ дѣйствительности одинъ только графъ Тотлебенъ *второй*.

Изъ этого примѣра можно вывесть заключеніе, что, какъ бы воронъ ни взлетѣлъ высоко надъ соколами, но онъ только тогда почувствуетъ себя вполнѣ привольно, когда спустится въ ту среду, изъ которой вылетѣлъ.

X.

Инкерманское сраженіе.

Чтó имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ.

Главный стратегическій пунктъ обороны Севастополя и рейда былъ безъ выстрѣла уступленъ княземъ Меншиковымъ союзникамъ изъ-за желанія совершить знаменитое фланговое движеніе на Бакчисарай. Послѣ несостоявшейся попытки производить въ то время, какъ непріятель занятъ осадой Севастополя, осаду съ нашей стороны Балаклавы, князь Меншиковъ обратилъ все вниманіе и силы на отнятіе позиціи у Англійскаго лагеря, утвердившагося на Сапунъ-горѣ. Составленіе плана атаки было сдѣлано самимъ княземъ Меншиковымъ, такъ какъ никто въ Севастополѣ не зналъ лучше его пересѣченную глубокими, скалистыми оврагами мѣстность этой горы. Обладая этимъ исключительнымъ знаніемъ и благодаря ежедневнымъ верховымъ экскурсіямъ по разнымъ направленіямъ Севастополя, онъ одинъ могъ, при своемъ природномъ обширномъ умѣ, выработать такіе образцовые по осмысленности планы, какъ Балаклавскій, и другой, еще болѣе совершенный—планъ атаки Сапунъ-горы. Даже и при дурномъ исполненіи, военныя дѣйствія по этимъ планамъ должны были принести несомнѣнную пользу и увѣнчаться успѣхомъ, принося по своимъ послѣдствіямъ великую пользу общей системѣ обороны.

При описаніи Балаклавскаго дѣла было изложено, почему оно привело ко вреду, а не къ пользѣ обороны. Отчего же Инкерманское сраженіе, раньше чѣмъ раздался первый пушечный выстрѣлъ, было обречено на неминуемую неудачу, не смотря на геніальность составленнаго княземъ Меншиковымъ плана?

Князь Меншиковъ, вѣрный принципу своему, что онъ сожжетъ шапку свою, если она будетъ вѣдать, о чемъ онъ думаетъ, пригласилъ къ себѣ одного только корпуснаго командира Данненберга и сообщилъ ему свой планъ атаки Сапунъ-горы съ двухъ сторонъ: со стороны Инкермана подъ командою г. Павлова и со стороны Корабельной подъ командою г. Соймонова. Выходомъ для войскъ назначенъ былъ 2-й бастіонъ. Наступленіе назначено съ разсвѣтомъ на 24 Октября.

Генералъ Данненбергъ, составивъ диспозицію, отослалъ ее на разсмотрѣніе главнокомандующему. Князь Меншиковъ, задержавъ ее, переслалъ свой приказъ по арміямъ, и Данненбергъ получилъ этотъ приказъ только къ 5-ти часамъ пополудни 23 Октября.

Вотъ диспозиція главнокомандующаго князя Меншикова по войскамъ.

«Завтра, 24 Октября, назначается наступленіе на Англійскую позицію, съ тѣмъ чтобы, овладѣвъ высотами оной, утвердиться на нихъ. Для чего:

1) Дѣйствующему отряду въ Севастополѣ, подъ начальствомъ генерала Соймонова, начать наступленіе отъ Киленъ-балки въ шесть часовъ утра, предварительно сему сдѣлавъ уже выдвиженіе изъ крѣпости.

2) Отряду съ Инкерманской горы, подъ начальствомъ г. Павлова, въ шесть же часовъ утра возстановить Инкерманскій мостъ и быстро слѣдовать на соединеніе съ отрядомъ г. Соймонова. При семъ отрядѣ находиться командиру 4-го пѣхотнаго корпуса генералу-отъ-инфантеріи Данненбергу, которому, по соединеніи помянутыхъ двухъ отрядовъ, принять общее надъ ними начальство.

3) Войскамъ, находящимся подъ начальствомъ князя Горчакова *), содѣйствовать общему наступленію, отвлекая собою силы непріятеля и стараясь овладѣть однимъ изъ всходовъ на Сапунъ-гору, при чемъ драгунъ имѣть въ полной готовности къ движенію на гору при первой возможности.

4) Гарнизону Севастополя, подъ начальствомъ г. Моллера, слѣдить за ходомъ наступленія, прикрывая своими батареями правый флангъ наступающихъ войскъ и, въ случаѣ замѣшательства на непріятельскихъ батареяхъ, захватить оныя.

5) Всѣ частныя распоряженія къ выполненію данныхъ назначеній предоставляю сдѣлать начальникамъ обозначенныхъ частей и доставить мнѣ, въ теченіе ночи на 24 число, ихъ диспозиціи.

6) Главноначальствующій будетъ находиться первоначально у Инкерманскаго моста.»

На основаніи общей диспозиціи главнокомандующаго, полученной въ штабѣ 4-го пѣхотнаго корпуса въ пять часовъ пополудни 23-го Октября, отдѣльные начальники частей отдали по своимъ отрядамъ частныя диспозиціи.

По диспозиціи г. Соймонова, отрядъ его долженъ былъ къ четыремъ часамъ по полуночи собраться у 2-го бастіона, а въ шесть часовъ начать наступленіе чрезъ Киленъ-балку въ слѣдующемъ порядкѣ:

По переходѣ черезъ Киленъ - балку, войска должны были выстроиться въ боевой порядокъ. Остальныя войска должны были выстроиться въ резервный порядокъ. Саперамъ, находившимся при этой

---

*) Князя Петра Дмитріевича.

колоннѣ, было приказано укрѣпить, по указанію полковника Тотлебена, позицію, которая, по сбитіи Англичанъ, будетъ занята нашими войсками.

Всего въ колоннѣ Соймонова было 18,929 человѣкъ.

Въ походныхъ запискахъ Алабина находимъ (стр. 83—85) наглядный очеркъ состоянія отряда Павлова наканунѣ сраженія. За тѣмъ будемъ руководствоваться официальнымъ изложеніемъ этой битвы по Тотлебену.

По диспозиціи г. Павлова, отрядъ его, въ $2^1/_2$ часа пополуночи, долженъ былъ выступить къ Инкерманскому мосту и по переходѣ чрезъ него быстро слѣдовать на высоты, для соединенія съ войсками г. Соймонова, производившими наступленіе со стороны Киленъ-балки и далѣе къ Англинскому лагерю, съ цѣлью овладѣть высотами, на которыхъ онъ былъ расположенъ, и утвердиться на нихъ.

Всего въ колоннѣ г. Павлова было 15,806 человѣкъ.

Начальникъ Чоргунскаго отряда князь П. Д. Горчаковъ предписалъ своимъ войскамъ, при наступленіи главныхъ силъ, произвести движеніе съ цѣлью отвлечь часть непріятельскихъ силъ и не дозволить непріятельскому отряду, собранному у Кадыкіойя, подать помощь своимъ войскамъ, расположеннымъ противъ Севастополя.

Всего въ отрядѣ князя Горчакова было 22,444 человѣка.

Начальникъ Севастопольскаго гарнизона предписалъ 3-й и 4-й дистанціямъ оборонительной линіи содѣйствовать своимъ огнемъ наступающимъ войскамъ и прикрывать ихъ правый флангъ, съ тѣмъ, чтобы поражать колонны непріятеля, не отвѣчая на огонь осадныхъ батарей. На случай значительнаго ослабленія прикрытія батарей Французскаго лагеря, онъ предписалъ Минскому и Тобольскому полкамъ съ 12-тью орудіями быть въ полной готовности и сдѣлать вылазку подъ начальствомъ генералъ-маіора Тимофѣева, чтобы овладѣть съ фланга непріятельскими батареями.

Между тѣмъ генералъ-отъ-инфантеріи Данненбергъ составилъ у себя въ штабѣ диспозицію для отрядовъ генераловъ Соймонова и Павлова, и этою диспозиціей измѣнялся весь планъ главнокомандующаго. Поводы, заставившіе генерала Данненберга измѣнить первоначальныя предположенія князя Меньшикова, высказаны въ рапортѣ его къ главнокомандующему.

«Спѣшу донести вашей свѣтлости», писалъ онъ, «что я нашелъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ диспозиціи, которую г. Павловъ сообщилъ мнѣ, по слѣдующимъ уваженіямъ:

«Глубокій и продолжительный оврагъ, называемый Киленъ-балка, разобщаетъ первоначальное наше наступленіе съ г. Соймоновымъ. Оврагъ сей удобопроходимъ по дорогѣ недавно устроенной, которая

ведетъ только на путь дѣйствія правой колонны, чрезъ что́ мы были бы лишены возможности дѣйствовать по обѣимъ сторонамъ Киленъ-балки, что̀ мнѣ кажется необходимымъ. Кромѣ того, мѣстность на правомъ берегу Киленъ-балки довольно затруднительна, а также силы непріятеля и ихъ расположеніе намъ неизвѣстны положительнымъ образомъ, а дороги ведущія отъ переправы столь узки, что всякое обратное движеніе, при какомъ либо непредвидѣнномъ случаѣ, было бы сопряжено съ крайнимъ затрудненіемъ и потерею времени».

Генераломъ Данненбергомъ измѣнены были также часы выступленія: вмѣсто 6 въ 5 часовъ утра.

Очевидно, что́ всѣ эти перемѣны легко могли быть приведены въ исполненіе въ колоннѣ г. Павлова, при которой находился самъ г. Данненбергъ, а гораздо труднѣе было исполнить всѣ эти послѣдовательныя приказанія въ отрядѣ Соймонова, который былъ расположенъ въ Севастополѣ.

Г. Соймоновъ, по полученіи общей диспозиціи главнокомандующаго, составилъ частную для своего отряда, копіи съ которой были отправлены имъ въ штабы князя Меньшикова и г. Данненберга. Планъ этотъ могъ быть измѣненъ или отвергнутъ; но во всякомъ случаѣ Соймоновъ имѣлъ право ожидать приказаній ясныхъ, точныхъ и положительныхъ.

Разсчитывая на утвержденіе или отмѣну своихъ распоряженій, Соймоновъ между тѣмъ получаетъ предписаніе, которое по смыслу своему прямо противуположно его диспозиціи, но которое въ тоже время ограничивается однимъ только намекомъ на то, что отрядъ его не долженъ переходить Киленъ-балку, и вовсе не разъясняетъ, что распоряженіе это дѣлается въ отмѣну прежней диспозиціи, какъ генерала Соймонова, такъ и первой диспозиціи самого генерала Данненберга.

Въ такомъ положеніи Соймоновъ, какъ лицо отвѣтственное, но до извѣстной степени самостоятельное, предпочелъ лучше привести въ исполненіе свою диспозицію, составленную имъ на основаніи ясно понятой мысли главнокомандующаго и не отвергнутой положительно ни княземъ Меньшиковымъ, ни самимъ генераломъ Данненбергомъ, нежели дѣйствовать на основаніи предписанія, въ которомъ неясно выражено намѣреніе генерала Данненберга.

Прочитавъ этотъ перечень всѣхъ одна за другою измѣнявшихся диспозицій, которыя влекли каждая отдѣльно къ измѣненію приказаній частныхъ начальниковъ, читатель согласится съ моимъ взглядомъ, что успѣхъ побѣды, даже до начала раздавшагося перваго пушечнаго выстрѣла, становился невозможнымъ. Выборъ Соймонова изъ всѣхъ при-

сланныхъ въ распоряженіе его диспозицій былъ правильный: иначе онъ дѣйствовать не могъ.

Весь день наканунѣ Инкерманскаго сраженія шелъ почти безпрерывный дождь. Благодаря глинистой почвѣ и густой мглѣ, отъ непріятеля скрылось движеніе Соймоновскаго отряда.

Согласно отданной диспозиціи, отрядъ его, собравшись у 2-го бастіона въ 5 часовъ, двинулся къ Киленъ-балкѣ, а въ 6 часовъ поднялся на платò и началъ выстраиваться въ боевой порядокъ.

Между тѣмъ Англичане, не подозрѣвая ни малѣйшей опасности, спокойно спали въ лагерѣ. Выстроившись въ боевой порядокъ, г. Соймоновъ двинулся впередъ параллельно къ Киленъ-балкѣ. Густой туманъ и сѣрыя шинели нашихъ стрѣлковъ скрыли Русскую цѣпь отъ взоровъ непріятельскихъ передовыхъ постовъ и дозволили ей почти незамѣтно подойти къ Англійскимъ войскамъ. Одинъ изъ пикетовъ легкой дивизіи Брауна былъ тотчасъ окруженъ и захваченъ въ плѣнъ. Вслѣдъ затѣмъ завязалась ружейная перестрѣлка, послужившая сигналомъ ко всеобщей тревогѣ въ непріятельскомъ лагерѣ.

Во многихъ иностранныхъ сочиненіяхъ Русскимъ войскамъ приписываютъ весьма значительный перевѣсъ въ силахъ. Но перевѣсъ этотъ былъ вовсе не такъ великъ, какъ обыкновенно полагаютъ. Въ началѣ сраженія со стороны Англичанъ дѣйствовало 11,585 человѣкъ, съ нашей стороны было 15,141 человѣкъ.

Принявъ во вниманіе крайне-затруднительную для наступленія и весьма выгодную для обороны мѣстность непріятельской позиціи, усиленную кромѣ того полевыми укрѣпленіями и превосходствомъ непріятельскаго вооруженія, видимъ, что численный перевѣсъ нашихъ войскъ игралъ въ дѣлѣ незначительную роль.

Сраженіе у Англинскаго лагеря происходило на узкомъ платò между оврагами каменоломни и Киленъ-балки, на которомъ мы не могли дѣйствовать дружнымъ напоромъ всѣхъ нашихъ силъ и подавлять сопротивленіе Англичанъ, но должны были атаковать съ фронта малыми отрядами, оставляя въ продолженіи всего сраженія войска наши открытыми подъ убійственнымъ штуцернымъ огнемъ противника, на который наши войска не могли отвѣчать, такъ какъ пули изъ гладкоствольнаго ружья не достигали непріятеля. Не смотря на огромныя потери, бой рукопашной схватки сосредоточился у небольшаго укрѣпленія № 2. Англичане были опрокинуты, бывшія на немъ два орудія заклепаны, а лафеты изрублены. Въ короткое время большая часть начальниковъ выбыла изъ строя. Въ числѣ ихъ палъ смертельно раненый г. Соймоновъ, лично одушевлявшій войска и являвшійся всюду, гдѣ только ходъ боя требовалъ его присутствія. Потеря этого

храбраго и достойнаго генерала имѣла самыя невыгодныя послѣдствія, прямо отразившіяся на дальнѣйшемъ ходѣ боя.

Вообще Инкерманское сраженіе можно было раздѣлить на два отдѣла: на атаку отряда Соймонова и, когда онъ былъ почти уничтоженъ, на атаку отряда Павлова, окончательно въ свою очередь одержавшую перевѣсъ и приведшую Англичанъ въ невозможность сопротивляться и къ необходимости просить помощи и спасенія у генерала Боскѐ.

Лишь только войска колонны г. Павлова поднялись на плато́, какъ, не смотря на неизбѣжное утомленіе отъ затруднительнаго подъема по скалистымъ крутизнамъ оврага каменоломни, они стремительно атаковали батарею № 1-й (batterie de sac à terre), занятую достойными соперниками, неустрашимыми кольдстрёмами [1]). Несмотря на сосредоточенный огонь Русской артилеріи, кольдстремы съ твердостью встрѣтили атаку. У батареи закипѣлъ жестокій, упорный бой. Хотя батарея эта и не была вполнѣ окончена, однако кольдстремы обороняли ее весьма упорно. Охотцы [2]) неоднократно влѣзали на брустверъ и проникали внутрь укрѣпленія, но каждый разъ были отбиваемы. Бой на этомъ пунктѣ принялъ характеръ одиночной рукопашной схватки; здѣсь шла самая ожесточенная и ужасная борьба между противниками; тутъ дрались всѣмъ, что̀ только попадало подъ руку и чѣмъ можно было нанести другъ другу ударъ или какой-нибудь вредъ. Противники стрѣляли другъ въ друга въ упоръ, дрались штыками и прикладами. бросали другъ въ друга камни и обломки оружія. Ни та, ни другая сторона не уступала.

Наконецъ, послѣ жестокаго кровопролитнаго дѣла, Охотцамъ удалось выбить кольдстремовъ изъ батареи и овладѣть ею. Девять орудій были трофеями Охотцевъ; три изъ нихъ были тотчасъ же спущены въ оврагъ, а остальныя заклепаны. Изъ 600 кольдстремовъ до 200 выбыло изъ строя. Охотцамъ недешево досталась эта блестящая побѣда: они лишились своего полковаго командира, полковника Бибикова, тяжело раненаго, большей части своихъ офицеровъ и рядовыхъ; впереди ихъ ожидала новая борьба упорная, не менѣе той, которую они выдержали.

Но на этомъ я и кончаю мой разсказъ объ Инкерманскомъ сраженіи. Не возможно услѣдить за перипетіями успѣха обоихъ противниковъ. Съ обѣихъ сторонъ начальники были убиты или ранены, голосъ замѣнившихъ ихъ начальниковъ все становился слабѣе и слабѣе,

---

[1]) Такъ называется у Англичанъ отборный полкъ.

[2]) Нашъ Охотскій полкъ.

а между тѣмъ бой все болѣе и болѣе ожесточался: вòины дрались каждый за свою національную честь. Исходъ сраженія извѣстенъ: изнеможенныя войска не могли вновь возобновить атаку свѣжихъ подошедшихъ на выручку батальоновъ генерала Боскè, и Русскіе принуждены были отступить. Таковъ былъ исходъ Инкерманскаго сраженія.

При этомъ не излишне упомянуть, какую помощь могутъ оказать пароходы: нѣсколько мѣткихъ выстрѣловъ было достаточно, чтобъ прогнать Французскую батарею воздвигнутую генераломъ Боскè на высоту Валовьей балки для обстрѣливанія ретирующихся черезъ мостъ Черной рѣчки нашихъ войскъ. Помощь эта могла быть съ бóльшимъ успѣхомъ оказана, еслибъ армія князя Меньшикова избрала позицію вдоль сѣвернаго берега бухты послѣ Альминскаго дѣла.

Во время боя, въ Севастополѣ и у Чоргуна, были сосредоточены наши главныя силы (22,444 человѣка при 88 орудіяхъ). Дѣйствительнымъ начальникомъ отряда былъ г. Липранди, а князь П. Д. Горчаковъ номинальнымъ.

Липранди, недовольный тѣмъ, что Инкерманское дѣло поручено не ему, а Данненбергу, прибѣгъ къ слѣдующему. Въ 7 часовъ утра, когда бой на Киленъ-балочномъ платò уже завязался по всей линіи, онъ, согласно отданной диспозиціи, двинулъ свои войска на лѣвый берегъ Черной рѣчки. Войска эти, подойдя къ Сапунъ-горѣ на разстояніе дальняго пушечнаго выстрѣла, открыли артиллерійскій огонь. Непріятель отвѣчалъ на нашъ огонь, завязалась почти безвредная для обѣихъ сторонъ кононада, внушившая Боскè полное убѣжденіе въ томъ, что войска у Чоргуна назначены для диверсіи, и онъ оставилъ бригаду Эспинаса съ 3228 человѣкъ, какъ обсерваціонный корпусъ, и двинулъ свои войска на Киленъ-балкское платò для поданія помощи гибнувшимъ Англичанамъ.

Между тѣмъ въ 9½ часовъ утра г. Тимофеевъ, выйдя изъ города, атаковалъ лѣвый флангъ осадныхъ работъ на Рудольфовой горѣ, заклепалъ 15 орудій на батареяхъ № 1-й и № 2-й и, видя значительное усиленіе непріятеля, началъ отводить свои войска назадъ. Цѣль была достигнута: весь осадный корпусъ г. Форè поднятъ на ноги.

XI.

Первая бомбардировка.

На разсвѣтѣ 5-го Октября, какъ и въ предыдущіе дни, съ оборонительной линіи былъ открытъ по осаднымъ работамъ союзниковъ рѣдкій огонь. Когда разсѣялся туманъ, замѣчено было, что осадныя батареи обнаружили свои амбразуры. Въ половинѣ седьмаго всѣ не-

пріятельскія батареи единовременно открыли жестокій огонь. Тогда по оборонительной линіи пробили тревогу, войска стали въ ружье и приблизились къ банкетамъ, а всѣ орудія, назначенныя для дѣйствія противъ осадныхъ батарей, начали немедленно отвѣчать имъ такою же частою пальбой, какая обыкновенно производится на флотѣ во время боя. Вскорѣ вся мѣстность покрылась столь густымъ дымомъ, что даже на близкомъ разстояніи нельзя было различать предметовъ, а тѣмъ болѣе невозможно было прицѣливать орудія; оставалось стрѣлять только по огню непріятельскихъ выстрѣловъ. Едва раздались первые выстрѣлы, какъ Корниловъ, въ сопровожденіи своего штаба, поскакалъ на 4-й бастіонъ, а оттуда вдоль оборонительной линіи отправился на 5-й. Тамъ онъ встрѣтилъ Нахимова уже готоваго, по своему обыкновенію, раздѣлить всѣ опасности со своими товарищами-моряками. Раненый, съ окровавленнымъ лицомъ, Нахимовъ не щадилъ себя и, въ порывѣ геройскаго увлеченія, самъ направлялъ орудія, открыто становясь въ амбразуры. Нѣсколько разъ давались приказанія стрѣлять рѣже, чтобы позволить дыму разсѣяться и предупредить разрывъ орудій; но моряки, частью по привычкѣ, частью же по увлеченію, продолжали весьма частую стрѣльбу. Бруствера нашихъ батарей оказывали слабое сопротивленіе непріятельскимъ выстрѣламъ. Будучи насыпаны наскоро изъ сухой хрящеватой земли, они, не успѣвъ улежаться и окрѣпнуть, легко разсыпались отъ снарядовъ. Амбразуры также не представляли достаточной прочности; нѣкоторыя изъ нихъ, по неимѣнію хвороста, были одѣты земляными мѣшками, досками или глиною, другія же вовсе не имѣли одеждъ. Глиняная одежда отъ дѣйствія пороховыхъ газовъ обваливалась большею частью тотчасъ же послѣ первыхъ выстрѣловъ; одежда же изъ земляныхъ мѣшковъ и досокъ загоралась и также обваливалась. Особенное вниманіе съ нашей стороны было обращено на расчистку амбразуръ, и эта работа призводилась быстро, подъ самымъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, не смотря ни на какія потери въ людахъ. Расчистка амбразуръ была необходима для того, чтобы имѣть возможность во всякое время встрѣтить штурмовыя колонны сильнымъ картечнымъ огнемъ. Такъ какъ вся окружающая мѣстность была закрыта дымомъ, то неоднократно казалось, что непріятельскія колонны приближаются къ укрѣпленіямъ. Поэтому по временамъ огонь открывался даже изъ тѣхъ орудій, которыя назначены были для обороны ближайшей мѣстности и для фланкированія рвовъ. Еще прежде, въ ожиданіи бомбардированія, для войскъ, назначенныхъ къ оборонѣ, были избраны наиболѣе закрытыя мѣста; на самыхъ же укрѣпленіяхъ были оставлены только небольшія части для первой встрѣчи непріятеля въ случаѣ штурма. Дѣйствуя по нашей

артиллеріи, непріятель вмѣстѣ съ тѣмъ сильно поражалъ и войска, которыя несли огромныя потери, но со своей стороны оставались въ совершенномъ бездѣйствіи. Такимъ образомъ непріятель, нанося физическій вредъ нашимъ войскамъ, въ тоже время оказывалъ на нихъ вредное вліяніе и въ нравственномъ отношеніи. Особенно гибельно было положеніе людей на 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ бастіонахъ, внутренность которыхъ подвергалась сосредоточенному огню непріятельскихъ батарей. Поэтому вскорѣ послѣ открытія огня по необходимости пришлось отвести назадъ оставленныя прежде на укрѣпленіяхъ небольшія части войскъ и ограничиться тамъ лишь самымъ малымъ числомъ людей, необходимымъ для встрѣчи штурмующихъ колоннъ ружейными выстрѣлами. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было батальоннымъ адъютантамъ находиться со своими лошадьми на бастіонахъ при начальникахъ отдѣленій для того, чтобы, въ случаѣ наступленія непріятеля, они могли своевременно увѣдомить свои части и привести ихъ на мѣста, ввѣренныя по диспозиціи ихъ защитѣ. Между тѣмъ въ теченіи часа бомбардированія лицевыя стѣны оборонительныхъ казармъ 5-го и 6-го бастіоновъ и Малаховой башни получили большія поврежденія, какъ отъ прицѣльныхъ, такъ и отъ навѣсныхъ выстрѣловъ. Сосредоточеннымъ огнемъ Французскихъ батарей каменный парапетъ казармы 5-го бастіона былъ совершенно разрушенъ, стоявшія за нимъ 5 орудій приведены въ бездѣйствіе, а изъ 39-ти человѣкъ прислуги 19 выбыло изъ строя; нижняя часть стѣны также была значительно повреждена и мѣстами даже пробита насквозь. Въ тоже время и на Малаховой башнѣ были подбиты орудія и разбитъ каменный парапетъ, при чемъ осколки камней такъ сильно поражали прислугу, что вскорѣ пришлось удалить ее.

Уже болѣе трехъ часовъ продолжалась кононада съ одинаковою силой на всѣхъ пунктахъ, какъ вдругъ, около 9½ часовъ, наша бомба взорвала пороховой погребъ на одной изъ Французскихъ батарей на Рудольфовой горѣ. Взрывъ погреба сопровождался съ нашей стороны громкимъ и торжественнымъ «ура». Совершенное разстройство, послѣдовавшее на непріятельской батареѣ вслѣдъ за взрывомъ, позволило намъ усилить дѣйствія противъ остальныхъ Французскихъ батарей на Рудольфовой горѣ. Чрезъ полчаса послѣ перваго взрыва послѣдовалъ другой. Эти два взрыва не остались безъ результата: огонь Французовъ началъ постепенно слабѣть и, наконецъ, прекратился вовсе. Около половины одиннадцатаго всѣ Французскія батареи окончательно смолкли. Достигнувъ въ короткое время такого полнаго успѣха въ борьбѣ съ Французскими батареями, мы продолжали дѣйствовать по нимъ съ 4-го и 5-го бастіоновъ только рѣдкими выстрѣ-

лами, чтобы тревожить рабочихъ, а между тѣмъ немедленно приступили къ исправленію амбразуръ и пороховыхъ погребовъ на этой части оборонительной линіи. Казалось, Французскія батареи были оставлены непріятелемъ. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, послана была въ 4 часа пополудни съ 1-го отдѣленія на Рудольфову гору небольшая команда отъ 42-го флотскаго экипажа подъ начальствомъ лейтенанта Гильхена, которая, подойдя шаговъ на сто къ непріятельскимъ батареямъ, была встрѣчена съ нихъ ружейными и однимъ картечнымъ выстрѣлами, что̀ и принудило ее возвратиться назадъ.—Не таково было наше положеніе въ борьбѣ съ Англійскими батареями, вскорѣ обнаружившими большое преимущество въ калибрахъ орудій передъ нашими. Въ особенности страдалъ отъ Англійскихъ батарей 3-й бастіонъ, подвергавшійся сосредоточенному огню съ Зеленой и Воронцовской высотъ. Еще въ десятомъ часу, когда въ морѣ разсѣялся туманъ, видно было съ городскаго телеграфа движеніе непріятельскихъ судовъ, приближавшихся отъ Качи. Около 12½ часовъ суда эти начали входить подъ выстрѣлы передовыхъ приморскихъ батарей. Впереди шли Французскіе корабли, за ними Турецкіе и Англійскіе. Въ тоже время нѣсколько Французскихъ кораблей вышли изъ Камышевой бухты и стали приближаться къ батареѣ № 10. Около часа пополудни передовые Французскіе корабли начали занимать свои мѣста, означенные наканунѣ буйками. По нимъ былъ открытъ огонь изъ нѣкоторыхъ орудій батарей Константиновской и № 10-го. Такъ какъ въ морѣ стоялъ въ это время мертвый штиль, то послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ дымъ закрылъ непріятеля, и наблюдать за дальнѣйшими движеніями его судовъ было уже невозможно. Осмотрѣвъ укрѣпленія Городской стороны, Корниловъ, жившій въ домѣ Волохова, возвратился въ десятомъ часу утра къ себѣ для необходимыхъ распоряженій и для снабженія батарей боевыми припасами.

Въ тоже время князь Меншиковъ, осмотрѣвъ батареи Корабельной стороны, переправился на Городскую сторону и, выслушавъ донесенія Корнилова о дѣйствіяхъ на 1-мъ и 2-мъ отдѣленіяхъ, отправился на лѣвую половину оборонительной линіи. Онъ нашелъ 3-й бастіонъ въ критическомъ положеніи: нѣсколько орудій на немъ были подбиты, а многія амбразуры засыпаны. Но и здѣсь, какъ вездѣ, матросы и саперы соперничали между собою въ усердіи и самоотверженіи. Не менѣе геройскимъ духомъ были одушевлены войска и на Малаховомъ курганѣ, гдѣ они видѣли предъ собою примѣръ въ своемъ энергическомъ начальникѣ контръ-адмиралѣ Истоминѣ. Повсюду исправленія производились немедленно подъ самымъ сильнымъ огнемъ непріятеля.

Пароходы «Владиміръ» и «Херсонесъ», стоя на якорѣ у Киленъ-бухты, дѣйствовали съ замѣчательною вѣрностію по Англійской батареѣ, расположенной между Киленъ-балкою и Доковымъ оврагомъ вблизи хутора Микрюкова, чѣмъ ослабляли ея дѣйствія противъ батарей Малахова кургана. Объѣхавъ 3-е и 4-е отдѣленія и распорядившись дневными работами, а также, по возможности, безопаснымъ размѣщеніемъ войскъ, полковникъ Тотлебенъ встрѣтилъ на Пересыпи Корнилова и донесъ ему о дѣйствіи артиллеріи Корабельной стороны, а также и о всѣхъ сдѣланныхъ распоряженіяхъ. Но, желая самъ все видѣть и собственнымъ примѣромъ поддержать энергію войскъ, Корниловъ поѣхалъ на 3-й бастіонъ.

Многіе офицеры упрашивали его не подвергать себя опасности и обѣщали исполнить свой долгъ по совѣсти. «Хотя я совершенно убѣжденъ», отвѣчалъ Корниловъ, «что каждый изъ васъ исполнитъ свой долгъ, какъ честь и обстоятельства требуютъ, но въ такой торжественный день имѣю душевную потребность видѣть нашихъ героевъ на полѣ ихъ отличія». И, не смотря на просьбы окружавшихъ его лицъ, онъ поскакалъ далѣе, на Малаховъ курганъ, гдѣ и былъ смертельно раненъ ядромъ въ лѣвую ногу. «Ну, господа, предоставляю вамъ отстаивать Севастополь! Не отдавайте его!» сказалъ, собравшись съ силами, Корниловъ окружавшимъ его офицерамъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ лишился чувствъ и былъ перенесенъ въ морской госпиталь, гдѣ и умеръ послѣ двухъ часовъ сильныхъ страданій. Послѣднія слова его были: «Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна! Благослови Господи Россію и Государя, спаси Севастополь и флотъ!» Вѣсть о смерти доблестнаго адмирала поразила скорбію мужественныхъ защитниковъ Севастополя, глубоко вѣрившихъ въ счастіе и необыкновенныя дарованія Корнилова.

Между тѣмъ непріятельскій флотъ занялъ позицію впереди рейда, на протяженіи отъ Херсонеской бухты до Волоховой башни. Правый флангъ его состоялъ изъ Французской эскадры, расположившейся по дугѣ круга на среднемъ разстояніи около 750-ти саженъ отъ батареи № 10; Англійскіе же корабли, образовавшіе лѣвый флангъ, расположились по направленію къ Константиновской батареѣ, на болѣе близкихъ разстояніяхъ отъ нашихъ приморскихъ укрѣпленій. Было что-то торжественное въ эти минуты ожиданія; всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ, но въ тоже время съ твердостію, готовились встрѣтить ужасное, неслыханное въ военныхъ лѣтописяхъ, морское бомбардированіе. Наконецъ, въ началѣ втораго часа загремѣли первые залпы съ непріятельскаго флота. Ему тотчасъ же стали отвѣчать всѣ орудія, которыя могли быть направлены въ море съ батарей № 10-го, Алек-

сандровской, Константиновской, Карташевской и Волоховой башни. Батарея № 8-го и 7-й бастіонъ также открыли огонь, но вскорѣ замолчали, когда оказалось, что выстрѣлы ихъ не достигаютъ до непріятельскихъ судовъ. Даже внутреннія батареи, Николаевская, Михайловская, Павловская и № 4-го, изъ опасенія, чтобы непріятель, пользуясь дымомъ, не проникъ на рейдъ, сдѣлали въ началѣ боя нѣсколько выстрѣловъ.

Наблюдая за ходомъ дѣла съ 7-го бастіона при громѣ и дымѣ морской и сухопутной канонады, нельзя было не видѣть батареи № 10-го и не различить ея выстрѣловъ. Непріятельскіе снаряды перелетали черезъ нее, рикошетировали на мѣстности и ложились передъ 6-мъ и 7-мъ бастіонами въ такомъ огромномъ количествѣ, что прекратили съ нею всякое сообщеніе. Этими снарядами были разбиты и почти вовсе уничтожены лѣсные матеріалы артиллерійскаго гарнизона, сложенные во впадинѣ, образуемой мѣстностью между 7-мъ бастіономъ и батареею № 10-го.

Не имѣя никакихъ свѣдѣній съ этой батареи, можно было думать, что орудія ея, дѣйствовавшія чрезъ банкъ, сбиты, а прислуга съ прикрытіемъ, состоявшимъ изъ двухъ ротъ, не имѣвшихъ безопасныхъ помѣщеній, погибла. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно было опасаться, чтобы непріятель, пользуясь дымомъ и разобщеннымъ положеніемъ этой батареи, не занялъ ея съ сухаго пути, что̀ позволило бы ему подойдти съ своими судами ближе къ городу и бомбардировать его съ большею дѣйствительностью. Вслѣдствіе этаго опасенія, у воротъ оборонительной стѣны между 6-мъ и 7-мъ бастіонами были поставлены два баталіона съ цѣлью выбить непріятеля, если бы онъ покусился на батарею съ сухаго пути. Между тѣмъ борьба съ Англійскими батареями продолжалась съ большою настойчивостью. Особенно много вредила намъ одна изъ расположенныхъ на Зеленой горѣ Англійскихъ батарей, которая въ одно и тоже время фронтально била лѣвый фасъ 4-го бастіона и анфилировала его правый фасъ; снаряды ея, рикошетируя по правой отлогости городскаго оврага, поражали въ тылъ батареи Титова и Бурцова и площадку позади 3-го бастіона. Верхній ярусъ Малаховой башни былъ обращенъ въ развалины, при чемъ осколки камней сильно поражали въ тылъ прислугу при орудіяхъ на гласисѣ.

Въ городѣ произведено было нѣсколько пожаровъ калеными ядрами, брошенными съ Зеленой горы; къ счастію, однакоже, пожары были легко потушены. Но болѣе всего страдалъ 3-й бастіонъ; Англійскія батареи на Зеленой горѣ поражали фронтально правый фасъ его и примыкающую къ нему траншею. Огромные снаряды этихъ бата-

рей, рикошетируя по задней отлогости высоты 3-го бастіона, поражали все пространство между морскимъ госпиталемъ и Доковымъ оврагомъ, такъ что сообщеніе съ бастіономъ въ этомъ мѣстѣ сдѣлалось чрезвычайно опаснымъ. Въ тоже время 3-й бастіонъ былъ сильно поражаемъ съ батарей на Воронцовской высотѣ, гдѣ Англійскія орудія имѣли передъ нашими большое превосходство въ калибрахъ. Къ тремъ часамъ пополудни на 3-мъ бастіонѣ была уже сбита треть всего вооруженія, передъ остальными орудіями амбразуры были совершенно разрушены, а потери въ людяхъ были до того значительны, что прислуга при многихъ орудіяхъ была уже замѣщена два раза. Но, не смотря на явное превосходство непріятеля, артеллеристы 3-го бастіона, одушевленные примѣромъ своихъ храбрыхъ командировъ капитана 1-го ранга Ергамышева и лейтенантовъ Лесли и Рачинскаго, и не желая уступить непріятелю, продолжали дѣйствовать энергически. На бастіонѣ были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы настойчиво поддерживать огонь, не смотря ни на какія поврежденія; поэтому амбразуры расчищались немедленно, сами офицеры, подавая примѣръ, выходили на брустверъ и принимали участіе въ работѣ, и матросы ревностно помогали саперамъ. Но всѣ эти усилія были недостаточны, чтобы не допустить Англійскую артиллерію взять рѣшительный перевѣсъ надъ нашею. Къ довершенію бѣдственнаго положенія 3-го бастіона, около трехъ часовъ пополудни непріятельскою бомбою былъ взорванъ пороховой погребъ, расположенный въ исходящемъ углѣ бастіона. Когда разсѣялся дымъ, то глазамъ уцѣлѣвшихъ представилась ужасная картина послѣдствій этого взрыва: вся передняя половина была сброшена въ ровъ, орудія и станки были опрокинуты, вездѣ валялись обгорѣлые, обезображенные трупы, а вдали, сквозь гулъ и адскій грохотъ орудій, слышались крики торжествующаго непріятеля. При взрывѣ погибло болѣе 100 человѣкъ; отъ многихъ, въ томъ числѣ отъ лейтенанта Лесли, не было найдено никакихъ слѣдовъ. Послѣ этого уже исчезла всякая возможность противодѣйствовать непріятельской артиллеріи; оборона на этомъ пунктѣ была совершенно уничтожена, и на Корабельной сторонѣ ожидали, что непріятель, пользуясь достигнутымъ имъ результатомъ, немедленно пойдетъ на штурмъ. Тѣмъ не менѣ всѣ эти неудачи не поколебали храбрыхъ защитниковъ 3-го бастіона; потеря въ прислугѣ и офицерахъ быстро замѣщалась новыми людьми, которые тотчасъ же начали приводить въ порядокъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ орудій. Для отвлеченія выстрѣловъ непріятеля отъ 3-го бастіона, батарея Будищева, съ громкими криками «ура», открыла самый частый огонь. Въ тоже время была послана команда охотниковъ для подноски зарядовъ отъ

госпитальной пристани; охотникамъ приходилось идти подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, почему многіе изъ нихъ погибли, какъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, такъ и отъ взрыва подносимыхъ ими зарядовъ. Съ корабля «Ягудіилъ» была свезена на 3-й бастіонъ команда изъ 75-ти человѣкъ; изъ нихъ на другой день вечеромъ возвратились на корабль только 25-ть, остальные же были убиты или ранены. Это даетъ понятіе о томъ, какъ гибельно было въ эти часы положеніе 3-го бастіона. Около четырехъ часовъ пополудни на Малаховомъ курганѣ взлетѣлъ на воздухъ зарядный ящикъ, не причинивъ впрочемъ значительнаго вреда; у Англичанъ на Воронцовской высотѣ также былъ замѣченъ взрывъ. Въ тоже время борьба береговыхъ батарей съ союзнымъ флотомъ продолжалась съ прежнею силой. Къ вечеру получено было извѣстіе о Константиновской батареѣ, потерпѣвшей значительныя поврежденія. Батарея эта, по невыгодному своему расположенію, подвергалась сосредоточенному огню Англійскихъ кораблей, изъ которыхъ одни поражали ее фронтально, а другіе, ставъ противъ сѣверо-западной оконечности ея, били во флангъ и въ тылъ орудій, осыпая прислугу осколками отъ каменнаго парапета. Вскорѣ почти всѣ орудія на ней были подбиты или приведены въ бездѣйствіе; на дворѣ батареи были взорваны три зарядныхъ ящика.

Прочія батареи дѣйствовали гораздо успѣшнѣе. Въ сумерки возвратился съ батареи № 10-го вызвавшійся добровольно узнать объ участи его лейтенантъ Троицкій и, къ общему удивленію, донесъ, что батарея эта потерпѣла только незначительныя поврежденія и понесла небольшія потери въ людяхъ. Около 6-ти часовъ вечера непріятельскіе корабли начали сниматься съ якоря и постепенно выходить изъ линіи. Береговыя батареи провожали ихъ выстрѣлами.

Такимъ образомъ окончилась эта достопамятная битва флота съ береговыми батареями, продолжавшаяся около пяти часовъ. Послѣ этого дѣйствовали уже только Англійскія батареи до позднихъ сумерокъ, преимущественно противъ 3-го бастіона. Изъ 22-хъ орудій этого бастіона сохранилось только два; весь бастіонъ представлялъ картину полнаго разрушенія: земляной брустверъ его былъ почти срытъ, а платформы, орудія и тѣла убитыхъ валялись перемѣшанными; тишина на бастіонѣ прерывалась рѣдкими выстрѣлами и стонами раненыхъ, просившихъ напиться. На всемъ бастіонѣ осталось только 5 человѣкъ прислуги, которые, не отходя отъ уцѣлѣвшихъ двухъ орудій, выпустили изъ нихъ послѣдніе заряды.

Непріятельскіе снаряды, перелетая черезъ наши брустверы, рикошетировали по лежащимъ назади ихъ площадкамъ и склонамъ мѣст-

ности, нанося большой вредъ нашимъ резервамъ. Этимъ обстоятельствомъ вполнѣ объясняется неравенство потерь, понесенныхъ нами и непріятелемъ. У насъ въ сухопутномъ бою выведено изъ строя 1,112 человѣкъ, изъ числа которыхъ 384 было убито, 688 ранено и 30 контужено. Изъ этого числа болѣе половины приходится на долю 3-го отдѣленія. Союзники потеряли всего 348 человѣкъ, въ томъ числѣ Французы 204, а Англичане 144. Неравенство потери въ людяхъ съ обѣихъ сторонъ объясняется еще и тѣмъ, что, опасаясь штурма, мы принуждены были держать войска наши вблизи оборонительной линіи, между тѣмъ какъ колонны осаднаго корпуса стояли внѣ сферы нашихъ выстрѣловъ. Союзники выпустили въ этотъ день до 9-ти тысячъ снарядовъ, а именно: Французы около 4,000, а Англичане 4,727. По имѣющимся свѣдѣніямъ съ батарей оборонительной линіи выпущено до 20,000 снарядовъ. Такой громадный расходъ произошелъ отъ того, что флотская прислуга дѣйствовала съ батарей залпами, какъ на корабляхъ, и трудно было остановить одушевленныхъ боемъ моряковъ. Кромѣ того, при гулѣ орудій, часто казалось, что приближаются штурмовыя колонны, скрытыя дымомъ, вслѣдствіе чего открывалась напрасная стрѣльба изъ всѣхъ орудій, фланкирующихъ укрѣпленіе и обстрѣливающихъ подступы.

Зная ходъ событій бомбардированія 5 (17) Октября и относительныя силы, которыми располагали при этомъ обѣ стороны, не трудно вывести общее заключеніе объ этомъ достопамятномъ дѣлѣ. Союзники, какъ извѣстно, предприняли это бомбардированіе съ цѣлью сбить нашу артиллерію и вслѣдъ за тѣмъ штурмовать Севастополь. Войска осаднаго ихъ корпуса стояли подъ ружьемъ, готовыя двинуться на штурмъ по данному сигналу; словомъ, были сдѣланы всѣ приготовленія къ штурму. Атака же союзнаго флота должна была служить диверсіею и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно довершить наше разстройство. Событія дня не оправдали этого разсчета. Французскія батареи подверглись, по своему невыгодному расположенію, нашему перекрестному огню и послѣ четырехчасоваго боя были сбиты и принуждены замолчать. Атака союзнаго флота также была отражена огнемъ нашихъ береговыхъ батарей, съ нанесеніемъ ему значительнаго вреда. Только Англійскія батареи, имѣвшія сильныя вооруженія и выгодное расположеніе, одержали въ этотъ день полный успѣхъ, почти уничтоживъ артиллерію 3-го бастіона и смежныхъ батарей, такъ что въ этомъ мѣстѣ оборонительной линіи образовался промежутокъ, лишенный артиллерійской обороны. Этотъ частный успѣхъ вполнѣ соотвѣтствовалъ цѣли, къ которой стремились союзники. Пользуясь дымомъ, закрывавшимъ мѣстность, они могли скрытно подвести штурмовыя колонны и

занять высоту 3-го бастіона прежде, чѣмъ наши войска, по необходимости отведенныя къ морскому госпиталю и за крутой берегъ Южной бухты, могли въ достаточныхъ силахъ подойти къ атакованному пункту. При овладѣніи 3-мъ бастіономъ союзники не встрѣтили бы никакихъ матеріальныхъ затрудненій: не было никакихъ преградъ ни естественныхъ, ни искусственныхъ. Занявъ высоту 3-го бастіона въ превосходныхъ силахъ и оттѣснивъ наши первыя войска, которыя успѣли бы собраться здѣсь на совершенно открытомъ мѣстѣ, непріятель, напротивъ того, становился бы здѣсь въ положеніе болѣе выгодное, чѣмъ наши войска, которыя для отбитія бастіона были бы принуждены тѣсниться на склонахъ мѣстности, имѣя у себя въ тылу Южную бухту.

Союзникамъ предстояло разбить эти войска и овладѣть съ тыла батареями Малахова кургана, чтобы окончательно утвердиться на Корабельной сторонѣ. Для противодѣйствія имъ у высоты 3-го бастіона, съ нашей стороны могло быть собрано, да и то постепенно, не болѣе 8,000 штыковъ, а именно: войска 3-го отдѣленія (3191 штыкъ), резервъ 3-го отдѣленія (2901) и резервъ 4-го отдѣленія (1903). Всего 7995 штыковъ.

Слѣдовательно, вся задача для овладѣнія Корабельною стороной состояла въ томъ, чтобы разбить на открытомъ мѣстѣ 8,000 нашихъ войскъ, которыя не имѣли отступленія и не могли получать подкрѣпленій. Но такъ какъ союзники не воспользовались представившимся для нихъ случаемъ штурмовать Севастополь, то очевидно, что всѣ ихъ приготовленія и надежды на побѣду остались напрасны. Напротивъ того, они были поражены нравственно и должны были придти къ убѣжденію, что всѣ принятыя ими мѣры не соотвѣтствуютъ смѣло развивающейся силѣ обороны. Такимъ счастливымъ для насъ исходомъ мы много обязаны искусству и мужеству нашихъ моряковъ, которымъ здѣсь въ первый разъ пришлось нести службу сухопутныхъ артиллеристовъ и которые съ перваго же дня показали себя вполнѣ способными выполнить со славою это новое назначеніе. Къ сожалѣнію, торжество Севастопольцевъ омрачилось тяжкою утратой Корнилова. Доблестный адмиралъ этотъ далъ, можно сказать, душу начинавшейся оборонѣ Севастополя, направивъ сильною рукой всѣ ввѣренныя средства, чтобы отстоять этотъ драгоцѣнный для Россіи пунктъ. Въ память покойнаго императоръ Николай І-й повелѣлъ укрѣпленіе Малахова кургана именовать Корниловскимъ бастіономъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА *).

Декабрь 1855—Мартъ 1856 года.

Шведо-Англо-Французскій договоръ 9/21 Ноября есть конечно послѣдствіе другихъ неоглашенныхъ условій. Онъ, очевидно, выговариваетъ огражденіе для Швеціи послѣ войны; ибо иначе къ чему опасаться насилій и требованій Россіи, когда она, запертая флотами, недостаточно выдерживаетъ и оборонительное положеніе? Договоръ этотъ важенъ какъ событіе, доказывающее, что Швеція на сторонѣ Запада, и что союзники намѣрены дѣйствовать въ Балтикѣ сильнѣе, нежели въ эти два года.—Укрѣпленіе Свеаборга и Кронштадта не устраняетъ возможности десанта. Прибалтійское сельское и городское населеніе не такъ расположено къ намъ, какъ сословія высшія и, къ несчастію должно сознаться, врагъ найдетъ въ немъ сочувствіе. Русская стихія здѣсь слаба. Но безъ другой помощи, врагъ, съ этимъ сочувствіемъ, сдѣлаетъ мало, если не рѣшится воззвать къ народностямъ и откровенно взяться за революціонное начало. (Здѣсь столкновеніе съ Австріей и Пруссіей и преображеніе Восточнаго вопроса, чрезъ Польшу, въ центральный Европейскій). Говорятъ, что Валентинъ Эстергази вчерась привезъ ultimatum (пріѣхавъ въ 4 часа, въ 5-ть онъ уже былъ у графа Нессельроде), непринятіе котораго поведетъ къ прерванію съ нами дипломатическихъ сношеній; но потомъ что̀? Самое торжество, съ отпаденіемъ Польши, Венгріи и Италіи, не приведетъ ли къ паденію новой имперіи Франца І-го и къ униженію Габсбурговъ, принужденныхъ отречься отъ консервативнаго своего свойства?

Но что̀ же дѣлать Англіи и Франціи, съ ихъ точки зрѣнія чуждыхъ повода и отвыкшихъ отъ самаго понятія Нѣмецкихъ опасеній? Торговый домъ Великобританіи и К° и смѣлый выходецъ Французскій

---

*) Выдержки изъ Записокъ сенатора Кастора Никифоровича Лебедева помѣщались въ „Русскомъ Архивѣ“ 1888 и 1889 годовъ. Нынѣ сыномъ его, Дмитріемъ Касторовичемъ, сообщены намъ новыя тетради ихъ, начинающіяся съ Декабря мѣсяца 1855 года. П. Б.

не могутъ не быть равнодушны ко всякимъ способамъ успѣха, а историческія начала и династическія условія для нихъ дѣло второстепенное, предметы цѣны и вѣса.

Торжество этихъ началъ или торжество надъ ними! А событія гнутъ къ демократіи, и слѣпъ тотъ, кто этого не видитъ; ослѣпленіе же есть предвѣстіе наказанія...

Разнеслась и вѣсть о перемѣнѣ нашихъ мундировъ и панталонъ. По военному вѣдомству старикъ главнокомандующій издалъ секретный (писанный) приказъ, чтобы офицеры гвардейскаго и гренадерскаго корпуса не дозволяли себѣ неприличныхъ толковъ и порицаній насчетъ измѣненія формъ. Намъ теперь надобно ожидать такого же приказа. Мундиръ нашъ украшаютъ, въ видахъ, говорятъ, возвысить гражданскую службу какъ бы сравненіемъ ея съ военною. Но время, время-ли? Мы всѣ безъ денегъ. Эполеты, отнятыя у всей арміи, раздражаютъ армейцевъ и ополченцевъ, а имъ надобно драться!.

Такія неудачныя, мелочныя и раздражительныя мѣры особенно вредны въ настоящіе дни. Вліяніе реакціи, почти партіи, не подлежитъ сомнѣнію. Его слѣдовало ожидать; но не поспѣшно-ли и умѣстно-ли? И не вызоветъ-ли оно противодѣйствія, если не въ людяхъ, то настоятельностію обстоятельствъ? А настоятельность—это война. Желаніе истощаемой Европы трубитъ о мирѣ, Австрія посылаетъ ultimatum, Пруссія посылаетъ своего посланника по вторымъ державамъ и подкрѣпляетъ предложенія Австріи въ Петербургѣ; Саксонія увѣряетъ, что Россія согласна на нейтральность Чернаго моря; однимъ словомъ, если не миръ, то готовность заключить его несомнѣнна. Но какой же это миръ? И если даже миръ, лучше ли онъ будетъ войны? По крайней мѣрѣ не для насъ. По терпимости къ письменнымъ памфлетамъ, мы и теперь уже въ какомъ-то революціонномъ положеніи. Миръ, съ нейтральностію Чернаго моря, безъ вознагражденія потерь и убытковъ по крайней мѣрѣ торжествомъ войны или неторжествомъ враговъ, это будетъ для правительства хуже войны. Теперь его обвиняютъ въ бездѣйствіи, неумѣньи, въ покровительствѣ посредственности, въ зависти къ талантамъ и въ формализмѣ, поглащающемъ сущность: тогда упреки выразятся требованіями, и голоса требователей не заглушатъ ни аресты, ни высылки, ни внушенія. Въ настоящемъ положеніи я не вижу возможности мира.

Писанныя тетради наводняютъ насъ. Вотъ приписываемая Грановскому (Восточный вопросъ съ Русской точки зрѣнія) К. Кавелина. Вотъ письмо Жеребцова, вотъ «Священный союзъ и Австрійская политика», «Наши приходы и расходы», а вотъ и «Мои замѣчанія» «О политической жизни Россіи». Первыя приписываются Вигелю или Са-

марину или Шипову; вторая, говорятъ, написана Чаадаевымъ. Каждый день можно слышать о новой тетради. Мы наводнены этими памфлетами. Всѣ начинаютъ съ того, что винятъ покойнаго Государя, его систему управленія, неограниченную личность, династическую до личности политику внѣшнюю, неограниченную до деспотизма политику внутреннюю. Ah, ça? Messieurs! Да развѣ вы думаете, что мы, участники и исполнители этого управленія и этой политики, не понимаемъ съ ваше? Или мы не въ состояніи отличить національнаго отъ личнаго, дурнаго отъ хорошаго, и терпимъ зло, не чувствуя пагубныхъ его послѣдствій? Ah, ça? Да почему же вы могли уразумѣть это лучше насъ?

Вообще, обдумавши, безпристрастный цѣнитель найдетъ: въ обвиненіяхъ менѣе доброжелательства нежели систематическаго порицанія, въ предположеніяхъ лучшаго болѣе доброжелательства нежели основательной вѣрности. Обвиняя лица, вы часто забываете націю, а говоря о ней вы не берете въ разсчетъ положеніе и составъ ея. То недовольные настоящимъ дѣломъ, вы обращаетесь къ XV вѣку отъ времени, когда жить трудно, ко времени, въ которое жить нельзя; то обольщенные временными успѣхами и не-русскими привычками, вы порицая Петра, желаете полнаго преобразованія на Французскій ладъ т. е., признавая затрудненія формальныя, вы хотите прибавить затрудненія существенныя.

Ah, ça? Вы полагаете, что мы ничего не знаемъ, и вы насъ научите? Удаленные отъ правительственной дѣятельности, вы и половины не знаете тѣхъ безпорядковъ, тѣхъ вопіющихъ противорѣчій, которыя мы видимъ на каждомъ шагу, обязательно. Уединенные въ частности, вы не въ состояніи понять, что иногда необходимость заставляетъ терпѣть зло и бѣдствія для избѣжанія золъ и бѣдствій бóльшихъ. Или преданные созерцаніямъ государственнымъ и увлекаемые примѣрами подобнаго въ другихъ земляхъ, вы личное убѣжденіе принимаете за положительную достовѣрность.

Тѣсны теоріи Западнаго управленія для Восточнаго, и не примется созерцательная мысль на исторической почвѣ. Кто будетъ оправдывать Николая, кто не пожелаетъ преобразованій въ управленія? Но взваливать всю отвѣтственность за Восточный вопросъ, на одного Николая значитъ очень тѣсно ограничивать этотъ вопросъ. Но приписывать неудачи дурному управленію значитъ не признавать условій управленія въ землѣ, въ народѣ, и забывать, по Восточному самообольщенію, причины случайныя, которыя всегда присущи въ дѣлахъ человѣческихъ.

Приведенныя въ исполненіе ваши предположенія встрѣтятъ болѣе неудобствъ, вызовутъ бо́льшіе безпорядки и уже конечно найдутъ лучшихъ порицателей.

Вы не огласили, напр. что при Николаѣ все унизилось, умалилось, опошлилось,—чинъ, отличіе, сословіе, судъ, помощь, удача, постоянство. Отчего? Отъ того, что власть унизилась и опошлилась. Она вмѣшивалась вездѣ и всегда, — отсюда и эта массся повелѣній и эта масса указовъ, которыхъ, по самой многочисленности ихъ, никто не исполнялъ, никто не уважалъ, никто не считалъ обязательными.

Вы не огласили... но довольно. Я поговорю подробнѣе. Но вы взваливаете на Императора Восточный вопросъ? Вопросъ этотъ рано или поздно долженъ былъ всплыть и разрѣшиться. «Больной» былъ взять за предлогъ. Толпа выходцевъ начала овладѣвать Турціей, и она дѣлалась гнѣздомъ демократовъ. Такое положеніе ея было невозможно, несовмѣстно съ нашимъ и Австрійскимъ правительствомъ. Это вопросъ монархіи и демократіи, и безъ вмѣшательства послѣдней, поддерживаемой «добрымъ другомъ», онъ никогда не принялъ бы настоящихъ размѣровъ.

Вы осуждаете наше правленіе, неограничиваемое даже добродѣтелью и вѣрою? Вы знаете нашъ народъ? Вы находите возможнымъ Французскія учрежденія въ средѣ этого народа? Но вы хотите насильственаго развитія, вы смѣшиваете лица съ массами, дни съ годами.

Крѣпостное право! Да сумѣете-ли вы уничтожить его, помимо фразъ: l'esclavage est aboli, la liberté est garantie... въ томъ же родѣ какъ le travait est assuré à tout le monde?

Надобно имѣть много великодушія, чтобы съ самозабвеніемъ говорить власти непріятныя истины; но немного надобно ума, чтобы набросать желчныя жалобы и поверхностныя мысли въ тиши кабинета и пустить листки безъ подписи на голодные зубы алчущаго любопытства.

Писанная литература эта останется и послужитъ источникомъ для изученія нравственнаго и политическаго состоянія современнаго общества. Во всѣхъ тетрадяхъ вы видите порицанія и опроверженія, но ни въ одной нѣтъ и приблизительныхъ предположеній. Написать обзоръ по Европейскимъ началамъ журналистовъ легко, но придумать учрежденія, которыя бы ручались или хотя обѣщали достиженіе цѣли, въ государствѣ такого объема и состава, какъ наше, журналистамъ не по плечу.

Дурень думкой богатѣе... Думка? Это фатализмъ. Наполеонъ говорилъ: le fatalisme de nos jours c'est la raison d'état. Нѣтъ, это думка,

мысль, идея—непогрѣшительная идея правды Божіей, вѣчной и всемірной. Это порядокъ, предуставленный существомъ вещей, въ которомъ самыя исключенія, самыя противорѣчія служатъ подтвержденіемъ его дѣйствительности и поводами къ ускоренію его развитія. L'homme s'agite, Dieu mène.

Толки о назначеніи попечителей въ университеты. «Теперь ихъ нѣтъ или есть одинъ, генер. Молоствовъ, да и тотъ....; Пушкинъ обветшалъ, а Брадке Нѣмецъ». Но прежде всего: нужны ли они? Покойный Государь признавалъ полезнымъ соединять эти почетныя званія съ генералъ-губернаторствомъ и, мнѣ кажется, университеты были въ выигрышѣ. Неученые эти генералы не мѣшали наукѣ, а Строгановъ даже помогалъ ей своею оппозиціей, какъ Бибиковъ своимъ тщеславіемъ. Если они нужны, то какимъ же образомъ назначаютъ слухи сенаторовъ Катакази, Семенова и Замятнина и еще д. с. с. Ребиндера? Покойный Государь хотѣлъ командовать наукой, а вы хотите шутить. Господа! Наука есть сила, сильнѣйшая нежели паръ. Обращайтесь осторожнѣе. Она разрываетъ или задушаетъ. Страшнѣе прочихъ силъ, она не ограничивается однимъ взрывомъ и никогда не разряжается, а напротивъ, заражая, она дѣлается повѣтріемъ. Вы хотите назначать попечителями своихъ карточныхъ пріятелей... Такъ вы думаете играть этими храмами служенія истинѣ, этими важнѣйшими учрежденіями государственной жизни, и въ такое время, когда наука такъ смѣла, самонадѣянна и такъ сближается съ дѣйствительностію!

У насъ мѵропомазаніе и обрученіе великаго князя Николая съ принцессой Ольденбургской, обѣды, пальба и иллюминаціи, къ которой присоединился и пожаръ въ домѣ Энгельгардта (магазинъ Русскихъ издѣлій—весьма хорошая Русская мысль, колющая глаза Англичанамъ, обвиняемымъ въ народѣ въ этомъ пожарѣ), продолжающійся другія сутки. Саксонскій зять нашего канцлера Зеебахъ, присланный изъ Парижа (гдѣ были такъ громки слухи о мирѣ и даже вышла брошюра, съ одобренія императора: Sur la nécessité d'un Congrès), возвращается въ Парижъ, гдѣ слухи о мирѣ разсѣяны рѣчью императора къ войскамъ, возвратившимся изъ Крыма. На той самой площади, гдѣ стояла Бастилія и стоитъ Іюльская колонна, полновластный Луи-Наполеонъ, окруженный побѣдоносными полками, сказалъ рѣчь воинственную и по обыкновенію съ намеками: «Soldats! Je viens au-devant de vous comme autre fois le Sénat romain allait aux portes de Rome, au-devant de ses légions victorieuses. Je viens vous dire que vous avez bien mérité de la patrie». За симъ, восхваляя храбрость и подвиги, ораторъ заключаетъ: «Et le pays, qui entretient six cent mille soldats, a intérêt à ce qu'il y ait

maintenant en France une armée nombreuse et aguerrie, prête à se porter où le besoin l'exige. Gardez donc soigneusement les habitudes de la guerre; fortifiez-vous dans l'expérience acquise; tenez vous prêts à répondre, s'il le faut, à mon appel...» Тутъ мира мало, и вообще я не понимаю, какъ могутъ быть толки о мирѣ. Ужъ конечно не Валентинъ Эстергази и Зеебахъ рѣшатъ этотъ вопросъ, такъ сближающійся съ вопросами о народностяхъ и съ революціонными его послѣдствіями. Слышится голосъ демократа въ этой гордости и увѣренности сильнаго властелина; слышенъ этотъ голосъ и въ рѣчи молодаго Бельгійскаго наслѣдника въ Сенатѣ молодой націи. «Une nationalité jeune comme la nôtre doit être hardie, toujours en progrès et confiante en elle-même. Il suffit d'oser pour réussir. C'est là un des secrets de la puissance et de la splendeur dont jouissent pendant plus d'un siècle nos voisines du Nord, les Provinces-Unies.

Много говорятъ о рѣчи новаго президента графа Д. И. Блудова въ засѣданіи Академіи 23 Октября. Она дѣйствительно замѣчательна по такту, легкости и благородному стремленію. Но мнѣ кажется президентъ не далъ себѣ достаточно отчета въ значеніи Академіи Наукъ, и при томъ въ Россіи. Едва ли тутъ могла быть и намекомъ рѣчь о практическомъ направленіи. Другое замѣчаніе—это о словесности и искусствахъ, для руководства вкуса. Это очевидно сказано было для Русской партіи. Или я мало знаю гр. Блудова, или я къ нему несправедливъ; но я не ожидалъ, чтобы онъ такъ хорошо академически началъ свое президентство. Языкъ могъ бы быть построже, подостойнѣе, но все хорошо; жаль только, что ни слова, ни полслова объ Уваровѣ, а онъ былъ президентомъ около 40 лѣтъ. Отвѣтъ Давыдова и тяжелъ, и подобострастенъ, и длиненъ. Стихи Ломоносова о произведеніи Невтоновъ и Платоновъ, при существующей въ Академіи борьбѣ партій, болѣе нежели неприличны. Оговорки, разумѣется, у графа Блудова и здѣсь. Шаткій въ убѣжденіяхъ и неувѣренный въ знаніи, онъ иначе не можетъ.

Вотъ и опять новый годъ, 1856-й годъ, високосный, по преданіямъ всегда тяжелый. А мы пережили такой тяжелый 1855-й годъ! Только молодыя рамена наши облегчаютъ эту тягость. Двумя словами можно выразить наше положеніе: внутри—поборы и мундиры, на границахъ—враги и потери. Мы истощились безъ послѣдствій, мы теряемъ безъ вознагражденій. Положеніе дѣлъ, повидимому, тоже; но какъ все измѣнилось! Скончался императоръ Николай, и оканчивается его окруженіе. Новое царствованіе мало-по-малу вводитъ другую систему, подается, выказывается терпимѣе; но не есть ли это признакъ упадка? Уже и въ началѣ года мы изъявили согласіе на четыре условія, а теперь мы уже подаемся и на спорное третье, принимая огра-

ниченіе силъ на Черномъ морѣ и признавая неявное (non ostensible) вмѣшательство другихъ въ наши сдѣлки съ Турціей. Мы потеряли уже всѣ берега Чернаго моря, и Севастополь, и адмираловъ; мы низошли до такого униженія, что и герцогства Германскія посылаютъ намъ свои quasi-ultimata; мы видимъ не только Сардинію, но и Швецію и увидимъ Данію въ союзѣ съ Западомъ. Но видимъ и большое движеніе въ литературѣ, какъ въ печатной, въ полныхъ изданіяхъ Пушкина и Гоголя, въ журналахъ и драмахъ, въ повѣстяхъ и оффиціальныхъ привѣтствіяхъ, такъ и въ писанной—въ памятныхъ запискахъ, въ стихахъ, пасквиляхъ и каррикатурахъ. Движеніе началось, перемѣна личнаго состава исполняется, опасность вызываетъ дѣятелей; надѣятся на Муравьева, Лидерса и Путятина.

Занятый соображеніями объ особенныхъ видахъ судопроизводства и обширнымъ дѣломъ объ убійствѣ Кіевскаго субъ-инспектора Дубникова (дѣломъ весьма замѣчательнымъ), я долго не записывалъ дней моихъ. Перекрестный говоръ общества занятъ исключительно вопросами: что̀ получилъ, кто назначенъ и, наконецъ, миръ или война? Наградъ много, и главнѣйшая нашего министра *): онъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря «при особѣ нашей». Послѣднія слова толкуютъ даже въ смыслѣ званія перваго министра. Другіе, напротивъ, видятъ въ этомъ одно разнообразіе редакціи или прибавку писаря. Министры, или такъ называемые министры, ни въ чемъ не отказывающіе, Норовъ и Брокъ, вмѣсто смѣщенія получили Александра. Наградъ много, и стало-быть все хорошо. Приготовленія къ войнѣ продолжаются; новый внутренній заемъ (серіи) на 30 милл. и 24 для обмѣна старыхъ. Говорятъ о рекрутскомъ наборѣ. Назначеній тоже много. Князь Горчаковъ намѣстникомъ въ Варшаву, ген. Лидерсъ въ Крымъ, Сухозанетъ на его мѣсто, а генер.-лейт. Коцебу въ 5-й корпусъ. Эти перемѣны весьма одобряются. Менѣе перемѣнъ въ переговорахъ о мирѣ. Наше предложеніе 10 или 11 (23) Декабря о принятіи нейтрализаціи Чернаго моря по соглашенію съ Турціей, безъ прямаго участія другихъ державъ, перекрестилось, и вѣрно послано, чтобы парализировать его съ предложеніями Австріи, которая, пользуясь statu quo, требуетъ тоже нейтрализаціи, но совершенно въ смыслѣ Вѣнскихъ конференцій, и еще съ прибавкою измѣненій границъ на Дунаѣ. Предложенія, несогласимыя съ нашимъ положеніемъ. Тутъ мира нѣтъ. Да и какой миръ, когда, можно сказать, война еще и не начиналась въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ вопросу? Франція очевидно хочетъ измѣнить карту Европы

---

*) Графа В. Н. Панина. П. Б.

Но правительство такъ много разглашало въ народѣ о торжествѣ церкви, о покровительствѣ Православія, и такъ сильно подняло общественное мнѣніе и голосà пишущихъ, что теперь заключеніе мира, безъ явнаго и рѣшительнаго торжества, ни въ какомъ случаѣ не удовлетворитъ требованій, и сила ихъ въ мирное время будетъ давить тяжелѣе, нежели Крымское вторженіе, и непремѣнно вызоветъ преобразованія, которыя безъ войны еще долго шептались бы и дремали.

7 Янв. Толки о мирѣ все шире и громче. Въ Александринскомъ театрѣ при словахъ Дмитрія Донскаго: «скорѣе смерть, чѣмъ миръ постыдный», стѣны трещали отъ рукоплесканій (и стихъ теперь выброшенъ). На выборахъ въ Москвѣ готовится адресъ; выборы происходятъ и въ другихъ губерніяхъ: въ Смоленскѣ, въ Тулѣ, въ Курскѣ. Сборища эти очень безтолковы, но тѣмъ не менѣе они представляютъ наше высшее общество, и одного слова довольно, чтобы возбудить ихъ восточное преувеличенное неудовольствіе. Неудовольствіе это не выразится и смолкнетъ отъ присутствія жандарма или становаго; но молчаніе не есть согласіе, а неудовольствіе—въ подрывъ правительственному уваженію и довѣрію. Все это грустно. Не менѣе грустно и сужденіе людей благомыслящихъ. Принимая миръ, они видятъ въ немъ орудіе разрыва Англіи съ Франціей или перемиріе, которое мы, справясь съ дѣлами и оградясь союзами, нарушимъ для возвращенія прежнихъ правъ.

Оружіемъ сочувствія не завоюешь; либерализмъ не введетъ и не укрѣпитъ прочныхъ учрежденій. Надобно, чтобы правительство вступило на дорогу улучшеній и преобразованій, но вступило открыто, искренно и стройно. Ведетъ ли къ тому заключеніе мира? Нѣтъ. Люди не тѣ. Ни въ войнѣ, ни въ мирѣ они не взросли до своего положенія: и въ войнѣ надѣлаютъ промаховъ, и въ мирѣ займутся наружнымъ блескомъ и успокоятся въ довольствіи ничтожества и безотвѣтной самоувѣренности.

Паскевичъ скончался. Каковы бы ни были сужденія современниковъ о знаменитомъ генералѣ, онъ останется одною изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей царствованія Николая, его фельдмаршалъ, его другъ и его первый намѣстникъ. Паскевичъ родился въ 1782 г. въ Полтавѣ и воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ. Онъ началъ военное поприще въ вспомогательномъ нашемъ корпусѣ, посланномъ Австріи въ 1809 г. противъ Наполеона. Онъ кончилъ его вспомогательною войною въ 1849 г. въ Австріи противъ Венгерцевъ. Въ молодости онъ дрался на тѣхъ же мѣстахъ на Дунаѣ въ 1810, у Модлина въ 1813, на которыхъ фельдмаршаломъ водилъ арміи. Отличительными чертами его были скромность и осторожность. Онъ былъ молчаливъ до нѣмоты, предусмотрителенъ въ обезпеченіи арміи до мелочи. Онъ

никогда не торопился и не разсчитывалъ на поразительность словъ и дѣйствій. Въ 1817 г. онъ путешествовалъ по Россіи и за границею съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, съ которымъ всегда былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Кампаніи Персидская, Турецкая, Польская и Венгерская, веденныя, по увѣренію военныхъ, очень ошибочно, кончились счастливо и принесли Паскевичу графство, княжество, всѣ возможныя ордена, огромное состояніе и Европейскую извѣстность. Самая невыгодная кампанія, это—Венгерская. Самоувѣренность незамѣтно привела осторожнаго полководца къ фразамъ: «Венгрія у ногъ Вашего Величества»; Русская самонадѣянность привела къ неодобрительному братанью съ бунтовщиками. Эта фраза и это братанье отдалили отъ насъ «спасенную нами Австрію» и возбудили негодованіе и ненависть къ намъ Германіи. Лучшее въ Паскевичѣ, по мнѣнію моему, было управленіе Царствомъ. Оно было тихо, уважительно и довольно благотворно. Онъ отстаивалъ Польскія учрежденія и не давалъ слишкомъ воли Русскому самовольному элементу. Теперь, говорятъ, направленіе пойдетъ къ тѣснѣйшему сближенію съ Имперіей. Это несомнѣнно къ порчѣ. Говорятъ, большое вліяніе имѣли на него Польки. Послѣднія дѣянія его подъ Силистріей, смерть Николая и совершенное забвеніе его съ Февраля по день смерти, были безъ сомнѣнія причиною разстройства его здоровья. Ближайшій сотрудникъ его, князь Михаилъ Горчаковъ, ему наслѣдуетъ; но царедворецъ, и безъ авторитета, и безъ характера, онъ не устоитъ противъ вліянія Русскаго, и Польша не разъ вспомнитъ Паскевича.

Еще князь Чернышовъ, князь Воронцовъ, и изчезнетъ это военное поколѣніе, возращенное славнымъ царствованіемъ Александра. За недостаткомъ учрежденій, ихъ воспитали Европейскія событія. При Николаѣ учрежденія еще менѣе воспитывали, а школа событій совершалась въ Азіи. Школа плохая!

Армія наша надѣла трауръ. Вѣроятно тоже будетъ въ Пруссіи и Австріи.

Дворъ и городъ заняты приданымъ и свадьбой. Всѣ ждутъ билетовъ на входъ въ комнаты, гдѣ разложено это приданое, и на хоры въ день брака Николая и Александры, чтобы видѣть ужинъ. Еще болѣе искательства для спектакля въ театрѣ, и не дадутъ ли молодымъ и ихъ гостямъ полюбоваться «Сѣверною Звѣздою», какъ Петръ Великій, переименованный въ рудокопа, въ Андреевской лентѣ (ее сняли послѣ двухъ представленій) въ тавернѣ, влюбляется въ Екатерину?... Годъ не исполнился кончинѣ Николая, и пепломъ посыпаются головы наши отъ одной мысли о начинающихся переговорахъ въ Вѣнѣ и Парижѣ, отъ

чтенія депеши и рѣчи Королевы 31 Января въ парламентѣ, отъ торжествующихъ газетъ Нѣмецкихъ.

Aug. Picard помѣстилъ въ Revue des Deux Mondes (Ноябрь и Декабрь 1855) довольно пространную и добросовѣстную статью о Россіи: Du gouvernement des tzars et de la société russe. Онъ, конечно, поверхностно и часто ошибочно, описываетъ нашъ климатъ, наше географическое положеніе, наши историческія судьбы и наше общественное и политическое состояніе. Новаго мало, и самое извѣстное часто преувеличено, напр. вліяніе равниннаго положенія на неограниченность власти, значеніе и сила Великаго Новгорода, кровосмѣшеніе Славянъ съ Монголами, продажа крѣпостныхъ на рынкахъ и т. п. Но есть воззрѣнія любопытныя; такъ напр. на дворянство, дробящееся и обнищевающее, на необходимость подѣлиться съ дворянствомъ властію и приступить къ освобожденію крестьянъ, на преобладаніе (грубѣйшаго) элемента Русскаго надъ болѣе образованными, Польскимъ и Нѣмецкимъ. Безнравственность низшихъ классовъ и зависимость духовенства, лишеннаго даже права проповѣди. Разсужденія о финансахъ и кредитѣ взято изъ Леона-Фоше и Тенгоборскаго. Вельми хорошо обрисованы наши винные откупа, которые Пикаръ называетъ trafic coupable. Выводы войны почти тѣже, что̀ и въ нотахъ и рѣчахъ; но онъ возбуждаетъ вопросъ о зависимости Европы отъ хлѣбной торговли Россіи и, не смѣя выговорить, подданный Наполеона III-го, онъ довольно опредѣленно высказывается объ отдѣленіи Польши, чтобы примкнуть ее къ системѣ Запада: хлѣбъ изъ Риги и Одессы называется во Франціи le blé de Pologne.

Торжество брака, пушки, звонъ, иллюминаціи, мѣстоназначенія и награды кружатъ голову всему городу. Ни холодная рѣчь Викторіи, ни медленность въ открытіи конференцій, ни грубыя статьи журналовъ, повидимому, не обращаютъ на себя вниманія. Недовѣріе къ миру въ обществѣ и газетахъ, даже газетахъ Турецкихъ, для которыхъ вѣсть эта «была поразительна какъ разрывъ бомбы», выражается, къ униженію нашему, весьма недвусмысленно. Демократія, хотя бы хотѣла, не можетъ вѣрить миру. Аристократія вѣритъ вполовину, желая избавиться расходовъ и свободнѣе предаться удовольствіямъ. Вполнѣ вѣрятъ миру—династіи. La paix quand même! Но тутъ его и не будетъ. Однако приготовленія продолжаются: Вятскія и Пермскія дружины снаряжаются, Саратовскія и Симбирскія въ пути.

Или все это дѣлается для разъединенія Франціи и Англіи? Но враги ваши не они: ихъ можно купить. Враги ваши—демократія и народности. Обезоружить ихъ можно только преобразованіемъ учрежденій.

26 Января. Графъ Орловъ, adlatus покойнаго Николая, ѣдетъ въ Парижъ на конференціи. Этотъ Николаевскій человѣкъ вовсе не можетъ соотвѣтствовать этому назначенію. Ему придаютъ барона Брунова, способнаго, при сближеніи съ Франціей, сблизиться съ прежнимъ Лондонскимъ постомъ своимъ, который дастъ 60 т. р. серебр. жалованья. Правительство наше, какъ и Австрійское, ищутъ въ Луи-Наполеонѣ. Во мракѣ событій и въ смѣшеніи началъ и убѣжденій родовые, династическіе императоры видѣли въ немъ маякъ порядка, по крайней мѣрѣ наружнаго. Но они ошибаются. Это не маякъ, это костеръ, и горитъ онъ ярко, потому что горючихъ веществъ—страстей народныхъ—много, и потому-то ему недолго горѣть. На этомъ кострѣ, пожирающемъ династіи, императоры обожгутся. Это маякъ революціонный, возженный для привлеченія блуждающихъ.

Первое засѣданіе парламента, рѣчи Дерби и Ребука, отвѣты Кларендона и Пальмерстона показываютъ, что надежда на миръ не совсѣмъ прочна. Siècle и другіе, болѣе свободные представители демократіи, говорятъ, что надежда эта неосновательна. Піемонтъ и Швеція утверждаютъ, что надежда эта имъ непонятна. Въ самомъ дѣлѣ, заключеніе мира, на Австрійскихъ условіяхъ, не смотря на униженіе и на всѣ пожертвованія Россіи, не разрѣшаетъ вопроса, не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ и почти всѣ государства поставляетъ въ ложное положеніе. Наполеонъ конференціями и конгресомъ продлитъ время, «а потомъ чтò?» спрашиваетъ Кобденъ. Измѣненіе карты Европы? Новый Вѣнскій (въ Парижѣ) конгресъ? Но участіе демократіи выдвинетъ вопросъ о народностяхъ. Англія, не смотря на союзъ съ Французскимъ диктаторомъ, и не думаетъ предлагать законъ объ иностранцахъ; въ Испаніи народная стихія господствуетъ, въ Даніи она усиливается съ дерзостію, въ Германіи требуютъ преобразованія сейма, въ Піемонтѣ и Швеціи стихія эта, болѣе нежели въ Бельгіи, овладѣнной церковниками, опирается на законъ. Въ Австріи одинъ конкордатъ можетъ произвести пожаръ. Во Франціи оппозиція лучшей части общества, настоящей pays légale, никогда не прекращалась, и одной искры достаточно, чтобы показалось зарево на этомъ блестящемъ горизонтѣ. Но самое ложное положеніе безспорно будетъ наше. Не говоря уже о внѣшнихъ отношеніяхъ, совершенно измѣняемыхъ и войною, и конгресомъ, положеніе внутреннее представляетъ множество затрудненій. Этотъ унизительный миръ, это истощеніе государства людьми и деньгами, это распространеніе письменной литературы и ослабленіе ценсурныхъ правилъ, и особенно эта армія ополченцевъ, народа неблагонадежнаго и съ офицерами еще болѣе неблагонадежными, все это не подъ силу настоящему нашему правительству. Чтó одинъ буй-

ный Лихачевъ, со своею дружиною, сдѣлалъ въ Петровскѣ, окруживъ домъ и арестовавъ Мих. Устинова и сестру его, Зинаиду, предводителя дворянства Яков. Льв. Кожина, полицеймейстера, коменданта, заставляя ихъ: «пей, а не то высѣку» и проч.: то можетъ повториться, особенно если эти ватаги и пьяные офицеры останутся въ бездѣйствіи. Въ такомъ положеніи не только костеръ Французскій, но и вѣрный маякъ не помогутъ. Опасенія крушенія не неосновательны, и приготовительныя мѣры къ введенію прочныхъ учрежденій необходимы и настоятельны.

29 Января. Дѣло о графствѣ Орлова-Давыдова. На письмѣ княгини Барятинской Государь написалъ: «согласенъ и дать законный ходъ». Статсъ-секретарь кн. А. Ѳ. Голицынъ увѣдомилъ княгиню Барятинскую, что Его Императорскому Величеству благоугодно было изъявить всемилостивѣйшее соизволеніе на просьбу ея о пожалованіи внуку графа Орлова, зятю ея, Давыдову, титула гр. Орлова-Давыдова. Въ герольдіи Сената 19 Іюля 1855 г. согласно съ этимъ и заключили: изготовить проэктъ указа и представить къ Высочайшему подписанію...

Дѣло въ герольдіи единогласно рѣшено 23 Ноября отказомъ. Герольдмейстеръ, усиля основаніе отказа, предложилъ, чтобы довести о томъ до свѣдѣнія Государю. Сенаторы, будто бы такъ увѣренные въ справедливости отказа, не согласились, и герольдмейстеръ донесъ министру. Товарищъ министра предписалъ перенести дѣло въ общее собраніе, но не торопиться и пріостановить. Нареченный графъ подалъ Государю записку, 10 Декабря, въ которой жаловался, что дѣло это приняло ходъ судебнаго разсмотрѣнія. Государь на докладѣ написалъ: «сообщить гр. Блудову, дабы дѣло это, на которое я уже предварительно изъявилъ свое согласіе, получило скорѣйшее окончаніе». Предписано было герольдмейстеру и оберъ-прокурору, и на докладѣ объ этомъ Государь написалъ: «доносить мнѣ о ходѣ этого дѣла каждую недѣлю». Тогда двинули дѣло, и оно 13 Января доложено общему собранію. Здѣсь было 6 мнѣній: 5 и 10, по различнымъ основаніямъ, полагаютъ отказать; 2, 5, 1 и 1 полагаютъ предоставить. На консультаціи, по докладу Троицкаго, шестеро (и я), согласно съ нимъ, полагали предоставить Давыдову именоваться графомъ Орловымъ-Давыдовымъ; въ тотъ же день составленъ журналъ, 28 Января, и на другой день товарищъ, согласившись съ нами, далъ предложеніе. 3 Февраля дѣло доложено сенаторамъ, большинства не состоялось, и дѣло вносили въ Совѣтъ...

Я согласился на предоставленіе титула, потому что послѣ такихъ точныхъ повелѣній нѣтъ никакого сомнѣнія въ волѣ Государя...

И вотъ чѣмъ занимались мы въ то время, какъ на Вѣнскихъ и Парижскихъ совѣщаніяхъ у насъ откраиваютъ области и сбиваютъ не Московитскую спѣсь, а насъ съ пути-дороги, до которой мы такъ долго и усильно пробивались!

Указомъ 31-го Декабря 1855 года. № 995, Орловской дворянской опеки, назначенъ я соопекуномъ надъ имѣніемъ, оставшимся послѣ тестя моего Боборыкина. Горестное назначеніе! Имѣніе это въ такомъ безпорядкѣ, съ такими огромными долгами, съ такимъ дурнымъ управленіемъ, что немного пройдетъ годовъ до продажи его съ молотка, если не будетъ оно продано нами. Это кошемаръ мой, мое помѣщательство, убійственная моя дума. И прежде мы мало имѣли помощи изъ имѣнія, но пользовались лѣтними поѣздками, людьми и домашними мелочами. Лишиться и этого—этого, столь малаго—значитъ остаться въ совершенной зависимости отъ службы, которая и не при графѣ Панинѣ зависитъ отъ произвола и минутнаго расположенія, такъ тягостныхъ для меня. Вотъ почему писалъ я матери: «давно не легко на моемъ сердцѣ, и давно неясна голова моя; это своего рода болѣзнь, за своего рода грѣхи». Я давно уже живу и сплю искусственно и по привычкѣ. А присоединяя къ этому мелкія запутанности домашнія, невольно спросишь: какъ еще живется и служится? Да; но для этого нужно терпѣніе, смиреніе и утрата того выразительнаго характера и того нравственнаго достоинства, которые составляютъ человѣка...

Я кончилъ чтеніе «Семейной хроники и воспоминаній» Сергѣя Тимофѣевича Аксакова. Книга въ высшей степени любопытная и поучительная, написанная прекрасно, съ теплымъ чувствомъ благородныхъ стремленій, съ откровенностію чувства внутренняго достоинства и съ замѣчательнымъ талантомъ выраженія. Она читается какъ романъ; хотя нѣтъ ни завязки, ни развязки, а между тѣмъ чувствуешь, что это быль, исторія. Каждая страница представляетъ картину, каждое лицо—типъ; вездѣ много наблюдательности, чувства, дѣйствія и возвышенныхъ помышленій. Это облагороженный историческій Гоголь. Но въ числѣ оригиналовъ (обыкновенныхъ людей Аксаковъ, кажется, не встрѣчалъ въ жизни) всѣхъ покрываетъ и заслоняетъ личность дѣда. Для Европейца это какое-то существо допотопное. Мощная сила тѣла и воли, необузданность гнѣва, увѣренность власти, первобытная простота патріархальныхъ временъ, почти дикость Уральская, правдолюбіе и правота закоренѣлыя—все это трепещетъ естественностію, жизнію, выразительностію *). Сынъ этого родича женится на

*) Намъ вспоминаются слова А. С. Хомякова о томъ, что Степанъ Михайловичъ Баг-

Зубовой, и въ стихію первобытнаго быта вносится стихія образованности, утвержденной на умѣ замѣчательномъ и материнской любви безпредѣльной. Образованность эта ведетъ внука этого медвѣдя въ гимназію и университетъ, въ Казань, отыскиваетъ Гр. Ив. Карташевскаго, устремляетъ молодой талантъ къ сценѣ, къ чтенію, къ сочиненіямъ и журналамъ, а потомъ вводитъ къ Шушерину, въ кабинеты Шишкова и Державина, и любовь эта летитъ, въ снѣгъ и непогоду, къ больному ребенку, идетъ по тающему льду Камы, на жизнь и смерть борется съ злымъ инспекторомъ и не знаетъ никакихъ препятствій. Картина этой борьбы образованности съ невѣжествомъ, этой любви съ необходимостью есть одна изъ блестящихъ сторонъ превосходнаго сочиненія Аксакова.

Мнѣ кажется только, что Аксаковъ, по отдаленности воспоминаній, увеличилъ размѣры своихъ лицъ или увлекся принадлежащимъ ему воззрѣніемъ и что нѣкоторыя страницы, слова́ и обороты носятъ слѣды поправокъ и подновленій, трудно сочетаемыхъ съ настоящимъ возрастомъ сочинителя и со временемъ, къ которому относятся его описанія. Кромѣ пріятнаго чтенія, простота и благородство, разлитыя по всѣмъ страницамъ огромной книги, оставляютъ въ умѣ и душѣ что-то улучшающее и возвышающее тѣсныя и обрядныя наши понятія и невольно пробуждаютъ мысли о пустотѣ и ничтожествѣ настоящаго общества. Искренняя благодарность С. Т. Аксакову! Подарите еще, и еще... Отрывочность книги и краткость описаннаго времени доказываютъ, что запасъ воспоминаній едва только начатъ, и закрома́ этой сказки переполнены золотою пшеницей.

(*Продолженіе будетъ*).

ровъ и Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ олицетворили собою ходъ Русской жизни: оба́ отличные люди, но дѣдъ таскаетъ за волосы свою Арину Васильевну, а правнукъ пишетъ сочиненіе о Ломоносовѣ Русскими словами и Русскими буквами, такъ однако, что Русскіе люди едва понимаютъ его. П. Б.

МИРГОРОДЪ И ЯНОВЩИНА.

Раннее творчество Гоголя съ необыкновенною живостью отразило на себѣ впечатлѣнія роднаго края, мѣстъ и людей, среди которыхъ прошли его юные годы. Дѣтство и первая молодость его были свѣтлы и счастливы. Любимецъ семьи и товарищей, онъ выросъ въ благодатномъ уголкѣ Малороссіи, въ наивное и патріархальное время, такъ сказать, еще на рубежѣ героической эпохи. Его родной уголокъ отличался обиліемъ плодовъ земныхъ. Народъ, населявшій эти мѣста, въ большинствѣ былъ вольнымъ сословіемъ (казаки). Крѣпостное право, которое завелось на Украйнѣ за двадцать шесть лѣтъ до рожденія Гоголя почти не обнаруживало въ той мѣстности уродливыхъ своихъ проявленій. О томъ, что̀ такое было населеніе этого края, даютъ понятіе герои молодыхъ произведеній Гоголя, эти разскащики-юмористы и неграмотные поэты, списанные съ натуры. Переходъ къ суровой дѣйствительности, къ будничному труду, къ служебнымъ канцеляріямъ, къ холодному Петербургскому небу, ко всему уродству жизни, былъ дѣйствительно тяжелъ для Гоголя, и не даромъ одинъ изъ иностранцевъ, писавшихъ о немъ (Вогюэ), въ этомъ переходѣ видитъ главнѣйшую причину грусти, которая подернула съ тѣхъ поръ какъ флеромъ его душу. Тѣсная связь Гоголя съ Малороссіей чувствуется особенно въ его родныхъ мѣстахъ. Посѣщая ихъ, какъ бы перечитываешь его первыя повѣсти.

Дорога на Миргородъ отъ Лубенъ идетъ все время степями и широкой равниной. Запряженный парою почтовый шарабанъ катитъ быстро. Хороши въ Малороссіи эти дни во второй половинѣ Іюля, когда солнце не печетъ, а то выглянетъ изъ-за облака, то спрячется снова, играя на поляхъ полосами свѣта и тѣней. Куда ни кинь глазомъ, вездѣ безбрежная равнина, еще недавно бывшая степью. Идетъ уборка хлѣбовъ, и на поляхъ видны то крестьяне, то жатвенныя машины показывающейся вдали помѣщичьей „экономіи". Поля и поля... Лишь на полдорогѣ встрѣтится одинокая хатка съ колодцемъ, да въ двѣнадцати верстахъ отъ Миргорода будетъ село Кибинцы. Здѣсь уже область Гоголевскихъ воспоминаній.

Въ этихъ Кибинцахъ, удалясь отъ дѣлъ и трудовъ, проживалъ извѣстный Екатерининскій министръ Трощинскій. Посреди села, на горѣ, противъ церкви, стоитъ и теперь еще тотъ домъ, гдѣ давались Малороссійскіе спектакли, игрались піесы, сочиненныя отцомъ Гоголя, и гдѣ въ мальчикѣ-Гоголѣ зародились первые зачатки любви къ театру и литературѣ. Домъ

похожъ на всѣ барскія постройки того времени, когда архитектурный вкусъ руководствовался образцами, оставленными славнымъ Растрелли. Бельведеръ снятъ; но видъ этого палаццо, возвыщающагося среди зелени сада, еще величественъ. Самое село такое чистенькое; бѣлыя хаты, съ подведенными снизу стѣнъ глиною желтыми полосками, такъ хорошо обмазаны, какъ будто оштукатурены. Образецъ этихъ хатъ выработанъ чисто-мѣстными условіями: въ этой части Полтавской губерніи лѣсъ очень рѣдокъ и дорогъ, а потому на постройку хаты стараются тратить его какъ можно меньше. Собственно стѣны хаты сколачиваются изъ земли, сухаго навоза, соломы и очень твердой мѣстной глины. Дéрева идетъ на постройку столько, сколько нужно, чтобы держалась вся эта амальгама, которая быстро твердѣетъ и потомъ на-чисто бѣлится. Что лѣсу здѣсь нѣтъ — скажутъ вамъ и кучи *кизяка* (кирпича изъ навоза и соломы), лежащія возлѣ хатъ, и ѣдкій запахъ дыма, тянущагося тонкими струйками изъ трубъ этихъ хатъ, отапливаемыхъ кизякомъ.

За Кибинцами опять равнина, поля подсолнечника, обернувшаго на востокъ тарелки своихъ ярко-желтыхъ цвѣтовъ. Вдали показываются вербы, церковь, мельницы. „Что этò за деревня, ямщикъ?“—„Да это-жъ Миргородъ!“

Ничто рѣшительно не предвѣщаетъ путнику о близости хотя какого-нибудь, хотя маленькаго городка. Мы совсѣмъ подъѣзжаемъ къ „городу“, а навстрѣчу попадаются только возà съ сѣномъ, да крестьянскія женщины въ черныхъ „свиткахъ“; старый отставной солдатъ гонитъ корову, мужикъ съ косой идетъ съ поля... Дѣло въ томъ, что Миргородъ,—въ чемъ его и достоинство,— вовсе даже не городъ, хотя носитъ давно это названіе. Развѣ можно въ самомъ дѣлѣ назвать городомъ этотъ протянувшійся въ одну широкую песчаную улицу поселокъ? По бокамъ этой главной улицы, по берегамъ рѣки Хорола, ютится, правда, еще много хатъ, утонувшихъ въ зелени сливъ и вербъ; но все это постройки уже строго-деревенскаго характера. Весь городокъ лежитъ на равнинѣ, поле видно изъ конца въ конецъ, площади безпредѣльны и печальны; но на всемъ этомъ такой чистенькій, милый видъ. Множество садовъ, зелени; рѣчка Хоролъ, вся заросшая водяными растеніями, очень живописна. А вотъ и новости: черезъ Хоролъ идетъ мостъ, новый, хорошій; знаменитой лужи не видно и слѣда, а дальше (о Гоголь, Гоголь!) идетъ *мостовая*.

Солнце садилось, когда я въѣзжалъ въ Миргородъ. Была Суббота, звонили ко всенощной. Устроившись на постояломъ дворѣ, я отправился побродить по городу и зашелъ въ церковь „Троицы“. Былъ ли я такъ настроенъ, или дѣйствительно старина удержалась въ Миргородѣ до такой степени, только мнѣ вездѣ видѣлись знакомые Гоголевскіе типы. Въ феноменально-типичномъ дьячкѣ, пѣвшемъ на клиросѣ, я видѣлъ поповича „Сорочинской Ярмарки“ и невольно представлялъ себѣ, какъ онъ, когда на чистомъ небѣ взойдетъ мѣсяцъ и все уснетъ кругомъ, будетъ пробираться на свиданіе къ „полногрудой хуторянкѣ“; а когда къ клиросу подошелъ старичекъ съ палкой и сталъ возлѣ него, сердце мое дрогнуло: я узналъ Ивана Ивановича. Нѣтъ, это не было минутное душевное настроеніе! Все кругомъ вѣяло тѣмъ далекимъ временемъ.

Я не встрѣчалъ нигдѣ въ Малороссіи такихъ удивительныхъ старинныхъ типовъ, бритыхъ головъ, длинныхъ усовъ, казацкихъ черноокихъ лицъ, старосвѣтскихъ костюмовъ, въ особенности женскихъ, между которыми нерѣдко попадаются даже *шушуны* гетьманской эпохи (родъ длиннаго, суконнаго кафтана въ мелкихъ сборкахъ). Кто любитъ эти видѣнія прошлаго, исчезающія типическія черты жизни, наводящія на цѣлый рядъ мечтаній, пусть ѣдетъ въ Миргородъ, пока желѣзный путь не прошелъ близъ него, стирая по своему обыкновенію все старинное и своебытное.

А въ какой очарованный міръ перенесся я, когда на другой дѐнь, часовъ въ пять свѣтлаго, погожаго утра вышелъ на базаръ, шумѣвшій у самаго моего окна! Это была картина, буквально выхваченная изъ „Вечеровъ" и даже „Вія", лучшая иллюстрація къ нимъ. Крестьянская толпа, мужики въ черныхъ свиткахъ и бараньихъ шапкахъ, женщины въ такихъ же свиткахъ, *плахтахъ* стариннаго, шахматообразнаго рисунка, въ желтыхъ или красныхъ „сапьяньцяхъ" (сафьянныхъ сапогахъ) и съ повязанными черными платками головами, толкались на торгу. А вотъ и она, несомнѣнно она, почтенная тетушка Ивана Ѳедоровича Шпоньки, Василиса Кашпаровна, съ дѣвкою, несущею за ней корзину для покупокъ. А выбрать тутъ есть изъ чего: рыба, соль, картошка, бублики, яйца, огурцы, сало, *крамъ*, серпы, косы... чего тутъ только нѣтъ! Даже неизмѣнный *кизякъ* на возахъ. Этотъ крестьянскій торгъ, старосвѣтскій и наивный, не галдѣлъ противнымъ базарнымъ крикомъ: слышался только какой-то пріятный гулъ. Крестьянки, стоя рядами возлѣ своихъ *кошиковъ* съ товаромъ, переговаривались между собой о деревенскихъ новостяхъ. Цѣны на все были изумительно-дешевы.

Бродя по пустымъ улицамъ „мирнаго города", по его площадямъ, я заходилъ на „островъ", на берега Хорола, заросшаго очеретомъ, тихо несущаго свои воды. Прохожіе, встрѣчаясь со мной, здоровались, какъ въ деревнѣ. Общій характеръ города совсѣмъ сельскій. Преобладающее его населеніе — казаки, давно утратившіе всякую тѣнь воинственности и превратившіеся въ мирныхъ земледѣльцевъ. При гетьманщинѣ существовалъ Миргородскій полкъ, но резиденція его чаще всего находилась не въ самомъ Миргородѣ, а въ лежащемъ на рѣкѣ Пслѣ нынѣшнемъ мѣстечкѣ Сорочинцахъ.

На окраинѣ города стоитъ кладбищенская церковь. Кладбище, со старыми покосившимися, покрытыми мохомъ крестами и съ рѣдкими между ними деревьями, раскинулось вокругъ. Здѣсь спитъ старый Миргородъ и если вѣчные враги, Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ, дѣйствительно, какъ увѣряютъ, существовали, то они упокоились здѣсь, наконецъ, рядомъ и прекратили свою тяжбу. Кругомъ—степь, баштаны, поля подсолнечника; прямо виденъ, какъ на ладони, весь Миргородъ съ его тремя церквами и низенькими бѣлыми домиками, все залито Іюльскимъ солнцемъ... Сумракъ низенькой старой церкви, съ теплящимися кое-гдѣ передъ образами свѣчками, странно отдѣляется отъ этого яркаго дневнаго свѣта. У входа въ церковь, гдѣ стоятъ нѣсколько крестьянъ изъ сосѣднихъ хатъ, молодая слѣпая нищая причитаетъ на распѣвъ стариннымъ причитаніемъ:

— Дайте, татуло ридный, що я не бачу якъ темна ниченька наступае, якъ ясне сонечко просвитае, якъ хмарна годынонька настыгае!...

Церковь перенесена изъ упраздненнаго при Екатеринѣ Скельскаго монастыря, стоявшаго недалеко отъ Миргорода, и ея старинный иконостасъ взятъ оттуда. Въ числѣ иконъ „Успеніе Богородицы", работы Боровиковскаго. На престолѣ большое Евангеліе, вкладъ запорожца Кириленка.

Минуя живописныя села Устивицу, Яреськи, хуторъ Толстое, гдѣ часто бывалъ Гоголь у сосѣдей-помѣщиковъ и гдѣ дорога идетъ старымъ дубовымъ лѣсомъ, выѣзжаешь на приволье, и предъ глазами открывается обширный горизонтъ съ кое-гдѣ виднѣющимися тамъ и сямъ хуторами. Еще немного, и вдали показывается Яновщина.

Это небольшое село лежитъ на границѣ Миргородскаго и Полтавскаго уѣздовъ, въ сорока верстахъ отъ Полтавы. Въ немъ около трехсотъ душъ жителей, шестьдесятъ крестьянскихъ хатъ, господскій домъ, окруженный громаднымъ садомъ, и маленькая церковь, на выгонѣ, противъ дома Гоголя. Гоголи или Яновскіе, какъ называли ихъ въ той мѣстности и какъ называютъ и теперь, были въ этомъ селѣ единственными владѣльцами и помѣщиками.

Яновщина носитъ старосвѣтскій характеръ, который сообщаютъ ему избы необыкновенной, нигдѣ не встрѣчающейся больше постройки. Форма ихъ — обыкновенная крестьянскихъ хатъ; но между соломенною крышею и *присьбою* (фундаментомъ), на фасѣ избы, между тремя квадратными оконцами, окаймленными полосами цвѣтной глины, у каждой изъ нихъ стоятъ три деревянныя колонки, что̀ придаетъ хатамъ очень своеобразный видъ. Такія хаты, которыхъ осталось еще довольно много, выстроены по плану, нарочно сочиненному отцомъ поэта, Василіемъ Аѳанасьевичемъ, и всѣ хаты въ деревнѣ строились по этому плану. Новыя строятся уже иначе, по обыкновенному Малороссійскому образцу.

При въѣздѣ въ село по одну сторону тянется громадный, тѣнистый господскій садъ. Дорога идетъ мимо него чрезъ мостикъ на рѣкѣ, перерѣзывающей садъ на двѣ половины. Когда поднимешься на гору, открывается большой зеленый выгонъ, на одной сторонѣ котораго стоитъ маленькая, обсаженная кругомъ деревьями церковь, сіявшая въ тотъ день на солнцѣ бѣлыми стѣнами, а на другой — господская усадьба. Большая часть деревни позади церкви. За рѣшеткой, отдѣляющей господскій домъ отъ площади, видѣнъ очень длинный, одноэтажный домъ, крытый красною желѣзною крышей и утонувшій въ зелени сада, надвинувшейся на него сзади. По сторонамъ двора стоятъ слѣва службы, такой же старинной постройки какъ хаты въ селѣ, а справа—два маленькіе, крытые соломой флигелька, въ одномъ изъ которыхъ жилъ Гоголь во время своихъ пріѣздовъ въ Яновщину.

Большой домъ построенъ на мѣстѣ стараго еще въ юности Гоголя. Надъ окнами гостинной столѣтнія липы простерли свои зеленыя вѣтви. Убранство комнатъ носитъ слѣды былого. Старинный диванъ, старыя, фигурныя кресла, обитыя полинявшей отъ времени зеленой матеріей, восковые цвѣты у стараго зеркала и фамильные портреты на стѣнахъ. По срединѣ—портретъ

Трощинскаго въ пудренномъ парикѣ, съ косою, а по бокамъ его снятый въ молодости портретъ Марьи Ивановны Гоголь, матери поэта, сестры его, умершей давно, и портреты двухъ старухъ, бабокъ Гоголя съ отцовской и материнской сторонъ. Изъ нихъ портретъ матери Маріи Ивановны отличается превосходной работой: лицо дышетъ умомъ. На одной изъ стѣнъ виситъ гравюра Іордана съ „Преображенья" Рафаэля. Шкафъ съ книгами дополняетъ убранство комнаты.

Садъ, насаженный тоже отцомъ поэта, очень обширенъ и густъ и скорѣе похожъ на паркъ. Спускъ къ пруду идетъ по дорожкамъ, обсаженнымъ старыми липами. По дорогѣ встрѣчается роскошно разросшаяся семья дубковъ, собственноручно посаженныхъ поэтомъ. Обширный прудъ заросъ тростникомъ и тиной. Дрожащій мостокъ, переброшенный черезъ него, ведетъ въ другую часть сада, сравнительно болѣе молодую. Главныя посадки, произведенныя Гоголемъ, который со страстью занимался садоводствомъ, сдѣланы именно въ этой части сада. Изъ всѣхъ растущихъ у насъ деревьевъ Гоголь особенно любилъ дубъ и кленъ и садилъ ихъ гдѣ только возможно. Разросшіяся теперь деревья эти образуютъ страшную глушь. Длинная кленовая аллея отдѣляетъ садъ отъ поля. Она вся изъ конца въ конецъ посажена Гоголемъ.

Флигелёкъ, гдѣ жилъ и писалъ Гоголь, довольно ветхъ. Деревянное крыльцо полуразвалилось; дверь „поетъ", какъ пѣли двери у Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны. Всѣхъ комнатъ четыре, и онѣ пусты теперь. Въ угловой, два маленькихъ окна которой выходятъ въ садъ, всегда работалъ Гоголь. Изъ вещей, ему принадлежавшихъ, я видѣлъ столъ, на которомъ онъ писалъ, да полки съ разрозненными томами его библіотеки. Въ окно виднѣется садъ, за садомъ поле.

Въ церковной оградѣ, осѣненной раскидистыми деревьями, похоронены отецъ и мать Гоголя. Марья Ивановна Гоголь скончалась 1 Апрѣля 1868 года, въ самый день Пасхи. Церковь, близъ которой она похоронена, выстроена ею и мужемъ ея въ 1821 году.

—

Обратный переѣздъ мой черезъ Яновщину приходился въ Сентябрѣ. Осенній день ясный, но холодный склоняется къ вечеру. Вотъ опять она, далекая, глухая деревушка, раскинувшаяся на холмѣ среди необозримаго простора степей...

Ранняя осень позолотила листья Гоголевскаго сада. Стоитъ онъ, густой и роскошный, и одѣвается въ осенній уборъ: желтѣютъ липы, рубиномъ горятъ на солнцѣ круглые листочки рѣдкихъ грушъ, и только на дубахъ, кленахъ и березахъ видна еще прихваченная раннимъ морозомъ лѣтняя зелень.

Живописныя старыя хатки, садъ, бѣлая церковь на выгонѣ передъ Гоголевскимъ домомъ,—все освѣщено лучами заката и какъ-то выпукло рисуется теперь въ осеннемъ воздухѣ, необычайно прозрачномъ, дрожащемъ и переливающемся.

Колеса стучатъ по мосту и плотинѣ. По одной сторонѣ ея, сморщившись, стоитъ водяная мельница, а по другой, въ рамкѣ сада, блеститъ зер-

кальная поверхность пруда. У самой дороги гигантскiе серебристые тополи, высятся могучiе и сильные, и листья ихъ сѣдоватыхъ шапокъ дрожатъ и трепещутъ отъ набѣжавшаго вѣтерка.

Остановившись ночевать въ Яновщинѣ, вечеромъ, въ комнаткѣ постоялаго двора, я долго бесѣдовалъ съ старикомъ, хорошо знавшимъ Гоголя (его указалъ мнѣ хозяинъ двора), усатымъ Рѣшетиловскимъ козакомъ. Этотъ старикъ, Якимъ Нимченко, жилъ при Гоголѣ въ качествѣ слуги въ первое время его Петербургской жизни.

Небольшой ростомъ, въ коричневой старой свиткѣ, съ длинной палкой въ одной рукѣ и бараньей шапкой, снятой при входѣ въ хату въ другой, съ завязанной какимъ-то зеленымъ платочкомъ худой, старческой шеей, съ совершенно лысой головой, но съ энергическимъ еще лицемъ, несмотря на почти полную слѣпоту, таковъ былъ Якимъ Нимчемко (нынѣ уже умершiй). Какъ большая часть крестьянъ, онъ не зналъ точно своихъ лѣтъ. Въ 1829 году, когда онъ выѣхалъ съ Гоголемъ въ Петербургъ, ему было лѣтъ двадцать шесть. Онъ былъ при Гоголѣ лакеемъ и поваромъ, жилъ сначала одинъ, потомъ съ женою. Поварскому искусству учился въ Орловской губернiи, у помѣщика Филипова, куда отданъ былъ еще отцемъ Гоголя. Въ бытность Николая Васильевича въ Нѣжинѣ раза два онъ ѣздилъ провожать его въ гимназiю съ каникулъ; потомъ онъ совсѣмъ поступилъ къ нему въ услуженiе. Когда Гоголь уѣхалъ за границу, Якимъ вернулся съ женою въ Яновщину. Гоголь самъ нанялъ для нихъ извозчика, и они ѣхали изъ Петербурга съ небольшимъ двѣ недѣли. При отъѣздѣ за границу Николай Васильевичъ сдѣлалъ распоряженiе, чтобы выпустить Якима на волю, и написалъ объ этомъ матери; но Якимъ самъ не захотѣлъ этого. До смерти Марiи Ивановны, онъ жилъ „во дворѣ". Потомъ жизнь его измѣнилась. Маленькiя свои деньги онъ отдалъ всѣ дочери, съ тѣмъ чтобы жить при ней до смерти; но дочь умерла раньше его, а зять выгналъ его изъ хаты. Послѣднiе годы онъ жилъ у своего сына, получая маленькое пособiе отъ сестеръ Гоголя.

Вотъ что разсказывалъ мнѣ бѣдный старикъ, вспоминая то далекое время.

Выѣхали они въ Петербургъ (въ 1829 году) Гоголь, Данилевскiй и Якимъ. По прiѣздѣ остановились въ гостинницѣ, гдѣ-то возлѣ Кокушкина моста, а потомъ поселились на квартирѣ близъ того же моста въ домѣ Звѣрькова. Здѣсь Гоголь прожилъ около двухъ лѣтъ. Другъ его Данилевскiй, тогда восемнадцатилѣтнiй юноша, поступилъ въ старшiе классы школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и, въ качествѣ родственника Гоголя, приходилъ къ нему по праздникамъ. Когда вспыхнуло Польское возстанiе, Данилевскому, Карскому и другимъ юнымъ воинамъ, посѣщавшимъ Гоголя, пришлось по обязанности службы, ѣхать въ Варшаву. Но вѣроятно присмотръ родственника не былъ особенно рачителенъ и строгъ, такъ какъ юный Данилевскiй попался на глаза своему начальству въ одномъ изъ Петербургскихъ гулянiй, въ то время, когда его считали уже выѣхавшимъ изъ столицы. Послѣдовало сидѣнье на гауптвахтѣ, послѣ котораго пришлось все-таки проститься и съ Петербургомъ и съ Гоголемъ. Послѣднiй нѣсколько времени жилъ въ одной квартирѣ съ жи-

вописцемъ Мокрицкимъ, также землякомъ. Какъ въ домѣ Звѣрькова, такъ и въ слѣдующемъ своемъ мѣстожительствѣ, на углу Гороховой и Малой Морской, Гоголь занималъ квартиру комнатъ въ пять. „Сначала Николай Васильевичъ хотѣлъ поступить на театръ“. Тоже желаніе имѣли и два брата Прокоповичи, пріѣхавшіе въ Петербургъ послѣ Гоголя. Одинъ изъ нихъ („онъ и женатъ былъ на актеркѣ“) поступилъ таки на сцену и пробылъ тамъ года два, а Гоголь скоро бросилъ эту мысль и опредѣлился на службу, потомъ оставилъ службу и сдѣлался учителемъ. Онъ два раза въ недѣлю ходилъ въ Институтъ, большею частью пѣшкомъ, а то давалъ частные уроки, напр. въ домѣ генерала Балабина*). Къ нему приходили на домъ ученики изъ дома Католической церкви и другіе. Изъ дому онъ получалъ очень мало и жилъ уроками. Когда „сочинялъ“, то писалъ сначала самъ, а потомъ отдавалъ переписывать писарю, такъ какъ въ типографіи не всегда могли разобрать его руку. Въ это время разсказчику часто приходилось бѣгать въ типографію на Большую Морскую, иногда раза по два въ день. „Прочтетъ Николай Васильевичъ, вписываетъ еще на печатныхъ листахъ, тогда несетъ обратно“. Раза два въ недѣлю у Гоголя собирались гости по вечерамъ; соберутся, бывало, сидятъ долго. Бывали часто земляки; изъ прочихъ Пушкинъ бывалъ, „генералъ“ Жуковскій, „полковникъ“ Плетневъ, „еще много, позабывалъ всѣхъ“. „Пушкинъ заходилъ часто“. Небольшаго роста, курчавый, рябоватый, некрасивый, одѣвался странно, кое-какъ. Къ Пушкину, бывало, на недѣлю раза три-четыре съ запиской хожу или съ письмомъ. Онъ жилъ тогда на набережной. Тоже и къ генералу Жуковскому во дворецъ. Лѣтомъ Николай Васильевичъ переѣзжалъ на дачу на Выборгскую сторону, а чаще оставалась квартира въ городѣ, а Николай Васильевичъ бывало ѣздитъ въ Царское Село или въ Москву, и я съ ними. Щепкинъ, пріѣзжая изъ Москвы, каждый разъ останавливался „у насъ“. Какъ идетъ по лѣстницѣ, то уже кричитъ мнѣ снизу: „Нема лучше якъ у насъ, Якиме; ступывъ уже и въ хати, а тутъ дерысь-дерысь!...“ Писалъ Гоголь иногда днемъ, но чаще вечеромъ. Тогда никого не пускалъ. Сидѣлъ ночью долго, пока двѣ свѣчи не сгорятъ. Здѣсь, въ Яновщинѣ, когда пріѣзжалъ, то тоже писалъ у себя во флигелѣ; тогда Марья Ивановна къ нему никого не пускала. По-малороссійски Гоголь говорилъ хорошо, пѣсни „простыя“ очень любилъ, но самъ пѣлъ плохо, Дòма, въ Яновщинѣ, совсѣмъ не вникалъ въ хозяйство. Больше рисовалъ. да такъ гулялъ, садомъ занимался...

Гоголь родился, какъ извѣстно, не въ Яновщинѣ, а въ Сорочинцахъ, Миргородскаго уѣзда, куда Марья Васильевна Гоголь переѣхала подъ наблюденіе доктора Трохимовскаго. Путь изъ Яновщины въ Сорочинцы ведетъ на с. Барановку и потомъ сыпучими песками по теченію рѣки Псла. Обширное

*) Тутъ, въ домѣ жандармскаго генерала Петра Ивановича Балабина и жены его (Француженки Парисъ) Гоголь сошелся съ П. А. Плетневымъ, который былъ другомъ этой просвѣщенной и добросердечной семьи, пользовавшейся общимъ уваженіемъ. П. Б.

мѣстечко Сорочинцы, въ старину Краснополе, при гетьманщинѣ было долгое время полковничьей резиденціей Миргородскаго полка. Старинный храмъ Преображенія построенъ въ немъ гетманомъ Апостоломъ.

Сорочинцы ничѣмъ не связаны съ дальнѣйшей судьбой Гоголя и являются только мѣстомъ дѣйствія его первой повѣсти. Въ Сорочинцахъ бываетъ въ годъ пять ярмарокъ и лѣтняя, къ которой относится время дѣйствія веселой исторіи о красной свиткѣ, собирается на Троицу.

Домикъ генеральши Дмитріевой, гдѣ 19 Марта 1809 года родился Гоголь, давно не существуетъ. Уничтоженъ, говорятъ, недавно и описанный выше его флигелёкъ въ Яновщинѣ, да и родное село его сильно въ послѣднее время измѣнилось.

По неизбѣжному закону вещей, все напоминающее Гоголя непосредственно, какъ человѣка, исчезаетъ и сглаживается, и нетлѣнное безсмертіе остается удѣломъ лишь созданій его духа.

В. Горленко.

МОЙ ОТВѢТЪ А. Л. ЗИССЕРМАНУ.

Бываютъ зеркала, посмотрѣвшись въ которыя не узнаешь самого себя: одинъ глазъ на лбу, другой на щекѣ, носъ разъѣхался до ущей, а рта и совсѣмъ не видать. Вѣришь въ собственное отраженіе только потому, что держишь зеркало въ рукахъ и передъ нимъ кромѣ своей физіономіи чего либо инаго видѣть не можешь.

Совершенно въ такомъ положеніи почувствовалъ я себя, прочитавъ во 2-й книжкѣ „Русскаго Архива“ за текущій годъ статью г. Зиссермана „*По поводу одного солдатскаго разсказа*“. Не обозначь почтенный авторъ заглавія моей статьи и моей фамиліи, я не только бы ни за что не догадался, что дѣло идетъ обо мнѣ, но и безъ малѣйшаго колебанія подписался бы вмѣстѣ съ авторомъ подо всѣмъ тѣмъ, чтó ему угодно было сказать въ своемъ возраженіи. Нельзя, слѣдовательно, не разъяснить этого капитальнаго qui pro quo, какъ въ интересѣ дебатируемаго вопроса, такъ и въ виду высказаннаго авторомъ желанія „получить отвѣтъ ясный, доступный пониманію людей, черпающихъ указанія изъ жизни и основывающихъ свои сужденія на фактахъ, воочію передъ нами совершающихся“.

Трудновато исполнить это желаніе, потому что именно на этотъ разъ дѣло идетъ о фактахъ, которые „*воочію*“ передъ нами не совершаются“,—о тѣхъ явленіяхъ духовной природы человѣка, фактическая обстановка которыхъ не только не можетъ служить „основаніемъ“ къ вѣрному о нихъ „сужденію“, но зачастую искажаетъ или заслоняетъ ихъ. Въ характеристикѣ именно этихъ явленій и заключалась основная цѣль всего того, чтó я счелъ нужнымъ сказать читателю по поводу записаннаго въ Костромскомъ госпиталѣ „разсказа раненаго подъ Плевной“.

Постараюсь, однако, быть „яснымъ и доступнымъ“, на сколько позволяетъ это трактуемая тема.

За *фактическую* достовѣрность разсказа я не ручался и раньше (что̀ и говорилъ, передавая его), не ручаюсь и теперь; съ полной охотой принимаю и всѣ техническія опроверженія, исходящія изъ столь авторитетнаго источника. Дѣло совсѣмъ не въ этой достовѣрности, а въ „психической правдѣ разсказа“, и тутъ-то—корень нашего недоразумѣнія. Эту правду, какъ понимаетъ г. Зиссерманъ, я подразумѣвалъ, якобы, въ томъ, что „весь верхній слой войска—гниль, вся же сила въ простомъ человѣкѣ - солдатѣ, что войско, идущее на врага безъ офицеровъ, *такое* войско, т. е. имѣющее офицеровъ - трусовъ, стократъ страшнѣе врагу“. Навязавъ мнѣ еще нѣсколько подобныхъ же парадоксовъ, онъ старательно убѣждаетъ меня въ томъ, что войско безъ офицеровъ, хотя бы и милліонное, будетъ разбито однимъ корпусомъ и въ т. п. труизмахъ, въ истинности которыхъ никто, ни онъ, ни я, сомнѣваться не можемъ, и по поводу которыхъ я съ равнымъ основаніемъ могу повторить его восклицаніе: O, sancta simplicitas!

Съ цѣлью дать всему этому „*ясный и доступный отвѣтъ*“, скажу прежде всего, что мой отецъ послѣ долгой боевой карьеры на старости лѣтъ водилъ свою дружину въ Крымъ и чуть не умеръ съ нею подъ Севастополемъ, мой старшій сынъ—поручикъ стрѣлковъ Императорской Фамиліи; слѣдовательно добрая, неомраченная *и неомрачимая* слава Русскаго офицера мнѣ дорога́ и близка, не только какъ автору, а и какъ отцу и сыну.

Но, воздавая честь офицеру, не слѣдуетъ забывать и солдата,—забывать то психическое настроеніе, въ которомъ находится онъ, идя въ битву. Въ этомъ отношеніи, мнѣ помогаетъ и самъ авторъ: „между солдатами всегда, *а въ военное время въ особенности*, пишетъ онъ, ходитъ *множество* разсказовъ, большею частью прикрашенныхъ, съ кучею прибавленій и фантазій, сочиненныхъ ловкимъ краснобаемъ, *возбуждающимъ вниманіе разинувшихъ рты слушателей*“. Насколько эти слушатели способны принимать на вѣру всяческую чепуху, доказали, и такъ кроваво доказали, недавніе „холерные безпорядки“. Съ тою же глубокою и искреннею вѣрою принимались, конечно, и тѣ легенды, о которыхъ сообщалъ намъ раненый подъ Плевной. Легенды эти не могли, разумѣется, особенно содѣйствовать престижу командировъ въ глазахъ предводительствуемыхъ ими частей и, если эти части являли при всемъ томъ чудеса храбрости, то ясно свидѣтельствовали этимъ о высотѣ одушевлявшаго ихъ мотива и не по командѣ, авторитетъ которой (хотя и ошибочно, но фактически) для нихъ упалъ, не по примѣру, автоматически подражаемому стадомъ, а сознательно и свободно шли на врага, мужественно и стойко перенося всѣ лишенія и невзгоды военнаго времени. Тутъ важенъ не *фактъ* трусости того или инаго полководца, а *то представленіе*, какое складывалось объ этомъ въ умахъ рядоваго войска подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ (будь они правда или ложь,—для нашего вывода все равно). „Фактъ“, такимъ образомъ, здѣсь не „во очію“, а въ тайникахъ души человѣческой, для проникновенія въ которые вовсе не требуется того специ-

альнаго воинскаго опыта, въ недостаткѣ котораго совершенно справедливо обличаетъ меня компетентный въ вопросѣ авторъ.

Но почему онъ пришелъ къ заключенію о моемъ „очевидномъ убѣжденіи, что трусы бываютъ только офицеры, а солдаты всѣ герои"—для меня уже вовсе непонятно. Онъ могъ, положимъ, *фактъ представленія* (о чемъ я только и говорилъ въ своей статьѣ) смѣшать съ *фактомъ наличнымъ* (который я отрицалъ точно также, какъ и онъ самъ); но предположить во мнѣ „очевидное убѣжденіе въ томъ, что солдаты всѣ герои" было довольно мудрено. Такому огульному оптимизму мѣшали мнѣ: приводимый авторомъ и безспорный для меня афоризмъ—„въ семьѣ не безъ урода", затѣмъ, весьма удобопонятное вычисленіе процента трусости между офицерствомъ и солдатами и, наконецъ, моя бывшая профессія, извѣстная и автору, ознакомившая меня съ цѣлыми баталіонами солдатъ-воровъ, солдатъ-мошенниковъ, солдатъ, за штофъ водки продававшихъ правду на судѣ, храбрыхъ надъ истязуемыми женами и трусливыхъ на допросѣ и т. п. субъектовъ далеко не-геройскаго типа. Но все это, опять-таки повторяю вмѣстѣ съ авторомъ, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что „въ семьѣ не безъ урода" и „ничего не доказываетъ".

По поводу подчеркнутаго мною вопроса разсказчика *„и чего боятся?"* выпущено также немало громкихъ выстрѣловъ, но и они идутъ мимо цѣли: подчеркивая этотъ простодушный вопросъ, я вовсе не имѣлъ въ виду сказать, что солдаты храбрѣе офицеровъ Изъ всего предшествовавшаго и послѣдующаго изложенія очевидно, что разсказчикъ не понималъ страха и снова рвался „за Дунай" не въ силу своего героизма, а просто потому, что ему *терять было нечего*, что „за Дунаемъ" ему жилось сравнительно легче, нежели у себя на родинѣ... Вотъ на этотъ-то трагизмъ мотива и обращалъ я вниманіе читателя.

Что же касается до того, что „кумиръ мой—сѣрая масса", что „интеллигентные люди для меня ни къ чему негодные паразиты", что „нужно бросить цивилизацію и опроститься", что „народъ нашъ—вмѣстилище всѣхъ добродѣтелей, кладезь святости и премудрости", что „отъ него мы услышимъ великое слово возрожденія" и что мѣшаетъ всему этому „лишь руководительство его испорченными цивилизаціею людьми": то могу завѣрить почтеннаго автора, что подобныя мнѣнія столько же чужды мнѣ, какъ и ему, въ доказательство чего могу сослаться на все то, что̀ успѣлъ я написать и напечатать за свой вѣкъ. Свѣтъ, правда и благо великаго народа —вотъ мой кумиръ; а этого свѣта не только нѣтъ у „сѣрой массы", но его мало и у „цивилизованныхъ людей". И, если имѣются „цивилизованные люди", которые не хотятъ видѣть въ „сѣрой массѣ" ничего, кромѣ пьянства, лѣни, грубости и рабской способности повиноваться только палкѣ, то отмѣтить и указать въ ней противуположныя свойства будетъ долгомъ каждаго, ихъ такъ или иначе познавшаго. Доказывая, что наша современная армія не пассивное орудіе

въ рукахъ перваго встрѣчнаго, кто громче кричитъ и больнѣе дерется, не та chair à canons, съ которою погибъ Наполеонъ, опустошая Европу, я не „умаляю духа вѣрующихъ въ свою ратную силу юношей", *а, напротивъ, возвышаю его*, и ни одинъ изъ этихъ юношей не скажетъ мнѣ, что лучше командовать безсмысленнымъ стадомъ, нежели людьми, сознающими свой воинскій долгъ, одушевленными одною съ нимъ вѣрою и неробѣющими даже и тогда, когда вѣра эта колеблется дурнымъ примѣромъ или дурною легендой. При чемъ же тутъ, спрашивается, „всенижайшая, покорнѣйшая просьба", обращаемая авторомъ къ какимъ-то „господамъ": „философствовать, фантазировать и писать о чемъ угодно, но, ради Бога, оставить армію въ покоѣ?" *Кого* имѣлъ онъ въ виду, составляя свое возраженіе?

Передъ нимъ стоялъ какой-то уже по истинѣ „фантастическій" призракъ „образованнаго человѣка", „открывающаго публичныя чтенія (?) на тему о трусости офицеровъ", проповѣдующаго безначаліе на войнѣ, опрощеніе для цивилизованныхъ и цивилизацію для народа, усматривающаго высшій общественный идеалъ въ некультурной „сѣрой массѣ", отвергающаго науку, судъ, всю интеллигенцію и т. д., и т. д.

Такого „образованнаго человѣка" нѣтъ, мой почтенный оппонентъ, а если и случаются подобные маньяки, то ихъ запираютъ въ дома умалишенныхъ; они могутъ иногда забавляться перомъ и чернилами, но ни одна редакція не рѣшится печатать ихъ бредни.

Чего же ради понадобилось на свѣтломъ фонѣ столь благожелательнаго къ нашей доблестной арміи разсказа нарисовать эту безобразную фигуру?— вопросъ, на который и намъ хотѣлось бы „получить ясный и доступный пониманію отвѣтъ"; но, къ сожалѣнію, *такой* отвѣтъ немыслимъ въ данномъ случаѣ!...

П. Н. Обнинскій.

25 Января 1893 г.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ Е. А. БАРАТЫНСКАГО

съ краткимъ критическимъ обзоромъ его сочиненій [1]).

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій (правильнѣе: Боратынскій) родился 19-го Февраля 1800-го года, въ помѣстьѣ отца своего генералъ-адъютанта Абрама Андреевича Баратынскаго, Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда, въ пожалованной ему императоромъ Павломъ деревнѣ Мàрѣ. Мать поэта, Александра Өеодоровна, рожденная Черепанова, была одна изъ лучшихъ воспитанницъ Смольнаго монастыря и фрейлиной императрицы Маріи Өеодоровны.

Первоначальное воспитаніе Евгеній Абрамовичъ получилъ дòма, при матери. Онъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ лишился отца, умершаго въ 1810 году въ Москвѣ и похороненнаго тамъ же въ Спасо-Андроніевскомъ монастырѣ. Лѣтъ двѣнадцати, Баратынскій обучался въ Петербургѣ, въ частномъ Нѣмецкомъ пансіонѣ Вильки-Коллинса, откуда черезъ полгода поступилъ въ Пажескій корпусъ; онъ сожалѣлъ въ послѣдствіи, что не пробылъ долѣе въ пансіонѣ, гдѣ только что начиналъ говорить по-нѣмецки. За незнаніемъ этого языка, онъ былъ помѣщенъ въ корпусѣ въ классъ не соотвѣтствовавшій другимъ его познаніямъ, и потому, имѣя много свободнаго времени, много читалъ, записавшись на полученіе книгъ изъ библіотеки Плюшара. Около 1815 г., онъ былъ исключенъ изъ Пажескаго корпуса съ другимъ пажемъ Х.......мъ; имъ запрещено было опредѣляться на службу, развѣ по желанію въ военную, рядовыми. Въ 1824 году, въ письмѣ къ В. А. Жуковскому [2]), который ходатайствовалъ за него у тогдашнихъ властей, Баратынскій передаетъ подробности обстоятельствъ, предшествовавшихъ постигшему его несчастію. Изъ этого письма видно, что онъ вступилъ въ кругъ товарищей, бывшихъ не на лучшемъ счету въ заведеніи и, въ чаду ребячески-раздраженнаго воображенія, проступки ихъ представлялись ему не въ томъ свѣтѣ, въ которомъ онъ увидѣлъ ихъ въ послѣдствіи. Тѣмъ не менѣе это юношеское заблужденіе оставило тягостные слѣды въ его жизни.

До вступленія въ службу, Баратынскій жилъ то у своей матери въ Тамбовской губерніи, то у дяди, адмирала Богдана Андреевича Баратынскаго, Смоленской губерніи, Бѣльскаго уѣзда, въ сельцѣ Подвойскомъ. Къ этому сельцу относится стихотвореніе, озаглавленное „Деревня".

---

[1]) Любезно сообщено лицомъ, которому близки и жизнь, и творенія Баратынскаго.
П. Б.

[2]) Русскій Архивъ 1868 г., стр. 147—156.

Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ,
Дубравы мирныя, священный сердцу кровъ!

Въ 1818 г. Баратынскій пріѣхалъ въ Петербургъ опредѣляться въ службу и вступилъ рядовымъ въ гвардейскій Егерскій полкъ (1819 г.). Въ это время онъ познакомился съ барономъ Дельвигомъ, Плетневымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ. Стихотворенія его начали появляться въ печати съ 1819 г. Къ числу первыхъ принадлежатъ стихи:

Взгляните, свѣжестью младой
И въ осень лѣтъ она плѣняетъ.

Они написаны къ родной его теткѣ Маріѣ Андреевнѣ Панчулидзевой, рожденной Баратынской, и были помѣщены въ Благонамѣренномъ 1819 г. Въ томъ же году въ Сынѣ Отечества появилось посланіе къ Дельвигу:

Такъ, любезный мой Горацій.

Оба стихотворенія напечатаны Дельвигомъ безъ вѣдома Евгенія Абрамовича. Хотя новое литературное поприще, на которое онъ вступалъ, улыбалось ему, однако онъ упоминалъ въ послѣдствіи о тягостномъ, отчасти, впечатлѣніи, которое испыталъ, увидѣвъ въ первый разъ свои сочиненія напечатанными съ его именемъ.

Приведемъ выписку изъ сочиненія И. В. Кирѣевскаго, найденную въ бумагахъ покойной супруги Баратынскаго, Настасьи Львовны, послѣ кончины ея. Въ этихъ строкахъ чрезвычайно вѣрно изображены характеристическія особенности поэта. „Сколько ни замѣчательно поэтическое достоинство его произведеній, однако они еще не вполнѣ высказываютъ тотъ міръ изящнаго, который онъ носилъ въ глубинѣ души своей. Рожденный для искренняго круга семьи и друзей, необыкновенно чувствительный къ сочувствію людей ему близкихъ, онъ охотно и глубоко высказывался въ дружескихъ бесѣдахъ и тѣмъ заглушалъ въ себѣ иногда потребность выражаться для публики. Изливъ свою задушевную мысль въ дружескомъ разговорѣ, живомъ, разнообразномъ, невыразимо-увлекательномъ, исполненномъ счастливыхъ словъ и многозначительныхъ мыслей, согрѣтомъ теплотою чувства, проникнутомъ изяществомъ вкуса, умною, всегда умѣстною шуткою, дальновидностью тонкихъ замѣчаній, поразительною оригинальностью мыслей и особенно поэзіей внутренней жизни, Евгеній Абрамовичъ часто довольствовался живымъ сочувствіемъ своего близкаго круга, менѣе заботясь о возможно-далекихъ читателяхъ“.

Живучи (1819) въ Петербургѣ, Баратынскій познакомился и сблизился съ нѣкоторыми изъ декабристовъ, съ Кюхельбекеромъ ближе чѣмъ съ прочими; но ни онъ, ни Дельвигъ не были посвящены въ тайны существовавшаго уже тогда политическаго общества, хотя Баратынскій, въ молодыхъ годахъ, не раздѣляя ихъ цѣли, со всѣмъ увлеченіемъ своихъ лѣтъ сочувствовалъ тому, что̀ заключается великодушнаго въ обширномъ, неопредѣленномъ и гибкомъ значеніи слова „свобода“. Вотъ нѣсколько стиховъ, внушенныхъ ему на эту тему, на одномъ изъ ужиновъ этой молодежи:

Съ неба чистая, золотистая,
Къ намъ слетѣла ты.
Все прекрасное, все опасное,
Намъ пропѣла ты!

Судьба рано разъединила его съ этими товарищами его первой молодости, какъ сказано имъ въ стихотвореніи „Родина“.

Я братьевъ зналъ, но сны младые
Соединили насъ на мигъ:
Далече бѣдствуютъ иные
И въ мірѣ нѣтъ уже другихъ.

Въ 1820 году, уже унтеръ-офицеромъ, Баратынскій переведенъ въ Нейшлотскій полкъ, расположенный въ Финляндіи, въ укрѣпленіи Кюмени и окрестностяхъ его. Въ полковомъ командирѣ своемъ полковникѣ Лутковскомъ онъ нашелъ стариннаго знакомаго, сосѣда по имѣнію дяди (Богдана Андреевича Баратынскаго), друга своего семейства, чрезвычайно къ нему расположеннаго. Къ нему относится посланіе, начинающееся стихами:

Влюбился я, полковникъ мой,
Въ твои военные разсказы.

Баратынскому было однако очень чувствительно отсутствіе знакомствъ, заведенныхъ имъ въ Петербургѣ, и ближайшаго его друга Дельвига. Къ концу своего пребыванія въ Финляндіи Баратынскій познакомился съ Н. В. Путятой и А. А. Мухановымъ, которые были тогда адъютантами у графа А. А. Закревскаго, Финляндскаго генералъ-губернатора. Осенью 1824 г., съ разрѣщенія Закревскаго, Баратынскій находился нѣсколько мѣсяцевъ при корпусномъ штабѣ, въ Гельсингфорсѣ, гдѣ жизнь его была разнообразнѣе и оживленнѣе, чѣмъ въ Кюменскомъ укрѣпленіи; тамъ онъ тѣсно подружился съ Н. В. Путятой. Финляндія внушила поэту многія изъ его стихотвореній.

Весной 1825 г. Баратынскій произведенъ въ офицеры и вскорѣ потомъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ 9 Іюня 1826 года вступилъ въ супружество съ старшей дочерью генералъ-маіора Льва Николаевича Энгельгардта, Настасьей Львовной. Онъ поступилъ въ Москвѣ на службу въ Межевую Канцелярію, но вскорѣ вышелъ въ отставку. Въ тридцатыхъ годахъ, онъ нѣсколько времени провелъ въ Казани, куда въ тоже время пріѣзжалъ Пушкинъ, собиравшій матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Въ Казани онъ получилъ горестное извѣстіе о кончинѣ Дельвига. Князь П. А. Вяземскій, до переѣзда своего въ Петербургъ, жилъ въ Москвѣ, напротивъ квартиры Баратынскаго, въ Чернышовскомъ переулкѣ, часто видался съ нимъ и находился съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Д. В. Давыдовъ, тоже жившій тогда въ Москвѣ, былъ близокъ съ Баратынскимъ и по родству съ женой его, и по взаимному сочувствію. Баратынскій бывалъ съ ними въ обществѣ у патріарха нашихъ поэтовъ И. И. Дмитріева. Одно изъ первыхъ знакомствъ его въ Москвѣ было съ С. А. Соболевскимъ, съ которымъ онъ постоянно оставался въ дружескихъ отношеніяхъ. Вскорѣ Баратынскій подружился съ Московскими литераторами, особенно съ И. В. Ки-

рѣевскимъ, Языковымъ, Хомяковымъ, бывалъ также часто у Павловыхъ. Онъ поддерживалъ письменно свои сношенія съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, П. А. Плетневымъ, также и съ кн. Вяземскимъ, когда послѣдній переѣхалъ въ Петербургъ. Извѣстіе о кончинѣ Пушкина застало Баратынскаго въ Москвѣ. Зимою 1839 г., онъ ѣздилъ на нѣсколько дней въ Петербургъ для разбора бумагъ Пушкина. Осенью 1843 г. Е. А. осуществилъ давнишнее свое желаніе: предпринялъ путешествіе за границу. Зимніе мѣсяцы 1843 — 1844 гг. онъ провелъ въ Парижѣ, гдѣ имѣлъ случаи видаться со многими изъ Французскихъ литераторовъ. По просьбѣ нѣкоторыхъ Парижскихъ знакомыхъ онъ перевелъ нѣсколько своихъ стихотвореній Французской прозой.

Весной 1844 г. Е. А. отправился черезъ Марсель въ Неаполь. Переѣздъ изъ Марсели въ Неаполь было первымъ путешествіемъ его по морю. Во время этого переѣзда написано имъ стихотвореніе „Пироскафъ", напечатанное въ 1844 году, въ Современникѣ. Италія болѣе прочихъ странъ привлекала поэта. Еще съ дѣтства глубоко запечатлѣлись въ его воображеніи и навсегда сохранились въ его памяти живые разсказы о ней бывшаго его дядьки Италіянца Боргеза (принявшаго Православіе передъ смертью и похороненнаго въ церковной оградѣ села Вяжли близъ Мáры). Посланіе „Дядькѣ Италіянцу" написано поэтомъ за двѣ недѣли до кончины.

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа, Е. А. былъ боленъ простудой. Парижскій докторъ не совѣтовалъ ему ѣхать въ Неаполь, опасаясь для него вреднаго вліянія Неаполитанскаго знойнаго климата. Эти опасенія, повидимому, не были безъ основанія: поэтъ скончался скоропостижно въ Неаполѣ, 29-го Іюня 1844 г., въ день Апостоловъ Петра и Павла, 44-хъ лѣтъ отъ роду. Заботливостью находившагося въ то время въ Неаполѣ Русскаго художника Иванова [1]), снята гипсовая маска съ усопшаго поэта. Тѣло погребено 30-го Августа 1845 г., въ Александро-Невской Лаврѣ, на такъ называемомъ Лазаревомъ кладбищѣ, близъ гробницъ Гнѣдича и Крылова.

Поэзія Е. А. Баратынскаго носитъ на себѣ отпечатокъ современнаго духа пытливости и анализа Въ критической статьѣ, противъ него направленной, Бѣлинскій не можетъ не признать въ немъ „поэта мысли" [2]). Галаховъ, преимущественно цѣнитъ въ немъ мыслителя. „Баратынскій", говоритъ Плетневъ, „предпочтительно входилъ въ объясненіе загадочныхъ явленій души, противорѣчія страстей, борьбы желаній, словомъ всего, что́ ближе и естественнѣе относится къ умственной сферѣ человѣка, безпрестанно мыслящаго и собственными ощущеніями повѣряющаго сокровенныя движенія другихъ" [3]).

Кромѣ лирическихъ стихотвореній и элегій, есть особенный родъ его стихотвореній, имѣющій у него своеобразный оттѣнокъ, изъ числа тѣхъ, которые прежде издавались подъ названіемъ „антологическихъ" и которыми такъ изо-

---

[1]) А. А. Ивановъ, написавшій извѣстную картину «Явленіе Христа народу».

[2]) Соч. Бѣлинскаго, Т. VI, изд. 1866 г., стр. 280—324.

[3]) Соч. и переписка П. А. Плетнева. Изд. Я. Гротъ. (Имп. Ак. наукъ). Т. I, С. П-гъ 1885 г. „Евгеній Абрамовичъ Баратынскій. 1844 г." стр. 553, 554.

билуетъ Гёте: наброски мыслей и впечатлѣній, надписи, замѣтки, изрѣченія, многосодержательныя въ ихъ сжатой формѣ; какъ напримѣръ: „Лета“, „Безнадежность“. „Веселье и Горе“, „Надпись на портретъ Грибоѣдова“, „Прогоны жизни“, „Чудный градъ порой сольется“ и друг. Къ нимъ, отчасти, могутъ быть отнесены и нѣкоторыя изъ его эпиграммъ, названныхъ Пушкинымъ „маленькими сатирами“ *). Присущія Баратынскому пытливость ума и аналитическое свойство мышленія не ослабляютъ и не охлаждаютъ въ немъ вдохновеннаго порыва мысли чувства и поэтической вдумчивости. „Никто болѣе Баратынскаго не имѣетъ чувства въ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ“, замѣчаетъ Пушкинъ. Сосѣдъ по его имѣнію въ Тамбовской губерніи Н. В. Чичеринъ, однажды, спросилъ Евгенія Абрамовича: „Что́ такое поэзія?“ Тотъ отвѣчалъ: „Поэзія есть полное ощущеніе извѣстной минуты“. Въ заключительной строфѣ стихотворенія „Финляндія“, поэтъ говоритъ:

Мгновенье мнѣ принадлежитъ,
Какъ я принадлежу мгновенью!
Что̀ нужды до былыхъ иль будущихъ племенъ?
Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами,
Я, невнимаемый, довольно награжденъ
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

Онъ былъ сторонникъ направленія „искусство для искусства.“ Поэзія, порою, сливается у него съ религіознымъ чувствомъ. Это высказалось въ стихахъ его:

Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье.
Гармоніи таинственная власть
Тяжелое искупитъ заблужденье
И укротитъ бунтующую страсть.
Душа пѣвца, согласно излитая,
Разрѣшена отъ всѣхъ своихъ скорбей;
И чистоту поэзія святая
И миръ отдастъ причастницѣ своей.

Нѣкоторые упрекали Баратынскаго въ частой передѣлкѣ стиховъ уже напечатанныхъ и имѣвшихъ успѣхъ; замѣчено однако, что многія стихотворенія, имъ передѣланныя, являлись въ печати съ новымъ оттѣнкомъ мысли и получали чрезъ это характеръ совершенно свѣжихъ произведеній. Онъ съ чрезвычайной легкостью выражался стихами, сразу набрасывалъ свои стихотворенія и, передѣлывая ихъ потомъ, большею частью значительно сокращалъ и многое вовсе откидывалъ. Сжатость формы и выраженія суть отличительныя черты его произведеніи. Приведемъ четверостишіе, сказанное имъ въ Москвѣ, у себя на вечерѣ, Брюлову, только что возвратившемуся изъ за границы:

Принесъ ты мирные трофеи
Съ собой въ отеческую сѣнь,
И былъ послѣдній день Помпеи
Для Русской кисти первый день *).

---

*) Сочиненія Баратынскаго прекрасно изданы въ Казани сыномъ его Николаемъ Евгеніевичемъ. П. Б.

РЕСКРИПТЪ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ АРХАНГЕЛЬСКОМУ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРУ МЕЛЬГУНОВУ *).

Дошло къ нашему свѣдѣнію письмо, писанное отъ находящагося въ городѣ Архангельскомъ подъ именемъ Англичанина Александра Бела къ извѣстному Франклеину, въ коемъ даетъ онъ знать сему Американцу о строеніи имъ корабля въ пользу возмутившихся Великобританскихъ колоній. Вы сами заключить можете, что кромѣ недозволеннаго пособія изъ земель нашихъ помянутымъ колоніямъ, возставшимъ противъ короны своея, могутъ таковыя суда обращаемы быть для каперства въ Сѣверномъ морѣ противъ торговаго нашего и другихъ дружественныхъ намъ дворовъ плаванія. А потому не оставьте развѣдать о томъ подробнѣе и намъ донести, всякими же благопристойными образами препятствовать строенію судовъ для Американцевъ, не дозволяя оное производить инако, какъ людямъ извѣстнымъ и надежнымъ.

*

Мельгуновъ розыскивалъ, конечно притворно, и когда судно поспѣло, донесъ, что оно имъ выпущено въ море, но просилъ увѣдомить «нѣтъ ли въ семъ выпускѣ корабля сумнѣнія». Безбородко отвѣчалъ Мельгунову 3-го Іюля 1781 года, что „Ея Императорское Величество отозваться изволила, что ваше превосходительство весьма хорошо сдѣлали, дозволивъ выпустить корабль, въ томъ письмѣ упоминаемый; да и впредь въ выпускѣ ихъ не должно чинить помѣшательства, развѣ бы явные знаки оказалися, что то сами Американцы строятъ на свой счетъ; то въ такомъ случаѣ ваше превосходительство доносили бы Ея Величеству“.

---

*) Печатается съ позднѣйшаго списка. П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ «РУССКАГО АРХИВА».

1.

Графъ Лаваль, нѣкогда столь извѣстный въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ своею любезностью и гостепріимствомъ, былъ не больше не меньше какъ сынъ виноторговца въ Константинополѣ. Въ молодости онъ получилъ отличное образованіе, какимъ-то образомъ попалъ къ намъ, и въ царствованіе Павла Петровича занялъ дожность секретаря при графѣ Паленѣ, человѣкѣ наиболѣе приближенномъ къ Государю. Въ это время жила въ Петербургѣ вдова - богачка, Козицкая, имѣвшая нѣсколько дочерей (одна послѣ вышла за вдовца князя А. М. Бѣлосельскаго, отца княгини Зинаиды Волконской и Маріи Александровны Власовой, супруги извѣстнаго библіомана). Дѣвица Козицкая, страстная любительница просвѣщенія, стала оказывать вниманіе молодому секретарю, и дѣло дошло до того, что писала къ нему записки. Вдругъ распространился про Лаваля слухъ, что онъ не спитъ по ночамъ, ходитъ взадъ и впередъ по запертой комнатѣ и что-то бормочетъ. Слухъ дошелъ и до графа Палена. Подслушивали, но толку не добились. Въ тогдашнее подозрительное время всему придавалось серьозное значеніе. Графъ Паленъ приказалъ полиціи слѣдить, и по указанію шпіоновъ самъ пришелъ подслушивать. Внезапно, ночью входитъ онъ въ комнату Лаваля и на вопросъ, какого рода ночныя его занятія, получаетъ самый простой отвѣтъ: Лаваль учитъ наизусть Русско-французскіе разговоры. Онъ объяснилъ графу, что учится языку втораго своего отечества между прочимъ для того, чтобы успѣшнѣе искать руки дѣвицы Козицкой. Графу Палену стало совѣстно, и онъ рѣшился помочь секретарю своему. На его вопросъ, любитъ ли его Козицкая, Лаваль упомянулъ, что она даже пишетъ къ нему письма. Графъ Паленъ взялъ сіи послѣднія и обѣщался уладить дѣло.

Черезъ нѣсколько времени Государь за что-то очень прогнѣвался на гр. Палена и укорялъ его въ нерадѣніи и недостаткѣ усердія. Извиняясь, ловкій царедворецъ сказалъ между прочимъ: «Нынче, Государь, такое время. Идеи Французской революціи проникаютъ повсюду. Вездѣ

неповиновеніе. Всякое мѣщанство научилось цѣнить себя, даже и у насъ. Вотъ, напримѣръ, Козицкая, вѣдь ровно ничего не значитъ, только что богата, а туда же чванится! Сватается къ ея дочери мой секретарь графъ Лаваль, человѣкъ знатнаго рода, пострадавшій за приверженность къ монархической власти, образованный. Хотя бы поняла она, что онъ переселился изъ Франціи, не желая жить подъ республиканскимъ правленіемъ». Все это были выдумки, и секретарь гр. Палена не имѣлъ ничего общаго съ стариннымъ Французскимъ родомъ графовъ Лавалей. Тѣмъ не менѣе дѣло удалось. Государь приказалъ тотчасъ обвѣнчать Козицкую съ Лавалемъ. Не смѣя перечить, ихъ перевѣнчали на Масляницѣ въ Среду: можетъ быть, единственный примѣръ въ Россіи. Соболевскій разсказывалъ все это маркизу Кюстину, въ доказательство того, какъ сильна у насъ царская власть. Кюстинъ напечаталъ разсказъ въ книгѣ своей, но главное, вѣнчаніе въ Среду на Масляницѣ, опустилъ по невниманію.

2.

Превратности судьбы человѣческой непостижимы. Прежнее мнѣніе императора Александра Павловича объ Аракчеевѣ не давало повода думать, что когда нибудь человѣкъ этотъ будетъ къ нему близокъ.

Когда Аракчеевъ за ложный доносъ былъ выключенъ изъ службы императоромъ Павломъ въ 1799 году, радостно пронеслась эта вѣсть между военными. Великій князь Александръ Павловичъ, прибывъ на разводъ, подошелъ къ генералъ-маіору Тучкову со словами: «А слышалъ ты объ Аракчеевѣ и знаешь ли, кто вмѣсто его назначенъ?»

Знаю, Ваше Высочество,—Амбразанцевъ.

— Каковъ онъ?

— Это пожилой человѣкъ, но человѣкъ честный и добрый.

— Ну, слава Богу, отвѣчалъ Александръ; эти назначенія настоящая лотерея. Могли бы попасть опять на такого же негодяя, какъ Аракчеевъ.

3.

Василій Даниловичъ Лаптевъ (въ первомъ бракѣ женатый на княжнѣ Александрѣ Васильевнѣ Голицыной, а впослѣдствіи на княжнѣ Натальѣ Александровнѣ Бѣлосельской), въ молодости своей находился на попеченіи княгини Е. Р. Дашковой и ею опредѣленъ въ Измайловскій полкъ. Когда въ Петербургѣ прошелъ слухъ о ссылкѣ ея, Лаптевъ, не смотря на строгости Павловскаго времени, уѣхалъ безъ спросу изъ полка и явился къ княгинѣ. «У меня нѣтъ мѣста взять тебя.» — Я сяду на облучокъ, отвѣчалъ онъ. И дѣйствительно Лаптевъ проводилъ свою благодѣтельницу до мѣста ея ссылки въ Пошехонскомъ

уѣздѣ. Гдѣ ты былъ? спросилъ его Государь, когда Лаптевъ возвратился.—Благодѣтельницу провожалъ.—«Благородный молодой человѣкъ. Ступай!» (Слышано отъ покойнаго В. В. Ильина).

4.

Въ 6 верстахъ отъ Порѣчья, (Можайскаго у.) есть казенная деревня *Мышкино*. Тамъ на углу, близъ оврага, крестьяне до сихъ поръ показываютъ могилу Французскаго офицера, который въ 1812 году стоялъ у нихъ съ 6 своими солдатами и, зная по-русски, всякій разъ какъ являлись Французскія шайки, переговорами спасалъ деревню отъ разграбленія. Когда Французовъ погнали изъ Россіи, крестьяне разочли, что нечего имъ больше собирать своимъ гостямъ молоко, яица и разный харчь: взяли офицера и удавили его. Солдаты бѣжали, но были пойманы и перебиты у оврага. Надъ могилою офицера всякій годъ цвѣты.

(Слышано въ 1864 году отъ Московскаго старика извощика-очевидца).

5.

Покойный графъ Алексѣй Петровичъ Коновницынъ разсказывалъ: «Я никогда не знавалъ Лазарева и, къ стыду моему узналъ его фамилію только въ Лондонѣ. Въ тотъ день, когда было получено въ Лондонѣ извѣстіе изъ Вѣны о кончинѣ Лазарева, мнѣ случилось быть въ большомъ Англійскомъ обществѣ. Вдругъ я замѣтилъ необыкновенное оживленіе, какъ будто, радость; пили за здоровье другъ друга и поздравляли съ чѣмъ-то. Я хотѣлъ знать о причинѣ этого движенія; мнѣ объявили о смерти Русскаго адмирала Лазарева».

6.

Къ Каролинѣ Карловнѣ Павловой.

Даруетъ небо человѣку
Замѣну слезъ и тяжкихъ бѣдъ.
Блаженъ кто могъ библіотеку
Себѣ собрать подъ старость лѣтъ

*

Но тотъ блаженнѣй, Каролина,
Кто, бриліанты полюбя,
За ними ѣздилъ изъ Берлина
И встрѣтилъ здѣсь въ Москвѣ тебя *).

*) Эта шутка Алексѣя Андреевича Елагина относится къ барону Александру Гумбольту, который, будучи въ Москвѣ, выражалъ удивленіе уму и познаніямъ К. К. Павловой (ур. Яништъ). П. Б.

7.

Изъ письма О. А. Новиковой къ издателю „Русскаго Архива“.

Я познакомилась съ графомъ Бейстомъ въ Вѣнѣ, 26-го Мая 1870 года, на обѣдѣ у Турецкаго посла, Халиль-паши. Графъ былъ «*моимъ кавалеромъ*». Найдя во мнѣ внимательную слушательницу, онъ говорилъ охотно, съ увлеченіемъ и касался многаго, хотя нѣсколько поверхностно и слегка. Я его заставила, однако, высказаться яснѣе по поводу Черноморскаго вопроса, шутливо упрекнувъ его въ сопротивленіи намъ. «Нѣтъ, это несправедливо; напротивъ, я всегда былъ убѣжденъ, что Россія не можетъ соблюдать долго этого трактата. Князь Горчаковъ нисколько не удивилъ меня; увѣряю васъ, я этого ожидалъ. Мы не говоримъ объ изложеніи, о формѣ: инымъ депеша его можетъ не понравиться»... На этомъ словѣ, къ сожалѣнію, встали изъ-за стола, и разговоръ нашъ былъ прерванъ.

На слѣдующій день графъ Бейстъ посѣтилъ меня и привезъ списанные вами стихи. Какъ канцлеръ имперіи, графъ почти никому не дѣлалъ визитовъ. Не желая какъ бы хвастаться исключеніемъ въ мою пользу и еще менѣе его стихами, я молчала и о томъ, и о другомъ. Но графъ на другой же день заговорилъ самъ съ моимъ деверемъ, который тогда былъ нашимъ посломъ въ Вѣнѣ, о посвященномъ мнѣ стихотвореніи. Тотъ не зналъ, что̀ отвѣчать. Вскорѣ потомъ я узнала, что молчаніе не всегда заслуживаетъ похвалу....

5-го Марта 1874 г.

A madame Novikoff après le dîner à l'ambassade Ottomane.

L'Autriche, dit-on, et la Russie
Se brouillent pour la Turquie.
Dès aujourd'hui il n'en est plus question:
En invitant une femme charmante,
Le Turque—je le compimente—
Est devenu pour nous un trait d'union.

Beyst.

Vienne, 27 mai 1870.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ Ѳ. В. ЧИЖОВА *).

Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Я оставляю послѣ себя долги и имущество, которое съ избыткомъ можетъ покрыть ихъ; потому считаю долгомъ перечислить тѣ и другое.

Я имѣю приблизительно опредѣленной цѣнности: 1) Сто шестьдесятъ акцій Московско-Ярославской желѣзной дороги, считая по настоящей биржевой цѣнѣ по 260 руб., всего на сорокъ одну тысячу шестьсотъ рублей (41,600).—2) Четыре пая Моск. Куп. Банка на тридцать тысячъ руб. (30,000).—3) Десять паевъ Товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова сына и К° на десять тысячъ р. (10,000).—4) Членскій взносъ въ Моск. Купеч. Банкъ въ пять тысячъ рублей (5,000).—5) Три 5% билета съ выигрышемъ перваго выпуска на шестьсотъ рублей (600).—6) Безспорнаго долга на покойной графинѣ Комаровской, урожденной Галаганъ, шесть тысячъ семьсотъ рублей (6,700).—7) Другаго долга на В. С. Сумароковѣ, служащемъ на Нижегородской желѣзной дорогѣ, пятьсотъ рублей (500). Всего на девяносто четыре тысячи четыреста рублей (94,400).

Я долженъ: 1) въ Московское Купеческое Общество Взаимнаго Кредита подъ залогъ акцій Моск. Ярос. жел. дороги и паевъ Купеч. Банка тридцать пять тысячъ руб. (35,000).—2) Принялъ на себя уплату долга Архангельско-Мурманскаго срочнаго пароходства въ восемнадцать тысячъ рублей (18,000).—3) Сестрамъ Александрѣ Васильевнѣ Чижовой четыре тысячи рублей (4,000); Еленѣ Васильевнѣ Чижовой четыре тысячи (4,000) и Ольгѣ Васильевнѣ Поповой три тысячи руб-

---

*) Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ лицо въ высокой степени достопамятное. Благіе плоды его дѣятельности будутъ все болѣе выясняться въ нашей политической, общественной и бытовой исторіи. Въ виду современныхъ газетныхъ толковъ, читателямъ Русскаго Архива любопытно можетъ быть его Духовное Завѣщаніе, полученное нами въ 1878 году въ печатномъ листкѣ изъ типографіи А. Н. Мамонтова. Желающимъ ближе познакомиться съ біографіею Ѳ. В Чижова напомнимъ про статьи о немъ въ „Русскомъ Архивѣ“ (1878, I, 129 и 1884, I, 391), въ „Историч. Вѣстникѣ“ (1883, I, 241) и въ особенности на воспоминанія о немъ Арк. Черокова въ газетѣ „Русская Жизнь“ (№№ 41 и 42-й 1893 г.). П. Б.

лей (3,000). Всего опредѣленнаго моего долга на шестьдесятъ четыре тысячи рублей (64,000).

Прося Савву Ивановича Мамонтова быть моимъ душеприкащикомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ прошу его распорядиться слѣдующимъ образомъ.

Къ Маю мѣсяцу, когда будутъ получены дивиденды съ акцій и паевъ, продать: четыре пая Моск. Куп. Банка, десять паевъ Товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова сына и К°, десять акцій Моск.-Ярос. дороги, потомъ взять мой членскій взносъ въ Моск. Купеч. Общ. Взаим. Кредита и получить долгъ вышеназванный. Все это вмѣстѣ должно составить болѣе пятидесяти четырехъ тысячъ восьми сотъ рублей (54,800), и этими деньгами покрыть мои долги въ Моск. Куп. Общ. Взаим. Кредита и принятый мною на себя долгъ Архангельско-Мурманскаго товарищества срочнаго пароходства; эти долги въ обшей сложности составляютъ всего пятьдесятъ три тысячи рублей (53,000). Въ уплату долга моимъ сестрамъ отдать имъ, Александрѣ и Еленѣ Васильевнамъ, по пятидесяти пяти акцій Общ. Моск.-Яросл. желѣзной дороги, а Ольгѣ Васильевнѣ сорокъ акцій, разумѣется, когда всѣ акціи будутъ уже выкуплены. Изъ этихъ акцій сто десять находятся въ залогѣ въ Моск. Куп. Общ. Взаим. Кредита и пятьдесятъ въ правленіи Моск.-Ярославской желѣзной дороги.

Крестницѣ моей Катеринѣ Михайловнѣ Трифановской, рожденной Маркевичъ, живущей теперь Полтавской г., Прилуцкаго у., въ с.Березовкѣ, завѣщаю домъ мой въ Москвѣ, на Садовой, подъ №№ 437 и 10, со всею мебелью, экипажами, часами, кромѣ картинъ и библіотеки. На уплату процентовъ и капитала по залогу дома, а также и страхованіе, прошу употреблять учредительское мое право въ Общ. Моск.-Яросл. желѣзной дороги, то-есть то вознагражденіе, какое придется мнѣ, какъ одному изъ учредителей этого Общества (§ 45 устава Общ. Моск.-Яросл. жел. дороги). Ей же отдать и три 5% съ выигрышами билета перваго выпуска. Если бы выкупъ дома совершился ранѣе срока полученія учредительскаго вознагражденія, или же она продала бы домъ съ переводомъ долга, то все вознагражденіе переходитъ ей.

Все то, что̀ придется на мою долю участія въ Обществѣ Моск.-Курской желѣзной дороги, будутъ ли то акціи этого Общества, принадлежащія мнѣ по нашимъ учредительскимъ протоколамъ, или капиталъ, все оставляю я на устройство и содержаніе техническихъ учебныхъ заведеній въ Костромѣ. Только тысячу акцій, по окончательномъ раздѣлѣ ихъ между нами (учредителями Общ. Моск.-Курской дороги), прошу отдать крестницѣ моей Трифановской. Техническія учебныя заведенія должны состоять изъ одного высшаго училища, которое по

степени ученія должно равняться гимназіямъ съ семью классами; кромѣ его еще изъ четырехъ низшихъ техническихъ училищъ: одного въ Костромѣ, другаго въ Чухломѣ, третьяго въ Галичѣ, или Макарьевѣ, по указанію Костромскаго губернскаго земства, и четвертаго въ Кологривѣ. Наконецъ, если дозволитъ капиталъ, то прошу, сверхъ того, устроить другія общественныя заведенія въ Костромѣ, именно родильный домъ съ классами повивальныхъ бабокъ и тому подобное. Душеприкащиками и исполнителями этой статьи моего духовнаго завѣщанія прошу быть двухъ моихъ пріятелей: Савву Ивановича Мамонтова и Алексѣя Дмитріевича Полѣнова. Ни въ постройкѣ, ни въ расположеніи ученія, ни въ составленіи уставовъ, если таковыхъ плановъ и уставовъ не будетъ мною оставлено, не долженъ вмѣшиваться никто, кромѣ моихъ душеприкащиковъ. Архитекторомъ построекъ желалъ бы я имѣть Ивана Васильевича Штрома. Если бы случилось, что по Общ. Моск.-Курск. жел. дороги пришелся на мою долю какой-либо дивидендъ ранѣе раздѣла акцій, то прошу таковой отдавать моей крестницѣ Трифановской въ счетъ уплаты тысячи акцій, но только съ ея согласія и считая каждую акцію во сто рублей. Въ случаѣ ея несогласія оставлять эти деньги на постройку учебныхъ заведеній низшихъ. На разъѣзды и хлопоты во время построекъ прошу моихъ душеприкащиковъ брать по четыре тысячи въ годъ каждому.

Библіотеку мою со шкафами отдаю въ Румянцовскій музей. Три портрета: одинъ скульптора Витали, работы Карла Брюлова, другой пожилого человѣка съ мальчикомъ работы Левицкаго, третій Лосенка работы его самого, отдаю въ тотъ же Румянцовскій музей. Мой дневникъ въ книгахъ и тетрадяхъ прошу, не позволивъ никому читать, передать запечатанными въ тотъ же музей съ тѣмъ, чтобъ его не могли распечатать ранѣе сорока лѣтъ. Туда же и на томъ же условіи передаю всю мою переписку.

Егору Львову Маіорову, а въ случаѣ его смерти его наслѣдникамъ, за его долгое мнѣ служеніе, выдать тысячу рублей (1,000), а также все платье, шубы, бѣлье. Фролу Григорьеву Сѣрому, если онъ пробудетъ при мнѣ до моей смерти, выдать триста (300) рублей.

На похороны мои, самыя простые, прошу употребить никакъ не болѣе полутораста рублей, но кромѣ того купить хорошій покровъ и отдать въ церковь Ѳеодора Студита, а духовнику моему, священнику этой церкви, уплатить тысячу рублей (1,000).

Сіе духовное мое завѣщаніе писано мною своеручно, въ здравомъ умѣ и полной памяти, 14 Октября 1877 года въ Москвѣ. Надворный совѣтникъ Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ.

МНИМЫЙ АНГЛІЙСКІЙ ТРОФЕЙ.

Въ «Русскомъ Архивѣ» нынѣшняго года (стр. 87), Д. В. Ильинскій въ Воспоминаніяхъ своихъ, говоря о томъ, что Англичане вывѣсили въ Гринвичѣ, въ числѣ побѣдоносныхъ трофеевъ своихъ, нашъ корабельный флагъ (тогда какъ таковаго они никогда у насъ не брали) замѣчаетъ: «Мнѣ кажется было бы справедливымъ, если бы морской министръ просилъ министра иностранныхъ дѣлъ офиціально потребовать составленія акта, изъ Русскаго ли флахтука сшитъ выставленный флагъ, не скроенъ ли онъ и сшитъ въ Англіи, и потомъ преслѣдовать обманъ юридическимъ путемъ, какъ преслѣдуются мошенническія продѣлки, фабрикація фальшивыхъ ассигнацій и т. п.».

Кто-то изъ Одессы сообщилъ объ этомъ въ Англію, и въ „Русскій Архивъ“ (чрезъ г-на В. Барнесъ-Стевени) прислана слѣдующая газетная вырѣзка:

THE EDITOR OF THE «DAILY CHRONICLE».

Sir.—Referring to the paragraph from your correspondent at Odessa as to «A Disputed War Trophy», I beg to inform you that a well, known distinguished naval officer tells me that the statement of the writer in the «Russky Arkhiv», „that England has never captured a Russian Naval flag“, is correct. Further, I would like to say we have no Russian Naval flag in our collection at Greenwich.—Yours faithfully

G. W. Giffard Hooper *).

Royal Naval College, Greenwich. Jan. 26.

ЗАЯВЛЕНІЕ Д. В. ИЛЬИНСКАГО.

(въ отвѣтъ на замѣтку Англійской газеты).

Лѣтомъ 1857 года (т. е. на другой годъ по заключеніи Парижскаго мира) былъ я въ Англіи, какъ частный путешественникъ, и въ Гринвичѣ, при осмотрѣ такъ называемаго «Госпиталя», видѣлъ посреди Англійскихъ трофеевъ, на правой сторонѣ отъ входа, флагъ съ синимъ по діагоналямъ крестомъ на бѣломъ полѣ. Отрицать это невозможно Англичанамъ. Когда именно этотъ мнимый трофей снятъ, я не знаю; а что нынѣ его уже нѣтъ, тому готовъ вѣрить.

Дмитрій Ильинскій.

---

*) То-есть: Относительно статьи вашего корреспондента изъ Одессы «О спорномъ воинскомъ трофеѣ», считаю долгомъ увѣдомить васъ со словъ хорошо извѣстнаго, отличившагося морскаго офицера, что утвержденіе пишущаго въ «Русскомъ Архивѣ» о томъ, что Англія никогда не овладѣвала Русскимъ морскимъ флагомъ совершенно справедливо. Далѣе я хочу сказать еще, что Русскаго морского флага въ нашемъ Гринвичскомъ собраніи не имѣется. Вашъ и пр. Г. В. Жиффардъ Хоперъ. Королевская Морская Коллегія въ Гринвичѣ. 26 Января (1893).

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1893 года.

(Годъ тридцать первый).

Русскій Архивъ въ 1893 г. издается по прежнему двѣнадцатью тетрадями, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1893 году съ пересылкою и доставкою — девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Въ Петербургѣ, Сергіевская д. 61-й, кв. 11-я (у доктора Л. Ѳ. Зміева).

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за одну по 1 р. 25 к., за двѣ по рублю, за три по 80 к., за четыре и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Для личныхъ объясненій съ издателями—Четвергъ отъ 9 до 3 ч. дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива“: **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

Годъ XXXI-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1893

4.

Стр.

323. Изъ воспоминаній и замѣтокъ Севастопольца. (Князь М. Д. Горчаковъ и его письмо къ военному министру.—Седьмое бомбардированіе и штурмъ Севастополя). **Д. В. Ильинскаго.**

337. Изъ записокъ сенатора **К. Н. Лебедева.** 1856—1859 годы.

400. Письма **митрополита Исидора** къ фельдмаршалу князю Барятинскому, съ примѣчаніями **А. Л. Зиссермана.**

414. Изъ бумагъ **О. М. Бодянскаго**: два частныхъ письма во время возсоединенія Малороссіи.

418. Изъ бумагъ **С. Д. Нечаева**: переписка его съ княземъ А. Н. Голицынымъ.

435. Митрополитъ Платонъ Кіевскій о Николаѣ Павловичѣ. **И. У. Палимпсестова.**

440. О письмахъ И. С. Аксакова къ роднымъ.

445. Два портрета работы Левицкаго. **В. К. Попандопуло.**

446. Стихи **С. Д. Нечаева** о Гречѣ и его грамматикѣ.

447. О мѣстѣ кончины Паисія Лигарида. **С. Н. Браиловскаго.**

Въ приложеніи:

Записки Филипа Филиповича Вигеля (новое изданіе съ подлинной рукописи). Часть седьмая. Окончаніе. Со статьею о Керчи, родословіемъ Вигелей и Панчулидзевыхъ, азбучнымъ указателемъ ко всѣмъ семи частямъ и портретомъ ген.-лейт. И. И. Алексѣева.

☞ *Для переплетчика.* Записки Вигеля слѣдуетъ переплетать отдѣльно. Они начинаются съ 6-го выпуска 1891 года; портретъ автора при 6-мъ выпускѣ 1892 года.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1893.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891 года.

12 выпусковъ въ трехъ книгахъ.

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ:

I. Императрица Марія Θеодоровна. Ея біографія. **Е. С. Шумигорскаго.**

Записки **Степана Петровича Жихарева** (1806 и 1807 годы).

Воспоминанія **Андрея Михайловича Фадѣева.**

Письма митрополита **Филарета** къ Θ. Я. Репнинскому. 1828—1842.

Изъ депешъ барона Баранта.

Зимній походъ В. А. Перовскаго въ Хиву 1839 года. По разсказамъ современниковъ. **И. Н. Захарьина.**

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Воспоминанія графа **С. Д. Шереметева.**

Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Его біографія. **А. Л. Зиссермана.**

Воспоминанія **Григорія Дмитріевича Щербачева.**

*

II. Автобіографическія показанія прадѣда Пушкина **А. П. Ганнибала.**

Правительственные пріемы Екатерины Великой. (Изъ письма **В. С. Попова** къ императору Александру Павловичу.)

Императрица Марія Θеодоровна. Ея біографія. **Е. С. Шумигорскаго.**

Москва въ дни вступленія въ нее Французовъ. Современное письмо **Стендаля.**

Бородино. **Графа С. Д. Шереметева.**

Памятныя записки **Михаила Михаиловича Евреинова.**

Воспоминанія **Андрея Михаиловича Фадѣева.**

„Благодѣтели мои и моего рода". Воспоминанія священника-археолога **М. Я. Діева.**

Къ характеристикѣ О. И. Сенковскаго (Польскіе наѣзды на Русскій языкъ). Статья **И. Н. Корсунскаго.**

Изъ воспоминаній о моей жизни. Салтинскій походъ (1847). **Барона А. П. Николаи.**

Севастополь. Записки начальника штаба Севастопольскаго гарнизона **князя В. И. Васильчикова.**

Живописецъ Б. Л. Боровиковскій. Біографическій очеркъ. Составилъ **В. П. Горленко.**

Письмо **И. С. Аксакова** по поводу открытія памятника Пушкину (1880).

*

III. Графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій въ его хозяйствѣ (1799).

Что происходило въ Донскомъ монастырѣ въ 1812 году.

Воспоминанія **Анны Григорьевны Хомутовой** о Москвѣ въ 1812 году.

Отроческое сочиненіе императора Александра II-го **И. М. Остроглазова.**

Записки **Н. Н. Муравьева-Карскаго.** Персидская война. Іюль-Октябрь 1827 года.

Россійское купечество на обѣдѣ у императора Николая Павловича (1833). «Событіе.» **И. Н. Рыбникова.**

Походныя замѣтки ополченца 1855—1856 годовъ, **Н. А. Обнинскаго,** съ предисловіемъ **П. Н. Обнинскаго.**

Въ приложеніи:

Геліогравюры, изображающія скопческое моленіе и портретъ **Ювеналія Воейкова.**

Цѣна съ пересылкою **восемь** рублей.
Каждая книга отдѣльно **три** рубля съ пересылкою.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ И ЗАМѢТОКЪ СЕВАСТОПОЛЬЦА *).

XII.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ.

Наканунѣ вступленія на престолъ императора Александра Николаевича, тихо, безъ огласки, отбылъ изъ Севастополя 18 Февраля (2-го Марта) князь Меньшиковъ (Тотлебенъ, часть 2-я, стр. 40), сдавъ армію во временное командованіе барону Д. Е. Остенъ - Сакену, который въ свою очередь передалъ начальство надъ гарнизономъ адмиралу Нахимову. Тутъ невольно поражаетъ вопросъ, отчего князь Меньшиковъ не дождался пріѣзда смѣнившаго его князя Горчакова; по сношеніямъ они не были врагами, а при личной передачѣ могли быть сообщены и переданы свѣдѣнія, весьма полезныя для вступающаго въ должность главнокомандующаго.

Вскорѣ по пріѣздѣ своемъ князь Горчаковъ пожелалъ посѣтить и осмотрѣть всѣ бастіоны оборонительной линіи Севастополя. Посѣщеніе это произвело на всѣхъ насъ самое пріятное впечатлѣніе. Въ шапкѣ нѣсколько на затылокъ, онъ съ открытымъ, добрымъ, привѣтливымъ лицемъ, разспрашивалъ матросовъ, какъ имъ живется, подшучивалъ умно надъ непріятелемъ, привѣтливо разговаривалъ съ офицерами; вообще видно было, что ему хотѣлось усвоить себѣ понятіе, какой жизнію живутъ на бастіонахъ, и должно быть онъ былъ доволенъ видѣннымъ: лицо его все болѣе и болѣе озарялось радостью и любовью.

Онъ съ любопытствомъ разспрашивалъ у командира бастіона о дѣйствующихъ противъ него непріятельскихъ батареяхъ; будучи самъ артиллеристомъ, онъ быстро схватывалъ всю суть взаимнаго положенія, но не придавалъ этому разспросу серьезнаго значенія, а какъ будто изъ любопытства, высовывался чрезъ парапетъ или какъ бы изъ разсѣянности останавливался на болѣе открытыхъ и опасныхъ

---

*) См. выше, стр. 249.

мѣстахъ бастіона. Словомъ, онъ все видѣлъ, все замѣчалъ, кромѣ главнаго,—той опасности, которой онъ самъ подвергался. Онъ отнюдь не рисовался; но мы чувствовали, что все это онъ дѣлалъ намѣренно, чтобы сродниться съ нами моряками.

Паскевичъ, цѣня способности князя Горчакова, а главное прямоту и добросовѣстное отношеніе къ служебному долгу, сдѣлалъ его своимъ начальникомъ штаба и имѣлъ къ нему полнѣйшее довѣріе; но этимъ самымъ онъ во многомъ повредилъ князю Михаилу Дмитріевичу. Паскевичъ обладалъ обширнымъ умомъ, знаніемъ и опытностью, не нуждался въ совѣтахъ, а только въ исполнителяхъ его приказаній и предначертаній; при такихъ условіяхъ князь Горчаковъ привыкъ быстро схватывать смыслъ распоряженій своего начальника и отвыкъ прислушиваться къ своей собственной сообразительности, часто болѣе простой и дѣловитой, чѣмъ отданное ему приказаніе. Эта борьба между сознаніемъ своего неисполненнаго плана и точнымъ выполненіемъ чужаго плана порождала двойственное соображеніе, которое чувствовалось во всѣхъ дѣйствіяхъ Михаила Дмитріевича. Онъ сдѣлался нерѣшительнымъ, и часто случалось, что, избравъ одинъ планъ, отмѣнялъ отданное приказаніе и преслѣдовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и другой планъ.

Многіе увѣряли, что князь Горчаковъ былъ разсѣянъ; но я положително отвергаю это. Напротивъ, онъ только казался разсѣяннымъ. Онъ сосредоточивалъ свои мысли на какомъ нибудь предметѣ, и если заговаривали съ нимъ о постороннемъ, то онъ какъ будто приходилъ въ себя, раньше чѣмъ былъ въ состояніи отвѣчать на предложенный вопросъ. Исполняя долго обязанности начальника штаба, онъ привыкъ планы свои подвергать тщательной обработкѣ, даже въ мелочныхъ проявленіяхъ, при исполненіи задуманнаго; отъ этого, имѣя въ начальникѣ своего штаба Павлѣ Евстафьевичѣ Коцебу пунктуальнаго, точнаго исполнителя, но никакъ не сочувствующаго ему совѣтника, князь Горчаковъ вынужденъ бывалъ всю работу по исполненію и соображенію задуманнаго дѣла вырабатывать, можно сказать, въ самомъ себѣ.

Такой начальникъ штаба, какъ П. Е. Коцебу всего болѣе годился бы Паскевичу. Обладая необыкновенной памятью и педантическою пунктуальностью въ исполненіи, Коцебу всегда предпочиталъ второстепенную роль въ историческихъ событіяхъ и впродолженіи долговременной службы своей, сколько помню (но могу и ошибиться), ни разу не бралъ на себя отвѣтственности ни въ какомъ важномъ, военномъ или гражданскомъ дѣлѣ, кромѣ званія Варшавскаго генералъ-губернатора въ послѣдніе годы своей жизни. Условія, въ кото-

рыхъ отлично уживался Коцебу, были гибельны для Русскаго барина. Долговременная подчиненность чужой волѣ лишила его довѣрія къ собственнымъ способностямъ и сообразительности. Свобода мыслей и дѣла, присущая Русскому патріоту, соотвѣтствовала созданному имъ въ молодости идеалу—прославить имя свое въ исторіи рода кн. Горчаковыхъ не отличіемъ только въ наградахъ и чинахъ, а дѣйствительною пользою на службѣ Царю и Отечеству.

Судьба поставила князя Горчакова въ зависимость отъ двойнаго давленія и тогда, когда онъ принялъ главное начальство надъ арміей въ Крыму. Съ одной стороны образовалось въ Петербургѣ нѣчто подобное Австрійскому оберъ-кригсъ-штатсъ-герихтсъ-рату, который понуждалъ князя Горчакова предпринимать наступательныя дѣйствія противъ союзниковъ, съ другой совѣты его сродника, нашего посланника въ Вѣнѣ князя А. М. Горчакова. «Вы не выиграли еще ни одного сраженія и терпите при этомъ большую потерю въ людяхъ; берегите солдатъ для продленія обороны Севастополя, но дайте намъ дипломатамъ возможность вести съ союзниками переговоры на болѣе выгодныхъ для насъ условіяхъ».

Признавая по убѣжденію, что побѣда надъ союзниками, при настоящихъ условіяхъ, не представляетъ никакой надежды, главнокомандующій въ тоже время вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе представителя Россіи на Вѣнской конференціи и медлилъ приводить въ исполненіе заносчивыя настоянія Петербургскихъ стратеговъ. Назойливыя требованія посланца, генералъ-адъютанта барона Вревскаго, заставили его, наконецъ, склониться и допустить его до участія въ руководствѣ военными дѣйствіями (Записки Хрущова, стр. 117.)

28-го Іюля въ квартирѣ начальника гарнизона состоялся военный совѣтъ. Мнѣнія были разнородныя. Мнѣ лично кажется, что правѣе были тѣ, которые предполагали начать движеніе съ Малахова кургана на Камчатскій люнетъ, такъ какъ во всѣхъ предложеніяхъ звучала общая всѣмъ мысль, что всякое наступленіе кончится неудачей. Выходъ изъ оборонительной Корабельной линіи, даже при неудачѣ, произвелъ бы надолго остановку наступательныхъ дѣйствій непріятеля, въ то время какъ атака отдаленнаго пункта отъ Севастополя, при отбитіи, никакого облегченія для осажденныхъ произвести не могла. Вопреки этому, рѣшено было атаковать Ѳедюхины высоты, и безполезное для насъ несчастное дѣло состоялось 4-го Августа.

Дѣйствуя противъ своего убѣжденія, но по настоянію барона Вревскаго, князь Горчаковъ выказалъ слабость характера. Ему слѣдовало отказаться отъ исполненія Петербургскихъ требованій; но одно можно утвердительно сказать, что послабленіе это не было сдѣлано

изъ разсчета удержать за собой власть главнокомандующаго. Для сохраненія за собой этого званія требовалось скорѣе самопожертвованіе, чѣмъ честолюбіе.

Тоже, что̀ говорилъ я про Инкерманское сраженіе, приходится сказать и о сраженіи 4-го Августа подъ Черной. Раньше чѣмъ раздался первый выстрѣлъ, утвердительно можно было рѣшить, что насъ ожидаетъ неминуемое пораженіе. Я исправлялъ тогда должность начальника 5-го отдѣленія, а начальникомъ войскъ на этомъ отдѣленіи былъ командиръ 8-й дивизіи князь Урусовъ. Когда до насъ доносился учащенный грохотъ пушечной пальбы и виденъ былъ дымъ отъ выстрѣловъ происходившаго сраженія, генералъ-адъютантъ кн. Урусовъ передалъ мнѣ номеръ газеты Indépendance Belge, гдѣ въ пространной статьѣ было сказано: «До насъ дошли слухи, что Русскіе дѣлаютъ большія приготовленія для атаки Ѳедюхиныхъ высотъ. Не смотря на отзывы многихъ газетъ, мы положительно не вѣримъ этимъ слухамъ; вопервыхъ, потому, что занятіе этихъ высотъ, въ случаѣ успѣха, ни въ чемъ не принесетъ пользы Русскимъ, такъ какъ Ѳедюхины холмы находятся подъ выстрѣлами нашихъ батарей на Сапунъгорѣ; а второе, что, вслѣдствіе этихъ слуховъ, союзниками уже предприняты всѣ мѣры для успѣшнаго отраженія непріятеля».

Хотя, благодаря продолжительности войны, чувства состраданія у насъ огрубѣли, но при чтеніи о безполезности приносимой жертвы каждый изъ насъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, творилъ безмолвную молитву: «Да будетъ воля Твоя, Господи!» Пальба изъ пушекъ, стихая, замолкла; не успѣли мы мирно пообѣдать, какъ частые выстрѣлы осадныхъ батарей возвѣстили, что началось пятое бомбардированіе Севастополя, продолжавшееся четыре дня.

Весь ходъ сраженія весьма сжато и толково изображенъ въ письмѣ главнокомандующаго отъ 5 (17) Августа къ военному министру; вмѣстѣ съ тѣмъ въ письмѣ этомъ слышится скорбь патріота, и единственно для умаленія этой скорби онъ прибѣгалъ, какъ истинный Православный, къ молитвѣ и покорности судьбѣ въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыхъ людская мудрость не можетъ ни предвидѣть, ни предотвратить (Тотлебенъ, часть II, отд. 2-й, стр. 302—306).

Письмо генералъ-адъютанта князя Горчакова къ военному министру князю В. А. Долгорукову отъ 5 (17) Августа 1855 г.

Любезный князь!

„Рокъ, тяготѣющій надъ нами, не перестаетъ преслѣдовать насъ. Какъ вы уже знаете изъ моего письма, я имѣлъ мало надежды, въ виду численнаго превосходства непріятеля, одержать значительный успѣхъ, атакуя со стороны

Черной. Я твердо рѣшился сначала обозрѣть его расположеніе и предпринять атаку только тогда, когда увижу хоть нѣкоторую возможность успѣха. Сообразно этому всѣ диспозиціи были написаны и объяснены всѣмъ начальникамъ. Генералу Реаду было именно приказано стать съ двумя дивизіями противъ Ѳедюхиныхъ, завязать тамъ артиллерійскій бой, но не переходить рѣки и не атаковать горъ безъ особеннаго на это отъ меня приказанія. Генералу Липранди, который командовалъ лѣвымъ флангомъ, было приказано овладѣть съ двумя дивизіями на правомъ берегу высотами близъ Чоргуна, слабо занятаго непріятелемъ. 4-я и 5-я пѣхотныя дивизіи и кавалерія должны были составить резервъ. Первоначальное намѣреніе мое заключалось въ томъ, чтобы, по овладѣніи высотами впереди Чоргуна, основательно обозрѣть позицію Сардинцевъ близъ Черной, атаковать затѣмъ Гасфорта высоты и двинуть пѣхоту Реада, какъ первое подкрѣпленіе войскамъ Липранди, оставивъ артиллерію Реада противъ Ѳедюхиныхъ, подъ прикрытіемъ части моей кавалеріи. Все это было пояснено генералу Реаду; но я ему предписалъ также быть готовымъ атаковать Ѳедюхины, когда я ему прикажу, въ томъ случаѣ, если Гасфорта высоты будутъ мною найдены слишкомъ сильно занятыми. Въ этомъ случаѣ пришлось бы поддерживать Реада войсками Липранди съ главнымъ резервомъ.

Въ 4 часа утра войска Липранди и Реада и часть резерва спустились къ Мекензіи. Я послалъ тогда моихъ адъютантовъ сказать генераламъ Липранди и Реаду начинать дѣло. Первый понялъ приказаніе, занялъ сообразно диспозиціи высоты Чоргуна и остановился въ ожиданіи моихъ приказаній. Но въ тотъ моментъ, когда я прибылъ на высоты, которыя онъ только что занялъ, я услышалъ сильный ружейный огонь противъ Ѳедюхиныхъ. Это былъ Реадъ, двинувшій впередъ обѣ свои дивизіи. Съ этого момента я увидѣлъ, что дѣло было испорчено, и смотря на дивизіи Реада, которыя взбирались на гору, я былъ поставленъ въ необходимость направить имъ въ подкрѣпленіе ближайшія войска, а именно: 5-ю дивизію, находившуюся въ резервѣ, и три полка отъ войскъ Липранди. Между тѣмъ непріятель притягивалъ значительныя подкрѣпленія къ Ѳедюхинымъ и окрестностямъ ихъ. Онъ развернулъ на различныхъ пунктахъ болѣе 50,000 человѣкъ, а наши войска введены были въ бой частями, и атака не могла болѣе имѣть никакого успѣха, потому что обѣ разбитыя дивизіи Реада были уже отброшены отъ горы съ огромною потерею. Надо было прекратить бой. Я отступилъ на разстояніе малаго пушечнаго выстрѣла отъ Черной и оставался въ этой позиціи около четырехъ или пяти часовъ въ надеждѣ, что непріятель, ободренный успѣхомъ, рѣшится, можетъ быть, атаковать меня; но къ сожалѣнію онъ этого не сдѣлалъ и ограничился тѣмъ, что выслалъ стрѣлковъ къ самой рѣкѣ. И такъ мы испытали пораженіе, понеся при этомъ значительную потерю отъ семи до восьми тысячъ челов. Къ довершенію несчастія, большинство раненыхъ на горѣ осталось въ рукахъ непріятеля; даже тѣло генерала Реада, убитаго въ моментъ, когда началось отступленіе, не было унесено. Между тѣмъ вотъ что̀ случилось съ Реадомъ. Въ то время, когда мой адъютантъ

передалъ ему приказаніе, о которомъ было упомянуто выше, онъ спросилъ его: „Хочу ли я, чтобы онъ атаковалъ“. Адъютантъ сказалъ ему: „Главнокомандующій приказалъ только начинать сраженіе“. На это онъ отвѣчалъ: „Хорошо, я буду обстрѣливать непріятеля“. Что̀ могло побудить Реада начать атаку, не получивъ на это новаго приказанія послѣ канонады, продолжавшейся менѣе получаса, и прежде чѣмъ успѣли подойти резервы, объ этомъ одинъ Богъ вѣдаетъ, потому что и онъ и его начальникъ штаба убиты...

Я не говорю вамъ о заботахъ, которыя меня обременяютъ, ни о томъ, какъ постоянно надрывается мое сердце. Какъ вы знаете, у меня мало надежды одержать дѣйствительный успѣхъ; но жестокія потери, которыя мы испытали, не должны были имѣть мѣста. Я стараюсь утѣшить себя мыслію о томъ, что, не достигнувъ даже временнаго успѣха, если мы понесли такую большую потерю, то причиною этому одно изъ тѣхъ роковыхъ обстоятельствъ, которыя людская мудрость не можетъ ни предвидѣть, ни предотвратить. Грустное утѣшеніе! Надо признаться, что рокъ тяготѣетъ надъ нами. Бѣдный Вревскій былъ убитъ около меня въ то время, когда я принималъ на себя командованіе корпусомъ Реада, въ слѣдствіе смерти сего послѣдняго. Такъ какъ огонь былъ довольно силенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ я находился, то начальникъ штаба приказалъ моей свитѣ удалиться. Вревскій, который остался съ нами, вскорѣ былъ убитъ ядромъ въ голову. Четверть часа предъ тѣмъ была убита его лошадь, и онъ получилъ контузію; но онъ пересѣлъ на другую лошадь, чтобы далѣе сопровождать меня.

Войско выказало удивительную храбрость, что̀ заставляетъ еще болѣе болѣть мое сердце. Оно перешло рѣку и каналъ и взобралось на гору, подъ адскимъ ружейнымъ огнемъ, съ неподражаемой смѣлостью. Всѣ непріятельскіе баталіоны были вдвое сильнѣе нашихъ. Въ моей оцѣнкѣ его силъ я ошибся, считая ихъ даже слабѣе, чѣмъ это оказалось. Онъ показалъ также многочисленную кавалерію.

Въ моемъ донесеніи есть смѣшная сторона, заключающаяся въ томъ, что оно кажется списаннымъ съ донесенія Пелисьѐ послѣ штурма 6 (18) Іюня. Онъ тоже приписываетъ испытанную имъ неудачу тому обстоятельству, что одна изъ его дивизій предприняла несвоевременную атаку и хвастается тѣмъ, что мы не смѣли его преслѣдовать. Дѣло въ томъ, что подобные случаи могутъ имѣть мѣсто во всѣхъ сраженіяхъ; но они проходятъ незамѣченными, когда сраженіе дается при благопріятныхъ обстоятельствахъ, тогда какъ въ противномъ случаѣ они неизбѣжно сопровождаются плачевными результатами. 6 (18) Іюня всѣ обстоятельства были противъ Пелисьѐ, такъ какъ наша артиллерія не была демонтирована. Вчера всѣ обстоятельства были противъ меня, потому что непріятель превосходилъ насъ числомъ войскъ и занималъ весьма сильную позицію.

Еслибъ у меня было тысячъ двадцать человѣкъ болѣе, я бы не былъ остановленъ неудачею, испытанною въ началѣ, и кончилъ бы тѣмъ, что завладѣлъ Ѳедюхиными. Все это ретроспективная стратегія, очень вѣрная, но которая, къ сожалѣнію, мнѣ ни къ чему не послужитъ. Дѣло теперь въ томъ, чтобы переформировать войско, укомплектовать его дружинами Курской губер-

ніи, которыя прибываютъ ко мнѣ, отослать кадры резервныхъ баталіоновъ и т. д. Это громадный трудъ, не говорю о Севастополѣ. Только черезъ нѣсколько дней я буду въ состояніи рѣшить, нужно ли будетъ вытребовать сюда 8 тыс. человѣкъ Лидерса или будетъ это безполезно. Примите, любезный князь, увѣреніе въ моей искренней къ вамъ преданности. Михаилъ Горчаковъ" *).

Изъ реляціи генерала Хрущова мы знакомимся съ подробностями атаки Ѳедюхиныхъ высотъ. (Записки Хрущова, стр. 127—130).

Когда 12-я дивизія атаковала Ѳедюхины высоты, главнокомандующій приказалъ Вранкену двинуть его дивизію съ Телеграфной горы къ каменному столбу (съ небольшимъ полъ-версты отъ моста). Вранкенъ просилъ у Реада дозволенія произвести атаку всею дивизіей, ручаясь за успѣхъ; но Реадъ приказалъ выстроить боевой порядокъ, и послать на штурмъ одинъ полкъ. Въ это время 12-я дивизія была уже опрокинута, и остатки ея собирались внѣ пушечнаго выстрѣла. Исполняя приказаніе корпуснаго командира, Вранкенъ двинулъ въ атаку одинъ полкъ, но не четвертый, а третій—Костромской. Реадъ остановилъ его подъ выстрѣлами и, держась устава (!), велѣлъ идти четвертому Галицкому полку. (Вотъ плоды маневровъ и военнаго образованія минувшаго царствованія). Галицкой полкъ перешелъ рѣку и потѣснилъ непріятеля на высотахъ, но не могъ удержаться, при чемъ находившійся тутъ генералъ-маіоръ Проскуряковъ былъ сильно раненъ. Посланный вслѣдъ за Галицкимъ, Костромской полкъ не могъ имѣть успѣха, по причинѣ огромной убыли въ людяхъ отъ жестокаго непріятельскаго огня. За этимъ полкомъ былъ посланъ вторично Галицкой полкъ, который опять перешелъ рѣку, но безполезно, ибо былъ опять отброшенъ. Тогда послали Вологодской полкъ, который хотя произвелъ быструю атаку, но въ свою очередь принужденъ былъ ретироваться. Затѣмъ убили и самого Реада, тѣло котораго осталось въ рукахъ непріятеля.

XIII.

Седьмое бомбардированіе и штурмъ Севастополя.

Мнѣ не доводилось читать въ Русскихъ или иностранныхъ редакціяхъ полное описаніе штурма Севастополя. Протяженіе оборонительныхъ верковъ, подвергшихся почти одновременному штурму непріятеля, по задуманному имъ заранѣе плану атаки, было слишкомъ велико, чтобы военный историкъ могъ связать эти послѣдовательныя атаки въ одно общее изложеніе всего штурма Севастополя 27 Августа.

Чтò не исполнено военными историками-специалистами, то конечно не доступно и мнѣ, тѣмъ болѣе, что я пишу не исторію, а вос-

*) Изъ книги Тотлебена. П. Б.

поминанія, и потому я долженъ ограничиться изложеніемъ тѣхъ дѣйствій, въ которыхъ я принималъ участіе или чему я былъ свидѣтелемъ и правдивость чего могу удостовѣрить лично.

Если раздѣлить всю линію обороны на участки, то наибольшій интересъ представятъ Малаховъ курганъ и 2-й бастіонъ, на которые и была направлена главная атака непріятеля.

Окончивъ свое очередное недѣльное дежурство, я передалъ начальство по отдѣленію настоящему начальнику онаго капитану 1-го ранга Павлу Александровичу Перелѣшину, а самъ съ пріятнымъ чувствомъ вдосталь насладиться кейфомъ долговременнаго отдохновенія возвратился на Павловское укрѣпленіе, мѣстопребываніе С. А. Хрулева, и вступилъ въ исполненіе моей настоящей службы—состоять при немъ по особымъ порученіямъ. Но не успѣлъ я какъ слѣдуетъ напиться чаю, позавтракать и выкурить сигару, какъ былъ потребованъ къ генералу. «Ко мнѣ опять съ бастіоновъ и батарей Корабельной стороны присылаютъ донесенія, что непріятель усиленно вводитъ войска въ траншеи. Не есть ли это съ его стороны военная хитрость заставить меня держать резервъ гарнизона подъ его выстрѣлами? Поѣзжайте, благодѣтель, всмотритесь и если найдете подтвержденіе этихъ опасеній, то пришлите казака съ вашимъ отвѣтомъ».

Медлить было нечего, и я тотчасъ поѣхалъ на передовую линію 5-го отдѣленія, направляясь къ Лабораторной казармѣ, для свиданія съ начальникомъ 8-й дивизіи генераломъ Субашинскимъ.

Выѣзжая изъ Ушаковой балки (постоянное расположеніе нашихъ резервовъ), я встрѣтился съ маіоромъ въ оберъ-офицерскихъ эполетахъ Вакемейстеромъ, котораго хладнокровная разсудительность и храбрость мнѣ были извѣстны. Я счелъ полезнымъ познакомиться съ его взглядомъ и, не переставая ѣхать шагомъ, продолжалъ его разспрашивать. Но не отошли мы и 25 саженъ отъ балки, какъ раздался со стороны непріятеля страшный залпъ навѣснымъ огнемъ изо всѣхъ мортиръ его батарей. Бомбы, падая, разрывались, осколки выли, бороздили воздухъ, образуя на разные лады какой-то адскій нестройный концертъ. Я тотчасъ же послалъ казака къ Хрулеву, но въ тоже время всюду раздался крикъ «штурмъ!». Я видѣлъ, какъ изъ траншей высыпали войска все въ бо̀льшихъ и бо̀льшихъ массахъ, и бѣгомъ, неся ружья впереди себя, скоро добѣжали до первой линіи, заставивъ рѣдко разставленную по брустверу цѣпь нашу отступать и перебѣжать короткое пространство до второй линіи.

Вслѣдъ за возгласомъ «штурмъ!», маіоръ Вакемейстеръ бросился назадъ къ своему Кременчугскому полку, безъ строя вывелъ и бѣглымъ шагомъ ударилъ въ штыки на правый флангъ штурмующаго непрія-

теля. Бѣшеная контръ-атака эта, уничтожавшая всякое препятствіе, была поддержана сильнымъ ружейнымъ огнемъ сгустившихся стрѣлковъ второй линіи. Непріятель дрогнулъ, остановился и «à grand pas gimnastique» побѣжалъ въ свои траншеи. Но самымъ главнымъ достоинствомъ маіора Вакемейстера я считаю, что онъ, не умѣряя бѣглаго шага, направилъ Кременчугской полкъ на 2-й бастіонъ и этимъ движеніемъ открылъ возможность для 2-й нашей линіи съ батареи Генриха дѣйствовать артиллерійскимъ огнемъ изъ восьми орудій.

Субашинскій съ налета завладѣлъ 2-мъ бастіономъ, вогналъ Французовъ въ траншеи, а изъ двухъ уцѣлѣвшихъ орудій открылъ огонь по выѣхавшей изъ траншей, для поддержанія штурма, полевой батареѣ; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ она была буквально уничтожена.

Проскакавъ 50 саженъ, отдѣлявшихъ меня отъ Лабораторной казармы, я подъѣхалъ къ ней въ то время, какъ стрѣлки наши перебѣгали изъ 1-й во 2-ю линію обороны. Тамъ я узналъ, что г. Субашинскій заранѣе уѣхалъ къ своимъ резервамъ, и мнѣ оставалось только слѣдовать за Кременчугскимъ полкомъ.

Оставивъ отбитый нами 2-й бастіонъ влѣвѣ, я продолжалъ свой путь по направленію къ Малахову кургану въ надеждѣ встрѣтиться тамъ съ Хрулевымъ.

На всемъ протяженіи куртины 2-го бастіона до Малахова кургана не было живаго человѣка; по разнымъ мѣстамъ лежали тѣла убитыхъ Французовъ; это, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ путь отступленія выбитаго Хрулевымъ изъ Корабельной слободки и прорвавшагося непріятеля.

Воображая, что непріятель на всѣхъ пунктахъ нами отбитъ, я съ радостнымъ, легкимъ сердцемъ продолжалъ рысцей слѣдовать по пути къ Малахову кургану. Вправо отъ меня, ближе къ домамъ Слободки, шло, кажется, Курское ополченіе, какъ вдругъ, приблизительно уже на одной трети разстоянія, я былъ пораженъ неумолкаемымъ свистомъ пуль: такого огня я еще не испытывалъ. Я взглянулъ на верхъ и къ ужасу своему увидалъ развѣвающійся на Малаховомъ курганѣ Французскій флагъ! Въ тоже время я увидѣлъ, какъ Хрулевъ со свитой пронесся изъ Корабельной Слободки на Малаховъ курганъ. Пули продолжали свистать безостановочно, и я, по правдѣ сказать, считалъ немыслимымъ достичь невредимо до кургана, хотя скорость лошадиной рыси не ускорялъ, зная по опыту, что отъ пули въ галопъ не ускачешь. Почти по срединѣ разстоянія я замѣтилъ, за небольшой насыпью, не то блиндажа, не то пороховаго погреба, офицера, укрывавшагося съ нѣсколькими солдатами; всѣ они повидимому были ранены и сидѣли, не думая о спасеніи.

Крутой въѣздъ на Малаховъ курганъ былъ загроможденъ подъемомъ на рукахъ нѣсколькихъ полевыхъ орудій; для объѣзда ихъ я употребилъ немало времени и подъѣхалъ къ горжѣ въ ту минуту, когда раненый Хрулевъ блѣдный выходилъ изъ нея. Увидѣвъ меня, онъ сказалъ: «Я раненъ, уѣзжаю; оставайтесь здѣсь и передайте начальство назначенному вмѣсто меня генералу».

Первымъ дѣломъ я счелъ осмотрѣться и удостовѣриться въ томъ что происходитъ вокругъ меня. За полуразрушенными стѣнками матроскихъ хатъ засѣли стрѣлки и перестрѣливались чрезъ ровъ съ Французами на валу кургана. Я окинулъ взглядомъ окрестность: ни малѣйшихъ признаковъ резервныхъ войскъ въ сборѣ; перестрѣливающіеся солдаты были разныхъ полковъ и размѣщены безъ всякаго порядка. Тутъ я впервыя познакомился съ флигель-адъютантомъ Воейковымъ. У насъ завязался разговоръ о возможности выбить Французовъ изъ занятаго ими кургана. Я сказалъ, что атаковать съ лѣваго фаса, обращеннаго къ рогаткѣ, было немыслимо, судя по линіи протяженія и по силѣ ружейнаго огня непріятеля; да къ тому же, какими войсками мы можемъ располагать для успѣха? Въ это время съ шумомъ пробѣжали человѣкъ 20 саперъ съ полковникомъ, кажется, Генрихомъ и крича «ура» скрылись, поворотивъ на правую сторону горжи редута. За ними послѣдовалъ и Воейковъ. Чрезъ нѣсколько минутъ мнѣ пришли сказать, что флигель-адъютантъ Воейковъ убитъ.

Разговаривая съ Воейковымъ, я пристально взглядывался въ небольшаго ростомъ, но съ чрезвычайно выразительнымъ умнымъ лицемъ (не совсѣмъ впрочемъ чистаго Русскаго пошиба), загадочнаго человѣка. Въ одеждѣ горнаго вѣдомства, онъ стоялъ у дороги возлѣ самой горжи, не обнаруживая ни тѣни смущенія или опасенія. Не сходившая съ лица его улыбка была какъ будто постояннымъ его выраженіемъ, но была въ тоже время покойна и добра, такъ какъ не выражала собой ни самодовольства, ни насмѣшки. Онъ какъ бы во все внимательно всматривался, а иногда, замѣтивъ мой взглядъ на немъ, какъ будто хотѣлъ приблизиться и спросить меня о чемъ-то... словомъ, этотъ человѣкъ мнѣ нравился, и въ тоже время я мысленно сдѣлалъ весьма невыгодный для него выводъ.

Все чтò я описалъ происходило одновременно и быстро, такъ какъ всѣ почему-то торопились, и время прошло менѣе четверти часа послѣ отъѣзда Хрулева, какъ изъ самой горжи выскочилъ молодой Французскій солдатъ, должно быть несовсѣмъ трезвый и, увидя себя одинокимъ между непріятелемъ, пробѣжалъ нѣсколько шаговъ по спуску и упавъ притворился мертвымъ. Одинъ изъ стоявшихъ по близости нашихъ солдатиковъ уже собирался штыкомъ показать ему сонъ на яву, но былъ строго остановленъ мною, съ приказаніемъ отправить

его съ первымъ раненымъ на перевязочный пунктъ и тамъ сдать по начальству. Затѣмъ я былъ отвлеченъ какимъ-то распоряженіемъ и услыхалъ чей-то голосъ. Другой солдатъ опустилъ къ Французу штыкъ къ самой спинѣ; я опять, болѣе изъ чувства досады неисполненнаго приказанія, чѣмъ изъ состраданія, крикнулъ грозно: «не смѣть!» Но солдатъ въ отвѣтъ говоритъ: «да какъ же, ваше высокоблагородіе, что же съ нимъ дѣлать, когда онъ собирался изъ пистолета васъ застрѣлить?» Я взглянулъ, но возлѣ лежавшаго никакого пистолета не увидѣлъ. Въ отвѣтъ солдату я подтвердилъ свое приказаніе взять Француза въ плѣнъ, но въ тоже время въ головѣ моей промелькнула мысль: а что̀ если этотъ Французикъ, съ пьяна перепутавъ приказаніе приготовиться его отряду къ движенію впередъ, понялъ его какъ приказаніе немедленно броситься на 2-й штурмъ уже самой Корабельной стороны? Мысль эта показалась мнѣ вѣроятною, потому что непріятель съ валу Малахова кургана имѣлъ бо̀льшій кругозоръ, чѣмъ я, и точно такъ же какъ я могъ видѣть, что вблизи не стояло никакихъ войскъ въ боевомъ порядкѣ. Страхъ обнялъ меня и выразился тѣмъ, что я говорилъ громче обыкновеннаго. Я подозвалъ стоявшаго поблизости офицера и отъ волненія болѣе громкимъ чѣмъ слѣдовало голосомъ отдалъ ему слѣдующее приказаніе: «Поѣзжайте какъ можно скорѣе на Николаевскую батарею, явитесь отъ моего имени прямо къ главнокомандующему, извѣстите, что Хрулевъ раненъ, непріятель, кажется, собирается сдѣлать натискъ изъ Малахова кургана и вѣроятно завладѣетъ всей Корабельной стороной безъ особаго съ нашей стороны сопротивленія, такъ какъ начальника нѣтъ, да и резервовъ не видать». Въ это время заинтересовавшій меня горный капитанъ подошелъ къ моей лошади и съ улыбкой сказалъ: «Мнѣ кажется, подобное приказаніе слѣдуетъ отдавать болѣе тихимъ голосомъ, такъ какъ непріятель можетъ понимать по-русски и услышать ваши слова».

Эти слова, сказанныя не насмѣшливо или злобно, а скорѣе участливо, произвели на меня дѣйствіе, какъ вылитый на голову ушатъ холодной воды. Мы пожали другъ другу руку, въ знакъ нашего новаго знакомства. Незнакомецъ этотъ впослѣдствіи исполнялъ должность товарища министра иностранныхъ дѣлъ, нынѣ посланникъ въ Римѣ А. Е. Влангали. (Онъ пріютилъ меня потомъ въ своей удобной землянкѣ на Инкерманской позиціи, пока я не получилъ назначенія состоять по морской части при штабѣ главнокомандующаго).

Вскорѣ явился ко мнѣ офицеръ съ донесеніемъ, что назначенный на смѣну Хрулева генералъ Юферовъ убитъ, а вмѣсто него получилъ назначеніе г. Лысенко; потомъ другой посланный, что г. Лысенко оторвало ногу, а приметъ начальство г. Мартынау, и наконецъ, что г. Мартынау оторвало руку. Послѣ этого мнѣ донесли, что

главнокомандующій пріѣхалъ и обозрѣваетъ позицію; мнѣ сказали, что посланный имъ на Малаховъ курганъ со словеснымъ порученіемъ генеральнаго штаба капитанъ Мейндорфъ убитъ наповалъ штуцерною пулею въ голову (объ этомъ замѣчательномъ офицерѣ будетъ упомянуто въ летучихъ листкахъ моихъ воспоминаній) и что главнокомандующимъ рѣшено: не предпринимая ничего для отбитія взятаго редута, въ ночь начать отступленіе чрезъ мостъ на Сѣверную сторону бухты. Приблизительно около 4 часовъ пріѣхалъ офицеръ съ извѣщеніемъ, что г. Шепелевъ вступилъ въ командованіе войскъ на Корабельной сторонѣ, и я, посѣтивъ Николаевскую батарею, переправился на Павловскій мысокъ, для приготовленія брига «Эней» къ потопленію. Снятый мною съ этого брига образъ Спасителя я подарилъ дочери моей Вѣрѣ.

*

Пожары были послѣдствіемъ нашествія обоихъ Наполеоновъ. Сгорѣла Москва, горитъ необъятнымъ пламенемъ и многострадательный Севастополь. Зарево пожарища кровавокраснымъ свѣтомъ отражается въ тихой водѣ бухты и производитъ впечатлѣніе, какъ будто вода, земля и небо объяты общимъ огнемъ искупленія. Частые взрывы пороховыхъ погребовъ на бастіонахъ и батареяхъ заставляютъ вздрагивать, какъ будто отъ ужаса, каменистую почву теперь роднаго всей Россіи города, а оглушительный трескъ пороховыхъ взрывовъ возвѣщаетъ міру, что борьба не кончена, а возобновится вновь.

*

Послѣднія войска наши, охранявшія переправу черезъ мостъ для нашей арміи, перешли также на Сѣверную сторону. Мостъ стали разводить, оставивъ у Графской пристани одинъ только катеръ для переѣзда главнокомандующаго, пожелавшаго оставить Севастополь послѣднимъ. Князь, подходя къ пристани, видимо старался поддерживать бодрость; въ его свитѣ были начальникъ штаба Коцебу и личные его адъютанты. Но бодрость его, по мѣрѣ схода по двумъ уступамъ лѣстницы, замѣтно его покидала и, приблизившись къ катеру, онъ взглянулъ на чистое ночное небо и сказалъ по-французски, чтобы не быть поняту присутствующими матросами: «Je vois mon étoile de malheur» *).

Отдѣлившись нѣсколькими сильными взмахами веселъ отъ пристани, Коцебу всталъ на катерѣ и былъ тоже пораженъ видомъ пожарища. Онъ не могъ воздержаться, чтобъ не сказать: «какая величественная картина!» Но князь Горчаковъ, какъ бы пробудившись, сильно схватилъ его за руку и, потрясая ее, воскликнулъ: «Affreux,

*) Вижу мою злосчастную звѣзду.

mon général, affreux!» *). Такое розное впечатлѣніе оставляетъ въ людяхъ одно и тоже событіе или видимый предметъ. Отчего это???......

XIV.

Заключительная статья.

Задумчиво стоялъ непріятель, занявъ окружающія Севастополь вершины. Въ ружейномъ выстрѣлѣ у подножія холмовъ лежалъ покинутый арміей, всюду доступный, ничѣмъ съ сухопутной стороны не укрѣпленный городъ, обороняемый сравнительно малою горстью защищавшихъ его моряковъ; но непріятель медлилъ, колебался и не рѣшался воспользоваться всѣми кажущимися выгодами несомнѣнной, легкой побѣды: онъ провидѣлъ твердыню въ Севастополѣ, твердыню нерукотворенную, окаймляющую собою всю грань святой земли Русской, и дерзновенно переступившій эту грань немедленно долженъ былъ озаботиться о спасеніи своемъ въ отступленіи, такъ какъ наступательное движеніе впередъ грозило бы ему неминуемою гибелью.

*

Эпопея и преданія Севастопольской обороны начинаютъ глохнуть и постепенно погружаться въ Лету забвенія. Сухой перечень ежедневной убыли людей и полученной аваріи можетъ быть полезенъ только спеціалисту, но не одушевитъ, не передастъ потомству всей энергіи, самоотверженной храбрости, общаго воодушевленія, въ совокупности составляющихъ то, что̀ мы называемъ нравственною силою, болѣе всѣхъ другихъ Западныхъ народовъ присущею Русскому народу и, подъ водительствомъ православной вѣры въ Промыслъ Божій, созидающею ту нерукотворную твердыню, о которую сокрушатся всѣ козни и злобные ковы враговъ Святой Руси.

Сорокъ лѣтъ я терпѣливо, но тщетно дожидался, чтобъ болѣе талантливое, чѣмъ мое перо воодушевило участниковъ обороны передать потомству, что не въ болѣе или менѣе удачномъ примѣненіи спеціальнаго знанія, не въ порывистомъ бурномъ потокѣ честолюбивыхъ завоеваній прямая мощь народовъ, а въ нравственной, медленно, постепенно созидающейся силѣ, въ вѣрѣ, въ безпредѣльной любви къ Отечеству, въ проявленіи этихъ чувствъ къ Помазаннику Божію на землѣ, въ безотчетномъ повиновеніи ему всей страны.

Нагляднымъ тому примѣромъ можетъ служить бывшій парусный Черноморскій флотъ подъ руководствомъ М. П. Лазарева. Требуя

*) Ужасная, генералъ, ужасная!

исполненія строгой дисциплины, онъ не придавалъ ей мертвящаго духа одной исполнительности, но оживлялъ, возбуждая любовь и воспитывая знаніе труднаго морскаго дѣла. Дѣйствуя не порывисто, а постепенно, онъ достигъ возможности образовать такихъ людей, какъ Корниловъ, Нахимовъ и Истоминъ, и въ тоже время отдавалъ должную справедливость заслугамъ Новосельскаго и Панфилова.

Много обѣщали и молодые всходы юнаго офицерства, нашей надежды на славное будущее. Они не жалѣли себя, безъ малѣйшаго смущенія смотрѣли въ глаза смерти и съ улыбкой презрѣнія гибли, не давая никакой цѣны своему геройскому самоотверженію. Къ концу осады и въ нихъ оказался недочетъ, и я послѣ послѣдняго павшаго на 2-мъ бастіонѣ мичмана Полозова, за трое сутокъ до штурма, принужденъ былъ вмѣсто морскаго, назначить командиромъ бастіона замѣченнаго мною храбраго артиллерійскаго прапорщика Ладыженскаго.

Немного осталось въ живыхъ изъ нашихъ экипажныхъ командировъ и штабъ-офицеровъ, которые всюду раздѣляли общую участь и опасность ввѣренныхъ имъ частей. Доблестныя имена ихъ сохранились въ анналахъ обороны Севастополя.

Изъ пяти адмираловъ трое пали на полѣ чести. Новосельскій послѣ упорнаго натиска непріятеля на 4-й бастіонъ при второмъ бомбардированіи былъ приведенъ въ физическое изнеможеніе и по выздоровленіи принялъ къ концу осады обязанность командира порта; одинъ только желѣзной воли и здоровья адмиралъ Панфиловъ оставался съ перваго и до послѣдняго дня стойкимъ защитникомъ Русской чести на 3-мъ бастіонѣ.

*

Цѣль моихъ замѣтокъ въ томъ, чтобы утвердить въ сознаніи, что оборона Севастополя составляетъ послѣднюю главу въ исторіи парусного Черноморскаго флота; что этому флоту принадлежитъ проявленіе той нравственной силы, которая изумляла союзниковъ и всю Европу; что предначертанныя моряками мѣры обороны, если были измѣняемы, то вели лишь къ паденію Севастополя; что каждый изъ нашихъ адмираловъ заслужилъ въ современной исторіи свой лавровый вѣнокъ военной славы, и не посѣтуютъ на меня живые и падшіе сослуживцы, если я признаю и утверждаю, что эти лавровые вѣнки, соединившись въ одинъ, украшаютъ собою чело созидателя и учителя Черноморскаго флота, Михаила Петровича Лазарева.

Дмитрій Ильинскій.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА *).

Первые мѣсяцы 1856 года.

Баронъ Бруновъ и гр. Орловъ въ Парижѣ, вѣроятно уже представлялись графу Валевскому и императору, вѣроятно начались и конференціи, вѣроятно и кончатся въ предположенномъ смыслѣ. Но это миръ не прочный, хотя скорый, и не почетный, ибо вынужденный. Ни мы, ни Англія ему не вѣримъ. И мы, и они занимаемъ и снаряжаемся; для нихъ уступки слишкомъ малы, для насъ слишкомъ велики. «Слишкомъ» всегда было и будетъ врагомъ порядку и праву.

Думаютъ о коронаціи. Въ Маѣ вышло положеніе о нашихъ новыхъ или новѣйшихъ мундирахъ и панталонахъ. Думаютъ... нѣтъ, ни о чемъ не думаютъ, обжираются, упиваются, мысли лѣнятся и тупѣютъ. Броженіе проектовъ и записокъ не прекращается; прибывшіе изъ Сибири Ребиндеръ и Муравьевъ защищаютъ Амурскую экспедицію или поѣздку; гр. Строгановъ Одесскій опасается чумы. Не зная условій, наши губерніи рады миру. Повсюду ссоры губернскихъ начальствъ съ ополченными, повсюду жалобы на отягощеніе и расхищеніе. Великій князь Константинъ ищетъ мѣста для флота, требуя отъ всѣхъ указать и предначертать планъ его укрѣпленій, перекоряясь съ кн. Меншиковымъ, подъ именемъ Шестакова и Грейга (Морск. Сборн. Декабрь 1855 и Февраль 1856). Въ литературѣ довольно свободное движеніе («Современникъ», Гоголевскій періодъ); дозволена «Русская Бесѣда» Славянофиламъ; въ ходу Некрасовъ, Гончаровъ и Тургеневъ. Въ газетахъ застой. Между тѣмъ, какъ бы независимо отъ Парижскихъ совѣщаній по Восточному вопросу, въ Константинополѣ рѣшаются дѣла столь же важныя, которыя въ непродолжительномъ времени пробудятъ снова этотъ вопросъ: дѣла объ устройствѣ гражданскаго положенія райевъ и объ учрежденіи Греческой церкви въ Турціи. И все это безъ всякаго участія Россіи! Если примутся за дѣло умно, мы

---

*) См. выше, стр. 284.

можемъ потерять всѣ существенные народные интересы наши. Если рѣшать дѣло мнимо - умно, т. е. подъ вліяніемъ вмѣшательства католицизма, интересы наши, со временемъ, при лучшемъ устройствѣ церкви Русской, усилятся и сблизятъ народности, въ которыхъ вліяніе наше найдетъ вѣрнѣйшую опору.

Но все будетъ зависѣть отъ демократіи. Должно полагать, что она или не допуститъ мира, или, допустивъ, начнетъ окончательно подрывать династическое начало и открыто провозгласитъ права общаго голоса съ Наполеонидами и бурными народными волненіями для положительнаго утвержденія началъ 1789 и даже 93 годовъ. Въ виду этихъ страшныхъ грозъ и даже негрозныхъ стремленій, страшно подумать о непрочности и слабости нашихъ крѣпостныхъ, общественныхъ и государственныхъ установленій. Крѣпостное право останавливаетъ у насъ всѣ усовершенія; общественныя учрежденія основаны на сословіяхъ, а сословій нѣтъ; государственное управленіе, сосредоточенное до нельзя, идетъ вяло, гніетъ постоянно и безотвѣтно трактуетъ государство, раздавъ его по частямъ, какъ жалованную вотчину. При другомъ положеніи Европы можно бы было терпѣливо выжидать улучшеній отъ постепенныхъ, частныхъ мѣръ; въ настоящее время настоятельны мѣры коренныя и общія. Въ этомъ убѣждены всѣ, кромѣ тѣхъ, отъ которыхъ онѣ зависятъ...

Но я думаю, что заснуть трудно и безъ большихъ испытаній. Потрясеніе наше весьма сильно, и мы сгоряча, не опомнясь, еще ждали себѣ отчета. Потери наши чрезвычайно важны, и крики потерпѣвшихъ интересовъ будутъ громки. Общественное мнѣніе, наука, словесность и журналы стерегутъ съ болѣе напряженнымъ вниманіемъ и выражаются смѣлѣе, громче и опредѣлительнѣе.

Умеръ знаменитый, геніальный Гейнрихъ Гейне, такъ недолго пережившій Мицкевича. Потеря этихъ двухъ пророковъ демократизма была бы въ другое время громкимъ событіемъ; нынѣ, когда бродятъ и вращаются начальныя стихіи убѣжденій и общественности и упадаютъ конечныя начала государственнаго устройства, власти и всякаго авторитета, событіе это едва замѣтно. Вообще умираетъ много; сильно похищаетъ смерть даровитыхъ людей и тамъ, и сямъ, и у нихъ, и у насъ. И немудрено. Ложное положеніе давитъ всѣхъ, всѣхъ безъ исключенія, разумѣется кромѣ тѣхъ, которые говорятъ, губя себя и другихъ: nous sommes satisfaits! и готовы прибавить: послѣ насъ хоть потопъ!

Нашъ Государственный Совѣтъ уже разрѣшилъ, какъ совѣстные суды должны сноситься съ врачебными управами: отношеніями или сообщеніями, отвѣтомъ или отвѣтствіемъ. Теперь, по поводу важныхъ затрудненій и сомнѣній исправляющихъ должность копіистовъ, канце-

ляристовъ, протоколистовъ и секретарей, онъ разрѣшилъ и другой важный вопросъ: когда сдавать и возвращать по апелляціоннымъ дѣламъ подлинныя производства въ нижнія инстанціи, по рѣшеніи дѣла или послѣ объявленія, въ Пятницу или въ Субботу, послѣ завтрака или послѣ обѣда. И мы еще спрашиваемъ: отчего такъ, что̀ привело насъ къ этому состоянію?

А вотъ въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ, 17 Февраля № 14, обнародовано толкованіе манифеста 2 Декабря 1855 г., толкованіе основное— закона, имѣющаго кратковременное и непродолжительное примѣненіе. Обнародовано ровно черезъ годъ; а когда это дойдетъ до Читы и Якутска?

Пятая статья принятыхъ Австрійскихъ условій гласитъ: «воюющія державы предоставляютъ себѣ право при совѣщаніяхъ о мирѣ предложить, въ смыслѣ обще-европейскихъ огражденій, и другія условія». Теперь носятся слухи, что въ числѣ этихъ условій уже предъявлены обезоруженіе и срытіе всѣхъ укрѣпленій на островахъ Балтики и Николаева. Вѣсть изъ Парижа говоритъ: совѣщанія начались и идутъ туго. Я не знаю, какихъ условій не предложатъ побѣдители, зная наши матеріальныя и нравственныя силы, и на какія условія не подадимся мы при настоящемъ порядкѣ управленія. Но есть геній націи; и отъ него, и только отъ него, мы должны ожидать спасенія. Геній этотъ воспрянетъ; но кто начнетъ пробужденіе, какъ и когда начнется оно?

Въ чаду нашихъ празднествъ, обѣдовъ и спектаклей, которыхъ такъ много и теперь приготовляется въ Петербургѣ и на которыхъ въ Москвѣ гр. Ростопчина декламируетъ и подплясываетъ, а графиня Нессельроде танцуетъ канканъ-качучу, въ Москвѣ одинъ пожарный сорвалъ эполетъ у оберъ-полицеймейстера Тимашева-Беринга... «Вотъ оно, начало-то!» Въ чаду этихъ празднествъ трудно пробудиться отъ похмѣлья и пресыщенія даже для здравой мысли, не только для генія націи...

И ничего болѣе не скажешь, какъ авось. Нація не дала себѣ отчета въ своемъ значеніи. Думая выражать въ себѣ начало охранительное, она подняла его на штыкахъ руками полудикихъ полчищъ. Въ этомъ видѣ мирное начало сдѣлалось солдатскою угрозой и отвратило отъ него даже терпѣливое ожиданіе скромной преданности началу. Учрежденія внутреннія, учрежденія внутреннія, и опять-таки внутреннія! Въ нихъ долженъ проявиться правильно и мирно геній націи. Иначе онъ проявится безпорядочно и буйно. А что̀ вы сдѣлали для этого? Отвѣчали ли вы хотя на одно ожиданіе націи? Отвѣчали. Что? 1) Уничтоженіемъ Апрѣльскаго комитета тайной высшей цензуры (по соглаше-

нію председателя его Корфа съ министромъ Норовымъ). Это хорошо. 2) Негласнымъ послабленіемъ цензуры, даже разрѣшеніемъ 2-й ч. Мертвыхъ Душъ Гоголя. Это хорошо, но правильно ли и на долго ли? 3) Циркуляромъ Ланскаго дворянству и отмѣною исправниковъ отъ правительства. Для дворянства это полухорошо, а хорошо ли пробудить мысль о необузданномъ крѣпостномъ правѣ? 4) Разрѣшеніемъ неограниченнаго пріема въ университеты и возстановленіемъ ихъ попечителей, соединенныхъ при Николаѣ съ генералами. И то и другое дѣло спорное. 5) Упраздненіемъ генералъ-губернаторствъ Малороссійскаго и Бѣлорусскаго. Очень хорошо, но улучшаетъ ли это недостатки централизаціи? Нисколько, даже увеличиваетъ. 6) Признаніемъ мундировъ, усовъ и панталонъ. Это хорошо и слишкомъ. Отсутствіе хорошихъ учрежденій, столь вредное для благосостоянія, благоустройства и благочинія, еще вреднѣе тѣмъ, что незамѣтно дозволяетъ образоваться, распространяться и утверждаться, внѣ общаго слабаго порядка, порядку частному, партіямъ, въ родѣ програмы «Морскаго Сборника», гласности требованій, которымъ въ существующемъ порядкѣ нѣтъ исхода, ропоту, который находитъ живыя указанія и ощутительное себѣ оправданіе и въ явныхъ безпорядкахъ, и въ общемъ сочувствіи.

У насъ были spectacle gâla, а третьяго дня, 23-го Февраля, спектакль въ Эрмитажѣ (для 1-го и 2-го классовъ и первоприсутствующихъ сенаторовъ). Тѣснота и давка—хоть бы для лицъ низшихъ классовъ. Въ театрѣ, 22-го, при крикахъ «ура», послышались и ладоши, но генер.-губ. Игнатьевъ остановилъ Володю Буткова и другихъ школьниковъ. Я не былъ; мнѣ разсказывали сенаторы Обручевъ и Аверкіевъ.

Изъ Парижа ничего опредѣлительнаго. Много пишутъ о бриллiантахъ звѣзды и двойнаго портрета и о молодцоватости графа Орлова. Пишутъ и о возникающихъ затрудненіяхъ.

Я имѣю довольно точныя свѣдѣнія о дѣлѣ Мордвинова. Дѣло вотъ въ чемъ. На большой Тамбовской дорогѣ найдены дьячкомъ 16-го Сентября воззванія: одно, привязанное на деревѣ, другое—въ дуплѣ. Воззваніе это отъ имени плѣнныхъ Англичанъ и Французовъ; просятъ народъ не питать къ нимъ непріязненныхъ чувствъ, потому что они ведутъ войну не противъ Россіи . . . . и пришли, чтобы освободить крестьянъ отъ притѣсненій и угнетеній. Дьячекъ представилъ бумаги по начальству, и поиски и розыски не обнаружили никого виновнаго. Изъ Петербурга были присланы полковникъ Тизенгаузенъ, жандармъ, коллежскій совѣтникъ *) отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и на-

*) Въ подлинникѣ пропускъ. П. Б.

чалось, подъ вѣдѣніемъ губернатора, Карла Данзаса, строгое изслѣдованіе. Добрались до того, что многіе въ губерніи читали рукописи преступнаго содержанія, и именно, между прочими, «Восточный вопросъ съ Русской точки зрѣнія». Добрались, что первые имѣли эти рукописи: молодой Николай Мордвиновъ (сынъ сенатора, бывшаго статсъ-секретаря жандармской канцеляріи) и директоръ Кадетскаго Корпуса генералъ Пѣтокинъ. Читали и другіе, напр. генералъ Ковальскій, бывшій жандармъ, житель Наврозовъ и др. Сдѣланы вездѣ обыски, при которыхъ особенно отличался маіоръ Дурновъ. На спросъ, откуда получили рукописи, показали: директоръ корпуса — отъ Нарышкина въ Москвѣ, Мордвиновъ — отъ профессора Грановскаго. По справкѣ оказалось, что и Нарышкинъ, и Грановскій умерли. Изслѣдованіе обнаружило, что молодой Мордвиновъ самой сомнительной нравственности и правилъ. Онъ рано женился на дочери помѣщика Полетики и, потерявъ ее, снова женился на дочери какого-то лекаря или аптекаря. Нелѣпость обвиненій на него доходитъ до того, что будто бы онъ въ церкви безобразничалъ. Все это: нелюбовь къ Мордвинову, пребываніе его въ Тамбовѣ и отсутствіе между плѣнными знающихъ по-русски (былъ одинъ Австрійскій Славянинъ, но и онъ по-русски не говоритъ), дали Карлу Данзасу право донести, что воззваніе написано Мордвиновымъ. Его посадили въ крѣпость. Разысканіе продолжалось. Но когда Мордвиновъ доказалъ, что онъ выѣхалъ изъ Тамбова за 8 или за 10 дней до открытія воззваній, приказано освободить его, и повидимому тѣмъ дѣло и кончилось.

Директорша Воспитательнаго Дома Дараганъ уволена. Общественное мнѣніе и здѣсь взяло верхъ надъ любимицей Віельгорскихъ и старой Императрицы. Это женщина весьма умная, ученая и весьма энергическая. Институтъ у нея былъ въ большомъ порядкѣ, надзоръ строгій, содержаніе исправно. Ее давно называли m-me Ouragan. Теперь этотъ ураганъ стихъ. Поводомъ послужило рѣзкое письмо, написанное ею къ инспектору Мих. Чистякову. Но это былъ предлогъ; настоящая причина та, что она возстановила противъ себя и зависть, и посредственность, и своемысліе — всѣ стихіи общественнаго мнѣнія. Теперь добираются до Мины Ивановны Бурковой, которая такъ нагло самовластвуетъ въ вѣдомствахъ почты и театровъ. Эта авантюрьерка представляетъ рѣдкое явленіе. Ее терпѣли прежде, ее терпятъ и теперь, всѣ ее знаютъ, всѣ знаютъ ея злоупотребленія, громко говорятъ, и все это во второй половинѣ XIX столѣтія въ самомъ Петербургѣ! Теперь мнѣніе раздражено противъ нея особенно за танцорку (первую танцорку большой Парижской оперы) Надежду Богданову. Она

въ нѣсколько дней затмила собою знаменитую и дорогую гостью нашу, преемницу Таліони, Эльснеръ, Карлотты—Фанни Черитò. Черитò искала и ищетъ въ Минѣ, а Богданова этого не хочетъ, и ея не ангажируютъ. Торжество Богдановой, въ нѣсколькихъ спектакляхъ, превосходитъ всякое описаніе. И вотъ чѣмъ мы заняты, когда въ Парижѣ подписываются условія нашего униженія! Балы, спектакли, юбилеи, танцорки, интриги и интрижки, сплетни и пересуды; но къ чему же это приведетъ?

Но впрочемъ у насъ нѣтъ недостатка и въ преобразованіяхъ: отмѣнена такъ называемая «Нѣмецкая масляница», т. е. два дня представленій на первой недѣлѣ поста, въ которые плясали и пѣли, разумѣется, хористки и танцорки православныя и на которыя съѣзжалась, конечно, половина посѣтителей изъ Русскихъ. Отмѣна эта возбудила въ иностранцахъ общій ропотъ, въ особенности потому, что въ этой, по числу иностранцевъ, довольно важной мѣрѣ думаютъ видѣть вліяніе Русской партіи. Это не неосновательно, но едвали полезно. Уваженіе поста, особенно этихъ двухъ похмѣльныхъ дней, въ простонародьи Петербурга нисколько не замѣтно...

Падишахъ Парижскій, открывая палату, не произнесъ ничего рѣшительнаго, такъ боязливо всѣми жданнаго. «Attendons avec dignité la fin des conférences et soyons également prêts, s'il le faut, soit à tirer de nouveau l'épée, soit à tendre la main à ceux que nous avons loyalement combattu» *).

Падишахъ Турецкій обнародовалъ 9 (21) Февраля учредительный фирманъ. Это цѣлая конституція: и равенство, и подтвержденіе правъ и преимуществъ ab antiquo, и публичное судопроизводство, и постоянный бюджетъ, и совѣтъ представителей и проч. и проч. Въ этомъ актѣ обманъ; демонстраціей его назвать нельзя: зашелъ такъ далеко, что ему, конечно, не вѣрятъ ни обманщики, ни обманываемые. Имъ, подъ покровительствомъ неопредѣленныхъ союзниковъ, предполагающихъ долго погостить въ Турціи, воспользуется демократія. Неисполнимость фирмана бросается въ глаза, и обѣщанія его доходятъ до наглости. Мы должны молчать. Но что же смотритъ Австрія?

---

*) Эта неопредѣленность въ устахъ необузданнаго демагога, такъ часто забывчиваго, есть уже доказательство неувѣренности; но и здѣсь выходецъ-дикаторъ не обошелся безъ вызова. Описывая войну и выставку 1855, онъ заставляетъ Францію сказать свѣту: «La guerre actuelle n'est encore pour moi qu'un épisode; mes idées et mes forces sont en partie toujours dirigées vers les arts de la paix. Ne négligeons rien pour nous entendre, et ne me forcez pas à jeter sur les champs de bataille toutes les ressources et toute l'énergie d'une grande nation».

Городскіе слухи и толки катаются на слухахъ и толкахъ о Парижскихъ совѣщаніяхъ, которыя могутъ привести и не къ миру, на увольненіи директрисы Дараганъ, которая всѣхъ возстановила противъ себя и пишетъ грубости, да еще, прибавляетъ принцъ Ольденбургскій, съ ороографическими ошибками; на Медико-хирургической Академіи, изъ которой 4 студента, жаловались на пищу и одежду, на содержаніе и помѣщеніе, что̀ и подтвердилъ посланный флигель-адъютантъ и что̀ послужило причиною къ передачѣ Академіи въ вѣдомство военныхъ заведеній, къ Ростовцову; на празднествахъ моряковъ въ Москвѣ, гдѣ откупщикъ Кокоревъ угощалъ и упоялъ возвращающихся защитниковъ Севастополя и высшаго круга дамъ, которыя, по патріотизму, пили зелено вино, и говорилъ рѣчь, спичъ, въ которой превозносятся Великороссійскій нашъ ростъ, наше горе-кручина и т. п.

...Отвратительно смотрѣть на наши лучшія фамиліи. Матеріализмъ, пьянство, обжорство и развратъ овладѣли ими болѣе, нежели другими классами.

А вотъ программа и «Русской Бесѣды» Славянофиловъ. Поищемъ смысла въ этой сектѣ, которая сама выползаетъ на свѣтъ Божій. Чѣмъ и какъ она выразится? Не обличитъ-ли она пустоты своего содержанія? Не опоздало-ли это ученіе, если оно дѣйствительно есть ученіе? Вотъ говоритъ объявленіе, указывая цѣль, къ которой будетъ стремиться, и главное начало, на которомъ будетъ основана «Русская Бесѣда»:

«Единственная почва для самобытнаго и полнаго развитія всякаго народа есть, конечно, его народность, т. е. та совокупность его умственныхъ, нравственныхъ и жизненныхъ силъ, которая составляетъ его нравственную личность. Какъ человѣку, безъ утраты самостоятельности, нельзя отказаться отъ своей личности, такъ и народу, безъ ущерба силы и самобытности, невозможно покинуть свою народность. Къ великому счастію нашему, народность Русская сильна и тверда. Изучать Русскую жизнь въ исторіи и народномъ быту, разработывать этотъ ѐдва початый рудникъ и посильно содѣйствовать къ *развитію Русскаго воззрѣнія* на науки и искусства, къ *возбужденію Русской изобрѣтательности* и *къ поддержанію* Русскихъ *нравовъ* и обычаевъ— вотъ главная цѣль, которую предполагаетъ себѣ «Русская Бесѣда». Она не будетъ имѣть въ виду ни воскрешать старины, которая имѣла значеніе въ свое время и которая нынѣ невозможна и превратилась бы въ безсмысленныя оковы для настоящаго, ни выставлять все нынѣ существующее въ народѣ образцемъ для слѣпаго подражанія; но она посвятитъ всѣ свои усилія на то, чтобы болѣе и болѣе убѣдить своихъ соотечественниковъ въ необходимости *оживляться въ струѣ Русскаго духа*, проявляемаго исторіею, великими событіями нашего вре-

мени и знаменательнымъ бытомъ нашего народа».—«Народность русская неразрывно соединена съ православною вѣрою. Вѣра—душа всей Русской жизни; она же должна опредѣлять характеръ всякой умственной дѣятельности въ нашей родинѣ. Вотъ коренныя основанія, которыя будутъ высказываться въ «Русской Бесѣдѣ». Считаемъ почти излишнимъ оговариваться, что, посвящая себя преимущественно служенію Русскаго начала, журналъ нашъ не будетъ враждебнымъ къ Западной цивилизаціи. Всякій просвѣщенный Русскій знаетъ, сколь много онъ ей обязанъ своимъ умственнымъ развитіемъ, и убѣжденъ, что еще весьма многому онъ долженъ у нея научиться; но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что Западная цивилизація можетъ быть для Россіи полезною только *по пропущеніи* ея *черезъ критику Русскаго духа*, основанную на коренныхъ началахъ нашей вѣры. Заимствовать, какъ можно болѣе, у богатаго свѣдѣніями Запада, съ самобытностію усвоивать себѣ все занятое, показывать истинныя отношенія Запада къ Россіи и Россіи къ Западу и содѣйствовать къ настоящей оцѣнкѣ у насъ Западной цивилизаціи—вотъ предметы, которые «Русская Бесѣда», при соприкосновеніяхъ съ Западомъ, постарается имѣть неизмѣнно въ виду». Не исчисляя сотрудниковъ и надѣясь на всякаго, одобряющаго цѣль и начала журнала, программа удостовѣряетъ, «что наша «Бесѣда» не есть замкнутый кружокъ, но всѣмъ, искренно намъ сочуствующимъ, мы говоримъ: *милости просимъ*»!

Государь 8-го былъ на охотѣ, а 9-го на 30 тройкахъ уѣхалъ въ Финляндію.

Пруссія приглашена участвовать въ конгрессѣ. Еврей д'Израели уже подставляетъ ногу воинственному министерству Пальмерстона. Голштинскій сеймъ требуетъ пересмотра общаго учрежденія королевства. Въ Берлинѣ, на дуэли съ Роховымъ, убитъ знаменитый генералъ-полицмейстеръ Гилкельдей. Въ Испаніи безпокойства, не смотря на силу господствующей власти; въ Турціи радуются обнародованному фирману и основанъ журналъ, въ Турецкомъ духѣ, Миратъ-Уль-Аффуль, Зерцало народовъ. Новый принцъ называется Наполеонъ-Луи-Евгеній-Иванъ-Іосифъ. Воспріемниками: папа и Шведская королева. Это гороскопъ младенца. Онъ полонъ противорѣчій.

Вотъ и миръ подписанъ 18 (30) Марта. Вѣсть давно жданная и никого не поразившая. Неудачи были такъ велики, потери столь чувствительны, ожиданія лучшаго такъ малы, что заключенія мира желали и, зная опасности, не зная сдѣланныхъ уступокъ, я и другіе находимъ, что миръ могъ быть хуже. Но миръ невыгодный—чтобы не сказать болѣе. Подумаемъ и дадимъ отчетъ въ настоящемъ нашемъ положеніи и въ вѣроятныхъ недочетахъ въ будущемъ.

Былъ парадъ. Объѣзжая ряды, Государь сегодня объявлялъ о мирѣ. Вечеромъ знаменитый инвалидный концертъ (19 Марта 1814 г.—иное торжество!), а наконецъ вотъ и манифестъ. Онъ по обыкновенію вы-

чуренъ, хотя и безъ текстовъ. Гр. Блудовъ (не присутствовавшій сегодня въ Государственномъ Совѣтѣ), начавъ тѣмъ, вопреки всеобщему убѣжденію, «что война возбуждена была не Россіею», входитъ въ какія-то объясненія, совершенно неумѣстныя, о томъ, что Николай «не могъ ожидать, что послѣдствіемъ справедливыхъ его требованій будутъ *послѣдствія* войны», и что, при открытіи совѣщаній въ Вѣнѣ, «правительства, бывшія въ непріязненномъ противъ насъ союзѣ, не останавливали своихъ вооруженій и, во время негоціацій, даже усиливали ихъ». Упомянувъ «о непоколебимомъ усердіи любезныхъ подданныхъ», манифестъ входитъ въ неумѣстное подробное исчисленіе *блистательныхъ подвиговъ мужества*: «Непріятель отраженъ отъ береговъ Сибири и Бѣлаго моря, отъ твердынь Свеаборга, и геройская и проч.» и объявляетъ, что цѣль, неизъяснимыми, но всегда благостными судьбами, достигнута, ибо: «Будущая участь и правà всѣхъ христіанъ на Востокѣ *обезпечены*, султанъ торжественно признаетъ ихъ, *и вслѣдствіе сего дѣйствія справедливости*, имперія Отоманская вступаетъ въ общій союзъ государствъ Европейскихъ». А потому «и мы нынѣ можемъ съ спокойствіемъ въ совѣсти положить конецъ жертвамъ и усиліямъ и даже, чтобы ускорить заключеніе мирныхъ условій и отвратить, даже въ будущемъ, самую мысль о какихъ-либо съ нашей стороны видахъ честолюбія и завоеваній, дали согласіе на...» и проч. Редакторъ манифеста очень затрудненъ въ изложеніи о сдѣланныхъ уступкахъ.

Знаменательно заключеніе: «Да утверждается и совершенствуется внутреннее благоустройство; правда и *милость* да царствуютъ въ судахъ, да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнію законовъ, *для всѣхъ* равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ *невинныхъ*» [1]). Далѣе фраза о общественной нравственности, напоминающая общія мѣста и pia desideria.

Изъ Москвы слышно, что тамъ очень недовольны миромъ [2]).

Сегодня былъ у меня новый графъ Орловъ-Давыдовъ, наконецъ утвержденный послѣ трехъ повелѣній и изливалъ ропотъ свой и на графа Панина, и на сенаторовъ. Онъ пересказывалъ мнѣ, какъ еще въ Іюнѣ прошлаго года Государь въ своемъ кабинетѣ поздравилъ его и спросилъ: comment va la comtesse? Графъ Панинъ умѣетъ проводить дѣлà. Но не оставитъ ли этотъ случай слѣда въ памяти Государя? Гр.

---

[1]) Это слово (разумѣющее, какъ сказалъ мнѣ А. Симанскій, крѣпостныхъ) во Французскомъ текстѣ выпущено, а въ Нѣмецкомъ переведено der Frucht seiner harmlosen Arbeit.

[2]) Вспоминается отзывъ Ивана Васильевича Кирѣевскаго, вскорѣ по заключеніи Парижскаго мира. „Обидны уступки, говорилъ онъ намъ; но это дѣло наживное, и не тутъ бѣда. Слово обезсилило, печать изолгалась: вотъ настоящая бѣда». П. Б.

Орловъ-Давыдовъ разсказывалъ мнѣ, какъ уѣхалъ Государь въ Москву на праздникъ лейбъ-гренадеровъ, а главное, чтобы осмотрѣть помѣщеніе гвардіи, которой въ коронацію будетъ въ Москвѣ около 80 т. Можетъ быть, онъ поѣхалъ и для того, чтобы показаться столицѣ и посмотрѣть и послушать ее послѣ заключенія мира. Миромъ тамъ вовсе недовольны, и вообще для Москвы и замосковныхъ губерній поспѣшное заключеніе мира, по медленности и нераспорядительности Петербургскихъ столоначальниковъ, застало и умы, и дружины въ большомъ расплохѣ и посреди молебновъ о дарованіи побѣдъ и обѣдовъ въ прославленіе нашей храбрости. Только четвертаго дня обозы Костромской дружины прибыли въ Петербургъ, но встрѣтились на дорогѣ съ пакетомъ объ остановкѣ ихъ. Путаницы этой и было и есть и будетъ еще много. Когда возвратятся дружины и когда сословія сочтутъ убытки, тогда начнутся другія прославленія, а когда присоединятся къ этому и неудовольствованные раненые и злоупотребленія въ расходахъ пожертвованій—послѣдняя вѣсть будетъ горше первой. Прибавьте къ этому троякую литературу: довольно свободную, негодную, дерзкую, писанную и открытую иностранную. Подумаешь и стоитъ подумать и передумать. Достаточно ли сильны наши стѣны противъ этого напора? Дурной климатъ, дурное населеніе и дурныя дороги, вотъ наши стѣны. Но немного чести жить за такими оградами.

Еще другое явленіе замѣтно съ послѣднихъ мѣсяцевъ Николая и особенно теперь: это терпимость, терпѣливость, податливость нашего высшаго управленія. У меня сидѣлъ Ревельскій бургомистръ Фридр. Ф. Бунге и не нахвалится угодливою снисходительностію директоровъ и министра вн. дѣлъ. Остзейцы получили все что̀ желали, и Бунге называетъ это Vereinbarung, Аугсбургскою сдѣлкою. Что̀ значитъ эта податливость, замѣчаемая даже въ неприступномъ графѣ Панинѣ? Добраго я тутъ ничего не вижу. Всѣ готовы сказать: nous sommes contents et satisfaits; это плохой признакъ!

Вотъ министръ финансовъ извѣщаетъ торгующихъ, что и морская торговля съ воевавшими державами (здѣсь они поименованы всѣ четыре) возстановляется на прежнемъ основаніи, можетъ-быть, даже на болѣе мирномъ по тайнымъ условіямъ.

Громъ, крики, разводы блестящи и громки. Также въ Парижѣ и Лондонѣ.

Государь встрѣченъ въ Москвѣ тѣмъ же митрополитомъ Филаретомъ, привѣтствовавшимъ его тако: «Къ тебѣ очи наши и сердца, какъ прежде, тогда какъ встрѣчаемъ новый взоръ твоего втораго царскаго лѣта. Ты наслѣдовалъ войну, упорную противъ насъ и противъ мира, и даровалъ намъ миръ. Твоя правда и мужество не отказыва-

лись отъ войны; твое человѣколюбіе не отказалось отъ предложеннаго мира. Не побѣдили Россію враги, ты побѣдилъ вражду. Христіанскою мыслію одушевлялъ ты войну, христіанскою мыслію осуществляешь миръ. Благодарно тебѣ отечество, и чуждые отдаютъ тебѣ справедливость, и отдадутъ полнѣе, когда утихнутъ страсти. Крѣпко должны мы молить и молимъ Бога, чтобы благопоспѣшилъ тебѣ искусствомъ и попеченіемъ уврачевать раны, безъ которыхъ не могла быть война, чтобы, по слову пророка, *правда и миръ облобызались* въ державѣ твоей и чтобы плодомъ ихъ было совершенное благоденствіе»... Государь былъ доволенъ привѣтствіемъ и вообще пріемомъ. Собранію дворянскихъ предводителей онъ сказалъ (о крестьянскомъ вопросѣ): «Я увѣренъ, что вы столько же, сколько и я, убѣждены въ томъ, что со временемъ это должно быть и что важная эта мѣра должна исходить сверху». На другой день предводители собраны были у гр. Закревскаго, чтобы окончательно остановиться и согласиться въ редакціи этихъ словъ. Предводители были очень довольны. Другіе были толки во дворняхъ. На праздникѣ лейбъ-гренадеръ (столѣтіе полка) Государь, вручая полку новыя знамена, пожелалъ, чтобы онъ и подъ ними служилъ такъ же доблестно, какъ подъ старыми.

Замѣчательна бесѣда Филарета 25 Марта о мирѣ. Прославляя наши подвиги по манифесту 19 Марта, и іерархъ позволилъ себѣ вспомнить, что «и во время перемирія, когда не позволено было сражаться съ нашими воинами, нѣкоторые изъ противниковъ нашихъ продолжали сражаться съ камнями нашихъ даже мирныхъ построеній. За то и камни на нихъ прогнѣвались, и поразили, и погребли подъ собою одного изъ мудрецовъ разрушенія. Дерзнемъ, не себя похваляя, но благодаря Бога милости, сказать, что есть на нашей сторонѣ безкровная побѣда—нравственная». Объяснивъ Исаія XLV, 7 («творяй миръ и зиждяй злая»), проповѣдникъ приходитъ къ миру, какъ дару Божію, «который долженъ быть употребленъ въ дѣло и въ пользу» и затѣмъ, независимо отъ возстановленія потраченнаго войною вещественнаго благосостоянія, призываетъ, согласно съ заключеніемъ манифеста, «потрудиться преимущественно, въ преимущественномъ обиліи, пріобрѣсти и сохранить стяжанія духовныя—Божіи благодать, вѣру, правду, добродѣтель. «Онѣ созиждутъ и утвердятъ нашъ миръ внутренній, и внѣшній возвысятъ и упрочатъ».

Въ «Sanscho» 16 Марта помѣщена статья про вмѣшательство въ переговоры о мирѣ одного Французскаго промышленника письмомъ на имя Дюма. Промышленникъ увѣрялъ и просилъ доложить Наполеону, что въ Россіи не желаютъ войны, что готовы на миръ, лишь бы безъ униженія, и что если императоръ пришлетъ довѣренное лицо въ Пе-

тербургъ, то успѣхъ несомнѣненъ. Гречъ сказалъ мнѣ, что этотъ промышленникъ—онъ, а присланное довѣренное лицо баронъ Зеебахъ.

Сегодня я былъ у Авдот. Павл. Глинки. Она написала повѣсть «Графиня Полина». Повѣсть эту Академ. Вѣдомости и Современникъ встрѣтили насмѣшками, довольно неприличными. Я нашелъ и мужа Ѳедора Ник., и самую Авдотью Павловну (больную, съ нею былъ родъ удара) въ негодованіи, близкомъ къ умопомѣшательству. Грустно было видѣть и слушать ихъ. Они находятъ, что эти критики или разборы—поруганіе, посрамленіе, оскорбленіе чести для внуки двухъ фельдмаршаловъ и дочери сенатора и куратора, что это шайка демократовъ, соціалистовъ, что они, Глинки, не хотятъ знать ни попечителя, ни министра и дойдутъ до Государя. Она, Авдотья Павловна, написала отвѣтъ не безъ достоинства, но рѣзкій, неумѣстный, которымъ и не Чернышевскій сумѣетъ воспользоваться и, поднявъ всю желчь «раздражительнаго рода», написать послѣднюю вѣсть горше первой. Искренно жаль видѣть этихъ добрыхъ людей. Мои совѣты не помогли, и я не удивился этому, увидя, что гнѣвъ этотъ поджигаетъ и поддерживаетъ Гречъ. Это уже война журналиста противъ счастливаго соперника: онъ взялся напечатать отвѣтъ въ Сѣвер. Пчелѣ, и я боюсь, что опрометчивый отвѣтъ поведетъ къ злѣйшимъ насмѣшкамъ, и дѣло кончится дурно.

Едва заключили общій миръ 18 (30) Марта о сохраненіи Турціи, какъ черезъ двѣ недѣли Франція, Англія и Австрія 3 (15) Апрѣля заключили обязательство о сохраненіи сего мира и признаніи всякаго его нарушенія casus belli. Едва гр. Орловъ возвѣстилъ Наполеону о восшествіи Александра II-го, какъ прибылъ съ поздравленіемъ prince de la Moscova, князь Ней. Все это показываетъ большое довѣріе и искреннее уваженіе. Австрія не знаетъ, какъ перехитрить Итальянскія продѣлки, неудавшіяся Сардиніи на Парижскомъ съѣздѣ; она совершенно примыкается къ Западу, отдавая ему и желѣзныя свои дороги, и кредитъ, и политическія убѣжденія. Наполеонъ не пропускаетъ ни одного случая, чтобы дать почувствовать силу пройдохи или выходца династическому началу. Наша старая императрица ѣдетъ въ Берлинъ, чтобы, говорятъ, дать поводъ Императору лично поблагодарить Пруссію за вѣрность дружбы правительства, выдержанной до конца. Едва назначенъ военный министръ, какъ уже вышелъ его приказъ, всѣми осмѣиваемый, и ему помощникомъ Брискорнъ!

Май. А вотъ и «Русская Бесѣда». Но здѣсь нужна обмолвка. Въ началѣ Апрѣля, въ Москвѣ А. С. Хомяковъ, въ Русскомъ костюмѣ былъ на большомъ обѣдѣ съ кн. Серг. Мих. Голицынымъ, во всемъ парадѣ, и разумѣется послѣдній не могъ равнодушно смотрѣть на эту воль-

ность господина мелкаго чина. По приказанію генералъ-губернатора, полицеймейстеръ Замятнинъ призвалъ къ себѣ Хомякова и обязалъ его, основываясь на высочайшемъ повелѣніи, обрить бороду и не носить страннаго одѣянія *). Отсюда—пожаръ и гвалтъ въ партіи Славянофиловъ, которые подняли забрало и открыто такъ себя величаютъ. Конст. Аксаковъ написалъ рѣзкое письмо, которое ходитъ теперь по рукамъ въ Москвѣ и здѣсь. Дѣло получило большую огласку и важность. Между тѣмъ какъ исполнялась эта строгая мѣра, вышла первая книга «Бесѣды» и при ней комедія «Князь Луповицкій» Конст. Аксакова. Комедія представляетъ глупаго помѣщика, изъ Парижскихъ кофейныхъ, желающаго сивилизировать Русскихъ крестьянъ. Послѣ пролога, въ которомъ Польскія имена Луповицкій, гр. Долонскій и баронъ Салютинъ разговариваютъ о Русскихъ: «Европейцы—люди и Русскій народъ тоже, можно сказать, люди, конечно на низкой степени, конечно разница огромная, но все же это люди». Луповицкій ѣдетъ сивилизировать съ своимъ Русскимъ камердинеромъ Жеромомъ, и пріѣзжаетъ въ деревню. Встрѣтившія его двѣ крестьянки признаютъ, что такъ какъ онъ «и одѣтъ не по-русски и говоритъ не по-русски: стало баринъ». И баринъ объявляетъ старостѣ, что намѣренъ ввести разныя улучшенія, о которыхъ староста такъ отзывается Прохору: «Видѣлъ барина?— Видѣлъ.—Ну что?—Ничего. А что? (Староста:) Да что! Добрый баринъ, ничего. Все-то объ насъ думаетъ. Перемѣны, говоритъ, у васъ сдѣлаю. Право такъ. Все о насъ, глупыхъ, пекутся. Ну самъ ты человѣкъ умный, ну скажи: какъ намъ и счастливыми-то не быть? Видишь, заботу объ насъ принимаетъ какую. (Прохоръ:) Да ты рѣчь-то не двои и пр. И за тѣмъ умный староста весьма здраво опровергаетъ глупыя предположенія князя о благотворительномъ хороводѣ, о введеніи чтенія книгъ, писанныхъ для крестьянъ, о сохраненіи бѣлизны рукъ, о перемѣнѣ чулокъ, о Нѣмецкомъ платьѣ, о награжденіи за добрые подвиги и пр. Содержаніе безцвѣтно, но изложеніе умно, и вся комедія имѣетъ значеніе какъ сопоставленіе глупаго барина и умнаго крестьянина. Подписка Хомякова и пропускъ этой книги, не анархія ли это?

Первая книга Бесѣды весьма замѣчательна, какъ исполненіе программы Славянофиловъ. Такъ какъ они пишутъ въ первый разъ, то всѣ статьи носятъ печать какого-то труда, непривычнаго, начинающаго и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицательнаго, условливающагося въ словахъ и понятіяхъ, дабы объяснить не то, въ чемъ заключается система ихъ, а то, что она не заключаетъ въ себѣ того, въ чемъ ее упрекаютъ. Такъ напримѣръ, въ трехъ статьяхъ объясняется, что̀ такое *Русское* воззрѣніе на науку. Но, не смотря на эту отрицательность, должно

*) Сохранилась бумага объ этомъ обритіи. П. Б.

сознаться, что секта выступаетъ не боязливо, и честь и слава благосклонности цензуры, о какой при Николаѣ едва ли осмѣлились бы и подумать издатели и писатели, состоящіе подъ полицейскимъ надзоромъ. Каждая статья написана весьма умно, благородно, либерально и подъ исключительнымъ вліяніемъ желанія (немного школьнаго и натянутаго) объяснить старину нашу въ смыслѣ самостоятельномъ и въ значеніи противуположномъ западному. Но мало положительнаго, опредѣленнаго, даже новаго. Надобно подождать. Сильно ли право, которое нужно поддерживать? Первую книгу Русской Бесѣды цензоровалъ нѣкто Фонъ-Крузе, и въ этой книгѣ, между прочимъ, есть слѣдующія разсужденія, доселѣ у насъ неслыханныя. Ив. Аксаковъ говоритъ о нашей жизни: «Но эта жизнь — ни сонъ, ни бдѣнье, Богъ знаетъ что», и далѣе продолжаетъ:

«А впрочемъ мы дворянской лѣнью,
Врачуя совѣсти недугъ,
Святому истины служенью
Свой барскій жертвуемъ досугъ!
Мы любимъ къ пышному обѣду
Прибавить мудрую бесѣду,
Иль въ поздней ужина порѣ,
Въ роскошно убранной палатѣ,
Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ!
Что жъ толку въ томъ? Проходятъ лѣта:
Любовь по прежнему мертва!
О слово стараго поэта: (Шексп.)
«Слова, слова, одни слова!»
Не то чтобъ лгали мы безстыдно,
Но спимъ, но дремлемъ мы обидно,
Но постепенно силы въ насъ,
Пугаясь подвиговъ суровыхъ,
Средь мелкихъ благъ, средь благъ дешевыхъ,
Счастливо гаснутъ каждый часъ!
Не все же сонъ!» и проч.

Государь съ большою свитою уѣхалъ въ Варшаву, откуда князь Горчаковъ, мин. ин. дѣлъ, по дѣламъ службы (точно державы 2-го разряда) отправится въ Вѣну. У насъ распускаемое ополченіе еще не дошло до тѣхъ безчинствъ, которыя вынудили принять военныя мѣры противъ легіоновъ Нѣмецкаго въ Плимутѣ и Итальянскаго въ Мальтѣ; но слышны и у насъ если не такіе безпорядки, то шалости и буйства, и особенно неудовольствіе и ропотъ со стороны офицеровъ, поступившихъ изъ отставныхъ чиновниковъ.

Филаретъ, пастырь Московской церкви, и при новомъ 4 Мая проѣздѣ нашелъ привѣтствіе Государю: «Послѣ недавняго, новое твое пришествіе чѣмъ изъяснить можемъ, если не тѣмъ, что ты, устрояя миръ

и покой намъ, не даешь покоя себѣ, непрерывно продолжая твои царскіе подвиги, не только повелѣніями съ престола, но и непосредственнымъ наблюденіемъ и дѣйствованіемъ повсюду, гдѣ сего наипаче требуютъ дѣла царства?»

Государь назначилъ обширную слѣдственную коммиссію въ Крымъ; но обдумали ли все это? Но будутъ ли какія-нибудь послѣдствія? Васильчиковъ пользуется репутаціею правдиваго человѣка, съ независимымъ характеромъ и съ доброю волею на общую пользу; но этого недостаточно. Онъ окружаетъ себя хорошими людьми, отъ насъ беретъ прекрасныхъ чиновниковъ Заруднаго и Жизневскаго, но и этого недостаточно: все это похоронится, погрязнетъ въ столахъ и шкафахъ канцелярій. Время пройдетъ, теплота остынетъ, впечатлѣнія смѣнятся, а потомъ откроются лазейки, многое перемѣнится, много перемретъ, и самые слѣдователи подвергнутся порицанію и гоненію.

Здѣсь необходима нѣкоторая гласность и оградительныя формы суда, а затѣмъ уже, но затѣмъ, соображенія свѣдущихъ о лучшемъ устройствѣ частей, для предупрежденія подобныхъ безпорядковъ. Кн. Васильчиковъ беретъ съ собою Ив. Аксакова для написанія картины дѣла. Зарудный просилъ меня дать ему совѣтовъ и наставленій, я согласился принять его; но, не зная, въ чемъ собственно дѣло, думаю, что поговоримъ, поговоримъ и только поговоримъ.

Государь уѣхалъ въ Варшаву, чтобы ѣхать въ Берлинъ. Въ Варшавѣ опять готовятся большія милости, заставляющія жалѣть Русскихъ, что они не Поляки; въ Берлинѣ мы уже на второмъ планѣ, и тоста о сохраненіи нашей силы, столь нужной для спокойствія Европы, уже не будетъ. Будутъ рѣчи о тройномъ союзѣ, наружно выражающемъ недовѣріе къ Россіи, а внутренно занятомъ сохраненіемъ Италіи, для чего, кажется, Габсбургскому императору недостаточенъ и загадочный конкордатъ. Эти союзы, эти конкордаты и передачи въ частныя руки дорогъ и кредита показываютъ, кажется, конечную степень наступившаго единства Австріи, такъ давно опредѣленной на распаденіе. Должно ожидать, что обманутая въ своихъ видахъ Сѣверная Италія скоро должна заговорить. Нота графа Кавура есть вызовъ, и какъ ни сильны отвѣты газетъ Австрійскихъ, самое обнародованіе этой ноты доказываетъ, что, съ шагу на шагъ, Италія войдетъ въ то положеніе, когда придется обратиться къ рѣшимости 1849 года.

Безъ установленія началъ народныхъ и учрежденій вольныхъ положеніе Европейскихъ государствъ болѣе нежели ложно. Оно насильственно. Сила Наполеона не есть установленіе прочное. Вызванная обстоятельствами, она и имъ самимъ признается исключеніемъ. Какъ

бы обанкрутился этотъ Западъ съ его Наполеономъ и Іосифомъ-Францемъ, если бы геній Востока, Россія, съумѣлъ соединить воедино народныя, политическія и нравственныя силы Славянскихъ племенъ! Но геній этотъ еще почиваетъ. Вѣрно, Провидѣнію угодно, чтобъ онъ выработался и явился какъ необходимость, а не какъ проявленіе геніальной личности, и терпимое отсутствіе его дало бы возможность созрѣть системамъ, изъ которыхъ онъ долженъ сложиться. Будемъ ждать и молиться Богу.

Доселѣ еще ничего у насъ не видно, заняты мелкими преобразованіями, но все копится, собирается, подростаетъ и приготовляется. Въ литературѣ очевидная передышка, самая мелочная наука (самостоятельной науки у насъ не было, нѣтъ и долго не будетъ) въ журнальныхъ статьяхъ дѣлается смѣлѣе, свободнѣе и правдивѣе. Поэзія беретъ образы и типы, не опасаясь слишкомъ противорѣчій съ дѣйствительностію. Управленіе, не будучи въ состояніи быть отчетливѣе, невольно дѣлается благосклоннѣе, терпимѣе и безъ предубѣжденій къ требованіямъ улучшеній. Самое дурное управленіе, полиція и судъ, неуклонно идутъ къ новому порядку. Вотъ обѣщаютъ участіе частной дѣятельности въ желѣзныхъ дорогахъ, вотъ измѣняютъ служебный уставъ (измѣненіе не совсѣмъ откровенное, ибо направлено къ установленію домашняго, для богатыхъ, воспитанія съ общими правами службы, но не безполезное и способное обратиться во вредъ consultoribus), вотъ новые виды Азіатской торговли и проч. Но вотъ мы и въ Берлинѣ передъ третьимъ уланскимъ полкомъ! Не будемъ желать скачковъ. Тихонько, но увѣренно, не громко, но искренно, снисходительно, но несвоекорыстно, и Богъ благословитъ начинанія и совершенія наши.

Я неоднократно присутствовалъ въ засѣданіяхъ Географическаго Общества и въ отдѣленіи статистики. Это собраніе, подъ покровительствомъ великаго князя Константина, получило большое значеніе и непомѣрно-обширный кругъ дѣятельности. Какъ всѣ учрежденія въ молодомъ государствѣ, оно довольно смѣшанно и заключаетъ въ себѣ не только географію и статистику, но и этнографію, и геологію, и геогностику, и даже филологію. Какъ все въ Россіи, оно въ началѣ принялось пылко и быстро, снарядило экспедиціи Уральскую, Сибирскую, Каспійскую, учредило отдѣлы Сибирскій и Кавказскій, издало прекрасныя книги, карты и планы, возбудило интересъ къ наукѣ даже въ скромныхъ уѣздахъ и селахъ, наградило многихъ описателей-путешественниковъ. Это смѣшеніе и эта пылкость должны измѣниться. Пылкость уже поостыла, смѣшеніе начнетъ развѣтвляться. На дняхъ приглашаютъ насъ въ засѣданіе статистическаго отдѣленія,

для разсмотрѣнія предполагаемаго описанія торговаго и судоходнаго движенія на Волгѣ. Это будетъ любопытно: чтò тутъ статистическаго и чтò практическаго, т. е. науки и управленія? При затишьѣ въ нашемъ управленіи конечно полезно, чтобы хотя общество занялось предположеніями улучшеній; но много-ли тутъ выиграетъ наука? Какіе поводы послужили къ избранію этого предмета? Въ какомъ объемѣ оно предполагается? Какими способами исполнить его? Если послѣ описанія Миллера, 1780 годовъ, и Бабста, 1851 г., нужно описаніе Волжскаго бассейна, то здѣсь предметъ болѣе географіи и этнографіи, съ геогностикой, геологіей и прочими логіями; но что же тутъ сдѣлаетъ статистика? Описаніе судовъ, товаровъ, привоза, прихода и т. п. Но это есть въ архивахъ министерства. Это задача не статистическая, но географическая. Вообще для статистики Россія еще не дозрѣла. Задача общества должна состоять въ опредѣленіи лучшихъ, вѣрнѣйшихъ способовъ избранія, путями правительственными. Если же приступать къ самымъ работамъ, то путемъ монографій не столь обширныхъ какъ бассейнъ Волги (3200 верстъ, а еще съ притоками до 17 т. верстъ).

Прощеніе Польскихъ выходцевъ—мѣра хорошая. Да возвратятся всѣ испытавшіе гоненія, строгости Николая, и да забудется ихъ прошедшее. Но почему эта милость возвѣщена не манифестомъ, а нотою нашимъ посланникамъ? Вѣроятно, чтобы не роптали наши; жаль: ропотъ будетъ основателенъ. Многіе изъ нашихъ заслуживаютъ снисхожденія болѣе, нежели упорные Поляки, возвращеніе которыхъ изъ революціонной Европы и менѣе безопасно, нежели возвращеніе Сибиряковъ и Кавказцевъ. Потомъ: зачѣмъ и о Полякахъ сдѣлано неопредѣленное изъятіе тѣхъ, «которые поведеніемъ своимъ обнаружили неисправимое враждебное расположеніе къ императорскому правительству или пребываютъ въ такомъ враждебномъ образѣ мыслей?» Многихъ это испугаетъ, а о многихъ дастъ мѣстнымъ властямъ поводъ къ произвольнымъ распоряженіямъ. Point de rêveries, говорилъ Государь Полякамъ въ Варшавѣ. Онъ напоминалъ о необходимости искренной преданности Имперіи, подобно Финляндіи... Онъ съ признательностію отзывался о храбрости Поляковъ въ Крыму. Въ Le Nord напечатана по этому случаю весьма неловкая провокація о томъ, что конгресъ Парижскій ни слова не сказалъ, шагу не сдѣлалъ для Польши и проч., а въ St.-Anzeiger Прусскомъ, № 130, циркуляръ 15 Апр., чтобы отправляющіеся въ Россію или Польшу, «auch gegenwärtig noch eine Bescheinigung ihres tadellosen politischen Verhältniss beizubringen haben».

Іюнь. Гр. Киселевъ назначенъ посломъ въ Парижъ. Многіе видятъ въ этомъ перемѣну системы, спустя либерала и назначивъ какого-нибудь тори. Но, во первыхъ, тори не назначенъ, да и нѣтъ ихъ: въ совре-

менной атмосферѣ искренно или притворно всѣ либералы. Во вторыхъ, учрежденія Киселева, какъ они ни плохи, установились, и съ ними перевѣсъ государственнаго начала надъ старымъ, отсталымъ, утвердился даже въ положительныхъ законахъ. Въ третьихъ, сближеніе съ Европой такъ необходимо, и сближеніе это такъ противуположно помѣщичьему воззрѣнію, что о перемѣнѣ системы и думать нечего. Остается думать объ улучшеніи ея, и это будетъ. Прощаясь съ министерствомъ, гр. Киселевъ назначилъ директоромъ сельскаго хозяйства (самое важное мѣсто) извѣстнаго писателя противъ крѣпостнаго права Заблоцкаго.

Намѣстникъ Кавказскій генералъ Муравьевъ, какъ сказано, согласно его желанію уволенъ (это въ то самое время, какъ въ Англіи готовили ему адресы, и Вилльямсъ получилъ титулъ Карскаго баронета) и на мѣсто его назначенъ князь Александръ Барятинскій. Желанію Муравьева никто не повѣритъ, дадутъ вѣру Польскимъ интригамъ ходатаевъ за недовольныя народонаселенія и за выгнанныхъ изъ службы чиновниковъ края; не повѣрятъ манифестаціямъ при пріѣздѣ на Кавказъ князя Барятинскаго, а повѣрятъ системѣ фаверовъ. И все это не столько дурно само по себѣ, сколько дурно исполненіемъ. Муравьевъ въ самомъ дѣлѣ, по своему педантизму и нелюдскости, могъ уступить въ мирное время мѣсто начальнику болѣе вельможному и съ громкимъ именемъ; но если Николай могъ посадить его, назначивъ нецеремонно съ фельдъегерскимъ пакетомъ, то не слѣдовало также безцеремонно увольнять его, какъ уволили въ 1826 году генерала Ермолова, и потомъ разсчитывались съ нимъ тридцать лѣтъ. Для пользы самого любимца, князя Барятинскаго, слѣдовало бы подержать Муравьева еще годъ-другой. Онъ человѣкъ честный, любитель порядка, знатокъ дѣла и знакомый съ краемъ. Продолжать и уновлять дѣло, имѣющее прочныя основы, и легко, и пріятно. Посмотримъ, останется ли Муравьевъ въ Государственномъ Совѣтѣ, или какъ Пироговъ совсѣмъ оставитъ службу и займется воспитаніемъ дѣтей.

Петербургъ переѣхалъ или переѣзжаетъ въ Москву. Намъ остались ожиданія, толки и выдумки. Ожидаютъ милостиваго манифеста и помилованіи Сибиряковъ и Кавказцевъ. На неоднократныя ходатайства мои о кн. Евгеніи Оболенскомъ и Вас. Головинскомъ мнѣ отвѣчали: «Будутъ помилованы, будьте покойны, и всему этому обязаны добротѣ кн. Василія Андреевича Долгорукова». Толки особенно о назначеніяхъ и изъ нихъ особенно о Вас. Александр. Шереметевѣ. Я получилъ эту вѣсть въ то время, какъ читалъ обширную записку Юр. Самарина о крѣпостномъ правѣ. Вѣсть эта точно прикрѣпила его.

Августъ. Описанія торжествъ въ Москвѣ начинаютъ наполнять наши журналы. Въѣздъ 17 Августа уже описанъ. Выпишу три-четыре статейки. Весь рядъ домовъ отъ Тріумфальныхъ воротъ (Тверская улица) до Садовой буквально обтянутъ подмостками. Мѣстъ для зрителей приготовлено болѣе 50 т., которыя продавались въ началѣ улицы отъ 1 до 3 р., а отъ Садовой до Спасскихъ воротъ 3, 10 и даже 25 р.; окна продавались по 10, 25 и по 50 р. Алексѣевъ нанялъ балконъ при гостин. Парижъ за 1,000 р.; Кокоревъ двѣ залы Московскаго трактира, на Воскресенской площади, за 3,000 р.; украшеній сверху до низу вездѣ множество. Словно какой нибудь волшебникъ въ одну минуту выворотилъ всѣ дома на изнанку, и Богъ знаетъ куда спряталъ стѣны.—И у насъ въ Петербургѣ иллюминація 26-го Августа приготовляется въ огромныхъ размѣрахъ. Замѣчательно, что самыя богатыя приготовленія сдѣланы на счетъ казны или обществъ: Военное Министерство, Синодъ, дома главнаго штаба, генералъ - губернатора, оберъ-полицеймейстера, Думы и гостиннаго двора. Украшеніями распоряжались Излеръ, и альковы Думы очень походятъ на его Цыганскія бесѣдки на водахъ въ Новой деревнѣ.

Празднествъ будетъ много, милостей тоже. Но все это и слишкомъ долго, и слишкомъ сплошно. Поощреніе напрасныхъ тратъ и празднолюбія: двѣ язвы давно насъ съѣдающія и особенно въ настоящее, нужное время, втройнѣ гибельныя. Скромность, бережливость и порядокъ—вотъ что̀ надобно водворить у насъ. Вообще, въ правительствѣ замѣчаешь какое-то желаніе снисхожденія, какое-то опасеніе раздраженія и стремленіе къ угодливости, развлеченіямъ. Очарованіе это непродолжительно: разнузданные (какъ наши военные теперь, и морскіе еще болѣе), во всякомъ случаѣ хуже взнузданныхъ.

А вотъ и манифестъ 26 Августа. Выгодные торги на откупа и богатые таможенные сборы дали возможность простить много взысканій и начетовъ; прощеніе преступниковъ сдѣлано въ размѣрѣ манифеста 27 Марта. Все это не такъ важно. Важны статьи о новой ревизіи, о кантонистахъ, объ уравненіи Западныхъ губерній въ порядкѣ службы, Евреевъ въ рекрутствѣ, объ отмѣнѣ наборовъ на три года, о зачетѣ всѣхъ убылыхъ ополченцевъ, о медаляхъ на трехъ лентахъ. Все это прекрасно; особенно пріятно читать о наборахъ, о кантонистахъ и о Западныхъ губерніяхъ. Но еще пріятнѣе прощеніе Декабристовъ съ возвращеніемъ имъ правъ состоянія, а нѣкоторымъ и титуловъ. Вотъ 32 помилованные:

I). Поселенцы: 1) Сергій Трубецкой, 2) Евгеній Оболенской, 3) Матв. Муравьевъ-Апостолъ, 4) Иванъ Горбачевскій, 5) Александръ Поджіо, 6) Владим. Бечасный, 7) Иванъ Пущинъ) 8) Сергій Волкон-

скій, 9) Иванъ Якушкинъ, 10) Дмитрій Завалишинъ, 11) Дмитр. Щепинъ-Ростовскій, 12) Иванъ Кирѣевъ, 13) Александръ Фроловъ, 14) Михаилъ Бестужевъ, 15) Баронъ Владиміръ Штейнгель, 16) Гавріилъ Батенковъ, 17) Петръ Фаленбергъ, 18) Юліянъ Люблинскій и 19) Василій Колесниковъ.—II). Находящіеся на жительствѣ въ Сибири: 20) Отстав. губерн. секрет. Веденяпинъ. 21) Михаилъ Кюхельбекеръ. 22) Баронъ Веньяминъ Соловьевъ, 23) Андрей Быстрицкій, 24) Флегонтъ Батмановъ, 25) Дмитр. Таптыковъ, и 26) Хрисанѳъ Дружининъ.—III). Служащіе канцелярскими служителями въ Сибири: 27) Николай Крюковъ, 28) Александръ Крюковъ, 29) Кол. регис. Николай Басаргинъ. 30) Губерн. секр. Петръ Свистуновъ, 31) Колл. секр. Иванъ Анненковъ и 32) Александръ Бригенъ. Имъ дозволяется возвратиться изъ Сибири и жить гдѣ пожелаютъ (кромѣ столицъ), и имъ, а равно и прежде возвращеннымъ (которые освобождаются отъ всѣхъ ограниченій) и ихъ законнымъ дѣтямъ и дѣтямъ умершихъ, рожденнымъ послѣ произнесенія приговоровъ, даровано дворянство потомственное, только безъ правъ на прежнія имущества; а Штейнгелю, Андрею Розену, Захару Чернышову, Алексѣю Черкасову, Валер. Голицыну и Веніам. Соловьеву и законнымъ дѣтямъ ихъ прежніе титулы, и проч. Возвращаются титулы законнымъ дѣтямъ и всѣхъ прочихъ возвращаемыхъ, Оболенскимъ, Волконскому и др.—Всѣ жалѣютъ, что ничего нѣтъ о шалунахъ 1849 г., которыхъ постигла такая тяжкая участь отъ того, что министръ вн. дѣлъ говорилъ, что дѣло важно, а жандармы, что оно ничтожно. Кашкинъ, Головинскій, Европеусъ—это дѣти, забывшіяся до наступленія своего совершеннолѣтія.

Какое торжество, какой одушевленный крикъ, какъ много искренняго увлеченія въ Москвѣ и даже у насъ!

Вообще рѣчью Филарета недовольны. Въ самомъ дѣлѣ, время требовало отъ служителя церкви выраженія болѣе смѣлаго, совѣтовъ болѣе откровенныхъ и моленія болѣе теплаго о уврачеваніи ранъ, еще точащихся, и исполненіи обѣтовъ, глубоко проникающихъ души.

Наградъ 26 Августа и не перечтешь. Но послушайте самихъ счастливыхъ: графъ Орловъ (князь), весьма скромный, говоритъ, что «свѣтлѣйшаго не удостоенъ». Бергъ (графъ) желалъ графства Россійскаго; Танѣевъ говоритъ, что получилъ «какой-то перстень» (съ портретомъ, это выше табакерки); Аркадій Кочубей (обойденный въ д. т. с.) выходитъ въ отставку; а Гурко и Толмачевъ просятъ возвращенія мундировъ, указывая на Голицына, князя Андр. Мих. Это награды самыя высшія. Въ среднихъ ропоту еще больше. Онъ превращается въ гулъ, когда нисходитъ въ слои темные, гдѣ ропотъ не сдерживается и положеніемъ награжденныхъ.

Я такъ отошелъ отъ моихъ сверстниковъ, что уже давно не считаюсь ни мѣстами, ни чинами; но и у меня есть льстецы и доброжелатели. Поздравляя или не поздравляя меня съ Анною 2-й ст. съ короною (о чемъ я до сего дня ничего не знаю), они выражаютъ соболѣзнованіе и утѣшаютъ мнѣніемъ общества, товарищей и подчиненныхъ. Мнѣніе! Оно похоже на уличную лампу въ дождливую ночь осени. Нельзя не одобрить правила Государя—не переходить степеней. Надобно только его выдержать. Исключительность сдѣлалась правиломъ и желаній, и требованій.

Не было печали, да черти накачали: исторія съ моими «Открытыми письмами», начало которыхъ, напечатанное въ 202 № Сѣверной Пчелы, взбунтовало канцелярію министра просвѣщенія, цензора (добраго Ив. Ив. Лажечникова) и редактора Ник. Ив. Греча. Не знаю, чѣмъ это кончится; но, жалѣя о цензорѣ и редакторѣ, я боюсь и за оберъ-прокурора, которому вѣроятно генералъ-прокуроръ не проститъ этого вмѣшательства. А я, дурень, думая обличить несостоятельность нашихъ партій (Славянофиловъ, натуралистовъ и европеистовъ) и пустить въ оборотъ двѣ-три мысли, еще привѣтствовалъ *разсвѣтающій* періодъ литературы словами Тацита: rara temporum felicitas, ubi sentire quae velis et quae sentias dicere licet. Народный характеръ портится въ основаніяхъ.

А жены и дѣтей все нѣтъ! Сегодня я видѣлъ ихъ во снѣ, и къ утру душилъ меня домовой. Голова очень тяжела и сердце грустно. Что̀ бы это значило?

Даровитый нашъ либералъ графъ Киселевъ разослалъ циркуляръ, въ родѣ Русскаго Штейнова завѣщанія, который и безъ назначенія Шереметева долженъ произвести большое впечатлѣніе при гласности, его ожидающей. Это циркуляръ о законности (29 Авг. № 36) наканунѣ увольненія и заднимъ числомъ, какъ Штейнъ. Выписавъ рескриптъ Государя о наградѣ портретомъ, графъ Киселевъ продолжаетъ: «Осчастливленный такою всемилостивѣйшею наградой, не могу не выразить, что безъ ревностнаго содѣйствія сослуживцевъ я не могъ бы ее заслужить. При исполненіи возложенной на меня высочайшею волею обязанности, я старался, вникая въ благія намѣренія предначертаній, избирать усердныхъ и достойныхъ довѣрія исполнителей, направлять дѣйствія ихъ къ высокой благолюбіемъ государей указуемой цѣли, къ водворенію во всемъ кругѣ управленія М. Г. И. законности, къ попечительству, къ постоянному и терпѣливому назиданію, поощренію и руководству 20 милліоновъ сельскаго населенія и къ охраненію путемъ закона учрежденій, дарованныхъ сему сословію для упроченія и развитія его благосостоянія. Если я могъ ошибаться въ выборѣ должностныхъ лицъ, если и встрѣчалъ со стороны нѣкоторыхъ неисполнительность и даже нарушеніе обязанностей: то мнѣ отрадно, что подоб-

ные случаи составляли исключенія, что большинство чиновъ и лицъ сельскаго управленія, постигая важность своихъ обязанностей, мѣрами кроткими и справедливыми содѣйствовали и содѣйствуютъ къ водворенію должнаго порядка и благоустройства во всѣхъ частяхъ управленія. Благодарю всѣхъ моихъ сослуживцевъ, которые, одушевляясь святостію своего долга, были мнѣ вѣрными помощниками въ государственномъ дѣлѣ, тихо, но прочно устроившемся при постоянномъ къ нему всемилостивѣйшемъ вниманіи въ Бозѣ почившаго Государя Николая Павловича и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Въ обширномъ кругу предначертанныхъ для министерства обязанностей многое остается еще дѣлать. Желаю, чтобы сотрудники мои, переходя подъ новое начальство, были и для него столь же ревностными дѣятелями и продолжали свое служеніе съ тѣми же правилами чести и усердіемъ, которыя пріобрѣли имъ право на мою признательность. Благодарю всѣхъ поселянъ за ихъ полную довѣренность къ оставляемому мною управленію, которому они содѣйствовали точнымъ исполненіемъ всѣхъ распоряженій начальства, трудолюбіемъ и готовностію, по призыву Августѣйшаго Монарха, приносить всякія жертвы въ годины испытаній. Обращаясь въ послѣдній разъ къ подвѣдомому М-ву Г. И. сословію поселянъ, желаю, да укрѣпляется въ нихъ болѣе и болѣе сознаніе, что только по мѣрѣ утвержденія дарованныхъ имъ монаршею милостію учрежденій можетъ водвориться среди сего сословія законность—единое прочное основаніе всякаго порядка и благосостоянія. И на иномъ поприщѣ службы, указанномъ мнѣ волею Монарха, вдали отъ отечества, мнѣ будетъ такъ же близко истинное благо государственныхъ крестьянъ, какъ оно было близко мнѣ въ теченіе многолѣтняго ими управленія; буду до конца дней моихъ радоваться ихъ успѣхамъ и, слѣдуя примѣру общаго отца нашего Государя Императора, буду молиться за нихъ. Если они сохранятъ обо мнѣ память, то она будетъ, послѣ милостей Государя, лучшею, драгоцѣннѣйшею для меня наградою».

Мои открытыя письма продолжаются. Князь Вяземскій ихъ цензеруетъ самъ. Цензоръ Ив. Ив. Лажечниковъ на оттискахъ не пропустилъ содержанія программы писемъ, напечатанной въ газетѣ. Во 2-мъ письмѣ князь Вяземскій много исключилъ. Жаль! Исключено довольно много существеннаго. Я послалъ сегодня третье письмо (самомнительность и самопоклоненіе), написанное гораздо мягче, нежели я предполагалъ. Въ немъ я желаю показать необходимость изученія Греко-Римской образованности и познакомить съ пребываніемъ въ Петербургѣ въ 1812 году Сталь, Штейна и гр. де-Местра. Если и это письмо подвергнется передѣлкамъ, то я прекращу ихъ. Похвалы меня не обольщаютъ. Я думалъ сдѣлать пользу, т. е. дать совѣтъ писателямъ и заставить сдѣлать шагъ цензуру. Я всегда замѣчалъ, что эти эксцентрическія выходки обращаются мнѣ во вредъ. Пристрастіе и несправедливости невольно ведутъ къ авантюрьерству. До искренности, до истины, даже условной, вездѣ принятой, мы еще далеки, и я не

далъ себѣ въ этомъ порядочно отчета. Можетъ быть, я даже повредилъ доброму дѣлу. Но авось въ шумѣ празднованій письма пройдутъ незамѣченными. Немногаго я желалъ, но этого хочу теперь.

Довольныхъ изъ награжденныхъ было мало. Всѣ превозносятъ роскошь, вкусъ и порядокъ, но конечно не при дворѣ и не при угощеніяхъ. Въ приглашеніяхъ забыли посланника Гановерскаго; при *репстиціяхъ* угощеній оберъ-шенкъ, идя à reculons, повалился и разлилъ воду, хотя и былъ поддерживаемъ рослымъ Княжевичемъ.

Народный праздникъ считаетъ между прочимъ 2496 пудъ ветчины, 936 п. колбасъ, 315 п. масла, 3120 барановъ, 12,480 куръ, 49,920 пироговъ, 24,960 ватрушекъ, 145,088 калачей, 1252 ведра вина и 3120 пива, а для роспиванья—14,400 ковшей и для укладки всего по столамъ (на протяженіи 6,240 сажень) 8,700 пирамидъ. Издержки на постройки простирались до 76 т. р. Сомнительно, чтобы удался этотъ праздникъ, при нашей толпѣ, которая конечно возрастетъ за 150 т. человѣкъ.

Вѣдомости разносятъ циркуляръ Мин. Вн. Д. съ словами Государя предводителямъ дворянства. Въ началѣ: «Еще разъ благодарю васъ, господа, за услуги и усердіе дворянства», а въ концѣ: «Онъ (покойный Государь) говорилъ мнѣ: надѣйся на нихъ и вѣрь имъ, и я вамъ вѣрю, господа», и еще въ концѣ: «Мнѣ отрадно... благодарить васъ и передать чрезъ васъ всему дворянству, что я вамъ вѣрю, вѣрю, вѣрю». Ланской пишетъ, что «Государь, общій отецъ нашъ, тронутый до глубины души выраженіемъ вашихъ чувствъ, изволилъ со слезами прочесть составленную вами записку». Какая такая?

Въ этихъ же листахъ печатается и прощаніе крестьянъ съ гр. Киселевымъ 31 го Августа. Графъ напомнилъ имъ монаршія милости, изліянныя на ихъ сословіе въ дарованныхъ имъ учрежденіяхъ, которыми упрочено ихъ благосостояніе; благодарилъ ихъ за довѣренность къ нему, завѣщалъ имъ свято блюсти законность во всемъ. «Благодаримъ тебя, батюшка, благодаримъ; не забудемъ во вѣки ни милостей Царя, ни твоихъ объ насъ попеченій», говорили сквозь слезы собранныя головы и старшины. Они поднесли графу образъ Спасителя съ надписью: «Аминь глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе (Матѳ. XXV, 40). Его сіят—ву графу П. Д. Киселеву отъ представителей государственныхъ крестьянъ». «Въ этихъ немногихъ словахъ, объясняетъ газета, словахъ «меньшой братіи», высказана вся жизнь того, кто, по словамъ Государя, положилъ «прочныя начала къ будущему преуспѣянію и дальнѣйшему развитію благосостоянія многочисленнаго сословія Русскаго народа» (изъ рескрипта 26 Августа). Только избраннымъ

на великое поприще служенія человѣчеству Провидѣніе посылаетъ счастіе такими чертами записывать свое имя въ исторіи». Вотъ что! Иначе думаетъ объ этомъ будущій графъ В. А Шереметевъ; но едва ли онъ будетъ дѣйствовать какъ думаетъ.

Утверждено огромное предпріятіе: 4500 верстъ желѣзныхъ дорогъ изъ Петербурга въ Варшаву, изъ Москвы въ Нижній, Ѳеодосію и Либаву. Обезпечены 5%, владѣніе на 85 лѣтъ, постройка въ теченіи 10 лѣтъ, все нужное дозволяется ввозить безпошлинно. Это колоссально. Европейскому капиталу некуда дѣваться. Движеніе у насъ будетъ сильно. Тарифъ погнется, фабрики и желѣзные заводы подадутся. Общество пароходства и это предпріятіе должны дать большой толчокъ движенію. Но не слишкомъ ли много и велико? Естественно ли это? По моему мнѣнію, нѣтъ. Это огромные долги, едва ли искупимые и погасимые даже черезъ 50 лѣтъ. И пять процентовъ! Безъ свободнаго, либеральнаго тарифа возить будетъ нечего. Два эти общества потребуютъ около 400 милліоновъ (два наши бюджета), которые конечно оживятъ нашу дѣятельность и обогатятъ населеніе, вызвавъ много усилій труда и талантовъ и распространяя много идей и познаній. Тѣсный взглядъ нашъ расширится. Въ государствѣ, если оно не преобразуется, оснуется другое государство. Все это прекрасно. Но готовы ли мы для этого? А главное, будемъ ли мы состоятельны? Кого мы повеземъ и что̀ мы повеземъ? 5% не увеличили ли нашу смѣту, и нынѣ тяжко составляемую? И къ чему эта дорога въ Варшаву, эта дорога въ Либаву, когда есть Петербургъ и Рига? Я очень радуюсь этому движенію, но не могу растолковать себѣ эти предпріятія иначе, какъ займомъ для оживленія мѣстной дѣятельности. Я всегда утверждалъ, что всякое поощреніе развитію вредно. Мы въ конецъ испорчены неестественными скачками. Настоящее предпріятіе почти также порывисто, какъ Петровское вторженіе, и я, отсталый человѣкъ, не вижу въ немъ мирнаго успѣха, а успѣхъ насильный, угрожающій по крайней мѣрѣ разочарованіемъ.

Видѣлся съ Шереметевымъ. Онъ рыдалъ, обнимая меня, какъ ребенокъ; но какой же это человѣкъ, гдѣ тутъ министръ? Въ глазахъ ихъ есть только два положенія: раболѣпія или предательства. О люди!

Не могу я видѣть В. А. Шереметева безъ сожалѣнія и сострадація: такъ онъ смущенъ, застращенъ и подавленъ своимъ положеніемъ. Ни одного человѣка съ кѣмъ бы онъ могъ быть откровененъ. И съ этимъ-то народомъ я долженъ возиться! Есть старикъ, адмиралъ Анжу; но онъ не только въ лѣсу, да и вообще на сухомъ пути чувствуетъ себя внѣ своей сферы. Съ начальниками отдѣленій слова перемолвить нельзя, и чиновники при м-рѣ какіе-то калѣки, какъ Пташинскій, сор-

ванцы, какъ Брилевичъ, или Французы, не знающіе по-русски, Шопенъ и Годеніусъ, или юноши, ничего не знающіе, какъ Мухановъ, Моисеевичъ, Рѣпинскій. Прибавьте къ этому товарища Хрущова, и вотъ мое министерство!

Я съ Хрущовымъ не вижусь. Напрасно! Но дѣло рѣшено. Что̀ я сдѣлаю? Я буду полезенъ и министру, и министерству. Первому я облегчу трудъ, м-ву ослаблю предубѣжденія. Успѣю ли? Не знаю. Вполнѣ безкорыстно я дѣйствую? Сомнѣваюсь. Найду ли мои выгоды? Особъ статья. Я выигрываю уже и тѣмъ, что удаляюсь отъ юстиціи, которая пять дней въ Сенатѣ и одинъ на консультаціи, почти при каждомъ дѣлѣ, возмущала мнѣ душу. Такъ она отвратительна, такъ преступно равнодушіе гр. Панина къ правосудію въ народѣ, въ которомъ водвореніе понятій о собственности и правѣ нужнѣе насущнаго хлѣба. Молю Бога, да пошлетъ мнѣ силъ и преданности.

Свиданіе мое съ графомъ Панинымъ любопытно. Этотъ господинъ увѣрилъ себя, что, творя людей, онъ можетъ обойтись и безъ людей. Но, Боже мой, отвѣчай онъ на мои слова хотя искренностію, я остался бы въ юстиціи, которая такъ отвратительно дурна, возмутительно безпорядочна и въ лицѣ главнаго своего представителя равнодушна до преступности, остался бы, потому что труда здѣсь много, пользы еще болѣе, и изъ всѣхъ рабскихъ положеній служащаго на сенатскихъ креслахъ менѣе часто можно чувствовать эту унизительную зависимость. Нѣтъ! Графъ Панинъ не хотѣлъ снизойти до откровенности и окончательно на мои вопросы отозвался тѣмъ, что «Василій Александровичъ просилъ меня не препятствовать вашему переходу въ личное себѣ одолженіе». Богъ съ вами! Найдите себѣ сотрудниковъ лучшихъ, я первый тому порадуюсь; но глубокое убѣжденіе говоритъ мнѣ, что непризнательность есть грѣхъ, а равнодушіе къ государству въ министрѣ—преступленіе. Это не проходитъ даромъ.

Хотя указа обо мнѣ еще нѣтъ, но я уже былъ у бумагъ новаго министра. Онъ боязливъ, мнителенъ, нерѣшителенъ до крайности. Директоры, замѣчая это, дѣйствуютъ на него устрашеніемъ. Жаль мнѣ человѣка. Онъ показалъ мнѣ не безъ тщеславія:

1) Докладъ объ отдѣленіи коннозаводства. «Члены комитета, прибавилъ онъ, всѣ старше меня, и никто не явился ко мнѣ при вступленіи». Не думаю, чтобы это отдѣленіе было раціонально. «Коннозаводство должно входить въ общую систему хозяйства, а это хозяйство есть существенная часть нашего управленія». Несогласенъ я съ министромъ.

2) Объ увольненіи Ковенскаго и Вятскаго управляющихъ; они удалены, отрѣшены, исключены, и я не вижу, почему нужно было

приступать къ такой жестокой мѣрѣ. Второй, по обвиненіямъ Д-та и Совѣта, виновенъ; но въ такомъ случаѣ лучше назначить судъ.

3) О Каспійскомъ рыболовствѣ; что-то сложно по случаю измѣненій Волжскаго фарватера. Почему это въ канцеляріи? Не понимаю.

4) Объ упраздненіи осушки болотъ въ С.-Петербургѣ.

5) Объ истребленіи лѣсовъ въ западныхъ губерніяхъ бабочкою-монахомъ. Я попросилъ его поворотить эти дѣла въ Совѣтъ.

6) О порубкахъ въ Бѣловѣжской пущѣ, по жалобѣ Евреевъ на преимущества Данцигскаго негоціанта Самуила Бугенгагена. Дѣло темное, и къ удивленію моему Шереметевъ не зналъ, что данъ Сенату окончательный отзывъ. Онъ былъ недоволенъ моимъ замѣчаніемъ.

7) О бенефиціальныхъ имѣніяхъ бывшаго Виленскаго университета. Дѣло запутанное и административно рѣшенное ко вреду западныхъ губерній. Это дѣло вѣрнѣе бы было пустить судомъ. У графа Киселева и у Шереметева, да у всѣхъ этихъ господъ, кромѣ господина Панина, страсть обходить порядокъ и все тащить къ Государю. Оно легче! Все мнѣ это не нравится. Постараюсь, пригляжусь. Поразительна замкнутость вѣдомства: здѣсь не только свои банки и своя полиція, но даже свои раскольники. Если все это министерство не есть мѣра временная, переходная, придуманная гр. Киселевымъ, чтобы подвинуть все управленіе Имперіи: то трудно понять, на какой конецъ увеличена масса чиновниковъ и дѣлъ и безъ того весьма обильныхъ въ Россіи.

Мнѣ пріятно выраженіе сочувствія Сената и товарищей. Они какъ бы рады этому случаю, чтобы пороптать, поругать графа Панина. А какъ-то тяжело на сердцѣ, когда подумаешь, что послѣ 15 лѣтъ судебной службы, на 44 году жизни, я мѣняю поприще. Принимаю мѣсто личное, всегда немножко лакейское, при Шереметевѣ, всегда немножко-много Орловскомъ помѣщикѣ и въ управленіи хозяйственномъ, совершенно чуждомъ прежнимъ занятіямъ.

Знакомлюсь съ директорами. Дѣйствительно личный составъ слабъ. Кромѣ Е. Ѳ. Гана нельзя указать ни на одного, кто бы былъ хозяинъ своего дѣла. Да и г. Ганъ болѣе чиновникъ, исправный дѣлецъ, избалованный вѣрою въ него другихъ, вызываемою смѣлымъ языкомъ и хорошею памятью. Какъ ошибся я въ Заблоцкомъ! Это, кажется, не болѣе ни менѣе какъ журналистъ, втершійся къ Киселеву либеральною проповѣдью и поддерживающійся передъ другими своимъ теоретическимъ образованіемъ.

Вотъ что̀ случилось: у меня были кой-кто, между прочимъ зять и кумъ, А. Н. Шахматовъ, когда курьеръ пригласилъ меня къ министру въ министерскій домъ. Нужно было скрѣпить записку въ Ко-

митетъ о Каспійскомъ рыболовствѣ. Дѣло мнѣ неизвѣстное. Я послалъ начальника отдѣленія къ моему предмѣстнику Вик. Осип. Крживцу, чтобы просить скрѣпить записку, а въ случаѣ отказа его рѣшался скрѣпить самъ, такъ какъ указъ о моемъ назначеніи уже получилъ. Записку скрѣпилъ Крживецъ. Я воротился домой въ половинѣ пятаго. Не успѣли мы сѣсть за столъ, какъ новый курьеръ прискакалъ съ требованіемъ къ министру, съ которымъ что-то случилось, нервный или апоплексическій ударъ. Я засталъ при министрѣ лейбъ-медика Рейнгольда и доктора Персона; ему уже пустили кровь, и онъ лежалъ совершенно свѣжій и въ полномъ присутствіи памяти и разумѣнія на диванѣ первой комнаты. Бѣготня и суета. Доктора объявили, что ударъ. Я остался при немъ, приказавъ экзекутору передать обо всемъ товарищу министра. Меня это ошеломило. Не понимаю.

Снарядивъ и закутавъ въ шубу, мы посадили больнаго въ карету, и онъ съ сыномъ Василіемъ уѣхалъ домой.

Отобѣдавъ, я въ 7 часовъ поѣхалъ на квартиру министра. Все поуспокоилось: нога и рука въ дѣйствіи. Онъ просилъ меня пересмотрѣть и доложить нѣкоторыя бумаги. Очень хороши. Fausse alarme. Въ 10 часовъ вечера я уѣхалъ; за мною пошелъ къ нему графъ Толстой, новый оберъ-прокуроръ Синода.

Хорошо начало! Я усталъ и очень недоволенъ собою. Что̀ это такое? Разсчитывай, человѣкъ! L'homme s'agite, Dieu mène. Молю Тебя, Боже, умѣрить мою впечатлительность и раздражительность.

Признаюсь, не легко было Шереметеву сходиться съ такимъ составомъ управленія, при его къ нему предубѣжденіяхъ. Тутъ пожалуй и заболѣешь. Косо на меня смотрятъ. Другой духъ господствуетъ въ этомъ управленіи.

Читаю отчеты М. Г. И.: стройно, гладко, по-европейски. Это управленіе идетъ лучше юстиціи, но много цифръ и широкъ произволъ. Это государство въ государствѣ, гдѣ все свое. Губернское начальство почти устранено, полиція не прикасайся.

Шереметеву хуже. Сегодня меня къ нему не пустили. Обвиняютъ медиковъ въ предписаніи усиленнаго пріема. Четыре эскулапа Рейнгольдъ, Пеликанъ, Персонъ и Бишъ работаютъ надъ больнымъ. Здѣсь увидѣлся я съ Хрущовымъ; былъ у Панина. Благодарю его. Онъ съ участіемъ говорилъ о моемъ положеніи. Вечеромъ былъ у Хрущова и выслушалъ защиту графа Киселева. Все мнѣ что-то не вѣрится, чтобы Шереметевъ былъ нездоровъ. Его тяготило, до крайности тяготило, министерское положеніе. Не уловка ли? Но что̀ же онъ сдѣлалъ со мною?

Надобно приняться за дѣло. Дѣла вообще мало, но его можно найти; съ Богомъ! Главное мое занятіе будутъ дѣла Совѣта.

Каждый день бываю у Шереметевыхъ. Все лучше, да лучше, а его никто не видитъ. Министерство поручено управленію Д. П. Хрущова.

Занимаюсь изученіемъ кадастра Русскаго, Польскаго (люстраціи) и Нѣмецкаго (регулированія). Это цѣлая наука, и безъ мѣстной повѣрки узнать нельзя. Но я понимаю важность, которую имѣлъ бывшій 3-й Департаментъ Сельскаго Хозяйства. Кадастръ долженъ измѣнить нашу податную систему, перенеся подать съ души или головы на землю и заработки. Бѣдно и слабо началась эта мѣра, вѣроятно принятая изъ удѣла, и очень несовершенны начатки ея въ попыткахъ гг. Арсеньева, Веневитинова и Заблоцкаго. Спеціалисты развили ее до мелочей и подробностей, выраженныхъ окончательно въ инструкціи 1852 года. Приращенія дохода здѣсь нѣтъ, и его ожидать нечего, такъ какъ разлагаемая цифра, смѣтная, не измѣняется; но здѣсь, я думаю, трудно ожидать и вѣрнаго распредѣленія подати, ибо данная подушная цифра не соразмѣрна съ доходами губерній казеннаго населенія: то можно ли эту несоразмѣрность перевалить на другую губернію, напримѣръ съ Бѣлорусскихъ на Русскія, съ Псковской на Владимирскую? Нѣтъ. Къ чему же эта реформа? Если нельзя прямо взять порядокъ удѣльный, т. е. назначить въ казну $^{2}/_{5}$ изчисленнаго дохода съ земли, то лучше удержать подушную систему. Различіе системъ въ разныхъ губерніяхъ произведетъ въ свою очередь неуравнительность, болѣе ощутительную, нежели *при общемъ душевомъ* сборѣ; ибо души, люди довольно подвижны: Ярославецъ и Смольнянинъ переселится или уйдетъ въ заработки и окупитъ душу, а Витебская десятина пролежитъ безплодно и накопитъ недоимку. Вообще, какъ я и прежде говорилъ, общество и правительство слишкомъ много ожидаютъ улучшеній отъ теоретическихъ преобразованій, довѣрчиво мѣняя ихъ и легкомысленно принимая новость за новостью, какъ это обыкновенно бываетъ въ шаткіе дни неудачъ и напряженнаго состоянія. Жизнь, дѣйствительность имѣютъ свои компенсаціи, и при нихъ дурная система, какъ напримѣръ Петровская подушная система, иногда достигаетъ вѣрнѣе цѣли, проще, скорѣе, нежели система теоретическая, кадастръ, для котораго, я не знаю, гдѣ наши оцѣнщики находятъ основныя статистическія данныя. Я еще не ознакомился съ цифрами кадастра и даже отчаяваюсь познакомиться съ ними подробно (такъ мелочно положеніе директора канцеляріи), но дѣлаю это замѣчаніе на первыхъ порахъ, привыкнувъ вѣрить первымъ впечатлѣніямъ.

Въ хорошемъ видѣ оставилъ (и даже не передалъ) мнѣ канцелярію мой предмѣстникъ! Все залежалось и остановилось. Особенно

дурны дѣла о раскольникахъ. Очень бѣденъ личный составъ канцеляріи. Хорошъ начальникъ отдѣленія Титовъ, но онъ смотритъ на дѣла какъ на бумаги и въ службѣ ищетъ покоя.

Канцелярія завѣдываетъ Совѣтомъ—это главное; домомъ—здѣсь мелочей и пуху довольно, и наконецъ раскольниками—здѣсь нѣтъ ни важнаго, ни мелочнаго, и при недостаткѣ единства, отсутствуетъ всякое опредѣленное направленіе. Съ Совѣтомъ я справлюсь и дамъ ему большое значеніе, лишь бы имѣлъ поддержку въ министрѣ. Въ управленіи домомъ я введу сбереженіе. Люди Киселева тутъ хозяйничали и масломъ, и дровами. Сдѣлаю инвентарь дому, назначу таксы на покупки. Экзекуторъ Герке подается, въ немъ есть тактъ.

Надобно обдумать дѣла раскольничьи. Чтò такое расколъ? Достигаютъ ли цѣли нынѣшніе (карательные) способы противодѣйствія? Нарушаетъ ли расколъ полицейскій порядокъ? Признаюсь, безъ соглашенія съ Министерствомъ Внутр. Дѣлъ, тутъ одностороннія усилія не приведутъ къ цѣли. Да; но хорошо, если не поощрять противодѣйствія.

1857-й годъ.

Новый годъ. Знаменателенъ, памятенъ будетъ прошедшій годъ для Европы и для насъ. Парижскій миръ обѣщаетъ порядокъ. Порядокъ! Его нѣтъ ни въ сердцахъ, ни въ жизни народной. Все льститъ счастливому диктатору, и надобно быть очень крѣпку, чтобы голова не закружилась. Это годъ апогея Французской имперіи. Но и въ виду мундира Французской арміи элементы Европейской зрѣлости оставляютъ за собою голосъ: права Голштиніи и Шлезвига тревожатъ Датское единство; католицизмъ въ Италіи свергаетъ Эспартеро; народный духъ Швейцаріи противуборствуетъ формальности Пруссіи въ Невшателѣ; несовременное вмѣшательство Франціи и Англіи въ Неаполѣ заслуживаетъ общее порицаніе; демократическая Америка находитъ либеральныя начала Парижскаго конгресса недостаточно либеральными.

У насъ все умолкаетъ предъ манифестомъ 26 Августа. Это цѣлый переворотъ... Самые смѣлые умы остались позади великодушныхъ милостей государя Александра II. А это только начало. Иначе подобное явленіе непонятно или загадочно. О, но будетъ ли когда-нибудь мѣра, постепенность, прочность въ нашемъ развитіи? На колѣняхъ, Государь, я васъ молю объ этомъ. Давайте меньше, но давайте дольше; это воспитаетъ націю, это пріучитъ къ порядку, къ уваженію существующаго, къ вѣрѣ въ убѣжденія. Не даете ли вы такъ много свободы, чтобы, испытавъ насъ, потомъ сократить ее? Зачѣмъ вы дозволяете

порицать управленіе, не улучшая его? Почему Вернадскій, Бабстъ, Катковъ, Кавелинъ, а не министры ваши проповѣдуютъ реформы? Зачѣмъ крѣпостной вопросъ, посреди этого всеобщаго движенія, получаетъ вашу санкцію?

8-го *Марта.* Государь былъ у Шереметева. Назначеніе Муравьева. Онъ уже давно приглашалъ меня, а графъ Панинъ не совѣтовалъ.

Г. Зеленый готовится въ любимцы. Хорошій человѣкъ.

26-го *Іюля.* Въ Рязани съ Муравьевымъ. Въ Калугѣ. Вотъ онъ Евгеній Оболенскій!

1858-й годъ.

4-го Января. Хрущовъ разсказывалъ мнѣ о засѣданіяхъ Гос. Совѣта по разсмотрѣнію смѣты или росписи. Мы отстояли. Особенно желалъ Совѣтъ напасть на лѣсные капиталы. Капиталовъ у насъ много, и еще болѣе неопредѣленности ихъ назначенія и расходованія.

Апрѣль. Все я не имѣю ни покоя, ни охоты, ни умѣнья. А все устроивается по моему, все обстанавливается какъ бы угодить мнѣ. По перемѣщеніи моемъ изъ директоровъ въ члены Совѣта я вижу министра разъ въ недѣлю. Видѣть этого человѣка чаще большое наказаніе. Я зналъ этого господина по энергическому выраженію его: «я изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которые вѣшаютъ, а не которыхъ вѣшаютъ». Въ 1837 г. онъ писалъ изъ Курска Колошину, прося его пригласить меня (откуда онъ могъ узнать обо мнѣ?) въ совѣтники губернскаго правленія. Напишите вашему Муравьеву, отвѣчалъ я Петру Ивановичу, что если бы онъ не считалъ людей собаками, то можетъ быть я бы рѣшился служить съ нимъ. Въ 1842 г. я столкнулся съ нимъ, какъ съ сенаторомъ. Въ 1851 г. онъ прислалъ ко мнѣ своего полковника З. (того самого, котораго исключенный чиновникъ ударилъ въ лицо въ присутствіи Межевой Канцеляріи) просить по дѣлу его департамента. Я не могъ исполнить, и въ разговорѣ съ З., преслѣдовавшимъ всѣхъ по наставленію главнаго директора, спросилъ: неужели кромѣ исключеній и выгоновъ нѣтъ возможности содержать межевую часть не въ такомъ ужасномъ безпорядкѣ (чиновники по контрактамъ поставляютъ дѣла и планы въ мелочныя лавочки на обертку)? З. былъ очень переконфуженъ. Во время болѣзни Шереметева, Муравьевъ, чрезъ Сергѣя Васильевича, просилъ меня быть у него. Его всѣ называли кандидатомъ. Могъ ли я быть у него, не подкрѣпя тѣмъ отставку Шереметева и слухи о Муравьевѣ? Встрѣчаясь со мною послѣ,

Муравьевъ уже не узнавалъ меня. Получивъ назначеніе, онъ прислалъ мнѣ (на имя канцеляріи) копію съ указа. Я въ тотъ же день немедленно явился въ мундирѣ.

Вотъ подъ какими условіями я сдѣлался директоромъ канцеляріи генерала Муравьева.

Три раза заставлялъ онъ меня собирать чиновниковъ: Крамера, Годеніуса, Шопена, Брилевича, Корсуна, барона Радена, и объявлять имъ, чтобъ они подавали въ отставку, и три раза отмѣнялъ имъ лично это распоряженіе, прибавляя: «меня не поняли». Неоднократно говорилъ онъ Гану и Заблоцкому: «а Лебедевъ сказывалъ мнѣ, что это и это въ совершенномъ безпорядкѣ у васъ». Одному просителю сказалъ: «директоръ потерялъ твою просьбу, подай еще мнѣ прямо». Невообразимо, какъ заставлялъ онъ насъ, директоровъ, ждать съ докладомъ, тогда какъ къ нему и отъ него сновали чиновники удѣльные. Слова: воръ, киселевщина, вздоръ, дрянь, бумагомараніе, ничего не знаетъ, кривотолкъ, взяточникъ и т. п. на каждомъ шагу. Да, то что́ я вынесъ въ эти недѣли выразить трудно.

А главное: скорость. Сей часъ разрѣшитъ, сей часъ отмѣнитъ, дѣло заторопитъ, непремѣнно затянетъ и ничѣмъ не кончитъ. Опредѣленія скоры, увольненія еще скорѣе. Опредѣляя какого-то Таборовскаго, онъ говорилъ: «его Императрица знаетъ, онъ умнѣе всѣхъ будетъ; тамъ, во 2-мъ департаментѣ дуракъ на дуракѣ, да еще Поляки! Немедлено по вступленіи онъ предназначилъ своимъ товарищемъ Зеленаго изъ Тобольскаго полка (который возился въ Тулѣ съ пропавшими бланками) и отдалъ ему министерство въ управленіе.

Чувствуешь особенное уваженіе къ свѣтлому, заботливому и предусмотрительному уму графа Киселева, истинно-государственнаго человѣка. Но есть пятна и въ солнцѣ. Признавая солнце, я осмѣлюсь наблюсти и фазы пятенъ.

Въ дѣлахъ управленія вопросъ о правѣ всегда стоитъ на второй ступени. Едва-ли это справедливо. Въ нашемъ министерствѣ я замѣчаю два направленія, которыя я не признаю полезными: это, во первыхъ, преобладаніе казны надъ частнымъ правомъ, завладѣвающее землями, не уважая давности, и лѣсами, всегда бывшими общими и въѣзжими. Во вторыхъ, уклоненіе отъ общаго надзора Сената и контроля. Все это происходитъ отъ того, что легко добывается Высочайшее утвержденіе. Графъ Киселевъ, оставляя министерство, дозволилъ себѣ, съ Высочайшаго утвержденія, выдать полугодовые оклады чиновникамъ изъ крестьянскаго хозяйственнаго капитала. Возникъ вопросъ: вычитать-ли 10% въ пользу инвалидовъ? Въ Сенатъ, —избави Боже! Зачѣмъ оглашать наше домашнее распоряженіе? Контроль проситъ

вѣдомостей,—куда, и руками, и ногами отклоняютъ всякое требованіе. Я долженъ былъ выдержать два-три непріятныя засѣданія Еще третье направленіе, которое очень меня поразило: это произволъ въ распоряженіи землями и крестьянами. Община или общество или волость не имѣютъ никакого права распоряженія. Единицу эту придумали для учета податей и повинностей. Земли нарѣзываютъ и отрѣзываютъ, крестьянъ сѣкутъ за недоимки, отдаютъ въ работы, переселяютъ. Ошибочно думалъ я, полагая найти здѣсь commune, Gemeinde; все дѣло въ сборѣ податей. Съ легкой или тяжелой руки Шереметева (циркуляръ въ концѣ Октября) подати идутъ весьма удовлетворительно. Да; но развѣ это управленіе?...

Но не въ высокихъ и низкихъ цифрахъ дѣло. Дѣло въ томъ, что капиталъ облагаетъ души, увеличивая прямой налогъ, и кромѣ этого источники всѣ прочіе едва-ли вѣрны. Особенно гадателенъ доходъ отъ переложенія податей. Доходъ этотъ недостаточенъ на содержаніе отрядовъ и коммисій, а для нихъ дѣлается новый сборъ. Итакъ три величины. Эти три надбавки составляютъ около 600 тыс. р. недоимки казенныхъ сборовъ. Такъ думаютъ опытные люди и, кажется, это не несправедливо. Но и все таки дѣло не въ томъ. Дѣло въ непроизводительности расхода. Межевыя дѣйствія очень неудовлетворительны и въ самомъ непродолжительномъ времени должны потребовать передѣлки. Приготовленіе мальчиковъ на фермахъ и въ писаря есть бѣдствіе, говорили мнѣ управляющіе. Вѣрно. Поощреніе сельскому хозяйству—главнѣйшее назначеніе капитала—такъ слабо, что его и не видно, и такъ мало примѣнимо къ крестьянскому быту, что казенный крестьянинъ не долженъ и копѣйкой участвовать въ учрежденіяхъ, не приносящихъ для него никакой пользы. На прочіе расходы помириться можно. Я не изучилъ хозяйственной смѣты, потому что отчетность такъ же слаба, какъ и моя опытность.

Графъ Киселевъ обольщалъ себя и другихъ. Ни личность, ни собственность его подданныхъ не обезпечены лучше мѣщанъ и даже крѣпостныхъ. Изъявъ ихъ изъ вѣдомства общей полиціи, м-во тѣмъ сильнѣе учредило зависимость ихъ отъ управленія, размножа сіе послѣднее до необходимости жить вымогательствомъ. Особенно порицаютъ палладіумъ сельскаго управленія—мірской сходъ; но послушайте Курскаго и другихъ управляющихъ объ этомъ мірѣ, такъ высоко цѣнимомъ Славянофилами. Цѣловальникъ платитъ старшинамъ и головамъ деньги, чтобы они почаще сбирали сходки. Это лучшій случай выручекъ. Пьянство, буйство, безчиніе—вотъ рѣшенія толпы, называемой міромъ.

Сельскаго и волостнаго начальства, при отсутствіи элементовъ общины и при несоразмѣрномъ превосходствѣ чиновниковъ надъ головами и писарями, я и понять не могу. Это нѣчто въ родѣ управителей, исполнителей—не болѣе.

Сельскихъ расправъ—по малому распространенію грамотности—я тоже не могу понять и удивляюсь, какъ умный министръ рѣшился дать этимъ учрежденіямъ такое высокое значеніе.

Объ осужденныхъ къ тяжкимъ (?) наказаніямъ графъ Киселевъ (въ 1853 г.) говоритъ: «никакая уголовная статистика въ другихъ государствахъ не можетъ представить столь утѣшительнаго факта нравственнаго состоянія народа». Надѣюсь! Здѣсь очевидно не только обманъ и самообольщеніе, но просто невѣжество. Чтò такое тяжкое наказаніе? Сколько по дѣламъ полиціи не обнаружили виновныхъ? Сколько судами не признано изобличенными? Сколько осуждено къ другимъ, вмѣсто «тяжкихъ», наказаніямъ?

Я рѣшился бы сказать, что все это вздоръ, но желаю посмотрѣть на мѣстахъ.

Къ сожалѣнію, отчетовъ Министерства Юстиціи нѣтъ, а изъ тѣхъ, которые напечатаны, и при самомъ усиленномъ и кропотливомъ трудѣ извлечь ничего нельзя. Нѣтъ. Повторяю: никакого государства тутъ я не вижу, а вижу только въ одномъ худо, и въ другомъ худо, если не хуже.

Бросаются въ глаза кудреватыя фразы; но онѣ, я въ этомъ убѣжденъ, скрываютъ плохую сущность. Впрочемъ вникнемъ, посмотримъ, изучимъ.

Вотъ что пишетъ министръ финансовъ отъ 25 Января № 427 (я описываю существо заключенія бумаги). Принимая въ соображеніе съ одной стороны, что суммы, назначенныя по штатамъ на содержаніе духовенства въ Западныхъ губерніяхъ (съ 1842), отпускаются казною своевременно, и что казнѣ предоставлено возмѣщать этотъ расходъ изъ доходовъ съ имѣній, принадлежавшихъ духовенству и изъ процентовъ съ его капиталовъ, а съ другой стороны, что въ доходахъ сихъ, равно и въ процентахъ, числится въ настоящее время значительная недоимка, а именно 1,533,147 р. 27 к. и кромѣ того, на счетъ возвышеннаго съ имѣній дохода (котораго въ существѣ нѣтъ) отпущено изъ Казначейства—387,950 р. 35 к., министръ финансовъ проситъ распорядиться о возмѣщеніи Казначейству этого долга въ количествѣ 1,921,097 р. 62 к. Вотъ отчетность наша! Если тутъ ошибка или недоразумѣніе, то и тогда фактъ замѣчательный. Бумагою отъ 18 Марта 1857 г., № 1564 министръ финансовъ обнаруживаетъ переборъ Министерствомъ Государ. Имуществъ противъ

обыкновеннаго сбора, насчитываетъ 2,173,033 р. $14^3/_4$ к. и проситъ ихъ. Д. ст. сов. Хрущовъ отмѣтилъ, что, по существу общественнаго сбора, идущаго впереди передъ всѣми, тутъ не можетъ быть никакого недобора...

Какъ все движется, тянется и рвется въ ростъ! Точно съ цѣпи сорвался окованный геній народа! Толки, шумъ, напряженное стремленіе въ литературѣ и обществѣ удивительно перегоняютъ заготовленные способы жизни. Къ сожалѣнію литература получаетъ преобладаніе и беретъ верхъ надъ дѣйствительностію. Отсюда два явленія, всегда вредныя въ государствѣ: излишняя довѣренность теоріямъ и утопіямъ, непремѣнно ослабляющая правильный ходъ управленія, осмѣиваемаго въ преувеличенныхъ очеркахъ, оригиналахъ и идеалахъ, и устрашеніе мнимыми опасностями, какъ это всегда бываетъ при избраніи неторнаго пути, окруженнаго неизвѣстностію. И довѣрчивость, и опасенія доходятъ до смѣшнаго. Не знаю, долго-ли мы, правительство, устоимъ при такомъ напорѣ. Но участіе литературы доблестно, хотя не зрѣло и обманчиво.

Все поглощено крѣпостнымъ дѣломъ. Оно не движется.

Путаница всѣхъ условій поразительна. Стѣсненія и опасенія всѣхъ высшихъ представителей, дворянства и чиновничества, повсемѣстны. Популярность Государя въ ученомъ сословіи необыкновенна, свобода предпріятій совершенная, и капиталы задвигались какъ на ярмаркѣ. И надобно сказать, всѣ принятыя мѣры чрезвычайно либеральны. Въ существѣ стыдно было бы спорить и порицать ихъ.

Весьма смутное распространеніе цензурной свободы.

Манифестъ 26 Августа 1856 г., какого никогда не бывало.

Сокращеніе арміи.

Пониженіе банковаго процента и тарифа.

Учрежденіе обществъ пароходства и желѣзныхъ дорогъ.

Безпрестанныя помилованія и отмѣны алебардъ, шлагбаумовъ.

Всеобъемлющій вопросъ о крѣпостныхъ людяхъ.

Не менѣе важныя частныя учрежденія, военныхъ поселеній, военныхъ школъ, женскихъ гимназій, легкихъ паспортовъ и проч.

Учрежденіе Совѣта Министровъ и множества комитетовъ.

Все это прекрасно. Но все это показываетъ стремительность, добрую волю, а не глубокую обдуманность и не высокую мудрость. Все поднято, начато, пришло въ броженіе, а потомъ что̀? Петръ I началъ и поднялъ гораздо болѣе, но потомъ все исказилось или остановилось. Гораздо вѣрнѣе и человѣчески мудрѣе улучшать и усовершать, нежели создавать. Менѣе эффекту, но больше прочности; менѣе

популярности, но больше славы. Все начато еще недавна, еще горячо; но посмотрите:

1. Ослабленіе цензуры не ограждено никакими точными правилами и безпрестанно то ценсоръ, то министръ попадаетъ въ просакъ, а осмѣянный, оскорбленный помѣщикъ, чиновникъ, купецъ ропщутъ, и не безъ основанія.

Какой вопросъ выработала свободная литература? Осмѣяла управленіе, не болѣе. Вопросъ о свободной торговлѣ повторяетъ Западныхъ писателей; вопросъ объ общинномъ владѣніи дошелъ до смѣшнаго (въ Эконом. Указат.) и до утопій (въ Современникѣ). Вопросъ крѣпостной разработывается сильно, но односторонне; потому что съ другой стороны (со стороны права) и писать не позволено.

Что касается науки, то она совсѣмъ поглощена дѣйствительностію, и развѣ переживутъ летучіе годы хроника Аксакова и хроника Устрялова. Повѣсти П. Писемскаго тѣ же памфлеты, г. Тургенева—выраженіе теоріи. Есть въ пріемахъ писателей и смѣлость, и разгульная широта взгляда; но нѣтъ ни труда добросовѣстнаго, ни геніальности безсознательной. Скоро, но не здорово.

А эта разнузданная молодежь? Въ какомъ университетѣ не было исторій? Чѣмъ кончились эти исторіи? Какія улучшенія сдѣланы въ преподаваніи? Бѣдность его доходитъ до наготы. Ничтожная статья Бема въ Морск. Сборн. производитъ шумъ. Журналовъ масса. На всѣхъ перекресткахъ проспекта продаются листки. Весельчакъ, Смѣхъ, Потѣха, Шутъ Гороховый, Рододендронъ, Говорунъ и проч. и проч. Но прочтите и найдите тутъ смыслъ.

Успѣхи государственные и особенно просвѣщенія всходятъ въ тиши и требуютъ времени.

2. Общества пароходства обѣщали горы. Умный Новосильскій дѣло понимаетъ; но знаете-ли что̀ оно получило? Помильныя (казенныя) деньги; изъ 100 т. миль. р. оно сдѣлало лишь 83 т. помильныхъ. А посмотрѣть поближе, то найдете и другое.

Общество желѣзныхъ дорогъ въ Ноябрѣ 1857 г. собрало 9 мил. платя за нихъ 5%, изъ чего и зачѣмъ? Дорога въ Псковъ не кончена; другія линіи не начаты, а оно думаетъ выпустить облигаціи. Скоро установится различіе акцій старыхъ и новыхъ.

Новыхъ обществъ образовалось множество, но эта лихорадка пройдетъ. Обиліе представительныхъ знаковъ возвысило цѣнности, всѣ отъ парчи до сухаря, и эти мнимые капиталы помѣщаются въ мнимыхъ предпріятіяхъ.

Удивительно, какъ при тарифѣ 1857 г., при всѣхъ льготахъ и свободахъ, цѣны на все очень высоки, переводный процентъ упалъ,

заработокъ готовъ сдѣлаться игрою. А не надобно забывать, что историческое лоно не возмущается безнаказанно, и всѣ перевороты, поднимая слои поверхности, вызываютъ тысячи голодныхъ ртовъ.

3. Сокращеніе арміи. Пріостановленные наборы начнутся; но этого мало—начнется и пополненіе кадровъ, и статей военнаго бюджета. Теперь въ Петербургѣ видишь полки искателей мѣстъ, не увидѣть бы шайки. Ободранныхъ офицеровъ видѣли уже на Августовскихъ маневрахъ подъ Москвою. Уволенные генералы ропщутъ на пенсіи, служащіе—на ослабленіе дисциплины. Форма скоро забудется. Воинственный духъ, всегда слабый въ земледѣльческомъ государствѣ, перейдетъ въ духъ праздности. Конечно это исправимо, но зачѣмъ же вызывать исправленіе? И здѣсь, кажется, реформа начата не съ того конца. Слѣдовало уменьшить сроки.

4. Пониженіе тарифа почти отмѣнено возвышеніемъ 5% для береговыхъ построекъ и выкупа Зундскихъ пошлинъ. Въ Москвѣ $^1/_2$ рабочихъ уже распущена. Конечно они обратятся къ занятіямъ имъ болѣе соотвѣтственнымъ; но зачѣмъ же перемѣнять, чтобы опять отмѣнять, имѣя дѣло съ массами?

Пониженіе процента и учрежденіе общественныхъ банковъ не отвѣчаютъ ожиданіямъ. Капиталы лежатъ покойно; банковъ еще нѣтъ.

5. Крестьянскій вопросъ поднялъ все на ноги, все заглушилъ, затмилъ и поглотилъ собою. Многіе съ ума сошли, многіе умерли *). Нѣтъ ни палатъ, ни дома, ни хижины, гдѣ бы днемъ и ночью не думалъ, не безпокоился, ни робѣлъ большой и малый владѣлецъ. Никто не знаетъ, чѣмъ это разыграется; всякій готовъ, какъ при наводненіи и пожарѣ, понести убытки.

Надобно, чтобы въ крѣпостномъ правѣ было много несправедливаго, что подобная мѣра, принятая насильно, не возбудила ничего болѣе какъ домашній ропотъ и кой-какія отдѣльныя протестаціи, едва возвышающія голосъ, находясь между громкими рескриптами и глухимъ шумомъ народныхъ волнъ, вторимыхъ дневными листами. Чтò тутъ дѣлать? «Печатная правда» князя Серг. Павл. Голицына обращена газетою (СПб. Вѣдом. № 80) противъ самихъ владѣльцевъ. Генералъ Муравьевъ замышляетъ обязательный выкупъ мелкопомѣстныхъ: иди хоть по міру! И все это во очію совершается.

*) Разительнымъ примѣромъ служитъ Орловскій предводитель Яковлевъ, впавшій въ горячку и удавившійся 17 Мая 1858 г.

Точно дѣйствуютъ подъ исключительнымъ вліяніемъ какой-то партіи. Толки именуютъ князя А. М. Горчакова и Титова, руководимыхъ западными внушеніями, профессорами и либералами внутренними, которые имѣютъ доступъ къ великой княгинѣ Еленѣ.

Я очень далекъ отъ порицанія великой мѣры. Въ 1855 г. я представилъ министру, при соображеніяхъ объ уголовномъ судопроизводствѣ, записку о крѣпостномъ правѣ, являющемся въ судилищахъ въ самомъ отвратительномъ видѣ засѣченныхъ и повѣсившихся. Но такъ-ли начата эта мѣра? Очевидно (это видно изъ рескриптовъ 20 Ноября и 5 Декабря 1857 г), и т. д. что она начата à priori. Очевидно (и это ясно изъ публикуемыхъ нынѣ программъ точно на академическую задачу), что она обсужена ab analogia. Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ согласиться я не могу. Зачѣмъ въ рескриптахъ указаны начала положительно? Зачѣмъ назначены сроки? Зачѣмъ односторонняя гласность? Зачѣмъ мѣра нивелируетъ всѣхъ, давая одни права и дурному, и хорошему, не обусловивъ достиженія трудомъ и способностями? Зачѣмъ къ личности примѣшана земля? А главное, зачѣмъ обѣщаютъ болѣе нежели въ состояніи исполнить? Зачѣмъ требованіе пожертвованій, не совмѣстныхъ съ идеей государства, т. е. ручательствомъ свободы и вольной собственности?

Немного нужно времени, чтобы убѣдиться, что не искренно, не государственно принятая мѣра не приведетъ къ желаемому результату и въ народѣ, и въ дневныхъ листахъ произведетъ ропотъ и неудовольствіе. Шестимѣсячный срокъ недалекъ. Упадокъ земледѣлія обнаружится на второй годъ. До сихъ поръ казна и удѣлъ молчатъ. Уронили западныя губерніи, и мы ихъ кормимъ; а насъ кто будетъ? Даже при буквальномъ исполненіи ученыхъ программъ ни крестьяне, ни государство не выиграютъ. Мы еще въ томъ періодѣ народнаго возраста, когда нужна дисциплина, не та дисциплина, которой все бы палками, да съ размаху, но дисциплина стройная, для которой первая необходимость полиція и судъ: вопросы — первѣе вопросовъ крѣпостнаго и политическаго. Вопросъ объ общинѣ разрѣшенъ въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ самымъ неудовлетворительнымъ образомъ, и это пугало — зависимость отъ міра — есть лучшее обузданіе крѣпостнаго люда, который иначе 21 Ноября и 6 Декабря приступилъ бы къ вольностямъ.

6. Комитеты, эти безчисленные комитеты, доказываютъ яснѣе дня, что, возбудя великіе вопросы и обходя существующія учрежденія, мы входимъ въ новый порядокъ.

Переросли насъ событія, и мы не только не справимся съ ними, но и не направимъ ихъ. Намъ недостаетъ учрежденій, половодье не имѣетъ русла.

Крестьянскій вопросъ поглощаетъ все. Помѣщики въ такомъ паническомъ страхѣ, что на статьи Чернышевскаго (въ Современникѣ) Чичерина (въ Атенеѣ) и Самарина (въ Сельскомъ Благоустройствѣ) никто и отвѣчать не рѣшается. Положеніе владѣльцевъ ужасно между крестьянскою толпою и правительственною властію. Насильный выкупъ усадебъ, нѣчто въ родѣ безсмысленнаго порядка, есть дѣйствительно актъ самовластія, нарушающаго право собственности, и—что̀ столько же важно—обѣщающаго худшую участь земледѣлію. Надобно, чтобы въ этомъ скверномъ крестьянскомъ правѣ было очень много неправомѣрнаго, чтобы владѣльцы такъ страдательно подчинились общимъ основаніямъ рескриптовъ. Муравьевъ Нижегородскій (родоначальникъ 14 Декабря) говоритъ, немножко семинаристомъ, о возвращеніи правъ человѣчеству, рѣчь въ родѣ декламацій 1789 г. И архіерей, и предводители благодарятъ его, разсчитывая на его содѣйствіе.

Я порицаю эту мѣру за то, 1) что она внезапна, 2) за то, что она преждевременна, 3) за то, что она насильственна, 4) за то, что она нераціональна, предоставляя всѣмъ и каждому награду безъ заслуги, обязанность безъ ручательства.

Реформа начата великая; но долго, долго мы и государство будемъ ощущать гибельныя послѣдствія ея радикальности.

Вмѣсто Норова, князя Вяземскаго и Брока назначены Ковалевскій съ Мухановымъ и Княжевичъ, люди прекрасные и благородные; но какіе же это министры? Теперь то время, когда люди должны скоро потребляться и мѣняться; но изъ кого же выбирать ихъ? Графу Панину назначаютъ Замятина.

Я не знаю, куда придемъ мы. Оппозиція наша не имѣетъ никакой твердой опоры; но для меня не сомнѣнно то, что безъ кризиса и тяжкихъ превращеній мы не обойдемся. При необразованности націи мы попадемъ въ руки капиталистовъ.

Май. Что̀ дѣлаетъ нашъ Михаилъ пустословъ или пустосвятъ, непостижимо... А надобно признаться: энергіи много, доброй воли не меньше, иногда мысли свѣтлыя, иногда взглядъ живой и практичный, и всегда способности огромныя. Но...

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что реакція или началась, или не въ продолжительномъ времени начнется. Назначеніе министровъ и ихъ товарищей, увольненіе Титова, меньшая стремительность въ крестьянскомъ вопросѣ, негласное усиленіе цензуры—все это должно приготовлять насъ къ ограниченію свободы и вольностей, къ кото-

рымъ, неприготовленные, мы такъ скоро начали привыкать. Статейка въ родѣ «сошелся Русскій человѣкъ на rendes-vous» Чернышевскаго способна вызвать и не такія мѣры. Глупая уличная литература, прорвавшаяся какъ скверное болото, устрашеніе дворянства насильственнымъ выкупомъ усадебъ безъ денегъ,—все это требовало умѣренія напора и примиренія названныхъ противорѣчій. Тутъ будетъ вредъ, какъ при всякой реакціи; но тутъ будетъ и та польза, которую государство не должно терять изъ виду въ устройствѣ отношеній постепенномъ, выдержанномъ и всестороннемъ. Сегодня министръ говорилъ мнѣ (зачѣмъ ему тутъ лгать?), что Государь окончательно согласился казеннымъ крестьянамъ усадебъ не уступать, и что онъ, генералъ Муравьевъ, предполагаетъ исходатайствовать законъ объ укрѣпленіи за помѣщиками земель, купленныхъ ими у казенныхъ крестьянъ до запретительнаго указа. Это сближеніе съ дворянствомъ должно приписать вліянію партіи Орлова-Долгорукова. Партія эта съ отъѣздомъ генерала Ростовцова можетъ очень усилиться.

Сегодня я былъ въ Исакіевскомъ соборѣ, гдѣ 1000 пѣвчихъ приготовлялись ко дню освященія. Хоръ громадный, громогласный и дѣйствуетъ сильно на органъ слуха. При великолѣпіи служенія и другой публикѣ (нынѣ было тысячи три, всякой), дѣйствіе будетъ несравненно сильнѣе. Мнѣ не понравилась эта репетиція обѣдни, раствореніе и затвореніе царскихъ дверей, пѣніе «аминь». Свѣтъ изъ всего дѣлаетъ спектакль. Немногаго недоставало, чтобы былъ концертъ въ соборѣ и билеты съ платою для благотворительной цѣли. Для меня это собраніе тѣмъ замѣчательнѣе, что Кочубей и Данзасъ, строители собора, встрѣтя меня, разсыпались въ преувеличенныхъ похвалахъ прекрасной, геніальной моей запискѣ, представленной министру послѣ обозрѣнія трехъ губерній въ Августѣ 1857 года. Существо этой записки въ томъ, что наше министерство не нужно, что оно не достигаетъ и мнимыхъ цѣлей своего учрежденія, что оно даже вредно, умножая дѣлопроизводство и истощая крестьянскіе способы своими расходами и поборами, и что во всякомъ случаѣ вѣдомство это слишкомъ широко и сложно.

Крѣпостной вопросъ не сдѣлалъ ни шагу. Говоръ журналовъ и гостиныхъ только проводитъ его на улицы и въ переднія. Надобно опасаться, чтобы онъ здѣсь не рѣшился. Столоначальники обойдены, комитеты недоумѣваютъ; надобно, чтобы кто нибудь рѣшилъ. Братъ А. А. Бобарыкинъ пишетъ, что крестьяне считаютъ это насильное усвоеніе усадебъ предлогомъ увеличенія повинностей. Вообще крестьяне ничего не понимаютъ. Работы, оброкъ и домашняя послуга—вотъ что̀ слѣдовало опредѣлить: инвентари. Рескрипты присоединили къ этому

сложному вопросу обязательное усвоенiе усадебъ и неотъемлемое отдѣленiе земель въ пользованiе. Обязательность высказана безъ опредѣленiя условiй прiема и уступки, а неотъемлемость—безъ означенiя количества и свободнаго распоряженiя. Можно представить, сколько тутъ затрудненiй. Однимъ почеркомъ пера уничтожено крѣпостное право, и мѣсто его заняли толки и недоумѣнiя. Ни крестьянинъ, ни владѣлецъ не знаетъ своихъ отношенiй. Робость овладѣла обоими, и положенiе помѣщика внушаетъ невольное сочувствiе, особенно тамъ, гдѣ крѣпостное право не вызывало никакихъ жалобъ, т. е. большинства владѣльцевъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что отвратительное, во многихъ рукахъ, крѣпостное право требовало существенныхъ измѣненiй; и утвержденiе гражданскаго быта, и правильность экономическихъ отношенiй, государство и наука, и даже дѣльная литература указываютъ на уродливость этого права, поставляющаго препятствiя всѣмъ улучшенiямъ. Вчерась министръ, на замѣчанiе мое о главнѣйшихъ владѣльцахъ (казнѣ и удѣлѣ) положительно сказалъ, что «онъ ни зачто не согласится дать ни усадебъ, ни неотъемлемаго пользованiя». Но почему же обязательно это для частныхъ лицъ? Очевидно, что рескрипты 20 Ноября и 5 Декабря 1857 г. написаны подъ одностороннимъ влiянiемъ. Для сближенiя съ дворянствомъ министръ придумалъ—и заявилъ Государю—измѣнить дѣйствiе 677 и 678 ст. IX т., по примѣру Екатерины II укрѣпить навсегда неправильно купленныя помѣщиками общественныя земли и прекратить производящiяся о томъ дѣла. Положимъ; но много ли ихъ и у кого? Это экспедiентъ, и путаницы не поправить. Самые дерзкiе умы не начали бы вопроса въ такомъ видѣ. Какъ блѣдны планы и отъявленыхъ демократовъ (Голоса изъ Россiи, IV, 18.).

Проектъ новаго устава гражданскаго судопроизводства внесенъ II отдѣленiемъ Государевой канцелярiи въ Совѣтъ и разосланъ членамъ. Баронъ Корфъ представилъ записку о необходимости введенiя гласности. Графъ Блудовъ представилъ объясненiя, доказывая, что гласность преждевременна. Государь совершенно согласился и изъявилъ желанiе, чтобы вопросъ о гласности не былъ возбуждаемъ въ Совѣтѣ. Великiй Князь Константинъ потребовалъ по проекту заключенiя князя Оболенскаго, который, находясь въ Римѣ, написалъ замѣчанiя, выставлявшiя противорѣчiя проекта собственнымъ удостовѣренiямъ графовъ Блудова и Панина о состоянiи нашихъ судилищъ. Князь Оболенскiй выразилъ необходимость гласности и адвокатства и предложилъ ввести гминное судопроизводство Царства Польскаго. На эту Римскую записку, надѣлавшую (она распространена въ литографированныхъ спискахъ) много шума, помощникъ ст. секретаря Зарудный

написалъ довольно желчный отвѣтъ въ защиту проекта, и этимъ объясненіямъ, съ своими представленными Великому Князю Константину, гр. Блудовъ далъ возможную гласность. Князь Оболенскій написалъ замѣчанія на замѣчаніе, и теперь эта полемика обѣщаетъ расплодиться и ищетъ мѣста въ печати. Завтра всѣ эти господа сойдутся у меня для взаимныхъ объясненій. Это люди благонамѣренные и даровитые, особенно князь Дмитрій Оболенскій, котораго ясныя воззрѣнія и спокойствіе мысли всегда мнѣ нравились.

Я всегда считалъ желѣзныя дороги и гласность лучшими нашими надеждами. Я несовсѣмъ согласенъ на гласность въ дѣлахъ уголовныхъ, но при свободѣ цензуры я не вижу и въ этомъ прежнихъ затрудненій.

Министръ очень занятъ приготовленіями къ поѣздкѣ Государя. Онъ составляетъ для него путеводитель съ описаніями и видами по дорогѣ. Пишутъ станціи и мѣстности, фотографируютъ виды, устраиваютъ станціи, уравниваютъ пути.

Сегодня я докладывалъ дѣло о произвольныхъ дѣйствіяхъ Тамбовскаго управляющаго, д. с. с. Мейснера, который избилъ крестьянъ повѣренныхъ при полюбовныхъ разводахъ; министръ не только не согласился замѣтить это Мейснеру, но объявилъ, что приказано поступать со строптивыми какъ въ удѣльномъ вѣдомствѣ: наказывать и ссылать административно, и что объ этомъ уже писано Тамбовскому губернатору. Все это несогласно съ закономъ. Человѣкъ этотъ дышетъ произволомъ. Никогда вѣрнаго отъ него ничего не узнаешь. Страсть его—оставлять человѣка въ неизвѣстности. Опасеніе моего вліянія таково, что онъ предписалъ д-амъ не вносить дѣлъ въ Совѣтъ, не получивъ по каждому особаго о томъ приказанія. Если бы я зналъ, что при другомъ ходѣ дѣлъ было бы лучше, я рѣшился бы искать другое мѣсто и оставилъ бы этого человѣка, съ которымъ всякое соприкосновеніе есть пренепріятная обязанность.

Для наученія своего товарища, г. Зеленаго, онъ собралъ управляющихъ и составилъ семь комитетовъ; всѣ они теперь закрыты, ни одинъ не пришелъ ни къ какимъ результатамъ; пять не кончили и назначенныхъ засѣданій.

Сегодня я защищалъ ученіе о необходимости общины и о значеніи крестьянскихъ повѣренныхъ. Онъ соглашается; а въ догонку прислалъ *мнѣ же* записку: представить докладъ объ ограниченіи правъ (объ упраздненіи) повѣренныхъ.

Или я очень дуренъ, или онъ; но совмѣстность наша тягостна.

Исакій освященъ. Собраніе было огромное. Дворъ, духовенство, государство и войско, и все это посреди безчисленнаго множества

народа. День прекрасный. Зрѣлище безпримѣрное. Но самый соборъ не отвѣчаетъ ожиданіямъ. Онъ слишкомъ богатъ, а излишество во всемъ дурно; онъ вообще пестръ, въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ теменъ, видны какое-то тщеславіе, недостатокъ единства и отсутствіе особенно замѣчательнаго. Онъ похожъ на Петербургъ, на Майскій парадъ и не производитъ большаго впечатлѣнія. Священство шло въ ногу, хоры музыки и пѣвчихъ были превосходны.

Добрый нашъ знакомый, Орловскій предводитель Левъ Николаевичъ Яковлевъ, удавился. Вопросъ объ эманципаціи вскружилъ ему голову. Онъ помѣшался на мысли, что, бывъ въ Петербургѣ, дозволилъ себѣ говорить многое и что у губернатора лежитъ секретное предписаніе объ арестованіи его.

Грустно смотрѣть на послѣдствія неосновательной постановки вопроса, сдѣлавшагося пугаломъ для помѣщиковъ, загадкою для крѣпостныхъ и предметомъ декламаціи для журналистовъ.

Порицать легко; но что̀ же ты сдѣлалъ, думая сдѣлать лучше другихъ?

Въ Декабрѣ 1855 г. я представилъ объ этомъ записку, доказывая, что въ уголовномъ отношеніи крѣпостное право не можетъ быть терпимо. Въ Сентябрѣ 1857 г. я представилъ о необходимости сближенія крестьянскихъ сословій: казеннаго, удѣльнаго, обязанныхъ и помѣщичьихъ. Со времени изданія рескриптовъ я никогда не останавливался въ порицаніи избраннаго пути освобожденія крестьянъ. Хотѣли многаго, не получать и малаго. Въ настоящемъ его видѣ много канцелярской смѣлости, но мало политическаго такта, много полновластія, но мало правительственнаго умѣнья. Привыкнувъ къ произволу въ обращеніи съ бумагами, забыли, что здѣсь идетъ дѣло о живыхъ существахъ и существенныхъ интересахъ народа.

Никто не откажетъ настоящимъ годамъ царствованія въ сильномъ стремленіи къ благодѣтельнымъ цѣлямъ; но въ немъ много самообольщенія и мало постоянства, увѣренности и обдуманности. Больше шуму, нежели дѣла, и болѣе ожиданій, нежели достиженій. Каждый часъ ожидаешь реакціи, и еще бо̀льшаго недовѣрія.

Іюнь. Неповиновеніе крестьянъ на мызѣ бар. Искуля, близъ Ревеля, кончившееся открытымъ побоищемъ 40 крестьянъ и 12 солдатъ, должно причислить къ послѣдствіямъ того же крѣпостнаго вопроса, который и теперь, черезъ полгода, поглощаетъ все вниманіе и уже знаменуетъ свое движеніе шагомъ назадъ и шагомъ въ сторону. Дѣло объ усадьбахъ улаживается,вѣтеръ несетъ на сторону помѣщиковъ.

По рѣшенію генералъ-аудиторіата Московскій квартальный поручикъ коллежскій секретарь *Симоновъ* признанъ виновнымъ въ буйствѣ

противъ студентовъ Московскаго университета, въ возбужденіи къ тому нижнихъ полицейскихъ чиновъ и другихъ лицъ и сверхъ того въ подложномъ донесеніи начальству, съ покрытіемъ истинныхъ обстоятельствъ происшествія и лишенъ правъ, принадлежащихъ ему по происхожденію, съ написаніемъ въ рядовые по назначенію инспектора д-та. Квартальный надзиратель исключенъ изъ службы, частный приставъ получилъ выговоръ.

Это—извѣстная исторія Московскихъ студентовъ. Я заставилъ разсказать мнѣ это дѣло бывшему моему чиновнику Калиманову, человѣку опытному и добросовѣстному, который состоялъ при слѣдствіи депутатомъ отъ полиціи. По его словамъ дѣло ведено одностороннимъ образомъ къ обвиненію полиціи. Слѣдователь желалъ открыть предумышленный, заранѣе приготовленный сборъ полицейскихъ, которыхъ дѣйствительно участвовало въ происшествіи до 40 человѣкъ. Буйство начато студентами, которые вообще въ этомъ кварталѣ—возлѣ Козихи—буйною жизнію возстановили противъ себя и полицію, и жителей квартала. Полиція, усилясь числомъ, дозволила себѣ насилія, безчинство и произволъ, которые могутъ быть объяснены только таившимся озлобленіемъ и мщеніемъ.

Я надѣюсь прочесть самое дѣло, но и нынче не могу не сказать, что молодежь балуется, и стремленіе высшихъ и среднихъ начальниковъ къ популярности ослабляетъ власть и дисциплину. Я это вижу не только въ исторіяхъ студентовъ въ Кіевѣ, Казани и Харьковѣ, но и на моихъ племянникахъ. Это отражается и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Воспитанники Дворянскаго полка, наканунѣ выпуска, надѣли офицерскую форму и праздновали эполеты безчинствами и пьянствомъ, а на парадѣ (выпускномъ) 10 ротъ, находясь въ цѣпи передъ начальствомъ, закурили папиросы. Въ дворянскомъ полку директоръ Воронецъ, нѣчто въ родѣ фельдфебеля, портитъ юношество поблажкою болѣе другихъ директоровъ, которые вообще желаютъ быть популярными, не менѣе попечителей Ребиндера и князя Щербатова.

Я порицаю это, потому что не люблю реакцій, а начальство непремѣнно придетъ къ нему. Я порицаю это и потому, что люблю постепенность, а въ настоящихъ вольностяхъ, послѣ напряженности Николаевскаго управленія, не только нѣтъ постепенности, но нѣтъ и приготовительныхъ мѣръ переходныхъ.

Въ самомъ непродолжительномъ времени откупъ скажется больнымъ и несостоятельнымъ. Откупъ, давно порицаемый общимъ мнѣніемъ, ошельмованъ теперь и въ журналахъ и повѣстяхъ. Надобно будетъ монополіи приступить къ болѣе дерзкимъ обманамъ, а уже и прежніе оглашены и возбуждаютъ негодованіе. Казна и залогодатели,

а всего болѣе нравственность и довѣріе потерпятъ. Мошенники останутся тѣже. Выиграетъ только опытъ.

Мнѣ кажется, чувства мои несогласны съ убѣжденіями. Это состояніе непріятное, обличающее робость ума и слабость характера. Предчувствіе ли опасности, Богомъ въ насъ вложенное, или мелкость человѣка тому причиною; но я желаю быть въ ожидательномъ положеніи и соглашусь скорѣе быть стороннимъ наблюдателемъ, нежели неудачнымъ дѣятелемъ. Обольщенія минуты, непосредственный успѣхъ меня не увлекутъ. Но при этомъ страдательномъ поведеніи, если не терпитъ и не теряетъ дѣло, то не теряю ли я и мои? Чувствую я, что на мѣстѣ А. Б. В. я бы дѣйствовалъ лучше, былъ бы полезнѣе, внесъ бы другое начало; а между тѣмъ я уклоняюсь или по крайней мѣрѣ не ищу. Сколько я могу дать себѣ отчетъ, я оробѣлъ съ того времени какъ женился и потомъ какъ потерялъ Сашу. Женитьба дала мнѣ знать объ обязательности чести, независимо отъ личности и истины; смерть Саши освоила меня съ ненадежностію и непрочностію, оставляющими по себѣ равнодушіе. Печальное пріобрѣтеніе опыта, всегдашняя участь тѣснаго эгоизма.

Крѣпостной вопросъ поглощаетъ все, даже откупа, желѣзныя дороги и всѣ безчисленныя общества и компаніи. Урожай хлѣбовъ превосходный, и остается сжать и убрать, при чемъ, какъ при посѣвахъ, ожидаютъ недоразумѣній отъ распространяющихся слуховъ, недоразумѣній, уже неоднократно бывшихъ при личныхъ повинностяхъ. Въ нашихъ журналахъ статьи поумолкли, но Le Nord оборвалъ притязательнаго магистра Николая Безобразова (№№ 6 Іюня и 2 Іюля), который, не совсѣмъ ловко, но не безъ основанія, старался доказать, что крѣпостное право значитъ не крѣпостные люди, а актъ на собственность, утвержденный правительствомъ у крѣпостныхъ дѣлъ, и еще болѣе неловко прибѣгнулъ къ системѣ устрашеній. Въ Іюньской книжкѣ Русскаго Вѣстника осмѣяли Миланскаго юриста, а онъ отвѣчалъ въ Сѣверной Пчелѣ (№ 25 Іюня), и послѣ такого отвѣта, вооруженнаго грозою, что вопросъ этотъ («надъ которымъ *ломаетъ* голову вся Россія», сказано въ Вѣстникѣ) *проломитъ* голову, конечно полемика прекратится. Замѣчательно, что у насъ безъ угрозъ не обходится ни одинъ важный споръ, и одни пугаютъ начальствомъ, другіе—общественнымъ мнѣніемъ.

Грустное чувство овладѣло мною послѣ посѣщенія Кронштадта 23 Іюня. Эта пустота города и бѣдность жизни, эти суетныя названія зипуновъ и стрѣльбищъ, эти пустые разговоры моряковъ, изъ которыхъ многіе (мои чичероне, Владиміръ и Николай Симанскіе), числясь въ походѣ, праздно шатаются въ городѣ, получая столовыя деньги,

эти 100-пушечные корабли, осужденные на уничтоженіе и гніющіе въ военномъ портѣ съ грозящими именами Россіи, Петра и др., эти адмиральскіе катера, рабски предоставленные въ мое распоряженіе, эти хоры музыкантовъ, встрѣтившіе меня у воротъ и потѣшавшіе насъ за обѣдомъ—все это такъ мнѣ не понравилось, что я раскаевался въ моей поѣздкѣ, особенно осматривая дорогой корветъ «Баянъ», дѣланный въ Шербургѣ и найденный мною въ передѣлкѣ, въ черной грузкѣ, вверхъ дномъ, узенькій съ огромными орудіями.

Въ Апрѣлѣ 1841 г. графъ Киселевъ докладывалъ Государю, что по случаю съемокъ земель для переселенцевъ (которымъ въ 1840 и 1841 гг. надлежало отвести болѣе 300 т. д.) удовлетвореніе частныхъ лицъ дѣлается невозможнымъ (а неотведенныхъ земель числилось въ министерствѣ въ разныхъ губерніяхъ 752,307 дес.); и тогда послѣдовало повелѣніе (печат. указъ 10 Іюня 1841): «объявить чрезъ Комитетъ Министровъ, чтобъ за огромнымъ назначеніемъ земель въ раздачу, о сю пору еще неисполненнымъ, впредъ до разрѣшенія не представлять къ сей наградѣ ни въ какомъ вѣдомствѣ».

Раздача земель въ частное владѣніе началась у насъ весьма давно, и инаго способа воздѣлыванія пустыхъ пространствъ правительство не придумало. Это остатокъ жалованій и верстаній помѣстьями, Русскій феодализмъ, продолжавшійся до 1801 г. и превратившійся въ этомъ году въ видъ награды по чинамъ.

Способъ этотъ конечно слѣдовало бы предпочесть продажѣ, которая при Екатеринѣ, и для погашенія долговъ при Александрѣ, произвела путаницу, какъ почти всѣ общія Петербургскія мѣры, примѣняемыя къ безсчетнымъ мѣстностямъ невѣжественными исполнителями. Но продажа, вводя частный интересъ, лучше бы осуществила эту мѣру и устранила бы тѣ злоупотребленія, которыя введены при пожалованіяхъ личными вліяніями, какъ напр. кн. Куракина, обобравшаго Рязанскихъ однодворцевъ, такъ что они до сихъ поръ нищенствуютъ, и произволъ столоначальниковъ, до сихъ поръ продолжающійся. Какъ понять, чтобы изъ пожалованныхъ земель 752 т. дес. оставались неотведенными? Какое же это пожалованіе? Какая отъ этого польза частнымъ лицамъ и государству? А произошло это отъ разныхъ причинъ. Въ законѣ постановлены условія отвода (т. X. изданія 1832—572, изданія 1842—772, 775, изданія 1857) которыя едвали исполнимы, особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ лѣсистыя пространства преобладаютъ, а съ ними большія и малыя рѣки, лѣсъ хорошій, употребляемый впрочемъ на дрова, и заселенія мелкія, разсѣянныя, рѣдко прилегающія къ частнымъ дачамъ, которыхъ здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ. Въ законахъ не опредѣленъ порядокъ отвода и съ пожалованіемъ

начинаются ходатайства, происки, указанія, выборъ, отмежеванія, которымъ конца нѣтъ и, таскаясь по департаментамъ и палатамъ, владѣлецъ права кончаетъ тѣмъ, что продаетъ его скупщикамъ, какъ напр. бывшій директоръ Дубенскій, Левъ Нарышкинъ и разные другіе. Сдѣлаетъ ли для этого что-нибудь Муравьевъ — сомнѣваюсь. Ему на роду написано ничего не сдѣлать.

Іюль. Наши реформаторы какъ будто не хотятъ понять, что для преобразованій необходимы готовность, зрѣлость, воспріимчивость въ обществѣ, которыя главнѣйше условлены густотою народонаселенія, выработывающею нужды, необходимости и убѣжденія. Мы теперь въ томъ положеніи, что должны отдавать или чиновникамъ-взяточникамъ, или распорядителямъ-обманщикамъ. Самая широкая гласность не восполнитъ этихъ недостатковъ. Мерзости, видимыя въ кассахъ казначействъ и комитетовъ, въ родѣ Клевенскаго и Политковскихъ, мы видимъ и въ частныхъ обществахъ, гдѣ Пирлинги, Оводовы, Боровковы дозволяютъ себѣ не одну опрометчивость и безпечность. У насъ много говорятъ о гласности; но она очень молчалива и безъ мелкихъ губернскихъ чиновниковъ, весьма нѣмыхъ, была бы совсѣмъ нѣмая. Не пришло еще время откровеній. Оно придетъ и разразится особенно надъ нашею эпохою, когда прожектеры и реформаторы разработываютъ современныя слабости лучше консерваторовъ и гасителей прежнихъ. Разница въ томъ, что соблазнъ расширили и прикрыли фразами. Посмотрите на общество лѣсной торговли А . . . ва, почитайте разглагольствія компаніи животныхъ продуктовъ, транспортовъ, застрахованія скота, Московскаго страховаго отъ огня общества. Самое общество желѣзныхъ дорогъ—знаете ли вы его дѣйствія? Предсѣдатель совѣта Л. въ рѣчи своей не привелъ ни одной цифры, не упомянулъ ни о планѣ общемъ, ни о работахъ совершенныхъ, а между тѣмъ оно положило кое-какъ рельсы до Луги и недостатка въ капиталахъ, кажется, не было. Дѣло въ томъ, что построенія Француза не совсѣмъ по Русскимъ условіямъ, а въ Совѣтѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы понималъ и который бы занимался дѣломъ. Къ массѣ акцій они выпускаютъ массу облигацій, разсчитывая на выгоду $\frac{1}{2}\%$ и увеличивая пассивъ свой, и безъ того не очищаемый сборами.

Вопросъ о крѣпостномъ правѣ не двигается. Помѣщичья власть кончилась, ибо преждевременное обнародованіе видовъ законодательныхъ, разруша прежнія отношенія, новыхъ не установило и не установитъ. Работы полевыя идутъ, но плохо; а къ зимѣ, съ началомъ личныхъ повинностей, дѣла пойдутъ еще хуже.

Я ѣздилъ въ деревню черезъ Москву и Калугу. Мнѣ хотѣлось въ жаркое время работъ посмотрѣть на послѣдствія Петербургскихъ

рескриптовъ. Въ дворянствѣ ропотъ общій, въ крестьянахъ общее недоразумѣніе. Особенно замѣтно опасеніе въ дворовыхъ, не желающихъ ни оброка, ни пашни.

Какъ слѣдовало и полагать, помѣщичье право подкопано въ основаніи, и владѣлецъ смотритъ внизъ. Передъ нимъ волны народа, и голова кружится; онъ косится вверхъ, тамъ зыбь и пустота, да смѣлыя журнальныя рѣчи, и онъ обращается въ сторону, къ земскому суду и становому, которые внушаютъ, угрожаютъ и даже стегаютъ буйныхъ. Всего хуже дѣйствуютъ предводители дворянства. Ихъ застали рескрипты совершенно въ расплохъ, безъ точнаго понятія о мѣрахъ правительства и безъ всякой исполнительной власти. Насущное дѣло въ томъ, что крестьяне не хотятъ работать, вмѣсто 7 часовъ выйдутъ въ часъ, вмѣсто 100 человѣкъ придутъ 20; словесныя понужденія не берутъ, а обращаться со всякою малостію въ полицію отяготительно и какъ-то стыдно. Отъ этого работы идутъ вяло даже у насъ, гдѣ управленіе шурина избаловало крестьянъ хуже вольницы. У сосѣдей нашихъ, у Князева и Макарова, прибѣгали къ становому и розгамъ. У Кривцова, по случаю замѣны одной полосы земли, былъ открытый бунтъ, трое отданы въ рекруты, и одинъ, 54 лѣтъ, ссылается въ Сибирь; у Сафонова убитъ управляющій.

Слухи о Нижегородскомъ комитетѣ распространены мало, и желательно со стороны дворянства побольше податливости. Иной медвѣдь, какъ Ливенскій владѣлецъ Цуриковъ, на стѣну лѣзетъ и сложилъ по Фатежскому уѣзду такой адресъ, «подписанный 140 баранами», какъ онъ говоритъ, что сторонній свидѣтель, пожалуй, и оправдаетъ неосновательныя начинанія нашихъ реформаторовъ.

Вообще волненіе въ народѣ и въ дворянствѣ весьма сильно, и избави Боже какую-нибудь искру и хотя небольшой успѣхъ увлеченія. Грубость обоихъ сословій еще очень велика, и въ увлеченіи народа много дикости. Если къ этому прибавить ревность не впопадъ или глупую нерѣшительность начальства мѣстнаго, то въ сердцѣ самаго искренняго доброжелателя явится сожалѣніе и о томъ, что̀ сдѣлано, и о томъ, чего не сдѣлано.

Августъ. По пріѣздѣ моемъ мнѣ объявлено, что министръ финансовъ желаетъ представить меня къ наградѣ, по случаю успѣшныхъ торговъ на откупъ вина. Меня это поразило. Бывъ членомъ Комитета объ измѣненіи правилъ вольной продажи, я возражалъ бывшему министру Броку и потомъ, представя мои замѣчанія генералу Муравьеву, вовсе не разсчитывалъ на награду по той простой причинѣ, что положеніе о вольной продажѣ и всѣ работы нашего мнимаго Комитета были отвергнуты, и откупа оставлены на прежнемъ порядкѣ.

Но загадка разъясняется тѣмъ, что откупщики наддали около 40 милл. р., и новый министръ желалъ разсыпать награды направо и налѣво. У насъ это называется популярностью. Княжевичъ въ этомъ не уступитъ Муравьеву. Государь пожаловалъ: Княжевичу 100 т. р., сенаторамъ по 12 т. р.; директору Переверзеву 10 т. и 2 т. прибавочнаго жалованья, оберъ-прокурору Любощинскому 8 т. и $1^1/_2$ прибавочнаго жалованья; оберъ-секретарю 4 т. р. и т. д., мнѣ и д. ст. сов. Гамалѣю $1^1/_2$ т. р. каждому. Княжевичъ очень обязательно сказалъ мнѣ, что, увидя въ бумагахъ мое имя, онъ привязался къ нему, и рѣшили сдѣлать мнѣ пріятное. Благодарю добрѣйшаго человѣка, но желалъ бы доброту его узнать иначе. Популярность нашихъ министровъ стóитъ государству дорого. Обезпеченіе чиновниковъ—условіе важное, тутъ можно допустить даже излишество; но надобно знать границы и не дозволять себѣ наградъ безотчетныхъ.

Откупщики надѣются на развитіе массы эманципаціонными мѣрами и на огромныя работы обществъ предпріимчивости, которыхъ не сочтешь. Я не сомнѣваюсь, что они ошибутся, и отвѣтственность залогодателей уменьшитъ настоящее развитіе существенныхъ цѣнностей въ значительномъ размѣрѣ.

Недостатокъ постепенности въ поощреніи нашего экономическаго быта вообще заставляетъ опасаться весьма неотдаленныхъ невыгодныхъ послѣдствій. Огромныя требованія изъ-за границы частныхъ людей и правительства и употребленіе капиталовъ на разныя предпріятія уменьшили цѣнность нашего заграничнаго и внутренняго рубля болѣе нежели на 10%. Уже одно это обстоятельство произвело убытки покрайней мѣрѣ на 30 милл. р. въ трудѣ и привычномъ прожиткѣ. Я не говорю о той вѣтренности, вѣрѣ въ случайность и стремленіи къ матеріализму, къ золоту — auri sacra fames, animus sceleratus habendi—которыя всегда сопровождаютъ подобныя эпохи. Ихъ надобно переживать. Мелкіе люди и слабость управленія ихъ приводятъ. Но онѣ естественны, какъ противодѣйствіе, и много нужно генія и опыта, чтобы, открывая русло, не увлечь воды болѣе нужнаго. И смотря съ терпимостію, мыслитель грустно призадумается. Не робость и малодушіе, а желаніе добра должно быть основою.

Благодаря Государю, гласность начинаетъ помогать водворенію точности въ дѣлахъ и сдѣлкахъ; но тѣ очень ошибутся, которые всего ожидаютъ отъ гласности. Наша гласность во первыхъ не полна, шатка и ошибочна. Одни кричатъ: смотри, не зацѣпи; другіе думаютъ, «не раздразнить бы». И проповѣдники гласности, напр. члены главнѣйшихъ обществъ, теперь первые ропщутъ на эту гласность. Нужны огражденія прочныя, нужна настоящая отвѣтственность отъ верху до

низу, и независимость суда, безъ которой и гласность, и отвѣтственность не вытянутъ общества изъ полицейскихъ учрежденій.

Нельзя отказать въ большомъ сочувствіи словамъ молодого профессора Обручева: «Какъ мы еще далеки отъ того, чтобы понимать то дѣло, которое намъ довѣряютъ! Сколько еще намъ нужно развитія, чтобы привыкнуть видѣть въ солдатѣ или ратникѣ живаго человѣка, а не безгласное, бездушное существо, живущее только на бумагѣ, которому ни ѣсть не надо, ни спать по человѣчески, ни мыться, ни одѣваться, и которое создано или для того, чтобъ его обирали, или для того, чтобъ, ведя о немъ безпрерывную переписку, брать съ государства жалованье. Много еще нужно времени, чтобы любовь къ солдату свыше проникла во всѣ слои нашего общества и вызвала бы въ немъ заботливость и уваженіе къ той личности, которая безпрекословно, безкорыстно жертвуетъ собою для отечества».

Министръ юстиціи графъ Панинъ разрѣшился новыми штатами. Давно пора! Дурное учрежденіе правосудія какъ бы узаконялось несчастнымъ его управленіемъ и отсталыми штатами. Теперь послѣдніе улучшены, улучшится, можетъ, и второе; но дурное учрежденіе останется дурнымъ. Безъ участія общества—болѣе раціональнаго нежели нынѣшніе выборы—государство не въ состояніи судить право. Идея правды есть выраженіе народнаго сознанія. Формальности и множество инстанцій способны исказить самое добросовѣстное отправленіе правосудія. Тѣсныя рамы чиновниковъ, ограниченныя преимущественно одними воспитанниками Училища Правовѣдѣнія (дворянствомъ, по понятію гр. Панина) лишаютъ это трудное вѣдомство лучшихъ дѣятелей. Какъ все это укладывается въ головахъ нашихъ дѣятелей, понять нельзя. Общность, демократизмъ, наука, проникаютъ всѣ слои, всѣ дѣятельности, и всякое изъятіе изъ этихъ стихій непремѣнно приведетъ къ затрудненіямъ и къ невыгодѣ самыхъ учрежденій. Правовѣды молодые люди хорошіе, но имъ недостаетъ всѣмъ—науки (достаточно указать на совершенное отсутствіе ученыхъ трудовъ ихъ и на канцелярскіе сборники: Калайдовича—о слѣдствіяхъ, Стояновскаго—уголовный учебникъ, Владиславлева — гражданскія таблицы; ихъ нельзя сравнивать съ трудомъ г. Демиса, обѣщающаго юридическій словарь), и большей части — труда, любви къ судебной службѣ, а многимъ, или нѣкоторымъ—самой добросовѣстности. Чтò за Училище Правовѣдѣніе, когда есть юридическіе факультеты и какой классъ дворянства, и то какого-то дворянства, устоитъ противъ напора общества, которое, если пройдетъ еще такихъ десятокъ лѣтъ, разовьется сильно и смѣшаетъ классы, касты, какъ учрежденія несовременныя. Обновленіе дворянства у насъ въ существѣ весьма не часто. Раззоренія и раз-

вращенія его повсюдны и быстры. Какая же должна быть вода жизни изъ этого источника? Онъ не стоячій, какъ духовенство, но сточный. Графъ Панинъ, Ростовцевъ и Муравьевъ (отъ котораго очень досталось мнѣ при докладѣ проекта о почетномъ гражданствѣ) дѣлаютъ большія уступки для дворянства и большія стѣсненія для среднихъ классовъ; но я приписываю это мелкой зависти и тому ложному убѣжденію, что администрація перейдетъ въ руки демократіи. Да; но какъ же и улучшить иначе, если не предоставить ей широкій кругъ выбора? Вы затрудните условія доступа (экзамены), но не доступъ: тогда и дворянство будетъ имѣть преимущества, имѣя способы воспитанія, и среднее сословіе представитъ свои геніальныя и выдержанныя личности. Говорятъ: законъ допускаетъ; знаю я, какъ гг. Панины и Муравьевы вѣрны этому закону; а въ нашей администраціи довольно выразить главному начальнику (особенно если онъ сидитъ 20 лѣтъ) свою волю, чтобы удалить желающихъ и на самомъ дѣлѣ лишить правъ, прописанныхъ въ законѣ. Только этимъ запрудомъ объясняю я грустное явленіе—отсутствіе всякой юридической дѣятельности, представителей которой нѣтъ ни въ академіяхъ, ни въ ученыхъ комитетахъ, ни даже въ частныхъ обществахъ.

Вездѣ бродитъ огонь и истребляетъ города и села. Въ Петербургѣ рѣдкій день нѣтъ пожара; въ Пензѣ, въ Лугѣ, особенно въ Астрахани пожары приняли громадные размѣры. Въ Астрахани на Волгѣ взорвало въ это время порохъ. У насъ на пороховыхъ заводахъ, 19 Февраля, тоже взорвало сушильню 1500 пудовъ. Мы всѣ перепугались, какъ въ землетрясеніе. Не можетъ быть, чтобы во всѣхъ этихъ случайностяхъ не было доли безпечности и послабленія, довольно мягко лежащихъ при современной снисходительности. Крестьянскій вопросъ еще подъ спудомъ. Неловкое положеніе мѣстныхъ дворянъ выражается вялымъ ходомъ мѣстныхъ ярмарокъ; безденежье ихъ понижаетъ цѣны на существующіе сельскіе запасы. Теперь надобно ожидать послѣдствій неумѣреннаго кредита предпріятій и потомъ явныхъ результатовъ крѣпостной реформы, подобныхъ Галиціи и нашимъ западнымъ арендамъ.

Во главѣ у насъ стоитъ доброта, да окружаетъ ее своекорыстіе. Дайте добротѣ силу. Читая статьи Парижскаго сборника, удивляешься, какъ никому не придетъ на мысль сказать не надменное слово соціалиста, но основательный совѣтъ въ родѣ брошюръ Фиркса (Шедо-Феротти), но съ указаніемъ осязательныхъ выводовъ и съ теплымъ чувствомъ оскорбленнаго и преданнаго достоинства.

Я могу ошибаться, и болѣе нежели всякій другой; но я вѣрю въ фатализмъ или въ предопредѣленіе, т. е. въ дѣйствіе непроизвольное силъ и качествъ, во мнѣ предуставленныхъ и непроизвольно мною

выработываемыхъ. Я въ этомъ раскаюсь, можетъ быть; но я этому вѣрю. Или мы часто вѣримъ, чтобы оправдать порокъ, недостатокъ, неудачу, ошибку, какъ часто не вѣримъ, чтобы выдержать характеръ? Можетъ быть; но все это лучше вѣры въ случайность. Осмыслить фатализмъ иначе нельзя, а безъ фатализма нѣтъ никакого объясненія жизни.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю я прибытія министра Муравьева изъ поѣздки по Западному и Малороссійскому краю. Не выразится-ли бойкій порицатель какими-нибудь распоряженіями о преобразованіи управленія, послѣ безпрестанныхъ криковъ на безпорядки Киселева, послѣ продолжительныхъ объѣздовъ губерній, послѣ смѣщеній и выгоновъ и послѣ безчисленныхъ комитетовъ и коммиссій, которые пытались измѣнить то и другое, не рѣшаясь измѣнить ничего. Въ журналѣ М. Г. И. напечатаны циркуляры, но все это только о подтвержденіи старыхъ; въ газетахъ и журналахъ перепечатаны распоряженія: 1) объ измѣненіи отдачи земель по контрактамъ и 2) объ охраненіи лѣсовъ. Но первое относится къ одной дачѣ Самарской губерніи въ 3 т. десятинъ, а второе заключается въ томъ, чтобы отвѣтственность возложить на губернаторовъ, подобно тому, какъ при размежеваніи, для ускоренія дѣла, увеличено полномочіе палатъ. Какія же это преобразованія?

Къ эманципаціи крестьянъ нѣтъ и приступа. Стѣсненіе ихъ строгими мѣрами стародавняго предписанія о бездоимочномъ взысканіи денежныхъ сборовъ усилено; неурядица мірскихъ сходокъ таже; тягость сервитутъ рабочихъ и личныхъ остается въ прежнемъ видѣ. Земельные и лѣсные надѣлы неуравнительны, кадастръ снова обращенъ къ новымъ попыткамъ, школы и расправы такія же. Даже въ застрахованіи, въ рекрутской очереди и въ ссудныхъ кассахъ не сдѣлано измѣненій. Вездѣ брошены вопросы, и даются одни полуотвѣты.

Государь объѣзжаетъ Россію и говоритъ съ дворянствомъ. Нижегородцамъ и Москвичамъ онъ сдѣлалъ замѣчанія, Тверскихъ и Костромскихъ похвалилъ. Онъ положительно увѣренъ, что мѣра эта должна быть зрѣла и совершиться.

Сколько слышно, неповиновенія, даже безпокойства и бунты въ центральныхъ и восточныхъ губерніяхъ являются довольно часто. Это еще не бѣда. Бѣда въ томъ, что полевыя работы идутъ плохо, а работы комитетовъ еще плоше. Общество и журналы говорятъ о вознагражденіи, а правительство не рѣшается произнести это слово, опасаясь или не устоять, или усилить зависимость, тѣмъ болѣе тяжкую,

что патріархальныя отношенія современному взгляду даже не понятны. Ропотъ дворянства общій.

Вопросъ объ общинномъ пользованіи землею перешелъ изъ нашихъ журналовъ въ иностранные и въ Іюльской—Августовской книжкахъ Revue de deux Mondes, Воловскій помѣстилъ двѣ статьи по вопросу о крѣпостномъ правѣ. Въ первой нѣтъ ничего кромѣ сгруппированныхъ выписокъ и извлеченій, впрочемъ весьма основательно сдѣланныхъ, о нашемъ крѣпостномъ правѣ. Вторая статья трактуетъ объ общинномъ правѣ пользованія землею въ имѣніяхъ казенныхъ крестьянъ. Статьѣ этой недостаетъ цифръ, чтобы быть вполнѣ назидательною, недостаетъ разбора Галиційскихъ и нашихъ арендныхъ преобразованій, чтобы имѣть совершенную полноту, и нѣтъ, невидно изученія нашего кадастра, чтобы внушать довѣріе къ замѣчательному труду профессора. Я видѣлъ общественное пользованіе землею на самомъ дѣлѣ. Оно весьма недостаточно. Вообще a priori представить казну распорядительницей 250 мил. десятинъ земли и лѣсовъ противорѣчитъ всѣмъ основнымъ началамъ современныхъ теорій, кромѣ одной. А эта одна — соціализмъ — все болѣе и болѣе завоевываетъ пространства, заселяемыя толпами пролетаріевъ, и хвалится овладѣть будущностію. Вредное вліяніе общественнаго пользованія на земледѣліе не подлежитъ сомнѣнію. Вредное вліяніе самого общиннаго учрежденія на общественность и нравственность поселянъ также очевидно. Но это еще не доказательство. Здѣсь несомнѣнны недостатки учрежденія, исключительно направленнаго къ финансовымъ цѣлямъ, установленнаго на чиновничьемъ началѣ и дѣйствующаго въ средѣ невѣжественнаго населенія. Да; но все это недостатки времени, эпохи, мѣста. Не частная-ли собственность приводила Западъ къ конфискаціямъ и секуляризаціямъ, въ которыхъ не отрицается, но нарушается право собственности? Если есть частная, то почему не быть общественной, государственной собственности? Надобно и то сказать, что собственно общины и общинной собственности у насъ нѣтъ: ибо такъ называемое учрежденіе есть довольно шаткая административная единица, которая, съ попытками кадастра, еще болѣе шатается. Да и вообще, при обиліи нашихъ земель, собственность поземельная далеко не имѣетъ того значенія, которое дано ей нуждою сгущеннаго народонаселенія въ государствахъ западныхъ. Мы еще въ бродячемъ періодѣ милостынь, недочетовъ и неопредѣленныхъ цѣнностей, мы еще не умѣрили невыгоды нашего климата. Если до сихъ поръ мы могли сохранить общинное владѣніе, нѣтъ основанія предполагать, чтобы современная наука отказалась помочь дѣлу, и дружное содѣйствіе власти, нужды и образованности не выработало изъ этого начала полезнаго,

основательнаго учрежденія. Я здѣсь говорю противъ себя, ибо считаю частную собственность лучшимъ двигателемъ благосостоянія; но опытъ научилъ меня осторожно обращаться съ существующими учрежденіями, когда они опираются на вѣка и обнимаютъ десятки милліоновъ жителей.

Съ того времени какъ стремленіе къ уравненію съ Европою вызвало разные вопросы, молодое наше общество поставлено въ ложное положеніе. И можно сказать—въ двойное, сугубое ложное положеніе. Прежніе дѣятели, грр. Блудовъ, Панинъ, бар. Корфъ, генер. Ростовцовъ, не знаютъ куда приклонить голову и мечутся изъ стороны въ сторону. Новые дѣятели или не выросли, или не явились. Олицетворенная шаткость и путаница—министръ Муравьевъ; очевидная неприготовленность—министры Княжевичъ и Ковалевскій. Дѣло въ томъ, что возбужденные вопросы намъ не поплечу. Я пишу это по собственному опыту, пользуясь репутаціей незаслуженною и обращаясь съ вопросами высшаго управленія. Мы, люди служащіе, по откровенному выраженію Бекона—ex vinculis loquentes—и допуская реформы, смѣшиваемъ судопроизводство съ дѣлопроизводствомъ, государственную работу съ перепискою. Канцелярское сидѣнье развиваетъ лѣность, прикрываемую формальностію. Если еще Европейскій журналъ или книга помогаютъ намъ познакомиться съ воззрѣніями, учрежденіями и цѣлями, то канцелярскій опытъ никакъ не въ состояніи согласить ихъ съ данными условіями лицъ, мѣста и времени. Здѣсь или не дойдешь или перейдешь. Не говоря о великихъ вопросахъ, на дняхъ я долженъ былъ обработать рецензію устава Вольн.-Эконом. Общества. Сдѣланныя мною замѣчанія приняты Совѣтомъ министра Г. И.; но самъ я этою работою очень недоволенъ. Мнѣ казалось и кажется, что знаменитое общество это и шло, и идетъ, и пойдетъ очень дурно, и причину этого я полагаю въ назначеніи и организаціи его.

Въ 18 столѣтіи пробудился духъ общественности. Императрица льстила ему и въ 1765 г. по вызову нѣсколькихъ благодушныхъ представителей (гр. Ром. Воронцовъ, кн. Григ. Орловъ, гр. Ив. Чернышовъ, Адамъ Олсуфьевъ, бар. А. Черкасовъ, Фонъ-Польманъ, Гр. Ник. Тепловъ, Ив. Ив. Таубертъ, Клингштетъ, Нартовъ, Пекенъ, Модель, Леманъ, Фалькъ, Эклебенъ) утвердила либеральный уставъ, нѣчто въ родѣ домашнихъ собраній, въ которыхъ трактовали любители о земледѣліи, о промышленности и разныхъ предметахъ. Нѣкоторые члены по очереди составляли родъ постояннаго комитета. Дѣло шло по домашнему. Въ 1790 г. сдѣлано къ уставу дополненіе о кореспондентахъ; въ 1815 г. еще небольшія измѣненія, и уставъ 1765 г., пересмотрѣнный и утвержденный общимъ собраніемъ 24 Февраля 1770 г.,

носилъ патріархальный, домашній характеръ свой до 1824 г. когда подъ вліяніемъ Ахенскихъ реакцій адмиралъ Н. С. Мордвиновъ измѣнилъ уставъ, внеся въ него элементъ правительственный учрежденіемъ, вмѣсто очередныхъ членовъ, Совѣта. Это сильно ослабило автономію общества, и въ занятіяхъ его началась неурядица, борьба, которая при кн. Вас. Вас. Долгорукомъ доводила до жандармской канцеляріи, при А. И. Левшинѣ (Кавелинъ и Заблоцкій), въ 1856 г., грозила восхитить всѣ права членовъ, предоставя власть котеріи, въ родѣ распорядителей Географическаго Общества, и наконецъ, послѣ остракизма и проскрипцій Шустова, Боде, Куна и Шидловскаго, Бурнашова. Мочульскаго, готова была кончиться закрытіемъ и кончилась составленіемъ новаго устава, который теперь у меня въ рукахъ. Дѣло въ томъ, что общество богато (въ немъ болѣе 800 членовъ, болѣе 500 т. р. капитала), а непремѣнные секретари и другіе обработывали свои дѣла, а гг. другіе хотѣли обработывать свои.

Оспаривая разныя статьи проекта, особенно важнѣйшую—о правѣ исключенія членовъ — я долженъ сказать, что до сихъ поръ не далъ себѣ отчета ни о цѣли, которая, кромѣ наукъ и художествъ, обнимаетъ почти всѣ отрасли дѣятельности, ни объ организаціи, которая, дѣйствуя общими собраніями, близка къ анархіи.

Въ замѣчаніяхъ моихъ я старался: 1) усилить значеніе отдѣленій, 2) точнѣе опредѣлить предметы общихъ собраній, 3) всѣ дѣйствія удостовѣрить гласностію и 4) связать общество съ другими чрезъ министерство.

Какіе страшные пожары! Нынѣшнее лѣто отличалось необыкновеннымъ постояннымъ тепломъ; горѣли лѣса и земли, города и деревни, горѣло такъ много, что нельзя приписать всѣхъ несчастій одной случайности, если не приписывать красавицѣ-кометѣ (Донати), которая блистала на нашемъ горизонтѣ въ теченіе Августа и особенно Сентября, давая народу объясненіе и дороговизны, и засухъ, и пожаровъ, и всякихъ будущихъ напастей.

Октябрь. Читалъ я «Извлеченіе изъ всеподданѣйшихъ писемъ» Якова Ивановича Ростовцова, писанныхъ 29 Августа—15 Сентября изъ Вильдбада - Дрездена и напечатанныхъ «для соображеній главнаго комитета по крестьянскому дѣлу». Это набросанныя мысли безъ общихъ началъ, безъ выводовъ и, очевидно, безъ знанія дѣла крестьянскаго и самыхъ постановленій. Здѣсь тоже идеальное значеніе «міра», три инстанціи разбирательствъ и большое вѣрованіе въ формализмъ; иногда Ростовцовъ усиливаетъ власть помѣщика до баскакской. Здѣсь (стр. 20) «оскорбленіе самого помѣщика равняется оскорбленію отца», а тамъ (стр. 34) вмѣняется уѣздному начальнику въ обязанность «лю-

бовь къ крестьянамъ, но любовь отца и благодушная, и строгая». Вотъ уже два отца: очевидно, крестьянинъ незаконный.

Болѣе толку въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ. Здѣсь видны практическія свѣдѣнія, мѣстныя условія и требованія личныхъ выгодъ. Я читалъ положеніе (большинства) Нижегородское. Оно изложено довольно многословно, но очевидно съ желаніемъ рѣшить дѣло и согласить обоюдные интересы. Опредѣляется по 5 дес. на тягло и по 480 р. за десятину усадьбы; тутъ комитетъ пошелъ далѣе должнаго, опредѣляя урочное положеніе и назначая сроки даже кафтану и сарафану, безъ указанія, кто все это будетъ наблюдать. Комитетъ очевидно отступаетъ отъ рескрипта, не дозволяя пріобрѣтать усадьбы въ отдѣльную собственность и возлагая всю отвѣтственность за исправность казенныхъ податей на такъ называемый міръ. Комитетъ очевидно переступилъ предѣлы, дозволяя выкупъ усадебъ чрезъ переводъ кредитнаго долга на крестьянъ по предположенной цѣнности сихъ усадебъ. Къ сожалѣнію должно замѣтить, что во всемъ проектѣ нѣтъ, или почти нѣтъ, никакихъ прочныхъ огражденій для крестьянъ, подчиненныхъ старостѣ и міру, подчиненныхъ начальнику общества, т. е. помѣщику. Необходимо ввести безразличный элементъ—правительственный—напр. сельскаго пристава. Необходимо опредѣлить обоюдный составъ уѣзднаго присутствія, а главное необходимо разстаться съ мыслію о мірской круговой отвѣтственности и о возможности урочныхъ положеній, за неисполненіе которыхъ комитетъ грозитъ (легко сказать!) обращеніемъ на барщину. Во всемъ этомъ скоро и опрометчиво поднятомъ вопросѣ я вижу искусственность и боюсь, что у насъ явятся искусственные отпущенники и искусственная собственность.

Опять шалятъ студенты. Едва кончились исторіи въ Кіевѣ и Харьковѣ, какъ въ Казани медики просили старика Берви оставить каѳедру. Теперь почти такая же исторія въ Москвѣ, гдѣ студенты съ подобнымъ предложеніемъ адресовались къ профессору Варнеку, и по неловкости попечителя Бахметева должно было, какъ и въ Казани, назначить слѣдствіе. Въ Дерптѣ на дуэли убитъ одинъ студентъ, и на похоронахъ явился цѣлый полкъ товарищей, вопреки увѣренію данному ректору. Пепечитель Брадке проситъ увольненія. Здѣсь въ Петербургѣ тоже была дуэль у Левшина съ Родіоновымъ, секундатъ Замятнинъ.

Въ аристократическомъ конногвардейскомъ полку подрались офицеры и юнкера. Музыкантъ кн. Ю. Г. (владѣлецъ капеллы) обличенъ, чрезъ какого-то писаря, въ сообщеніяхъ съ Герценомъ и высланъ, вмѣсто Вятки, въ свою Тамбовскую деревню. А въ Вяткѣ, въ строи-

тельной коммиссіи, губернаторъ подрался съ путейскимъ офицеромъ. Хорошо! Поссорившіеся въ танцклассѣ у Марцинкевича гр. О. и кн. Д. преданы суду, военному суду, и сидятъ подъ арестомъ. Недовольныхъ Варнекомъ поѣхалъ удовольствовать министръ Ковалевскій.

Очень шумятъ въ городѣ статьи во 2-й книгѣ Октября «Русскаго Вѣстника», Громеки и Жемчужникова.

Умерла графиня Ростопчина, и еще менѣе однимъ талантомъ въ нашей литературѣ. Я мало зналъ эту даровитую женщину, пылкую и страстную, но всего болѣе суетную, тщеславную и непослѣдовательную. Недостаточный запасъ генія она старалась восполнить усиліями оригинальности, эфектами, странностію противуположностей. А геній у нея былъ. Но свѣтъ разсѣялъ его и оставилъ одинъ блескъ, лоскъ, сіяніе, дозволяя ей счастливыя начинанія, продолженіе безъ выдержки, мыслительность безъ углубленія, знаніе безъ изученія. Происходя изъ даровитаго семейства Сушковыхъ, она ребенкомъ читала, писала и сочиняла. Маленькая фея встрѣтилась съ Пушкинымъ и сдѣлалась писательницей. Успѣхи дѣтства смѣнились успѣхами богатаго замужества, и уединеніе, мыслительность и ученіе сдѣлались капризомъ, развлеченіемъ, роскошью. Уже тутъ чувствителенъ ея упадокъ. Она бросилась въ оппозицію, чтобы поддержать вниманіе, какъ потомъ отдалась преданности, когда оппозиція набрала фалангу. Послѣдняя перемѣна окончательно ее погубила, а съ разстройствомъ дѣлъ мужа капризъ, шутка, какою почти всегда была для нея поэзія, были уже недостаточны. Съ потерею положенія въ обществѣ прошелъ и капризъ. Тогда напряженныя силы измѣнили, и «У порога» имѣетъ всѣ признаки спекуляціи. Ароматомъ бала пахнутъ ея стихотворенія, и благоуханіе нѣкоторыхъ заимствовано отъ клумбъ и тропическихъ растеній оранжереи. Есть истина въ чувственныхъ изображеніяхъ, есть сила въ упрекѣ и раскаяніи; вообще много счастливыхъ выраженій и картинъ. Предметы часто изящны, много такта, языкъ хорошъ. Она не имѣла никакого вліянія на литературу и даже на свой кругъ общества.

Крестьянскій вопросъ поглощаетъ все. Правительство думаетъ о выкупѣ, предоставя крестьянамъ займы изъ особыхъ банковъ, для фондовъ которыхъ образовать особый капиталъ. Этотъ особый капиталъ генералъ Муравьевъ думаетъ образовать изъ остатковъ общественнаго сбора. Хорошъ источникъ! Отвѣчаетъ капиталъ назначенію? Но здѣсь важно то, что является мысль о выкупѣ. Если отъ выкупа массами перейдутъ къ выкупамъ личнымъ и изъ обязательнаго сдѣлаютъ выкупъ свободный, дѣло приметъ раціональный ходъ и, если крестьяне будутъ покойны, постепенный успѣхъ его будетъ упроченъ.

Но сомнительно это спокойствіе, и еще сомнительнѣе содѣйствіе такому направленію дѣла со стороны печатнаго мнѣнія.

О крестьянахъ ходятъ смутные слухи. Они, крестьяне, покойны, потому что ожидаютъ. Спокойствіе непремѣнно нарушится, какъ скоро исполненіе не будетъ отвѣчать ожиданію. И теперь уже тамъ и сямъ прорываются то неповиновеніе, то ослушаніе, то буйная дерзость. Сестра моя изъ Саратова, братъ Влад. Боборыкинъ изъ Тулы и самъ я изъ Орла можемъ это засвидѣтельствовать. Ожиданія, а съ ними нетерпѣніе и неудовольствіе, ростутъ и сбираются. Тучами стоятъ они надъ дворянствомъ, и одно дуновеніе морскаго Западнаго вѣтра можетъ вызвать грозу, ливень и наводненіе. Къ сожалѣнію должно сказать, что многіе этого желаютъ.

Печатное мнѣніе помогаетъ дѣлу много, правительству мало, дворянству—нисколько. «Журналъ Землевладѣльцевъ» не имѣетъ ни одного порядочнаго представителя; здѣсь ратуютъ односторонники, не имѣющіе за себя ни науки, ни литературы. «Сельское Благоустройство» хочетъ держать средину, но Самаринъ (Юрій) и Кошелевъ сбиваются къ оппозиціи. Всѣ прочіе журналы и газеты открыто берутъ сторону крестьянъ, интересы демократіи, и берутъ такъ храбро, можно сказать дерзко, что при бо́льшей грамотности партія эта, и нынѣ весьма сильная, могла бы образовать лигу, фронду, жакерію и проч. иностранныя пугала, которымъ Русская голова еще не придумала и названій. Послѣ «Печатной Правды» князя Голицына, ѣдущаго доселѣ на одной и готовящагося ѣхать на тройкѣ, вышло «Письмо старосты Кузьмы Ѳедоровича Пѣту́хова», писанное для простаго народа, «чтобы уразумѣли всѣ, какая для крѣпостныхъ людей перемѣна будетъ». Но еще знаменательнѣе письмо В. А. Кокорева (въ Ноябрьской книжкѣ «Русск. Вѣстн.») о томъ, чтобы выкупъ обезпечить налогомъ на вино, чтобы попивая всякій повторялъ: «что̀ въ ротъ, то спасибо». Кромѣ этой выходки, въ письмѣ видны какая-то сила, увѣренность, мощь, какія можно видѣть развѣ въ предложеніяхъ Ротшильда, Френкеля и К°, располагающихъ милліонами и сознаніемъ своего вліянія.

Само собою разумѣется, что все поглощено крестьянскимъ вопросомъ и кромѣ замѣченной лѣтомъ страдательной неисполнительности въ крестьянахъ, нынѣ я замѣтилъ стремленіе къ самостоятельному положенію въ дворовыхъ. Они обзаводятся хозяйствомъ, обращаются къ ремесламъ; даже приближенные менѣе выказываютъ безкорыстной преданности.

Крѣпостное право, можно сказать, прекратилось. Кромѣ общаго признанія всѣми помѣщиками начала̀ и факта освобожденія и кромѣ общаго ропота на продолжительность переходнаго времени, въ средѣ

владѣльцевъ, въ самомъ комитетѣ (довольно публичномъ, ибо всякій помѣщикъ имѣетъ право присутствовать), независимо отъ падкихъ, которыхъ всегда у насъ много, и упрямыхъ, которые теперь гораздо говорливѣе и смѣлѣе, есть двѣ партіи, едва ли подозрѣвающія послѣдствія своихъ убѣжденій и стремленій. Одни не хотятъ нисколько разстаться съ старымъ и сбиваются на инвентари, другіе желаютъ развязаться совершенно съ крестьянами посредствомъ выкупа и думаютъ о фермахъ.

Смѣлость, дерзость выраженій и мнѣній доказываютъ сильное раздраженіе умовъ и интересовъ, и сцены съ Кошелевымъ и кн. Черкасскимъ (въ Рязани и Тулѣ) вѣроятно повторяются вездѣ, и комитеты имѣютъ видъ и значеніе то заговорщиковъ, то отъявленныхъ либераловъ.

1859 годъ.

Боюсь я разойтись съ Валуевымъ. Въ общихъ мысляхъ, въ идеяхъ и началахъ мы съ нимъ совершенно согласны, а въ мелочахъ, въ выводахъ—нѣтъ. Увы, людей сближаютъ мелочи, привычки, капризы, даже пороки, а не идеи. Онъ внесъ правила отдачи мызныхъ и крестьянскихъ угодій въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, предполагая тоже сдѣлать и для западныхъ. Я долженъ былъ оспаривать и оспорилъ. При докладѣ министру я выразилъ мое мнѣніе еще полнѣе, и мѣра эта потерпѣла большія измѣненія. Сегодня былъ докладъ, и я предупредилъ министра, что едва ли не таже участь ожидаетъ и новый проектъ регулированія, едва опредѣленнаго въ 1854 г. Нынѣшнія правила—новое ослабленіе Русскаго вліянія на Остзейскую территорію.

Я очень люблю Валуева, но не могу для этой любви полюбить болѣзнь вѣка—систематическія преобразованія, особенно въ дѣлѣ, удобно повѣряемомъ цифрами опыта. При томъ же всѣ эти Нѣмецкія регулированія и Польскія люстраціи такъ пахнутъ средними вѣками, вотчиннымъ распорядкомъ, что въ настоящее время «улучшенія быта крестьянъ» я равнодушно почти не могъ читать предположеній, по примѣру Польскихъ и Шведскихъ королей, о свободномъ извлеченіи казною наибольшаго дохода отъ земель, принадлежащихъ ей какъ вотчиннику. Можетъ быть это разумно въ видахъ м-ра Муравьева; но для меня достаточно заподозрить служеніе подобнымъ видамъ, чтобы открыто начать борьбу, за которую конечно поплатится не другой кто, а я.

Цѣны на хлѣбъ, не смотря на прекращеніе всякаго требованія за границу, держатся и даже въ Декабрѣ повышаются. Общее опасеніе голода отъ лѣнивыхъ работъ крестьянскихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстно-

стяхъ гораздо болѣе противъ прежняго браковъ въ крестьянствѣ. Покупка и продажа населенныхъ имѣній почти пріостановилась.

По пріѣздѣ въ Петербургъ меня встрѣтили другія новости.

Приказано пріостановить разрѣшеніе новыхъ компаній и дозволять только такія, въ которыхъ министры могутъ ручаться за успѣхъ и добросовѣстность лицъ. Министры желаютъ сбросить съ себя отвѣтственность и учреждаютъ комитеты.

Министръ просвѣщенія сдалъ цензуру тріумвирату: оберъ-форшнейдеру Муханову (своему товарищу), Александру Адлербергу, царскому любимцу, и Тимашеву. Имъ предоставлено въ распоряженіе 250 т. р. для направленія литературы и устройства правительственной журналистики. Производителями дѣлъ этого комитета: Ксенофонтъ Полевой, мелкій критикъ, и генералъ Меньковъ, мелкій пересмѣшникъ. Министръ Чевкинъ учредилъ международный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ графа Нессельроде, для разрѣшенія споровъ по желѣзнымъ дорогамъ, которыя «подъ скнернымъ Французскимъ управленіемъ идутъ прескверно». Дорога въ Псковъ не открыта. Въ публикѣ ходятъ слухи о безпорядкахъ въ счетахъ; директоръ Колиньонъ просилъ министра финансовъ провѣрить счеты и книги.

Въ дѣлахъ и лицахъ видны смѣшеніе и опасеніе. Никто не прочитъ себя на мѣстѣ и никто не дорожитъ имъ. Никто не отстаиваетъ своего начàла и уступаетъ безъ боя. Либералы боятся отвѣтственности за послѣдствія; консерваторы, опасаясь нареканій, желаютъ и вызываютъ эти послѣдствія, чтобы опорочить направленіе и начать реакцію. Но реакція не возметъ своего, какъ ни сильно вліяніе Панина и Орлова.

Литература вся превратилась въ публицистику, и публицисты наши даютъ волю фантазіи и тѣмъ несбыточнымъ теоріямъ, которыя всегда всплываютъ въ незапныхъ сопряженіяхъ. Журналистика все болѣе и болѣе завоевываетъ правъ гражданства, и газеты, какъ С.-Петербургскія (академическія) Вѣдомости, могли бы соперничествовать съ лучшими органами Европейскаго печатанія.

А Европа? Въ Европѣ господствуетъ Наполеонъ. Все смотритъ на Францію, вся Франція сосредоточилась въ Парижѣ, здѣсь все въ рукахъ императора, не знающаго никакого ограниченія, кромѣ посредственныхъ исполнителей и собственной совѣсти передъ Богомъ,— совѣсти, въ существованіи которой многіе сомнѣваются, Богомъ, бытію котораго вѣкъ не вѣритъ. Франція болѣе и болѣе, съ своими Наполеонидами, принимаетъ демократо-космополитическій характеръ. Опутанная сѣтями силы и шпіонства, она въ досадѣ гложетъ собственное сердце и истощается въ усиліяхъ немощи. Народъ требуетъ panem et

circenses, генералы раболѣпствуютъ, церковь служитъ, публицистика подслуживается.

Поэтическая литература наша, какъ и экономическая и политическая, раскидывается широко и свободно. Журналистика готова спорить съ лучшею Европейскою. Но, господа, кто же приготовилъ и взростилъ эти силы? Настоящая ли эпоха? Нѣтъ. Николаевская. Дисциплинарное ея направленіе было полезно для молодыхъ органовъ. Оно было бы полезнѣе, если бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ не доходило до крайности. Возрастаніе въ настоящую эпоху — вы это увидите — будетъ хуже. Настоящая неопредѣленная, шаткая вольница приготовитъ борцовъ бойкихъ, но не сильныхъ, многихъ, но незамѣчательныхъ.

Редакторъ Польскаго Слова, Огрызко, за статью о Лелевелѣ, по жалобѣ намѣстника, кн. Мих. Дм. Горчакова, посаженъ въ крѣпость, а попечителю Д. сдѣлано замѣчаніе. Говорятъ, что литературнаго тутъ ничего нѣтъ, если вѣрить, что эта кабала Виленскихъ и Варшавскихъ журналистовъ, досадующихъ на Огрызко за уменьшеніе у нихъ подписчиковъ. Другіе говорятъ, что этой манифестаціей хотѣли дать внушеніе Польской партіи, которая очень начала̀ поднимать голову. По ложному положенію своему и по высшей западной образованности Поляки берутъ надъ нами верхъ, и если крѣпость Русскаго ума беретъ свое и наверстываетъ со временемъ, то масса всегда будетъ преимуществовать, опираясь на свой католицизмъ, на свои учрежденія и свое сосѣдство.

Странное дѣло! Грустно я замѣчаю за собою какое-то систематическое порицаніе установляющагося порядка. Старость что ли это? Нѣтъ, я не старъ. Зависть? Хотя безъ ея капли нѣтъ въ мірѣ жидкости, но я завистливымъ человѣкомъ себя не зналъ и не признаю́. Самолюбіе—да это тоже зависть, только безъ искренности. А есть что-то. Это *что-то* я не ошибусь назвать привычкою поколѣнія, которая въ Николаевскомъ государствованіи, послѣ 30лѣтняго усвоенія, готова сдѣлаться второю натурою. Осуждая Огрызко, осуждая напористую литературу, осуждая кипучее компанейство, неумолчные толки о преобразованіяхъ, я, ка̀жется, мало обращаю вниманія на ѐстественность такого порывистаго явленія послѣ продолжительнаго принужденія. О, нѣтъ! Я это сознаю́. Я сторонникъ сакраментальной фразы: предъ закономъ всѣ равны. Мы къ этому идемъ, мы къ этому придемъ; я этому вѣрю. Но я нахожу, что мы пошли рано и придемъ, за этими полумѣрами, поздно... Особенно раздражаетъ меня мое Четверговое свиданіе съ превратнымъ моимъ министромъ. Сегодня, вѣроятно подъ вліяніемъ неудовольствія отъ учрежденія комитета Ростовцова, онъ

такъ много говорилъ противъ крестьянскаго дѣла, что я рѣшился ему сказать злую лесть: «Вѣрнѣе было бы поручить это дѣло вамъ. У васъ въ распоряженіи уже 10 милл. душъ, у васъ 200 милл. десят. земель. Вы же первые заявили Государю о капиталахъ на выкупъ». Не знаю, понялъ ли онъ меня.

А вотъ и нашъ реформаторъ, нѣкогда пылкій юноша, теперь зрѣлый министръ, генералъ Ростовцовъ съ своею редакціонною коммиссіею, въ которой присутствуютъ: гг. Жуковскій, котораго я не знаю, Соловьевъ, знатокъ кадастровыхъ операцій, провіантмейстеръ Булгаковъ, извѣстный всѣмъ своимъ опытнымъ, но слишкомъ энергичнымъ здравымъ смысломъ, оберъ-прокуроры: Любощинскій, талантливый исполнитель системы Панина, и Семеновъ, не состарившійся еще юноша; даровитый директоръ Милютинъ и, говорятъ, благонамѣренный сослуживецъ его Гирсъ; Калачовъ, ученый знатокъ нашего неизвѣстнаго древняго права, В. И. Булыгинъ, нашъ молчаливый членъ Совѣта, и Павловъ, дѣятельный членъ Московскаго комитета, Верейскій предводитель и теперь нашъ Московскій управляющій.

Какіе же элементы въ этомъ составѣ? А трудъ этихъ господъ будетъ служить основаніемъ всего законодательства новаго порядка. Все это люди умные, образованные и даже опытные, и производитель дѣлъ, переводчикъ Риттера, Семеновъ... Остается Я. И. Ростовцовъ. Выборъ хорошъ. Генералъ Ростовцовъ выдвинулъ проэктъ Кокорева—Русскій проэктъ, сплечной.

Надобно вникнуть. Нуженъ милліардъ. Выпустимъ облигаціи. Гарантируемъ 5%, прибавимъ 1% на погашеніе посредствомъ каждогоднаго тиража. Обезпечимъ недоимку 15 м. р. отъ казны, въ число которыхъ министръ финансовъ дастъ отъ откуповъ 3 м. р.; генералъ Муравьевъ—4½ м., а съ 1860 еще 1½ м.—итого 9. Недостаетъ 6 м. р.; но можно ли задуматься о такой малости, да и не слишкомъ ли широко предположена недоимка ¼ всего капитала, 60 м.? Какой же ходъ и исходъ дѣла?

Этотъ проэктъ, срубленный сплеча, давно ходилъ въ обществѣ. Но дѣло въ томъ:

1. Втиснувъ вопросъ въ тѣсныя рамы крестьянскаго выкупа, подумали-ли вы о послѣдствіи въ государственномъ хозяйствѣ, полиціи, кредитѣ? Нѣтъ, вы не подумали. Вы оставили помѣщичій элементъ въ пробѣлѣ и думаете все взвалить на правительство. Оно этого не выдержитъ, и земля тяготы не вынесетъ.

2. Положимъ, вы это рѣшили или рѣшите послѣ; но

3. Какъ вы установите оцѣнку? Безъ явнаго нарушенія добровольнаго согласія въ правѣ собственности вы оцѣнки не достигнете, какой желаете.

4. Облигацій на милліардъ; но эта бумага не потопитъ ли всѣ цѣнности? Нѣтъ, это серіи; они приносятъ проценты, даже 5%. Я этому не вѣрю, ибо бѣдность дворянства вошла въ пословицу; но что̀ же вы сдѣлаете?

5. Ручательства процентовъ, и по 5%, помѣщику мало. Онъ не удовольствуется и 7%. Ему нужно жить, и при томъ по привычкамъ не вотъ какъ скоро измѣняющимся; ему нужно заплатить обработку другой половины земли. Онъ обнищаетъ, доходность уменьшится, производительность ослабнетъ. Надобно ожидать дороговизны, можно опасаться голода. Удержатся облигаціи, возвысится нашъ биржевой рубль, не опустѣютъ наши рынки, не упадетъ дворянство. Положимъ, нѣтъ.

6. Новый гражданинъ-крестьянинъ будетъ платить 5 р. помѣщику, 1 р. погашенія, 50 к. (нѣтъ, 1 р.) управленія, 1 р. подушной, 1 р. земской и 1 р. мірской—всего до 10 р. Да откуда же онъ возметъ такую пропасть, можетъ-ли это быть? Развѣ мы не знаемъ, какъ обошлась, какъ обходится перемѣна аренды и барщины на оброкъ? Но вы, новые преобразователи, этому не вѣрите. Вы даете на недоимку 15 м. р.

7. Княжевичъ вамъ обѣщаетъ 3 м. р. (не отрѣзанные-ли отъ флота?), но отвѣчаютъ-ли откупа? Въ Январѣ они начали уже лопаться.

8. Муравьевъ вамъ обѣщаетъ 4½, да съ 1860 г. еще 1½ милліона. Въ министерствѣ денегъ много. Много-ли ихъ у крестьянъ—другой вопросъ. Управляющимъ запрещено и говорить о недоимкахъ. Генералъ Муравьевъ очень щедръ; но если онъ вамъ дастъ что̀ обѣщаетъ (я въ этомъ сомнѣваюсь), то не иначе какъ съ усиліемъ принудительныхъ, насильственныхъ мѣръ и непремѣнной путаницы счетовъ, я увѣренъ.

9. Имѣя 1% погашенія и 9 милліоновъ даровыхъ, вы думаете исполнить обязательства; но приняты ли въ соображеніе другія обязательства бюджета?

и 10. Да и во̀ время ли вы начали ваши засѣданія, не имѣя въ виду всѣхъ мѣстныхъ матеріаловъ и предосуждая вашими програмами занятія комитетовъ? Сомнѣваюсь.

Знаю я, что вы совершаете великое дѣло, но избранный путь не приведетъ васъ къ цѣли. Вы торопитесь составленіемъ программъ, не выждавъ даже мѣстныхъ комитетовъ и говоря о какихъ-то жертвахъ, на которыя никто васъ не уполномочивалъ, которыя требуются развѣ осаднымъ положеніемъ, а не благоустроеннымъ государствомъ. Думая о вѣкахъ предбудущихъ, вы забываете насущные дни и поколѣніе настоящее.

Такъ дѣйствуютъ безотвѣтные люди. Но Богъ и время спросятъ отвѣта.

Надобно поближе ознакомиться съ нашимъ счетоводствомъ и нашею отчетностію, чтобы видѣть, до какой степени велика неурядица въ финансовомъ нашемъ управленіи и какъ много неурядица эта дастъ поводовъ къ произволу и злоупотребленіямъ. Въ 1857 г. Контроль послалъ въ Пруссію, Австрію, Францію и Бельгію д. ст. сов. Татаринова, и онъ, изучивъ счетную ихъ часть, представилъ донесенія, не сдѣлавъ, къ сожалѣнію, хотя приблизительнаго примѣненія къ намъ. Теперь при Контролѣ образованъ особый комитетъ для пересмотра счетнаго устава. Но должно сказать, что у насъ достаточно взять кому нибудь какую нибудь инисіативу, чтобы возстановить другихъ и ихъ содѣйствіемъ парализировать успѣхъ дѣла. Главнѣйшими участниками здѣсь Министерства Финансовъ и Имуществъ, и мы назначили членомъ бывшаго столоначальника Артемовскаго-Гулака (изъ суднаго отдѣленія перваго департамента), которому неизвѣстна даже терминогія не только нашихъ многочисленныхъ суммъ и капиталовъ, но даже общей бухгалтеріи.

Злоупотребленія откупной системы давно уже перешли всѣ предѣлы. Наддавъ 40 м. р. на надданные прежде, откупщики бросились поднимать цѣну, разбавляютъ и обмѣриваютъ съ какимъ-то отчаяніемъ и вызвали литературу и общее противъ себя мнѣніе со всею запальчивостію молодой свободы. Дѣло дошло до того, что откупщикомъ быть стыдно. Московскіе журналы и газеты бранятъ ихъ какъ отъявленныхъ преступниковъ. На всѣхъ мѣстностяхъ (я готовъ предположить здѣсь дѣйствіе пропаганды) явились общества воздержанія, сперва въ губерніяхъ Польскихъ по благословенію Пія IX и Св. Дѣвы, потомъ (или современно) въ губерніяхъ восточныхъ и среднихъ подъ формою общественныхъ приговоровъ и молебновъ съ поднятіемъ образовъ и хоругвей. Это ополченіе. Приведетъ-ли оно къ трезвости, сомнѣваюсь; но оно приведетъ казну къ нуждѣ—это вѣрно. Есть-ли это стремленіе произвольное, сомнѣваюсь; но въ политическое значеніе этого явленія я вѣрю. Два лагеря мало-по-малу обрисовываются довольно опредѣленно. Правительство терпитъ откупъ, бюрократія его ограждаетъ, народъ отступается отъ откупа, и литература его подмываетъ.

31 Мая въ Волоколамскѣ 3 т. государственныхъ крестьянъ разбили двѣ выставки на ярмаркѣ, а еще прежде въ Пензенской и Тамбовской губерніяхъ крестьяне почти повсемѣстно разбивали и грабили шинки, требуя продажи вина по 3 р. Дѣло это слушалось въ Комитетѣ Министровъ 16 Іюня.

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ИСИДОРА КЪ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ БАРЯТИНСКОМУ.

1.

†

Ваше сіятельство милостивый государь князь Александръ Ивановичъ!

Приношу вашему сіятельству глубочайшую мою признательность за благосклонное привѣтствіе съ Монаршею милостію, выраженное въ письмѣ отъ 27 Августа. Взаимно и отъ искренняго сердца привѣтствую и васъ, милостивый государь, съ высокою милостію и лестнымъ довѣріемъ, коими Августѣйшій Монархъ почтилъ доблести и заслуги ваши, къ истинной и восторженной радости ввѣреннаго попеченію вашему края. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ прибытія вашего. Я знаю, что вы любите этотъ край и могу свидѣтельствовать, что и онъ васъ любитъ и уважаетъ. А съ этими условіями и много добраго можно сдѣлать, и пріятно дѣлать. Да поможетъ вамъ Христосъ Спаситель во всѣхъ благихъ начинаніяхъ вашихъ!

Глубоко и неизгладимо сохранится въ памяти моей благость души вашей, по которой вы сдѣлались предстателемъ за меня у Благочестивѣйшаго Государя Императора. Тѣмъ пріятнѣе для меня, что чрезъ посредство ваше я удостоился высокой милости Монаршей *).

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Исидоръ митрополитъ-экзархъ Грузіи.

Сентября 10. 1856. Тифлисъ.

---

*) Въ коронацію императора Александра II-го преосвященному Исидору былъ пожалованъ орденъ, если память не измѣняетъ мнѣ, Александра Невскаго. А. Зиссерманъ.

2.

†

Отъ всего сердца благодарю ваше сіятельство за доброе обо мнѣ слово предъ Августѣйшимъ Монархомъ, удостоившимъ меня, по ходатайству вашему, всемилостивѣйшимъ вниманіемъ и наградою [1]). Благодѣяніями своими вы сдѣлали меня неоплатнымъ должникомъ. Онѣ на всегда останутся въ памяти сердца моего. Гдѣ бы я ни былъ, молитва о здравіи вашемъ къ Господу Богу будетъ для меня самымъ пріятнымъ долгомъ.

Наконецъ я достигъ берега, послѣ продолжительнаго странствованія, до крайности мнѣ наскучившаго. Только милости Божіей обязанъ тѣмъ, что достало силъ выдержать мѣсяцъ Петербургской осени, холодной и грязной, и достигнуть Кіева не совсѣмъ больнымъ. Октября 19-го выѣхалъ изъ Петербурга, а 31-го прибылъ въ Кіевъ. Отдыха здѣсь не нашелъ. Долго меня ждали, и много наготовили мнѣ дѣла. Этого и ожидать надлежало. Кіевляне приняли меня ласково. Въ князѣ Васильчиковѣ я нашелъ очень добраго и благонамѣреннаго сановника. Слава Богу, хоть это отчасти вознаграждаетъ мнѣ лишеніе того радушія, которымъ привыкъ пользоваться у васъ.

Очень жалѣю, что не удалось видѣть графиню Ольгу Ивановну Орлову-Давыдову [2]) съ которою вы заочно меня знакомили. Въ слѣдующемъ году въ Сентябрѣ потребуютъ меня въ Синодъ на всю зиму: тогда, можетъ быть, найду ее въ столицѣ. Съ Потемкиной разъѣхался по Московской желѣзной дорогѣ.

Ноября 13. 1858. Кіевъ.

3.

†

Христосъ Воскресе!

Примите мое искреннѣйшее позравленіе съ пресвѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христа Бога нашего.

Отъ всей души молю Милосердаго Бога, да сподобитъ васъ пріобщиться спасительныхъ плодовъ Воскресенія Его, и благодатною силою Своею да укрѣпитъ силы ваши для благоденствія ввѣреннаго вамъ края.

Крайне удивляюсь, что дѣло о Кавказскомъ нашемъ обществѣ [3]) еще не приведено къ окончанію, и никакого не имѣю свѣдѣнія, по какимъ причинамъ оно замедляется. Когда былъ читанъ уставъ въ при-

---

[1]) Назначеніе митрополитомъ въ Кіевъ. А. З.

[2]) Сестра князя А. И. Барятинскаго. А. З.

[3]) Общество возстановленія православія на Кавказѣ. А. З.

сутствіи моемъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, не только никто не сдѣлалъ возраженій, но всѣ радовались благому предпріятію. Учрежденіе въ Новгородѣ миссіонерскаго института, еслибы и имѣло связь съ нашимъ Кавказскимъ уставомъ, не относится до сущности его и не можетъ замѣнить спеціальнаго приготовленія миссіонеровъ для Кавказа, имѣющаго много особенностей.

До насъ дошли частныя вѣсти, что Ведень взятъ и Шамиль раненъ. Въ каждомъ номерѣ газетъ ищу подтвержденія сего извѣстія, но еще не нашелъ, хотя, по ходу дѣлъ въ Дагестанѣ и Чечнѣ, не сомнѣваюсь въ справедливости слуховъ. Подвигъ умиротворенія Кавказа достоинъ вашей славы, и вся Россія ждетъ его отъ любимаго вождя Кавказскихъ героевъ. Да поможетъ вамъ Богъ оправдать сіи надежды!

4.

†

Съ сердечною признательностію воспоминаю объ васъ, сіятельнѣйшій князь, и о вашемъ всегда благосклонномъ ко мнѣ расположеніи. Да пребудетъ на васъ благословеніе Божіе во вся дни жизни вашей, и да поможетъ вамъ Господь Богъ сдѣлать для ввѣреннаго вамъ края столько добра, сколько его хранится въ желаніяхъ сердца вашего.

Часто мнѣ приходилось на пути бесѣдовать о васъ съ разными лицами, и эта бесѣда всегда доставляла мнѣ душевное удовольствіе, потому что вездѣ слышалъ хорошее. У всѣхъ выражается надежда, что вамъ суждено существенно преобразовать Кавказъ и умиротворить край, указавъ ему прочное основаніе благополучія.

Сентября 2-го добрался до Москвы, и здѣсь встрѣтили меня поздравленіемъ съ Монаршею милостію Государю Императору благоугодно было, 28 Августа, пожаловать мнѣ бриллiантовые знаки ордена Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго. Прибывшій въ Москву оберъ-прокуроръ графъ Толстой задержалъ меня тамъ до 17-го числа, для совѣщанія по дѣламъ духовнымъ.

Сентября 18-го прибылъ я въ Петербургъ. Государь Императоръ изволилъ возвратиться изъ Варшавы 22-го, и по докладѣ обо мнѣ написалъ, что приметъ меня въ Царскомъ Селѣ 28-го послѣ обѣдни.

Пріемъ былъ такъ милостивъ, что можно было забыть, что я явился къ Великому Монарху. Едва отворились двери кабинета, Государь, идя ко мнѣ на встрѣчу, громко сказалъ: «Восемь лѣтъ мы не видались съ вами. Очень радъ, что вижу васъ. Благополучно-ли совершили путь? Прошу садиться», и самъ изволилъ сѣсть къ бюро.

---

*) Это письмо безъ числа и года; но, очевидно, писано въ Апрѣлѣ 1859 года, такъ какъ Ведень былъ взятъ 1 Апрѣля 1859 г. А. З.

Я поднесъ ему икону Спасителя, которую онъ поцѣловалъ и поставилъ на столъ. Свѣтлое, веселое и здоровое лицо его (неправду говорили о болѣзненной блѣдности его) внушало радость и спокойствіе. Разговоръ начался такъ: «Намѣстникъ совѣтовался съ вами по дѣламъ духовнымъ на Кавказѣ?—«Я имѣлъ честь пользоваться его довѣріемъ и вниманіемъ; по его желанію, я остался лишній мѣсяцъ въ Грузіи, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и экзархомъ обсудить уставъ предполагаемаго общества для возстановленія Православія на Кавказѣ, и чтобы ознакомить экзарха съ обстоятельствами ввѣренной ему епархіи». — «Вы передали экзарху нужныя ему свѣдѣнія?»—«Передалъ все, что́ находилъ полезнымъ для успѣха въ дѣлахъ его».—«Какъ теперь идетъ дѣло о распространеніи Христіанства? Есть-ли успѣхъ?»—«Въ настоящемъ году въ Дигоріи обратилось къ Христіанству до 1000 душъ, частію изъ совратившихся прежде въ Магометанство, частію новыхъ, изъ магометанъ и язычниковъ, 1199 душъ Ингилойцевъ въ Джарабѣлоканской области». При этомъ Государь любопытствовалъ подробнѣе узнать племя Ингилойцевъ [1]), которыхъ я одобрялъ болѣе другихъ горцевъ и на которыхъ ваше сіятельство обратили особенное вниманіе. «А Осетины въ какомъ положеніи?» — «Въ центрѣ Осетіи и въ мѣстахъ ближайшихъ къ Имеретіи и Грузіи есть приходы очень хорошіе; но тѣ, которые расположены близъ театра войны, еще слабы: потому что военныя обстоятельства не позволяютъ употреблять усиленныхъ мѣръ къ нравственному ихъ образованію. Впрочемъ, при энергіи и тепломъ сочувствіи нынѣшняго намѣстника Вашего Величества къ дѣлу распространенія Христіанства, можно надѣяться, что не будетъ упущено ничего, что̀ можетъ способствовать успѣху этого дѣла. Предположенное общество подаетъ много надеждъ основательныхъ».—«Присланныя съ вами бумаги конечно будутъ мнѣ представлены чрезъ Кавказскій Комитетъ?»—«Мнѣ поручено было передать ихъ князю Орлову, который и доложитъ ихъ Вашему Величеству».—«Каковъ успѣхъ на берегу Чернаго моря, гдѣ Пицунда?»—«По числу, въ Абхазіи христіанъ довольно много; но они еще не сроднились съ духомъ Христіанства, потому что на ихъ языкѣ еще нѣтъ никакихъ книгъ, и трудно пріискать миссіонеровъ, знающихъ даже разговорный языкъ Абхазцевъ».—«На Линіи [2]) у насъ много раскольниковъ. Очень упрямы, хотя слу-

[1]) Ингилойцы—древніе Грузины, обращенные въ Мусульманство и отъ Арабскаго слова Енги (новый) получившіе названіе Енгилоу; мы же называли ихъ Ингилойцами. Они жили во владѣніи Елисуйскаго султана, за Алазанью, на границѣ Нухинскаго уѣзда, усердно занимаясь хлѣбопашествомъ и шелководствомъ. А. З.

[2]) Такъ все по привычкѣ называли станицы Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, впослѣдствіи раздѣленнаго на Терское и Кубанское. Между старыми казаками на Терекѣ и

жать хорошо. Имъ хочется имѣть священниковъ ни отъ кого не зависящихъ. Разумѣется мы сдѣлать этого не можемъ: это противно духу нашей Церкви. У меня здѣсь есть одинъ раскольникъ [1]), который готовъ исправлять всѣ требы только у бѣглаго попа. Чтожъ это за присоединеніе!»

Послѣ того Государь долго изволилъ говорить о необходимости строго избирать людей, способныхъ для священническихъ должностей, приготовлять достойныхъ въ семинаріяхъ и позаботиться о Кіевской Лаврѣ, такъ какъ покойный митрополитъ, по старости, не могъ за всѣмъ усмотрѣть. — «Скоро-ли вы думаете отправиться въ Кіевъ?»— «Какъ скоро получу соизволеніе Вашего Величества».—«Съ моей стороны нѣтъ препятствій. Это зависитъ отъ вашей воли».—Потомъ всталъ, поклонился и сказалъ: «Благодарю васъ за всю прежнюю вашу службу; надѣюсь, что она будетъ также продолжаться и на новомъ мѣстѣ». Аудіенція кончилась, и я вышелъ преисполненный радости, что удостоился видѣть эту воплощенную благость и кроткое величіе нашего несравненнаго Монарха.

Государыня Императрица, еще до дня представленія моего, объявила, что желаетъ видѣть меня; но въ день крещенія Великаго Князя Константина Константиновича простудилась и заболѣла зубною болѣзнію; потому 28 Сентября не могла принять меня. Вчера графъ Толстой былъ въ Царскомъ Селѣ, чтобы узнать, могу ли я отправляться въ путь, и привезъ отвѣтъ, что Ея Величество очень желаетъ видѣть меня, но за болѣзнію не можетъ назначить день и проситъ помедлить нѣсколько времени, надѣясь, что это продлится не болѣе пяти или шести дней. Въ этотъ промежутокъ времени надѣюсь представиться Великому Князю Константину Николаевичу, который намѣренъ съ семействомъ отправиться на цѣлый годъ въ морское путешествіе въ Средиземное море.

При передачѣ извѣстныхъ бумагъ [2]) князю Орлову, я многое объяснилъ ему и успѣлъ довести его до совершеннаго убѣжденія, что установленіе особаго знака для общества есть необходимое условіе для успѣха дѣла и что никакъ не должно допускать двойственнаго

Кубани много старообрядцевъ. Въ этомъ отношеніи едва-ли и въ настоящее время много измѣнилось... А. З.

[1]) Тутъ очевидно Государь говорилъ о находившемся при Дворѣ безсмѣнно конвойномъ урядникѣ станицы Прочно-Окопской, Курумовѣ; его всѣ любили, привыкли постоянно его видѣть, и Государь въ путешествіяхъ всегда бралъ его съ собою. Не взирая на долгое пребываніе въ Петербургѣ, онъ остался въ своей вѣрѣ и возвратился на родину щедро награжденный. А. З.

[2]) По дѣлу образованія Общества для возстановленія Православія на Кавказѣ

управленія въ Петербургѣ и въ Тифлисѣ, а надобно сосредоточить оное только въ Тифлисѣ. Князь обѣщалъ свое содѣйствіе въ томъ и другомъ *).

О послѣдствіяхъ представленія Императрицѣ и Великому Князю напишу вашему сіятельству особо.

Имѣю честь поздравить ваше сіятельство съ блистательнымъ окончаніемъ военныхъ дѣлъ нынѣшняго года. Сюда уже достигъ слухъ, что вся Чечня покорилась и Шамиль бѣжалъ изъ Веденя. Слава Богу!

Октября 1-го 1858. С.-Петербургъ.

5.

†

Въ дополненіе письма моего отъ 1-го Октября, имѣю честь увѣдомить васъ, милостивый государь, что 3-го Октября я имѣлъ счастіе представляться Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу. Онъ выразилъ свое сожалѣніе, что два года собирался посѣтить Кавказъ и не могъ исполнить этого желанія по обстоятельствамъ, отъ него не зависящимъ; а я съ своей стороны объяснилъ ему, съ какимъ нетерпѣніемъ вы и весь край ожидали этого радостнаго событія. Подробно разспрашивалъ объ Абхазіи и Пицундѣ и объ успѣхахъ Христіанства въ томъ краю, какъ болѣе знакомомъ Его Высочеству. Прочіе вопросы относились до разныхъ племенъ Кавказа и ихъ нравственнаго состоянія. Великій Князь 8 Октября отправился съ эскадрою въ Киль.—Октября 9-го я представлялся Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ въ Царскомъ Селѣ. Три четверти часа она изволила бесѣдовать со мною. Какая доброта, какая любознательность, какое теплое сочувствіе къ успѣхамъ Христіанства на Кавказѣ! Она уже читала уставъ общества нашего; желаетъ, чтобы миссіонеры были приготовляемы преимущественно изъ туземцевъ, въ духѣ самоотверженія и терпѣнія. Указавъ на западныхъ миссіонеровъ, прибавила, что тамъ все это дѣлается не отъ правительства, а на счетъ частныхъ лицъ и обществъ. Я отвѣчалъ, что у насъ доселѣ не было подобнаго общества, и предположенное общество, если Богъ благословитъ успѣхомъ, можетъ послужить примѣромъ для другихъ такихъ же обществъ, и тогда при собственныхъ способахъ не будетъ

*) Оба эти пункта противорѣчили мнѣнію митрополита Филарета. (См. объ этомъ подробно въ моей біографіи фельдмаршала кн. А. И. Барятинскаго, т. III, стр. 121 и слѣд.). А. З.

нужды обременять правительство. Императрица замѣтила, что слишкомъ крупные назначены взносы, и трудно надѣяться, чтобы много нашлось готовыхъ вносить не только по 1000 р., но и по 500 р. «Потому-то», сказалъ я, «князь-намѣстникъ и находитъ необходимо-нужнымъ установить для общества особый знакъ, въ надеждѣ, что если мало найдется готовыхъ къ безкорыстной жертвѣ, то по крайней мѣрѣ желаніе пріобрѣсти знакъ побудитъ къ щедрости, и кто поскупится на крупный взносъ, тотъ изберетъ взносъ трехъ низшихъ степеней». Затѣмъ Государыня подробно любопытствовала узнать, гдѣ Христіанство развивается успѣшнѣе, гдѣ труднѣе, какія къ этому препятствія, въ какомъ положеніи находятся миссіонеры? Наконецъ перешла къ разспросамъ о раскольническихъ сектахъ за Кавказомъ и ихъ заблужденіяхъ. Выслушавъ объясненіе, сказала: «Какъ это грустно! Намѣстникъ имѣетъ теплое усердіе къ Церкви. Мы надѣемся, что онъ много сдѣлаетъ».

Уставъ былъ передаваемъ изъ Кавказскаго Комитета на разсмотрѣніе Св. Синода, который вполнѣ одобрилъ его; но воззваніемъ не всѣ были довольны, равно и объемомъ штата канцеляріи; впрочемъ въ отзывѣ никакихъ возраженій не помѣщали. По требованію Кавказскаго Комитета, отосланъ туда магистерскій крестъ, для соображенія *).

Государь и Императрица въ Гатчинѣ, откуда возвратились въ Царское Село 16 Октября. Жду отъ Императрицы Александры Ѳеодоровны назначенія дня для представленія. Только это и задерживаетъ меня здѣсь. Погода дурная и скучная. И въ перспективѣ ничего не представляется, кромѣ Малороссійской грязи.

Какъ отрадно было прочитать о результатахъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ! Благодареніе Господу Богу, и вождю слава! Отъ всего сердца поздравляю васъ.

О Боржомѣ никто здѣсь не завелъ рѣчи со мною и подготовленный панегирикъ этому Грузинскому раю не пошелъ въ дѣло.

P. S. Вчера сдѣланъ докладъ Государю Имератору о назначеніи викаріемъ Грузинскимъ архимандрита Гавріила Кинадзе, согласно съ желаніемъ вашимъ.

Октября 13. 1858 г. С.-Петербургъ.

---

*) То есть для соображенія при составленіи рисунка кресту Св. Нины, предполагавшемуся къ пожалованію членамъ-жертвователямъ. А. З.

6.

†

Почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 9-го Октября я имѣлъ удовольствіе получить 31-го Октября въ Петербургѣ, куда вызвали меня на годъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ.

Отвѣчая вамъ на это письмо, начну съ того, что̀ ближе къ сердцу. Отъ всей души привѣтствую васъ со славою величайшаго подвига, который Господь Богъ помогъ вамъ совершить на Кавказѣ къ живѣйшей радости и добраго Царя нашего и всего царства. Поздравляю и съ монаршею милостію, взятою вами съ боя. Никогда не забуду той драгоцѣнной минуты, когда достигла до насъ вѣсть о геройскомъ подвигѣ, увѣковѣчившемъ вашу славу. Какъ электрическая искра, пробѣжала эта вѣсть по всему городу: каждый бѣжалъ къ своему ближнему, чтобы сообщить ее. Это былъ сущій праздникъ. Слава Господу Богу! Слава избраннику Его, удостоившемуся быть орудіемъ милости Его! Слава героямъ, не знающимъ никакой препоны! Не обмануло насъ предчувствіе, о которомъ я прежде писалъ вамъ, что Господь Богъ избралъ васъ орудіемъ умиротворенія Кавказа. Самое важное сдѣлано, и въ остальномъ Богъ поможетъ. Горцы праваго крыла частію покоряются, частію бѣгутъ въ Турцію; слѣдовательно, потеряна надежда противиться оружію Русскому, а потерявшіе надежду—въ половину уже побѣждены. Дай Богъ! Будемъ молиться съ упованіемъ, что у васъ не останется враговъ на Кавказѣ.

Объясню вамъ причины, почему я замедлилъ поздравить васъ съ такою блистательною побѣдою. Мнѣ велѣно было прибыть въ Петербургъ послѣ праздника Успенія Пресвятыя Богородицы. Но въ Августѣ по телеграфу сообщено было новое Высочайшее повелѣніе подождать въ Кіевѣ до пріѣзда Государя Императора, т. е. до 22 Сентября. Въ заботахъ о пріемѣ Августѣйшаго посѣтителя время уходило незамѣтно.

На 22-е Сентября около полуночи Его Величество изволилъ прибыть въ Кіевъ. Въ 11-ть часовъ утра, послѣ пріема военныхъ и гражданскихъ чиновъ, Государь Императоръ пожаловалъ въ Лавру, потомъ осматривалъ войска на площади близъ крѣпости, оттуда пожаловалъ въ Софійскій соборъ, въ Михайловскій монастырь, въ присутственныя мѣста, въ Кадетскій корпусъ, въ гимназіи, въ богоугодное заведеніе, въ Институтъ благородныхъ дѣвицъ. Съ приглашеніемъ къ обѣду мнѣ объявлено было, что Его Величество желаетъ, чтобы я прибылъ за 20 минутъ до обѣда. Государь встрѣтилъ меня въ кабинетѣ словами:

«Поздравляю васъ съ славною побѣдою на Кавказѣ. Я увѣренъ, что вамъ это очень пріятно слышать». Послѣ многихъ вопросовъ о Кіевской епархіи, Его Величество изволилъ возвратиться къ Кавказу и любопытствовать о развитіи Христіанства въ горахъ. Это дало мнѣ случай напомнить о нашемъ Крестовоздвиженскомъ обществѣ и спросить объ участи нашего устава. «Я подвину это дѣло, когда возвращусь въ Петербургъ. Меня нѣсколько удерживало предположеніе о награжденіи крестами за деньги [1])».—«Это не будетъ новость, Ваше Величество: много есть примѣровъ, что купцы за значительныя пожертвованія на дѣла общеполезныя были награждаемы даже орденами. Безъ матеріальныхъ средствъ трудно что-нибудь сдѣлать на Кавказѣ; а пріобрѣсти средства, безъ обремененія казны, нѣтъ возможности безъ какихъ либо поощреній. Намѣстникъ В. В. не сталъ бы на этомъ настаивать, если бы не былъ совершенно убѣжденъ, что предполагаемое общество не можетъ развиться и достигнуть цѣли безъ видимаго поощрительнаго знака для членовъ усердныхъ».

Послѣ сего разговора пошли въ столовую. За обѣдомъ Государь много разговаривалъ со мною, объяснялъ мнѣ положеніе Гуниба, геройскую атаку на кручь, встрѣчу съ Шамилемъ въ Чугуевѣ, гдѣ съ покойнымъ родителемъ получилъ первую непріятную вѣсть о взятіи Шамилемъ крѣпостей нашихъ [2]). Когда спросилъ (Государь) Шамиля: «Почему вы не дрались съ нами, когда у васъ было собрано такъ много людей?» Шамиль отвѣчалъ ему: «Народъ утомился и два года былъ неурожай». О Гунибѣ Шамиль прибавилъ: «Мы считали совершенно невозможнымъ напасть на насъ со стороны отвѣсной кручи и потому не укрѣпляли эту сторону. Не знаемъ, какъ взобрались ваши солдаты».— Его Величество между прочимъ сказалъ: «Я надѣюсь видѣться съ княземъ Барятинскимъ въ Николаевѣ».

Очень жаль, что болѣзнь не позволила вамъ отправиться для этого свиданія. Воображаю, какъ оно было бы пріятно и для васъ, и для Государя! Доброе сердце его, примѣтно, ждало случая лично излить признательное чувство.

Послѣ бала и ужина, Государь въ 12-ть часовъ изволилъ отпра-

---

[1]) Тоже самое озабочивало и митрополита Филарета. П. Б.

[2]) Дѣйствительно, странное совпаденіе: въ 1843 г. императоръ Николай съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ были на смотру кавалеріи въ Чугуевѣ, и здѣсь было получено донесеніе генерала Нейдгарта о печальномъ положеніи дѣлъ на Кавказѣ, гдѣ горцами были взяты 11 укрѣпленій въ Дагестанѣ (они вытѣснили насъ изъ Аваріи, при чемъ мы потеряли много людей, орудій и пр). Это былъ періодъ наибольшей славы Шамиля. Въ 1859 году, въ томъ же Чугуевѣ, императоръ Александръ II производилъ смотръ кавалеріи, и туда привезли плѣннаго Шамиля, отправленнаго княземъ Барятинскимъ послѣ взятія послѣдняго его укрѣпленнаго убѣжища, Гуниба. А. З.

виться въ Бѣлую Церковь, гдѣ Браницкіе приготовили для него охоту. Дальнѣйшій путь его вамъ извѣстенъ.

Сентября 24 я выѣхалъ изъ Кіева въ Петербургъ. Нужно было, по прибытіи, представиться Цесаревичу Наслѣднику*). Когда я поздравилъ Его Величество съ совершеннолѣтіемъ Наслѣдника, онъ отвѣчалъ: «Сынъ мой радъ будетъ познакомиться съ вами. Повидайтесъ съ нимъ». Октября 15-го назначена была аудіенція у Его Высочества. Въ тоже время и Государыня Императрица изволила объявить, что желаетъ видѣть меня. Прекрасные пріемы, веселый и радушный взглядъ, умный разговоръ Наслѣдника—все въ немъ такъ привлекательно, что нельзя не любить его. Бесѣда наша продолжалась 20 мин. Императрица изволила разговаривать со мною ровно часъ. Удивительна любознательность ея! Была рѣчь и о Кавказѣ. При этомъ я имѣлъ случай расхвалить Боржомъ во всѣхъ его отношеніяхъ. Она сказала: «Какъ бы я желала побывать тамъ! Трудно мнѣ выбраться. Впрочемъ, я не теряю надежды».

Вскорѣ послѣ того меня извѣстили, что Императрица желаетъ, чтобы я въ день Казанской Божіей Матери отслужилъ литургію въ Царско-сельскомъ заведеніи дѣвицъ духовнаго званія, куда и она пріѣдетъ. Воля ея исполнена. Она пожаловала къ самому началу литургіи. Дождалась меня послѣ обѣдни въ залѣ и лично благодарила. Въ тотъ же день Ихъ Величества отправились въ Гатчино, откуда еще не возвратились.

На пути въ Царское Село, на станціи желѣзной дороги, встрѣтился я съ В. К. Михаиломъ Николаевичемъ, который съ восторгомъ разсказывалъ мнѣ о своемъ путешествіи по Кавказу. Простившись со мною, отозвалъ князя Урусова и сказалъ: «Мнѣ хочется сблизиться съ митрополитомъ. Какъ бы это сдѣлать? Мнѣ ли къ нему поѣхать, или къ себѣ пригласить?» Разумѣется, я отвѣчалъ, что явлюсь, когда Его Высочеству угодно будетъ назначить время. Вѣроятно, объ этомъ скажутъ, когда возвратятся изъ Гатчина.

Императрица съ глубокимъ сожалѣніемъ сказывала мнѣ о постигшей васъ тяжкой болѣзни. Но я успокоилъ ее, что хотя болѣзнь мучительна, но какъ она и прежде случалась и проходила, то можно надѣяться, что, съ Божіею помощію и послѣ отдыха отъ похода, не будетъ имѣть опасныхъ послѣдствій.

По прибытіи въ Петербургъ, я тотчасъ занялся розысканіемъ, куда дѣвался уставъ нашего Кавказскаго общества и какая судьба его. Синодъ оказался правъ, ибо отослалъ уставъ еще въ Октябрѣ

---

*) Въ Бозѣ почившему Николаю Александровичу. А. З.

прошедшаго года въ Кавказскій Комитетъ, гдѣ онъ и досслѣ почиваетъ. Поищу случая видѣться съ княземъ Орловымъ и передамъ ему желаніе Государя, чтобы дѣло было подвинуто.

Сестрица ваша Ольга Ивановна возвратилась въ Петербургъ, но я еще не видался съ нею. Сегодня Петербургскій митрополитъ, по ея приглашенію, служилъ въ устроенномъ ею заведеніи сестеръ милосердія.

Съ самаго пріѣзда нашего въ Петербургъ такая страшная здѣсь погода, что невольно вспомнить можно о Закавказьѣ, гдѣ Сентябрь и Октябрь глядѣли не Сентябремъ.

Отъ души и сердца желаю и молю Господа Бога, да укрѣпитъ здоровье ваше и благословитъ труды ваши вожделѣннымъ успѣхомъ. Въ надеждѣ продолженія вашего ко мнѣ благорасположенія, съ искреннимъ уваженіемъ и пр.

Ноября 3. 1859. С.-Петербургъ.

7.

†

Не смѣю лично безпокоить васъ въ болѣзненномъ вашемъ положеніи, тѣмъ болѣе, что приготовленіе къ пути и неизбѣжный пріемъ многихъ столичныхъ посѣтителей доставятъ вамъ и безъ меня много безпокойствъ. Лишая себя удовольствія еще разъ видѣться и бесѣдовать съ вами, замѣню это сердечною моею молитвою, чтобы Господь Богъ сохранилъ васъ въ пути и послалъ милость Свою возстановленіемъ здоровья вашего, столь драгоцѣннаго и нужнаго и для ввѣреннаго вамъ края, и для всего отечества нашего, соединяющаго съименемъ вашимъ такъ много надеждъ.

Въ знакъ душевнаго моего къ вамъ расположенія и всегдашней преданности, посылаю вамъ икону Христа Спасителя нашего. Да пребудетъ Его благословеніе надъ вами во вся дни жизни вашей и да поможетъ вамъ благоуспѣшно севершить всѣ благія начинанія ваши, во славу всесвятаго имени Его и въ утѣшеніе благосердому Царю нашему.

Простите, дражайшій князь!

Февраля 1. 1860.

8.

†

То, что̀ вы изволили мнѣ говорить предъ отъѣздомъ моимъ съ Кавказа, сбылось: я попалъ въ Петербургскую сферу, гдѣ еще чаще буду вспоминать благословенный край Закавказскій. Съ горемъ оставилъ Кіевъ, гдѣ и для духа много пищи, и природа глядитъ веселѣе. Но

увольненіи изъ Петербурга, только мѣсяцъ провелъ тамъ, и опять потребовали въ Сѣверную Пальмиру, которая вѣчно хмурится и на другихъ наводитъ тоску. А дѣлать нечего: надобно покориться волѣ Божіей.

Августа 29-го я имѣлъ честь представиться Государю Императору, Императрицамъ и Великимъ Князьямъ. Принятъ ими такъ милостиво, какъ я и не ожидалъ. Ея Величество Императрица Марія Александровна изволила спрашивать, имѣю-ли я свѣдѣніе, какъ идетъ дѣло о Кавказскомъ нашемъ обществѣ возстановленія Православія, и присовокупила, что она спрашивала ваше сіятельство о дѣйствіяхъ общества и о томъ, чтò оно прежде всего предполагаетъ сдѣлать, но отвѣта еще не получила. Это и побудило меня писать къ вамъ теперь. Не благоугодно-ли будетъ вамъ поспѣшить увѣдомленіемъ о предположеніяхъ вашихъ по сему предмету?

Здѣсь встревожились слухомъ, будто, по представленію вашему, Кавказскій Комитетъ разрѣшилъ всѣмъ иновѣрцамъ обращать горцевъ въ свое исповѣданіе. Я не вѣрилъ этому и разувѣрялъ другихъ, потому что находилъ это несообразнымъ съ извѣстнымъ мнѣ вашимъ образомъ мыслей. И я былъ правъ. Оказалось, что молву произвела газетная статья, гдѣ сказано: «иновѣрцы могутъ обращать невѣрующихъ не иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія. А какъ на Кавказѣ намѣстникъ представляетъ лице Государя, то тамъ это разрѣшеніе зависитъ отъ намѣстника». Не знаю, что за поводъ былъ напечатать такую статью. Можетъ быть, есть какое либо домогательство иновѣрцевъ; но я вполнѣ увѣренъ, что такіе происки ихъ у васъ не удадутся.

Призывая на васъ и дѣла ваши благословеніе Божіе, съ отличнымъ уваженіемъ и пр.

Сентября 5, 1860. С.-Петербургъ.

9.

†

Христосъ Воскресе!

Въ радостный день праздника Свѣтлаго Воскресенія Христова примите, сіятельнѣйшій князь, и мое искреннѣйшее привѣтствіе съ симъ великимъ торжествомъ земли и неба. Отъ всего сердца желаю и молю Владыку живота нашего, да обновитъ и укрѣпитъ благодатію Своею драгоцѣнное для всего отечества здравіе ваше и ниспошлетъ въ сердце ваше миръ и радость, которой, по слову Его, никто и ничто ни ограничить, ни отнять не можетъ.

Мнѣ весьма пріятно было получить отъ графини Ольги Ивановой подробныя свѣдѣнія о вашей семейной жизни. Но доселѣ крайне

жалѣю о томъ, что лишился удовольствія видѣться съ вашимъ сіятельствомъ во время пребыванія вашего въ Царскомъ Селѣ. Присутствіе тамъ Императорскаго двора не позволяло прибыть туда, чтобы представиться вамъ. Надежда, основанная на случаѣ, что вы изволите посѣтить столицу, не оправдалась. А когда обязанность потребовала, чтобы я прибылъ въ Царское Село по случаю крещенія Великаго Князя, я такъ сильно заболѣлъ, что долженъ былъ поневолѣ остаться дома. Семь лѣтъ для меня и въ здѣшнемъ несносномъ климатѣ были сносны; но въ послѣдніе два года здоровье мое сильно разстроилось, и медицинскія пособія мало приносятъ пользы. При настоящей обстановкѣ и хлопотливой, даже и для здороваго, жизни, какое можетъ быть лѣченіе? Остается утѣшать себя воспоминаніемъ добраго былаго, и часто, часто воспоминаю его. Чтобы цѣнить Кавказъ, надобно посмотрѣть на него изъ Петербурга; впрочемъ со всякимъ положеніемъ миритъ вѣра, что Богъ устрояетъ пути наши и ведетъ не какъ намъ желалось бы, а какъ угодно святой Его волѣ. И такъ надобно быть довольнымъ тѣмъ, что̀ есть.

Тревожное застигло насъ время. Духъ реѳормы такъ охватилъ всѣхъ, что и въ мирной области Церкви многое измѣнилось, многое подготовляется, и не видно, когда и на чемъ остановится стремленіе къ реѳормамъ. И все это требуетъ и хлопотъ, и заботъ,—все для будущаго; а будущее скажетъ-ли намъ спасибо, этого намъ не придется услышать. Простите, что дошелъ до такой скучной матеріи. Ваше благосклонное расположеніе пріучило меня къ откровенности А у кого что́ на душѣ, о томъ и говорится.

Порадовался я и тому, что вы устроили для себя домовую церковь, которая придаетъ празднику больше радости и торжественности, и тому, что предполагаете пріобрѣсти имѣніе въ Подольской губерніи—Русской Италіи: это и въ политическомъ отношеніи было бы весьма важно. Да поможетъ вамъ Богъ! Тамошняя Русь найдетъ подъ сѣнію вашею надежное успокоеніе.

Покорнѣйше прошу передать княгинѣ Елисаветѣ Дмитріевнѣ мое нижайшее почтеніе и искреннее поздравленіе съ праздникомъ.

Призывая на васъ милость и благословеніе Господа Бога и Спасителя нашего, съ отличнымъ уваженіемъ и пр.

10.

†

Отъ всей души благодарю ваше сіятельство за пріятное гостепріимство и за ту благосклонную и всегда для меня отрадную бесѣду, въ которой я привыкъ находить истинное утѣшеніе. Очень радъ буду,

ежели вчерашнее путешестіе наше по Царско-Сельскому лабиринту, при сырой погодѣ, не имѣло вредныхъ для вашего здоровья послѣдствій. Княгиня Елисавета Дмитріевна желала имѣть переводъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта съ Еврейскаго на Русскій языкъ и Евангеліе въ маломъ форматѣ. За особенное удовольстіе считаю удовлетворить ея желаніе и посылаю при семъ три тома Ветхо-завѣтныхъ книгъ и особо Псалтирь и Евангеліе, и кромѣ того Новый Завѣтъ и Псалтирь на Русскомъ языкѣ для княжны Тебро Орбеліани.

Іюня 8. 1873.

*

Скончавшійся въ прошломъ году митрополитъ Петербургскій и Новгородскій Исидоръ долгое время былъ экзархомъ Грузіи. Отличаясь спокойнымъ, ровнымъ характеромъ и привѣтливостью, владыка всегда былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ и съ высшими мѣстными властями, и съ туземнымъ духовенствомъ, и вообще со всей своей обширной, разноплеменной паствой.

Съ княземъ А. И. Барятинскимъ высоко-преосвященный познакомился съ 1850 года, когда князь пріѣзжалъ на Кавказъ съ покойнымъ Государемъ, тогда еще Наслѣдникомъ престола; за тѣмъ сблизился съ нимъ въ бытность князя начальникомъ главнаго штаба Кавказской арміи въ 1853—55 гг.; наконецъ, съ 1856 г. отношенія ихъ получили большую значительность, когда князь Барятинскій возвратился въ край намѣстникомъ, обратилъ вниманіе на положеніе церковныхъ дѣлъ въ горскихъ племенахъ, утратившихъ вѣру предковъ, и сталъ настойчиво приводить въ осуществленіе мысль свою объ образованіи „Общества возстановленія Православія на Кавказѣ".

Въ концѣ сороковыхъ и въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ я нѣсколько разъ представлялся въ Тифлисѣ почившему митрополиту по дѣламъ постройки церквей и поддержанія Христіанства среди полуязыческихъ племенъ Хевсуръ, Пшавовъ, Осетинъ. Я находилъ всегда ласковый пріемъ и вниманіе къ моимъ заявленіямъ и ходатайствамъ за бѣдныхъ священниковъ, заброшенныхъ въ горныя трущобы, среди невѣжественныхъ дикарей, терпѣвшихъ большія лишенія, иногда просто голодавшихъ...

Напечатанныя выше письма выясняютъ отношенія высокопреосвященнаго Исидора къ князю Барятинскому, благодаря которому іерархъ сталъ близко извѣстенъ покойному Государю, императрицѣ Маріи Александровнѣ и другимъ членамъ царской семьи. Письма эти *) будутъ не лишнимъ матеріаломъ, когда зайдетъ рѣчь о дѣятельности первенствовавшаго члена Правительствующаго Синода, въ теченіи четверти вѣка, столь обильнаго реформами и разнородными мѣропріятіями въ области Православной церкви не только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ Востока.

А. Зиссерманъ.

Мартъ 1893.

*) Винимся въ несоблюденіи хронологическаго порядка при напечатаніи писемъ: на стр. 401-й письмо безъ означенія мѣста и времени слѣдовало помѣстить ниже. П. Б.

ИЗЪ БУМАГЪ О. М. БОДЯНСКАГО.

Два частныхъ Польскихъ письма во время возсоединенія Малороссіи.

(1654).

Оба письма переведены съ Польскихъ подлинниковъ, и переводъ поправленъ О. М. Бодянскимъ, бумаги котораго пріобрѣтены нами въ 1891 году отъ наслѣдниковъ А. А. Гатцука. Отъ кого именно получилъ Бодянскій эти любопытныя историческія показанія, намъ неизвѣстно. Польскіе подлинники также сохранились въ спискѣ. *А. Титовъ.*

1.

Копія письма его милости отца протопопа Чернобыльскаго *)

Милостивый панъ подстароста, мой милостивѣйшій панъ и пріятель! Добраго здоровья желаю вашей милости пану, какъ самому себѣ. Едва-ли уже не въ послѣдній разъ пишу къ вашимъ милостямъ, моимъ милостивымъ панамъ, желая вамъ добраго здоровья, и васъ самихъ конечно вижу въ послѣдній разъ. Я молилъ слезно Господа, чтобы дѣла шли хорошо; но, какъ я вижу, они идутъ худо: потому что Хмѣльницкій выдалъ всѣхъ насъ въ неволю Московскому царю, по Владиміръ, Туровъ, и еще далѣе. Самъ присягнулъ съ войскомъ своимъ и городъ Кіевъ насильно принудилъ присягнуть, угрожая смертною казнію. Не знаю, что́ будетъ съ Чернобылемъ. Вѣрно тоже самое будетъ: принуждены будемъ тоже сдѣлать.

Я самъ несчастными своими очами видѣлъ, какъ Москвитяне въѣзжали въ Кіевъ. Отъ царя были, съ возможнымъ великолѣпіемъ, слѣдующія лица: старшій изъ нихъ былъ Василій Васильевичъ Бутур-

*) Чернобыль—мѣстечко Кіевской губерніи, Радомысльскаго уѣзда, нынѣ принадлежащее графамъ Паленамъ. П. Б.

линъ, ближній бояринъ царскаго величества, намѣстникъ Тверской, другой—окольничій и намѣстникъ Муромскій, Иванъ Васильевичъ Алферьевъ, третій—думный дьякъ Ларіонъ Лопухинъ, четвертый—стольникъ царскій, а съ ними были тысяча Московскихъ всадниковъ и два полка казаковъ. Передъ хоругвями ихъ ведены были девять Турецкихъ лошадей, великолѣпно одѣтыхъ попонами; потомъ несены были знамена очень хорошія: одно красное, а другое пурпуровое; на одномъ изображенъ левъ, на другомъ единорогъ, на третьемъ рыба морская съ дѣвичью головою въ коронѣ. Затѣмъ ведены были восемь Турецкихъ лошадей, покрытыхъ до самой земли попонами, вышитыми серебромъ. За этими конями шли сами послы, пѣшкомъ въ Золотые ворота, гдѣ встрѣтилъ ихъ отецъ митрополитъ и все духовенство. Отъ слезъ они не видѣли свѣта Божія, а отецъ митрополитъ, его милость, обмиралъ отъ печали. Съ послами находился архимандритъ изъ столицы, который самъ читалъ присягу, когда мѣщане присягали. Протопопъ, монахи и діаконы были въ великолѣпныхъ облаченіяхъ, а самъ гетманъ не присутствовалъ.

Воевода Московскій идетъ къ Кіеву съ стотысячнымъ войскомъ: пятьдесятъ тысячъ Москвитянъ и Нѣмцевъ столько же. Этихъ гостей ожидайте къ себѣ въ скоромъ времени и будьте весьма осторожны. Донцовъ сорокъ тысячъ и восемдесятъ тысячъ козаковъ идутъ подъ Смоленскъ. Всего этого ожидайте въ скоромъ времени и письмо мое предъявите всѣмъ ихъ милостямъ, панамъ и благодѣтелямъ, а ко мнѣ сохраняйте свою панскую милость, чтобы жизнь моя въ Чернобылѣ находилась, при вашемъ содѣйствіи, въ безопасности; потому что мнѣ не на чѣмъ вывезти своихъ дѣтей, и поэтому живу здѣсь.

Чернобыль занялъ стольникъ царскій, Василій Петровичъ Бѣлошерстовъ.

Ты хорошо сдѣлалъ, что не прибылъ къ намъ, потому что попалъ бы въ руки непріятеля. Пять хоругвей уже получили было вѣсть о тебѣ и подстерегали. Прошу тебя, смилуйся, какъ добрый мой пріятель: напиши отъ меня, какъ можно скорѣе, къ пану-старостѣ, чтобъ никуда не завозилъ моего Иванушки, а прислалъ бы его ко мнѣ, хоть пѣшкомъ. А я отблагодарю вамъ за это вѣрнымъ своимъ усердіемъ; только прошу тебя, какъ своего брата, утри слезы жены моей, а своей сестры, пришли какъ можно скорѣе Иванушку, а я обѣщаю вамъ отслужить за то чѣмъ-нибудь добрымъ.

Много было пла́чу, когда мѣщанъ гнали къ присягѣ. Царь обѣщаетъ всѣмъ оставлять права и имущества, кто поддастся добровольно и окрестится [1]), и еще дать бо́льшія права. При семъ поручаю себя благосклонности вашей милости пана.

Изъ Чернобыля, 22 Января 1654 года.

2.

Изъ письма монаха Печерскаго монастыря Макарія Криницкаго, 14 января 1654 года.

Онъ посланъ былъ отъ митрополита Кіевскаго и архимандрита Печерскаго съ тою цѣлію, чтобы сдѣлать въ городѣ Луцкомъ слѣдующее объявленіе: Москва, завладѣвъ Кіевомъ, принуждаетъ отца митрополита, архимандрита и все духовенство къ противузаконнымъ поступкамъ, чтобъ оставили короля его милость, не считали его государемъ, а поклонились бы Московскому государю и присягнули ему [2]). Но все духовенство не желаетъ этого сдѣлать, а желаетъ государемъ имѣть короля и, какъ прежде духовные никогда не были бунтовщиками, такъ и теперь не будутъ. Поэтому они по всѣмъ городамъ дѣлали объявленія, послали уже и въ великое княжество Литовское Бернардина изъ конвента Кіевскаго, ксендза Шпаковскаго, который все время находился при отцѣ митрополитѣ.

Онъ писалъ, что послы Московскіе: князь, котораго имени не помнитъ, думный дьякъ Семенъ Өедоровичъ и архимандритъ съ монахами, въѣхали въ Переяславъ, пятаго Января по старому календарю. На случившемся въ это время водосвятіи совершалъ богослуженіе архимандритъ Московскій.

На другой день Хмѣльницкій пріѣхалъ въ Переяславъ и созвалъ народъ на сеймъ. Здѣсь онъ объявилъ свою волю, что, обдумавши хорошо, онъ избралъ государемъ царя Московскаго. Народъ отвѣчалъ, что онъ будетъ повиноваться волѣ старшихъ. 8-го числа по старому календарю, Хмѣльницкій самъ-другъ съ Выговскимъ присягнулъ на подданство Царю Московскому; взаимно присягнули послы и вручили отъ Царя хоругвь, булаву и богатую ферязь. 9-го числа присягали полковники: Дзедзяла, Тетеря, Переяславскій, Нѣжинскій, Прилуцкій и

---

[1]) Въ подлинникѣ ochrestil sie. Это значитъ, вѣроятно, кто поцѣлуетъ крестъ на вѣрность. П. Б.

[2]) Малороссійское духовенство опасалось своего подчиненія Московскимъ церковнымъ порядкамъ (какъ это, между прочимъ, видно изъ VI-й книги превосходнаго сочиненія А. П. Барсукова: «Родъ Шереметевыхъ»). Опасенія оказались напрасны, и въ слѣдующемъ столѣтія многія Великорусскія каѳедры уже заняты были Малороссіянами. П. Б.

другіе, которыхъ не знаетъ. Стараго Переяславскаго войта принесли больнаго въ церковь, на кровати, чтобы присягнулъ; на другой день послѣ присяги онъ умеръ. Богуна, говоритъ, не было. Договорныя статьи послали къ Царю, но какія въ нихъ изложены условія, не знаетъ.

Москва забираетъ Заднѣпровскіе города. Тоже дѣлается въ Кіевѣ и другихъ городахъ. Начальники въ нихъ будутъ Московскіе. 13-го Января, по старому календарю, Московскіе писцы пріѣхали въ Кіевъ (въ этотъ же самый день нашъ монахъ отправился изъ Кіева). На третій день имѣли пріѣхать и сами Москвитяне, которыхъ провожаютъ полковники; а Хмѣльницкій уѣхалъ. Москва требуетъ отъ митрополита и духовенства присяги, которой они еще не давали, боясь, чтобы не были смѣнены старшіе изъ духовенства.

На вопросъ: доносилъ-ли объ этомъ Хмѣльницкій хану? не можетъ ничего сказать. Говоритъ только, что орды нѣтъ въ Украйнѣ, и нельзя ожидать дальнѣйшаго братства между ними. Орда, проходившая чрезъ Украйну, поступала по-непріятельски: сожгла Паволочь и Хвостовъ.

О Могильницкомъ говоритъ, что онъ живетъ въ Чигиринѣ. Чтобъ козаки нынѣшнею зимою пошли на войну, не надѣется. О замужествѣ дочери Хмѣльницкаго съ Москвитяниномъ не знаетъ. Жена Тимофея въ Чигиринѣ весьма мало уважается, и все отъ нея отобрано.

ИЗЪ БУМАГЪ С. Д. НЕЧАЕВА [1]).

Письма князя А. Н. Голицина къ С. Д. Нечаеву.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, въ теченiи почти полувѣка принимавшiй по близости своей къ царямъ непосредственное участiе въ важнѣйшихъ событiяхъ государственной и общественной исторiи нашей, узналъ и полюбилъ Степана Дмитрiевича еще въ царствованiе Александра Павловича, когда молодой Нечаевъ служилъ директоромъ Тульской гимназiи, а князь Голицынъ былъ министромъ народнаго просвѣщенiя. Даровитость, многосторонняя образованность, Библейское Общество, благотворительность, такъ называемое мистическое направленiе мыслей и даже нѣкоторая наклонность къ легкой и безвредной шутливости (чѣмъ отличался съ молоду и князь Голицынъ) послужили къ ихъ сближенiю. Много добра сдѣлалъ С. Д. Нечаевъ при посредствѣ этого своего начальника и покровителя. Въ царствованiе Николая Павловича, когда самъ Нечаевъ былъ уже оберъ-прокуроромъ Св. Синода, они сошлись еще короче.

Нижеслѣдующiя письма, случайные памятники долговременной, перешедшей въ дружество связи, служатъ къ наглядному изображенiю этихъ обоихъ достопамятныхъ людей. Изъ черновыхъ отвѣтныхъ приводимъ сначала выдержки, относящiяся къ болѣе раннему времени. П. Б.

22 Мая 1823 г.

Время ускоряетъ бѣгъ свой и ускоряетъ къ концу своему. Но прежде нежели Вѣчность разлiетъ все свое владычество, важнымъ происшествiямъ должно совершиться. Христiанство уже вынесло съ торжествомъ двѣ бури: одну въ началѣ отъ грубой плотяности язычества, другую отъ различнаго свойства новѣйшихъ временъ. Благодаря милосердiю Божiю, мы видимъ теперь явные признаки новой эпохи для Христiанства, сближающей его съ первобытнымъ началомъ. Распространенiе Библiи, раскрытiе магнетизма, самое направленiе философiи, громко возвѣщаютъ важныя въ семъ отношенiи событiя для всѣхъ желающихъ внимать. Изъ многихъ частныхъ свидѣтельствъ, дѣйствiя г-жи Рено живо напоминаютъ намъ то время, когда даръ цѣленiя былъ почти общимъ у христiанъ. Въ первыхъ вѣкахъ называли ихъ оттого терапевтами или врачами. Извѣстно, что̀ Ессеяне до пришествiя Госпо-

[1]) См. выше стр. 42.

да занимались лѣченіемъ посредствомъ силъ натуры, сокрытыхъ въ травахъ и ископаемыхъ; содѣлавшись христіанами, тѣже люди обрѣли другой важнѣйшій способъ цѣленія. Такъ точно искусство сохранять тѣла въ видѣ мумій съ того времени измѣнилось: Христіанство представляетъ нетлѣнныя, благоуханныя тѣлеса, получившія сіи начала чрезъ иной процессъ — чрезъ осоленіе слезами молитвы.

*

31 Іюля 1829 г.

Для меня особенно лестно порученіе вашего сіятельства относительно той благочестивой женщины, которая оказываетъ столь искреннее уваженіе и довѣренность къ особѣ вашей; я не забуду его и по возвращеніи князя Петра Сергѣевича [1]), которому въ точности передамъ вашу о томъ волю, изъявленную въ письмѣ отъ 28-го Іюля.

Между тѣмъ по нашему вѣдомству получилъ я одно извѣстіе, которое не почитаю недостойнымъ вниманія вашего сіятельства.

Персидскій принцъ желалъ видѣть въ Воронежѣ соборную церковь. Архіерея не было въ городѣ. Консисторія не рѣшилась согласиться безъ разрѣшенія владыки, отъѣхавшаго въ уѣзды своей епархіи. Секретарь доставилъ мнѣ журналъ, составленный въ консисторіи по сему случаю. Бумагу эту, какъ довольно любопытную, осмѣливаюсь представить въ копіи на разсмотрѣніе вашего сіятельства. На счетъ такого отказа желалъ я узнать мнѣніе синодскихъ членовъ. Пр. Владиміръ одобрилъ его рѣшительнѣе духовниковъ, а митрополитъ наединѣ добавилъ мнѣ, что если и здѣсь спросятъ его, можно ли показать наши храмы магометанскому принцу, ему также нельзя будетъ дать своего на то согласія во избѣжаніе соблазна въ отношеніи къ простому народу; но онъ нисколько не будетъ прекословить, ежели помимо его учинено будетъ о томъ распоряженіе со стороны Двора или другаго вѣдомства; онъ покажетъ тогда видъ, какъ бы ничего о томъ не зналъ.

Это заключеніе, на всякій случай, долгомъ почелъ я довести до свѣдѣнія вашего сіятельства.

Пр. Сер. [2]) получилъ вновь чувствительное замѣчаніе отъ Государя за одного свящ. въ П. Б., а мнѣ недосмотрительность мою Его Величество простилъ великодушно. Не вамъ ли, благодѣтель мой, обязанъ я и сею милостію? Сердце мое привыкло во всемъ для меня добромъ видѣть одну вашу благотворительность“ [3]).

---

[1]) Князя Мещерскаго, тогдашняго оберъ-прокурора Св. Синода, женатаго на сестрѣ многовластнаго уже въ то время князя А. И. Чернышова. С. Д. Нечаевъ, супругъ родной его племянницы, Софьѣ Сергѣевны Мальцовой, служилъ тогда подъ его начальствомъ и позднѣе занялъ его должность въ Св. Синодѣ. П. Б.

[2]) Т. е. преосвященный Серафимъ, митрополитъ Петербургскій. П. Б.

[3]) Хотя князь Голицынъ уже не имѣлъ прямаго отношенія къ Св. Синоду, но значеніе его при Государѣ продолжалось и по этому вѣдомству. П. Б.

Письма князя А. Н. Голицына.

1.

Милостивый государь мой Степанъ Дмитріевичъ.

Нельзя болѣе сдѣлать удовольствія, какъ вы доставили мнѣ присылкою ко дню моего Ангела изображенія Спасителя, превосходно нарисованнаго, источающаго изъ язвъ Своихъ пречистыхъ свѣтъ *). О, какъ я желалъ бы, чтобы оный свѣтъ коснулся глубины сердца моего и тамъ всегда пребывалъ. Я поставилъ сіе изображеніе на столѣ моемъ, и по возвращеніи, ежели Господу угодно, въ городъ, оное всегда будетъ предъ глазами моими. Примите мою сердечную благодарность за сей даръ и за всѣ изъясненныя вами чувства ко мнѣ, въ коихъ я никогда не сомнѣвался; все же, что̀ вы приписываете въ моихъ отношеніяхъ къ вамъ, отнесите къ Тому единственно, Который управляетъ сердцами и поставилъ меня съ вами въ сношеніе, чтобъ доставить вамъ способы служить дѣятельнѣе Ему же для пользы общей.

Получилъ я также отъ васъ печатное пастырское увѣщаніе христіанамъ. Хотите ли, чтобъ я вамъ сказалъ откровенно мои мысли на оное? Тутъ все написано по истинѣ, и что гнѣвъ Божій явно видѣнъ, всякій сіе знаетъ, и то, что наказаніе требуетъ, чтобъ исправились. И тутъ сказано: «исправляйтесь»; но какъ и чѣмъ? Недостаточно сказать слѣпому «прозри», а хромому «иди». Врачъ долженъ прописывать лѣкарство и лѣчить. Тутъ сказано слегка, чтобъ обратились къ Спасителю, покаялись, молились; но какъ молиться и гдѣ искать Спасителя, во всемъ посланіи—ни слова. Въ нынѣшнія времена это однакоже главное дѣло: надобно пастырямъ учить поклоняться духомъ и истиною; безъ того не произведутъ истиннаго покаянія, ни плодовъ живой вѣры, ни силъ противоборствовать страстямъ, взявшимъ верхъ въ мірѣ. Михаилъ митрополитъ научалъ сему въ своихъ проповѣдяхъ, *даже и въ послѣднее свое время*, и народъ тысячами стекался его слышать: видно, чувствовалъ жажду слова живаго и, можетъ, было бы болѣе плодовъ, ежели бы сіи поученія не прекратились его смертію. Я сказалъ выше, что даже въ послѣднее его время: ибо у митрополита Михаила даръ слова былъ отнятъ. Онъ мнѣ сказывалъ самъ, что даръ

---

*) Князь Голицынъ жилъ на Фонтанкѣ въ нынѣшнемъ домѣ министра императорскаго двора. Въ домовой тамошней церкви (освященной въ 1812 году Филаретомъ) лампады сдѣланы на подобіе слезъ, и вообще прекрасной церкви этой придано мистическое значеніе. П. Б.

сей, какъ рѣка, текъ во время его священства при церкви Іоанна Воинственника[1]), что архіереемъ, особливо Черниговскимъ, онъ совсѣмъ его потерялъ и, бывъ назначенъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ, онъ также мнѣ говорилъ, что сожалѣетъ о томъ, что онъ не въ томъ состояніи, какъ былъ священникомъ. Но Господь для пользы его паствы и, можетъ, для него самого отверзъ ему уста, и даръ сей ему былъ возвращенъ при первомъ его служеніи въ Петропавловскомъ соборѣ здѣшнемъ, гдѣ онъ по окончаніи литургіи вдругъ осмѣлился сказать поученіе духовенству ему вновь ввѣренному, и съ сихъ поръ всякое Воскресенье проповѣдывалъ безъ приготовленія самыя внутреннія проповѣди. Но когда внѣ церкви случалось мнѣ и другимъ съ нимъ говорить о сихъ матеріяхъ, то ихъ не понималъ, и я думаю, что ежели бы онъ серіозно обратился на себя, то и не взятъ бы былъ отъ насъ, для пользы его паствы[2]). Онъ былъ въ сію эпоху, какъ труба: слово Божіе чрезъ него сообщалось для питанія и просвѣщенія душъ алчущихъ, а самъ онъ его не слушалъ и не принималъ силы его въ свое сердце. Для меня сіе было чудесное явленіе и я видѣлъ, что онъ не имѣлъ тѣхъ ушей и тѣхъ очесъ, о коихъ Священное Писаніе говоритъ.

Таковыхъ намъ проповѣдниковъ было бы нужно имѣть (я разумѣю о дарѣ Михаиловомъ, но не о его состояніи), чтобъ обращать души къ Христу Спасителю и раскрывать духъ Священнаго Писанія, чтобъ не одною буквою, а духомъ были водимы во Христѣ и ко Христу. Вотъ единственное дѣло пастырей: вести къ Пастыреначальнику, дражайшему нашему Искупителю Іисусу Христу, оставя тогда Ему Самому довершить начатое.

Извините мое длинное письмо: такъ написалось. Желаю, чтобъ вы его приняли съ духомъ снисхожденія и тѣмъ же духомъ любви, въ какомъ оно писано.

Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

Царское Село
31 Августа 1831 г.

---

[1]) Въ Москвѣ на Якиманской улицѣ, гдѣ служилъ Михаилъ еще въ прошломъ вѣкѣ и гдѣ онъ иногда проповѣдывалъ послѣ всенощныхъ, на одну изъ которыхъ однажды прибылъ императоръ Павелъ, что̀ и послужило къ позвышенію его, приходскаго священника, въ санъ Черниговскаго архіерея. П. Б.

[2]) Михаилъ Десницкій черты лица котораго увѣковѣчены кистію Боровиковскаго (въ Румянцовскомъ Музеѣ, особенно хороша рука), былъ Петербугскимъ митрополитомъ съ 26 Марта 1818 по свою кончину, 24 Марта 1821 г. П. Б.

2.

Я думаю лучше отослать къ Димитрію его письмо, и скажите ему, что, не знавъ къ кому оно писано изъ архимандритовъ, ошибкою адресовано ко мнѣ, то и просилъ я васъ къ нему доставить оное.

Черновой отвѣтъ С. Д. Нечаева.

Прочитавъ письмо, врученное мнѣ нынѣ вашимъ сіятельствомъ, я не могу сомнѣваться въ томъ, что оно писано къ архимандриту Фотію.

Преосвященный Димитрій благодаритъ въ ономъ ту особу, къ которой письмо адресовано, за присылку 30-ти экз. составленнаго ею устава, который разосланъ имъ по всѣмъ монастырямъ Кишиневской эпархіи, *яко преназидательный для обителей.*

Извѣстно, что о. Фотій издалъ недавно сочиненный имъ монастырскій уставъ и въ немаломъ числѣ печатныхъ экземпляровъ, вѣроятно для раздачи по монастырямъ.

Ежели ваше сіятельство замѣчаніе сіе изволите найти справедливымъ, то не угодно ли будетъ дать мнѣ новое приказаніе, какъ поступить съ симъ письмомъ?

Вашего сіятельства всепокорнѣйшій и преданнѣйшій слуга Нечаевъ.

2 Генв. 1833 г.

3.

Крайне сожалѣю, что ваше превосходительство два раза ко мнѣ пріѣзжали и не могли меня застать; то я рѣшился къ вамъ написать, что я говорилъ съ графомъ Чернышовымъ, и онъ никакъ не рѣшается говорить о продолженіи отпуска князю Мещерскому: ибо онъ считаетъ, что Государь не даетъ окладовъ на столь долгое время, что̀ и никому не дѣлается. Притомъ онъ считаетъ, что Государю и непріятна будетъ сія просьба. Я совершенно раздѣляю мнѣніе графа и совѣтую писать въ таковомъ смыслѣ князю Мещерскому.

8-го Августа 1833 г.

Черновое письмо С. Д. Нечаева.

Счастливымъ себя почту, ежели ваше сіятельство изволите усмотрѣть изъ сего отчета постоянное мое желаніе оправдать ваше милостивое обо мнѣ мнѣніе, которымъ обязанъ я всѣмъ политическимъ бытіемъ моимъ. Особенное прошу обратить вниманіе на количество дѣлъ и бумагъ, перешедшихъ черезъ мои руки и къ сожалѣнію отвлекающихъ отъ занятій существенно - важныхъ и полезныхъ.

22 Февр. 1834 г.

4.

Благодаря ваше превосходительство за доставленное мнѣ удовольствіе прочитать вашъ отчетъ, возвращаю оный при семъ. Въ первый разъ Государь видѣлъ такой общій обзоръ духовной части Грекороссійскаго исповѣданія, столь ясно и хорошо изложенный. Я съ свой стороны нашелъ сей отчетъ чрезвычайно интереснымъ [1]).

Февраля 24-го 1834 г.

Черновыя письма С. Д. Нечаева.

11 Іюля 1834 г. (Москва).

Не могу выѣхать изъ Москвы, не воспользовавшись позволеніемъ в. с. и хотя нѣсколькими словами осмѣлюсь возбудить драгоцѣнное о насъ воспоминаніе ваше.

Мы прибыли сюда въ то время, когда всѣ здѣсь ожидали, что ваше временное назначеніе обратится въ постоянное: многіе надѣялись видѣть въ томъ особенный каналъ благословеній Божіихъ на систему высшаго управленія [2]). Но пока Господь удерживаетъ васъ въ Петербургѣ, каналъ сей не пресѣчется; а между тѣмъ у людей, сердечно приверженныхъ къ вашему сіятельству, отъемлется опасеніе видѣть васъ чрезъ мѣру удрученными трудомъ и заботою *внѣшнею*, состоящею въ вѣчной враждѣ съ покоемъ *внутреннимъ*.

Вашему сіятельству конечно уже извѣстны подробности новой проповѣди, услышанной здѣсь изъ устъ самой смерти, о свойствѣ сего блаженнаго покоя. По сему случаю одинъ благочестивый священникъ подалъ мнѣ записку, которую почитаю достойною также вниманія вашего. Нельзя не одобрить его мнѣнія; жаль только, что предметы сего рода слишкомъ утонченны, чтобъ ихъ можно было уловить въ формы офиціальныя.

Больной моей гораздо получше сравнительно съ тѣмъ, какъ она была въ Петербургѣ. Господь премилосердый не отнимаетъ еще отрады упованія у сердецъ, немалое уже время сокрушаемыхъ млатомъ премудраго Его зиждительства.

Въ Троицкой Лаврѣ съ особеннымъ утѣшеніемъ погостилъ я у тамошняго священно-архимандрита [3]). Много пріятнаго нашелъ и въ Рос-

---

[1]) Намъ неизвѣстно, былъ ли напечатанъ этотъ отчетъ. Кажется, что печатаніе особыми книжками (не для продажи) отчетовъ оберъ-прокурора Св. Синода началось уже при преемникѣ С. Д. Нечаева, графѣ Протасовѣ. П. Б.

[2]) Не знаемъ, какое именно служебное назначеніе готовилось князю Голицыну. Не попечительство ли надъ царскими дѣтьми охрана которыхъ ему поручалась въ 1828 году, при отъѣздѣ Государя на Турецкую войну. П. Б.

[3]) Т. е. митрополита Филарета. П. Б.

товѣ, гдѣ замѣченъ духъ нѣкотораго преемничества отъ отца Амфилохія къ нынѣшнему настоятелю. Для меня здѣсь вообще совершенно другая сфера отъ Петербургской. Какъ бы желалось почаще въ ней освѣжаться! Для людей столько наружныхъ необходимы и внѣшнія пособія. Черезъ мѣсяцъ, ежели Богъ благословитъ, пришлю къ вамъ донесеніе мое объ Александріи изъ самой Александріи. Не легкій путь предлежитъ, но силенъ Онъ облегчать всѣ трудности [1]). Да пребудетъ благость Его съ вами и всегда, и повсюду.

*

9 Сентября 1834 (Одесса).

Я хотѣлъ писать къ вашему сіятельству изъ Гаспры, но и въ тѣхъ мѣстахъ, и долгое время послѣ, столько надобно было *видѣть* и видѣть съ необходимою для меня поспѣшностію, что не прежде какъ съ обратнаго пути могъ я собраться сказать хоть нѣсколько словъ о вашемъ Таврическомъ замкѣ. Домъ прекрасенъ и помѣстителенъ; садъ будетъ у вашего сіятельства обширный и тѣнистый; ручей свѣтлой воды орошаетъ его средину; другой ручей отдѣляетъ ваше владѣніе отъ владѣнія княгини Анны Сергѣевны [2]); вдали возвышаются огромныя горы, часто увѣнчанныя облаками и синѣетъ море; между ими зеленѣетъ узкая полоса садовъ съ разсѣянными по берегу зданіями. Видъ величественный и вмѣстѣ пріятный. Здѣсь торгуютъ у Татаръ и для меня мѣстечко. Угодно ли будетъ вашему сіятельству такое сосѣдство? Для насъ по крайней мѣрѣ утѣшительно бы было послужить вамъ и почтенной нашей благодѣтельницѣ близкимъ, искреннимъ усердіемъ въ то время, когда преклонность лѣтъ отзоветъ васъ въ это тихое и прелестное отдаленіе отъ свѣта. Вы одни, почтеннѣйшій благодѣтель мой, содѣлали Петербургскую жизнь мою небезполезною и тяжесть службы облегчали многими утѣшеніями. Вотъ мысль, которая родилась на мѣстѣ, посѣщенномъ мною прежде его хозяина, и сердцу моему сладко вѣрить, что мысль сія нѣкогда сбудется и что вы не отрините чувствительной благодарности, пережившей всѣ свѣтскія отношенія. Надѣюсь въ скоромъ времени болѣе донести вашему сіятельству о любимой будущей вашей пристани.

---

[1]) С. Д. Нечаевъ ѣздилъ на Югъ для леченія больной своей супруги. Александрія— будущая приморская дача князя Голицына на южномъ берегу. П. Б.

[2]) Голицыной, ур. Всеволожской, устроившей церковь въ Кореисѣ. П. Б.

*

26 Октября 1834 г. (Одесса).

Милостивый государь и мой единственный благодѣтель.

Вы были столько разъ посредникомъ въ милостяхъ ко мнѣ Государя Императора, что я при нынѣшнихъ крайнихъ моихъ обстоятельствахъ не могъ ни къ кому лучше обратиться, какъ къ вашему сіятельству для исходатайствованія одного со стороны Его Величества снисхожденія. Сердце ваше, живущее однимъ добромъ, извинитъ конечно мою смѣлость и укажетъ вѣрный путь къ успѣху. Когда въ Іюнѣ мѣсяцѣ просилъ я позволенія семью мою проводить въ южную Россію, я упоминалъ, что отсутствіе мое продлиться можетъ отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ. Но тогда доктора Петербургскіе и не догадывались о пятимѣсячной беременности жены моей. Новое это обстоятельстно, обнаружившееся уже въ Москвѣ, немало замедлило наше путешествіе и заставило вмѣсто Крыма ѣхать въ Одессу, гдѣ гораздо вѣрнѣе пособія медицинскія. Водворивъ семействе мое здѣсь, я поспѣшилъ обратно въ П. Б.; но не успѣлъ еще оставить предѣловъ Новороссійскаго края, какъ былъ остановленъ въ пути сильною лихорадкою, которая, возобновляясь нѣсколько разъ, истощила мои силы и донынѣ совершенно меня не оставила. Между тѣмъ приближалось время разрѣшенія болящей жены моей. Господь даровалъ намъ здороваго младенца [1]), который однако едва не стоилъ жизни матери. Черезъ силу, съ мучительнымъ ревматизмомъ, притащился я изъ Екатеринослава въ Одессу, чтобъ присутствіемъ своимъ облегчить на это время положеніе бѣдной страдалицы и вмѣстѣ при лучшихъ медикахъ подкрѣпить собственныя силы. Еще нѣсколько недѣль необходимы для того, чтобъ придти мнѣ въ состояніе предпринять въ настоящее время года дальнее путешествіе въ П. Б. Въ семъ-то случаѣ нужно мнѣ милостивое снисхожденіе Государя, ежели Его Величеству можетъ быть угодна моя служба на будущее время. Кн. Петръ Сергѣевичъ жалуется самъ на болѣзненное свое состояніе. Преосвященный Филаретъ остался въ Москвѣ на долго. Изъ архіереевъ, кто бы теперь ни былъ вызванъ, вскорѣ не можетъ оказать большой пользы теченію нашихъ дѣлъ. При такомъ затрудненіи, ежели князь нашелся бы не въ состояніи болѣе занимать мое мѣсто къ удовольствію Государя, я бы осмѣлился рекомендовать вмѣсто его Ѳ. И. Прянишникова [2]), какъ человѣка съ отлич-

---

[1]) Здравствующаго нынѣ Юрія Степановича Нечаева-Мальцова (род. 11 Октября 1836 въ Одессѣ). П. Б.

[2]) Столь извѣстнаго впослѣдствіи по вѣдомству почтовому. П. Б.

ными способностями и чистымъ направленіемъ; а когда бы по какимъ нибудь соображеніямъ нельзя бы было указать на него, я назвалъ бы какъ достойнѣйшаго всякой довѣренности въ сей части немаловажной и требующей особенной осторожности статсъ-секретаря графа Панина [1]). На всякой случай почелъ я неизлишнимъ представить о семъ вашему сіятельству мои мысли; но впрочемъ остаюсь въ упованіи на милосердіе Божіе, что мнѣ возможно будетъ хоть къ концу будущаго Ноября войти въ обыкновенный кругъ служебныхъ моихъ обязанностей въ Петербургѣ, безъ новыхъ по нашему вѣдомству назначеній.

Не дерзаю самъ утруждать вниманіе Его Величества всѣми сими подробностями, боясь огорчить ими чувствительное сердце столь нѣжнаго отца и супруга. Не откажитесь, м. г., прибавить еще одну милость ко множеству мнѣ оказанныхъ: оправдайте меня передъ Государемъ, котораго справедливость и благодушіе вамъ такъ хорошо извѣстны.

*

Письма князя А. Н. Голицына.

5.

Я не удивляюсь, что Блудовъ [2]) не захотѣлъ объясняться вновь съ Государемъ: ибо ежели Государь уже приказалъ, то, какъ я и вамъ говорилъ, трудно представлять ему объ отложеніи пріѣзда сюад митрополита. Сожалѣю, что вы нездоровы; поздравляю васъ съ праздникомъ и желаю скораго выздоровленія вашему превосходительству.

9-го Апрѣля 1835 г.

6.

Каково здоровье вашего превосходительства и начали ли выѣзжать? Ежели начали, то прошу сего утра ко мнѣ заѣхать часу въ одиннадцатомъ или двѣнадцатомъ. Ежели же не выѣзжаете, то прошу меня увѣдомить, и тогда я письменно васъ увѣдомлю о порученіи, которое имѣю отъ Государя.

19-го Апрѣля 1835 г.

7.

Царское Село, 14-го Маія 1835 г.

Покорнѣйше благодарю ваше превосходительство за доставленное мнѣ удовольствіе прочитать вашъ отчетъ. Я думаю, что Государь никогда такого удовлетворительнаго не имѣлъ по Синоду. Много сдѣлано и систематически изложено; не думайте, чтобъ Государь не нашелъ времени его прочесть: я знаю, что онъ всѣ отчеты по мини-

---

[1]) Виктора Никитича, позднѣе министра юстиціи. П. Б.

[2]) Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ. П. Б.

стерствамъ всегда читаетъ. Увѣдомьте меня, когда получите отъ Его Величества отзывъ по оному. Онъ присылаетъ иногда отчеты въ Комитетъ Министровъ, то не туда ли онъ отправленъ? Я теперь не ѣзжу въ комитетъ, то и не знаю, чтò тамъ дѣлается. Извините, что я удержалъ нѣсколько времени ваши бумаги; но я хотѣлъ ихъ читать со всѣми подробностями.

8.

Благодарю ваше превосходительство за сообщенныя бумаги о Шумиловѣ, и дѣло ихъ по Синоду кончено рѣшеніемъ, объявленнымъ вамъ чрезъ г. Бенкендорфа. О бумагѣ же безъимянной я вамъ скажу при свиданіи, отъ кого она; по содержанію я тотчасъ узналъ автора.

Мнѣ, слава Богу, лучше, и надѣюсь къ Троицыну дню быть въ городѣ, ибо Государя мы ждемъ и Императрицу завтра къ вечеру.

Царское Село,
23-го Маія 1835 г.

9.

Ежели ваше превосходительство желаете знать мое мнѣніе на счетъ зову на освященіе Синодской церкви, то мнѣ кажется мудрено выполнить кондицію, вамъ данную. Какъ трудно узнать сердце человѣческое! Но чтобъ не согрѣшить, лучше бы никого не звать кромѣ духовенства, да бывшихъ оберъ-прокуроровъ Синода. Лица же, которыхъ вы предположили звать, я думаю, неохотно бы и поѣхали.

Я бы, на мѣстѣ митрополита Іоны, самъ бы отдалъ сію бумагу митрополиту Московскому; а чрезъ васъ скорѣе покажется, что онъ хотѣлъ дать гласность безъимянной бумагѣ, наполненной желчи.

Я возвращаюсь сегодня къ ночи въ С.-Петербургъ и думаю, что пробуду всю недѣлю на мѣстѣ, чтобъ ногѣ дать покой; ей лучше, но еще нѣсколько слаба.

Царское Село,
25-го Маія 1835 г.

10.

Царское Село, 31 Августа 1835 г.

Чувствительно благодарю ваше превосходительство за благословеніе меня образомъ святаго Владимира и за поздравленіе. Образъ не премину послать въ мою Александрію: въ ней еще нѣтъ никакого образа. Да благословитъ Господь угодниковыми молитвами мое будущее жилище!

11.

Я не знаю, будетъ ли Государь спрашивать мое мнѣніе; я думаю, что скорѣе спроситъ васъ. Въ прежнія времена архимандритовъ давно уже не было членами Синода; при томъ вы знаете, что членомъ не можетъ быть архимандритъ тѣхъ епархій, коихъ архіереи присутствуютъ въ Синодѣ. Въ мое время духовникъ государевъ и оберъ-священникъ только присутствовали. Павелъ Васильевичъ [1]) оставался членомъ, но духовникомъ его считать нельзя было, ибо духовныя его дѣти императорскаго дома были уже въ гробѣ. Желаю, чтобы вы были здоровы.

7-го Декабря 1835 г.

12.

Государь Императоръ соизволилъ на отпускъ вашъ на четыре мѣсяца.

Я докладывалъ Его Величеству о графѣ Протасовѣ [2]), и что ежели будетъ угодно, то онъ готовъ принять сіе временное [3]) порученіе. Государь мнѣ отвѣчалъ, что надобно поговорить съ митрополитомъ Серафимомъ, и ежели онъ ничего противъ не имѣетъ, то Его Величество согласенъ. Ежели же митрополитъ имѣетъ какія причины несогласія на графа Протасова, то Государь полагаетъ всего удобнѣе поручить Танѣеву.

Какъ вамъ нужно скорѣе ѣхать, то я вамъ совѣтую съѣздить завтра къ митрополиту и съ нимъ переговорить, и, ежели онъ согласенъ будетъ на графа или на Танѣева, то вы въ такомъ смыслѣ заготовите нужныя бумаги и пошлете Государю. Прежде же сего послѣдняго распоряженія, а послѣ свиданія съ митрополитомъ, не худо бы вамъ съ мною повидаться завтра послѣ обѣдни.

Въ разсужденіи же вызова архіерея на чреду Государь согласенъ, чтобъ вы сдѣлали ему представленіе. Я ему говорилъ о Рязанскомъ и Казанскомъ, то вы можете обоихъ представить кандидатами на выборъ Государю.

Суббота вечеромъ (1836).

---

[1]) Протопресвитеръ Криницкій (1752—1835), духовникъ императора Александра Павловича. П. Б.

[2]) Князь А. Н. Голицынъ зналъ графа Н. А. Протасова съ его ранняго дѣтства, будучи друженъ съ его отцомъ, который былъ однимъ изъ воспитателей императора Александра Павловича. П. Б.

[3]) Это временное назначеніе обратилось въ постоянное, такъ какъ С. Д. Нечаевъ не могъ возвратиться къ сроку въ Петербургъ по причинѣ болѣзни и за тѣмъ кончины († 4 Мая 1837 въ Одессѣ) своей супруги. Ровно черезъ четыре мѣсяца, 25 Іюня 1836 г., послѣдовала его отставка. П. Б.

13.

Я съ вами совершенно раздѣляю вашу мысль. Г. Протасовъ назначается на время. Какая же нужда оставаться ему постояннымъ членомъ коммиссіи? А временно безъ васъ онъ естественно долженъ занимать ваше мѣсто и въ коммиссіи; такъ и въ указѣ, думаю, вы изъясните. При томъ Государю о томъ было не докладывано, то теперь нѣтъ причины сію кондицію вносить на его усмотрѣніе. Г. Протасовъ у меня былъ и, не заставъ меня дома, завтра поутру хотѣлъ пріѣхать.

(1836) 23-го Февраля.

14.

Сейчасъ у меня былъ гр. Протасовъ и ни слова не говорилъ мнѣ о членствѣ въ коммиссіи дух. училищъ; поспѣшаю о семъ васъ увѣдомить.

(1836) 24 Февраля.

15.

Сейчасъ получилъ извѣстіе, что женѣ вашей есть лучше отъ графини Эдлингъ, и вотъ что̀ она мнѣ пишетъ: La fièvre et la toux ont un peu diminué, mais elle souffre dans l'épine du dos. Il faut espérer qu'elle reprendra le-dessus et que Dieu la conservera à sa famille. Veuillez annoncer ce mieux, quelque leger qu'il soit, à son mari; le tems qui se rechauffe contribuera aussi à la remettre *).

Я поспѣшаю вамъ дать сіи добрыя извѣстія на вашу дорогу. Господь да благословитъ вашъ путь!

Вторникъ
25-го Февраля (1836).

16.

С.-Петербургъ, 30 Апрѣля 1836 года.

Послѣднее ваше письмо, милостивый государь Степанъ Дмитріевичъ, было очень интересно въ разсужденіи состоянія супруги вашей, но сердечно опечалило въ отношеніи къ вамъ. Видѣть страданія тѣлесныя любимой жены тяжело; но съ другой стороны видѣть душу ея, столь созрѣвающую, должно васъ успокоивать. Нѣтъ другаго средства, какъ молиться и предаваться волѣ Господа: Онъ одинъ можетъ васъ

*) Лихорадка и кашель уменьшились, но она страдаетъ отъ боли въ спинной кости. Надо надѣяться, что она поправится и что Богъ сохранитъ ее для семьи ея. Пожалуста, дайте знать ея супругу объ этомъ улучшеніи, какъ оно ни слабо. Погода становится теплѣе, и это также поможетъ ея выздоровленію.

подкрѣпить. Дай Богъ, чтобъ она могла доѣхать до Южнаго берега; можетъ, и страданія ея тамъ уменьшатся по бывшему примѣру.

О представленіяхъ вашихъ буду стараться, когда поступятъ въ Комитетъ Министровъ; но долженъ васъ предупредить, что комитетъ не отступаетъ ни на шагъ отъ правилъ постепенности наградъ и прочихъ намъ данныхъ правилъ послѣ циркулярнаго повелѣнія Государя всѣмъ министрамъ и начальствующимъ разными вѣдѣніями, въ которомъ всѣмъ намъ сказано, что ежели представленія будутъ отъ кого не по даннымъ правиламъ, то Государь приметъ оное за *ослушаніе*. Я не знаю, имѣете ли вы свѣдѣніе о семъ, и послѣ можете судить, комитетъ сдѣлаетъ ли какое исключеніе?

Прошу супругѣ вашей сказать мое усердное почтеніе и поручить меня ея молитвамъ.

17.

Благодарю васъ за поздравленіе меня съ днемъ моего Ангела; а я васъ поздравляю съ спокойствіемъ духа, которое я видѣлъ изъ письма вашего. Волю Божію предпочитать своей есть точно долгъ христіанина, но трудный въ практикѣ; когда же кто испытаетъ, то найдетъ покой душѣ своей. Радуюсь, что вы довольны своими товарищами; а въ разужденіи вашего жалованья буду просить министра финансовъ при первомъ свиданіи.

С.-Петербургъ,
14-го Сентября 1836 г.

P. S. Сестрица вамъ кланяется и дѣтей, такъ какъ и ея Машу *), цѣлуетъ.

18.

По полученіи вашего письма я спрашивалъ у князя Петра Сергѣевича о положеніи дѣла о вашихъ окладахъ; онъ мнѣ сказалъ, что министръ финансовъ бралъ справку изъ Коммиссіи духовныхъ училищъ, и такъ какъ ему отвѣчали, что оберъ-прокуроръ намѣренъ войти съ докладомъ къ Государю о продолженіи вашего жалованья, то министръ финансовъ, остановясь своимъ докладомъ, ожидаетъ рѣшенія Государя по Коммиссіи духовныхъ училищъ. Графъ же Протасовъ обѣщалъ на нынѣшней недѣлѣ послать свой докладъ по сему предмету. Когда же кн. Мещерской меня увѣдомитъ о рѣшеніи Госу-

*) Это была дѣвица Марья Ивановна Шаровская, дочь Малороссійскаго священника-дворянина, воспитанница Елизаветы Михайловны Кологривовой (сестры князя А. Н. Голицына), которая дала ей отличное образованіе, и за тѣмъ воспитательница четверыхъ дѣтей С. Д. Нечаева, въ раннемъ дѣтствѣ лишившихся своей матери. П. Б.

даря, то я не оставлю просить графа Канкрина, чтобъ онъ скорѣе доложилъ.

Я порадовался концу вашего письма, въ которомъ вы изъясняете рѣшимость вашу принимать все отъ руки Божіей, что̀ Ему угодно вамъ послать; но что̀ касается до слуховъ, которые къ вамъ доходятъ, мой совѣтъ ихъ пропускать мимо ушей, а въ себя не принимать. По большей части сіи слухи бываютъ ложные, а ежели что̀ и встрѣтится справедливое, то подводить подъ правило, которое вы приняли сами, какъ выше сказано.

Желаю, чтобъ вы и ваши всѣ были здоровы.

С.-Петербургъ,
13 Ноября 1836 г.

19.

Приношу мою благодарность за поздравленіе меня въ день причащенія моего и за образъ Спасителя, который доставилъ отъ васъ не князь Петръ Сергѣевичъ, какъ вы пишите, но камеръ-юнкеръ князь Одоевскій [1]). Я вамъ обязанъ другимъ изображеніемъ Спасителя, и оба отличные; первое вы мнѣ дали въ день моего Ангела, которое всегда и осталось на моемъ письменномъ столѣ. Примите и мое поздравленіе съ Свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христа Спасителя. Сей праздникъ, столь радостный для всякаго христіанина, здѣсь сопровождается столькими суетами, что усталость мѣшаетъ спокойствію, столь нужному, чтобъ ощущать сію духовную радость. Я увѣренъ, что въ Москвѣ болѣе можно его проводить благоговѣйно.

Сестра благодаритъ за ваше о ней воспоминаніе.

С.-Петербургъ
21 Апрѣля 1837 г.

20,

Усердно благодарю за привѣтствіе ваше въ день моего Ангела и за тетрадку назидательную, которую читалъ съ большимъ удовольствіемъ. Нынѣшній праздникъ Святаго Александра не могъ я поклониться мощамъ Святаго въ Лаврѣ, проведя оный въ Царскомъ Селѣ, такъ какъ въ сей день рожденіе празднуется Великой Княжны Ольги Николаевны.

Мы здѣсь живемъ въ большомъ уединеніи, что́ мнѣ очень пріятно, а атмосфера дѣтская [2]), нахожу я, полезна для души. Вы думаете, что,

---

[1]) Это былъ извѣстный позднѣе писатель князь Владимиръ Ѳедоровичъ. П. Б.

[2]) Говорится о дѣтяхъ тогдашней царской семьи: двое младшихъ были еще малолѣтками, а великому князю Константину Николаевичу всего десять лѣтъ. Старшій его братъ уже объѣзжалъ Россію. П. Б.

можетъ, я буду въ Москву; но Государь, зная мои немощи и что осенняя погода мнѣ вредна и на мѣстѣ, приказалъ графу Бенкендорфу привезти ихъ Высочества въ Москву. Слѣдовательно моя служба при нихъ кончится съ ихъ отъѣздомъ.

Царское Село,
2-го Сентября 1837 года.

Изъ письма Е. М. Кологривовой къ С. Д. Нечаеву по кончинѣ князя А. Н. Голицына [1]).

Александрія, 7 Марта 1845 г.

Почтеннѣйшій Степанъ Дмитріевичъ.

Участіе, принимаемое вами въ добромъ нашемъ докторѣ Шмитѣ, обязываетъ меня къ величайшей къ вамъ благодарности. Рѣдки бываютъ теперь для меня минуты радости; но я не скрою отъ васъ, что предложеніе ваше содѣйствовать его помѣщенію на практику въ казенномъ мѣстѣ произвело одну изъ тѣхъ минутъ. У него предоброе сердце, и особенное усердіе, которое онъ имѣлъ къ братцу и энтузіазмъ, съ какимъ онъ глядѣлъ на него, дѣлали его неутомимымъ въ теченіе двухъ слишкомъ годовъ поддерживать слабое покойнаго братца здоровье, разстроенное сомнамбулками, скрывая отъ него до послѣднихъ минутъ почти, что у него была водяная, и боровшись противъ этой жестокой болѣзни, которая въ сердцѣ оказалась. Всѣ медики искуснѣйшіе, совѣщаемые на счетъ его пользованія, одобрили въ одинъ голосъ средства Шмитомъ употребленныя и не отмѣнили ничего. Напрасно многіе подозрѣвали *изъ зависти* оператора Караваева [2]) и распространяли слухи, что послѣдствіемъ операціи глазъ была водянка. Совсѣмъ нѣтъ; это леченіе ясновидящихъ въ Петербургѣ и жаркій климатъ по пріѣздѣ сюда открыли сильное кровотеченіе геморoидальное, что̀ было даже и въ Петербургѣ. Въ его лѣта съ горячительными средствами не проходило десяти дней безъ сильныхъ кровотеченій.

Вотъ отчего оскудѣло его тѣло и тогда, когда Шмитъ не начиналъ его лечить. А *черезъ письма* изъ Москвы приказано ему было закрыть вездѣ, гдѣ носилъ братецъ вежетальную мазь, мокроты, не имѣвшія очищенія нѣсколько мѣсяцевъ. Къ ужасу моему, пришедши однажды утромъ, когда онъ курилъ сигарки, я нашла на тарелкѣ, куда онъ плевалъ, сукровицу самаго дурного качества, даже съ непріятнымъ духомъ и кровью. Ужасъ мой былъ неизъяснимъ; но такъ какъ бра-

---

[1]) Елисавета Михайловна Кологривова, сестра князя А. Н. Голицына († 22 Ноября 1844), отъ второго брака его матери. Она скончалась 5 Іюля 1845 года. П. Б.

[2]) Харковскій профессоръ Караваевъ возвратилъ князю А. Н. Голицыну зрѣніе за нѣсколько дней до его кончины. Государь послалъ ему за это брилліантовый перстень. П. Б.

тецъ былъ слѣпъ, онъ не видѣлъ этого. Я спросила его развратнаго камердинера, давно ли онъ сіе плюетъ? Онъ мнѣ преравнодушно отвѣчалъ: «два мѣсяца» и показалъ мнѣ нѣсколько платковъ съ сею мокротою. Братъ имѣлъ привычку курить только въ секретномъ кабинетѣ, слѣдственно кромѣ его никто не могъ видѣть этого. Не забудьте, что до этихъ поръ онъ никакого лекарства не принималъ отъ Шмита; только онъ хаживалъ всякое утро спросить его о здоровьѣ. Въ это время онъ начиналъ съ нимъ болѣе ознакомливаться, жаловался на сильные вѣтры, начиналъ чувствовать одышку. Это послужило поводомъ Шмиту попросить у него позволенія освидѣтельствовать себя и потомъ предложить ему нѣсколько способовъ какъ бы отъ вѣтровъ; но мнѣ онъ открылъ, что я не ошиблась въ заключеніи, что у него водяная, и мы вмѣстѣ написали къ Симферопольскому Арендту (брату лейбмедика), и князь Козловскій *) отправилъ эстафету съ симъ письмомъ по секрету. Это было ровно въ день освященія нашего храма. На другой день братецъ пріобщался Святыхъ Тайнъ, непомѣрно будучи слабъ однако въ церкви и тогда, когда меня мнимые преданные братцу поносили за непопеченіе мое сдѣлать консультацію. Арендтъ явился на другой день утромъ у нашего крыльца. Это было братцу непріятно. Арендтъ принужденъ былъ сказать, что, ѣхавши къ себѣ на хуторъ, мимоѣздомъ заѣхалъ, и просилъ, по нѣкоторымъ разспросамъ у братца, освидѣтельствовать его въ тотъ же вечеръ. Я предложила ему ночевать и пробыть другой день. Лѣкарства всѣ апробовалъ, только предположилъ умножить дозу, велѣлъ себя увѣдомлять Шмиту каждую почту о послѣдствіяхъ и развитіи болѣзни и согласился со мною, что страхи мои были не напрасны и что можно поддержать, а не излѣчить; обѣщалъ писать къ своему брату Николаю Ѳедоровичу Арендту въ Петербургъ, тогда какъ я уже отправила къ нему прежде подробности болѣзни вмѣстѣ съ Шмитомъ, и тотъ отвѣчалъ мнѣ, что наши замѣчанія истинны и велѣлъ себя увѣдомлять доктору Шмиту какъ можно чаще, чтобъ сообщать Государю, который былъ чрезъ него о семъ увѣдомленъ. Арендтъ Симферопольскій ободрилъ очень братца и совѣтовалъ ему слѣдовать лѣченію Шмита; а между тѣмъ у братца открылись одышка и занятіе духа со стонами, кои раздирали душу. Вы можете себѣ представить, каково мнѣ было быть свидѣтельницею всего этого и слѣдить за страданіемъ, которое не могло истребиться, но только быть облегчено при неусыпномъ попеченіи и стараніи медика.

Въ томъ прошла зима. Весною мало по малу улучшилось это состояніе болѣзненное, но уже силы были ослабѣвшія. Впрочемъ мы

---

*) Это былъ, если не ошибаемся, Ялтинскій почтмейстеръ. П. Б.

довольно благодарили Бога за все лѣто. Наконецъ, вы знаете, какъ пріѣхалъ Караваевъ, какъ удачна была операція, какъ были осторожны, какія были приняты мѣры, какъ всѣ ночи князь Козловскій, операторъ Караваевъ и докторъ Шмитъ просиживали попеременно у постели братца. Все сіе вамъ извѣстно. Потомъ и Караваевъ поѣхалъ черезъ два мѣсяца, доволенъ несказанно успѣхомъ своей операціи. Онъ сдѣлалъ, живя у насъ, шестьдесятъ восемь операцій другихъ въ присутствіи князя Козловскаго (который обрекъ себя быть сестрою милосердія) и доктора Шмита. Я уже не говорю вамъ, чтò бралъ на себя князь Козловскій, пока братецъ былъ живъ: свыше всякаго нѣжнаго сына! Потомъ теперь четвертый мѣсяцъ былъ онъ убитъ этой потерею, безутѣшенъ и нѣсколько разъ былъ боленъ безнадежно, всякій разъ, какъ побывалъ на могилѣ братца.

Князь Козловскій съ его попеченіями о братцѣ слишкомъ былъ достаточенъ замѣнить двухъ сестеръ, какова я, если бы не этотъ проклятый Французскій языкъ, на которомъ братецъ привыкъ читать Священное Писаніе и для котораго братецъ такъ много волновался. Муравьева [1]) или ея племянница меня замѣнили въ чтеніи Священнаго Писанія, съ тѣхъ поръ какъ я ослѣпла годъ тому назадъ въ Мартѣ мѣсяцѣ. Вотъ вамъ причина, почему я вызвала Машу; ибо, наконецъ, братецъ начиналъ быть недовольнымъ ея замедленіемъ въ теченіи цѣлаго года, хотя это ангельское сердце ни на кого не раздражалось и не понесло съ собою злобы за двери гроба. Одинъ Бартеневъ [2]), который вынудилъ его написать себѣ упреки, теперь мучится самъ совѣстію; да еще одна особа, которая, бывши въ близости отъ южнаго берега, отсрочила до слѣдующаго года съ нимъ видѣться, и онъ пророчески сказалъ: «*на гробѣ моемъ увидимся*»:

---

[1]) Вѣра Алексѣевна, особа любопытная. П. Б.

[2]) Юрій Никитичъ Бартеневъ, котораго воспоминанія напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ" 1881 года. По своей горячности, высокой образованности и твердому уму, былъ онъ непріятенъ лицамъ, которыя окружали слѣпаго „друга царева» и уѣхалъ изъ Крыма, гдѣ жилъ по распоряженію императора Николая Павловича, желавшаго тѣмъ ослабить князю А. Н. Голицыну тоску невольнаго уединенія. У насъ сохраняется тогдашній Крымскій дневникъ этого нашего однофамильца. П. Б.

МИТРОПОЛИТЪ ПЛАТОНЪ КІЕВСКІЙ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ ПАВЛОВИЧѢ.

Въ Бозѣ почившаго митрополита Кіевскаго и Галицкаго Платона имѣлъ я честь и удовольствіе увидѣть въ первый разъ въ Одессѣ въ 1878 году, во время его величественнаго служенія въ университетской церкви, по случаю 50-лѣтняго юбилея Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, и потомъ въ тотъ же день за обѣдомъ, состоявшимся въ честь этого праздника. Во время обѣда было сказано нѣсколько рѣчей; сказалъ и я, нѣкогда послужившій этому обществу 17 лѣтъ, въ должности его секретаря и редактора его Записокъ. Рѣчь моя была принята съ самымъ теплымъ сочувствіемъ и къ ней, и лично ко мнѣ; многіе повставали съ мѣстъ и крѣпко жали руку старому труженику. Всталъ съ своего мѣста и владыка архіепископъ Платонъ, подошелъ ко мнѣ съ чарой вина, поблагодарилъ за рѣчь и попросилъ навѣстить его вечеромъ того же дня, что̀ я конечно и исполнилъ.

Пришелъ я къ нему часовъ въ 6 вечера, просидѣлъ до полуночи, не замѣтилъ, какъ прошли эти часы, и убѣдился, сколько могъ, по моему разумѣнію, что этотъ іерархъ долженъ быть причисленъ къ самымъ просвѣщеннымъ архипастырямъ Православной Церкви. Въ его словахъ, которыя можно сравнить съ быстрымъ серебристымъ потокомъ, ярко свѣтились и свѣтлый умъ, и ширина разнородныхъ знаній, и доброта сердца, и крѣпкая вѣра, и беззавѣтная любовь къ родной землѣ. Умная рѣчь его часто перемежалась словами и разсказами, возбуждавшими не только улыбку, но и смѣхъ. А потому этой почтенной личности нельзя не причислить къ такимъ собесѣдникамъ, съ которыми не хочется разстаться.

Но кажется (да такъ я и отъ другихъ слышалъ), что любимымъ предметомъ бесѣдъ митр. Платона былъ Николай Павловичъ. Видѣли ли вы, спросилъ онъ меня, императора Николая I? Къ величайшему моему сожалѣнію, отвѣчалъ я, не имѣлъ счастія видѣть —О, сказалъ Платонъ: изъ Сибири пѣшкомъ приходили, чтобы взглянуть на этого воистину величественнаго царя широкаго Русскаго царства; онъ и въ заграничныхъ краяхъ возбуждалъ къ себѣ не только удивленіе, но и невольное поклоненіе: и не разъ говорили тамъ, что если бы нашъ величественный владыка сталъ въ простой одеждѣ среди многотысячной народной массы, то всякій, не знавшій его,

сказалъ бы: это государь какого нибудь могущественнаго царства. Бывши Рижскимъ епископомъ, я имѣлъ счастіе не одинъ разъ видѣть у него въ кабинетѣ и вести бесѣду съ нимъ съ глазу на глазъ, и не могъ не убѣдиться, что у этого царя воистину была царская душа, во всемъ ея царственномъ величіи, свѣтѣ, силѣ и красотѣ. По своему положенію я не могъ слѣдить за проявленіями его самодержавной воли, исполненной великодушныхъ благожеланій своему народу, и пусть осудятъ меня современные мыслители или глашатаи, но я умру съ убѣжденіемъ, что это былъ во всѣхъ отношеніяхъ величайшій изъ царей всѣхъ царствъ и народовъ.

Я Николая I ставлю выше Петра I. Для него неизмѣримо дороже были православная вѣра и священные завѣты нашей исторіи, чѣмъ для Петра. Николай не приговорилъ бы къ смертной казни святителя Митрофана за осужденіе языческой обстановки на Воронежской верфи (грѣхъ, который впослѣдствіи Петръ Великій оплакалъ, вынося гробъ праведнаго служителя Православной Церкви). Великій и геніальный переобразователь Россіи рубилъ на древѣ жизни Русскаго народа не одни посохшіе сучки или негодныя поросли, но подъ часъ и самыя здоровыя и сильныя вѣтви; не только рубилъ, но и хотѣлъ всецѣло напитать это росшее цѣлые вѣка дерево чужими соками. Правда, самъ онъ не успѣлъ этого сдѣлать; но именно онъ положилъ тому начало, такъ что впослѣдствіи эти чужіе соки проникли въ самую сердцевину нашего народнаго дерева и сдѣлались вредоносны. Императоръ Николай Павловичъ всѣмъ сердцемъ былъ преданъ всему чистокровному Русскому и въ особенности тому, что̀ стоитъ во главѣ и въ основаніи Русскаго народа и царства—православной вѣрѣ. То былъ истинно-православный, глубоковѣрующій Русскій царь, и едва ли наша исторія можетъ указать другаго подобнаго ему въ этомъ отношеніи Припомните послѣдніе часы его жизни: такъ умирать можетъ истинный христіанинъ, истинный сынъ Православной Церкви; онъ почилъ, держа въ рукѣ крестъ Христовъ—символъ нашего спасенія. Многіе ли такъ умираютъ изъ нашей монашествующей братіи? Съ такимъ ли безстрашіемъ встрѣчаемъ смерть мы, отрекшіеся отъ міра и поставившіе задачею отшельнической жизни встрѣчу со смертію, какъ съ переходомъ въ иную, лучшую жизнь?

Нѣкоторые говорятъ, что Николай Павловичъ на свое многолѣтнее величавое царствованіе положилъ пятно Венгерскою войною. Да, не вступись онъ за Австрійскую монархію,—и это многосоставное и разнородное государство распалось бы, для насъ открылся бы путь къ Царьграду, и нѣтъ сомнѣнія, не было бы Крымской войны. Австрія удивила міръ своею неблагодарностію, воистину самою черною, едва ли не безпримѣрною во всей исторіи человѣчества. Все это такъ; но что̀ было побужденіемъ повести войну противъ мятежной Венгріи? Слава Русскаго оружія? Слава мощнаго Русскаго царя? Мзда какая нибудь? Нѣтъ и нѣтъ, а одно—вѣрность обѣтамъ Священнаго Союза, истинно рыцарская честь. А если такъ, то можно ли

набрасывать тѣнь на такого рыцаря чести, какимъ былъ всегда и всюду незабвенный нашъ императоръ Николай Павловичъ? Честь самое высокое проявленіе души человѣческой; безъ нея нѣтъ добродѣтели, нѣтъ правды, одна ложь, которой отецъ есть діаволъ. Но если таковы достоинства чести, то кто же долженъ служить образцомъ или примѣромъ ея, какъ не стоящіе во главѣ народовъ? Нѣкоторые изъ мыслителей совершенно справедливо называютъ современную политику блудницею, для которой нѣтъ чести, нѣтъ памяти о сдѣланномъ добрѣ. Нашъ незабвенный царь - христіанинъ былъ чуждъ этой гнусной политики-блудницы, съ которою такъ открыто для всего міра любодѣйствовали и Австрія, и Пруссія, и Англія, и другія державы. Да, у нашего царя Николая I была самая прямая, честная душа.

Но чего не стали говорить, когда онъ перешелъ отъ насъ въ иной міръ (вѣрую, въ обители Отца Небеснаго)? Николая Павловича называли врагомъ науки и просвѣщенія. Это извѣтъ, заслуживающій только одно отвращеніе. Не любилъ онъ шарлатанства науки, красненькихъ глашатаевъ во имя науки; но глубоко и искренно уважалъ истинныхъ жрецовъ ея, помогалъ и давалъ имъ ходъ, и не жалѣлъ для науки государственной казны. На все это мы имѣемъ самыя неоспоримыя свидѣтельства. Кто возвелъ въ графское достоинство бывшаго поповича? Но не только къ наукамъ, а ко всему благородному и изящному съ теплою любовію отзывалось нѣжное сердце покойнаго государя. Не ласкалъ ли онъ отечески Пушкина, Жуковскаго, Гоголя и подобныхъ имъ? Говорятъ, что Гоголю онъ послалъ томъ ассигнацій, равный тѳму его Мертвыхъ Душъ. Брюловъ, Каратыгинъ, Мартыновъ, Самойловъ и всѣ выдающіеся дѣятели въ области искусствъ развѣ не пользовались особыми ласками этого добрѣйшаго, истинно-всемилостивѣйшаго монарха?

Наши поклонники необузданной свободы ставятъ ему въ укоръ: почему онъ не уничтожилъ крѣпостнаго состоянія? Всѣмъ извѣстно, что онъ желалъ это сдѣлать, желалъ отъ всей полноты души; но опасался, какъ бы дорогѳй ему Русскій темный народъ не поработить грубому произволу, кабаку, кулакамъ, взяточникамъ и міроѣдамъ. Аще слѣпецъ слѣпца поведетъ, оба въ яму упадутъ. Нашихъ дворянъ мы не можемъ не считать за людей зрячихъ, шедшихъ во главѣ Русскаго народа, хотя (но это въ скобкахъ) нельзя не признать, что немалое число изъ нихъ отуманилось вѣяніемъ легкихъ вѣтровъ съ Запада и стало холодно относиться къ первой нашей народной силѣ — къ Православной Церкви. Нѣтъ, мы еще не оцѣнили этой воистину великой и величественной царской души, для которой все счастіе состояло въ счастіи Русскаго народа. Знаете ли, какъ я безгранично былъ преданъ государю Николаю Павловичу? Вотъ какъ. Выходя изъ кабинета этого земнаго для меня бога, если бы я услышалъ его голосъ: бросься ради меня изъ окна; ей! перекрестясь, бросился бы. И сколько я пролилъ горькихъ слезъ, когда

28*

не стало его! И было ли хотя одно воспоминаніе о немъ, которое не вызвало бы у меня слезъ? Такая моя печаль прекратилась только послѣ одного видѣнія, о которомъ вамъ и повѣдаю; но сдѣлаю нѣкое вступленіе.

Въ первый разъ я вижу васъ и бесѣдую съ вами, хотя уже и не одинъ часъ; но я не знаю вашихъ вѣрованій и убѣжденій. „Не вѣмъ, коего духа есте“. Вѣрите ли вы въ явленія ангеловъ и нашихъ братьевъ по плоти, отошедшихъ отъ насъ въ загробный міръ?

На этотъ вопросъ я отвѣчалъ: я вѣрю во все, что̀ исповѣдуетъ наша святая Православная Церковь, а она исповѣдуетъ то, что̀ передано ей откровеніемъ или Словомъ Божіимъ; но я знаю очень хорошо, что въ настоящее время наши легкомысленные передовики не только не вѣрятъ въ явленія изъ загробнаго міра, а даже смѣются надъ подобными вѣрованіями.

— Совершенно вѣрно вы говорите, замѣтилъ мнѣ Платонъ. Не знаю, повѣрите ли вы моему разсказу; но не забывайте: я старикъ и, хотя и недостойный, но служитель алтаря Господня, и мнѣ нѣтъ никакой надобности говорить ложь или вымыселъ.

Дѣло было, когда я епископствовалъ на Дону, именно въ концѣ сорокоуста по скончавшемся государѣ Николаѣ Павловичѣ. Сижу я у себя, время было около полунощныхъ часовъ подъ Воскресенье, сижу и читаю очередную проповѣдь одного священника, въ которую и было погружено все мое мышленіе... Стало быть воображеніе бездѣйствовало и ни къ чему меня не приготовляло. Въ правую сторону отъ моего стола находилась дверь въ пріемную, и она по обыкновенію была настежъ отворена. Я вѣдь жилъ всегда, какъ говорится, на распашку; да и вообще скажу, мы, нынѣшніе отшельники, далеко не похожи на нашихъ прежнихъ братій:... моленіе не составляетъ принадлежности нашей аскетической жизни; мы забываемъ ап. Іакова, который въ языкѣ человѣка видѣлъ самое большое зло. Но это въ сторону. Сижу я, съ углубленіемъ читаю проповѣдь, кое-что мараю въ ней, и вдругъ чувствую, что меня что-то ударило въ правый бокъ, ударило слегка, какъ будто дѣтскимъ резиновымъ мячикомъ, брошеннымъ изъ растворенной двери. Я не могъ не взглянуть въ эту сторону, взглянулъ, и что̀ же представилось глазамъ моимъ? Въ дверяхъ стоитъ во всемъ своемъ царскомъ величіи, немного склонясь въ сторону, государь императоръ Николай Павловичъ, устремляя на меня свой орлиный взоръ. И это не было какое-нибудь туманное, призрачное явленіе; нѣтъ, я вижу незабвеннаго моего царя какъ живаго, и въ немъ все, до мельчайшихъ подробностей, являлось мнѣ въ осязаемыхъ очертаніяхъ. Могъ ли я не придти въ трепетное смущеніе? Смотрю на явившагося возлюбленнѣйшаго моего царя, и онъ проницательно, величественно и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушно смотритъ на меня. И это было не на мгновеніе. Невольно возникъ въ душѣ вопросъ: встать ли мнѣ и поклониться? Но какъ кланяться приви-

дѣнію? А съ другой стороны, какъ не поклониться царю, земному богу? Привстаю, и въ эти секунды ясный, дивный образъ великаго изъ царей земныхъ сталъ мало-по-малу переходить въ туманный призракъ, сталъ исчезать не двигаясь съ мѣста, и исчезъ предо мною; но я не заплакалъ, и вотъ съ той-то минуты рѣже стали падать изъ глазъ моихъ слезы при воспоминаніи о незабвенномъ царѣ Русскаго царства.

Что же вы скажете о моемъ видѣніи? Заподозривать меня въ вымыслѣ или лжи вы не имѣете ни малѣйшаго основанія, видя во мнѣ старика и притомъ архіерея, правда подъ часъ чрезъ мѣру словоохотливаго, но лжецомъ я никогда не былъ. Однако, что же это было за видѣніе? Галлюцинація, плодъ воображенія, разстройство нервной системы? Пожалуй и явленіе Христа апостоламъ наши вѣтрогонные мыслители объясняютъ галлюцинаціей, хотя они и не могутъ доказать, чтобы галлюцинація вдругъ овладѣла 11-ю лицами или пятью стами братій, которымъ явился Христосъ по воскресеніи. Знаете ли, что̀ здѣсь необъяснимо для меня: достоинъ ли я былъ того, чтобы величайшій изъ царей земныхъ посѣтилъ изъ загробнаго міра мое старческое убожество? Почему онъ не являлся достойнѣйшему меня? Но, съ другой стороны, не тѣмъ ли подобныя личности и велики, что онѣ не зрятъ на человѣки?“

Этимъ бесѣда наша кончилась.

Но не вымыселъ ли то со стороны пишущаго эти строки? Призываю въ свидѣтели и Бога, и мою старческую совѣсть, что все это я слышалъ отъ архипастыря Платона и записалъ со словъ его. Припоминаю, что въ послѣднее мое свиданіе съ нимъ въ Москвѣ онъ спросилъ: позабылъ ли я про его видѣніе? Не намекалъ онъ этимъ на передачу видѣнія во всеобщую извѣстность?

Ив. Палимпсестовъ.

Декабря 20-го 1892 года
Севастополь.

О ПИСЬМАХЪ И. С. АКСАКОВА КЪ РОДНЫМЪ (1839—1860) 3 ТОМА.

И. С. Аксаковъ занимаетъ такое видное мѣсто въ исторіи умственной жизни нашего общества, начиная съ 1860-хъ годовъ, т. е. со времени кореннаго перелома, совершившагося у насъ вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, что нельзя не привѣтствовать въ печати всего, чтó можетъ знакомить съ личностью этого выдающагося писателя и выдающагося человѣка.

Въ настоящее время, когда многое изъ непережитаго лично уже забыто современниками, И. С. Аксакова принято почитать полнѣйшимъ представителемъ такъ называемаго славянофильства, всестороннимъ продолжателемъ ученія, намѣченнаго, наброшеннаго лишь въ общихъ чертахъ Славянофилами древними, 40-хъ и 50-хъ годовъ. Такой взглядъ на дѣятельность И. С. Аксакова объясняется прежде всего тѣмъ, что умственная жизнь Русскаго общества въ до-эманципаціонную эпоху замыкалась въ сравнительно-тѣсныхъ предѣлахъ и что, кромѣ того, ученіе чисто-принципіальнаго характера, едва оцѣненное въ свое время, не могло представлять чего-либо яснаго и живаго для поколѣній, увлеченныхъ водоворотомъ событій, которые едва давали возможность конечной оцѣнкѣ даже чисто-конкретныхъ явленій дѣйствительности. Славянофильство «Русской Бесѣды», вращаясь въ разработкѣ и уясненіи почти исключительно общихъ основныхъ вопросовъ, было едва ли умѣстно въ такое время, когда ежеминутно требовалось отвѣчать на запросы, такъ сказать, дня. Со смертью почти всѣхъ главнѣйшихъ мыслителей этого направленія, ему самому суждено было бы если не навсегда, то надолго исчезнуть изъ умственнаго обращенія Русскаго общества, если бы И. С. Аксаковъ и (до нѣкоторой степени) Ю. Ѳ. Самаринъ не выступили какъ выразители этого самаго ученія въ примѣненіи его къ тѣмъ животрепещущимъ вопросамъ, которые зарождались вмѣстѣ съ занимавшеюся свободою мысли и жизни послѣ 19 Февраля 1861 года.

Несказанно велики заслуги И. С. Аксакова на этомъ отношеніи передъ Русской мыслію и Русской исторіей вообще. Онъ не далъ заглохнуть надолго сѣменамъ чисто-Русской мысли, зародившимся въ средѣ бытовой и умственной, изъ которой вышелъ онъ самъ и, можетъ быть, благодаря ему и Ю. Ѳ. Самарину, не порвалась живая нить, которая связывала насъ съ Русскими мыслителями - Славянофилами доэманципаціоннаго времени. Эта нить проходитъ чрезъ всѣ тридцать лѣтъ, которыя протекли съ кончины дѣятелей «Русской Бесѣды» и, благодаря ей, мы можемъ вернуться къ нимъ уже не какъ къ явленію архаическому, давно завершившемуся, а какъ къ живому слову еще звучащему, не смотря на пространство времени, чрезъ которое оно доносится до насъ.

Тяжелую и почти непосильную задачу взялъ на себя Иванъ Сергѣевичъ—быть единственнымъ почти представителемъ направленія, выработаннаго совмѣстнымъ трудомъ цѣлаго сонма великихъ умовъ, сильныхъ и знаніемъ, и строгостью мышленія. Это дѣло могъ предпринять только такой мощный духомъ человѣкъ, каковъ былъ И. С. Аксаковъ, предавшійся служенію своему не однимъ умомъ, но и всею жизнію своей. Онъ жилъ только для служенія своему убѣжденію и жилъ согласно таковому до самой смерти. Такой духовной пошибъ сближаетъ его, не менѣе самихъ убѣжденій, съ людьми Славянофильскаго кружка, откуда онъ вышелъ, почерпнувъ въ ихъ средѣ не одну формальную доктрину, но главнымъ образомъ согласіе между ученіемъ и жизнью, т. е. самую суть того, чтó составляетъ несокрушимую силу этого ученія, въ которомъ слово и дѣло всегда составляли одно нераздѣльное.

Возможно ли однако оправдать во всѣхъ подробностяхъ сложившееся представленіе о томъ, что И. С. Аксаковъ былъ полнымъ выразителемъ такъ называемаго Славянофильскаго воззрѣнія, того воззрѣнія, которое первые Славянофилы сами въ шутку (вышедшую изъ враждебнаго лагеря) называли такъ, считая, что его настоящее названіе есть направленіе Русское, и къ тому же не въ исключительномъ, а въ общечеловѣческомъ значеніи этого слова *). Трудно сказать, во сколько сами основатели ученія Русскаго (Славянофильскаго) остались бы вѣрны себѣ во всѣхъ подробностяхъ, еслибы имъ суждено было переживать

---

*) «Русскій народъ—народомъ является отъ того, что обставленъ народами съ исключительно-народнымъ смысломъ, и человѣчество является потому въ немъ народностью» (Соч. К. С. Аксакова, т. I, стр. 597).—«Нашъ духовный трудъ есть дѣло не только Русское, но и всемірное» (Письмо А. С. Хомякова къ Ю. Ѳ. Самарину, „Русскій Архивъ“ 1879, II, 315).

время, въ которомъ дѣйствовалъ И. С. Аксаковъ. Тѣмъ менѣе можно ставить ему въ вину, если онъ не всегда и не во всемъ оставался вѣренъ воззрѣніямъ своихъ предшественниковъ; да, наконецъ, едва ли можно требовать, чтобы онъ до мелочей держался убѣжденій хотя и близкихъ по духу, но все - таки чужихъ. Онъ былъ вѣренъ вполнѣ себѣ и только себѣ; поэтому - то именно едва ли позволительно отожествлять во всемъ объемѣ воззрѣнія его съ ученіемъ Славянофиловъ основныхъ или, точнѣе, едва ли позволительно считать его представителемъ этого направленія вообще, и не правильнѣе ли сказать, что онъ въ общемъ дѣлѣ возрожденія Русскаго міровоззрѣнія занимаетъ свое личное мѣсто, и что даже его точка зрѣнія на многіе вопросы ему одному принадлежитъ. Нельзя, напримѣръ, не замѣтить, что у Ивана Сергѣевича оттѣнокъ дѣйствительнаго Славянофильства нѣсколько рѣзче обозначенъ, чѣмъ у его предшественниковъ; онъ болѣе Славянофилъ, чѣмъ Константинъ Сергѣевичъ, гораздо болѣе, чѣмъ Хомяковъ и Кирѣевскіе, и это вѣроятно потому, что въ его воззрѣніяхъ интересы политическіе, племенные и гражданственные вообще занимаютъ болѣе видное мѣсто, чѣмъ у дѣятелей «Русской Бесѣды»: для нихъ просвѣтительно-культурный вопросъ былъ почти единственный, которому они придавали значеніе, на которомъ строили все свое міровоззрѣніе. Такая разница оттѣнковъ мысли проистекала ли отъ различія условій, въ которомъ призваны были проявить себя Славянофилы разныхъ эпохъ, или это было простое слѣдствіе той свободы отношенія къ подробностямъ при общности основъ, на которое указано еще въ предисловіи къ «Русской Бесѣдѣ» и которымъ дѣятели этого кружка такъ дорожили, какъ признакомъ того, что они связаны общностью убѣжденій внутреннихъ, а не формальной партійной программой,—сказать трудно.

Тѣмъ дороже для уразумѣнія внутренняго строя мыслей Ивана Сергѣевича и т. с. генесиса того ученія, съ которымъ онъ выступилъ на публицистическое поприще въ 1860 году,—эти три тома писемъ его къ роднымъ, обнимающіе всю первую подготовительную эпоху его жизни, съ учебной скамьи въ училищѣ Правовѣдѣнія до того времени, когда, послѣ распаденія сначала семейнаго кружка, потомъ и кружка единомышленниковъ, онъ остался одинъ представителемъ Славянофильнаго направленія въ области публицистики и общественно-политическаго дѣланія, т. е. до знаменательнаго въ Русской Исторіи 1861 года.

Первые два тома были изданы еще вдовой его Анной Ѳеодоровной; третій же томъ, появившійся нынѣ, былъ также подготовленъ ею,

но вышелъ долго спустя послѣ ея кончины, и нельзя не замѣтить, что между тщательностію изданія первыхъ двухъ томовъ и изданіемъ третьяго тома есть нѣкоторая разница *).

А. Ѳ. Аксакова успѣла издать семь томовъ статей Ивана Сергѣевича, въ которыхъ систематически подобрала все писанное имъ для различныхъ его изданій, и эти увѣсистые томы содержатъ въ себѣ полное изложеніе всего его воззрѣнія, какъ оно выработалось въ немъ въ послѣднюю, вполнѣ самостоятельную эпоху его дѣятельности. Какимъ путемъ это воззрѣніе развивалось и на какой точкѣ развитія стоялъ онъ въ ту минуту, когда выступилъ на это послѣднее свое поприще,раскрывается съ полною ясностію и съ неотразимой обаятельностію изъ трехъ томовъ его писемъ къ роднымъ. Составитель предисловія къ первому тому (вѣроятно сама Анна Ѳедоровна) приводитъ слова Ивана Сергѣевича, что «кто не знаетъ его по письмамъ, тотъ очень мало его знаетъ». (Вѣрность этихъ словъ его вполнѣ подтверждается обнародованными весьма интересными письмами его же, приложенными къ третьему тому біографіи А. И. Кошелева, труду Н. П. Колюпанова). Трудно представить себѣ какое бы то ни было письменное произведеніе, которое полнѣе передавало бы духовную жизнь писавшаго, какъ эти письма Ивана Сергѣевича. Переписка съ близкими вообще незамѣнимый матеріалъ для раскрытія души человѣка, конечно при условіи искренности ея; но письма Ивана Сергѣевича имѣютъ въ себѣ нѣчто совершенно особенное, чего не приходилось намъ встрѣчать ни въ одномъ подобнаго рода изданіи. Его письма, можно сказать, болѣе чѣмъ повѣствованія о себѣ другимъ, хотя и близкимъ: они скорѣе бесѣда его съ самимъ собою, отчетъ самому себѣ, лишь сообщаемый другимъ, но явно вызванный простой непосредственной потребностью выразить себя самому себѣ. Такой исключительный характеръ этихъ писемъ дѣлаетъ ихъ особенно привлекательными; это уже не простая переписка, при чтеніи которой, какъ бы она ни была обще-интересна, всегда ощущаешь нѣкоторое легкое чувство совершаемой нескромности, подслушиванія чужаго разговора. Иванъ Сергѣевичъ бесѣдуетъ въ нихъ, собственно говоря, съ самимъ собою и съ каждымъ, кто при этой бесѣдѣ можетъ присутствовать, не менѣе чѣмъ съ родителями, по адресу которыхъ они надписаны и для личнаго обихода которыхъ есть немало замѣчаній, вопросовъ, мелкихъ сообщеній, совершенно однако поглоща-

*) Напримѣръ едва ли бы она приложила къ своему изданію каррикатурный портретъ Ивана Сергѣевича (работы Эммануила Александровича Мамонова), не оговоривъ происхожденія и характера этого портрета.

емыхъ общимъ увлекательнымъ теченіемъ этого само-раскрытія писавшаго. Характеръ ли его писемъ таковъ, или таковъ былъ литературный даръ Ивана Сергѣевича,—но языкъ этихъ писемъ отличается такой необыкновенной ясностью, простотой и непосредственностью, что, начавши разъ чтеніе, трудно, почти невозможно, оторваться отъ него, не дочитавъ до послѣдней страницы. Особенно обаятеленъ послѣдній томъ. Онъ, во первыхъ, принадлежитъ ко времени, когда Иванъ Сергѣевичъ вполнѣ усовершенствовалъ свой письменный языкъ, и кромѣ того онъ вводитъ насъ въ жизнь Ивана Сергѣевича въ эпоху наиболѣе богатую разнообразными и интересными условіями. Поѣздка въ Малороссію для изученія Украинскихъ ярмарокъ, ополченскій походъ въ Бессарабію, въ качествѣ офицера Московской дружины, поѣздка за границу, заключившаяся кончиною Константина Сергѣевича: таково содержаніе этого тома, полнѣе двухъ другихъ затрогивающаго разнообразные вопросы, возникавшіе при постоянной перемѣнѣ дѣятельности и среды. Изъ этихъ трехъ томовъ эпистолярной автобіографіи Ивана Сергѣевича, доводящей читателя вплоть до того времени, когда начинается его общественная, всѣмъ извѣстная печатная дѣятельность и когда онъ выступаетъ какъ представитель цѣлаго ученія, связаннаго съ его именемъ и извѣстнаго какъ Славянофильское по преимуществу, мы можемъ составить ясное понятіе о томъ, какъ слагались его убѣжденія и на какой почвѣ они окрѣпли. Немногимъ изъ людей его круга довелось столько встрѣчаться съ живой дѣйствительностію въ самыхъ разнообразныхъ ея видахъ, и не безъ нѣкотораго права выставлялъ онъ другимъ на видъ отвлеченность ихъ воззрѣній, въ противоположность воззрѣніямъ его, возникшимъ на почвѣ живой дѣйствительности, постояннаго общенія съ разнобразными слоями народа у насъ и съ лучшими представителями западной цивилизаціи. Нельзя послѣ этого не удивляться, что въ его позднѣйшей дѣятельности такъ мало проглядываетъ та именно сторона его міровоззрѣнія, которою онъ въ письмахъ своихъ особенно какъ бы хвалится—практическая. Читатели его повременныхъ изданій, критики его и почитатели, всѣ единогласно отзывались объ его дѣятельности, какъ о страдавшей именно недостаткомъ практичности. Самъ онъ этого обвиненія не отвергалъ, но объяснялъ его тѣмъ, что его дѣло—принципіальное уясненіе вопросовъ, а не преподаніе практическихъ указаній на каждый данный житейскій случай; иначе: въ чемъ онъ нѣкогда упрекалъ старшихъ дѣятелей своего круга, въ томъ именно сошелся съ ними въ наиболѣе зрѣлую пору своей дѣятельности. Нельзя ли этого кажущагося противорѣчія устранить предположеніемъ, что съ развитіемъ, пріобрѣтеннымъ годами, и въ общеніи болѣе близкомъ съ главными дѣятелями кружка

«Русской Бесѣды» (которой редакторомъ онъ самъ былъ въ теченіе года), онъ понялъ, что практичность и жизненность воззрѣній проистекаютъ не отъ одной провѣрки ихъ обыденными мелочами жизни, а отъ соглашенія ихъ съ основнымъ строемъ народнаго духа, уразумѣніе коего дается именно только тѣмъ, которые могутъ не терять изъ виду общаго направленія, не смотря на вѣчно развлекающую и отвлекающую ежедневность? Ученіе старшихъ Славянофиловъ, казавшееся ему нѣкогда столь далекимъ отъ жизни, не утратило, а можетъ быть еще усугубило свой живой смыслъ за послѣднія тридцать лѣтъ. Да и самыя статьи Ивана Сергѣевича, нѣкогда почитаемыя совершенно непрактичными, къ дѣлу непримѣнимыми. не утратили, а напротивъ тоже усугубили свое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ онѣ собраны въ семи увѣсистыхъ томахъ, тогда какъ многое, почитавшееся нѣкогда дѣловитымъ и вполнѣ практически-мудрымъ, давно забыто и если вспоминается изрѣдка, то развѣ только для самой отрицательной оцѣнки.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ СПИСКУ ПОРТРЕТОВЪ РАБОТЫ Д. Г. ЛЕВИЦКАГО.

Высоко цѣня художественныя произведенія славнаго Русскаго портретиста Дмитрія Григорьевича Левицкаго, считаю долгомъ пополнить списокъ портретовъ его работы, напечатанный въ 10 книжкѣ „Русскаго Архива“ за 1892 годъ, въ прекрасной статьѣ В. П. Горленко. Въ этотъ списокъ не попали два извѣстныхъ мнѣ портрета: одинъ Ф. П. Макеровскаго, бывшаго начальника Московскаго Горнаго Правленія, скончавшагося въ преклонномъ возрастѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ, и другой—портретъ дочери самого художника. Оба эти портрета отлично сохранились. Они дороги еще тѣмъ, что не испытали на себѣ ни подновленій, ни усерднаго покрытія лакомъ. Фавстъ Петровичъ Макеровскій снятъ въ дѣтскомъ возрастѣ во весь ростъ, въ богатомъ и чрезвычайно живописномъ Испанскомъ костюмѣ. Написанъ онъ былъ вѣроятно въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, т. е. въ лучшую пору даровитаго художника. Дочь же Левицкаго, прекрасное миловидное личико, почти въ натуральную величину, снята въ Русскомъ костюмѣ. Портретъ поколѣнный. Оба портрета эти сохраняются въ семьѣ Макеровскихъ и, къ крайнему сожалѣнію, остаются для большинства любителей и цѣнителей малоизвѣстными. Жаль, если названныя произведенія Левицкаго не будутъ пріобрѣтены городомъ и не сдѣлаются общественнымъ достояніемъ.

В. Попандопуло.

Прошло ужъ двадцать лѣтъ, какъ Гречъ
Писать грамматику затѣялъ:
Конецъ труду—и тяжесть съ плечъ!
Пусть жнетъ теперь, что̀ прежде сѣялъ.
Лились чернила, лился потъ,—
Теперь вино польется въ ротъ.

*
* *

Явись, бокалъ! Ты намъ *Союзъ*,
Склоненіе къ любви и славѣ.
Глаголъ сердецъ, *причастье* Музъ
Знакъ удивительный въ забавѣ.
Друзья! Кто хочетъ въ счастьи жить,
Спрягай почаще *пить*, *любить*.

*
* *

Въ отчаяньи нашъ Гречъ ужъ былъ:
Грамматику чуть-чуть не съѣли.
Но Царь эгидой осѣнилъ,
И всѣ педанты присмирѣли.
И такъ, молитву сотворя,
Во первыхъ, здравіе Царя!

*
* *

Теперь ура, другъ Николай!
Ты намъ—жандармъ языкознанья.
Трудись, живи да поживай
Безъ всякихъ *знаковъ препинанья*.
Друзья, воскликнемъ наконецъ:
Ура, грамматики творецъ!

С. Нечаевъ.

О МѢСТѢ КОНЧИНЫ ПАИСІЯ ЛИГАРИДА.

Въ первомъ выпускѣ „Русскаго Архива“ за настоящій годъ, на стр. 31 затронутъ вопросъ о годѣ и мѣстѣ кончины Паисія Лигарида. „Годъ и мѣсто его кончины, говоритъ г. Воробьевъ, неизвѣстны. По предположенію преосвященнаго Филарета Черниговскаго, онъ умеръ въ Москвѣ, и въ такомъ случаѣ естественно допустить, что и погребенъ онъ тамъ же, въ Симоновомъ монастырѣ, на своемъ подворьѣ“.

Но вотъ документъ 1693 года, найденный нами въ одномъ рукописномъ сборникѣ Чудова монастыря (№ 300), заключающемъ въ себѣ черновыя и бѣловыя бумаги извѣстнаго писателя конца XVII и начала XVIII вѣковъ Каріона-Истомина Заулонскаго (л. 337-й).

„Адріанъ милостію Божіею. О святѣмъ Дусѣ сыну и сослужителю нашея мѣрности преосвященному Варлааму, митрополиту Кіевскому Галицкому и Малыя Россіи, архипастырское благословеніе.

Писалъ къ нашей мѣрности братъ о Христѣ и сослужитель святѣйшій киръ Досиѳей патріархъ Іерусалимскій и всея Палестины, еже бы послѣ успшаго скончавшаго жизнь свою о Господѣ Лигарида Газскаго митрополита, у васъ въ Кіевѣ, мощи святыя и книги, аще есть гдѣ отыскати и, отдавъ Гроба Господня архимандриту Хрисанѳу Іерусалимскому, послати къ нему святѣйшему Досиѳею въ Іерусалимъ. И ты сіе и сослужителю нашему о взысканіи таковыхъ вещей, како тамо знаеши, егда и гдѣ той митрополитъ Газскій преставился, и чтò остася, или кому приказалъ, потрудися, и чтò мощно чего-либо сыщется, къ ему архимандриту Хрисанѳу, нынѣ отъ насъ изъ царствующаго града возвратившемуся во своя, вели отдати. Ибо пишутъ, яко братъ Лигаридъ Газскій книги и мощи святыхъ иныя взялъ изъ Іерусалима, иныя изъ Газскія епархіи. Что же о томъ сотворится, нашей мѣрности вѣдѣніе писаньми сотвори. По семъ благодать Божія здрава въ мирномъ жительствѣ многолѣтна тя и спасенна да сохранитъ, желаемъ.

Писася въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, ҂з҃св лѣта, отъ воплощенія Бога Іисуса ҂а҃хчг мѣсяца Декемврія „з дне“.

Патріархъ Адріанъ положительно говоритъ, что Паисій Лигаридъ скончался въ Кіевѣ, хотя не обозначаетъ, въ какомъ монастырѣ: объ этомъ онъ проситъ Варлаама Ясинскаго навести справки и увѣдомитъ его. Кромѣ того, коль скоро извѣстно, что въ 1676 году Паисій изъ Кіева возвратился

въ Москву, то посланіе патріарха Адріана свидѣтельствуетъ о вторичномъ отъѣздѣ Паисія Лигарида въ Кіевъ, гдѣ онъ и умеръ.

Быть можетъ, со временемъ отыщутся другіе документы, которые точно обозначатъ и годъ кончины Паисія Лигарида. Такими документами могутъ быть письмо патріарха Іерусалимскаго Досифея къ патріарху Московскому Адріану и письмо митрополита Кіевскаго Варлаама, въ которомъ онъ сообщалъ бы патріарху Адріану свѣдѣнія о времени и родѣ смерти Паисія и объ оставленномъ имъ имуществѣ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ въ настоящее время указать эти документы.

Сергѣй Брайловскій.

Новгородъ-Сѣверскъ.
1893 г. Январь.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

„Русскій Архивъ" 1892 года, кн. I-я:

Страница.	*Строка.*		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
275	18	сверху	завозными	заводными
285	31	„	шиллинга	скиллинга
286	17	„	скучные	спорные
288	8 и 36	„	полушъ	болоковъ
293	13	„	устоевъ	устій
294	28	„	воды	сѣна
300	2	„	пальцамъ	кольцамъ
300	37	„	рунныхъ	ручныхъ
301	14	„	(Preuden)	(Treuden

1892 г., кн. III-я, стр. 350, примѣч. 2-е: послѣ словъ „св. Петра" *пропущены* слова „какъ упадающее на 1308—1326".

1893 г., кн. I-я, стр. 32 и 117, напечатано: „Г. Полоцкъ", *слѣдуетъ:* Г. Плоцкъ.

Опечатка въ Запискахъ Ф. Ф. Вигеля.

Ч. VI, стр. 11, напечатано *преслѣху-*, надо преслѣду-

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1893 года

(выпуски 1, 2, 3 и 4).

Обзоръ дѣятельности губернскихъ архивныхъ коммиссій за 1891-й годъ. **А. Н. Труворова. 183.**

Замѣтка о ссылкѣ великаго князя Симеона Бекбулатовича. Изъ разслѣдованій о смутномъ времени. **Графа С. Д. Шереметева. 202.**

Женщины-слагательницы церковныхъ пѣснопѣній. **Г. А. Воробьева. 115.**

Изъ бумагъ **О. М. Бодянскаго** (письма во время возсоединенія Малороссіи). **414.**

Паисій Лигаридъ (дѣло патріарха Никона). Статья **Г. А. Воробьева. 5.**

О мѣстѣ кончины Паисія Лигарида (Письмо патріарха Адріана Кіевскому митрополиту Варлааму) **Н. С. Браиловскаго. 447.**

О древностяхъ Селенгинска и Посольскаго монастыря на Байкалѣ. **В. Птицына. 33.**

Датскій посланникъ Юстъ Юль (его жизнеописаніе). **Ю. Н. Щербачева. 147.**

Духовная князя Бориса Ивановича Куракина и регламентъ его „шпиталя“. **149.**

Правда о Странноприимномъ домѣ князей Куракиныхъ въ Москвѣ и домовой церкви при немъ. **В. Н. С. 159.**

Инструкція **Арсенія Мацѣевича** Ѳедоруконюху. Съ предисловіемъ **А. А. Титова. 35.**

Чулятовъ, чудакъ прошлаго столѣтія. **С. А. Петровскаго. 165.**

Екатерина Великая о торговлѣ съ Бухарою. Письмо **П. В. Завадовскаго** къ Г. Н. Теплову. (1775). **179.**

Рескриптъ **Екатерины Великой** А. П. Мельгунову объ Американскихъ корабляхъ (1781). **314.**

Какъ умиралъ графъ Ѳ. В. Растопчинъ (письмо **А. Я. Булгакова** къ графу М. С. Воронцову). **39.**

Изъ анекдотовъ объ А. П. Ермоловѣ. **179.**

В. Н. Каразинъ. Записка объ изданіи «Отечественнаго Архива» (Письмо къ М. П. Погодину). **97.**

Изъ писемъ **митрополита Филарета** къ оберъ-прокурору Св. Синода С. Д. Нечаеву. (1832—1836). **42, 120 и 211.**

Замѣтки по поводу писемъ митрополита Филарета къ С. Д. Нечаеву. **118.**

Изъ бумагъ **С. Д. Нечаева.** (Письма князя А. Н. Голицына и его сестры . **418.**

Библіографическая замѣтка о графѣ П. Х. Граббе и Е. А. Головинѣ **Е. Козубскаго. 181.**

Княгиня и монастырскій послушникъ. Изъ хроники 1850 года. **И. П. Бартенева. 230.**

Императоръ Николай Павловичъ. Записка **графини А. Д. Блудовой** (1850). 83.

Платонъ, митрополитъ Кіевскій объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. **И. У. Палимпсестова. 435.**

Изъ воспоминаній и замѣтокъ Севастопольца. VIII—XI. (Балаклавское дѣло.—Тотлебенъ и инженеры при оборонѣ Севастополя.—Инкерманское сраженіе.—Первая бомбардировка.—Князь М. Д. Горчаковъ.—4 Августа 1855 года. — Атака Өедюхиныхъ высотъ.—Штурмъ Севастополя.—У Малахова кургана.—Заслуги Черноморскихъ моряковъ). **Д. В. Ильинскаго. 49, 249** и **323.**

Летучія воспоминанія Севастопольца (О канцлерѣ князѣ Горчаковѣ.—Въ Севастополѣ). **Д. В. Ильинскаго. 430.**

Мнимый Англійскій трофей. Заявленіе **Д. В. Ильинскаго. 322.**

Изъ Записокъ сенатора **К. Н. Лебедева.** (1855—1859 годы.) **284** и **337.**

Письма митрополита Исидора къ **князю А. И. Барятинскому** съ примѣчаніями **А. Л. Зиссермана. 400.**

По поводу одного солдатскаго разсказа. Замѣтка **А. Л. Зиссермана. 169.**

Мой отвѣтъ А. Л. Зиссерману. **П. Н. Обнинскаго. 305.**

Стихи **С. Д. Нечаева** про Греча и его граматику. **446.**

Матеріалы для біографіи Е. А. Баратынскаго. **309.**

Миргородъ и Яновщина. Путевыя замѣтки **В. П. Горленко. 298.**

Дополненіе къ спискѣ портретовъ работы Д. Г. Левицкаго. **445.**

Памяти поэта А. А. Фета. **Ю. Б. 182.**

Духовное завѣщаніе Θ. В. Чижова (1877). **318.**

О письмахъ И. С. Аксакова къ роднымъ (1839—1860). **440.**

Русскіе землевладѣльцы въ „Старой Финляндіи". Статья **А. А. Чуликова. 99.**

Изъ Записной книжки «Русскаго Архива». **315.**

Въ приложеніи:

Замѣчанія о Бессарабіи Ф. Ф. Вигеля и Записки его, часть седьмая: окончаніе, съ Запискою о Керчи, радословною Вигелей и Панчулидзевыхъ, азбучнымъ указателемъ ко всѣмъ семи частямъ и съ портретомъ генерала Ильи Ивановича Алексѣева.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1893 года.

(Годъ тридцать первый).

Русскій Архивъ въ 1893 г. издается по прежнему двѣнадцатью тетрадями, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1893 году съ пересылкою и доставкою — девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за одну по 1 р. 25 к., за двѣ по рублю, за три по 80 к., за четыре и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Для личныхъ объясненій съ издателями—Четвергъ отъ 9 до 3 ч. дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива": **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.